

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ**

Н. КАРБЕВЪ.

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

Томъ VI.

ПОСЛѢДНЯЯ ТРЕТЬ XIX ВѢКА.

Часть II (1880—1900 годы).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин. 28.
1910.

Н.И. Кареев

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

Последняя треть XIX века
Часть II (1880–1900-е гг.)

«Академический проект»

Москва, 2019

УДК 94(100)"05/..."
ББК 63.3(0)4/6
К22

Кареев Н.И.

К22 История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Последняя треть XIX века. Часть II (1880–1900-е гг.). — М.: Академический проект, 2019. — 556 с. — (История Европы: эпохи).

ISBN 978-5-8291-2439-7

В настоящее издание входит капитальный труд известного русского историка и социолога Н.И. Кареева «История Западной Европы в Новое время» (изданный в 1893–1917 гг.), который охватывает значительный период европейской истории, начиная от позднего Средневековья до начала XX в. Книга написана на высоком теоретическом уровне с привлечением огромного количества источников. Исторические события освещаются в связи с общим культурным контекстом, что позволяет увидеть некоторые скрытые механизмы-двигатели исторического процесса и проследить процесс становления современного европейца. Книга издается впервые с момента своего выхода в свет.

Данная книга является второй частью тома, посвященного событиям последней трети XIX в., современником которых является автор. Отсюда огромный массив материала и сложность его обработки и оценки.

Две первые главы (XIII и XIV) второго полутома посвящены переходу от 1870-х к 1880-м гг. и анализируют общие явления международного характера (восточный вопрос, Тройственный союз и колониальная политика). В следующих пяти главах снова рассматривается внутренняя жизнь за последние два десятилетия XIX в., Германии (гл. XV), Франции (гл. XVI), Англии (гл. XVII), Италии (гл. XVIII) и Австро-Венгрии (гл. XIX); к ним можно прибавить еще главы о папстве (гл. XX) и о второстепенных государствах вообще за всю последнюю треть века (гл. XXI).

Последний отдел тома, состоящий из четырех глав, еще раз возвращает читателя к явлениям общего характера. Он открывается главой XXII об экономической эволюции Западной Европы в последние десятилетия XIX в. и завершается главой XXV о месте Западной Европы в мировой политике и торговле к началу XX в., середину же занимают главы о рабочем движении и социализме в конце века (гл. XXIII) и о духовной культуре за последние его десятилетия (гл. XXIV).

Книга может быть рекомендована как историкам-профессионалам, так и всем, кто интересуется историей Европы.

УДК94(100)"05/..."
ББК 63.3(0) 4/6

ISBN 978-5-8291-2439-7

© Составление, оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2019

Вместо предисловия ко второй части VI тома

I

Этой, второй частью шестого тома «Истории Западной Европы» оканчиваются вообще изложение истории XIX века, начатое в четвертом томе, и, в частности, изложение истории последней его трети, которой посвящен целиком весь шестой том. В предисловии, помещенном в первой части тома, объяснено, почему его пришлось разделить на два отдельных выпуска: он вышел слишком объемистым, гораздо большим, чем предыдущие томы¹ и чем первоначально предполагалось. В частности, и вторая часть далеко вышла из тех рамок, какие ей были предназначены, — обстоятельство, заставившее меня даже несколько урезать эту часть сравнительно с раньше намечавшейся программой отдельных глав.

Излагая историю последней трети XIX в., я вовсе не думал педантически ограничить себя восьмидесятыми годами, нигде не переходя через рубеж 1900 г., последнего в истекшем столетии. Моим намерением даже было включить в свое изложение некоторые наиболее важные события и явления начала XX в., раз эти события и явления завершали собой что-либо, начавшееся еще до 1900 г. Так, в истории Англии я имел в виду остановиться подробнее на войне с бурами, окончившейся в 1902 г., в истории Франции — на отделении церкви от государства, совершившемся в 1905 г., в истории Австрии — на введении всеобщего избирательного права, имевшем место в 1906 г., и т. п., но оказалось, что сколько-нибудь подробное изложение этих и других таких фактов, прямо требующееся самой близостью их к нашим дням, имело бы своим результатом совсем уже непомерное разрастание выпускаемой теперь в свет второй части VI тома.

Я с тем большей легкостью решился на операцию, которая может быть названа ампутацией, что у меня стал собираться и намечаться материал

---

¹ В IV томе 661 страница, в V — 886, в обеих же частях VI — 1037 (= 421 + 616). (Страницы указаны согласно изданиям 1894, 1898, 1909 гг. — *Прим. ред.*)

для дальнейшего продолжения «Истории Западной Европы» и, вместе с этим, складываться в голове план VII тома, где могли бы найти место и Бурская война, и отделение церкви от государства во Франции, и введение в Австрии всеобщего избирательного права, и большое еще количество других фактов. Не могу сказать, когда мне удастся — и удастся ли вообще — осуществить такое предприятие, потому что на очереди у меня есть и другие работы, требующие немалого времени для своего выполнения.

Одна из этих работ, поставленная в первую голову, имеет ближайшее отношение к только что законченному VI тому.

В предисловии, помещенном в первой части, я уже указал на то, что первые три тома «Истории Западной Европы» были мной резюмированы в небольшой книжке под заглавием «Философия культурной и социальной истории Нового времени», и что то же самое было мной потом сделано по отношению к четвертому и пятому томам в особой книжке, озаглавленной «Общий взгляд на историю Западной Европы в первые две трети XIX в.». Весьма естественно, что у меня возникла мысль написать подобный же обобщающий обзор и для последней трети XIX в. на основании материала, собранного и обработанного в обеих частях VI тома. Когда стала подходить к концу работа над этим томом, я начал исподволь обдумывать общий план нового обобщающего обзора, но мало-помалу пришел к совершенно иному решению, отчасти, пожалуй, подсказанному мне чисто внешним обстоятельством.

В последние годы профессорами всеобщей истории в Санкт-Петербургском университете был выработан и начал осуществляться план чередования общих курсов, вводящих, так сказать, в изучение отдельных эпох. По этому плану на мою долю выпали три годовых курса: один по эпохе абсолютизма, другой по Французской революции, третий по истории XIX в. Случилось так, что курс по истории XIX в. пришелся как раз на 1909/10 учебный год¹, к началу которого я надеялся окончить работу над VI томом. Занявшись выработкой программы университетского общего курса истории XIX в., — куда вошел бы и обобщенный обзор последней трети, — я, в конце концов, остановился на мысли об издании именно этого, цельного курса по истории прошлого столетия с помещением в нем, рядом с обобщениями, и главнейших единичных фактов². Если удастся, с ним я соединю алфавитный указатель к IV—VII томам «Истории Западной Европы», а сверх того предполагаю еще приложить к этому курсу, — если опять-таки успею, — несколько исторических карт, в которых, вместе с тем, охотно видел бы первый приступ к изданию больших размеров исторического атласа для истории XIX в.

¹ В 1907—1908 гг. был читан курс, легший в основу книги «Западноевропейская абсолютная монархия», в 1908—1909 гг. — по Французской революции.

² Программа этого курса прилагается к настоящему полутому.

В приложении ко второй части VI тома читатель найдет ряд поправок, дополнений и примечаний к общим частям этого тома. Поправки относятся к нескольким досадным недосмотрам, обязанным своим происхождением, главным образом, не всегда достаточной внимательности при корректуре. Что касается до дополнений, то их преимущественное содержание — библиография. За время составления VI тома и, в частности, за время его печатания, продолжавшегося почти полтора года, вышло в свет немало новых работ, указания на которые и представляют первую категорию библиографических дополнений. Другие две категории обнимают или работы, уже существовавшие раньше, но прежде почему-либо остававшиеся мне неизвестными, или же такие, которые в необходимые моменты оказывались забытыми, не занесенными на карточки либо занесенными на карточки, случайно попавшие при их сортировке не на свое место. Наконец, в особо редких, прямо исключительных случаях пришлось поместить в приложении примечания, которые могли бы найти место в подстрочных ремарках. Вообще, некоторые большие отделы тома набирались, корректировались и печатались во время моего пребывания в деревне или в заграничных курортах, где очень часто в моем распоряжении не могло быть необходимых пособий, прекращение же печатания книги в летние месяцы, когда я обладал наибольшим досугом для того, чтобы следить за этой работой, могло бы отсрочить выход книги в свет на неопределенно-продолжительное время. Из двух зол я и выбрал то, которое лично мне казалось меньшим, в каковом расчете и решил снабдить настоящий том, в приложении, поправками, дополнениями и примечаниями, хотя без них, большей частью, думается мне, громадное большинство читателей ничего, пожалуй, и не потеряло бы. Только желание дать наиболее полную библиографию руководило мной, когда я собирал материал для своих дополнений. И при всем том, однако, нельзя, разумеется, сказать, чтобы задача была совершенно выполнена. Есть одна работа, перед громадностью которой я остановился в нерешительности, но именно ввиду большого интереса, ею представляемого, я здесь о ней и заговорил.

В статье, предпосланной тексту первой части этого тома, было упомянуто о существовании в наших толстых журналах, начиная с шестидесятих годов, массы общих и более специальных статей, касающихся западноевропейской политической, социальной, экономической и культурной жизни за последнюю треть XIX в. В свое время эти статьи прочитывались мной, и по ним, главным образом, я знакомился с текущей исторической жизнью Запада: теперь могу только сожалеть, что не выписывал названий этих статей с отметками об их содержании. Быть может, кто-либо из наших библиографов взялся бы за труд приведения в известность и систематизации этого материала. В числе этих иностранных обозрений, хроник

заграничной жизни, статей об отдельных событиях, движениях, явлениях и т. п., корреспонденций из главных политических и культурных центров, я уверен, есть очень много таких, которые будут находить читателей и в настоящее время и не утратят значения в ближайшем, по крайней мере, будущем. Только желание не задерживать выход в свет настоящего тома, — который я позволяю себе считать необходимым, — удержало меня от менее нужной в данный момент работы над составлением библиографии русских журнальных статей указанного содержания для дополнений, прилагаемых к настоящему тому, хотя работа эта была бы с моей стороны данью благодарности русской прогрессивной журналистике за удовлетворение ею того интереса, с каким я относился к текущей жизни Запада, когда еще и в мыслях моих не было заняться более систематическим ее изучением для университетских курсов и для написания «Истории Западной Европы». Теперь, в сороковую годовщину начала своей университетской жизни студентом-первокурсником приема 1869 г., не могу, например, не вспомнить, что первыми моими шагами в деле ознакомления с западноевропейской современностью руководили тогдашние «Отечественные записки». В отношении к изучению Новейшей истории положение теперешней молодежи куда лучше, чем сорок лет тому назад, но и при всем том я не могу не радоваться, что многие теперь знакомятся систематически с историей последнего столетия по моим книгам и, в частности, по выпущенной уже в свет первой части этого тома. И если, действительно, суждено быть написанным еще и VII тому, моя радость будет еще большей.

31 августа 1909 г.

II

Во время печатания второй части VI тома я сделал перестановку двух последних глав сравнительно с первоначальным предположением. Об этом, разумеется, не стоило бы упоминать, если бы в разных местах и первой, и второй частей я не отсылал читателей к главам XXIV и XXV за теми или другими подробностями. Сама перестановка вызвана была тем соображением, что в прежнем плане глава, в которой излагаются идеи конца века, оказалась бы между двумя главами, посвященными преимущественно внешним отношениям эпохи.

Пользуюсь этим случаем, чтобы сказать несколько слов об этой последней главе. Как следует на нее смотреть, об этом достаточно сказано в тексте. Моей целью не было и не могло быть дать сколько-нибудь исчерпывающее изложение западноевропейской философии за три последние десятилетия истекшего столетия, но, в то же самое время, я находил, что без такой главы общая картина конца XIX в. не была бы достаточно пол-

ной. Конечно, эта картина вышла бы еще полнее, если бы отдельные главы были посвящены еще истории специальных наук, разных отраслей литературы (романа, театра, лирики, критики) и отдельных художеств, но все это — такие специальные сферы, рассмотрение которых могло бы быть только совершенно механически соединено с историей практических отношений политического, социального и экономического характера, составляющих с социологической точки зрения, саму суть истории. Наука, литература и искусство в очень и очень многих случаях стоят слишком далеко от злов текущего дня и имеют, так сказать, свою особую эволюцию, на которой или совсем не отражается, или отражается в весьма слабой степени эволюция общественных отношений. При том в этих областях первенствующую роль играют очень часто крайне специальные темы, каковы научные открытия и проблемы, методы науки, вопросы стиля, техники и т. п. в музыке или в изобразительных искусствах и пр. В развитии наук, литературы и искусств общего историка может интересовать не их специфическая, а общекультурная и общественная сторона, и там, где к этому представлялся случай, я не отказывался в истории XIX в. говорить и о фактах из истории естествознания, поскольку оно влияло на общее мирозерцание (например, о теории Дарвина), и о литературных явлениях, насколько таковые имели показательное значение для своего времени (например, о романтизме, о социальном романе, о натурализме), и о некоторых исторических сочинениях, в том или другом отношении интересных с общественной точки зрения (например, о разных историях Французской революции), и о тех или других фактах из истории социальных наук.

Конечно, с этой же точки зрения на одну доску со специальными науками, литературой и художествами можно было бы поставить и философию, ибо и она вместе с ними входит в одну обширную категорию духовного творчества, создающего óбок с реальным миром фактических отношений, который составляет главный предмет общей истории, еще особый идеальный мир наших представлений, настроений и стремлений, тем более что и в философии так много своего, особого, специфического. Если тем не менее для философии я сделал исключение, посвятив ей отдельную главу, то так я поступил, руководствуясь тем, что философия служит выражением общего мирозерцания эпохи и отражением общих ее настроений и стремлений. В этом отношении по своему значению для общего историка с философией может конкурировать только религия, тоже имеющая значение общего миро- и жизнепонимания, причем для каждой, т. е. и для религии, и для философии есть свое время. То, что в науке, в литературе и в искусстве дается из миро- или жизнепонимания разрозненным в виде частных научных истин или художественных образов и символов, в религии и в философии сводится к цельности и единству, а это для

общего историка и выдвигает вперед значение — религии для таких эпох, как Средние века или Реформация, философии для времен, подобных нашему. Как религия, так и философия есть устремление к универсальному и вечному, отрешение от местного и временного, от политических, социальных, экономических и культурных злоб текущего дня, и в то же время обе они вносят в разрешение вопросов текущего дня свои руководящие начала.

Вот какими соображениями я руководился, когда писал обе последние главы и пятого, и шестого томов, находящиеся между собой в теснейшей связи. Другое дело — само исполнение задачи: здесь я, конечно, не судья. Я предвижу, однако, возможность указаний со стороны на неравномерность, на пробелы и т. п. Что по этому предмету я считал нужным сказать, то уже было сказано мной в тексте. Здесь я только нахожу нелишним прибавить, что о неравномерности и пробелах можно говорить также по поводу и остальных глав и что об этом уже было упомянуто во вступительной статье первой части этого тома. Дополню прежние соображения указанием лишь на то, что при выборе фактов, в общем, я руководствовался большей или меньшей близостью их к тому, что составляет саму суть исторического процесса¹, хотя в подробностях, конечно, нередко, — притом, вполне сознательно и преднамеренно, — я от этого отступал, когда просто было жалко не отметить тот или другой интересный факт, то или другое мнение и т. п. Исключительная забота о равномерности и полноте могла бы привести только к схематизации материала по нескольким общим шаблонам, не говоря уже о том, что книга должна была бы непомерно разростись и получила бы, пожалуй, инвентарно-справочный характер. Я знаю, что многие читатели, которые стали бы искать, например, в последней главе все, что им захотелось бы узнать о философии Спенсера, Дюринга, Вундта и Фулье, т. е. все, что относительно каждого из них особенно интересно, будут недовольны неравномерностью и неполнотой моего изложения, но у меня и не могло быть намерения удовлетворить все требования, какие только вообще могут быть предъявляемы в исторической книге о столь близком прошлом.

Я невольно заговорил об этом отчасти под впечатлением, оставленным во мне некоторыми рецензиями о первой части тома. Помнится, в одной из них мне ставилось в упрек что-то вроде того, что я слишком-де много говорю о Лассале и Марксе, когда, по мнению рецензента, следовало бы, если мне не изменяет память, побольше говорить о Шиллере и Гёте: ожидаю, что и теперь с таким же основанием мне поставят в упрек, например, Спенсера при полном неупоминании о Рихарде Вагнере или Бёклине. Приходит на память еще и такой упрек, как указание на слишком боль-

---

¹ Конечно, как я его теоретически понимаю. См. особенно мою книгу «Сущность исторического процесса и роль личности в истории».

шую краткость упоминания у меня о балканских государствах после Берлинского конгресса, хотя, в данном случае, меня, по крайней мере, уже в самом заглавии вниги оправдывала «Западная Европа», в составе которой Балканский полуостров не значится. Да если бы даже и значился! Вот и теперь, в главе XXI настоящего тома, я посвятил обоим пиренейским государствам, несомненным образом, находящимся в Западной Европе, едва пять с половиной страниц, — соглашаюсь, очень мало, — но с точки зрения общего интереса я не нашел нужным говорить больше этого об испанских и португальских делах. Конечно, я пойму неудовлетворенность того, что взялся бы за эту часть «Истории Западной Европы» ради ознакомления, главным образом, с историей Испании, и даже готов буду разделить чувство неудовольствия рецензента, больше меня знакомого с историей Испании, но все-таки я буду считать себя правым в том, что ограничился в изложении испанских дел лишь самым необходимым. Поэтому, если мне вполне понятно огорчение одного рецензента, заявившего, что, как специалист по делам такой-то страны, он мог бы пожелать, чтобы читатель моей книги получил более, нежели в ней дается, то и себя самого, вместе с тем, я продолжаю считать в достаточной мере правым с более общей точки зрения.

Положение общего историка, т. е. общего и в смысле обзора целого ряда стран, и в смысле рассмотрения различных сторон жизни, делается особенно трудным, когда ему предъявляются требования, возможные лишь по отношению к историкам отдельных народов или отдельных сторон их исторического развития. Что было сказано о частных историях тех или других государств, может быть повторено и по отношению к специальным историям государственного строя и политических учений, хозяйственного быта и экономических теорий, внешней политики и международного права или, вот, хотя бы той же самой философии, о которой шла речь по поводу последней главы тома. Я очень хорошо предвидел, во время работы над настоящим томом, что специалисты по государственному праву, по политической экономии, по философии и т. п. найдут в моем изложении интересующих их предметов очень много пробелов, важных с их специальных точек зрения, но это будет уже совсем другой вопрос, насколько важным окажется то или другое упущение с более общей точки зрения, которую можно назвать здесь строго социологической, в отличие от точки зрения культурно-исторической в настолько широком смысле, что я оказался бы совершенно неправым, не дав места в своем изложении и таким вещам, как драмы Ибсена, картины Бёклина, оперы Вагнера, башня Эйфеля, изобретения Эдиссона, открытие рентгеновских лучей и очень-очень многое, притом весьма разнородное другое.

Кстати еще: я знаю, что есть исторические книги о XIX в., которые снабжают читателя и такими сведениями, и вполне оправдываю их суще-

ствование, но пусть каждый делает свое, лично же я менее всего думал о следовании общему шаблону и о том, чтобы ни одно громкое имя конца XIX в. не было пропущено в моем изложении, чем бы это имя в свое время ни прославилось.

31 декабря 1909 г.

Конец XIX века

XIII. Международные комбинации после Берлинского конгресса¹

Распадение союза трех императоров. — Взаимные отношения Германии и Австро-Венгрии после 1866 г. — Австрийское движение на Восток. — Австро-германский союз 1879 г. — Колебания Италии после 1870 г. между Францией и Средне-европейским союзом и причины ее перехода на сторону последнего. — Сила Тройственного союза в восьмидесятых годах. — Прежние попытки франко-русского союза. — Франко-русский союз девяностых годов XIX в. — Гагская мирная конференция. — Усложнение международных отношений эпохи колониальными предприятиями

Исход Берлинского конгресса расстроил соглашение трех императоров. Обнаружилось это, однако, не сразу.

Русский император продолжал думать, что лучшим обеспечением мира и впредь должен оставаться этот союз, в чем его особенно поддерживал второй уполномоченный на Берлинском конгрессе, гр. Шувалов, уже раньше находившийся в дружественных отношениях с Бисмарком, а на конгрессе сошедшийся довольно близко и с Андраши. Из своего посещения Вены осенью 1878 г. русский дипломат вынес наилучшие впечатления, — его там хорошо принимали и говорили ему о необходимости сохранения тройственного соглашения, но когда в скором времени гр. Шувалов

---

¹ Для истории международных отношений после Берлинского конгресса см. заключение к книге А. Debidou'a (т. II, с. 535—570), где дается краткий очерк 1878—1890 гг. с указаниями на отдельные работы (большая часть статьи в «Revue des deux mondes»); *Мартенс Ф.* Современное международное право (1900; изд. 4); *Лист.* Международное право (1902); *Блиох И.* Будущая война (см. об этой книге т. VI, ч. I; т. V — «Восстановление нарушенного равновесия посредством союзов», см. также обзор международных отношений после Берлинского конгресса); *Rathlef.* Bismarck und Österreich bis 1886 (1893); *Das Ende des Fürsten Bismarck in der auswärtigen Politik*; *Radbolzsky.* Die mitteleuropäische Friedensliga; *Valbert (Cherbuliez).* La triple alliance // *Revue des deux mondes.* 1883; *Geffken K.H.* Frankreich, Russland und der Dreibund (1893); *Hippeau.* Histoire diplomatique de la troisième république; *Bérard.* La France et Guillaume II; *Слонимский Л.* Франко-русский союз и международные иллюзии // *Вестник Европы.* 1887; *Daudet E.* Histoire diplomatique de l'alliance franco-russe (1894); *Jansen J.* Diplomatische Enthüllungen aus der Botschafterzeit des Baron von Mohrenheim. 1884—1898 (1908); *Tardieu A.* La France et les alliances. La lutte pour l'équilibre (1909); книга о французской дипломатии при Третьей республике). Что касается до новейших проявлений стремления к международному миру вообще и в частности о Гагской конференции, то об этом: *Fried A.H.* Die moderne Friedensbewegung (1907); *Он же.* Die Haager Friedens-Konferenz (1900); *Pillet A.* La cause de la paix et les deux conférences de la Haye; *Meurer Chr.* Übersicht über die Arbeiten der Haager Friedenskonferenz (1899); *Merignac.* La conférence de la paix (1900); *Holls.* The peace conference at the Hague (1900); *Martens Th.* La conférence de la paix à la Haye (1900); в 2 т. четвертого изд. «Современного международного права» проф. Мартенса имеется изложение гагских конвенций); *Brusa.* La conférence de la Haye et ses résultats // *Revue gén. de droit intern. public.* 1899; *Lapradelle* (статья под тем же заглавием и там же); *Olivart* (то же); *Iessen B.* О значении гагской конференции (1900).

снова посетил Андраши в Будапеште, то сам первый разочаровался в политике венского двора. Русские послы в Вене и Берлине (Новиков и Убри) доносили тоже — и очень согласно, — что между Германией и Австро-Венгрией замечается более тесное сближение. Факты были, между прочим, такие. Обе державы осенью 1878 г. отменили с обоюдного согласия одну статью пражского договора 1866 г., признававшую за Данией право на возвращение ей северных округов Шлезвига, что Пруссией не было выполнено и, при сохранении статьи, очень смущало прусское правительство. В международных комиссиях, приводивших в исполнение на Балканском полуострове отдельные статьи Берлинского конгресса, австро-венгерские уполномоченные всегда действовали против русских, вместе с английскими поддерживая турок, а германские становились тоже на точку зрения, неблагоприятную для России. Наконец, под предлогом появления в России чумы¹ Германия и Австро-Венгрия совместно приняли на западной русской границе ряд мер, разорительных для русской торговли с обеими империями, не нашедши даже нужным сообщить об этом русскому правительству. Эти донесения подействовали на Горчакова, до того времени бывшего одним из горячих сторонников союза с Германией и Австро-Венгрией, но уже поколебавшегося в своей вере в этот союз после того, что он пережил во время Берлинского конгресса. Свое неудовольствие на обе державы, в особенности на Германию, он выражал очень открыто в наставлениях, которые посылал русским послам при обоих дворах. Он даже прямо высказывался в том смысле, что фактически соглашение расторгнуто поведением Германии и Австро-Венгрии и что России остается только ликвидировать прошлое, а в будущем полагаться лишь на саму себя. Бисмарк чувствовал и знал, что в России были обижены его поведением на конгрессе, стал поэтому избегать свиданий с русским послом, а во время свиданий больше напирал на то, что Россия находится в бедственном положении и что русскому правительству нужно энергичнее вести борьбу с внутренней смутой. Его сильно раздражали нападки русской печати на его «честное маклерство», и германская официозная печать, получавшая от него внушения, заговорила в самом недружелюбном тоне о России. Александр II продолжал все-таки крепиться в привязанности к идее тройственного соглашения, верный семейным традициям дружбы с Пруссией, лично расположенный к своему дяде Вильгельму I и убежденный в том, что соглашение важно для поддержания монархического принципа и общего мира. Долгое время в разговорах с германским и австро-венгерским послами он только жаловался на отдельные неприятные факты, охотно признавая их недоразумениями и только выражая желание, чтобы более они не повторялись. Оба дипломата упорно отмачивались, и разговоры

---

¹ Знаменитой «ветлянской».

оставались без результата. Русский император даже лично (в письме летом 1879 г.) жаловался Вильгельму I на то, что германская политика не соответствует исконной дружбе между обоими государствами, и намекал на Бисмарка, как на виновника германской некорректности¹. Получив такое письмо, смущенный его содержанием и тоном, Вильгельм I отправил его к Бисмарку для составления на него ответа. Имперский канцлер исполнил поручение своего государя, составив весьма успокоительный ответ, который подействовал на Александра II самым превосходным образом. Находясь на маневрах в Царстве Польском, он выразил бывшему на них прусскому фельдмаршалу Мантейфелю желание поскорее встретиться и объясниться со своим дядей, — бывшим в то время тоже на маневрах в Восточной Пруссии. Вильгельм I немедленно на это согласился, и между обоими государями произошла встреча на русской пограничной станции железной дороги между Варшавой и Берлином, Александрове. В это время германский император уже знал о важных переговорах, которые Бисмарк вел с Австрией. В Александрове свидание состоялось 22 августа (ст. ст.), и на нем Александр II уже откровенно стал жаловаться на Бисмарка, который, по-видимому, перенес злопамятство против раздражившего его в 1875 г. Горчакова на саму Россию. Со своей стороны, германский император жаловался русскому государю на русскую периодическую печать, постоянно нападающую на Германию, что со стороны германской печати вызывает только естественную самозащиту. Вильгельм I даже особенно настаивал (в разговоре с приехавшими в Александрово русскими министрами), что главная виновница размолвки — враждебная Германии пресса в России, которая требует обуздания. Результатами свидания Александр II остался очень доволен и, хотя и высказывался неблагоприятно об австрийской политике, которая была во время войны, как и всегда, косоватой (*louché*), тем не менее радовался тому, что главное достигнуто: «нужно, чтобы мы и впредь втроем твердо держались друга за друга». Старый император поспешил сообщить Бисмарку обо всем, что говорилось в Александрове, но скоро должен был узнать, что его собственные заверения находились в полном противоречии с тем, что делалось самим Бисмарком как раз в это время.

Новым делом Бисмарка был направленный против России союз Германии с Австрией.

---

¹ Иным не может быть смысл следующего места в этом письме: «c'est-ce digne d'un véritable homme d'état de faire entrer dans la balance une brouille personnelle quand il s'agit de l'intérêt de deux grands états» и т. д.? *Татищев* С. Император Александр II. Т. II. С. 666. Вражда Бисмарка к Горчакову ни для кого не была секретом, и один раз, в 1878 г., Шувалову, во время переговоров о созыва конгресса, пришлось указывать Бисмарку, что дело не в личных отношениях его к Горчакову, а в политических отношениях двух монархий. Сам Александр II в этом смысле потом лично высказался Вильгельму I.

В политические планы Бисмарка никогда не входило сделать из Австрии вечного врага Пруссии. В 1866 г. он настоял на том, чтобы Вильгельм I отказался от своего намерения совершить триумфальный въезд в Вену и получить территориальное приращение Пруссии от Австрии¹. Еще до конфликта 1866 г. он пытался убедить австрийского посланника в Берлине, что венскому двору лучше добровольно уступить первенство в Германии Берлину, а центр тяжести Австрии перенести на Восток. После войны 1866 г. он еще более настаивал перед самим Францем-Иосифом на том, чтобы он обратился к более деятельной восточной политике, целью которой должны были быть как раз Босния и Герцеговина, граничащая с Далмацией. Бисмарк даже прямо предлагал австрийскому императору поддержку Германии в приобретении от Турции этих двух областей. Пока Франц-Иосиф рассчитывал еще при помощи Франции вернуть своей монархии прежнее значение в Германии, он оставался глух к подобного рода предложениям, но после разгрома Франции в Вене начали относиться более внимательно к советам Бисмарка и к предлагавшемуся им союзу. Сначала перед свиданием в Берлине трех императоров в 1872 г., по-видимому, во встрече австрийского государя с прусским не предполагалось участия Александра II, и как раз в то время, как устраивался союз трех императоров, между Германией и Австрией состоялось соглашение, скрытое от России, по которому Германия давала обязательство помочь Австрии получить вознаграждение за свои потери в Италии и Германии из турецких владений на Балканском полуострове. Мы уже видели, как это при содействии Германии было достигнуто венским правительством после войны 1877–1878 гг.

Австрийский *Drang nach Osten*² нужен был Бисмарку и в другом отношении. Как ни разошлись интересы Габсбургов и Гогенцоллернов в Германии, все-таки обе эти династии были династии германские, а Австро-Венгрия в главной своей половине была государством немецким. Если при объединении Германии Австрию пришлось исключить из новой империи, то это еще не значило, что между Германией и Австрией не могло бы образоваться, ради общенемецких племенных интересов, все-таки некоторой связи. Немецкая Австрия была для Германской империи своего рода форпостом на Балканском полуострове и в направлении к южным морям того, что вообще называется «*Deutschtum*», германизма с его национально-культурными и национально-экономическими интересами. Бисмарк хорошо понимал, что особый союз с Австрией будет одобрен всеми германскими партиями, кроме одних социал-демократов, и что в Австрии за него будут стоять также все немцы. Он рассчитывал и на то, что в мадьярах,

¹ Вильгельм I хотел получить часть Силезии, оставшуюся после Семилетней войны во власти Австрии, и немецкие округа Богемии.

² «Натиск на Восток» (нем.). — *Прим. ред.*

которые тогда держались за единение с немцами по ту сторону Лейты, союз с Германией тоже будет популярен. Таким образом, направленная Бисмарком на Восток, Австро-Венгрия будет там служить экономическим и политическим интересам Германии.

Некоторые немецкие историки утверждают, будто Бисмарк тяготел более к особому союзу с Россией, нежели с Австро-Венгрией, и будто он предпочел второй союз первому только вследствие вызывающей политики России. Его, действительно, тревожил призрак «старой кауницевской¹ коалиции» Австрии с Россией и Францией, и раз возможным уже было одно сепаратное соглашение, остававшееся некоторое время ему неизвестным, между санкт-петербургским и венским дворами, то почему бы подобному соглашению и не повториться во вред Германии? Тревожило его и то, что Андраши покидал свой пост вследствие замены в Вене либерально-немецкого министерства кн. Ауерсперга новым, феодально-консервативным, более расположенным к России, нежели к Германии, и вот он решился действовать как можно скорее, чтобы связать монархию Габсбургов с империей Гогенцоллернов. Поездка Вильгельма I не соответствовала его планам, и он старался убедить своего монарха в том, что поспешность, с какой он отозвался на зов русского императора, не согласна с его достоинством, что письмо Александра II включает в себе угрозы и вызовы², что в России готовятся к войне и ищут союза с Францией и Италией, и что ввиду этого Германия и Австро-Венгрия должны заключить оборонительный союз против России, иначе оставленная Германией Австро-Венгрия вынуждена будет соединиться с Францией и, пожалуй, с самой Россией. Вместе с тем Бисмарк сообщил Андраши, что в скором времени предстоит союз России с Францией, на что Андраши ответил словами: «против русско-французского союза единственный ответный ход (*Gegenzug*), это — союз австро-германский». Бисмарку, как он рассказывал, было сделано

---

¹ Имеется в виду князь Венцель Антон Кауниц — с 1751 г. австрийский посол в Париже, затем канцлер Австрии. Проводил враждебную Пруссии политику. — *Прим. ред.*

² Письмо Александра II, имеющееся в печати (см. выше), отнюдь не производит такого впечатления; наоборот, тон его эгегический. Между тем немецкий историк Новейшего времени Egelhaaf находит в двух его местах угрозы. Одно место передано так: «wenn Deutschland an seiner Weigerung festhalte, bei orientalischen Streitigkeiten seine Stimme ein für allemal im Sinn Russlands abzugeben, so könneder Friede zwischen Deutschland und Russland nicht dauern», а затем — письмо «stellte das deutsche Reich offenbar vor der Wahl, sich entweder zum Schleppträger der russischen Politik in orientalischen Fragen herabzuwürdigen oder sich eines Angriffs zu versehen». В письме, на самом деле, Александр II только говорит о своей обязанности обратить внимание дяди «sur les tristes conséquences que cela pourrait amener dans nos rapports de bon voisinage en aigrissant nos deux nations l'une contre l'autre, comme la presse des deux pays commence à le faire» (это одно место с указанием на работу недругов, не могущих переварить союз трех императоров) и о потребности не скрыть от своего дяди «les craintes qui me préoccupent et dont les conséquences pourraient devenir désastreuses pour nos deux pays» (это — другое место). Одним из утверждений Бисмарка было еще, будто Александр II в свое время колебался между войной с Австрией (для отобрания Галиции) и войной с Турцией.

такое сообщение с французской стороны, но, вместе с тем, было, как он же сам передает, сообщено и об отклонении этого предложения. Об этом последнем обстоятельстве Бисмарк, по-видимому, умолчал в разговоре с Андраши, сославшись зато на угрозы, с какими Александр II обратился к германскому императору в своем письме. Подготовив, таким образом, почву, германский имперский канцлер предложил австро-венгерскому министру увенчать свою деятельность заключением союза между обеими империями и притом не обычного международного союза, а такого, который был бы своего рода их внутренним законом, принятым германским рейхстагом и австро-венгерскими делегациями и подлежащим, в случае надобности, отмене не иначе, как тем же порядком, причем этот необычный союз должен был быть явным. Это предложение ясно обнаруживает всю широту бисмарковского замысла в этом деле, но Андраши не согласился идти так далеко, чтобы превратить габсбургскую монархию в нечто вроде аннекса¹ к Германской империи. Согласие его простиралось лишь на заключение тайного договора чисто оборонительного характера и на тот только случай, если бы на одну из договаривающихся держав напала Россия. Бисмарк сразу не посвятил Вильгельма I в сущность этих переговоров, а Андраши сообщил о них Францу-Иосифу, который одобрил план своего министра, находя, что он отнюдь не находится в противоречии с политикой охраны мира между тремя империями, и даже просил своего министра не покидать своего поста до подписания договора. Гораздо труднее было Бисмарку склонить к новой политической комбинации Вильгельма I. Письмо Александра II было представлено, как первый шаг к разрыву, но, получив от Бисмарка доклад с указанием на необходимость союза с Австро-Венгрией накануне отъезда в Александрово, император телеграфировал канцлеру, чтобы без предварительного с его стороны утверждения тот не принимал решения в переговорах с Андраши, послав вдогонку письмо, где говорилось, что предложение не соответствует его собственным взглядам и что свидание в Александрове выяснит, действительно ли это нужно. Бисмарк, находившийся тогда в Вене, не скрыл от Андраши, что от Вильгельма I согласие получить будет крайне трудно. Сам он этого добивался, письменно настаивая на том, чтобы ему были даны полномочия на заключение договора с перспективой расширить его со временем в целую европейскую коалицию против России. Старый император возражал «железному канцлеру», что он жестоко ошибается относительно России, как это ясно показало александровское свидание, и ссылаясь при этом на фразы самого же Бисмарка в успокоительном ответе русскому императору. Бисмарк настаивал, грозя отставкой, и Вильгельм I мало-помалу начал усту-

---

¹ То есть пристройки, крыла, флигеля. — *Прим. ред.*

пать, хватаясь лишь за разные ограничения и оговорки. Полномочия в конце концов Бисмарку были даны, но император говорил одному из приближенных, что поступил он так только скрепя сердце, потому что благоразумие подсказало ему, что нужно послушаться столь верного и опытного советника, как Бисмарк.

В Вене Бисмарк был принят с большим почетом при ликовании населения, которому соответствовал во всей монархии и общий тон немецкой и мадьярской прессы. Это была полная победа Бисмарка над застарелым недоверием Франца-Иосифа к Пруссии. Австрийский император долгое время мечтал о реванше за 1866 г. в союзе сначала со второй империей, потом с восточной своей соседкой, но теперь он разделял убеждение Андраши, что для прочности и благосостояния его монархии единственно нужен союз с Германией¹. Вильгельм I соглашался на договор без упоминания в нем имени России, но и Андраши, и его предполагаемый преемник, барон Гаймерле, настаивали на том, чтобы именно там была названа Россия, дабы не испортить отношений Австро-Венгрии с Францией или Англией, которые могли бы подумать, что договор имеет в виду и их. После долгих обсуждений разных политических вопросов, касающихся обеих империй, был составлен проект конвенции между ними, где говорилось, что обе они заботятся, прежде всего, о своей безопасности и спокойствии подданных, что цель эта будет достигнута лучше всего, если между ними установится тесное сплочение, подобное тому, которое существовало в Германском союзе, и что такое их шествие рука об руку только будет служить интересам европейского мира, никому ничем не угрожая. Если бы на одну из них напала Россия, другая должна помочь своей союзнице всеми своими вооруженными силами и без нее не заключать мира, тогда как в случае нападения какой-либо иной державы от союзной империи требуется только соблюдение дружественного нейтралитета, раз только нападающей державе опять-таки не окажет помощь Россия. Для избежания всяких жетолкований этого договора он должен был храниться в строжайшем секрете и мог бы быть сообщен какой-либо третьей державе лишь с обоюдного согласия обеих империй. Надеясь на миролюбивые заверения русского императора в Александрове, договаривавшиеся правительства не должны были ему сообщать об этом соглашении, но если бы такая надежда не оправдалась, то долг чести заставит их сделать России надлежащее предупреждение. Франц-Иосиф не за-

¹ Ср. то, что об этом говорится в первой части этого тома. Мадьярские историки и публицисты очень хвалят Андраши за то, что он сумел дать отпор Бисмарку и сохранить независимое по отношению к нему положение, тогда как преемники его превратили Австро-Венгрию в «планету германской солнечной системы». *Mercator. Die Nationalitätenfrage und die ungarische Staatsidee* (1908). С. 45 и след. «Unsere Diplomatie wandelt seit Andrassy auf falschen Bahnen». С. 48. Не нужно забывать, что Андраши, собственно говоря, только подготовил союз 1879 г., так как в это же самое время он вышел в отставку.

медлил утвердить договор, но Вильгельм I, увидев, что ни одна из его оговорок не была принята во внимание, сначала решил его не утверждать, о чем и написал Бисмарку, заявив, что он «не способен на такой предательский поступок», и предложив пригласить и Россию к участию в договоре. Бисмарк созвал тогда всех имперских и прусских министров и от их лица заявил Вильгельму I, что все они подадут в отставку, если акт, столь необходимый для государственной безопасности, не будет утвержден. Это заявление было отправлено в Баден-Баден, где тогда находился император. Кроме того, его убеждал не сопротивляться и наследный принц. Все новые предложения, какие делал Вильгельм I, чтобы лишить договор характера предательства, отвергались Бисмарком и Андраши, несмотря на то, что и Вильгельм I грозил отречением от престола, когда увидел, что не помогают ни мольбы, ни слезы, ни заявления о его нежелании себя обесчестить. В конце концов договор был подписан в начале октября 1879 г., и для императора Бисмарком было сочинено письмо к Александру II, которое он, Вильгельм I, должен был собственноручно переписать и послать по адресу. Дело в нем представлялось так, что расторгнутый в 1866 г. союз Пруссии, Австрии и германских государств продолжает жить в сознании немцев, и что поэтому решено восполнить пустоту (*le vide*), образовавшуюся от распада прежнего союза. Александр II приглашался одобрить это, как укрепление соглашения трех императоров. К письму был приложен не сам договор, а составленный Бисмарком и Андраши меморандум. На случай запроса со стороны России о подробностях дела Бисмарком был приготовлен мемуар, где дело представлялось так, будто соглашение имело в виду помешать заключению союза Австро-Венгрии с Францией против Германии, но в этой объяснительной записке не оказалось никакой надобности, потому что русский император принял все в письме своего дяди за чистую монету. Ответное письмо, написанное Александром II, не оставляет в этом ни малейшего сомнения. «Присоединяясь» к принципам, изложенным в меморандуме, и «приступая вследствие этого к соглашению» между обеими империями, он «с удовольствием усматривал в нем (*«j'aime à y voir»*) возвращение к совершенному согласию трех императоров».

Пожалуй, и в ответе императора, как и в письме, его вызвавшем, с большей обстоятельностью говорилось о русской злобе дня, о «панславистских тенденциях» в прессе и о «субверсивных происках нигилистической партии». Политическое соглашение между Германией и Австро-Венгрией было дополнено и соглашением экономическим в смысле торгового договора, на основании которого обе державы стали одна к другой в положение наиболее благоприятствуемой стороны. Бисмарк находил, что союз восстановил только то, что уже существовало до 1866 г., но было разрушено вследствие сопротивления, оказанного Австрией прусской гегемонии

в Германии. Теперь старый антагонизм между обеими великими немецкими державами был устранен, и хорошие отношения между ними более не нарушались никакими спорными вопросами. Вместе с тем, Бисмарк, как он выражался, вовсе не думал совсем оборвать проволоку, соединяющую Берлин с Санкт-Петербургом. В 1884 г. ему удалось устроить как бы возобновление союза трех императоров на свидании в Скерневицах (в Царстве Польском) между Вильгельмом I, Францем-Иосифом и Александром III, который лично не был расположен к Германии. Вскоре отношения между Германией и Россией опять испортились, когда в руки Александра III в 1887 г. попали документы, доказывавшие, что Германия поощряла Фердинанда Кобургского занять болгарский престол вопреки согласию России, но Бисмарк убедил русского императора, что документы были злостной подделкой с целью посорить Германию с Россией. Он даже устроил на три года особое соглашение между обеими державами вроде, так сказать, перестраховки («Rückversicherungsvertrag», как его называют немцы), в силу которого Германия и Россия обязались взаимно дружественным нейтралитетом в том случае, если одна из них с какой бы то ни было стороны подвергнется нападению. Новый договор не касался случая, когда сама Россия сделала бы нападение, что оставляло в полной силе заключенный в 1879 г. союз с Австро-Венгрией. Впрочем, в отношениях между Россией и ее ближайшими западными соседками все время продолжала оставаться натянутость. Место, которое занимала Россия в союзе трех императоров, вскоре после его распада досталась Италии.

Италия после 1870 г. долгое время держалась «политики свободных рук», не доверяя Франции, в которой велась агитация в пользу восстановления папской власти, и не имея возможности сблизиться с союзом, в котором участвовала Австрия, ее давнишний недруг. Эта «политика свободных рук» состояла в том, чтобы не связывать себя никакими договорами, которые налагали бы на Италию какие-либо обязательства, чтобы быть совершенно свободной в выборе линии поведения сообразно с обстоятельствами. Но у этой политики обнаружилась и неудобная сторона, которая заставила Италию в начале восьмидесятых годов отказаться от прежней системы и искать вступления в союз среднеевропейских держав.

Недоверие Италии к Франции прекратилось с переходом власти в этой стране от монархистов к республиканцам, от которых, конечно, папство не могло получить помощь для возвращения себе светской власти над Римом. В Италии стала обнаруживаться склонность к сближению с Францией, где, в свою очередь, такие люди, как Гамбетта и Жюль Ферри, считали нужным ладить с Германией и даже пользоваться ее содействием в достижении некоторых политических планов.

«Культуркампф», который велся в Германии в семидесятых годах, очень интересовал Гамбетту, видевшего в клерикализме наиболее опасного врага республики, и он начал искать сближения с Бисмарком через одного своего приятеля, силезского графа Доннерсмарка. Имперский канцлер отклонил попытку Гамбетты войти с ним в непосредственные сношения, находя, что время для этого еще не пришло, и что сам Гамбетта этим может только себе повредить во Франции. Некоторое сближение, происшедшее вскоре между Германией и новым папой Львом XIII, не особенно благоприятствовало каким-либо соглашениям относительно борьбы с католицизмом, но в самом начале восьмидесятых годов бывший другом Гамбетты Жюль Ферри решился воспользоваться Германией для укрепления позиции Франции на Средиземном море посредством захвата Туниса. Именно, он сделал запрос в Берлине, как отнеслись бы там к тому, если бы Франция наказала тунисцев за разные причиненные ей неприятности, на что Бисмарк ответил, что лично он ничего не имеет возразить против завоевания Туниса, так как вне Европы Франция может-де делать, что ей угодно. Мы еще увидим в другой связи, что Франция очень скоро справилась с Тунисом, и почему к покорению ею этой африканской области в Италии должны были отнестись с величайшим огорчением. Итальянское правительство обратилось к Англии за содействием против Франции, но получило оттуда сухой ответ: в Риме не знали, что Англия еще ранее, чтобы укрепить за собой Кипр, обещала Франции в виде компенсации обладание Тунисом. Таков был результат «политики свободных рук». Правительство стало тогда увеличивать свои сухопутные и морские силы и подумывать о прочном союзе со средне-европейскими державами. Сближение с Францией было оставлено, и были приняты меры против неприязненного по отношению к Австрии ирредентизма. За союз с Францией стояли в Италии радикалы и республиканцы, для которых выборы 1882 г. оказались неблагоприятными, что облегчало выполнение правительственного плана относительно вступления Италии в союз с Германией и Австро-Венгрией, который диктовался также, — думали в Италии, — и необходимостью консолидировать монархию против республиканцев. Обе средне-европейские державы охотно пошли навстречу Италии, король которой посетил Франца-Иосифа. В 1882 г. австро-германский союз превратился в «тройственный союз», который обеспечивал за Германией Эльзас-Лотарингию, за Австро-Венгрией Боснию с Герцеговиной, за Италией Рим. Хотя все члены этого союза должны были поддерживать друг друга во всех вопросах международного характера для укрепления престижа и действительной силы союза, но его значение для Италии умалось тем, что по отношению к Средиземному морю Германия и Австро-Венгрия не давали ей никаких специальных гарантий. Тройст-

венный союз на долгое время сделался самой значительной политической силой в Европе¹.

Первенствующую роль в тройственном союзе, разумеется, продолжала играть Германия, канцлер которой по-прежнему держал в своих руках все нити европейской политики. По отношению к территории и ко внешнему могуществу Бисмарк считал Германию вполне «насыщенной» (*saturiert*), но лишь в самой Европе, которой до начала восьмидесятых годов германская политика только интересовалась. Бисмарк приписывал «необычайной мере глупости и извращения правды (*Verlogenheit*) в общественном мнении и печати России» предположение, что у Германии есть агрессивные тенденции, выразившиеся в Тройственном союзе. Извращение истины, или умышленную лживость он ставил в вину польско-французским интригам, глупости приписывал чисто местное происхождение. Каковы бы ни были цели бисмарковской политики, ее интересы ограничивались пределами Европы во весь этот «классический», как охотно выражаются немцы, период деятельности «создателя германского единства». Таким же оставалось и направление германской политики в первые годы после отставки Бисмарка в 1890 г. Основными чертами политики Бисмарка в эпоху тройственного союза были натянутые отношения к России, полная отчужденность по отношению к Франции и неблагоприятное настроение по отношению к Англии. Тогда, в бисмарковское время, у Германии еще не было таких материальных интересов, которые могли бы приводить ее во враждебные столкновения с Англией: известная неприязнь к ней в Германии вытекала лишь из того, что эта ближайшая соседка Франции очень плохо соблюдала нейтралитет, обещанный ею Германии, снабжая Францию оружием, и что вообще англичане держали себя высокомерно по отношению к немцам по старой памяти о тех временах, когда Германия была политическим и экономическим ничтожеством. Только либеральные круги уважали Англию, как образцовое конституционное государство, но большая часть националистической прессы в Германии только и твердила о грубой и вероломной политике Англии. Однако никакой тогда англо-

¹ Военные силы Тройственного союза в самом конце XIX в. определялись в тысячах человек таким образом:

	Германия	Австро-Венгрия	Италия	Итого
В мирное время	521	317	249	1023
В военное время	2370	1159	1164	4693

Одновременно с этим силы позднее вступивших между собой в союз России и Франции представлялись в таком виде:

	Россия	Франция	Итого
В мирное время	946	552	1498
В военное время	2729	2005	4734

Из этого сопоставления видно, что силы Тройственного и Франко-русского союзов были в то время на случай войны приблизительно одинаковы. Заключение Тройственного союза немало содействовало дальнейшему развитию милитаризма.

германской войны не предвиделось, и при заключении Тройственного союза Англия совсем не имелась в виду: опасными для Германии считались только Россия и Франция. И возникший, уже после отставки Бисмарка, в противовес Тройственному союзу союз франко-русский имел в виду исключительно европейские отношения. Переход Германии к мировой политике явление более позднее.

Тройственный союз, объединявший всю центральную Европу от Немецкого и Балтийского морей на севере и Средиземного и Адриатического на юге, при изолированности, в какой очутились две остальные великие державы материка, представлял собой самое большое политическое могущество этой эпохи. К этой силе стали тяготеть по тем или другим причинам более мелкие политические единицы, и с отдельными членами союза начали сближаться, как Англия, так и Россия, именно Англия — сначала с Италией, рассорившись с Францией и Россией из-за своих внеевропейских отношений¹, потом с Германией, которой даже возвратила остров Гельголанд, захваченный в эпоху наполеоновских войн, а Россия — с Германией вследствие дурных своих отношений к Англии. Даже Франция для устройства своих африканских дел тоже пошла на сближение с Германией². Свою силу тройственный союз обнаруживал в течение всех восьмидесятих годов. Когда в 1885 г. Восточная Румелия вопреки Берлинскому конгрессу присоединилась к Болгарии, великие державы отказались признать этот переворот законным, но это не помешало Австро-Венгрии прямо взять объединенную Болгарию под свое покровительство, к величайшему неудовольствию русского императора. В России печать опять заговорила в тоне весьма враждебном по отношению к Австро-Венгрии и Германии, а одновременно с этим и во Франции стала шумливо проявлять себя лига патриотов, вызывавшая к реваншу³. Два незначительных пограничных инцидента, арест германскими властями на французской границе некоего Шнебеля, по должности французского полицейского комиссара, и убийство на французской территории германским солдатом француза-охотника, были раздуты в общественном мнении и в печати до размеров событий, за которыми неминуемо должна была начаться война. Воинственное настроение и во Франции, и в Германии во второй половине восьмидесятих годов, о котором речь еще впереди⁴, было действительной угрозой европейскому миру, и это тогда Бисмарк сказал свое знаменитое: «мы, немцы, боимся Бога и больше ничего на свете», а также опубликовал содержание австро-германского договора 1879 г. (1888), что, однако, не

---

¹ Из-за Египта, Индо-Китая и Афганистана, о чем в следующей главе.

² См. о берлинской конференции в следующей главе.

³ См. ниже, в гл. XVI.

⁴ См. гл. XV и XVI.

повлекло за собой отмены русско-германского договора о нейтралитете, срок которого оканчивался лишь в 1890 г.

Улучшившиеся было на некоторое время в середине восьмидесятых годов русско-германские отношения во второй половине этого десятилетия настолько испортились, что в Берлине начался настоящий поход против русских бумажных ценностей на германских биржах, и усиленная продажа большого количества русских процентных бумаг их владельцами наносила ущерб русскому государственному кредиту и поселяла тревогу относительно прочности мира. Россия была изолирована, и в 1889 г. Александр III констатировал это, сказав на придворном обеде в честь приехавшего в Россию черногорского князя, что этот государь является «единственным действительным другом России»; это даже отразилось на временном падении курса русского бумажного рубля. Столь же изолированной в эти годы силы тройственного союза чувствовала себя и Франция.

Во Франции, кроме стремления к реваншу, немалую роль играла и боязнь новой войны с Германией, как это показал известный инцидент 1875 г. Французы не без боязни за очень близкое будущее отмечали, что в росте своего населения Германия¹ сильно обгоняет их отечество. Ежегодный прирост во Франции был довольно незначителен, да и то отчасти был обязан происхождением переселенцам из Бельгии и Италии². В 1870 г. население Франции и Германии в смысле численности было почти одинаково (по 40 приблизительно миллионов), но в 1871 г. Франция лишилась двух провинций, где прирост населения, — не так, как в других ее частях, — был вообще нормальным; без них в 1872 г. она имела жителей только 36,1 млн. Через двадцать лет после начала войны Германия уже насчитывала около 50 млн жителей, Франция — 38 с небольшим млн, что составляет цифру, какая была перед войной. Франция должна была увеличивать свою армию в соответствии с увеличением германской, а это было трудно, раз Германия обгоняла в смысле роста населения. Осенью 1886 г. Бисмарк потребовал у рейхстага усиления германской армии в мирное время с 427 тыс. до 468 тыс., т. е. на 41 тыс. человек, другими словами без малого на 10%. «Ни одна газета, — сказал он в своей речи в рейхстаге в начале 1887 г., — ни один голос во Франции не отказались от Эльзас-Лотарингии, и каждую минуту там может очутиться у власти правительство, которое начнет войну. Она может вспыхнуть через десять лет или через десять дней, мы не знаем. В сравнении с этой войной та, которая была в 1870 г., будет детской

¹ О росте населения Германии см. в следующей главе.

² *Bertillon J.* Le problème de la dépopulation (1897); *Анский С.* К вопросу о народонаселении во Франции («Русская мысль» за 1897 г., июль); *Bonvalot.* Sommes-nous en décadence? (1898; изд. 4-е); *Bérenger H.* La conscience nationale (1898); *Levasseur E.* La population française (1889—1892); *Idem.* Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième republique (1907). P. 280—295: «Population française»; *Piot M.* La dépopulation, enquête personnels (1902); *Гольдштейн.* Проблемы населения во Франции (1903) и др.

забавой (Kinderspiel). Каждая сторона будет стремиться к тому, чтобы *saigner à blanc*¹ другой, выпустить из нее всю кровь (*ihm solange zur Ader zu lassen, bis die Blutleere eintritt*), дабы ниспровергнутый враг не мог подняться на ноги и тридцать лет не мог подумать о возможности снова помериться с победителем». В 1888 г. Бисмарк предложил еще и реформу ландвера перечислением в него из ландштурма всех старше 33 и моложе 39 лет с тем, чтобы в ландштурме были люди 40—45-летнего возраста. Защищал он необходимость этого закона ссылкой на существование воинственных стремлений во Франции и в России, и говорил, что с принятием этого закона Германия будет в состоянии выставить на каждой своей границе по миллиону солдат: это было бы равносильно тому, как если бы к тройственному союзу присоединилась еще одна великая держава с армией в 700 тыс. человек. Затронь только Германию, и вся страна от Мемеля до Боденского озера взорвется, как пороховая мина, и покажет, что такое — *fulgor tectonicus*²!

Так продолжалось до отставки Бисмарка уже при Вильгельме II в 1890 г. Причины последней, как мы увидим³, лежали не во внешней, а во внутренней его политике, тем не менее в общем направлении первой началось известное изменение, которое заключалось в том, что кроме европейских интересов у Германии появились интересы и мировые. Вскоре после отставки Бисмарка, в том же 1890 г., между Германией и Англией состоялось соглашение по делам африканским, — давшее, между прочим, первой из них остров Гельголанд на Немецком море⁴, — и чувствовалось, что сближение между этими двумя державами не должно пройти бесследно и для Европы. Недаром молодой император в своих застольных речах, — к которым с самого начала обнаружил склонность, — заговаривал и о братстве по оружию между немцами и англичанами при Ватерлоо в прошлом и о совместной защите мира английским флотом и германской армией в будущем. Об одной такой речи Мольке даже высказался, что ей не следовало бы появляться в газете. По тогдашнему настроению Вильгельма II можно было думать, что защищать мир, по его мнению, предстояло против России. Новый имперский канцлер, Каприви, нашел, что заключенный Бисмарком «*Rückversicherungsvertrag*» с Россией не соответствует австро-германскому союзу, а потом отказался его возобновить по истечении его срока, а это в Санкт-Петербурге было понято в том смысле, что Германия более не намерена придерживаться дружественного нейтралитета при каком бы то ни было случае нападения на Россию. Если только речь Вильгельма II об англо-германском военном братстве сделалась тогда же известной

¹ «Пустить кровь по-белому» (фр.). — Прим. ред.

² «Тектонический шум» (лат.). — Прим. ред.

³ См. ниже, в гл. XV.

⁴ Ныне Северное море. — Прим. ред.

в Санкт-Петербурге, то она могла только усилить неприятное впечатление от отказа возобновить «перестраховку» мирных отношений. Наконец, тогда же началось заигрывание Берлина с поляками¹, в которых Каприви видел как бы аванпост против России. Все это и склонило русского императора к сближению со Францией, состоявшемуся в 1891 г.

Об этом франко-русском союзе в свое время было написано очень много, и публицисты, писавшие на тему, искали для этой новой международной комбинации не только политические основания, но и исторические прецеденты, пускаясь даже в такую археологию, какой был когда-то, в XI в., брак одного из первых капетингских королей с русской княжной, дочерью Ярослава Мудрого. Прецеденты действительно были и указывали на то, что при известных обстоятельствах обоюдная политическая выгода заставляла оба государства искать сближения между собой для солидарного выступления в разрешении международных вопросов, стоявших в то или другое время на очереди. Чтобы не заходить слишком далеко, вспомним только факты из истории XIX в., когда Наполеон I делил с Александром I власть над миром, когда о союзе с Россией хлопотал министр Людовика XVIII Ришелье, сам раньше бывший на русской службе, когда, наконец, союз и налаживался на самом деле между Карлом X и Николаем I в министерство Полиньяка. После 1830 г. мысль о союзе более не возобновлялась. Июльская революция и последовавшее за ней польское восстание заставили Николая I вернуться к комбинации Священного союза, который перед 1830 г. трещал уже чуть не по всем швам, и, разумеется, не при «короле баррикад», Людовике-Филиппе, не при Второй республике, не при Наполеоне III, — которому Николай I не хотел дать титула своего «брата» и который составил коалицию против России, а впоследствии повел еще кампанию в защиту Польши, — можно было думать, чтобы русское правительство пришло к мысли о союзе с Францией. Когда Наполеон III пал и во Франции установилась республика, лучшим средством обеспечить мирное развитие Европы было признано со стороны России восстановить тесную связь с Пруссией и Австрией, что и выразилось в политике союза трех императоров. С французской стороны после 1830 г. тоже не могло быть желания входить в какие-либо прочные соглашения с Россией. Русское государственное устройство слишком далеко отстояло от того, что во Франции считалось политической нормой даже при Наполеоне III, а польские восстания 1830 и 1863 гг., пользовавшиеся большим сочувствием французов, еще больше отчуждали их от России. В отдельных случаях временно русская и французская политика еще могли поддерживать одна другую, но до единения отсюда было еще далеко. Когда началась Франко-германская война, сочувствие русского общества, — особенно

---

¹ См. ниже в гл. XV.

после падения Наполеона III, — решительно было на стороне Франции вопреки правительству, в котором господствовало, наоборот, пруссофильское настроение и которое потом само примкнуло к союзу, образовавшемуся под гегемонией победителей Франции. Общественное мнение в России было расположено к Франции и после 1871 г., да и в самой Франции стали присматриваться к России, как к державе, единственно, пожалуй, способной быть надежной опорой в положении, в каком она, Франция, очутилась после образования Германской империи. Главным основанием франкофильских течений в русском обществе было то влияние французской культуры, под которым находилось русское общество, а потом уже шли политические соображения о полезности французского союза, располагавшие к нему и таких, например, публицистов, которые не очень-то сочувствовали общему характеру французской цивилизации. У французов, когда среди них стала зреть мысль о франко-русском союзе, имели силу исключительно утилитарная точка зрения, изолированное положение в Европе, страх перед Германией, желание иметь союзников, которые их защитили бы в беде и, может быть, — как тоже ведь многим представлялось, — помогли бы вернуть Эльзас и Лотарингию. Как бы то ни было, между русскими и французами как бы устанавливалась известная взаимность, возникало сознание общности интересов. Иногда оно даже проявлялось в таких формах, что выражения этого обоюдного тяготения друг к другу производили сильную сенсацию, как это было, например, с заявлениями Гамбетты и Скобелева в начале восьмидесятых годов¹.

Среди государственных людей Франции особенно стремился расположить Россию в пользу своего отечества дальновидный Жюль Ферри, исходивший из того соображения, что в качестве соперниц Англии в Европе, в Египте, в Средней Азии, в Китае, на Тихом океане Россия и Франция имеют общие интересы, и потому он еще в 1886 г. хлопотал о том, чтобы Россия получила место в международной комиссии египетского долга и с другими державами гарантировала египетский заем, заключенный в указанном году. Когда произошло очевидное сближение между Германией и Англией в 1890 г., сближение России и Франции, так сказать, напрашивалось само собой.

В июле 1891 г. Кронштадт посетила французская эскадра под начальством адмирала Жервэ, причем последний с большим почетом был принят в Санкт-Петербурге, а император Александр III посетил адмиральское

---

¹ О Гамбетте см. ниже, в главе XVI. Что касается до Скобелева (Мих. Дм., одного из видных деятелей войны 1877—1878 гг.), то он на одном военном празднике в начале 1882 г. произнес славянофильскую речь, вызвавшую страшное раздражение в Германии и в Австрии и вообще наделавшую много шума. Вскоре после этого он поехал в Париж, где произнес еще несколько очень задорных слов в ответ на приветственный адрес сербской молодежи, учащейся в Париже, что тоже вызвало большую сенсацию, заставившую русское правительство сократить срок заграничного отпуска Скобелева.

судно «Маренго» и даже, стоя и с непокрытой головой, слушал, как играли национальный французский гимн, песнь Великой революции, Марсельезу. Президенту Французской республики по случаю этого посещения Александром III была послана телеграмма, гласившая о глубоких симпатиях, существующих между Францией и Россией. В октябре 1893 г. последовал ответный визит русской эскадры в Тулон, откуда часть наших моряков ездила в Париж, принявший их с необычайным восторгом и ознаменовавший их приезд рядом торжеств. По этому случаю между русским государем и главой французского государства произошел обмен телеграмм, в которых снова говорилось о тесных узах между обеими нациями. Какое соглашение состоялось между правительствами этих двух государств, никому не было известно, — дело держалось в строжайшей тайне, — но общее убеждение было то, что Франция и Россия прочно связаны одна с другой. За некоторыми исключениями общественное мнение обеих стран отнеслось весьма сочувственно к тому, что стали называть «*alliance franco-russe*»¹, и русский заем во Франции имел весьма большой успех, что тоже играло известную роль в новой политической комбинации, особенно ввиду недоброжелательного отношения Берлина к русскому государственному кредиту. И Франция, и Россия продолжали держаться состоявшегося между ними соглашения, вследствие чего новый союз сделался серьезным противовесом тройственному союзу средне-европейских держав. Перемена царствования в России в 1894 г. и все внутренние изменения, какие после 1893 г. происходили во Франции, не поколебали его существования. В конце второго года своего царствования (1896) император Николай II посетил Париж, где ему была приготовлена торжественная встреча, показывавшая, как Франция и ее столица ценят русскую дружбу, а в следующем году (1897) последовал ответный визит в Санкт-Петербург президента республики Феликса Фора, прием которого русской столицей тоже свидетельствовал, что и в России французская дружба пользуется популярностью. На этот раз впервые официально было заявлено о существовании настоящего союза. В своем прощальном тосте на броненосце Потюо Феликс Фор назвал Россию и Францию «двумя соединенными и союзными нациями» (*deux nations unies et alliées*), на что император Николай II отвечал тостом, в котором тоже было сказано о закреплении уз «между двумя дружественными и союзными нациями» (*deux nations amies*

---

¹ Слово «союз» (*alliance*) долго официально не произносилось. В императорской телеграмме президенту Карно по случаю кронштадтских торжеств 1891 г. говорилось о «симпатии, связывающей Францию с Россией», и еще в 1895 г. французский министр иностранных дел Ганото в одной речи в палате депутатов употребил только выражение «*entente*» (соглашение). Но в том же самом 1895 г. министр-президент Рибо назвал уже взаимные отношения обоих государств «союзом», хотя и после этого долго еще обе стороны как-то избегали употреблять слово «*alliance*».

et alliées). После этого не раз еще официально подтверждалось существование союза¹.

Вся международная политика последнего десятилетия XIX в. определяется соперничеством между союзами: тройственным в центре Европы и франко-русским на ее западном и восточном флангах. Оба союза оправдывали свое существование необходимостью поддерживать мир в Европе, хотя каждый из них заподозривал другой в агрессивных замыслах, и это соперничество, действительно, поддерживало европейский мир. Опираясь друг на друга, Франция и Россия могли теперь действовать самостоятельное в вопросах внешней политики. Когда на Дальнем Востоке произошла война между Японией и Китаем и победа склонилась на сторону первой, решительное франко-русское вмешательство заставило японцев умерить свои требования, и к политике обеих держав присоединилась сама Германия (1895 г.). Около того же времени в Турции произошло страшное избиение армян, напомнившее дни болгарских ужасов; на этот раз Англия предложила произвести европейское вмешательство, но в планы русской политики теперь не входило снова поднимать восточный вопрос, и вследствие несогласия с русской стороны, поддержанного Францией, английское предложение не имело успеха. Германия и Австрия тоже были далеки от намерения повторить неудачную европейскую кампанию 1875—1877 г., и потому из всего этого ничего не вышло — к новому торжеству европейского мира, но ценою сохранения в Турции старых порядков. Такой исход турецких событий 1895—1896 гг. содействовал усилению русского влияния на Балканском полуострове, и тогда же произошло примирение России с Болгарией, князь которой, Фердинанд Кобургский, отказался от своей прежней антирусской политики и поэтому был признан в своем звании и со стороны России.

Существование двух союзов не мешало частным соглашениям между отдельными государствами, принадлежащими к разным лагерям. К числу таких частных соглашений относится и то, которое состоялось между Россией и Австрией относительно Балканского полуострова².

---

¹ В 1898 г. это было сделано французским министром-президентом Дюпюи в его программной речи 4 ноября. Союзными нациями были названы Россия и Франция и в императорской телеграмме президенту республики Лубе по поводу открытия памятника Карно. То же значение имела вторичная поездка русской императорской четы во Францию в 1901 г. и ответный визит Лубе в Россию.

² Речь идет о событиях уже начала XX в. В конце 1902 г. русский министр иностранных дел, гр. Ламсдорф, посетил Сербию, Болгарию и Австро-Венгрию, чтобы добиться соглашения по поводу восстания в Македонии против турецкого владычества. В начале 1903 г. Россия и Австро-Венгрия предъявили турецкому правительству ноту о необходимости введения реформ в Македонии, а осенью того же года на свидании русского и австрийского императоров в Мюрцштегском охотничьем замке между обоими правительствами было заключено соглашение относительно общего образа действий по отношению к Турции. Начало такой полити-

Миролюбивые стремления последних лет XIX в. нашли выражение в совершенно для всех неожиданном заявлении русского правительства относительно средств для поддержания всеобщего мира. 12(24) августа 1898 г. русский министр иностранных дел, по повелению императора Николая II, обратился ко всем иностранным посланникам в Санкт-Петербурге с особым циркуляром, в котором говорилось следующее: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Все возрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народов, труд и капитал отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений. Просвещение народа и развитие его благосостояния и богатства пресекаются или направляются на ложные пути... Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства отвлечь угрожающие всему миру несчастья — таков высший долг для всех государств». Во имя этого долга русское правительство и обращалось к другим правительствам «с предложением о созвании конференции в видах обсуждения этой важной задачи: с Божьей помощью, конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века». Никто не сомневался в том, что эта декларация, своим тоном напоминавшая благие пожелания Священного союза, действительно, имела своим инициатором русского государя, но к ней отнеслись без достаточного доверия, с одной стороны, вследствие сильного сомнения в осуществимости выраженных в ней пожеланий, с другой, ввиду того, что сама Россия тем не менее все-таки продолжала свои вооружения. Прием, какой встретило русское предложение в Западной Европе, был поэтому довольно холодным — и в правительственных кругах, да и в общественном мнении также. Русскому правительству пришлось в очень непродолжительном времени несколько изменить свои первоначальные предложения, хотя и без отказа от основной мысли. Во втором русском циркуляре от 30 декабря 1898 г. (11 января 1899 г.) указывалось на то, что, несмотря на сочувственное отношение правительств и общественного мнения к идее мирной конференции, «многие государства приступили к новым вооружениям, стараясь в еще большей мере развить свои военные силы».

После того, как состоялось соглашение отдельных правительств относительно места конференции, каковым была выбрана Гаага, нидерланд-

---

ке было положено еще в девяностых годах XIX в., в основе же ее лежала идея неприкосновенности Османской империи.

ское правительство обратилось с приглашением на конференцию не только к европейским государствам и к Северо-Американским Соединенным Штатам, но и к таким, как Персия, Сиам, Китай и Япония. Целью совещаний объявлялось «изыскать действительные средства, чтобы обеспечить за народами прочный мир и положить предел постоянному возрастанию военных вооружений». Заседания гаагской мирной конференции, в которой участвовало 98 уполномоченных от 26 государств под председательством русского посла в Лондоне, барона Стааля, начались 18 мая 1899 г. и закончились только почти через два с половиной месяца (29 июля). Результаты конференции совсем не соответствовали первоначальному широкому замыслу, и как конвенции, так и необязательные декларации, выработанные конференцией и включенные в ее общий заключительный протокол, имели за себя в каждом отдельном случае лишь очень слабое большинство уполномоченных, да и нуждались еще в согласии самих правительств. Три конвенции, состоявшиеся в Гааге, касались мирного улажения международных недоразумений, способов ведения сухопутной войны и распространения женеvской конвенции 1864 г. на морскую войну, три декларации высказывались против употребления на войне известных взрывчатых веществ, снарядов и других боевых средств, а пять пожеланий говорили об ограничении военных приготовлений, установлении прав и обязанностей нейтральных государств, охране частной собственности в морской войне и др. предметах, подлежавших обсуждению на следующей конференции. Наиболее важное значение из всех этих результатов имеет конвенция о мирном улажении международных недоразумений третейским судом, но пока еще практические применения этой конвенции были очень редки¹. Конференция не предотвратила ни войны англичан с бурами, ни Русско-японской войны, как не уменьшила, равным образом, и роста вооружений.

Рассматривая международные отношения последней трети XIX в., мы совершенно не касались одной важной их стороны, которой посвящается целая глава, непосредственно следующая за настоящей. Дело в том, что взаимные отношения европейских держав часто определялись их внеевропейскими, колониальными интересами, и что, в свою очередь, эти отношения тоже так или иначе отражались на положении отдельных стран во внеевропейских их владениях. Примеров этого история знает немало со времени борьбы, которую Голландия в конце XVI в. вела с Испанией, когда стала овладевать ее тогдашними колониями. В ближайшие к нам времена особое значение в истории международных отношений получил колониальный вопрос в восьмидесятих годах прошлого столетия. Можно сказать, что Берлинский конгресс 1878 г. был кульминационной точкой старой политической системы шести (раньше до объединения Италии

---

¹ Относящиеся к этому случаи принадлежат уже истории XX столетия.

пяти) великих европейских держав, потому что потом произошло расширение исторической сцены, на которой стало развиваться соперничество уже «мировых держав» (*Weltmächte, puissances mondiales*). По своему географическому положению в новой комбинации первое место заняли Англия и Россия, а вне Европы Соединенные Штаты Северной Америки, последнее — Италия и Австро-Венгрия, середину — Германия и Франция. Новым в истории колониальной политики европейских держав было то, что Германия и Италия, не имевшие во времена своей раздробленности колоний, тоже после своего объединения стали стремиться, — хотя и далеко с неодинаковым успехом, — к обладанию внеевропейскими странами, а это не могло, между прочим, не отразиться и на внутренней истории обоих этих государств.

XIV. Колониальные предприятия европейских держав в конце XIX в.¹

Общий взгляд на историю колониальной политики западноевропейских государств. — Колониальные нации: португальцы, испанцы, голландцы, англичане и французы. — Англо-французское соперничество из-за колоний. — Положение Франции и Англии в других частях света перед 1870 г. — Новый фазис в истории колониальной политики в восьмидесятих годах XIX в. — Английский империализм. — Новые приобретения англичан в других частях света в конце XIX в. — Английское отношение метрополии к колониям. — Колониальная политика Франции при Третьей республике. — Начало и быстрые успехи колониальной политики Германской империи. — Неудачное выступление Италии на путь колониальной политики. — Образование государства Конго. — Международные соглашения по колониальным делам

---

¹ Литература о колониях громадна, и мы ограничимся из нее лишь самым важным (более общим) и наиболее новым. Работы чисто исторического содержания или с очень большой долей историчности можно разделить на общие истории колонизации, на истории колонизации у отдельных наций (англичан, французов, немцев и т. д.), на истории отдельных колоний (например, английского Капланда, французского Алжира, германского Камеруна и т. п.) и на истории отдельных эпизодов (например, войн англичан с бурами, экспедиции Маршана и фашодского инцидента). Понятно, что в дальнейшем указываются книги, главным образом, первых двух категорий и лишь в редких случаях двух последних. О колониях существует еще географическо-этнографическая литература и экономико-статистическая (с общетеоретической оценкой значения колоний), которой мы здесь почти не касаемся (соч. Roscher und Jannasch, Schäffle, Ives Guyot, статья Hasse в «Handwörterbuch'e» Конрада и Лексиса). Из сочинений вообще по истории колоний указываем только: *Leroy-Beaulieu P. De la colonisation chez les peuples modernes* (1887; есть русский перевод); *Zimmermann. Kolonialgeschichtliche Studien* (1895); *Каутский К. Колониальная политика в прошлом и настоящем* (1900); *Schäfer D. Kolonial-Geschichte* (1906; небольшой общий очерк, входящий в состав «Sammlung Götschen»); *Keller A.G. Colonization* (1908). Как общий обзор истории колониальной политики за 1870—1900 гг., заключающий в себе около 170 с., можно отметить следующие три главы (с именами их авторов) в XII томе известной «Histoire générale» Лависса и Рамбо, а именно: ch. III: *Metin A. Colonies et dépendances du Royaume Uni* (с. 100—164); ch. XXII: *Rimbaud A. L'empire colonial français* (с. 702—759, из которых 756—759 наполнены богатой библиографией); ch. XXVI: *Caix de Saint-Aymour R. de. Le partage de l'Afrique* (стр. 842—894), — все три с указаниями на литературу. Для истории колониальной политики до начала восьмидесятих годов. *Nolte F. L'Europe militaire et diplomatique au XIX siècle* (т. III и IV: *Guerres coloniales et expéditions d'outre mer* — до 1884 г.). Есть, кроме того, специальные периодические издания по колониям, справочники (например: *Brose. Deutsche Kolonialliteratur*, изд. с 1898 г.), и атласы на разных языках. На немецком языке только в начале девяностых годов их вышло несколько: *Langhaus'a* (1900 и след.), *Moysel'я* и *Sprigade* (1902 и след.), *Германского колониального общества* (1907), *Колониально-хозяйственного комитета* (*Wirtschaftsatlas der deutschen Kolonien*, 1907), франц. изд. *P. Pelet. Atlas des colonies françaises, dressé par ordre du ministère des colonies*. См. также таблицу 52 в «Atlas géographique historique» *Schrader'a* (*L'expansion coloniale de la France et de l'Angleterre*). Сюда же следует отнести сочинения по разделу Африки, называемые ниже, в гл. XXV. Что касается сочинений по истории английской, французской и т. д. колонизации, то они называются ниже в соответственных местах.

Очерк колониальной политики европейских держав в конце XIX в. нам приходится начать издалека — с эпохи Великих географических открытий конца XV и начала XVI в., когда европейцы впервые переплыли Атлантический, Индийский и Тихий океаны, после чего немедленно стали заводить свои торговые фактории и колонии в разных вне-европейских странах. С открытия Америки и морского пути в Индию, в 1492 и в 1498 гг., за которыми на небольшом расстоянии следовали открытие Великого океана¹ и первое плавание из Атлантического океана в этот только что открытый океан, в 1515 и 1520 гг., — начинается новый период всемирной истории, период океанический, последовавший за периодом морским, когда главными водными, неречными путями сообщения для европейских народов служили такие моря, как Средиземное с Черным, Мраморным и Адриатическим, немецкое и Балтийское. Здесь не место говорить о том значении, какое эти открытия имели для ближайшего к ним времени в жизни Западной Европы; нужно только отметить, что с этого времени начинается развитие европейской торговли и колонизации вне Европы, в странах как Нового, так и Старого Света. Сначала в истории мировых отношений почти исключительную роль играл один Атлантический океан², ближайший к Западной Европе, но к концу XIX и началу XX в. стало все более и более выясняться громадное значение, какое должен иметь в мировых отношениях будущего и Великий океан³. Равным образом здесь не место говорить о причинах той эмиграции из Европы, которая дала белое население двум материкам Нового Света с многочисленными островами у их берегов. Достаточно указать, что главной ее причиной в XIX в. сделалось перенаселение при неблагоприятных экономических условиях, но очень большую роль в развитии эмиграции сыграло и усовершенствование способов передвижения⁴. С другой стороны, не со вчерашнего дня началась и так называемая колониальная политика правительств, руководимых интересами государственной казны, национального благосостояния и торгово-промышленных классов населения. Систематическое развитие колониальных предприятий ведет свое начало от эпохи господства мер-

---

¹ То есть Тихий океан. — *Прим. ред.*

² *Хислам*. Господство на Атлантическом океане (1908).

³ Об этом подробно см. ниже, в гл. XXV.

⁴ Одно выселение в Соединенные Штаты выражается громадными цифрами. В 1776 г. все население Штатов состояло из 3 млн, к 1900 г. оно выросло до 76, причем за эти 125 лет одних европейских переселенцев было более 18 млн. По данным 1900 г., среди граждан великой республики насчитывалось более 10 млн таких, которые родились не на ее территории, т. е. большей частью в Европе. Полагают, что по крайней мере четыре пятых теперешнего населения Соединенных Штатов происходит от людей, не живших еще в Америке во время основания республики. В Австралии и в английских владениях в Северной Америке в начале XIX в. белое население считалось только сотнями тысяч, теперь его в обоих местах миллионы: более четырех в Австралии и более пяти миллионов в североамериканском владении.

кантилизма¹, который в области жизненной практики не так-то отошел в прошлое, как это о нем можно сказать в отношении к истории теоретических построений в области политической экономии. Увлечение принципами свободной торговли, обнаружившееся на Западе в середине XIX в., никогда не было достаточно полным, но оно также не оказалось и достаточно прочным, о чем свидетельствует общий поворот к протекционизму, замечаемый в последней четверти XIX в. Обострение протекционизма совпало по времени с оживлением колониальной политики европейских государств в восьмидесятих годах прошлого столетия. Колонии всегда должны были служить не только местами для отлива излишков населения, но и рынками для произведений отечественной промышленности, странами, из которых удобнее всего получать необходимое для последней сырье, источниками обогащения государственной казны. Понятно, что интересы колониальной политики не могли не внести осложняющих моментов в международные отношения метрополии и что постоянный рост милитаризма также нельзя частью не отнести на счет колониальной политики, в особенности по отношению к увеличению военных флотов. Всякая колониальная держава должна быть вместе с тем и державой морской. Лучшим примером этого общего правила служит, конечно, Англия, давнишняя владычица морей, создавшая величайшую «колониальную империю». На наших глазах, в конце прошлого столетия, произошло одновременное превращение в колониальную и морскую державу и Германии, у которой раньше не было ни заморских владений, ни военного флота. Англо-германское политическое соперничество — важный исторический факт очень недавнего происхождения, с тех именно пор, как произошло превращение Германии из страны земледельческой в промышленную страну, потребовавшее приобретения колоний и сооружения военного флота, которые до объединения Германии были, конечно, немыслимы, — очень рельефный пример сочетания политических и экономических условий, благодаря коим произошло превращение Германии в мировую державу, обладающую большими заморскими владениями и внушительной морской силой.

Известно, что первыми колониальными нациями были испанцы и португальцы²: в XVI в. только им, главным образом, принадлежал американский материк, — в тех, конечно, своих частях, которые уже были заняты европейцами, — и многочисленные острова на океанах. Дальнейший ход истории мало-помалу оттеснил Испанию и Португалию на задний план, и обе они постепенно растеряли свои колонии. Начало этим потерям было

---

¹ См. т. II, а также главу XIV моей книги «Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков» (1908).

² Новейший труд: *De Lannoy, Linden van der. Histoire de l'expansion coloniale des peuples européens. Portugal et Espagne* (1908).

положено еще во время борьбы Нидерландов за освобождение от испанского владычества, когда голландцам удалось отнять у Испании часть португальских колоний¹. Особенно для Испании и Португалии было неблагоприятно начало XIX в., когда их американские колонии отложились от своих метрополий, чтобы образовать самостоятельные государства, что стояло в тесной связи с тогдашними политическими событиями в Европе. Кроме того, в самом конце прошлого века (1898) в войне с Северо-Американскими Штатами Испания утратила и чуть не последние свои колонии². Ни Испания, ни Португалия не были промышленными странами. Само промышленное их население не было настолько велико, чтобы они без большого вреда для себя могли посылать в колонии большое количество эмигрантов. Испания отправляла в свои колонии преимущественно рыцарей и монахов, а не ремесленников и земледельцев³. Первой промышленной страной, образовавшей большой флот и начавшей приобретать колонии, была Голландия, которая лучше, чем обе южно-романские страны, сохраняет и до настоящего времени свои колонии. Очень скоро, однако, она должна была уступить первое место Англии, даже вытеснившей кое-где другие колониальные нации из их владений⁴. В числе пострадавших от англичан колониальных наций были и французы, начавшие развивать колониальную политику только с середины XVII в. Между прочим, Франция завладела в Северной Америке Канадой, а к середине следующего столетия обладала большой территорией в Ост-Индии, но потом тоже стала растеривать свои приобретения. Кое-что Франции пришлось уступить Англии из своих колоний еще в начале XVIII в. после окончания войны за испанское наследство, бывшей до известной степени и борьбой европейских наций из-за обладания колониями. Гораздо серьезнее пострадала Франция, как известно, во время своей борьбы с Англией в эпоху войн середины XVIII в. между Австрией и Пруссией, происходивших при участии Франции и Англии. По миру 1763 г. Франция потеряла большую часть своих тогдашних колоний, будучи вытеснена и из Северной Америки, и из Ост-Индии⁵. Особенно благоприятствовали Англии политические обстоятельства начала XIX в., во время наполеоновских войн. Одной из задач всей внешней политики Наполеона I было, как все хорошо знают, нанести удар Англии, но все его попытки, начиная от египетской экспеди-

¹ Португалия в 1580—1640 гг. находилась под властью Испании. В это время она потеряла часть своих колоний.

² Об этом см. ниже, в гл. XXV.

³ Вот почему в бывших колониях Испании и теперь нигде процент людей белого происхождения в населении не превышает 20, причем эта часть населения сосредоточена в городах.

⁴ Например, в середине XVII в. Англия отняла у Испании Ямайку; кроме того, англичане рано вытеснили португальцев из некоторых пунктов Ост-Индии; равным образом, к англичанам перешла и некоторая часть голландских колоний.

⁵ Конец всем французским владениям относительно Ост-Индии был положен в 1799 г., когда англичане завладели Серингапатомом, столицей Типпо-Саиба.

ции, которая должна была в конце концов повредить положению англичан в Индии, оканчивались неудачами. Франция в эту эпоху только потеряла свой военный флот, и Англия сделалась единственной владычицей морей. Англичане воспользовались своим положением, чтобы поживиться еще кое-чем в колониях, благо колониальные страны (Голландия и Испания) были тогда во власти Франции, которая сама была бессильна защитить их владения от англичан¹.

После наполеоновских войн Франция из своих колоний сохранила очень мало: кое-какие пункты в Ост-Индии, остров Реюньон, часть Гвианы и кое-какие острова в Вест-Индии, у западного берега Африки и у Ньюфаундленда. Первое колониальное приобретение в XIX в. Франция сделала в 1830 г., завоевав Алжир, еще при старшей линии Бурбонов. При Людовике-Филиппе в 1842 г. Франции удалось получить протекторат над островами Товарищества и Маркизскими. Более сделано было в этом отношении при Наполеоне III, который приобрел в 1853 г. Новую Каледонию, потом соединил несколько разбросанных пунктов в Сенегамбии в сплошную территорию, захватил в 1862 г., в ответ на занятие англичанами Перима при входе в Красное море, соседний Обок и в том же году взял у аннамского императора Кохинхину, а в 1867 г. Камбоджу. Но наибольшие колониальные приобретения были сделаны, как мы увидим дальше, Францией при Третьей республике.

Гораздо большие приобретения совершила в первые две трети XIX в. Англия². Из эпохи наполеоновских войн она вышла с немалым приращением своих владений за океаном, не говоря о захваченных в то же время в Европе островах Мальте и Ионических на Средиземном море и Гельголанде на Немецком³. Эти захваты имели для морского могущества Англии весьма важное значение, да и вообще англичане умели пользоваться происходившими в Европе войнами для того, чтобы укреплять за собой те или другие, имеющие большую ценность пункты. Так, война за испанское наследство в начале XVIII в. дала им Гибралтар при выходе из Средиземного моря в Атлантический океан, Русско-турецкая 1877—1878 гг. позволила произвести «оккупацию» Кипра, тоже усилившую позицию Англии на

---

¹ См. т. IV, гл. VIII. В это время Англия отняла у Голландии остров Цейлон, лучшую часть Гвианы, Капланд и поселения на индийском материке, Испания же спаслась от потерь только тем, что по удалении Иосифа Бонапарта заключила союз с Англией против Наполеона. Сама Франция лишилась в Вест-Индии островов святой Луции и Тобаго, а на пути в Ост-Индию — острова Маврикия (Иль-де-Франс).

² *Bonvick*. The british colonies and their resources (1886); *Гиббинс Г.* Очерк развития английской торговли и колоний (1899); *Мужуев П.* История колониальной империи и колониальной политики Англии (1903); *Speyer H.* La constitution, juridique de l'empire colonial britannique (1906); *Salmon C. S.* The crown colonies of Great Britain; *Brandt M. v.* Englische Kolonial-politik (1906); *Langenbeck W.* Englands Weltmachtin ihrer Entwicklung von XVII Jahrhundert bis auf unsere Tage (1907).

³ Ионические острова были потом уступлены Греции, Гельголанд — Германии (см. ниже).

Средиземном море. Что касается до внеевропейских приобретений Англии в первые две трети XIX в., то они сводятся к следующему.

За это время достоянием Англии сделался весь австралийский материк, первое поселение на котором для ссыльных преступников¹ было основано только в конце восьмидесятых годов XVIII в., после чего была устроена такая же колония в 1803 г., причем за полвека до 1836 г. сюда было сослано около 100 тыс. человек. Свободная колонизация материка и близлежащих островов началась лишь в двадцатых годах XIX в., колонизация Новой Зеландии — только в 1840 г. Одновременно произошло первое утверждение англичан в Южной Африке, где в 1806 г. они овладели Капской землей, начав дальнейшее расширение этой области в конце сороковых годов и объявив в середине пятидесятых своей колонией Наталь (1856). Новые приобретения делались в первой половине XIX в. и в Индии, где то та, то другая территория постепенно переходили под английское владычество². Во второй половине пятидесятых годов здесь произошло весьма опасное для Англии восстание сипаев (войск из туземцев), которое было усмирено жесточайшим образом, после чего управление Индией было отнято у Ост-Индской компании и непосредственно было взято на себя самим правительством, еще раньше (1813—1833), постепенно отменившим ее торговую монополию. Кроме больших территорий Англия прибретала в Азии и отдельные пункты, важные в стратегическом или торговом отношениях, каковы Аден (1838) и Перим (1855), расположенные у входов в Персидский залив и Баб-эль-Мандебский пролив в западной части Азии, а в восточной — Сингапур (1819) у южной оконечности полуострова Малакки и Гонконг (1842) у восточного берега Китая, где англичане устроили один из первых торговых портов в мире, наконец, северная часть острова Борнео (1846) с богатыми каменноугольными копями. Когда в Англии восторжествовала идея свободы торговли, — а этим особенно характеризуются шестидесятые-семидесятые годы, — многие в Англии стали высказываться с сомнением о важности колоний и о необходимости дальнейших колониальных приобретений, соответственно чему вели себя и государственные люди эпохи, главным образом Гладстон³, но в восьмидесятых годах Англия опять возвратилась к старым традициям колониальной политики и в последнюю четверть века сделала новые колоссальные приобретения в других частях света. Внешним

¹ Система колоний для ссылки преступников была Англией оставлена только во второй половине XIX в.; Франция удержала ее в Новой Каледонии.

² В 1818 г. окончательное покорение царства мараттов, в 1826 г. отнятие у Бирмы всех прибрежных провинций, в 1843 г. приобретение нижнего течения Инда, в 1845—1848 гг. утверждение в Пенджабе, в 1854 г. покорение Нагпура в середине Индии, в 1855 г. Oudh'a на Среднем Ганге.

³ В 1859 и 1871 гг. были отклонены предложения со стороны островов Фиджи стать под английский протекторат, в 1863 г. Ионические острова — отданы Греции, а также было проявлено известное колебание по отношению к бурам, о чем см. ниже.

толчком к этому послужило то обстоятельство, что континентальными странами Европы в это время овладела настоящая колониальная горячка, в которой приняли участие даже страны, никогда раньше и не думавшие о приобретении колоний, именно Германия и Италия.

Уже этот беглый обзор истории колониальных приобретений европейских держав указывает на то, что главную роль в этой истории играли страны, примыкающие к Атлантическому океану. В конце Средних веков, в эпоху открытия Америки и морского пути в Индию, наиболее экономически развитыми странами Европы, превосходившими в торговом отношении и Англию, и Францию, и Испанию, были Италия и Германия, которые как раз потом экономически все более и более падали. Около 1500 г. в Италии и Германии были многочисленные, цветущие и населенные города, которых здесь было больше, чем в остальной Западной Европе, да и вообще обе страны были населеннее, чем, например, Англия и Испания. В них стояли на высокой ступени развития ремесла, торговля, денежное обращение. Потом в обеих странах начался экономический регресс. Причина его заключалась не в одном перемещении торговых путей, на которое обыкновенно указывают. Конечно, оно не могло не оказать своего влияния на судьбы торговли в Новое время, но что здесь дело не в одном этом, доказательством тому может служить современная Германия, экономически оттесняющая на второй план более близкую к океану Францию. Указывают, равным образом, на дурное влияние, какое было оказано на обе страны католической реакцией, сопровождавшейся общим понижением культуры, и, в данном случае, объяснение подтверждается ссылкой на аналогичное явление и в истории Испании. Но нельзя, конечно, не принимать в расчет и политической раздробленности обеих стран, о которых идет речь, в то самое время, как в других местах происходило, наоборот, объединение. И Италия, и Германия страшно страдали от своей раздробленности в политическом отношении, сделавшись даже ареной, на которой сводили свои счета другие государства и частями которой овладевали. Стоит только вспомнить итальянские войны конца XV и начала XVI в., Тридцатилетнюю войну в Германии, времена захватов Людовика XIV, эпоху войн за австрийское наследство и Семилетней, наконец, войны Великой революции и Первой империи. Всем известно, какому разорению подвергла Германию одна только Тридцатилетняя война. Вот, вследствие этой раздробленности вплоть до второй половины XIX в., ни Италия, ни Германия не могли принять участия в колониальных предприятиях рядом с другими странами. В основании колоний известную роль играла частная инициатива, но главная роль принадлежала государственному действию, бывшему не по силам раздробленным Италии и Германии. В обеих нациях было немало, так сказать, материала, годного для колонизации, — особенно с XVIII в. была сильна эмиграция из Германии, — но не было политиче-

ской мощи для завоевания новых стран. Услугами немалого количества итальянцев и немцев пользовались правительства Испании, Португалии и Англии. Колумб (Colombo) был итальянец на испанской службе, как итальянцем же был и состоявший на английской службе Кабот (собственно Caboto), современник Колумба, сделавший тоже немало морских открытий, и отец другого мореплавателя Кабота, служившего то Англии, то Испании. Только нации, пользовавшиеся в Европе политической мощью, могли заводить колонии и удерживать их за собой. Испания господствовала в Новом Свете, пока была первенствующей державой в Европе: крушение ее «непобедимой армады» в конце XVI в. знаменовало начало ее упадка. Франция стала превращаться в колониальную державу при Людовике XIV, когда тоже занимала в Европе доминирующее положение. Быть может, если бы «король-солнце» не растрачивал сил нации в своих европейских предприятиях, Франция не дала бы Англии сделаться первой колониальной державой¹. После разгрома Франции объединившейся Германией последняя, как мы видели, сделалась в Европе первенствующей политической силой, в то же время обогатившись миллиардами французской контрибуции. Мы знаем также, какое быстрое развитие получила к этому времени экономическая жизнь Германии. Теперь и немцы могли сделаться колониальной нацией, так как для этого у них были все условия: избыток населения, достигшая высокого развития промышленность, государственная мощь. Выступление Германии на поприще колониальной политики было вообще очень важным событием не только в истории самой этой политики. За Германией потянулась и Италия, которая также объединилась и в которой также был избыток населения, но неизмеримо более бедная, далеко не столь могущественная, как Германия, а потому и не столь удачливая, как последняя, в своих колониальных предприятиях.

Этот новый период в истории колониальной политики, начиная, главным образом, с восьмидесятых годов, и будет составлять дальнейшее содержание настоящей главы.

Продолжим, прежде всего, прерванную несколько выше историю английских вне-европейских приобретений. Начало тому, что в конце прошлого столетия в Англии стали называть «империализмом», было положено во второе министерство Дизраэли—Биконсфильда и стоит в связи с принятием, по его совету, королевой Викторией в 1876 г. титула императрицы Индии, когда стало входить в обычай и само Великобританское королевство с Индийской империей и колониями называть «империей», английский парламент «имперским» парламентом и т. д. В английском словоупотреблении «империализм», конечно, отнюдь не является синонимом «цезаризма», как на континенте: здесь это не что иное, как напряжен-

¹ Еще в конце XVIII в. Англия с Шотландией имела лишь около 10 млн жителей, Франция — около 24.

ная деятельность государства, направленная к расширению своих владений, к укреплению связей между метрополией и колониями, к увеличению национального могущества и влияния в международных отношениях, словом, то же самое, что передается немецкими терминами «Weltmacht», «Weltpolitik». Английские империалисты, главным представителем которых в последнем десятилетии прошлого века сделался Чемберлен¹, не довольствуются официальным титулом «Великая Британия» (Great Britain), употребляющимся со времени слияния Англии и Шотландии в единое государство, а охотно называют его «Большая Британия», «Greater Britain»², — термин, который употреблялся иногда уже в шестидесятых годах³, вследствие чего и себя обозначали, как «велико-англичан» (Great Englanders) в отличие от «мало-англичан», вроде Джона Морлея. Почти в течение десяти лет (1884—1893) в Англии действовала особая «Imperial Federation League»⁴, агитировавшая в пользу превращения Англии с ее колониями в федеративную империю, с единым парламентом во главе, и потом разделившаяся на ряд обособленных лиг, работавших над выяснением отдельных пунктов империалистской программы. Впоследствии эта программа дополнилась протекционизмом и мыслью о таможенном союзе между метрополией и всеми колониями. Немало содействовали возникновению и усилению английского империализма колониальные, торговые и промышленные успехи Германии, сделавшейся к концу XIX в. главной соперницей Великобритании в мировой политике. Старое соперничество с Францией стало отходить на второй план, как подконец стало утрачивать свою остроту и то ревнивое чувство с опасениями за Индию, которое возбуждали к себе со стороны англичан успехи русских в Средней Азии⁵. К концу XIX и началу XX в. империализм стал оказывать сильнейшее влияние на внешнюю политику Англии, приведши, между прочим, к знаменитой бурской войне 1899—1902 гг., после чего его влияние стало понемногу ослабевать по причинам, излагать которые здесь не место⁶. В последние десятилетия XIX в. Англия, действительно, страшно увеличила свои колониальные владения.

В Индии английское правительство после 1858 г. не присоединяло новых территорий, довольствуясь верностью вассальных государств, даже

---

¹ См. ниже, в гл. XVII.

² У нас «greater» переводят словом «величайшая» (Британия), но это было бы «greatest».

³ В книге противника империализма Чарльза Дилька «Greater Britain» (1868).

⁴ «Имперская(ий) федеративная(ый) лига (союз)» (англ.). — *Прим. ред.*

⁵ Напомним главные даты русских успехов в Средней Азии: в 1865 г. завоевание Ташкента, в 1868 г. взятие Самарканда, в 1873 г. покорение Хивы, в 1876 г. присоединение Кокандского ханства, в 1881 г. подчинение текинцев, в 1884 г. вступление в русское подданство Мерва, в 1885 г. битва при Кушке, о чем см. в гл. XVII.

⁶ *Parkin G.* Imperial federation; the problem of national unity (1892); *Bérard V.* L'Angleterre et l'impérialisme (1900); *Hirst Fr.* Liberalism and the empire (1900); *Schulze-Gaevernitz.* Britischer Imperialismus. Многое — в книге Дионео «Очерки современной Англии» (1903).

восстановив в одном случае (в 1882 г.) одну старую династию (мисорскую), которая была лишена своих владений за полвека перед тем. На церемонии провозглашения английской королевы индийскою императрицею 1 января 1877 г. в Дели таких местных владык было более шестидесяти, при трех сотнях представителях местной знати. К чести английского правительства нужно сказать, что в управление обширной страной с миллионами населения оно все более и более вводит европейские порядки, хотя многое еще оставляет желать лучшего, о чем свидетельствуют частые посещения Индии голодными годами и чумными заболеваниями, равно как постоянные дефициты в индийских финансах. Причина последних — в усиленных вооружениях, вызванных возобновлением, в 1881 г., крупных военных экспедиций. В шестидесятых и семидесятых годах царил мир, но в конце последнего из этих десятилетий началось опять военное время. В 1878 г. афганский эмир Шир-Али принял русское посольство, когда же снаряжено было к нему и английское посольство, то отказал в пропуске последнему в свои владения. Биконсфильд ответил на это вторжением в Афганистан значительного войска, занявшего страну. Шир-Али бежал в Туркестан, а его сын Якуб уступил англичанам пограничные горные проходы и подчинил свою внешнюю политику надзору английского резидента в своей столице, когда же последний пал жертвой убийства, против Афганистана была предпринята Биконсфильдом вторая война (1879 г.), окончившаяся уже при Гладстоне, враге новых присоединений. В числе поступков, ставившихся ему в вину английскими империалистами, было то, что он отказался от присоединения Афганистана, удовольствовавшись постановкой внешней политики нового эмира (Абдуррахмана) под английский контроль. Когда Россия завладела Мервом (1884 г.), граница между русскими и афганистанскими владениями должна была быть проведена по соглашению между русской и английской комиссиями, но один случайный инцидент в начале 1885 г. чуть было, как тогда полагали, не окончился войной Англии с Россией¹. Дело до войны, однако, не дошло. Между тем русские в 1891 г. стали твердой ногой на Памире, где только в 1895 г. англо-русской комиссией была проведена прочная граница между русскими и афганистанскими владениями, одновременно и по соглашению с Россией с установлением границы между Афганистаном и Белуджистаном, который еще раньше попал в вассальную зависимость от Англии, и от которого Англия в 1882 г. отрезала для присоединения к своим индийским владениям довольно значительную территорию. Через десять лет для улучшения англо-афганской границы и с этой стороны было кое-что присоединено к Индии (важные горные проходы). Афганистан после этого должен был служить государством-буфером между обеими мировыми державами в Средней

---

¹ Об этом несколько подробнее в гл. XVII.

Азии. Все издержки по афганистанским и белуджистанским экспедициям пали на бедное население Индии¹. Очень важным расширением английских владений в Индии было еще присоединение Бирмы, некоторые пункты которой уже раньше были в обладании англичан. С захвата англичанами части бирманских владений между этим государством и Англией уже не могло быть добрососедских отношений. Правительство этой страны стало заискивать у Франции, с которой в 1885 г. даже заключило торговый и дружественный договор, но англичане воспользовались первым серьезным нарушением бирманцами их интересов, чтобы начать войну, окончившуюся присоединением всей Бирмы (1886 г.).

Из старых культурных стран в тех же восьмидесятих годах прошлого века Англия наложила свою руку и на Египет. Она уже раньше вмешивалась в дела этой страны, составлявшей часть Османской империи, но особенно должна была Англия считать себя здесь заинтересованной с тех пор, как был прорыт Суэцкий канал (1869 г.), через который лежит ближайший путь из Англии в Индию, и проходит чуть не девять десятых общего числа судов, попадающих в канал, и через несколько лет (1876 г.) египетский хедив² продал Англии свои суэцкие акции на громадную сумму 4 миллиона фунтов стерлингов³, а потом оказался несостоятельным должником по своим займам. Так как в египетских финансовых делах, кроме англичан, имевших египетские денежные бумаги, были заинтересованы и французы и по той же самой причине, то это дало повод правительствам обеих этих наций вмешаться в дела внутреннего управления Египта посредством учреждения особой международной комиссии. В начале 1882 г. хедив (Тевфик) сменил министерство, действовавшее под англо-французским давлением, и назначил новое, в котором наиболее влиятельным лицом был военный министр Араби-паша, поставивший своей целью освободить Египет от европейского влияния. Когда его намерения выяснились в достаточной мере, Франция и Англия послали к Александрии свои флоты, что заставило страшно испугавшегося этим шагом держав хедива дать Араби-паше отставку. Последний начал восстание, стоившее жизни двум сотням европейцев в разных городах страны, в особенности же в столице. Тогда английский адмирал Сеймур бомбардировал Александрию и начал «правильную» войну, окончившуюся полным покорением Египта, причем велась война при помощи англо-индийских войск под начальством Уольселея. Формально ее целью было поставлено подчинение Египта законной власти, против которой произошло возмущение, но реальным резуль-

¹ В Индии живет около 200 тыс. англичан, из коих 75 тыс. солдаты, туземцев же насчитывается в ней до 300 млн.

² Хедив (*тур., перс.*) — титул наследственных правителей Египта в 1867—1914 гг. — *Прим. ред.*

³ Они были куплены Дизраэли по телеграфу.

татом победы англичан была продолжающаяся и поныне «оккупация», при которой к хедиву приставлен особый финансовый советник, надзирающий за управлением страной во всех делах, касающихся финансов. Нужно отдать англичанам справедливость в том отношении, что они уже к 1885 г. упорядочили египетские финансы, но уйти из страны они не обнаруживают ни малейшей охоты. В 1887 г. Англия обязалась было перед Турцией произвести в три года эвакуацию Египта, но это было обставлено такими условиями, которые не могли быть выполнены, а потому обещание и не было исполнено. Франция была крайне недовольна вытеснением своим из Египта, однако, в конце концов, примирилась с совершившимся фактом, настояв только на полной нейтрализации Суэцкого канала (1887 г.) и заставив Англию отказаться от проектированной ею конверсии египетских долгов, которая оказывалась невыгодной для французских держателей долговых обязательств (1889 г.). — Египетское восстание 1882 г. перенеслось в Судан, где и вспыхнуло в 1883 г. под начальством мусульманского пророка, махди¹. Гладстон, с 1880 г. стоявший вторично во главе управления Англией, нашел необходимым усмирить и это восстание, но не английскими, а египетскими войсками, так как дело шло о возвращении Судана Египту. Только во главе экспедиции против инсургентов был поставлен английский генерал Гордон. Экспедиция эта началась в январе 1884 г., но не имела успеха. Силы мятежников оказались большими, чем о них думали, а египетские войска в борьбе с единоверцами обнаружили некоторую ненадежность. В апреле 1884 г. Гордон освободил от махдистов Хартум, но сам был скоро окружен неприятелем под начальством самого «пророка». Англии пришлось снарядить новую экспедицию, теперь уже из англичан под начальством Уольседея, для освобождения Гордона. Хартум, несколько месяцев осаждавшийся суданцами, не дождался избавителей: 25 января 1885 г. произошло его падение, и лишь через два дня на третий к городу подошли два блиндированных парохода с английским авангардом. Защитники Хартума были перебиты фанатическими суданцами; в их числе нашел смерть и сам Гордон². Впоследствии Англия, при помощи египетских войск, вернула Египту все верхнее течение Нила от Хартума до озера Виктории, причем дело не обошлось без столкновения с французами, улаженного, однако, в 1899 г.³ Так проникало английское влияние к югу от Египта, в то самое время, как навстречу ему шло другое — от южной оконечности Африки к северу.

Уже было сказано, что Капландом Англия овладела в 1806 г. и что к этой колонии она присоединила некоторые соседние земли, в их числе,

¹ Это был суданский дервиш, Махаммед-Ахмет.

² О недовольстве в Англии Гладстоном по этому поводу см. ниже, в гл. XVII.

³ В 1896 г., после поражения итальянцев в Абиссинии, англичане снарядили экспедицию из Египта на юг под начальством Китчинера, которая имела большой успех. О конфликте с Францией (из-за Фашоды) см. ниже.

в 1856 г. Наталь. К северу от них были расположены две образованные голландскими колонистами (бурами) республики — Оранжевая и Трансваальская. Обе они были основаны переселенцами из Капской колонии, недовольными английским управлением. Буры более южной из обеих республик (Оранжевой) провозгласили свою независимость в 1842 г. Сначала правительство Капланда вздумало их покорить, но начавшаяся в 1845 г. война только утомила англичан, и в 1854 г. они признали независимость бурской республики. Трансвааль сформировался несколько позднее и превратился из четырех маленьких отдельных областей в единую республику только в 1852 г., будучи тотчас же признан независимым со стороны англичан. В начале семидесятых годов в Оранжевой республике были открыты алмазные копи, в Трансваале — золотые россыпи, что стало привлекать в обе республики переселенцев к великому неудовольствию хозяев страны, начавших их всячески теснить. Уже в скором затем времени англичане отхватили часть территории у Оранжевой республики, заплатив, впрочем, за нее деньги, а в 1877 г. на Трансвааль обратил свое внимание Биконсфильд, чтобы присоединить золотоносную территорию к английской империи. В стране в пользу аннексии стал агитировать английский комиссар, устроивший нечто вроде плебисцита в пользу присоединения, но большинство буров и слышать об этом не хотело. Между англичанами и Трансваалем тогда началась война, в которой первые понесли поражение (при Majuba Hill¹ в 1881 г.) как раз в то время, когда министерство Биконсфильда уже сменилось вторым министерством Гладстона, вовсе не желавшего аннексии. С бурами был заключен мир, по которому они должны были, сохраняя полную внутреннюю автономию, признать суверенитет английской короны с контролем над внешней политикой и принять английского резидента, но в 1884 г. бурская депутация в Лондоне добилась признания со стороны английского правительства полной самостоятельности Южно-Африканской республики с одной лишь оговоркой — утверждением всех договоров (кроме договоров с Оранжевой республикой) Англией. Вскоре население Трансвааля увеличилось притоком переселенцев (uitlanders), но конституция 1890 г. стала рассматривать их как граждан (бургеров) второго класса, неполноправных, хотя поправка 1893 г. обещала им перевод в первый класс по истечении известного срока. Недовольные бурами английские «уйтлендеры» стали стремиться к соединению Трансвааля с английскими владениями, и в 1895 г. премьер Капланда Сесил Родс тайно организовал вооруженное нападение на Трансвааль, приведенное в исполнение неким Джемсоном. Предупрежденные о нападении, буры приготовили встречу, окружили отряд Джемсона и заставили его сдаться на волю победителей (1896 г.). Вожди предприятия были выданы

---

¹ Гора Маджуба (англ.). — Прим. ред.

Англии, где их судили, но приговорили к очень мягким наказаниям. Везде в Европе весть о «разбойничьем набеге» была встречена негодованием. Вильгельм II даже послал трансваальскому президенту Крюгеру поздравительную телеграмму, очень неприязненно принятую в Англии. После этой неудачи уйтлендеры стали просить у Англии заступничества, но на все английские представления бурское правительство отвечало, что Англия не имеет права вмешиваться во внутренние дела Трансвааля. Обе республики в это время вступили между собой в союз ввиду возможной войны с Англией, которая действительно и началась осенью 1899 г. Она у всех еще в свежей памяти. Известен и ее конечный результат — совершившееся уже в 1902 г. превращение обеих республик в английское колониальное владение¹.

Кроме буров на юге Африки Англия вела еще войны с туземцами. Особенно известна война с кафрским племенем зулу, начавшаяся в 1879 г. (Между прочим, в английской экспедиции против зулусов погиб сын Наполеона III.) И их страна была включена в состав английских владений (в 1897 г. присоединена к Наталу), подобно нескольким другим соседним территориям — в восьмидесятых и девяностых годах. Другие территории, очень большие, но малонаселенные, захватывались Англией только для того, чтобы они не могли достаться немцам, как это случилось со страной бечуанов, величиной с Францию, но с населением всего в двести тысяч душ. Эта территория была одним из предметов спора с бурами, пока в 1885 г. ею не завладела Англия, опасавшаяся, что немцы, основавшие тогда свою колонию Юго-Западной Африки (к западу от Бечуаналенда), распространят потом свои владения и в эту сторону, чем загородят дорогу внутрь материка со стороны Капланда.

От Капланда англичане стали двигаться и к северу, в область, лежавшую между португальскими колониями Анголой на юго-западном берегу Африки и Мозамбиком на юго-восточном, что давало португальцам повод думать, что и промежуток принадлежит им же, пока не признали на эту область, величиной в целых две Франции, прав Англии (1889 и 1891 гг.). Указанное приобретение сделалось достоянием привилегированной (*chartered*, получившей хартию) южноафриканской компании, основанной англичанином Сесилем Родсом², имя которого уже было названо выше в связи с «разбойничьим нападением» 1895 г. на Трансвааль. Сесиль Родс (*Rhodes*) приехал в Капланд из Англии для поправления своего здоровья,

¹ Бурская война 1899–1902 гг. и предшествовавшие события вызвали большую литературу. См., например: *Mermeix*. Le Transvaal et la Chartered (1897); *Hofmeyer*. Die Buren und Jamesons Einfall in Transvaal (1897); *Fisher*. Transvaal and the Boers (1899); *Vallentin*. Die Ursachen des Krieges zwischen England und die Burenrepubliken (1902); *Hobson*. The war in South Africa, its causes and effects (1900); *Stirling*. The colonials in South Africa (1899–1902) и др.

² *Dacey E.* The right honourable Cecil Rhodes (1895); *Vindex*. Cecil Rhodes. His political life and speeches (1900); *Hensman*. Cecil Rhodes (1902); Статья Э. Пименовой в ее книге «Политические вожди современной Англии».

но остался там, чтобы принять участие в добывании алмазов и золота. Он скоро сделался миллионером, «бриллиантовым королем», и достиг большого политического значения в колонии, так что в 1890 г. мы его видим уже премьер-министром. Названную выше компанию он основал в предыдущем году, получив особую хартию на расследование и приобретение новых территорий в Южной Африке. Предприятие пошло весьма успешно — путем договоров с местными князьками и усмирения восстаний туземцев, пока не образовалась большая сплошная область, которую стали по имени Родса называть Родезией¹. Авантюра 1895 г. заставила Родса сложить с себя звание премьера и директора компаний, но это не лишило его влияния на дела Южной Африки. Целью его стремлений сделалось соединить железной дорогой Капштадт с Каиром, т. е. построить длинную линию, которая, проходя через всю Африку, соединила бы ее север с югом, почти все время притом оставаясь в английских руках.

Только в одном месте дорогу пришлось бы вести через восточноафриканскую колонию Германии, отделяющую Родезию от британских владений Восточной Африки. С целью добиться согласия на этот план от Германии, Родс ездил в 1899 г. в Берлин, где его очень благосклонно принял Вильгельм II, предавший забвению свою телеграмму Крюгеру. Когда началась бурская война, Родс принял в ней участие. В числе английских империалистов этот «капский Наполеон», как его называли², конечно, занимает одно из самых видных мест, вследствие чего в настоящем очерке расширения владений Англии в конце XIX в. его имя не могло бы остаться неназванным³.

Только что было указано, по поводу присоединения к Капской колонии Бечуаналенда, что англичане иногда захватывали те или другие области — просто с целью не допустить занятия их другими державами. Особенно это верно по отношению к некоторым захваченным Англией островам. Так было поступлено по отношению к островам Фиджи в 1874 г. при Дизраэли. Иногда так делалось по инициативе, исходившей от колонистов, например, австралийских, которые подобными захватами старались обеспечить свою безопасность, и т. п.

В нашу задачу не входит перечислять все колониальные приобретения Англии⁴ и, еще менее того, рассказывать внутреннюю историю этих внеевропейских стран и описывать их государственное устройство, экономический быт, культурные отношения, но нельзя не остановиться на общей

¹ *Du Toit*. Rhodesia, past and present (1897); *Mermeix*. Transvaal et la «Chartered» (1897); *Knight*. Rhodesia of to day.

² Ср. статью К.Э. под этим заглавием в «Образовании» за 1904 г.

³ Родс после смерти (1902) оставил 15 млн фунтов стерлингов, т. е. 150 млн рублей, которые завещал на «умственное развитие Британской империи». *Stead W.* The last will and testament of C. Rhodes (1904).

⁴ К этой теме еще придется вернуться в другой связи.

характеристике отношений английской метрополии к своим колониям, не входя, впрочем, и здесь в большие подробности.

В деле основания английских колоний всегда более или менее значительную роль играла частная и общественная инициатива, к которой правительство приходило только на помощь. Было время, очень давнее, впрочем, когда существовали частные собственнические колонии («proprietary colonies»), основывавшиеся знатью, но теперь их более не существует, что не мешает богатым людям и в настоящее время принимать участие в колониальных предприятиях. Особую категорию составляли в прежние времена компанейские колонии, устройством каковых занимались купеческие общества (так называемые «merchants adventurers»), получая на это особые хартии (откуда их название «charter colonies»). Основание Родезии в конце XIX в. было не чем иным, как применением именно этого способа занимать новые земли при помощи «торгового авантюризма». Была, наконец, эпоха, когда основание колониям полагалось без правительственного разрешения гонимым за веру, но, разумеется, ничего подобного теперь уже быть не могло, если не считать ирландской эмиграции от невозможных социальных условий, направлявшейся преимущественно в Соединенные Штаты. В громадном большинстве случаев в более близкую к нам эпоху приобретение колоний было всегда правительственным делом, но правительство Англии в то же время дает широкое самоуправление ее колониям. Отпадение от Англии Соединенных Штатов было уроком для метрополии, которая совершенно изменила свои отношения к колониям. Там, где европейское население еще слабо, Англия управляет своими заморскими владениями посредством посылаемых туда губернаторов, в иных случаях облеченных всей полнотой власти, которая, однако, нигде не имеет характера диктатуры, кроме чисто-военного поселения в Гибралтаре. Наибольшими правами правительство облакает наместника Индии, хотя и здесь делаются шаги к введению, по крайней мере, местного самоуправления. Во всех так называемых, в более тесном смысле, коронных колониях при губернаторах имеются административные советы, играющие роль местных министерств, и советы законодательные из колонистов по назначению от правительства, иногда же наполовину и выборных. Как только колония оказывается в состоянии содержать себя на собственные средства, ей дается автономия, от которой иная колония бывает готова и отказаться, раз ей это не по средствам. Англия сама тратит вообще очень мало на свои колонии, — в четыре раза менее, нежели Франция на свои, — содержа в них, не считая Индии, Мальты и Гибралтара, каких-нибудь десятка два тысяч войска. Колонии — большая часть из них — должны защищаться сами, т. е. на собственные средства и при помощи местных милиций, лишь под общей охраной могущественного флота метрополии. Зато таким колониям дается внутренняя свобода. В одних из них при существовании выборных законо-

дательных собраний исполнительная власть принадлежит губернаторам с советами из чиновников, но самые важные имеют более широкую автономию — настоящие парламенты с ответственными правительствами¹. Такое устройство в конце XIX в. имели весь север Америки к северу от Соединенных Штатов (Dominion², в основу которого легла Канада), Ньюфаундленд, семь штатов Австрал-Азии и Капланд. Все эти колонии были уже настоящими республиками, куда королева назначала только губернаторов с чисто-теоретическим правом «veto», что им не мешало держаться за свою принадлежность к Британской империи. Внешние столкновения Англии возбуждают, обыкновенно, патриотические чувства населения этих автономных колоний, которые, кроме того, засвидетельствовали свою верность метрополии и в дни празднования золотого (1887 г.) и бриллиантового (1897 г.) юбилеев королевы Виктории. Автономные колонии ведут свою собственную политику, отчасти даже в расширении своих владений и в установлении между собой более тесного общения. В самые последние годы колонии австралийского материка выработали для себя федеративное устройство, в 1900 г. утвержденное английским парламентом и превратившее их с 1 января 1901 г. в Соединенные Штаты Австралии, или Австралийскую республику («commonwealth») по примеру, еще раньше поданному Канадой.

Английские империалисты стали развивать мысль о необходимости дать федеративное устройство и всей Британской колониальной империи, включая в нее и саму метрополию, давая этой мысли, однако, очень различные толкования то в смысле устройства общего таможенного союза, то в смысле посылки колониальных представителей в английский парламент. Дарование колониям широкой автономии было делом либералов, не особенно склонных к колониальным предприятиям³, тогда как укрепление связей между метрополией и колониями сделалось заботой консерваторов. Уничтожение Гладстоном в 1873 г. особого эмиграционного фонда заставило сторонников колониальной политики начать агитацию в пользу правительственной организации эмиграции. Раньше (с 1833 г.) существовавшее общество для содействия колонизации при помощи государства (state aided) превратилось в общество колонизации, направляемой государством (state directed), и около того же времени стал действовать «Королевский колониальный институт», тоже особое общество, поставившее себе информационные и агитационные цели. В 1886 г. этот институт переименовался в «имперский», и рядом с ним возникла «Imperial federation league». В общественном мнении конца XIX в. имперский военно-таможенный федерализм получал значение самого действительного, какой

¹ Todd A. Parliamentary government in the british colonies (1894; изд. 2-е).

² «Суверенное право владения» (англ.). — Прим. ред.

³ См. ниже, в гл. XVII. В первое министерство Гладстона министр колоний Гранвиль вывел в 1869 г. английские войска из Австралии, находя, что она защищаться может и сама.

только возможен, ответа со стороны владычицы морей на милитаризм и протекционизм, все более и более усиливавшиеся на материке, вследствие чего и во внутренней жизни Англии конца XIX в. колониальный вопрос получил такое громадное значение.

Французская колонизация всегда во многих отношениях была противоположностью английской¹. За исключением Канады, получившей французское население еще в старые времена, но утраченной потом своей метрополией, французы нигде не основывали больших поселений, что объясняется, между прочим, слабым приростом населения в самой Франции: даже в близко лежащий Алжир переселилось французов сравнительно немного. Приобретение Францией колоний имеет значение, главным образом, для ее торговли и политического положения среди других мировых держав. С другой стороны, в управлении своими колониями Франция сохранила бюрократические порядки, допустив, впрочем, представителей от колоний в свой парламент.

В настоящее время и Франция обладает обширнейшей колониальной империей, созданной уже при Третьей республике, которая, таким образом, наверстала все, что было утрачено французами во времена войн за испанское наследство, Семилетней и наполеоновских. Главным инициатором новейшей колониальной политики Франции был Жюль Ферри, бывший министром-президентом в первой половине восьмидесятых годов (в первый раз в 1880—1881, второй в 1883—1885 гг.). Он стоял на той точке зрения, что Франции нужна колониальная политика, так как дело, в данном случае, идет о всем будущем Франции, о будущем не завтрашнего «дня (*l'avenir de demain*)», а о будущем через пятьдесят, через сто лет». При Жюле Ферри Франция завоевала в Африке Тунис, в Азии Тонкин, установила свой протекторат в Африке над Мадагаскаром, в Азии над Аннамом, добилась от Европы признания своих прав на двух великих африканских реках, впадающих в Атлантический океан, Нигер в северной половине материка и Конго в южной², — за короткое время результаты поразительно громадные. На этом Франция еще не остановилась, так как протекторат мог перейти в аннексию, и приобретенные области — увели-

¹ См.: *Vignon*. Les colonies françaises (1885); *Lanessan J.L. de*. L'expansion coloniale de la France (1886); *Idem*. La Tunisie (1887); *Idem*. L'Indochine française; *Rimbaud A.* La France coloniale (1887 г. и ряд позднейших изданий); *Idem*. Les affaires de Tunisie (с предисловием Жюля Ферри); *Leroy-Beaulieu P.* L'Algérie et la Tunisie (1887); *Gaffarel P.* Les colonies françaises; *Piolet J. B.* La France hors de France; *Ferry J.* Le Tonkin et la mère-patrie (1891); *De Lanessan*. La colonisation de l'Indo-Chine (1895); *Lebon A.* La politique de la France en Afrique (1896—1898); *Petit E.* Organisation générale des colonies françaises (1894); *Dupuis J.* L'ouverture du Fleuve Rouge au commerce et les événements du Tonkin (1872—73); *Deschanel P.* La question du Tonkin (1883); *Billot*. L'affaire du Tonkin; *Castellani Ch.* Vers le Nil français (sic!) avec la mission Marchand (1898); *Caix R. de*. Fachoda (1899); *Legrand J.* La leçon de Fachoda (1899).

² Деля Африку на две части линией от устья Нигера к Баб-эль-Мандебскому проливу.

чиваться новыми присоединениями¹. С другой стороны, образование колониальной империи создало для Франции немало забот и хлопот: приходилось вести войны, усмирять восстания (между прочим, и в Алжире), приходиться из-за колоний в столкновения с другими государствами, как европейскими, так и туземными, с которыми французские приобретения находились в соседстве. Все это стоило дорого, требовались большие жертвы и людьми, и деньгами, да и сами дела шли не всегда гладко: недаром Жюль Ферри по поводу одной неудачи в Тонкине носил бранную кличку «Тонкинца» (*le Tonkinois*). Перейдем теперь к подробностям.

Сношения Франции с тунисскими беями начались со времени завоевания Алжира. После этого французское правительство всячески противодействовало восстановлению власти турецкого султана над этой областью, когда-то бывшей достоянием Османской империи. На Берлинском конгрессе Солсбери дал понять Франции, что со стороны Англии не будет никакой помехи французской политике в Тунисе. Фактически здесь уже существовал французский протекторат, но к установлению своего протектората здесь стремилась и Италия, из которой в Тунис уже давно направлялась волна эмиграции². У Франции, конечно, нашлись поводы (малая обеспеченность французских предприятий в стране от дурной администрации, нарушения алжирской границы и т. п.) для того, чтобы в 1881 г. отправить в Тунис военную экспедицию. Успех был полный, и в Бардо был заключен договор с беом (Саддоком), вполне подчинявший страну Франции. Турция сделала было попытку протеста, послав в Триполи целый корпус войска, но из этого ничего не вышло. Это была вообще эпоха сильного раздражения мусульманского мира против христиан. Только что окончилась Русско-турецкая война, — окончилась поражением халифа, взволновавшим правоверных на всем пространстве от Атлантического до Индийского океана. Это были годы зарождения панисламизма, годы магометанских восстаний в Египте и в Судане. Восстание не могло не вспыхнуть и в Тунисе. Французы справились с ним очень скоро. В 1883 г. с новым беом, братом прежнего, умершего, был заключен новый договор (в Марсе), еще более ограничивший власть бея постоянным контролем французского «генерал-резидента».

Другим важным приобретением французов в Африке была громадная область, в настоящее время, т. е. в начале XX столетия, охватывающая все страны внутренней Африки от Атлантического океана приблизительно до 40° восточной долготы от острова Ферро (или 20° от Парижа). Она тянется с севера на юг от Алжира и Туниса, заключая в себе всю Сахару и Судан, до лежащего на экваторе Конго, местами доходя до берегов Атлантического

¹ В 1882 г. Алжир был увеличен присоединением к нему с юга Мзаба с несколькими находящимися в нем городами, а позднее — оазисами на марокканской границе.

² В 1880 г. итальянцев здесь было до 20 тыс.

океана в Верхней и Новой Гвинее, где, кроме того, эта громадная территория упирается в границы гвинейских владений Англии и германских колоний Того и Камеруна. Исходным пунктом движения французов в эти края была старая (с 1696 г.) Сенегальская колония, сохранившаяся за ними и после наполеоновских войн. Начало движения относится к 1880 г., а в 1884 г. французы достигли уже верхнего течения Нигера. Другим таким же исходным пунктом сделалось приобретенное в 1876 г. на Невольничьем берегу французское владение в Дагомее, которая после ряда войн была покорена окончательно в 1892 г. В этой стороне конкурентами французов явились немцы, в восьмидесятых же годах основавшие тут свои колонии¹, и англичане, начавшие приобретать на нижнем Нигере земли еще в семидесятых годах, а в 1879 г. для их эксплуатации образовавшие Соединенную Африканскую компанию, которая в 1885 г. получила королевскую хартию. Дальнейшим успехам французов много помогли научные экспедиции во внутреннюю Африку. Это было вообще время смелых путешествий во внутреннюю Африку, прославивших на весь свет имена Ливингстона и Стэнли², из среды же французских исследователей новых стран особенно выдвинулся Саворньян де Бразза³, совершивший в семидесятых и особенно в восьмидесятых годах ряд географических открытий и установивший несколько французских «протекторатов» над черными царьками при щедрой денежной помощи со стороны государства (например, в 1883 г. палаты вотировали ему более одного с четвертью миллиона франков). Благодаря энергичному предпринимателю и его сподвижникам, французские владения дошли до Конго и Гвинейского залива между германским Камеруном и устьем названной реки (1885 г.). Другие исследователи в конце восьмидесятых и начале девяностых годов направили свои изыскания в самый центр Африки, в сторону озера Чад, где французы тоже утвердили свое владычество в последнем году прошлого столетия (1900 г.). Все эти и другие, оставшиеся неупомянутыми миссии, время от времени приходили в столкновение с представителями других европейских национальностей. Одна из них, находившаяся под начальством капитана Маршана, двинулась в 1897 г. с берегов Конго через всю Африку прямо к Нилу, которого и достигла в июле 1898 г. у города Фашоды, несколько южнее 10° северной широты. В 1884 г. этот город был завоеван махдистами, сделавшими из него свою столицу, но после разгрома их англо-египетскими войсками французское правительство (Мелин) задумало завладеть и Фашодой, что-

¹ См. ниже о Того и Камеруне.

² О Ливингстоне существует целая литература (соч. Roberts'a, Behm'a, André, Blaikie, Barth'a, Plénier'а и др.). Одно из этих соч. (*Стэнли. Как я нашел Ливингстона?*) пользовалось большой популярностью и у нас в начале семидесятых годов. О самом Стэнли кн. Meichard'a. Исследования Ливингстона, Стэнли, Бразза, Петерса и др. оказали в высшей степени важные услуги географии Африки.

³ *Neuville, Bréard. Les voyages de Savorgnan de Brazza* (1884).

бы утвердиться в верхнем течении Нила. Маршану удалось без большого труда исполнить эту задачу, но вскоре и английский генерал Китчинер, одержав решительную победу над махдистами (в сентябре 1898 г. при Омдурмане), подошел к Фашоде, занятой французами. Между тем английский министр Солсбери заявил перед французским министерством (Бриссона), что Англия не потерпит занятия какого бы то ни было пункта на Ниле какой-либо европейской державой, и что удержание Фашоды французами будет сочтено за *casus belli*¹. После этого, в ноябре 1898 г., Маршану было дано приказание очистить Фашоду, что вызвало страшное раздражение во Франции, где даже рьяные сторонники «реванша» начали проповедовать необходимость франко-германского союза против Англии. Дело кончилось франко-английской конвенцией 1899 г., определившей границу французских владений водоразделом между Нилом и Конго. В общем, Франция заняла около трети Африки. В эту же эпоху Франция утвердила свое владычество в восточной части Африки, на Индийском океане, над Мадагаскаром и Обоком. С Мадагаскаром французам пришлось вести две войны (1882—1885 гг. и 1895 г.): первая окончилась установлением протектората, усиленного в смысле «своих последствий» новым трактатом после второй войны. В 1896 г. на острове вспыхнуло восстание, которое привело к простой аннексии Мадагаскара к колониальной империи Франции. Что касается Обока, то он был приобретен еще Наполеоном III, в восьмидесятых же годах произошло значительное расширение этой колонии, одним из эпизодов в истории которой было нападение в ней на крепостцу Сагалло русских авантюристов под начальством «вольного казака» Ашинова, ездившего в соседнюю Абиссинию² (1889 г.). Отметим еще приобретение Францией в девяностых годах некоторых островов в Индийском океане (Амстердам и Святого Павла).

Наконец, это же время, два последних десятилетия прошлого века, было эпохой больших французских приобретений в Индо-Китае. Мы знаем уже, что в шестидесятых годах Наполеон отторг от Аннама Кохинхину и Камбоджу. В 1873 г. один французский негодант в Китае (Жан Дюпюи) на свой страх сделал нападение на одну часть аннамской территории, погибнув, однако, в битве, что послужило поводом к заключению в 1874 г. договора, по которому Франция признавала независимость Аннама, но ставила его внешнюю политику под свой контроль. Китай, считавший Аннам своим вассальным государством, протестовал против нарушения прав сюзеренитета, а в Тонкине было убито несколько французов, откуда и возникла война не только с Аннамом, но и с Китаем (1883 г.). После не-

¹ Формальный повод к объявлению войны и началу военных действий (*лат.*). — *Прим. ред.*

² На территории бывшей Абиссинии теперь существуют два государства: Эфиопия и Эритрея. — *Прим. ред.*

которых неудач война кончилась победой (1885 г.), за которой последовало присоединение Тонкина и установление французского протектората над остальным Аннамом. Жюль Ферри мечтал еще о протекторате над Сиамом с превращением Бирмы в государство-буфер между французскими и английскими владениями, но Бирмой овладел в 1885 г. вице-король Индии, лорд Дёфферин, а с Сиамом, подпавшим всецело английскому влиянию, у Франции возникли затруднения, заставившие даже в 1893 г. устроить против сиамского короля военную демонстрацию.

Теперь очередь за колониальной политикой Германии¹. Если раньше Германия не заводила колоний, то это еще не значит, что немецкая нация не нуждалась в новых территориях для выселения избытка своего населения: именно только политическое устройство Германии не благоприятствовало тому, чтобы ею заводились собственные колонии, для которых прежде всего нужно было обладать вооруженной силой на море. Что касается до эмиграции населения, то она была значительной уже в XVIII столетии, когда, между прочим, из разных частей Германии уходили от тогдашних невозможных социальных условий массы переселенцев в Россию, где по приглашению и с помощью нашего правительства основывали свои колонии. В Америку немцы стали переселяться еще раньше, в XVII в., и, например, Пенсильвания, вступая в союз с другими штатами, имела весьма значительное немецкое население, язык которого даже пользовался признанием со стороны местных властей. В росте населения Соединенных Штатов Северной Америки посредством иммиграции из Европы немцам принадлежало довольно видное место. Известно, что, по крайней мере, четыре пятых теперешнего населения великой заатлантической республики происходит от людей, предки которых не жили в стране в эпоху образования союза, и что из Европы в Соединенные Штаты переселилось в XIX в. около 20 млн человек, добрая же четверть этой цифры, т. е. до 5 млн падает на немцев, — правда, не из одной только теперешней Германии, но и из Австрии и Швейцарии. В 1852 г. цифра немецких переселенцев в Северную Америку достигла уже 100 тыс. в год, в 1881 — более 220 тыс. Германия же была первой континентальной страной, между портами которой и северо-американскими портами завязалось — еще в 1847 г. — правильное пароходное сообщение, благодаря чему в связи с эмиграцией из одной страны в другую стали развиваться торговые сно-

¹ Hassert K. Deutschlands Kolonien (1898; последнее издание 1907 г.); Hauser. Colonies allemandes, impériales et spontanées (1900); Stoecklin. Les colonies et l'émigration allemandes; Demay. Histoire de la colonisation allemande; Bülow H. v. Deutschlands Kolonien und Kolonial-Kriege (1900); Schmidt R. Deutschlands Kolonien (1902); Rohrbach P. Deutsche Kolonial-wirtschaft (1907); Tonnebar E. L'expansion allemande hors d'Europe: États Unis, Brésil, Chantoung, Afrique du Sud (1908); Heilborn A. Die deutschen Kolonien (1908; небольшой географический и этнографический обзор по новейшим данным с очень богатым перечнем литературы, с. 167—170, и недурной картой); Cannstatt O. Fürst Bismarcks kolonialpolitische Initiative (брошюра 1908 г.).

шения между обеими странами и доставили в торговле с Северо-Американскими Соединенными Штатами Германии первое место после Англии, так что в этом отношении немцы обогнали французов, несмотря на их непосредственное соседство с Атлантическим океаном. Только к концу XIX в., вследствие общего подъема народного благосостояния в Германии, цифра выселяющихся за океан стала падать, и случилось, например, так, что в один год из Гамбурга выехало только 20 тыс. немцев и 170 тыс. из России, Австро-Венгрии, Румынии и т. п. Кроме пяти миллионов немецких переселенцев в Соединенные Штаты, сотни тысяч переселились в Канаду, Аргентину, Австралию и другие страны. Эти миллионы и сотни тысяч были, так сказать, потеряны для немецкого отечества, а потому уже в сороковых годах, когда в Германии стало усиливаться сознание национального единства, поднимался вопрос о том, нужно ли немцам своей иммиграцией усиливать иностранные владения.

Сильный рост населения в Германии после ее объединения тоже заставлял подумывать о необходимости приобретения собственных колоний, куда мог бы уходить избыток населения без ущерба, наоборот, с выгодой для самой Германии, и которые вообще были бы для нее большим экономическим подспорьем.

В самом деле, население Германии, определявшееся в 1871 г. цифрой 41,1 млн, к 1880 г. возросло до 45,2 млн, к 1890 г. — до 49,4 млн, к 1900 г. — до 56,4 млн, а к 1908 — до 63,3 млн чел. В 1871 г. Германия была страной, вывозившей хлеб, с середины восьмидесятых годов она стала уже ввозить хлеб и, таким образом, из «Agrarstaat», как теперь выражаются, превращаться в «Industriestaat». Это превращение страны с преобладанием сельского хозяйства над промышленностью в страну с обратной экономической характеристикой, несомненно, обуславливалось быстрым ростом населения, причем индустриальное развитие даже стало обгонять рост населения: в 1880 г. Германия вывозила на 2,95 млрд марок, ввозила на 2,86 млрд, а в 1899 г. вывоз был в 4,37, ввоз — в 5,78 млрд, чтобы к 1906 г. достигнуть цифр 6,36 и 8,02 млрд, т. е. в 19 лет, между 1880 и 1899 г., рост вывоза и ввоза выразился приблизительно на 2 и на 3 млрд, в гораздо более короткий промежуток времени между 1900 и 1906 г. на почти 1,5 и почти на 2,5 млрд, тогда как население между 1880 и 1899 г. увеличилось на 10 млн, а между 1900 и 1906 г. только на половину этой цифры¹. Раньше в Германию ввозились из вне-европейских стран только так называемые колониальные товары и, в особенности, хлопчатая бумага, к началу же XX в. не только возрос ввоз последней, но и страшно усилился ввоз всякого сырья, необходимого для германской индустрии, а также и разных продуктов для пропитания населения, на первом месте — хлеба. Во внешней торговле

¹ Эти цифровые данные, как и другие указания, делающиеся ниже, заимствованы из книги Dr. Paul Rohrbach'a «Deutschland unter den Weltvölkern» (2-е изд. 1908 г.).

Германии, благодаря этому, все более и более стали играть роль заокеанские страны, между ними Северо-Американские Соединенные Штаты и Аргентина по вывозу из них пшеницы. В своей вывозной и ввозной торговле, вместе взятых, Германия опередила многие другие страны: в начале XX в. (1906 г.) внешняя торговля Германии уже определялась в 15,5 млрд марок и уступала только английской (почти 21 млрд), но превосходя североамериканскую (12,5 млрд) и русскую (едва 3,5 млрд). Еще в середине восьмидесятых годов в этом отношении Германия стояла позади Франции, в первые же годы XX столетия германская торговля перегнала французскую (немного более 8 млрд), превывсив ее почти вдвое. Вычислено, что к началу XIX в. одна шестая или даже одна пятая часть населения страны должна была питаться привозным хлебом. Всем этим экономическая жизнь германской нации начала обречь на дальнейшее развитие обрабатывающей промышленности и торговли и на развитие приложения германского капитала в заграничных и, на первом плане, во внеевропейских странах. Таким образом, времена, по выражению Бисмарка, «насыщенности» Германии в ее европейских границах стали все дальше и дальше уходить в прошлое, и перед Германией начали все больше раскрываться широкие перспективы заокеанских территориальных приобретений по примеру Англии, — как ни противились этому консервативно-аграрная, католико-ультрамонтанская и социал-демократическая партии. Особое влияние на переход Германии к колониальной политике приписывают брошюре одного из деятелей Рейнского миссионерского общества, Фабри, под заглавием «Bedarf Deutschland Kolonien?»¹. В ней указывалось на рост населения с 38 млн до 50, — в одном Берлине число жителей поднялось с полумиллиона до полутора, — а также и на то, что земледелием раньше питалось в Германии почти три четверти населения, тогда как теперь, в начале восьмидесятых годов, отношение это сделалось вдвое меньшим, и что возрастающее число людей, занятых промышленной деятельностью, нуждается и в дешевом сырье, которое можно получать только из колоний, и во внеевропейских рынках, которые не могли быть заперты для германской промышленности.

Первыми своими колониями современная Германия обязана частной инициативе. В ноябре 1882 г. бременский купец Фр. Ад. Людериц обратился с вопросом в министерство иностранных дел, может ли он рассчитывать на покровительство и защиту империи, если он устроит поселение на юго-западном берегу Африки, к северу от устья Оранжевой реки. Ответ ему был дан утвердительный, но под условием приобретения там такой гавани, на которую не могло бы быть предъявлено притязания каким-либо другим государством. Условие это было исполнено весной 1883 г. путем приобрете-

---

¹ «Нужны ли колонии Германии?» (нем.). — *Прим. ред.*

ния за какие-нибудь две тысячи марок и двести ружей у местного князька полосы земли верст в 15 вдоль берега и верст в 35 в глубь материка¹. К югу от этой территории лежал Капланд, английская колония, в главном городе которой, Капштадте, начали было протестовать против этого приобретения, но Бисмарк послал местному германскому консулу решительную телеграмму о том, что владение Людерица находится под защитой Германской империи. 7 августа в бухту Ангри-Пеквену, находившуюся на севере этой территории, явились два германских корвета с десантом, и на берегу был поднят имперский флаг, причем была прочитана прокламация, которой Германия извещала весь мир о своем вступлении на путь колониальной политики. Третье военное судно проехало вдоль берега моря к северу до мыса Фрю и тоже подняло на берегу германский флаг (оставив нетронутой лишь Китовую бухту, принадлежавшую англичанам), чем и было положено начало германской Юго-Западной Африке, в которой тотчас же были заключены сделки с местными князьками насчет уступки территорий. Еще севернее Германия тогда же начала утверждать за собой и свои будущие западноафриканские колонии Камерун напротив испанского острова Фернандо По, и Того на Невольничьем берегу. Известие о приобретении Того свалилось как снег на голову на совершенно не приготовленную к нему публику. В 1880 г. гамбургские и бременские торговые дома основали здесь первые свои учреждения, в независимой от Англии области, что очень не нравилось соседним англичанам, но ввиду того, что на поселенцев стали нападать туземцы, как жаловались с германской стороны, подстрекаемые англичанами, владельцы немецких факторий и обратились к своему правительству, прося помощи, каковая сюда и явилась в виде военного судна и правительственного комиссара. Между туземными главарями тоже возникли распри, и часть их обратилась к германскому императору с просьбой защитить их от вмешательства англичан в их дела, взяв их под покровительство Германии. В июле 1884 г. германский флаг был водружен в двух приморских пунктах, и с главным вождем Того был заключен договор. Однако здесь немцы встретились еще с притязаниями французов, и только после долгих переговоров с ними летом и в начале осени 1885 г. немцам удалось утвердиться в этой области. Столь же неожиданным было для непосвященных и приобретение Камеруна. Еще в середине XIX в. здесь завязали торговые отношения гамбургские купцы (в особенности Вёртман), основавшие в исходе шестидесятых годов первые немецкие фактории в этой области, причем Вёртманом было устроено правильное пароходное сообщение с Гамбургом. С самого начала и в Камерунской области возникло у немцев соперничество с англичанами, которые тоже имели в ней фактории. Еще в 1874 г. немцы обращались к сво-

---

¹ Территория эта получила название Lüderitzland'a.

ему правительству с просьбой учреждения в Камеруне консульства, но безуспешно, и только через десять лет, когда германским подданным стала грозить опасность от туземцев, между которыми начались междоусобия, к берегам этой области явилось военное судно, только что побывавшее у берегов Того, и в Камеруне тоже стал развеиваться германский флаг. И здесь, и там правительственным комиссаром Германии был Нахтигаль¹, известный исследователь Африки, вскоре после этого и скончавшийся на борту германского военного судна, исполнявшего у западных берегов Африки столь важную миссию.

В том же 1884 г., когда были приобретены Того и Камерун, Германия овладела в Тихом океане северо-восточной частью Новой Гвинеи и соседними с ней островами. В этих местах существовал немецкий торговый дом Годафруа из Гамбурга, который в конце семидесятых годов попал в затруднительное положение по части платежей, и для поддержки которого образовалось особое «Германское общество морской торговли», само обратившееся за помощью к правительству, на что последовал отказ. Это было в 1880 г. Скоро, однако, отношение правительства к вопросу изменилось. В 1882 г. во Франфурте-на-Майне возник «Общий германский колониальный союз», насчитывавший в своих рядах много политических деятелей и ученых и образовавший целый ряд филиальных отделений во всей империи², а осенью того же года в одной газете (аугсбургской «Allgemeine Zeitung»)³ появилась статья, в которой указывалась часть Новой Гвинеи, не принадлежавшая голландцам, как территория, удобная для германской колонизации. Статья эта обратила на себя внимание не только в Германии, но даже и в Австралии, где стали говорить, что вся группа названных островов представляет собой естественную принадлежность Австралии. Поэтому австралийские колонисты начали просить правительство своей метрополии о присоединении Новой Гвинеи, соглашаясь принять на свой счет издержки предприятия, к чему английское правительство стало обнаруживать склонность. Так как это грозило торговым интересам Германии на Тихом океане, то германское правительство поспешило в августе 1884 г. предложить в Лондоне, через своего посла, совершить в Новой Гвинее разграничение территорий, которые будут находиться под государственной охраной Германии и Англии. Месяцем раньше к Бисмарку обратилось упомянутое «Германское общество морской торговли» с сообщением, что им отправлена в Меланезию с целью земельных приобретений первая экспедиция, и с просьбой назначить правительственных агентов с надлежащими полномочиями относительно взятия приобретенных земель под протекторат империи. На этот раз правительство исполнило просьбу на-

¹ Ему принадлежит видное место среди исследователей, о которых см. выше.

² Рядом с ним возникло и другое, которое в 1888 г. слилось с ним в одно.

³ «Всеобщая газета» (нем.). — *Прим. ред.*

званного общества, и германский флаг был водружен как на Новой Гвинее, так и на соседнем значительном острове архипелага Новой Британии, получившем название Новой Померании. В 1885 г. состоялось и соглашение с Англией, после чего официально были взяты под имперскую охрану часть Новой Гвинеи, под названием Земли Императора Вильгельма I, и указанный архипелаг, переименованный теперь в архипелаг Бисмарка, а в следующем году по соглашению же с Англией в состав германского «Schutzgebiet'a»¹ вошла и часть Соломоновых островов. Нужно заметить, что на острове к востоку от Новой Гвинеи немецкие торговые фирмы имели свои учреждения еще с середины семидесятых годов. Кроме того, с конца семидесятых годов некоторые немецкие фирмы завели свои плантации и приобрели по договору с одним из местных князьков угольную станцию на Маршалльских островах, что было только предисловием к водружению и здесь германского флага, по договору же с Англией в 1886 г. о разграничении владений на Тихом океане все Маршалльские острова были признаны входящими в германский «шццгебит». Тогда же, в середине восьмидесятых годов, Германией была сделана попытка утвердиться на островах Самоа, окончившаяся удачей только позднее.

К тому же периоду относится, наконец, приобретение Германией и первых частей обширной территории в восточной Африке, к югу от экватора между английскими и португальскими владениями с севера на юг и между Индийским океаном и большими озерами Танганьика и Ньясса с востока на запад. Этим приобретением Германская империя обязана инициативе общества германской колонизации² и энергии смелого исследователя Карла Петерса³. В конце 1884 г. ему удалось заключить с несколькими князьками договоры, в силу которых они уступали свои верховные права названному обществу. По возвращению на родину Петерс нашел тотчас же поддержку у Бисмарка, и в феврале 1885 г. от Вильгельма I была получена грамота, которой земли, приобретенные в Восточной Африке «Германо-восточноафриканским обществом Петерса и К^о», признавались состоящими под верховенством Германской империи. В Англии уже давно засматривались на эту область, и потому, как только было объявлено о приобретении ее Германией, состоящий под английским протекторатом занзибарский султан протестовал против этого акта германского правительства. Тогда под Занзибаром явился германский флот, и это заставило султана смириться.

Некоторые из перечисленных германских колоний превосходят своими размерами саму Германию. Немецкая Восточная Африка (995 т. кв. километров) чуть не вдвое больше метрополии (540 тыс. кв. километров),

¹ Колониальные владения Германии. — *Прим. ред.*

² Имеется в виду, по всей видимости, Германское колониальное общество. — *Прим. ред.*

³ Петерс подвергался очень часто нареканиям за свое жестокое обращение с туземцами.

а Немецкая Юго-Западная Африка (с лишком 835 тыс. кв. километров) обширнее ее почти на две трети. Лишь немногим сама Германия больше Камеруна (около 495 тыс. кв. километров), и только Того (87 тыс. кв. километров), да Земля Императора Вильгельма I (179 тыс. кв. километров), не говоря уже об островах¹, меньше Германии. Все-таки, однако, Того равняется четверти прусской территории и превосходит баварскую территорию (76 тыс. кв. километров), Земля же Императора Вильгельма I составляет приблизительно половину Пруссии. В общей сложности перечисленные колониальные владения Германии образуют территорию в 2655 тыс. кв. километров, что превышает территорию самой метрополии почти в пять раз. Среди колониальных наций Европы после англичан и французов немцы занимают первое место. Такие важные результаты были достигнуты Германской империей в Африке и на Тихом океане сравнительно в очень короткий срок — между 1883 и 1886 гг., главным образом, в 1884—1885 гг., хотя бы тогда еще и не были вполне определены точно границы этих колоний. В истории их основания нельзя не отметить притом некоторые общие черты. Начало всему делу было положено германскими торговыми фирмами, но даже в семидесятых еще годах они напрасно просили у правительства помощи, которая им была нужна и против англичан, почти всюду заявлявших притязания на незанятые территории, и против туземцев, нападавших на немецкие учреждения. Правительство стало помогать германским пионерам в заокеанских странах только в восьмидесятых годах после того, как и в самой Германии началось общественное движение в пользу колониальной политики. С Англией и с другими европейскими странами германское правительство стало входить в соглашения, которых и впоследствии было немало. Окончательное соглашение с Англией относительно Восточной Африки состоялось лишь в 1890 г., когда за отказ Германии от Занзибара и еще одного соседнего острова Англия возвратила ей Гельголанд. Для определения границ Того пришлось вступать в переговоры с Францией (1897) и даже два раза (1899 и 1904 гг.) с Англией. Одновременно с Восточной Африкой англо-германский договор урегулировал границы и Юго-Западной Африки, по вопросу о которых пришлось договариваться также с Португалией. По поводу захваченных было немцами в 1886 г. Каролинских островов Германии пришлось иметь спор с Испанией, и третейский суд папы Льва XIII решил его в пользу Испании, но в 1899 г. Германия купила их у Испании с Марианскими островами за 20 млн марок (пространство в 2 тыс. кв. километров). Приобретение островов Самоа имело даже очень сложную и запутанную историю². Здесь

¹ В архипелаге Бисмарка 65 тыс. кв. километров. Даты и цифры заимствованы из сочинения знатока германских колоний А. Heilborn'a «Die deutschen Kolonien» (по 2-му изд. 1907 г.).

² Die Vorgeschichte der Enverbung Samoas ist sehr verwickelt und intrigenreich. A. Heilborn. S. 143.

немцам в 1884-м и следующих годах оказали сильное противодействие англичане и американцы, а попытка устроить соглашение всех трех заинтересованных сторон в 1889 г. не привела ни к чему, и только в 1899 г. Германия поделила их между собой и Америкой, уступив последней несколько маленьких островков, а себе взяв большие (2,5 тыс. кв. километров).

Что касается до туземцев, то две тысячи марок и 200 ружей, отданных за Людерицланд, очень хорошо характеризует, за какие незначительные деньги покупались у полудиких князьков земли, сделавшиеся собственностью немцев. Немецкие историки постоянно обвиняют англичан, что они своими интригами среди туземцев поселяли в них нерасположение к немцам, но и сами немцы, что называется, охулки на руку не клали¹ в своих отношениях к местным народцам. Сама германская пресса разоблачала страшные жестокости многих колонистов по отношению к туземцам. Еще слишком короткая история колониального царства Германии полна восстаниями темнокожих и, вместе с тем, междоусобиями в их среде, в которые вмешивались как соперники немцев, так и они сами. В 1904 и 1905 гг. восстания в обеих наиболее значительных областях Африки приняли для Германии даже довольно грозные размеры и потребовали с ее стороны немало жертв. Впрочем, это — обычное явление в истории европейских колоний, отмеченное еще Рэйналем в его «Истории обеих Индий».

Германский рейхстаг сначала не обнаруживал склонности поддерживать колониальную политику. Сделанное Бисмарком еще в 1880 г. предложение о рассроченной на 20 лет ссуде торговому дому Годафруа было тогда отклонено, правда, незначительным большинством голосов под влиянием главы германских манчестерцев Бамбергера, который доказывал, что раз торговое предприятие само не в состоянии приносить дохода, то оно ничего не стоит. Сам Бисмарк высказал свой взгляд на колониальную политику в одной парламентской речи 1884 г. Именно, он сказал, что он не сторонник французской колониальной системы, заключающейся в том, чтобы, заняв территорию, послать туда только солдат и чиновников и только потом привлекать туда переселенцев, но что готов защищать имперскими силами от непосредственных соседей и других европейских держав колонии, которые не искусственно созданы и возникли сами собой. Нельзя же объявить этим ганзейским предпринимателям, что все это, дескать, прекрасно, но империя слишком бедна, труслива и слаба, чтобы вам помочь? В 1885 г. рейхстаг принял предложение правительства о большой субсидии одному пароходному обществу, обязавшемуся поддерживать правильное почтовое сообщение с Восточной Азией и Австралией, а в 1889 г. то же было сделано и для правильных сношений с Африкой. Впрочем, оказывая

¹ Ср. «Охуждать, охулить, признать худым, плохим, дурным, негодным... Мы охулки на свои руки не положим». Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб., М.: Издание книгопродаца-типографа М. О. Вольфа, 1881. Т. II. С. 774). — *Прим. ред.*

поддержку всем этим начинаниям, Бисмарк отнюдь не хотел, чтобы Германия приобретала какие-либо «колониальные провинции», как он сам выражался: все дело должно было заключаться в имперской охране (Schutz) торговых компаний, которым и выдавались особые охранные грамоты (Schutzbriefe). Так как, однако, отсутствие военной силы ставило эти общества в трудное положение, то империи пришлось пойти далее. Так, в 1889 г. рейхстаг согласился на просьбу Восточно-Африканского общества, чтобы империя взяла на себя военную защиту его областей, а в 1890 г. по договору между империей и названным обществом первая взяла на себя и все управление колонией, заплатив компании известную сумму денег, в виде возмещения за пошлины, которые она взимала в свою пользу. То же произошло по отношению к Юго-Западной Африке в 1889 г., по отношению к Новой Гвинее в 1898 г. Везде вместо управляющих, назначавшихся торговыми компаниями, во главе колониальных территорий ставились правительственные губернаторы. Только Того и Камерун сразу сделались непосредственными колониями империи¹. В 1907 г. даже возникло особое имперское ведомство (Reichsamt) по заведованию колониальными делами.

Италия², как и Германия, до своего объединения не имела колоний, несмотря на то ни один романский народ в Европе не давал такого большого количества эмигрантов, как итальянский. Подобно немцам, итальянцы выселялись в чужие государства. В XIX в. особенно большое количество народа выселялось из южной части полуострова и из Сицилии в Тунис, где обосновалось в городах множество купцов, вне городов — значительное число земледельцев, ведущих свое хозяйство, и, кроме того, селилась масса рабочих, ремесленников и мелких торговцев, так что самым распространенным и наиболее употребительным из европейских языков в Тунисе сделался итальянский. В 1878 г. на Берлинском конгрессе представители Германии и Австро-Венгрии предложили Италии свою поддержку в случае занятия Туниса ее войсками, на что итальянский уполномоченный, граф Корти, иронически отвечал вопросом: неужели князю Бисмарку так хочется втравить Италию в войну с Францией? По-видимому, опасения графа Корти были тогда совершенно напрасными: Франция едва ли

¹ В немецкой литературе такие непосредственные имперские, или коронные колонии (directe Reichs- или Kronkolonien) и Schutzgebiete различаются между собой.

² *Colojani N.* Politica coloniale (1891); *Martini F.* Cose africane (1896); *Mantegazza V.* La guerra in Africa (1896); *Be la Jonguière.* Les italiens en Erytrée: quinze ans de politique coloniale (1897); *Melli B.* La colonia Eritrea dalle sue origini al 1 marzo 1900 (1900); *Foschini Fr.* La Somalia italiana (1908); *Wylde A.B.* Modern Abyssinia (1900; см. гл. V—IX об итальянской кампании); *Lauribar P. de.* Douze ans en Abyssinie (1898); *Троянский А.* Эритрейская колония Италии // Записки Императорского Русского географического общества. 1893; *Fumagalli.* Africa italiana (1895 и след.). *Mario.* La colonia Eritrea. О неудачах итальянской торговли в Абиссинии см.: *Криндач Ф.* Очерк промышленности и торговли Абиссинии (1899). С. 23, 27; *Franceschini A.* L'emigrazione italiana nell' America del Sud (1908).

бы решилась на войну с Италией при поддержке последней со стороны двух империй, тем более, что тогда, в 1878 г., во Франции еще не существовало плана о создании на севере и западе Африки французского колониального царства. Во всяком разе, Италия упустила тогда случай присоединить к своим владениям бывшую Карфагенскую область, или древнеримскую провинцию Африку уже с довольно значительным итальянским населением, страну очень богатую и притом такую, обладание которой было бы важно для Италии и в смысле ее политического усиления на Средиземном море, так как при сравнительной близости западной оконечности Сицилии к мысу Бону в Африке, в руках Италии находился бы проход между восточной и западной половинами Средиземного моря. Когда Тунисом завладела Франция, Италия не замедлила ответить на это своим сближением с Германией и Австро-Венгрией, в результате чего и получился тройственный союз, несмотря на то, что сами итальянцы более симпатизировали французам, а австрийцев продолжали по-прежнему не любить, считая притом, что у них нужно было бы отнять Южный Тироль и Триест. Вместе с тем итальянское правительство решило вознаградить себя за потерю Туниса занятием в 1881 г. Массавы (Massaua) на Красном море, что вызвало протест со стороны абиссинского негуса¹ Иоанна, а потом и войну Италии с Абиссинией. На время Италии удалось установить над Абиссинией свой протекторат (1889 г.), но, в сущности, преемник Иоанна Менелик только о том и думал, чтобы освободиться от итальянцев и их соседства. Итальянцам вся эта колониальная авантюра обошлась очень дорого, что крайне неблагоприятно отразилось на их финансах, а через десять лет после ее начала и военное счастье им совершенно изменило: именно, в самом конце 1895 и начале 1896 г. они потерпели два сильных поражения от абиссинцев (при Амба-Аладжи и особенно при Адве). От абиссинских планов Италии после этого пришлось отказаться и ограничиться лишь береговой полосой у Красного моря и по соседству подобной же полосой на Сомалийском берегу. Из «эритрейского» предприятия, таким образом, ничего не вышло, и тогда итальянская политика поставила себе новую цель — усилить итальянское влияние по другую сторону Адриатического моря, на Балканском полуострове, — именно в Албании — и восстановить итальянское господство на самом Адриатическом море, что, конечно, совершенно противоречит целям австрийской политики².

Отметим еще образование в самом сердце экваториальной Африки так называемого «независимого государства Конго»³.

¹ Сокращенный титул императора Абиссинии (Эфиопии), полностью: «негус негести» («царь царей»). — *Прим. ред.*

² *Chlumecky L. v. Oesterreich-Ungarn und Italien* (1907).

³ *Wauters. L'état indépendant du Congo* (1899); *Gattier E. Étude sur la situation de l'état indépendant du Congo* (1906; изд. 2-е); *Pierantoni R. Le traité de Berlin de 1885 et l'état indépendant*

Страна по верхнему течению Конго сделалась известной европейцам только со времени исследования ее, в 1877 г., знаменитым Стэнли, который был инициатором особой торговой компании Конго под председательством бельгийского короля (1878). Кроме этой компании, на обширную область Конго зарились и французы, и англичане. Бисмарк, перешедший к колониальной политике, воспользовался начавшимся из-за египетских дел 1882 г. охлаждением между Францией и Англией, чтобы в согласии с Францией созвать по делам Конго в Берлине конференцию (Kongo-Konferenz), в которой участвовали представители четырнадцати государств и которая продолжалась с ноября 1884 до февраля 1885 г. Конференция международным актом, к великому неудовольствию Англии, признала Конго независимым государством (*état libre du Congo*), пользующимся нейтралитетом и свободой торговли, и отдала его под суверенную власть бельгийского короля, который вскоре (1889) передал свои права по завещанию самой Бельгии¹. В 1890 г. в Брюсселе собиралась по делам Конго новая международная конференция, принявшая несколько важных решений, касающихся границ, торговли и т. п. этой, в сущности, бельгийской теперь колонии.

Не один вопрос о Конго был предметом международных переговоров и соглашений по колониальным делам. Разведочные миссии, торговые предприятия, военные экспедиции отдельных колониальных наций в последние два десятилетия XIX в. то и дело сталкивались между собой что приводило потом в движение дипломатические канцелярии и вызывало разные договоры, посредством которых улаживались спорные дела, уступались и переуступались, делились и переделывались, оккупировались, аннексировались, нейтрализировались и т. п. целые территории на суше и целые группы островов на океанах. Нам и еще раз придется бросить взгляд на всю эту «мировую политику» конца XIX в. в связи, между прочим, с совершенно новыми вопросами Дальнего Востока, которые XIX в. оставил в наследство текущему столетию². Здесь только нужно особенно подчеркнуть то, что отношения, возникавшие между европейскими державами в других частях света, не могли не отражаться на конъюнктурах внешней политики и в самой Европе. Столкновение интересов Франции и Англии в Африке (например, Египет, Фашода) оказывало влияние на их европейскую политику. Занятие Туниса Францией бросило Италию в объятия австро-германского союза. Но вместе с тем колониальные державы избегали

---

du Congo (1901; пер. с итал.); *Descamps. L'Afrique nouvelle* (1903). Для истории международных соглашений относительно раздела Африки и, в частности, о Конго см.: *бар. Б. Нольде*. Постоянно-нейтральное государство (1905). С. 420 и след.

¹ В Конго в начале XX в. на целые миллионы туземцев (от 15 до 30) европейцев было только 2,5 тыс., среди которых большинство (1,5) составляли бельгийцы.

² См. ниже, гл. XXV.

воевать, предпочитая, наоборот, вступать в переговоры, делать друг другу уступки, созывать международные конференции, прибегать к третейскому суду¹. Одних соглашений между двумя государствами, примеры которых мы не раз видели выше, иногда оказывалось недостаточно, и нужны были именно международные конференции, как в вопросе о Конго.

---

¹ См. в следующей главе о третейском суде папы Льва XIII между Германией и Испанией из-за Каролинских островов. Или, например, в 1888 г. русский император был избран третейским судьей между Францией и Голландией для разрешения их спора о границах между Французской Гвианой и Суринамом.

XV. Германия времен «социальной политики»¹

¹ Кроме литературы, указанной в гл. VII и VIII, в которых рассматривается внутренняя жизнь Германии в семидесятых годах, и кроме того, что указано выше по внешней и колониальной политике в гл. XII–XIV, см. еще по экономической истории Германии наиболее новые труды: *Huber F.C.* Deutschland als Industriestaat (1901); *Sombart W.* Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert (1903); *Arndt P.* Deutschlands Stellung in der Weltwirtschaft (1907); *Уильямс.* Торжество германской промышленности. «Made in Germany» (1897); *Medley G.W.* The German Bogey: a reply to «made in Germany» (1896); *Oldenberg K.* Deutschland als Industriestaat (1897). *Kindermann G.* Deutschlands wirtschaftliche Weltstellung (1909); *Dawson W.H.* The evolution of modern Germany (1908). Специально по истории экономической политики Германии указываем: *Zimmermann.* Die Handelspolitik des Deutschen Reichs vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart (1899); *Gothein G.* Der deutsche Aussenhandel (1901); *Huber F.C.* Der gesetzgeberische Ausbau des Deutschen Reiches und seine Wirtschaftspolitik (1906). В специальной работе М. Фридмана об «обложении спирта сахара, пива и табака в Германской империи», составляющей первый том его книги «Современные косвенные налоги на предметы потребления» (1908), первые 68 страниц представляют собой очерк экономической политики Германской империи в эпоху Бисмарка. *Озеров И.* Главнейшие течения в развитии прямого обложения в Германии (1899); *Heckel M.* Die Fortschritte der directen Besteuerung in deutschen Staaten, 1880–1903 (1905); В частности, об отношении Бисмарка к экономическим вопросам есть тоже целый ряд работ, каковы: *Poschinger.* Fürst Bismarck als Volkswirt (сборник); *Zeitlin.* Fürst Bismarck's sozial-, Wirtschafts- und steuorpolitische Anschauungen (1902); *Schmoller.* Vier Briefe über Bismarck's sozialpolitische und volkswirtschaftliche Stellung und Bedeutung (в сборнике «Zu Bismarcks Gedächtniss», 1899); *Röhrich W.* Das Finanz- und Zollprogramm des Fürsten Bismarck vom 15 December 1878; *Brodnitz.* Bismarck's national-oekonomische Anschauungen (1902); *Blum H.* Die Sozialpolitik Bismarcks (1904); *Бернацкий М.* Общественно-экономические воззрения князя Бисмарка («Образование» за 1905 г.). Имеются равным образом работы, посвященные социальному законодательству эпохи: *Гольденвейзер А.* Социальное законодательство Германской империи (1890); *Яроцкий В.* Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей (1895); *Миклашевский А.* Рабочий вопрос и социальное законодательство в Германии (1896); *Anton.* Geschichte der preussischen Fabrikgesetzgebung (1896); *Frankenstein.* Der Arbeiterschutz, seine Theorie und Politik (1896); *Bornhack C.* Die deutsche Sozialgesetzgebung systematisch dargestellt (1890; в 1900 г. вышло 4-е, переработанное издание); *Герценштейн Ж.* Государственное страхование рабочих в Германии (1905); *Conrad E.* Der Verein für Socialpolitik und seine Wirksamkeit auf dem Gebiete der gewerbl. Arbeiterfrage (1906); *Wenck M.* Geschichte und Ziele der deutschen Sozialpolitik (1908); *Вегнер К.* О страховании рабочих в Германии (1908). Очень много было написано о втором и особенно о третьем императорах объединенной Германии: о Фридрихе III см. соч. *Hengst'a, R. Rodd'a*, (англ.; есть нем. пер.), *E. Simon'a* (франц.; есть нем. пер.), *W. Müller'a, Ziemmsen'a*, все вышедшие в свет в год его смерти (1888), когда также появились и «Persönliche Erinnerungen an Kaiser Friedrich und sein Haus» *H. Dellbrück'a*. Более поздние о нем книги: *Freitag G.* Der Kronprinz und die deutsche Kaiserkrone (1892); *Philippson M.* Friedrich III, als Kronprinz und Kaiser (1892); *Idem.* Das Leben Kaiser Friedrichs III (1900 и 2-е изд. 1908, совершенно переработанное) и др. О Вильгельме II уже были книги и статьи в год его восшествия на престол: *Hinzpeter.* Kaiser Wilhelm II (1888; автор — воспитатель Вильгельма II, издавший о нем книгу в год его вступления на престол); *Douglas Gr.* Was wir von Kaiser Wilhelm zu erwarten haben? (1888); *Lavis E.* Trois empereurs d'Allemagne (1888). Из последующей литературы за истекшие двадцать лет царствования Вильгельма II отметим: *Conradi H.* Wilhelm II und die junge Generation (1889); *Bauer Fr.* Kaiser und Arbeiter (1891); *Politikos.* Европейские монархи и их дворы (1892); *Wilhelm II, Romantiker und Socialist* (1892); *Valbert G.* L'empereur Guillaume II et sa manière d'entendre le gouvernement personnel (в «Revue des deux mondes» за 1895 г.); *Wilhelm II, wie er geschildert wird und wie er ist, von einem alten Diplomaten* (1908);

Поворот в политике Бисмарка в конце семидесятых годов. — Экономическая и социальная политика Германии восьмидесятых годов. — Влияние нового направления правительственной политики на партийные отношения. — Борьба из-за милитаризма во второй половине восьмидесятых годов. — Царствование Фридриха III. — Личный характер Вильгельма II. — Взаимные отношения Вильгельма II и Бисмарка. — Отставка Бисмарка и новый курс в политике. — Социальная политика в последнем десятилетии XIX в. — Канцлерства Каприви и Гогенлоэ. — Юридическое объединение Германии. — Польский вопрос в Пруссии. — Антисемитизм в Германии

Если не держаться очень строго хронологических границ, историю Германии после Берлинского конгресса и издания закона против социалистов до конца XIX в. можно разделить на два периода — восьмидесятых годов и девяностых годов: первый период, это — еще конец царствования Вильгельма I («Великого», как приказал называть его Вильгельм II), второй — начало царствования Вильгельма II, вступившего на престол еще в 1888 г. Если, однако, мы примем в расчет, что в первые два года нового царствования во главе управления все еще оставался «железный канцлер», которому молодой император дал отставку только в 1890 г., то указанное хронологическое обозначение будет еще более правильным: восьмидесятые годы — еще время Бисмарка, девяностые уже целиком время Вильгельма II. Сравнивая восьмидесятые годы с семидесятыми, мы можем сказать, что в политике Бисмарка это были два различных периода. Семидесятые годы, эпоха «культуркампа», являются временем сближения Бисмарка с национал-либералами, но уже к концу семидесятых годов Бисмарк стал обнаруживать большее тяготение к консервативным силам, в которых видел лучший оплот против социализма, что и было одной из причин прекращения им «культуркампа». Одним из признаков разрыва Бисмарка с национал-либералами был решительный переход его на сторону протекционизма в то время, как национал-либералы были яркими фритредерами, и в связи с этим поворотом в экономической политике имперского канцлера следу-

---

Wedel-Bérard S.G. von (geschiedene). Meine Beziehungen zu S. M. Wilhelm II. Die Wahrheit über Graf Waldersee (1908). Есть издания разного рода устных и письменных заявлений Вильгельма II: Kaiserreden, Reden und Erlasse, Briefe und Telegramme Kaiser Wilhelms II. Ein Characterbild des deutschen Kaisers (1902). См. также общедоступное в «Universalbibliothek» издание «Die Reden Kaiser Wilhelms» (без даты). Ср.: *Schroeder E.* Ein Tagebuch Kaiser Wilhelms (1903; изд. панегирического характера). Существует также целая литература об отставке Бисмарка и последних восьми годах его жизни в отставке: *Wie Bismarck entlassen wurde? Penzler.* Fürst Bismarck nach seiner Entlassung (1897–1898); *Liman.* То же заглавие (1901) и др. Исполнившееся в 1908 г. десятилетие после смерти Бисмарка дало повод к появлению о нем нескольких брошюр (*Liman'a* и др.). Что касается Каприви и Гогенлоэ, то о первом из них есть сочинения *Schreck'a* (1891), *B. Arndt'a* (1894), *Schneidewinn'a* (Das politische System des Reichskanzlers Grafen von Caprivi, 1894) и др., а о Гогенлоэ — *Rust.* Reichskanzler Fürst Chlodwig zu Hohenlohe und seine Brüder (1897); *Völherdorff.* Vom Reichskanzler Fürsten von Hohenlohe Erinnerungen (1902) и др.

ет поставить также перемену в его отношении к вопросу о приобретении Германией колоний в других частях света. Теория «laissez faire, laissez passer»¹ менее всего подходила к властному характеру «железного канцлера», а тут еще успехи германской социал-демократии наводили его на мысль о необходимости овладеть рабочим движением, дабы придать ему направление, согласное с видами правительства, чего, казалось Бисмарку, лучше всего можно было бы достигнуть, взяв рабочих под покровительство «социального законодательства». По мере того, как ослабевал и наконец совсем прекратился «культуркампф» семидесятых годов, все сильнее, наоборот, проявлялись новые стремления, характеризующие восьмидесятые годы, т. е. протекционизм, колониальная политика и социальное законодательство, оставленные Бисмарком в наследство и новому царствованию, которое во всех этих трех отношениях не только не порывало связей с бисмаркианской традицией, но, наоборот, дало ей еще большее развитие. Отношения, образовавшиеся между императорской властью и народным представительством, между имперским канцлером и политическими партиями, давали, как известно, перевес исполнительной власти над законодательной, благодаря чему Бисмарк мог всегда добиваться в конце концов всего, что ему было нужно, то искусно заключая союзы с одними партиями против других, то распуская рейхстаг и назначая новые выборы. До самого конца своего канцлерства он продолжал руководить и внешней политикой Германии, для большей успешности которой усиливал милитаризм. Новым — в последнем отношении — было то, что превращение Германии, в восьмидесятых годах, в колониальную державу ставило перед ней задачу создания могущественного флота, сделавшуюся одной из главных забот Вильгельма II. Как бы, однако, ни объяснялись все перемены во внутренней политике имперского правительства восьмидесятых годов теми или другими мотивами ее руководителей, и прежде всего Бисмарка, громадное влияние на эту политику, конечно, оказывало и то обстоятельство, что к этому времени завершилось начавшееся раньше превращение Германии в одну из первых во всем мире стран развитой обрабатывающей промышленности со всеми последствиями этого факта, начиная от усиления влияния, оказываемого на политику со стороны торгово-промышленных классов, и кончая сильным ростом рабочего движения. Бисмарк в течение всех двенадцати лет, протекших от издания законов против социалистов до его отставки, оставался верен политике репрессивного законодательства: только отставка «железного канцлера» освободила Германию от этого наследия 1878 г., так что и по отношению к истории немецкой социал-демократии год отставки первого имперского канцлера имеет значение грани между двумя периодами ее существования в ближайшее

---

¹ «Пусть все идет как идет» (фр.). — Прим. ред.

к нам время. Исходя именно из таких соображений о несходстве между семидесятыми и восьмидесятыми годами в политике Бисмарка, мы в главе о первом из этих двух периодов забежали несколько вперед во второй период, когда речь шла о «культуркампе», как о характернейшем явлении семидесятых годов, оставив при этом для рассмотрения в настоящей только главе некоторые явления семидесятых годов, давшие свои настоящие плоды лишь в следующем десятилетии.

В 1872 г. против манчестерства образовалось среди профессоров политической экономии в Германии направление, которому его противники дали кличку «катедер-социализма»¹, так как, по их представлению, новое направление было не чем иным, как социализмом, преподаваемым с университетской кафедры. Сущность дела заключалась в том, что теория «laissez passer, laissez faire» нашла в лице немецких экономистов весьма несочувственных критиков, которые рекомендовали государству взять на себя заботу о рабочих в смысле улучшения их быта в отношении к их жилищам, рабочему времени, внешним условиям труда, для чего требовалось издание соответственных законов с учреждением фабричной инспекции. Кроме того, катедер-социалисты указывали на необходимость регулирования государством банкового и биржевого дела. Во главе нового направления стоял берлинский профессор Густав Шмоллер, бывший тогда еще в цвете лет², объединяющим же представителей катедер-социализма учреждением сделался «Союз для социальной политики» («Verein für Socialpolitik»). К этому направлению весьма сочувственно отнеслась партия центра, всегда бывшая враждебной либерализму и стоявшая за государственную помощь слабым, особенно ремесленникам, среди которых она вербовала своих сторонников. Особенно эту точку зрения защищал и пропагандировал мюнхенский патер Гице, впоследствии сделавшийся профессором в Мюнстере. Весьма сочувственно отнеслась к направлению и евангелическая христианско-социальная партия, руководимая Штёккером. В непосредственном практическом отношении было важно, конечно, не то, что новую экономическую политику защищали университетские профессора или протестантские пасторы, а то, что у нее были и в рейхстаге такие сильные сторонники, как вся партия центра, видевшая в этой политике осуществление учения церкви о необходимости помощи страждущим и обре-

---

¹ *Oppenheim H.* Der Kathedersozialismus (1872); *Wagner A.* Offener Brief an Herrn H. Oppenheim (1872); *Verhandlungen der Eisenacher Versammlung zur Besprechung der sozialen Frage* (1873); *Bamberger L.* Die Arbeiterfrage (1873); *Brentano.* Die wissenschaftliche Leistung der Herrn L. Bamberger (1873); *Laspeyres.* Die Katliedersozialisten (1875); *Treitschke.* Der Sozialismus und seine Gönner (1875); *Schmoller.* Über einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft (1875); *Lexis.* Kathedersozialismus (в «Handwörterbuch der Stautwissenschaften» Конрада); *Анненский Н.* Очерки новых направлений в экономической науке (в «Деле» за 1882 г.).

² Ему было тогда 34 года.

менным. Экономические и социал-политические планы Бисмарка в ней и нашли наиболее сильную поддержку.

Начало правительственной деятельности Бисмарка совпало по времени с наибольшей популярностью в широких кругах общества теории свободной торговли, когда замечательное развитие английской промышленности рассматривалось, как результат перехода английского законодательства на сторону принципа свободы торговли. Сначала и Бисмарк разделял такой взгляд, но очень скоро он перешел на другую точку зрения и начал утверждать, что торговля должна регулироваться государством. Прежде всего, он находил, что великим злом для торговли является раздробленность в Германии железнодорожного дела между несколькими государствами, и уже в 1875—1876 гг. хлопотал об объединении железнодорожного дела в руках имперского правительства, предложив, между прочим, покупку империей прусских государственных железных дорог. Этот план Бисмарка, однако, потерпел крушение вследствие сопротивления других германских правительств, отстаивавших местные «суверенитеты». В 1877 г. Бисмарк предложил рейхстагу поддержать отечественную железоделательную промышленность введением охранительной пошлины на иностранное железо, но встретил противодействие со стороны национал-либералов, и его предложение было отвергнуто в рейхстаге двумя третями голосов (212 из 323). К этому времени и относится уже упоминавшееся выше предложение Бисмарка Бенингсену вступить в министерство, так как тогда он все еще хотел идти рука об руку с национал-либералами. В следующем году Бисмарк развил в прусской палате свои финансовые планы, заключавшиеся в том, чтобы создать для империи независимые от отдельных государств доходы путем развития косвенных налогов, не скрыв, что конечной его целью является создание табачной монополии. Но особенно важным было то, что уже в середине семидесятых годов у Бисмарка был целый план такой экономической политики, целью которой прямо ставилось ограждение как промышленности, так и сельского хозяйства от иностранной конкуренции. При выработке этого плана и проведении его в жизнь у канцлера нашлось не мало советников и помощников (между ними Лотар Бухер), а манифестом, так сказать, новой экономической политики явилась вышедшая в свет в 1875 г. брошюра «Против течения» («Wider den Strom»). Автором ее был некто Ф. Кардорфф, лидер имперской партии, крупный землевладелец и промышленник в Силезии, который в 1876 г. основал и соответственный «Zentralverband deutscher Industrieller zur Förderung und Wahrung nationaler Arbeit». Лозунг охраны национального труда в рейхстаге, выбранном в 1878 г., имел за себя уже прочное большинство, состоявшее из консервативной партии и партии центра, которые располагали более, чем пятьюдесятью голосами каждая, с центром, у которого было около сотни голосов. На сторону этого большинства, кроме того, пе-

решили некоторые члены маленьких польской и эльзасской партий и даже из партии национал-либералов. Союзный совет в том же году назначил особую тарифную комиссию, которая к весне 1879 г. и окончила свою работу.

Проект нового тарифа встретил резкую критику со стороны немецких фритредеров, которые указывали, например, — в данном случае несогласно с истиной, — будто новые хлебные пошлины были выше английских в 1840 г., когда действовали не отмененные еще хлебные законы¹. Бисмарк сам защищал проект тарифа в рейхстаге, доказывая, что проект имеет умеренный, отнюдь не боевой характер, и что им только исправляются ошибки слишком оптимистической, односторонней и чересчур теоретичной доктрины свободной торговли: цель его в том, чтобы, с одной стороны, прийти на помощь национальному труду, с другой — создать для империи независимый источник доходов, вместо взносов от отдельных государств, лежащих крайне неравномерно и на бедную Тюрингию, и на богатые Гамбург или Бремен. Наконец, имперский канцлер указывал на необходимость для Германии быть и в хозяйственном отношении национальным целым, тем более что создание самостоятельных источников для имперских доходов только скрепит политическое единство, так как средства отдельных государств не будут высасываться империей, но, наоборот, империя сама будет им помогать из своих собственных средств. На этот раз Бисмарк был счастливее, чем в 1878 г., и отвергнутое тогда предложение о пошлине на железо было теперь (в мае 1879 г.) принято рейхстагом большинством 228 голосов против всего 88, что было полным поражением национал-либеральной партии. По этому поводу национал-либеральный председатель собрания (Макс Форкенбек) даже сложил свою должность, и преемником его сделался консерватор (фон Зейдевиц) при первом товарище председателя из центра (фон Франкенштейн). Через два месяца (в июле) большинством 217 голосов против 117 был принят рейхстагом и закон о хлебных пошлинах, причем из национал-либеральной фракции рейхстага (но не из партии вообще) вышло около двадцати депутатов, в числе их историограф новой Германской империи Генрих фон Трейчке².

Для национал-либеральной партии, до того времени шедшей рука об руку с Бисмарком, это было началом полного с ним разрыва. Имперский канцлер сам в это время искал новых союзников в рейхстаге для своей экономической политики и ради сближения с центром круто стал поворачи-

¹ В Англии до 1840 г. пошлины составляли 30% цены продукта, с 1840 г. — 7%, тогда как в Германии тариф 1879 г. облагал рожь 4%, а пшеницу 6%.

² Treitschke был с 1863 г. профессором истории в разных германских университетах (в том числе и в берлинском), а с 1871 г. и членом рейхстага, в котором выступал горячим сторонником пруссачества и политики Бисмарка. Главный его труд — «*Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert*», начавший выходить в свет в 1879 г., доставил ему в 1886 г. звание прусского историографа.

вать назад в борьбе с клерикализмом: отставка прусского министра культов Фалька по времени совпадает с победой Бисмарка относительно хлебных пошлин¹. Понятно, что, имея в рейхстаге большинство, благоприятное новому курсу, Бисмарк не мог остановиться в своей экономической политике на достигнутом, и одним из первых его шагов было завершить экономическое объединение Германии в одно целое в торговом отношении. Как известно, начало таможенному объединению Германии было положено прусским цолльферейном², но в его состав не входили оба ганзейских города, самые крупные порты Германии, Гамбург и Бремен. Так как Гамбург упорно не обнаруживал желания вступить в таможенный союз и после основания Северогерманского союза, превратившегося в Германскую империю, то в 1880 г. Бисмарк вошел в союзный совет с предложением включить в союз шлезвиг-гольштейнскую Альтону с непосредственно примыкающим к ней гамбургским предместьем святого Павла, остававшуюся вне союза из особого внимания к самому Гамбургу. В этом последнем прусское предложение вызвало крайнее неудовольствие, и желание Гамбурга оставаться вольной гаванью нашло немало защитников среди сторонников свободной торговли. Полемика по этому случаю дошла до того, что когда большинство национал-либералов высказалось против притязания Гамбурга пользоваться исключительным положением в империи, от этой партии отпало ее левое, особенно резко фритредерское крыло с Ласкером, Вамбергером, Форкенбеком и др., образовав особую группу сецессионистов (1880 г.), которая через четыре года слилась с рихтеровской прогрессистской партией в германско-свободомыслящую партию. По вопросу о Гамбурге Бисмарк добился своего лишь в 1881 г., когда был заключен договор между империей и Гамбургом, в силу которого последний должен был с осени 1888 г. войти в состав цолльферейна³. На деле оказалось, что Гамбург от этого только выиграл, сделавшись первым торговым портом на материке. Бремен последовал примеру Гамбурга несколько позднее, заключив договор с империей о включении в таможенный союз только в 1885 г. К этой же эпохе относится и начало социальной политики Бисмарка, о которой речь будет идти впереди. Проводить ее имперскому канцлеру пришлось уже при очень изменившемся составе рейхстага.

До 1881 г. большинство в рейхстаге принадлежало всегда «трем, — по выражению Бисмарка, — компаниям», вождем которых он мог себя считать, но эти три компании, т. е. партия консервативная, имперская и национал-либеральная, вошли в состав рейхстага 1881 г. всего лишь в количест-

¹ Фальк получил ее 14 июля 1879 г., а заседание рейхстага, в котором были приняты пошлины, было 12 июля.

² От немецкого «*zeche Zollverein*» — Таможенный союз. — *Прим. ред.*

³ Гамбургу было, впрочем, дозволено оставить часть городской территории под *porto franco*, для оборудования которого он получил от империи 40 млн марок.

ве 121 человека, что крайне раздражило канцлера, уже тогда, — как недавно сделалось известным, — говорившего о возможности изменения конституции¹. Дело до этого, конечно, не дошло, но зато рейхстагу, в котором были сильны сторонники манчестерства, было объявлено с самого же начала о твердом намерении правительства вступить на путь социальной политики, сущность которой стояла в резком противоречии с основными положениями этого экономического направления.

О социальной политике речь будет идти еще особо. Отметим только, что целью ее была государственная помощь рабочему классу. То обстоятельство, что о своих намерениях правительство возвестило особенно торжественно в форме прямого обращения монарха, выражавшего личное свое желание, дало оппозиции повод говорить о неконституционности этого шага, и это вызвало даже официальный ответ со стороны прусского правительства, указывавший на то, что конституция лишь «ограничила, но не отменила право короля вести по собственному усмотрению (*nach eigenem Ermessen*) управление Пруссией и ее политику». Ту же точку зрения несколькими днями позже Бисмарк защищал в страстной речи², произнесенной в рейхстаге (в январе 1882 г.). Чтобы лучше справиться с экономическим законодательством, еще в августе 1880 г. он взял на себя должность прусского министра торговли и образовал для Пруссии особый народно-хозяйственный совет (*Volkswirtschaftsrat*) из 75 членов, среди которых было до 15 ремесленников и рабочих и особенно видную роль играл Лотар Бухер, до мозга костей проникнутый бисмаркизмом³. Сначала из всех политических партий поддерживали новую политику Бисмарка только центр, христианские социалы, но имперский канцлер не разделял ис-

---

¹ Князь Хлодвиг Гогенлоэ-Шиллингсфюрст, тогдашний посол в Париже, в недавно изданном (1906 г.) дневнике записал такие слова Бисмарка: «Немцы не умеют обращаться с нюрнбергской игрушкой, которую я им дал; они ее портят. Если дело так пойдет и впредь, то союзные правительства снова вернутся к старому бундстагу, сохраняют только военный и таможенный союз, а от рейхстага откажутся».

² В ней он напал на то, что назвал «конституционными легендами, которые, подобно густому выходящему растению, закрыли ясный буквальный смысл прусской конституции». Она «говорит, что исполнительная власть принадлежит королю, а о министрах нет и речи... Министерская диктатура (в ней обвиняли Бисмарка) возможна только при замене королевского правления министерским. Если вы хотите отнять у нас этого мощного, пустившего такие глубокие корни в нашей вековой славной истории короля (= королевскую власть), улечь его в какое-то заоблачное царство (*in ein Wolkenkuckuckshaus verflüchtigen*), так чтобы его нам и видно не было, то вы принесете нам только хаос. Без этого короля, который не дал развиваться опирающемуся на большинство майордомству, мы и теперь еще сидели бы себе в Эшенгеймском переулке», ибо и приобретение герцогств и объединение Германии произошли вопреки большинству. Поэтому «предоставьте королю выйти из министерского инкогнито и говорить непосредственно народу».

³ Лотар Бухер был одним из наиболее радикальных членов прусского национального собрания 1848 г., более десяти лет находился в заграничной эмиграции, а в 1864 г. получил видную должность в Министерстве иностранных дел. Совместная работа бывшего прусского юнкера и бывшего прусского радикала особенно умиляет немецких историков.

ключительно церковной точки зрения первой партии и антисемитизм, который стал все больше характеризовать вторую. Главным противником Бисмарка в эти годы был вождь прогрессистов Евгений Рихтер, отличавшийся большой твердостью воли, язвительным остроумием, блестящим красноречием, обширными знаниями в тех областях, о которых ему приходилось говорить, и соединявший со всеми этими качествами любовь к политической свободе, но в вопросах экономических бывший чистейшим представителем манчестерства. В своей оппозиции политике имперского канцлера он нередко задевал и его самого заподозрениями совершенно личного характера, что послужило для бисмаркианцев поводом назвать Рихтера Терситом германского Ахилла. Бисмарка не менее, чем Рихтер, ненавидел также и вождь центра Виндгорст, но в области социальной политики имперский канцлер и глава клерикалов до известной степени между собой сходились.

Видное место в экономических планах Бисмарка занимал еще вопрос о германских железных дорогах, которые, принадлежа разным государствам и частным компаниям, своим соперничеством и вообще несогласованностью своих действий немало вредили хозяйственной жизни страны. Благодаря несообразностям тарифов, например, в Силезии, привозные из Австрии дрова стоили дешевле местных. Первоначально сделанная Бисмарком попытка привести в действие § 42 имперской конституции, говоривший о единой железнодорожной сети, как мы видели, потерпела неудачу, и тогда (еще в 1876 г.) Бисмарк предложил выкуп в пользу империи всех прусских государственных железных дорог длиной в четыре тысячи сто километров. Но и это не встретило сочувствия в союзных правительствах, а отчасти и в населении. Имперскому канцлеру после этого оставалось только добиться железнодорожной реформы на задуманных им началах, по крайней мере, по отношению к Пруссии, в расчете на то, что со временем как другие правительства, так и частные общества откажутся от своего прежнего партикуляризма. Помощником себе в этом деле он взял в 1878 г. Майбаха, занимавшего перед тем должность председателя в имперском железнодорожном ведомстве, но бывшего крайне недовольным полной невозможностью что-либо делать на этом посту. Теперь он стал во главе прусского Министерства общественных работ и принялся за дело «огосударствления» (*Verstaatlichung*) железных дорог в Пруссии с такой энергией, что ко времени его отставки (в 1891 г.) Пруссия обладала уже тридцатью тысячами километров казенных дорог. Система Майбаха заключалась в том, чтобы сразу предлагать частным обществам хорошие цены и тем самым быстро кончать дело. Все сложное железнодорожное хозяйство он повел так искусно, что государство стало получать барыши, которые шли на новые постройки или на разные усовершенствования и на увеличение содержания всех работников железнодорожного дела. В деле тарифов он старался держать в равновесии интересы восточной

и западной половин монархии, не создавая преимуществ ни для сельского хозяйства первой, ни для обрабатывающей промышленности второй. Менее счастлив был Бисмарк со своим проектом введения в империи табачной монополии по примеру Франции, Австрии и Италии, где казна имела от продажи табака от 2,5 до 5,5 и даже больше марок на каждого жителя, тогда как в Германии на одного жителя приходилась только одна марка, что французский экономист Леруа-Больё в финансовом отношении называл глупостью, а в нравственном — скандалом. Бисмарк высчитывал, что, даже заплатив фабрикантам и рабочим, которым казна не в состоянии была бы давать заработок, около 250 млн вознаграждения, все-таки империя будет получать ежегодный доход в сто шестьдесят слишком миллионов марок, а это могло бы облегчить налоговое бремя в отдельных государствах и поставить на собственные ноги имперские финансы. Не без труда провел Бисмарк свое предложение в союзном совете, но в рейхстаге оно потерпело летом 1882 г. решительное поражение: за него было подано только сорок с небольшим голосов. Причины этого были разные: партикуляристы вообще относились подозрительно к каждому усилению имперской власти; конституционалисты были против умножения косвенных налогов, потому что они не вотируются ежегодно рейхстагом; фритредеры видели в монополии нарушение промышленной свободы и даже начало социализма. Бисмарк резко порицал поведение в этом деле рейхстага, сказав в одной тогдашней речи, что отныне имперское единство покоится не на рейхстаге, для которого оно должно было бы быть первой заботой, а на династиях, проникшихся национальным чувством. «Я, — прибавил при этом Бисмарк, — не могу в бессонные ночи отделаться от мысли, что, быть может, наши сыновья будут снова заседать вокруг так хорошо мне знакомого круглого стола франкфуртского бундестага». На эту речь горячо отвечал Рихтер в том смысле, что стоит только империи отказаться от колоссальных трат на военные надобности — и денег будет вполне достаточно. Задетый за живое, Бисмарк доказывал, что вся его забота с 1871 г. заключалась в том, чтобы помешать образованию могущественной коалиции против Германии, и что все его усилия в этом направлении не привели бы ни к чему, если бы за ними как раз не стояла германская армия. Позднее Бисмарк сделал предложение ввести в Германии водочную монополию, которая, по его расчету, могла бы дать казне ежегодный доход в 300 млн марок, но и этот проект провалился в рейхстаге, где за него было подано только три голоса при 37 депутатах, воздержавшихся от голосования.

К этой же эпохе относится и начало колониальной политики Бисмарка, которая нами была уже рассмотрена в другом месте в связи с колониальной политикой других государств в последние два десятилетия XIX в.¹ Напомним только, что сначала рейхстаг относился несочувственно к ока-

---

¹ См. в гл. XIV.

занию государственной помощи частным предприятиям в заокеанских странах, но что в середине восьмидесятых годов переменил свой взгляд, благодаря чему Германия мало-помалу приобрела в Африке и на островах Тихого океана колониальную территорию, в пять раз большую, чем сама Германия. К истории колониальной политики Бисмарка относится один эпизод, имеющий отношение к его политике и в другой области. Когда в 1885 г. германское правительство задумало утвердить власть империи на Каролинских островах, в Испании произошло сильное народное движение против Германии, — с дворца германского посла в Мадриде уличная толпа сорвала имперский герб, — и дело даже грозило войной. Стоявший во главе морского ведомства генерал Каприви был того мнения, что Испанию разбить на море не будет стоить ни малейшего труда, но Бисмарк нашел, что победа наверняка не приносит славы («à vaincre sans péril, on triomphe sans gloire») и что вообще дело этого не стоит, а потому предложил обратиться к третейскому суду. Всех тогда необычайно поразил выбор Бисмарком в третейские судьи папы Льва XIII, а в протестантских и либеральных кругах Германии это вызвало даже негодование. Со стороны имперского канцлера здесь был очень ловкий дипломатический ход: занятие германским военным судном одного из Каролинских островов являлось ошибкой, которую нужно было исправить, а главное, Бисмарк очень хотел залечить последние раны, напоминавшие о «культуркампе». Лев XIII был очень польщен таким обращением к нему Германии и взял на себя роль третейского судьи, признав, однако, суверенитет над спорными островами за Испанией и выговорив в пользу Германии на Каролинских островах одну угольную станцию и свободу торговли. Бисмарк по случаю этого обращения к папскому суду получил от Льва XIII никогда не дававшийся раньше протестантам орден Христа. Примирение с католической церковью было полное.

Как относились к колониальной политике империи отдельные партии, об этом уже было упомянуто в другом месте. Впрочем, ни консерваторы, ни центр не препятствовали этой политике, а иногда даже и содействовали, более же принципиальную ей оппозицию делали только социал-демократы¹.

От экономической и колониальной политики Германской империи с конца семидесятых и начала восьмидесятых годов переходим к ее социальному законодательству. Первые проявления социальной политики в Пруссии истории этого направления в деятельности ее правительства

---

¹ P. Rohrbach в своей книге «Deutschland unter den Weltvölkern» говорит по этому поводу, что «liraft des besonderen, im Grunde echt spieszbürgelichen, kurzichtigen und materialistisch verbißenen Typus, zu dem sie (социал-демократия) sich gerade in Deutschland entwickelt hat, wird sie bei uns von innen heraus schwerlich je zu einem ähnlich freien Standpunkt gelangen, wie ihn die englische und selbst ein Theil der französischen Sozialdemokratie in weltpolitischen Fragen gewonnen hat». S. 27 (по изд. 1908 г.).

относят еще к концу двадцатых годов, когда властями было обращено внимание на то, что в рейнском промышленном округе широко пользовались на фабриках работой детей чуть не с четырехлетнего возраста за самую грошовую плату при десяти- и двенадцатичасовой, иногда даже четырнадцатичасовой работе, вследствие чего страдали и здоровье, и физическое развитие этих детей. Как то было и в Англии в самом начале фабричного законодательства, к филантропическим соображениям примешивались, в указаниях на это зло, и предостережения относительно могущего отсюда быть вреда: в таком государстве, как Пруссия, где заботы о военном могуществе стояли всегда на первом плане и где еще в XVIII столетии в видах правильности рекрутского набора правительство отказывалось от своих распоряжений, имевших в виду улучшение быта помещичьих крестьян, интересы армии и в данном случае выдвигались на первый план, но на этот раз в выгодном для филантропии смысле. Один из прусских генералов в 1828 г. обратил внимание Фридриха-Вильгельма III на то, что Рейнская область не в состоянии давать надлежащий контингент новобранцев вследствие вырождения населения. Сам провинциальный ландтаг этой области, в значительной мере состоявший из местных фабрикантов, сделал королю представление о необходимости принять меры против такого зла. Правительство, однако, не торопилось и только в 1839 г. распорядилось запретить труд детей моложе девяти лет, а пользование трудом детей моложе шестнадцати лет ограничить лишь дневными часами и притом не более десяти в сутки. За этим последовали новые распоряжения, как, например, вменение полиции в обязанность блюсти за тем, чтобы ремесленные ученики содержались в условиях, не вредных для их здоровья и нравственности (1845 г.), или запрещение принуждать к работе в воскресные и праздничные дни, кроме случаев крайней необходимости (1849 г.) и т. п. Но для надзора за исполнением этих законов не существовало специальных органов, да и в законах была неопределенность, были оговорки. Издавались они притом с большими промежутками времени, на что указывают отмеченные выше их даты, и лишь в 1853 г., например, было запрещено пользоваться работой детей ниже 12-летнего возраста, труд до 14-летнего возраста ограничивался шестью часами при трех часах обязательного школьного обучения и т. п., и впервые была учреждена фабричная инспекция, но только «где в ней окажется надобность». Начало баварского законодательства относительно ограничения детской работы во вредных для здоровья производствах относится тоже лишь к 1840 г., как и баденского, вообще немногим раньше первого французского закона о детском труде, а в Вюртемберге и в Саксонии первые фабричные законы относятся даже лишь к 1861 г., в мелких же государствах прямо ничего подобного и совсем не было. Только по основании Северогерманского союза было распространено на все вошедшие в его состав земли действие общего зако-

на, бывшего в существенных своих чертах воспроизведением порядков, установленных в Пруссии, с кое-какими улучшениями и дополнениями, а превращение союза в империю сопровождалось введением общего закона и в южногерманских государствах (в Эльзас-Лотарингии только в 1889 г.). Фабриканты были очень недовольны государственным вмешательством с его «вредными, — как они говорили, — стеснениями (Fesseln) промышленности», а с другой стороны, слышались жалобы и на недостаточность существующих законов, которые не касались, например, женского труда, не создавали действительной фабричной инспекции, не заключали в себе абсолютного признания воскресного отдыха, не обеспечивали рабочих при несчастных случаях. Бисмарк в то время, однако, не хотел идти дальше того, что было уже сделано, находя, что нужно предоставить свободу борьбе интересов предпринимателей и рабочих без вторжения в хозяйское право работодателя. Большинство рейхстага стояло на той же точке зрения, хотя тем не менее и в семидесятых годах производились кое-какие частичные улучшения в законодательстве, касавшемся ремесленных заведений и фабрик. Например, в 1878 г. защита, дававшаяся прежде только детскому возрасту, была распространена и на женский пол (запрещение занимать работой в течение трех недель после разрешения от бремени). В том же 1878 г. было принято в принципе обязательное введение фабричной инспекции, на практике выразившееся, однако, назначением только тридцати инспекторов, чего было слишком мало.

«Придворное, правительственное и вообще поверхностное понимание германской социальной политики, — говорит новейший ее историк¹, — заключается в большей или меньшей мере в том представлении, будто социально-политическое законодательство Германской империи было добровольным актом правительств, руководимых гуманитарными соображениями», но, на самом деле, тут действовало давление со стороны совершавшегося в стране социального движения, давление, которое указанный автор прямо называет могучим (*mächtig*). Лассалевская агитация задела не один рабочий класс, но и в бюргерском обществе возбудила большой интерес к рабочему вопросу; даже и в бюрократических кругах стали заниматься разрешением новой социальной проблемы. Правда, среди бюргеров господствовало мнение, в силу которого улучшения своей участи рабочие могут добиться без всякого государственного вмешательства, как это например, доказывал, д-р Макс Гирш, ездивший в 1868 г. в Англию для изучения тамошнего тред-юнионизма и писавший о нем статьи в одной берлинской газете, которые сильно читались публикой.

В сущности, это была и точка зрения Бисмарка. Крупный помещик, он с раннего возраста привык представлять себе нормальные отношения

---

¹ *Wenck M. Die Geschichte und Ziele der deutschen Socialpolitik. 1908. S. 13.*

между господином и наймитом (Herr und Knecht), как традиционно-патриархальные; будучи мало знаком с новыми формами промышленности, он и последнюю понимал лишь в смысле ремесленных предприятий, хозяева которых должны составлять зерно среднего сословия, необходимого для здорового национального существования. С рабочим вопросом в современном смысле Бисмарк ближе стал знакомиться, лишь будучи уже прусским министром, в эпоху сближения с Лассалем, и в середине шестидесятых годов он говорил, что «прусские короли никогда не были королями богатых», ссылаясь при этом на слова Фридриха Великого, заявлявшего, еще в бытность кронпринцем, что он будет «королем нищих». Конечно, Лассаль несколько иначе смотрел на характер королевской власти в Пруссии, и был при этом прав, так как политика прусских королей далеко не оправдывала учения Лоренца Штейна о «социальной королевской власти», но, во всяком случае, уже в 1871 г. Бисмарк находил, что лучшим средством противодействия социал-демократии было бы осуществление того, что было справедливым в ее требованиях. Но на этой точке зрения он не удержался, отчасти вследствие того, что занялся, главным образом, своими финансовыми и экономическими реформами, и преимущественно же потому, что отношение его к самой социал-демократии стало обостряться ввиду, быть может, французских событий 1871 г. и сочувствия германской социал-демократии к интернациональному революционизму. В семидесятых годах Бисмарк опять заговорил о хозяйском праве предпринимателей, в которое государству не следует вмешиваться. Притом это было время, когда он сблизился не только с землевладельческой знатью, но и с крупными промышленниками, особенно с железными заводчиками. С социал-демократией в конце семидесятых годов Бисмарк боролся уже исключительно репрессивными мерами.

Единственное, что еще, кроме репрессий, Бисмарк стал допускать в своей борьбе с социал-демократией, это невмешательство государства во взаимные отношения хозяев предприятий и работающих в них наймитов, а государственная помощь рабочим в болезни, несчастных случаях, старости и инвалидности. В этом направлении Бисмарком было предпринято в начале восьмидесятых годов целое законодательство, которому он сам давал название осуществления «практического христианства», так как основной его идеей было оказание помощи «бедным и слабым», со ссылкой на то, что и прежние законы о бедных обеспечивали инвалидов рабочих от голодной смерти: «по крайней мере, — говорил он в своей речи по поводу первого же проекта, — по земскому праву¹ никто не должен голодать, но не случается ли это, я не знаю». В начале 1881 г. в рейхстаг был внесен законопроект о страховании рабочих, получающих менее 2 тыс. марок в год, от

¹ Ссылка на прусское Allgemeines Landrecht (т. III, с. 364) (т. е. земельное законодательство. — *Прим. ред.*), которое возлагало на государство обязанность прокармливать подданных.

последствий несчастных случаев при работе в виде уплаты издержек за лечение и известного вознаграждения за все время неспособности к труду, в случае же смерти от происшедшего несчастья — в виде покрытия расходов по погребению и выдачи пенсии вдове рабочего и сиротам до 15-летнего возраста. Страховая премия при этом должна была вноситься при получении рабочим менее 750 марок на две трети работодателем, а на одну треть из местного «Landarmenverband'a» или даже государством, при плате же свыше 750 марок наполовину работодателем, наполовину — самим рабочим.

При внесении этого проекта в рейхстаг необходимость закона мотивировалась тем, что государство, преследуя социал-демократические эксцессы, должно в то же время позаботиться о благосостоянии рабочих. Это предложение было встречено недружелюбно представителями либеральных воззрений, увидевшими в нем опасный «государственный социализм», а рассматривавшая проект комиссия рейхстага вычеркнула из него предполагавшуюся Бисмарком государственную приплату и вместо единого для всей Германии страхового учреждения предложила введение особых для каждого отдельного государства подобных учреждений. На последнее изменение Бисмарк, скрепя сердце, пожалуй, и согласился бы, но первое противоречило основной его идее о государственной помощи, и он добился того, что законопроект, принятый рейхстагом с такими изменениями, был отклонен союзным советом, после чего произошел роспуск рейхстага и были назначены новые выборы. Разумеется, Бисмарк рассчитывал, что новые выборы дадут более сговорчивый рейхстаг, но в этом своем расчете он очень ошибся: проиграли консерваторы и национал-либералы (последние с цифры 98 спустились на цифру 45), а выиграли прогрессисты (увеличение с 26 на 59) и особенно центр (более 130 мест), который, как известно, подозрительно относился ко всякому усилению имперской власти и защищал партикуляристические стремления.

Вышло так, что главными защитниками социальной политики явились консерваторы, которые, конечно, могли стоять за нее с точки зрения не «государственного социализма», а «практического христианства» и «церковной традиции», тем более что, являясь представителями крупного землевладения, они не были задеты в своих интересах законопроектом, касавшимся одних промышленных рабочих. В последнем отношении их поведение было такое же, как полувеком раньше поведение английских консерваторов при проведении в парламенте фабричного законодательства. С одними консерваторами, понятное дело, имперский канцлер, обещавший императору провести предпринятую социальную реформу, сделать ничего не мог, и вот тогда было решено прибегнуть к своего рода апелляции к народу. 17 ноября 1881 г. рейхстаг был открыт императорским посланием, которое вслед за тем было официально расклеено во всех общинах империи.

В этом документе опять указывалось на то, что «исцеления социальных бедствий (Schäden) нужно искать не исключительно на пути репрессии социал-демократических проявлений (Ausschreitungen), но равным образом и на пути положительного споспешествования (Förderung) блугу рабочих», вследствие чего император и взялся за то, чтобы создать «для отечества новое и прочное обеспечение внутреннего мира, а для нуждающихся в помощи (Hilfsbedürftigen) бóльшую безопасность и Ergiebigkeit des Beistandes». Указав затем на уже предлагавшийся закон о страховании рабочих, императорское послание говорило далее о дополнении к нему в виде закона, касающегося людей, неспособных к труду по старости или инвалидности, «нуждающихся в большей мере государственной заботливости, нежели та, какая им оказывалась доселе». Нахождение способов и средств для достижения указанной цели император объявлял «одной из высших задач всякого общежития (Gemeinwesens), покоящегося на нравственных устоях христианской народной жизни». Другими словами, послание, не отказывавшееся и от продолжения репрессий, как бы указывало на то, что если у рабочих этой репрессией и урезаны политические права, государство все-таки считает своей обязанностью приходить к ним на помощь в трудные минуты жизни. В этом заключалась программа целого социального законодательства, для проведения которого потребовалось девять лет¹. Императорское послание 17 ноября 1881 г. подчеркивало при этом, что государство раньше в недостаточной мере исполняло по отношению к нуждающимся в помощи своим сочленам обязанность, вытекающую не только из требования «человеколюбия (Humanität) и христианства», но и из «задачи государство-охранительной политики, которая имеет целью поселить и в неимущих классах (besitzlosen Klassen) населения, в то же время самых многочисленных и менее просвещенных, воззрение, что государство есть не только необходимое, но и благотельное учреждение». То есть рабочие должны, благодаря новым законам, убедиться, что «государство вовсе не является учреждением лишь для защиты лучше поставленных (besser situirten) классов общества, а учреждением, служащим также и их, рабочих, нуждам и интересам». Послание указывало, наконец, что от проведения социального законодательства отнюдь не должно удер-

---

¹ Указанный выше автор новейшего труда об этом законодательстве, М. Венк, называющий его исполнимым делом, которое может служить образцом для других государств (с. 65), дает такой хронологический перечень соответственных законов (с. 66—67): 1) страхование от болезней — в 1883 г., 2) от несчастных случаев — в 1884 г., 3) распространение обоих на новые категории рабочих, именно на занятых на путях сообщения, — в 1885 г., 4) страхование от несчастных случаев служащих и лиц солдатского звания в 1886 г., 5) распространение действия первых двух законов на сельскохозяйственных и лесных рабочих, 6) на строительных рабочих — в 1886 г., 7) потом на моряков и судоходных рабочих — в 1887 г. и 8) страхование на случай старости и инвалидности — в 1889 г. В этот счет не идут позднейшие (1892—1903) законы, числом 9, заключающие в себе изменения и дополнения к прежним.

живать то соображение, что в него вводится «социалистический элемент». Собственно говоря, здесь вовсе не предполагается вводить что-то новое, ибо дело идет «только о дальнейшем развитии современной государственной идеи, выросшей из христианского нравственного настроения» (Gesittung) и требующей, чтобы государство всеми имеющимися в его распоряжении средствами целого споспешествовало всем своим членам и именно «слабым и нуждающимся в помощи». С такой точки зрения послание даже соглашалось видеть в «заботе о бедных», отличающей новое государство от древнего и средневекового, «социалистический момент»: в действительности, сказано было в послании, «меры, которые могут быть приняты для улучшения положения неимущих классов, суть только дальнейшее развитие идеи, лежащее в основе государственного попечения о бедных».

Слишком большое подчеркивание в этом возвещении социальной реформы той мысли, что она должна оказать воспитательное воздействие на политическое настроение рабочих, конечно, было рассчитано на то, чтобы расположить в пользу реформы буржуазные элементы общества, но при этом не было принято в расчет, какое впечатление это подчеркивание произведет на социал-демократов, вожди которых и стали говорить, что вся эта реформа задумана не ради блага рабочих, а ради видимости, будто государство и для рабочих что-то делает, когда на самом деле оно гораздо больше делает для имущих классов. Между тем для большинства рейхстага указанное соображение в пользу нового законодательства не получило большой силы, и правительственные проекты проходили в рейхстаге с великим трудом, вследствие чего дело затянулось: первый закон (о страховании на случай болезни) прошел только в 1883 г., а проект о страховании от последствий несчастных случаев правительству пришлось даже не раз перерабатывать. Особенно затянулся вопрос о страховании на случай старости и инвалидности, потому что, желая создать для страховой операции большие денежные средства, Бисмарк задумал ввести на этот конец табачную монополию, связав оба проекта как бы в один цельный план, а это только затормозило дело. Рейхстаг и слышать не хотел о табачной монополии, отклонив ее в 1882 г. подавляющим большинством голосов. Оппозиция закону о страховании на случай старости и инвалидности шла со стороны консерваторов, находивших, что он отвлечет в города рабочие руки от сельского хозяйства и что участие в страховании будет многим землевладельцам не по силам. Бисмарк лишь с трудом убедил большинство консерваторов, что с их стороны было бы непатриотично быть в оппозиции вместе с социал-демократами, вельфами, поляками, датчанами, эльзасцами и свободомыслящими. Закон прошел только в 1889 г., уже в царствование Вильгельма II, который очень настаивал на завершении дела, задуманного его дедом. Кстати отметим, что за все время проведения социальной реформы

свободомыслящие не переставали твердить, что государству грозит опасность гибели в социализме, а социал-демократы называли страхование рабочих «нищенской реформой» или «нищенской подачкой»¹. Среди работодателей и рабочих к реформе царствовало почти сплошное недоверие. Бисмарку удалось добиться и создания центрального или имперского страхового учреждения (Reichsversicherungsamt). Когда в 1906 г. исполнилось 25 лет со дня выхода в свет «послания» 17 ноября 1881 г., было подсчитано, что к концу 1903 г. 60 млн человек получили страховых денег 4 млрд, из которых 2,5 млрд было уплачено ими самими, а 1,5 млрд составлял излишек из других источников.

Нельзя сказать, чтобы в годы, когда проводилось законодательство о страховании рабочих, совсем уж ничего не делалось в смысле улучшения условий или охраны труда, но действительно серьезного все-таки ничего не предпринималось. Бисмарк оставался при своем старом взгляде на неприкосновенность хозяйского права или пользовался аргументами устарелой экономической теории, доказывая, например, что запрещение праздничной работы или ограничение женского и детского труда сильно понизят бюджет рабочей семьи. С другой стороны, он выражал опасение, как бы слишком большой охраной труда не был нанесен ущерб национальной промышленности в ее конкуренции с иностранной, — опасение, которое впоследствии совсем не оправдалось. Наконец, он не хотел также вооружать против себя промышленный класс, находя, что фабриканты и без того вынуждены были приносить большие жертвы вследствие введения страхования, а главное — нуждаясь в поддержке промышленного класса, который вместе с аграриями был главной опорой власти в ее борьбе со свободомыслящими и социал-демократами. Сторонник традиционно-патриархальных отношений между хозяевами и наймитами, Бисмарк прямо враждебно относился к требованию рабочими свободы коалиций. В общем патриархальном взгляде на рабочий народ Бисмарк вполне сходился со своим старым государем, еще более, пожалуй, сохранявшим в полной неприкосновенности традиции старой, феодально-сословной Пруссии, но, как мы увидим, у нового государя, Вильгельма II, на этот счет были уже более современные идеи, — что в вопросе о социальной политике должно было привести к конфликту между рейхсканцлером и молодым императором.

Остановимся пока на изложенном в истории германского социально-го законодательства, чтобы перейти к чисто политическим отношениям в Германии восьмидесятых годов — до смерти императора Вильгельма I.

Прежде всего, коснемся коротко некоторых событий, происшедших в отдельных государствах. В 1884 г. умер, не оставив прямых наследников,

¹ Об отношении социал-демократии ко всему этому см. «Историю германской социал-демократии» Ф. Меринга (т. IV, с. 219 и след. по рус. пер. в издании Гранат и Ко).

брауншвейгский герцог Вильгельм I, царствовавший с 1830 г. после своего изгнанного из страны брата Карла. По династическим отношениям герцогство должно было перейти к герцогу Кумберлендскому, сыну лишённого в 1866 г. своих владений ганноверского короля Георга V¹, но вступлению его в управление герцогством препятствовало непризнание им ни присоединения Ганноверского королевства к Пруссии, ни конституции Германской империи, не знающей Ганноверского королевства. Ввиду этого ещё в 1879 г. герцог Вильгельм I и местный ландтаг пришли к соглашению насчёт регентства, которое должно было быть установлено в герцогстве после его, Вильгельма I, смерти. В силу этого закона брауншвейгский ландтаг выбрал регентом племянника императора, прусского принца Альбрехта, на все время невозможности занятия престола законным наследником, которого между тем союзный совет признал неспособным царствовать вследствие его враждебности к одному из союзных государств и несогласия с имперской конституцией. Вступление на престол государя, называвшего себя ганноверским королем и имевшего за себя в Ганновере целую вельфско-легитимистическую партию, конечно, не могло быть допущено ни Пруссией, ни другими союзными государствами². Другим местным событием была кончина баварского короля Людвиг II. Этот весьма своеобразный в личном отношении король, первый подавший голос за восстановление империи, стремившийся, однако, всегда к тому, чтобы создать для Баварии исключительное положение, и даже мечтавший о поочередном императорстве Пруссии и Баварии или, по крайней мере, о баварском замеществе императорского сана в известных случаях, впал в душевную болезнь, и так как ему во что бы то ни стало хотелось царствовать неограниченно, то он стал искать, нельзя ли где-либо, на Кипре или на Канарских островах, купить себе королевство с абсолютной властью. Когда баварский министр внутренних дел стал ему отказывать в исходатайствовании от ландтага денег на его безумные траты (главным образом на постройки), Людвиг II в раздражении начал подписывать смертные приговоры неприятным ему лицам, и пришлось вместо него назначить регента в лице его дяди принца Луитпольда, так как и брат короля и его наследник, Оттон, был душевнобольным. Вскоре после этого Людвиг II окончил жизнь, утонув вместе со своим доктором в Штарнбергском озере, причем никто не видел, как это случилось.

Специально в Пруссии в середине восьмидесятых годов особую остроту получил польский вопрос. Дело в том, что в восточных областях Пруссии стал замечаться большой наплыв поляков из русской Польши, и прус-

¹ Георг V умер в 1878 г.

² В 1906 г. принц Альбрехт умер, и так как новая попытка склонить претендента к отказу от Ганновера не удалась, был выбран новый регент в лице герцога Иоанна-Альбрехта Мекленбургского.

ское правительство, опасаясь полонизации этих областей, как и в начале «культуркампфа», изгнало около тридцати тысяч поляков, как «обременительных иностранцев» (*lästige Ausländer*) за границу. Рейхстаг протестовал против этой меры (в январе 1886 г.), но прусский ландтаг значительным большинством принял решение поддерживать правительство в борьбе с усилением польского элемента. Было ассигновано 100 млн марок на скупку у польских помещиков их имений для поселения в них немецких крестьян; кроме того, у общин с польским или смешанным населением было отнято право назначения школьных учителей, дабы, пользуясь этим правом, само правительство могло посылать туда только «немецки настроенных» (*deutschgesinnte*) учителей¹.

Главным, чисто политическим вопросом, интересовавшим всю Германию в середине восьмидесятых годов, был вопрос об усилении армии. Во Франции в это время начиналось буланжистское движение, принявшее воинственный характер², а болгарские осложнения наводили на мысль о возможности войны между Австрией и Россией, и вот осенью 1886 г. германские союзные правительства сделали рейхстагу предложение повысить цифру войска в мирное время с 427 тыс. до 468 тыс. и притом с таким условием, чтобы эта цифра была установлена на семь лет. Мы уже видели в другом месте, как Бисмарк мотивировал необходимость предложенной рейхстагу меры. Всякие попытки, какие только делались вообще рейхстагом, чтобы так или иначе влиять на военные порядки империи, страшно раздражали Бисмарка, и он не раз напоминал, что рейхстаг не должен касаться армии. И теперь он запальчиво говорил, что «германская армия есть такое учреждение, которое не может зависеть от того или другого большинства в рейхстаге. Стремление, сказал он еще, между прочим, образовать парламентское войско, состав которого зависел бы не от его величества императора и от союзных правительств, а от господ Виндгорста и Рихтера, никогда не осуществится». Виндгорста сильно убеждал содействовать принятию «септенната» папский статс-секретарь через мюнхенского нунция ввиду того, что это может принести пользу церкви, но Виндгорст объединил всю оппозицию на такой формуле: правительству дано будет согласие на его предложение «до последнего человека и до последнего гроша», но не на семь лет, а только на три года, так как и это уже жертва со стороны рейхстага, имеющего право утверждать расходы только на год. Эта поправка была принята 14 января 1887 г. большинством 183 голосов против 154, среди которых были только голоса обеих консервативных и национал-либеральной партий, при 31 воздержавшихся от голосования. Едва только сделался известным этот результат, как Бисмарк поднялся со своего места и, вынув из лежавшей перед ним папки бумагу, прочитал им-

¹ О прусско-польских отношениях см. подробнее в конце главы.

² См. ниже, в следующей главе.

ператорское послание, которым с согласия союзного совета рейхстаг объявлялся распущенным. Немедленно же вожди трех партий, стоявших за септеннат, заключили между собой картель¹, в силу которого все 154 депутата из этих трех партий должны были быть снова выставлены в их избирательных округах, как общие кандидаты консервативной, имперской и национал-либеральной партий, причем в остальных округах должны были быть выставлены кандидаты, согласные на септеннат, и вообще три партии на выборах должны были поддерживать одна другую. Такое тесное соединение либералов с консерваторами показывает, что в восьмидесятых годах в Германии либерализм шел на убыль не только количественно, но и качественно. Еще в 1881 г. национал-либералы обнародовали новую программу, в которой говорили о несомненно совершившемся повороте во внутренней политике (*«die veränderte Richtung, welche die innere Politik der Reichsregierung zurzeit verfolgt»*) в неблагоприятную для либерализма сторону и доказывали важность существования своей партии для поддержания основ государства «среди потрясающей их борьбы между крайними направлениями», но нового в этой программе сказано ничего не было, поведение же партии все больше и больше связывало ее с правительством — особенно после того, когда один из видных ее членов, Микель, не последовал примеру Беннигсена и сделался прусским министром финансов (1890). Союзом с консерваторами, который продолжался и после², национал-либералы до такой степени себя скомпрометировали среди своих избирателей, что в 1903 г. во всей Саксонии не было выбрано в рейхстаг ни одного национал-либерала.

Впрочем, благодаря «картелю» и национальному возбуждению, вызванному речами о возможности войны, на выборах 1887 г. национал-либералы получили такое количество голосов (почти 1 678 тыс.), какого у них ни до того, ни после того не было, хотя число их депутатов в рейхстаге и ограничилось цифрой 99, все-таки вдвое большей, нежели в 1884 г. Несколько повысились в числе в рейхстаге 1887 г. и консерваторы (с 76 на 80), и имперская партия (с 28 на 41), в общем же результате картель приобрел в рейхстаге более 60 новых мест, что (с примкнувшими еще к картелю «дикими») дало ему большинство в рейхстаге, откуда его название «картельного» (*Kartellreichstag*). Вильгельм I выразился об этом составе, что лучшего подарка в день своего рождения он не мог бы и желать. Не прошло и двух месяцев со времени отвержения прежним составом правительст-

¹ В предпринимательском сообществе — соглашение об объединении, участники которого договариваются о размерах производства, ценообразовании, сохраняя при этом производственную и коммерческую самостоятельность. — *Прим. ред.*

² Вот приговор историка политических партий в Германии о национал-либералах последних десятилетий: «In einem grossen Theile des Reiches waren die Nationalliberalen nicht nur völlig zu einem Anhängsel der Konservativen geworden, sonder auch ihre alte Gegnerschaft zum Zentrum begann allmählich zu verblässen». Chr. Grotewold. S. 161.

венного проекта о септеннате, как 9 марта большинством 227 голосов против 31 это предложение было принято при воздержании громадного большинства центра, благодаря вмешательству Льва XIII, объявившего, со своей стороны, принятие септенната полезным для церкви. Центр, не желавший, как выразился Виндгорст, «уничтожить свой единственный базис, доверие избирателей», не пошел так далеко, чтобы подавать голоса за септеннат, но не решился стать и на другую сторону. Мы знаем уже, что кроме этого усиления армии Бисмарк тогда же провел в рейхстаге и другие меры касательно военной обороны (1888). Через месяц после того, как «картельный» рейхстаг вотировал и необходимые для реформы ландвера деньги, скончался (9 марта) Вильгельм I на исходе 91-го года своей жизни.

Быстро промелькнуло 99-дневное царствование его сына Фридриха III. Уже весной 1887 г. у кронпринца Фридриха был констатирован рак гортани. Известие о смерти отца застало его на Ривьере, и он поспешил приехать в Берлин. В момент вступления на престол ему уже было 57 лет, и в общественном мнении он имел репутацию либерально настроенного принца. С тех пор, как он стал принимать участие в делах, — а он был, например, и одним из военных деятелей времен объединения Германии, — ему нередко приходилось расходиться во мнениях со своим отцом и не одобрять политику его министров, как это было в эпоху конфликта начала шестидесятых годов. Старый император в иных случаях даже велел скрывать от сына особенно важные вещи, опасаясь, что о них через кронпринцессу, дочь королевы Виктории, будут, пожалуй, узнавать в Лондоне. Вильгельму I не нравилось английское влияние, под которым находился кронпринц, и он даже ему завещал не подчинять своей политики иностранным влияниям. Другим его заветом было не склоняться к парламентаризму на английский образец и сохранить Бисмарка на его посту. С либеральными взглядами в политике кронпринц соединял известный интерес к науке и искусству, — чего Вильгельм I был совершенно лишен, и потому сближался с учеными и художниками и особенно заботился о том, чтобы дать хорошее образование своим сыновьям. Их кронпринц даже отдал в кассельскую гимназию, где они учились наравне с другими мальчиками, подчиняясь всем правилам школьной дисциплины. Смертельный недуг не дал долго царствовать Фридриху III. Он сохранил Бисмарка на его посту, хотя со стороны имперского канцлера ему пришлось не раз встречать сопротивление. Так, Бисмарк не согласился включить в объявленную императором амнистию отбывавших наказания социал-демократов, как того хотел Фридрих III. Он воспротивился также желанию больного императора наградить орденами некоторых представителей партии прогрессистов, как то Моммзена, Вирхова и др., и Фридрих III некоторых ему уступил. Помешал он также отставке антисемитического придворного проповедника Штеккера. Наконец, Бисмарк настоял еще на

том, чтобы император отказался от плана выдать свою дочь замуж за бывшего болгарского князя Александра Баттенбергского, так как это могло бы быть обидно русскому двору¹. Как правительственные действия в этот краткий промежуток времени между 9 марта и 15 июля 1888 г., должны быть отмечены обнародование принятого союзным советом и рейхстагом закона о продлении депутатских полномочий с трех лет до пяти и утверждение подобного же закона по отношению к прусской палате, а также отставка прусского министра внутренних дел Путткамера, которому Фридрих III выразил свое неудовольствие по поводу его бесцеремонных избирательных маневров, вызвавших порицание со стороны большинства прусской палаты (национал-либералов, центра и свободомыслящих). Свободомыслящие в отставке Путткамера были готовы прямо приветствовать самое значительное дело короткого царствования Фридриха III.

Новому императору Вильгельму II при вступлении на престол шел тридцатый год. Он получил начальное воспитание в чисто английской обстановке: мать говорила с детьми только по-английски, и даже большая часть прислуги была также английская. Но английское влияние не привилось будущему германскому императору, потому что, когда дальнейшее его воспитание было поручено теологу д-ру Гинцпетеру, началось, наоборот, внедрение в воспитанника немецких культурных и политических начал, приохочивание его к немецкой литературе, внушение ему уважения к национальным традициям и героям германской истории. Пятнадцатилетним мальчиком, вместе с младшим своим братом Генрихом, он был отдан в кассельскую гимназию, где, между прочим, сдружился с одним еврейским мальчиком и даже пригласил его к себе на Рождество в Потсдам. По окончании курса в кассельской гимназии он прослушал еще курс государственных и юридических наук в Боннском университете, возвратившись же в Берлин, сделался офицером и в 1881 г. женился на дочери герцога Фридриха Шлезвиг-Гольштейнского, на которого в 1863—1866 гг. в герцогствах (да и в самой Германии) смотрели как на законного их наследника. В том, что будущему германскому императору выбрали такую невесту, не без основания, кажется, видели руку Бисмарка, который этим браком думал внести окончательное успокоение во всю историю с герцогствами. Молодая женщина была тоже с головы до ног настоящей немкой и отличалась большим благочестием в евангелическом духе, что сблизило ее саму, а также и ее совсем еще юного супруга с однородными кругами берлинского общества вообще, а в частности с известным придворным поповедником Штеккером. Эти связи, конечно, не могли оставаться неиз-

¹ Большой бисмаркианец Egelhaaf оправдывает Бисмарка от обвинения в пренебрежительном отношении к Фридриху III, как к человеку, обретенному на смерть, соглашаясь, однако, что при дворе и могло в иных случаях проявляться такое отношение. *Gesch. der neuest. Zeit.* S. 199.

вестными в обществе, и в нем стало складываться такое представление о будущем кронпринце, что когда наступит его черед царствовать, правление его будет в духе крайней правой: одни относились к этому с большой радостью, другие с опасением. Во всяком случае, по общему своему направлению молодой прусский принц гораздо ближе подходил к своему деду, нежели к отцу, хотя, как и у отца, у него рано стали развиваться известные культурные вкусы. Впоследствии Вильгельм II даже проявил большой дилетантизм в сферах скульптуры, живописи, музыки, театрального искусства и т. п. и настоящую страсть к красноречию. Другое предположение, которое о нем высказывалось в обществе и за границей, заключалось в том, что со вступлением его на престол начнется эпоха войн: до такой степени молодой человек был увлечен военной службой и своими офицерскими обязанностями, проникнут военными воспоминаниями из эпохи объединения Германии и преклонялся перед героями этого объединения с Вильгельмом I и Бисмарком во главе. С Бисмарком впоследствии он разошелся, но к деду чувствовал всегда особый пиетет и даже впоследствии настаивал на том, чтобы имя Вильгельма I перешло в историю с предикатом Великого. Отношения его к Бисмарку сначала были наилучшие, и во время болезни отца он говорил, например, что если капитан государственного корабля и очень тяжело болен, зато у него есть надежный кормчий, с которым можно быть спокойным. По вступлении на престол он также заявил, что будет держаться политики деда и отца и поэтому не разлучится с мудрым их советником, имперским канцлером.

За двадцать слишком лет своего царствования Вильгельм II слишком часто занимал германскую нацию и весь цивилизованный мир своими выступлениями, подчас весьма эксцентричными, всей своей личностью, главной особенностью которой за последние годы стала признаваться необычайная импульсивность. В нем всегда очень сильно проявлялись стремление к фразе и к позе, желание, чтобы о нем говорили и чтобы говорили, как о человеке необыкновенной разносторонности, поистине универсальном. Чаще всего он выступал оратором не без претензии на силу и эффектность речи, но случалось, что военный и политический оратор превращался в его лице в церковного проповедника, назидающего своих приближенных или пароходную команду во время любимых им морских путешествий. Склонностью к красноречию Вильгельм II напоминает своего двоюродного деда Фридриха-Вильгельма IV, с которым роднит его также и своеобразный научно-художественный дилетантизм. В нем есть и своего рода романтизм, отличавший Фридриха-Вильгельма IV, с которыми его сближают еще и мистическая вера в божественное посланничество королевской власти, и глубокая преданность династическим традициям Гогенцоллернов, подновленная преклонением перед «величием» подвигов незабвенного деда. В разные моменты Вильгельма II посещала

фантазия быть и живописцем или скульптором, и композитором или капельмейстером, и педагогом¹ или техником, и «социальным императором» или гроссмейстером Тевтонского ордена. Часто эти разнообразные стремления увлекали его в противоположные стороны, приводили к противоречиям в его словах и поступках, но, в сущности, он оставался везде и всегда одним и тем же — человеком необычайно подвижным, непоседливым, ищущим деятельности, движения, шума и блеска, непрестанно сознающим величие своего сана и громадность своей власти. Ему нравятся поэтому всякие церемонии, всякий парад, начиная с обрядностей студенческих коммершей², от участия в которых он не отказывался, даже будучи уже императором³, и кончая военными, придворными⁴ и иными торжествами⁵. Что касается до его заявлений насчет своей власти, то многие из них весьма характерны. То, например, он собственноручно вписывает в почетную книгу города Мюнхена изречение: «*regis voluntas — suprema lex*», то приказывает выгравировать на сабле, предназначенной в подарок военному министру, аналогичное «*sic volo, sic jubeo*». Это отождествление королевской воли с высшим законом, эта ссылка на «хочу и приказываю», конечно, мало гармонируют с положением конституционного монарха, но Вильгельм II в своих заявлениях вообще очень мало стеснялся этим соображением, с которым как-никак все-таки должен был сообразоваться в своей деятельности. «Один только повелитель в стране, это — я!» — сказал он, например, однажды членам рейнского провинциального ландтага, как другой раз заявил членам и бранденбургского ландтага: «В полном согласии с моим дедом я вижу в доставшихся мне народе и стране вверенное мне Богом наследие, которое, как о том сказано в Библии, я призван умножить и за которое должен буду ответить». Или вот что было еще, между прочим, в речи, произнесенной Вильгельмом II в Кобленце на открытии памятника «Вильгельму Великому»: «Для нас всех, особенно же для государей он (т. е. Вильгельм I) снова высоко поставил и заставил ослепитель-

¹ Herzen A. *Véllétés pédagogiques d'un empereur* (1890); Güssfeld P. *Die Erziehung der deutschen Jugend* (1890).

² Студенческие пирушки в корпорациях немецких студентов. — *Прим. ред.*

³ Будучи студентом в Бонне, Вильгельм II примкнул к корпорации «*Borussia*», в коммерше которой, происходившем в одной из берлинских гостиниц, сам, например, принимал участие в 1891 г. Он явился на это собрание в ее костюме, принял на себя председательство и совершил все традиционные обрядности (выпил за веселость собрания, проколол на эспадроне свою корпоративную шапочку под звуки песенной клятвы оставаться всегда добрым буршем и т. п.).

⁴ Им, например, был восстановлен какой-то церемониальный танец прусских государственных сановников с канделябрами в руках.

⁵ Торжество восстановления Тевтонского ордена, причем Вильгельм II и участники праздника были одеты в соответственные средневековые костюмы. В 1898 г. Вильгельм II совершил обставленное величайшей пышностью путешествие на Восток (в Константинополь и в Иерусалим), о чем см. в гл. XXV.

но блистать великое сокровище, которое мы должны возвышать и почитать, как святыню, — королевскую власть Божьей милостью... с ее ответственностью перед единым Творцом, от которой не может освободить монарха никто, никакой министр, никакой парламент, никакой народ». Очень нередко в своих речах Вильгельм II произносил энергичные угрозы по адресу врагов внешних, и внутренних. Некоторые из его угроз особенно характерны: большей частью это были угрозы по адресу мятежников, всех недовольных и критиканов (Hörgler), особенно социалистов, которым он, в лучшем случае, рекомендовал в одной речи всем «отряхнуть немецкую пыль со своих башмаков» и уйти из не нравящейся им обстановки. Что должно было бы ожидать их в худшем случае, это можно видеть из одной речи, произнесенной Вильгельмом II перед новобранцами по поводу приведения их к присяге: «Если я дам вам приказ, вы должны расстреливать своих собственных родных, своих братьев, даже родителей»¹. Не менее угроз было произнесено Вильгельмом II и по адресу врагов внешних, когда к тому представлялся какой-либо повод. С течением времени публика попривыкла к его постоянному «бряцанию оружием», — как газеты обыкновенно называли воинственные демонстрации Вильгельма II, — но на первых порах они обыкновенно вызывали немалую тревогу, так как многие были уверены, что молодой император только о том и помышляет, чтобы начать войну².

Первые года полтора по вступлении своем на престол Вильгельм II не проявлял большой личной инициативы, как бы подчиняясь авторитету Бисмарка, но в 1890 г. он дал ему отставку, что в связи с созывом международной конференции по рабочему вопросу и невозобновлением закона против социалистов создало Вильгельму II некоторую популярность в прогрессивных кругах общества. Но Вильгельм II не удержался на занятой им позиции благожелательного отношения к рабочим, так как к концу

---

¹ На одном смотре Вильгельм II дал представлявшемуся ему полку совет так же и впредь не щадить бунтовщиков, как полк не щадил их в мартовские дни 1848 г.

² В первые годы своего царствования Вильгельм II демонстративно искал сближения с Францией. Составилось даже мнение, что сам он подготавливает почву для возможности собственной поездки во Францию. К этому именно времени и относится эпизод с путешествием в Париж императрицы-матери, вдовы Фридриха III, приведший чуть не к объявлению войны. Вопреки всем правилам, Вильгельм II решил, что мать его будет в Париже, не дав об этом заранее знать французскому правительству, чем поставил последнее в крайне неудобное положение. Французская пресса была крайне взволнована и требовала отставки Эрбетта, французского посла в Берлине, за то, что он ничего об этом не знал, и, по всей вероятности, ему была бы дана отставка, если бы с германской стороны не было официально сообщено в Париже, что увольнение Эрбетта император принял бы за личное для себя оскорбление, откуда могли бы получиться самые серьезные последствия. В дело пришлось вмешаться австро-венгерской и римской дипломатии, чтобы склонить французское правительство к уступчивости. Весь этот инцидент разыгрался лишь через четыре года после дела Шнебеле (см. выше), когда тоже из-за пустяка шла речь о возможности новой войны между Германией и Францией.

девятидесятых годов оно сменилось у него уже чувством раздражения против пролетариата. Вообще в его настроении и поведении обнаружилось, в конце концов, большое непостоянство, в зависимости от чего по причинам, остававшимся неизвестными обществу, Вильгельм II сменял одного имперского канцлера другим, держа потом того или другого из них в должности лишь до тех пор, пока он соответствовал его личным видам. Как до 1890 г. вся германская политика определялась волей Бисмарка, так после 1890 г. она стала определяться волей Вильгельма II.

Обратимся, однако, к изложению фактической истории взаимных отношений Вильгельма II и Бисмарка в 1888–1890 гг. Вскоре после смерти Фридриха III бывший близким к нему человеком страсбургский профессор Геффкен, которому Фридрих III в начале своего короткого царствования поручил составить свое благожелательное обращение к народу («An mein Volk»), опубликовал в известном немецком журнале «Deutsche Rundschau»¹ дневник покойного, веденный им еще кронпринцем в 1870 г. и заключавший в себе кое-какие «разоблачения» касательно трений и трудностей, какими сопровождалось основание империи. Эта публикация произвела сильнейшую сенсацию и в самой Германии, и за границей. Теперь не подлежит сомнению, что дневник был подлинный, и сам Бисмарк отнюдь тогда в этом не сомневался², но он счел необходимым официально заподозрить в нем подлог, в каковом смысле и сделал немедленно затем опубликованный доклад, предложив возбудить процесс против Геффкена и «Deutsche Rundschau», ввиду того, что они разгласили государственные тайны, в случае подлинности дневника, и наклеветали на императора Вильгельма I и самого Фридриха III, если дневник только подделка. В этом докладе Бисмарк оспаривал, чтобы кронпринц был посвящен в наиболее секретные дела того времени, так как Вильгельм I опасался, как бы не вышло какой-либо нескромности по отношению к английскому двору с его французскими симпатиями, — разумеется, при посредстве супруги кронпринца, английской принцессы. Такая, в сущности, инсинуация Бисмарка вредила памяти покойного Фридриха III гораздо больше, чем его неслестные отзывы о Баварии, действия которых на баварцев будто бы Бисмарк наиболее опасался³. Для неудовольствия имперского канцлера, по-видимому, были другие, личные причины, потому что, между прочим, Фридрих III выставлял себя чуть не настоящим инициатором императорского титула, только и настоявшим, чтобы и его отец, и Бисмарк на него согласились. С другой стороны, имперский канцлер очень не жаловал Геффкена и даже

¹ «Германское обозрение» (нем.). — Прим. ред. Октябрьская книжка за 1888 г.

² Бисмарк только был убежден, что первоначально он заключал в себе лишь запись военных событий, и что лишь впоследствии кронпринц вставил места с политическим содержанием.

³ Защитники Бисмарка потом утверждали, будто вовсе и не он был автором доклада.

высказывался в том смысле, что многое в дневнике Фридриха III было написано по внушению разных друзей кронпринца и в их числе самого Геффкена. Последний тоже не любил Бисмарка и еще в 1878 г., выставяя свою кандидатуру на выборах в рейхстаг как консерватор, написал против Бисмарка резкую брошюру¹, бывшую источником неприязни самого Бисмарка к Геффкену. Вильгельм II согласился с предложением доклада о возбуждении судебного преследования. Геффкен был арестован и предстал перед уголовным отделением имперского суда, который, однако, его оправдал.

В этом деле между молодым императором и старым имперским канцлером проявилась полная солидарность, которая скоро стала нарушаться на почве рабочего вопроса.

В 1889 г. в Рурской области забастовало до 100 тыс. углекопов, требовавших увеличения заработной платы, восьмичасового рабочего дня и образования особых рабочих комитетов для улажения недоразумений с хозяевами. Сочувствие населения было на стороне этой грандиозной стачки. Депутаты стачечников были даже по их просьбе официально приняты (14 мая) императором, сказавшим им речь, в которой он отнесся к их делу двойственно. Осудив самовольное нарушение договора с работодателями и застраивания по отношению к несоглашавшимся на стачку рабочим, равно как случаи сопротивления властям и нарушения прав чужой собственности, он сказал, что при повторении подобных вещей он им не может оказать никакой помощи, как и в том случае, если они пойдут рука об руку с «врагами отечества», социал-демократами, но, вместе с тем, обещал и внимательно рассмотреть их требования. Императорская речь произвела в обществе благоприятное впечатление, усилившееся от речи, сказанной депутатам от работодателей, в которой он упрекнул их, что они доводят дело до таких столкновений с рабочими, со своей стороны находя естественным, что рабочие тоже стремятся к улучшению своего положения, раз знают из газет, какие барыши получают предпринимательскими обществами. Дело рурских рабочих на сей раз кончилось миролюбиво, а Вильгельм II вынес из него убеждение о необходимости противопоставить неудовольствию в рабочем классе соответственное социально-политическое законодательство, не встретив, однако, сочувствия в Бисмарке. В это время его влияние уже стало ослабевать, и большую часть 1889 г. он прожил вне Берлина, в Фарцине и Фридрихсруэ, а Вильгельм II на заинтересовавшую его тему довольно часто стал беседовать с министром Бёттихером. По-видимому, Вильгельму II и закон о социалистах, — по крайней мере, в том виде, как он существовал, — приходился не по душе: закон не помещал тому, что на выборах 1887 г. было подано более трех четвертей милли-

---

¹ «Der zweite Juni und die Reichstagswahlen».

она социал-демократических голосов и выбрано было 11 представителей партии, да и надежда на продление действия закона за пределы последнего срока в сентябре 1890 г. была небольшая. Бисмарк осенью 1889 г. даже прямо хлопотал о превращении этого временного закона в постоянный, сделав рейхстагу в этом смысле предложение, рассчитывая на то, что «картельный» рейхстаг примет его предложение. Расчет, однако, оправдался лишь наполовину: рейхстаг соглашался на предложение Бисмарка, но требовал кое-каких при этом смягчений. И Вильгельм II, и большинство министров были не прочь уступить, да и Бисмарк был того же мнения — не настаивать на одном пункте (дело шло о праве высылки), чтобы получить главное. Консерваторы, однако, полагая, что Бисмарк, скорее, готов отказаться от всего, чем согласиться на исключение спорного пункта, при третьем чтении законопроекта 25 января 1890 г. вотируют против, чем и содействовали провалу правительственного предложения (169 голосами против 98).

Вслед за этим рейхстаг был распущен, но в заключительной, тронной речи ни единым словом не было упомянуто об отвергнутом законопроекте. В заседании коронного совета Бисмарк услышал от Вильгельма II о его намерении начать новую эпоху социально-политического законодательства и возвестить об этом в императорском послании, как это за восемь лет перед тем было сделано его дедом. Несмотря на возражения, которые стал делать Бисмарк, ему же самому и пришлось составить столь важный манифест, но было решено, что соответственные законопроекты будут выработаны только после созыва особой международной конференции и по выслушании мнения прусского государственного совета. Бисмарк согласился на порученное ему дело под этими двумя условиями, вполне надеясь, что на международной конференции станет во всю ширь вопрос о способности германской промышленности выдерживать конкуренцию с иностранной, государственный же совет согласится с доводами крупных промышленников. Что Бисмарку не нравилась вся новая затея, видно и из отказа его от заведования министерством торговли и промышленности, где его сменил Берлепш. Выборы в рейхстаг были назначены на 20 февраля, а 4-го были опубликованы два императорских рескрипта, возвещавших новую эпоху.

В первом из них (на имя Бисмарка) император заявлял о своем намерении заняться улучшением быта германских рабочих, насколько это совместимо с сохранением способности германской промышленности к конкуренции на мировом рынке и по тому самому с обеспечением за самими рабочими средств к существованию, ибо потеря сбыта германских продуктов за границей лишила бы хлеба и предпринимателей, и рабочих. Для избежания такой опасности и созывалась международная конференция насчет «возможности удовлетворить потребности и желания рабочих». «Если, —

говорилося далее, — германские посланники во Франции, Англии, Бельгии и Швейцарии известят, что тамошние правительства согласны при-слать своих уполномоченных, то имперский канцлер пригласит эти правительства это сделать». Такое окончательное выражение получило предложение Бисмарку, а в другом документе на имя нового министра промышленности и торговли, оставшемся без подписи Бисмарка, говори-лось о недостаточности прежнего социального законодательства и о необ-ходимости «подвергнуть исследованию отношения фабричных рабочих для удовлетворения раздающихся в этой области жалоб и пожеланий, на-сколько они основательны. Исходным пунктом этого исследования, — сказано было далее, — должно быть признание за государственной влас-тью задачи упорядочения времени, продолжительности и способа труда с принятием во внимание сохранения здоровья, предписаний нравствен-ности и хозяйственных потребностей рабочих и их притязания на закон-ное равноправие». Далее намечалась для обеспечения мира между работо-дателями и рабочими организация представительства последних при сношениях с работодателями и агентами правительственной власти, вследствие чего «сделается возможным для рабочих свободное и мирное выражение их желаний и неудовольствий (Beschwerden)». Второй указ имел в виду только Пруссию, поскольку обращался к прусскому министру и заключал в себе указание на разработку поднятого вопроса в прусском государственном совете под личным председательством государя и с при-влечением к совещанию сведущих людей по его выбору, но в существе дела и тут возмещалось новое имперское законодательство. Дело теперь уже должно было заключаться не в христианском милосердии по отношению к больным, увечным и хилым, а об осуществлении известного права всех здоровых и нормальных работников. Этим как бы порывалась всякая связь со старой, патриархальной системой, на точке зрения коей продолжал сто-ять Бисмарк.

Дело было двинуто быстро. Через десять дней открылись заседания прусского государственного совета с десятками специально приглашен-ных Вильгельмом II лиц — между ними крупными промышленниками, владельцами копей, знаменитым пушечным заводчиком Круппом и т. п. Программа занятий заключалась в словах самого императора о необходи-мости «защиты рабочих против произвольной и неограниченной эксплуа-тации (Ausbeutung) рабочей силы, ограничения размера детского труда в соответствии с требованиями человечности и естественных законов раз-вития» и улучшения в нравственном и хозяйственном отношениях домаш-него быта рабочих. Император подчеркнул также, что задача вовсе не в борьбе с социал-демократией: «это уже другая забота, — сказал он, — и с ней в случае надобности справлюсь я один, не нуждаясь ни в советах ваших, ни в поддержке». Для разработки отдельных вопросов были обра-

зованы особые комиссии с приглашением в них некоторого числа экспертов из ремесленников и рабочих. Затем, с 15 по 28 марта заседала международная конференция по охране рабочих («Internationale Konferenz für Arbeiterschutz») из представителей всех западноевропейских государств; Россия и Балканские страны не были представлены, так как их вывоз лишен индустриального характера. Предметами совещаний были: регулирование труда горнорабочих, воскресный отдых, труд детей, подростков и женщин, приведение в исполнение принятых постановлений. Приняты были в качестве решений или только пожеланий запрещение работы в копиях для детей моложе 14 лет и для женщин, возможно большее ограничение работы в условиях, вредных для здоровья, обращение обеих сторон к третейскому суду в случае столкновений, необходимость соглашения между всеми государствами касательно воскресного дня, запрещение ночного и воскресного женского труда, ограничение труда женщин 11 часами с перерывом в 1,5 часа, допущение родильниц к работе лишь через четыре недели после родов, недопущение к фабричной работе детей моложе 12 лет, к ночной или воскресной работе моложе 14 лет, установление для них шестичасовой нормы и десятичасовой до 16 лет. Конечно, все это имело лишь академический характер, но, несомненно, укрепляло Вильгельма II в его реформаторских планах. Бисмарк был, напротив, очень недоволен: «конференция не подлила воды в вино» и «не затормозила гуманного, расположенного к рабочим порыва (Elan) государя»; все это была «одна фразеология». Еще конференция не кончила своей работы, как разнеслась весть об отставке Бисмарка.

За месяц перед тем и выборы в рейхстаг окончились не в пользу Бисмарка. Картель потерял 80 мест, собрав только 2,5 млн голосов против 4,5 млн оппозиции. Императорские указы не уменьшили, как на то рассчитывал сам Вильгельм II, количества социал-демократических голосов (социал-демократов было выбрано 35 человек). Социал-демократы даже извлекли выгоду из этих указов, так как сам император признал-де справедливость их требований, и многие наивные люди думали, что быть «gut social-demokratisch» и «gut kaiserlich»¹ — одно и то же. Еще больше социал-демократы ссылались на то, что февральские указы находятся в противоречии с законом о социалистах, и распространяли взгляд, что все значение указов — в ловком избирательном маневре.

Что касается отставки Бисмарка, то о ней очень много говорили, да немало и писали; предпринимались чуть не целые исторические исследования о ее причине или причинах. Все, конечно, указывали на слишком самостоятельный и властный характер молодого императора, который тяготился опекой «железного канцлера» и, в сущности, желал быть собст-

---

¹ «Хороший социал-демократ» и «верноподданный императора» (нем.). — *Прим. ред.*

венным своим канцлером. Между представителем старого поколения, уже отжившего свое время, со старыми идеалами и старыми предрассудками, с одной стороны, и представителем поколения более молодого, имевшем свои новые стремления и прихоти, с другой стороны, при действительно большой разнице лет должны были возникнуть непримиримые, — принимая в расчет оба характера, — разногласия. В 1890 г. Бисмарку было уже 75 лет, Вильгельму — 31, разница в 44 года, какая может быть, пожалуй, иногда между дедом и внуком. Разногласия бывали у Бисмарка и с Вильгельмом I, но их было меньше, да и старый прусский король и германский император всегда подчинялся более сильной личности своего министра. Бисмарк даже привык к этой уступчивости монарха, и потому ему уже труднее было ладить с новым своенравным государем. Отставка Бисмарка поразила своей неожиданностью. Еще в ноябре 1889 г. во время одного своего путешествия император послал Бисмарку очень милостивую телеграмму, а 1 января 1890 г., всего за 79 дней до разрыва, горячо поздравлял его с новым годом, «прося Бога, чтобы Он еще на многие годы сохранил для него, императора, в его трудном и ответственном призвании государя, такого верного, испытанного советника», каким был имперский канцлер.

Разногласия между Вильгельмом II и Бисмарком образовались по разным вопросам. Одни думают, что в отставке Бисмарка большую роль сыграло различное понимание социальной политики, по вопросам которой император больше слушал советов министра Бёттихера; поведение последнего по отношению к себе Бисмарк считал прямо подозрительным¹. Другие решительно отрицают такое объяснение конфликта², но, кажется, никто не может отрицать, чтобы в разладе между императором и его канцлером не было работы посторонних сил. Несомненно, что против Бисмарка перед Вильгельмом II велась интрига и притом с разных сторон. Придворный проповедник Штёккер и редактор «Крестовой газеты» Гаммерштейн были недовольны несочувствием Бисмарка антисемитизму и покровительством прогрессивному протестантскому богослову Гарнаку³, и оба были убеждены, что нужно «возбудить у императора впечатление, что Бисмарк дает ему плохие советы». Неблагоприятные для канцлера влияния шли и с либеральной стороны: указывают на великого герцога Баденского, который, в данном случае, как думают, служил сознательно или бессознательно целям английской политики, видевшей в Бисмарке главного сторонника дружбы Германии с Россией. Договор с последней

---

¹ Такова, например, точка зрения Wench'a на с. 118 и след. цитированного выше сочинения.

² Nicht deswegen, weil er die kaiserliche Socialpolitik nicht hätte mitmachen wollen. G. Egelhaaf. Geschichte der neuesten Zeit. S. 212. Эгелгааф, сам большой поклонник Бисмарка, очень обстоятельно рассматривает вопрос на 20-и страницах (212–232).

³ См. о нем в гл. XXIV.

при Александре III истолковывался врагами Бисмарка в смысле опасной для Германии измены союзу с Австрией¹. Не было недостатка в разных инсинуациях и более личного содержания. Указывали на непочтительные отзывы Бисмарка об императоре перед иностранными дипломатами («император такого рода человек, что хотел бы каждый день праздновать день своего рождения»); объясняли поведение канцлера в деле Геффкена, как желание выставить отца и мать императора плохими немцами и передатчиками государственных тайн в Лондон; обвиняли Бисмарка и в том, что он скрывает от императора важные дела. О непосредственном поводе к отставке мы узнаём, быть может, лучше всего из прощального письма, составленного Бисмарком 18 марта 1890 г. и переданного Вильгельму II на другой день. Этот документ был немедленно после смерти отставного канцлера (1898) обнародован его секретарем Бушем в «*Berliner Lokalanzeiger*».

По «кабинетс-ордеру» Фридриха-Вельгельма IV от 8 сентября 1852 г. министры не имели права без ведома министра-президента делать непосредственные доклады королю, а Вильгельм II в этом видел только ограничение своей власти и хотел находиться в непосредственных сношениях с каждым из своих министров. Он потребовал у Бисмарка отмены этого порядка, но все министерство вместе с ним нашло, что это лишило бы министра-президента надлежащего авторитета. Этот эпизод относится к марту 1890 г., к которому относится и другой эпизод аналогичного характера. Бисмарк вошел в сношения с Виндгорстом, которые должны были остаться секретными, но узнавший об этом Вильгельм II указал Бисмарку на неблагоприятность таких сношений министра, без императорского разрешения, с влиятельными членами рейхстага, и запретил ему впредь это делать. Бисмарк, со своей стороны, с такой точкой зрения не согласился, указав на то, что монарху во всех случаях принадлежит последнее слово, если он не одобрил бы результата переговоров, и будто бы прибавил: «Ваша власть не распространяется на гостиную моей жены». Кроме того, Вильгельм II высказал желание, чтобы Бисмарк отказался от своих прусских должностей министра-президента и министра иностранных дел, сохранив за собой одно имперское канцлерство. Император был еще недоволен тем, что Бисмарк не показал ему одного донесения от германского консула в Киеве о военных приготовлениях России, но Бисмарк оправдывался тем, что не верил в воинственные замыслы Александра III и потому не хотел поднимать истории по поводу этого донесения. Ко всему этому прибавилось еще раздражение императора, вызванное исходом выборов в рейхстаг. Угадывая настроение Вильгельма II, Бисмарк сказал ему, что готов

---

¹ На самом деле, как впоследствии рассказывалось в некоторых позднейших газетных «разоблачениях», Бисмарк однажды осенью 1889 г. упрекал Вильгельма II в чрезмерной приверженности к России: император будто бы был так рассержен, что велел кучеру остановиться (разговор происходил в экипаже) и попросил Бисмарка его оставить.

выйти в отставку, но только не сейчас, дабы не произвести невыгодного для правительства впечатления, а летом, когда можно было бы подыскать для него подходящего преемника. Бисмарк соглашался помочь проведению военного предложения, но предсказывал, что едва ли можно будет иметь успех, что рейхстаг придется распустить — и, пожалуй, не один раз — и даже созвать в Берлин союзных государей, дабы с ними подумать об изменении избирательного закона и, может быть, других пунктов конституции. Вильгельм II как будто с этим соглашался. Впоследствии Бисмарку по этому поводу было приписано намерение, в марте 1890 г., отменить всеобщее избирательное право¹. Защитники памяти Бисмарка не отрицают, что он предвидел возможность, в случае упорного несогласия нации с предложением об усилении войска, после одного-двух роспусков, созвать государей и вольные города, которые в 1867 и 1870—1871 гг. создали конституцию, и предложить им или остаться лишь в таможенном и военном союзе без рейхстага, или, сохранив существующую конституцию, изменить действующее избирательное право, препятствующее безопасности и могуществу империи. Еще в 1881 г. Бисмарк носился с подобной же мыслью, называя рейхстаг нюрнбергской игрушкой, с которой немцы не умеют обращаться. Во всяком случае, он думал прибегнуть к радикальному средству не сейчас и надеялся, что можно будет обойтись и без него. Свою мысль Бисмарк развил перед императором 25 февраля, и тот согласился, что не следует сдаваться («no surrender!»). Дядя императора, великий герцог Баденский, разубедил Вильгельма II в допустимости такого плана: это вызовет народное восстание, «тебя, — аргументировал либеральный государь, которого Бисмарк величал германским Людовиком-Филиппом, человеком вечной уступки, — тебя прозовут карточным принцем, и тебе придется по щиколотку ходить в крови твоих подданных». Великий герцог усматривал даже во всей этой истории «шутку (ein Trick) старого Бисмарка», чтобы, поссорив императора с народом, сделать себя еще более необходимым. «Дело идет, — будто бы прибавил дядя императора, — о том, царствовать ли в Германии династии Бисмарков или Гогенцоллернов». Понятно теперь, кого имел в виду Вильгельм II, когда сказал 5 марта на банкете в бранденбургском провинциальном ландтаге: «Я буду по мере сил по-своему (mit meinem Pfunde) вести свое хозяйство; кто мне при этом будет помогать, тому от сердца добро пожаловать, но кто мне станет поперек в этой работе, того я разгромлю (den zerschmetterte ich!)». Затем началась настоящая политика булавочных укулов, раздача высоких знаков отличия заведомым недругам Бисмарка (например, Бёттихеру), приглашение канцлера на доклад в слишком ранний для старика час, оставление без ответа его писаний, а 17 марта Бисмарку был поставлен

---

¹ Статьи Delbrück'a в „Preussische Jahrbücher“ за 1906 г.

и прямой ультиматум — или отменить кабинетский ордер 1852 г., или подать в отставку. Министры, созданные Бисмарком, хотели было взять на себя посредничество в улажении кризиса, но Вильгельм II предупредил их намерение, дав понять, что это будет напрасно, и послал Бисмарку уже прямое предписание подать в отставку. Тогда последний написал свое прошение на двадцати страницах, о котором было упомянуто и которое проливает свет на непосредственный повод императорской немилости. Прося об отставке «с узаконенной пенсией», имперский канцлер подчеркивал, что он уже давно это сделал бы, если бы у него «не было впечатления, что его величеству угодно пользоваться опытностью и способностями верного слуги его предшественников». «Теперь, — так заканчивалось прошение, — когда мне известно, что ваше величество в них не нуждается, я могу уйти из политической жизни, не боясь, что мое решение будет принято общественным мнением за несвоевременное. Фон Бисмарк». На это прошение император ответил 20 марта, что принимает отставку «со смутным сердцем» и в знак «неизгладимой благодарности» жалует Бисмарку титул герцога Лауенбургского, титул, который тот никогда потом не хотел употреблять. Другой наградой было производство Бисмарка в «генерал-oberста кавалерии». Общественному мнению высочайшие рескрипты представляли так, будто сам Бисмарк настаивал на отставке и ничем его нельзя было уговорить, а одному из германских государей Вильгельм II телеграфировал, что ему «так больно, как будто он еще раз лишился своего деда», но нужно-де покориться воле Божьей. «На мою долю, — сказано было далее в телеграмме, — выпала должность вахтенного офицера на государственном корабле. Курс остается старый: на всех парах вперед!» Назначенный на место Бисмарка генерал Каприви с такой поспешностью переехал в канцлерский отель, что семья Бисмарка едва успела кое-как уложиться. Старший сын Бисмарка, граф Герберт, не захотел после этого оставаться на своем посту статс-секретаря иностранных дел.

Выборы 1890 г., в которых германская нация проявила свое отвращение к реакционной политике последних лет, и отставка Бисмарка через месяц после этих выборов открывали новую эпоху внутренней истории Германии — с новыми людьми и новыми стремлениями. Преемником Бисмарка был назначен — и имперским канцлером, и министром-президентом, и министром иностранных дел в Пруссии — генерал Каприви-де-Каправа-де-Монтекукули¹, которого Бисмарк давно считал своим врагом. Участник войн 1866 и 1870—1871 гг., в 1883 г. он был назначен, несмотря на свое сухопутное звание, начальником адмиралтейства, в управлении которым очень скоро проявил недюжинную инициативу и большую распорядительность. Пробыв в этой должности пять лет и приобретя в ней значи-

¹ Предки Каприви были итальянцы; в XVI в. один из них переселился в Крайну, а в XVIII в. некоторые из Каприви были на прусской службе.

тельные познания в морском деле, пригодившиеся ему впоследствии, Каприви из-за разногласий с Бисмарком в 1888 г. был снова переведен в армию командовать корпусом, с каковой должности совершенно для всех неожиданно и был взят Вильгельмом II на пост имперского канцлера. Есть одно известие, будто император еще перед обнародованием февральских рескриптов призывал к себе Каприви и говорил ему, что когда должность канцлера освободится, то место это будет за ним, так как еще дед Вильгельм I рекомендовал его, Каприви, в преемники Бисмарку, когда тот умрет. «Но, — как говорят, прибавил к этому Вильгельм II, — кажется, мне придется с ним расстаться раньше». Каприви в ответ на это сказал, что только воля монарха может заставить его взять на себя отправление должности, к которой он совсем не чувствует себя готовым, на что Вильгельм II возразил ему: «Но вам и надобности нет в этом, потому что я сам буду делать вам указания». Этим разговором вполне определился взгляд Вильгельма II на роль имперского канцлера совершенно в согласии с тем объяснением, какое своей отставке давал и сам Бисмарк, говоря, что «его величество очень деятельный человек, чувствует в себе избыток сил и потому сам хочет быть своим канцлером». В сущности, на деле так и было: Каприви оказался канцлером гораздо более покладистым, нежели слишком своенравный Бисмарк. В новой своей должности он оставался четыре с половиной года (20 марта 1890 г. — 26 октября 1894 г.), и если причина его отставки до сих пор остается невыясненной, то все-таки есть некоторые основания полагать, что произошло это, когда он стал проявлять в некоторых отношениях известную самостоятельность, которая не могла понравиться Вильгельму II.

Следствием императорских февральских рескриптов 1890 г. было пробуждение и в буржуазии интереса к социальному вопросу, и из этой среды стали выходить одна за другой книжки и брошюры на отдельные темы этого вопроса, между прочим, о социал-демократии, которую с конца семидесятых годов, нельзя сказать, чтобы игнорировали, но, во всяком случае, серьезно не изучали. Происшедшая осенью того же года отмена закона о социалистах, повлекшая за собой оживление социал-демократической агитации, послужила, между прочим, поводом для возникновения целой «бюргерской» социал-политической литературы, разумеется полемического характера, причем были выкопаны и забытые публикации первых времен христианско-социалистического движения. Движение захватило и многих консервативно настроенных, но вместе с тем заинтересованных вопросами социальной реформы людей, как придворный проповедник Штёккер, берлинский профессор политической экономии Адольф Вагнер, один мюнхенский священник Вебер и некто д-р Кропачек, будущий редактор «Крестовой газеты». Они образовали кружок, в который допустили и более либеральных людей, вроде знаменитого берлинского теоло-

га Гарнака, и созвали евангелическо-социальный съезд для того, чтобы «беспредубежденно исследовать социальные отношения своего народа, применить к ним мерку нравственных и религиозных требований Евангелия и самым более плодотворным и действительным образом, нежели раньше, оказывать воздействие на современную экономическую жизнь». На первом таком конгрессе преобладала очень консервативная нота, но с течением времени в лоне самого этого учреждения стало развиваться более либеральное направление, представителями которого были Науман, Гёре¹ и др., а в 1895 г. из состава организации вышел сам Штёкер, потянув за собой и массу других наиболее консервативных в церковном и политическом отношениях членов, образовавших вместе с ним особую «Церковно-социальную конференцию». Значительное развитие в девяностых годах получили и основанные еще раньше евангелические рабочие фёрейны, тоже разделившиеся на более консервативные и более прогрессивные, последние под руководством Наумана, Гёре и т. п. Влияние, шедшее сверху, направило в социально-политическую сторону и протестантские церковные управления (в особенности прусское), которые начали приглашать подведомственное им духовенство к занятию социальным вопросом. В том же направлении действовала и внутренняя миссия евангелической церкви, начиная со своего съезда в Нюрнберге в 1890 г., и ее центральный комитет обнародовал записку об отношении миссии к социальному вопросу, послужившую темой для целой книги Наумана «Социальная программа евангелической церкви».

Конечно, еще более сильное и более важное развитие получила в Германии после 1890 г. деятельность социал-демократической партии².

Рейхстаг, вышедший из выборов 1890 г., занялся предложенным ему в мае этого года законопроектом в духе февральских указов, но потребовался целый год для выработки и принятия самого закона. Триema главными предметами социального законодательства были теперь работа в празд-

---

¹ О Наумане см. статью Г. Гросмана в «Образовании» за 1904 г. («Пастор Науман и его политическая карьера»). Он был сначала пастором, но, увлекшись социальной политикой, оставил это звание и сделался писателем. В своей книге «Demokratie und Kaiserlum» (1900) он, в сущности, возвращается к штейновской традиции «социальной монархии». Более ранние его труды: «Was thun wir gegen die glaubenslosen Sozialdemokratie?» (1889), «Das soziale Programm der evangelischen Kirche» (1890) и др. О Гёре см. статью Г. Гросмана в «Образовании» за 1904 г. («Пастор Гёре и его политическая карьера»). В 1890 г., будучи уже пастором, желая изучить быт рабочих, он три месяца провел простым рабочим на одной фабрике, написав потом об этом книгу «Drei Monate Fabriksarbeiter und Handwerksburische» (1891). В книге «Die evangelischsoziale Bewegung, ihre Geschichte und ihre Ziele» (1896) он уже высказывается против консерватизма этого движения, а в 1899 г. прямо перешел в социал-демократическую партию, объяснив этот переход в своей, разошедшейся в количестве полумиллиона экземпляров, брошюре «Wie ein Pfarrer Sozialdemokrat wurde» (1900). Некоторые его сочинения переведены по-русски: Гёре. Три месяца на фабрике (1906); Жизнь современного фабричного рабочего (в Германии / Под ред. и с пред. Павла Гёре (1908).

² См. ниже, в гл. XXIII.

ничные дни и труд детей и женщин. Правительство предложило совсем запретить работу в праздничные дни на фабриках и в ремесленных мастерских и ограничить ее пятью часами для всех служащих и рабочих, занятых в торговых заведениях. Труд детей ниже тринадцатилетнего возраста совсем было предложено запретить, с этого же возраста допускать только прошедших через школу и притом с нормами до 6 и до 10 часов для подростков моложе 14 и моложе 16 лет. Работницы на фабриках не должны были быть заняты по ночам и накануне праздничных дней позже 5,5 часов вечера, работники же старше 16 лет — не более 11 часов в сутки с часовым перерывом для обеда. Кроме того, были предложены новые постановления, касавшиеся и некоторых других предметов. Социал-демократическая фракция со своей стороны внесла предложение, отличавшееся от правительственного преимущественно тем, что все рабочие старше 16 лет должны были быть заняты сначала самое большее десять часов, с 1894 г. только девять, а с 1898 г. — восемь. Но парламентская комиссия сразу отклонила все предположения относительно нормальной продолжительности рабочего дня за исключением одного — ограничения ежедневной работы замужних работниц десятью часами. К другим предложениям правительства комиссия в общем отнеслась сочувственно.

Понятно, что здесь не место излагать германское законодательство по так называемому «*Arbeiterschutz*’у», начиная с законов 6 и 7 мая 1891 г.¹ Достаточно упомянуть, что были приняты правила о частичных запрещениях или ограничениях воскресной и праздничной работы, новые меры против «*TruckSystem*», разные предосторожности относительно опасных для жизни и вредных для здоровья или нравственности условий работы², постановления касательно рабочих комитетов (*Arbeiterausschüsse*) и т. п. Особенное развитие получило законодательство о фабричной инспекции в смысле увеличения ее персонала (в одной Пруссии до 226, во всей Германии свыше 300), расширения ее компетенции и облегчений в исполнении ее функций (содействие местной полиции и т. п.). Еще раньше всего этого законодательства, в июне 1890 г., были учреждены посреднические промышленные суды (*Gewerbegerichte*) для всех пререканий между работодателями и рабочими. Члены таких судов должны быть пополам от обеих сторон под председательством лица, не принадлежащего ни к той, ни к другой стороне.

Увлечение Вильгельма II социальной политикой было не особенно продолжительно. У этой политики с самого начала были влиятельные противники среди крупных промышленников, из которых каждый хотел оставаться «господином в собственном доме» (*Herr ira eigenem Hause*), ка-

¹ *Wenck M.* S. 160—170, 197—201.

² Подробности было предоставлено установить союзному совету, который в этом направлении издал целый ряд распоряжений в течение 1890-х гг.

ковы были пушечный король Крупп¹ или владелец каменноугольных копей и разных заводов Штумм², находившие, кроме того, что без строгой дисциплины рабочих в железоделательной и каменноугольной промышленности Германии не выдержать конкуренции с Англией. Подобные лица хотели быть в своих предприятиях маленькими самодержцами и держать рабочих и в политической зависимости от себя — в смысле недопущения принадлежности их к неприятным для хозяев партиям, за что, владея большими средствами, они охотно обставляли хорошо материальный быт своих рабочих. Их нерасположение к социальной политике шло так далеко, что в своих органах они начали настоящую травлю против «социальных пасторов» (Наумана, Гёре и др.), «катедер-социалистических профессоров» и т. п.: в их глазах все это были крамольники (Umstürzler), революционеры, в лучшем случае беспочвенные теоретики, не понимающие, — как то ясно «людям практического дела» (Männer der Praxis), — что вся эта затея ведет только к разорению, к полной гибели отечественной промышленности. Они действовали и на консервативных землевладельцев, и на их представителей в рейхстаге, уверяя их, что всякие такие поправки промышленным рабочим заставят сельских рабочих уходить в города, и это нанесет страшный удар сельскому хозяйству. Вся эта крупно-штуммовская агитация оказывала свое воздействие и на правящие сферы, и, например, прусский высший церковный совет начал сдерживать слишком «социальных» пасторов. Не останавливалась агитация и перед тем, чтобы повлиять на самого Вильгельма II в благоприятном для своих видов смысле: например, велся систематический подкоп под министра Берлепша.

Но особенно, конечно, Штумм и его сторонники хлопотали о том, чтобы настроить императора против новых идей, заострить его (scharf machen, откуда их кличка «шарфмахеры») против социал-демократии. И Крупп, и Штумм пользовались личным расположением императора, который, например, однажды в телеграмме ко второму из них обозвал «christlich-social» бессмыслицей (Unsinn). Главной целью «шарфмахеров» было набросить тень на всю социальную политику за ее родство с социал-демократией и начать новую борьбу с нею, если бы для этого нужно было восстановить закон о социалистах. В самом Вильгельме II все более росло раздражение против социал-демократии, и он уже боялся, что она затеет бунт: в одной своей, наделавшей много шума, речи к новобранцам он пря-

---

¹ Здесь речь идет о Фридрихе-Альфреде, сыне Альфреда Круппа.

² Карл-Фердинанд Штумм-Гальберг (с 1888 г. барон) сделался близок Вильгельму II еще в бытность его кронпринцем. У Штумма к концу его жизни (умер в 1901 г.) работало более пяти с половиной тысяч рабочих, которых он держал в строгой, патриархальной опеке, в то же время устраивая для них хорошие жилища, дешевые столовые, бани, школы, библиотеки (с односторонним подбором книг), больницы и обеспечивая пенсиями долго прослуживших у него рабочих. Его называли «папа Штумм» и «король Штумм».

мо, как мы уже видели, сказал, что в случае надобности они должны стрелять и в наиболее близких своих родных.

Двум различным настроениям Вильгельма II по отношению к рабочим соответствуют и вообще два периода в истории правительственной политики в Германии в последнем десятилетии XIX в., которое может быть разделено на два периода: период канцлерства Каприви (1890—1894 гг.) и период канцлерства Гогенлоэ (1894—1900 гг.). Четыре с половиной года правительственной деятельности Каприви характеризуются политикой примирения и успокоения, под которую, однако, очень скоро стали подкапываться недовольные ей консерваторы и аграрии, добившиеся наконец замены Каприви князем Гогенлоэ-Шиллингсфюрстом. Вообще изменчивость в политическом настроении Вильгельма II, слишком часто дававшая себя знать после отставки Бисмарка, дала повод назвать его новый курс «курсом зигзагов» (*Zickzack-Kurs*). Один только милитаризм продолжал пользоваться неизменным его сочувствием, неизменным его расположением. В этом отношении он проявлял непрестанное стремление к усилению вооружений Германии, особенно на море, путем создания сильного военного флота, но в других вопросах политика его шла зигзагами. Мы еще увидим, например, что в первой половине последнего десятилетия XIX в. он решительно заигрывал с поляками, с которыми во второй половине того же десятилетия вел уже беспощадную борьбу, как бы поставив своей целью искоренение польского элемента в Пруссии, и, в сущности, то же самое, как было уже отмечено, наблюдается и в его отношении к рабочим. Еще один пример: после отражения бурами нападения на них англичан Вильгельм II, как мы уже знаем, послал президенту Трансваальской республики Крюгеру телеграмму, само содержание которой и употребленные в ней выражения сильно задели английскую нацию, а три года спустя, когда началась Англо-бурская война, он уже высказывал сочувствие не бурам, а англичанам. Эту же непоследовательность Вильгельм II обнаруживал и в вопросах экономической политики. В канцлерство Каприви он был очень далек от того, чтобы удовлетворять притязания аграриев, и стоял за необходимость заключения торговых договоров с иностранными государствами, но впоследствии, наоборот, его политика приняла крайне аграрно-протекционистское направление. Тому решительному тону, с каким он заявлял о своих намерениях, не всегда, как в эти, так и в последующие годы, соответствовала степень настойчивости в практическом их осуществлении. Особенно знаменательно в этом отношении поведение его после отклонения представительными учреждениями Германии и Пруссии первым — обязанного его собственной инициативе — законопроекта о наказании за подстрекательство к стачке заключением в смиренный дом, а вторым его проекта о соединении посредством каналов Эльбы с Рейном, которое он считал очень важным и в военном,

и в экономических отношениях: именно, полный провал его предложений отнюдь не заставил его добиваться во что бы то ни стало осуществления его планов. Напротив того, несмотря на все свое самолюбие и свою обычную властность, Вильгельм II отнесся к этим неудачам как-то пассивно, словно дело шло не о таких вещах, которым он сам же приписывал особенно важное значение. Мало того, его эльбо-рейнский план потерпел поражение в прусской палате, благодаря как раз оппозиции тех самых консерваторов, которым он потом стал делать различные уступки. Замена Каприви князем Гогенлоэ в 1894 г., а этого последнего в 1900 г. графом Буловым, это тоже были проявления курса зигзагов.

Канцлерство Каприви имело, как сказано, примирительный характер. Уже в первой речи, произнесенной им в прусской палате депутатов, слышались ноты гораздо большего уважения к народному представительству, чем можно было ожидать от деятеля, объявившего, что его политический курс будет старым курсом, курсом Бисмарка. «Хороший тон», обещанный им в это время для официозных статей по внешней политике, он поддерживал и во внутренней политике, между прочим, и в своих отношениях к прусскому ландтагу и к германскому рейхстагу. Это примирительное направление «нового курса», как прозвали время канцлерства Каприви, выразилось в невозобновлении закона о социалистах, в возвращении наследникам бывшего ганноверского короля того денежного фонда, на который Бисмарк поддерживал «рептильную» прессу, в отмене паспортных стеснений на границе между Францией и Эльзас-Лотарингией, в переходе к более мягкой политике по отношению к полякам. В начала своего канцлерства Каприви заключил ряд торговых договоров — с Австро-Венгрией, Италией, Бельгией и Швейцарией, а в конце — с Испанией, Румынией, Сербией и Россией (с последней после упорной таможенной войны). Эти договоры значительно понижали пошлину на ввозимый в Германию хлеб и выговаривали, кроме того, облегчения ко ввозу в названные страны продуктов германской обрабатывающей промышленности. Этим, конечно, были крайне недовольны консерваторы-аграрии, но зато на стороне новых торговых договоров стояли и социал-демократы, и свободомыслящие, и центр, причем, однако, первые две партии находили, что пошлины на привозный хлеб можно было бы еще сильно сбавить. Отказ от бисмарковского (с 1879 г.) аграрного протекционизма, замена бисмарковского закона против социалистов развитием социального законодательства, ослабление полицейского гнета были, можно сказать, основными линиями внутренней политики Каприви, отчасти соответствовавшими и переменам, происшедшим в рейхстаге после выборов 1890 г.

Выше было уже упомянуто, что правительственный картель на выборах 1890 г. собрал только 2,5 млн голосов против 4,5 млн голосов оппозиции. Особенно знаменателен был рост социал-демократических голосов

почти вдвое сравнительно с предшествовавшими выборами, именно с 763 до 1427 тыс., а социал-демократических депутатов даже более, чем в три раза¹. В новый рейхстаг в 1890 г. правительство внесло предложение об увеличении армии на 18 тыс. человек, отказавшись при этом от септенната, и предложение это прошло. В 1892 г. новое аналогичное требование клонилось к повышению численности армии более, чем на 70 тыс. человек, взамен чего предлагалось сократить срок обязательной службы с трех лет до двух, причем оказывалось нужным единовременно издержать лишних 66 млн марок, да ежегодно тратить лишних 64 млн. На этот раз рейхстаг не согласился на правительственный проект и был поэтому распущен, — не первый, как мы знаем, случай роспуска рейхстага из-за военного проекта. На почве вопроса об увеличении армии происходила в 1893 г. и избирательная борьба в рейхстаге, давшая 4312 тыс. голосов противникам проекта и 3268 тыс. голосов его сторонникам. В рейхстаге, однако, законопроект прошел, ибо в его пользу образовалось большинство из консерваторов (100 голосов), национал-либералов (54), свободомыслящего союза (13), отколовшегося от своих товарищей, поляков (19) и антисемитов (13), да двух членов центра и нескольких «диких». К меньшинству кроме центра (94) принадлежали, конечно, и социал-демократы, которых в этом рейхстаге было уже 44 депутата при поданных на выборах 1786 тыс. голосов². Финансовые планы правительства, соединенные с принятым законом об увеличении армии, однако, прошли далеко не все. Во всяком случае, впрочем, Вильгельм II мог бы быть доволен своим новым канцлером, который и в других отношениях обнаружил немалую ревность в смысле укрепления власти и порядка. В качестве главы прусского министерства Каприви усиленно проводил в прусской палате депутатов очень реакционный законопроект, целью которого было создать в стране вероисповедную школу, но сильное общественное возбуждение против такой меры заставило правительство взять свой законопроект назад, вследствие чего Каприви даже вышел в отставку, как прусский министр-президент, сдав эту должность гр. Эйленбургу (1892 г.), с которым он впоследствии столкнулся по вопросу о возобновлении репрессивных мер против социалистов. Главными противниками Каприви были прусские аграрии, среди которых особенно выдвинулся Каниц, автор проекта о сосредоточении всей торговли привозным хлебом в руках правительства, имевшего регулировать хлебные цены в интересах землевладельцев. Каприви высказался решительнейшим образом против таких притязаний аграрной партии, чем вызвал в ней страшное раздражение против себя, как «высочки, у которого самого-то нет и пяди земли», — и даже крайнее не-

¹ На этих выборах впервые антисемиты (сы. ниже) собрали достаточное количество голосов, чтобы иметь своих депутатов.

² Антисемиты тоже собрали много голосов (263 тыс.). См. ниже.

удовольствие против самого императора, державшего такого канцлера. В союз с консерваторами-аггарирами вступила по вопросу о проекте Каница значительная часть промышленной буржуазии, особенно железные заводчики, получавшие барыши от казенных заказов и не желавшие ссориться с консервативной партией, по всем другим вопросам всегда поддерживавшей правительство: низкие цены на хлеб для них были не так важны, как союз с консервативными силами. В рейхстаге проект Каница был провален большинством на тринадцать только голосов, в чем нельзя не видеть измены канцлеру со стороны многих, которые стояли раньше за него. Притом у него возникло серьезное разногласие с Эйленбургом по вопросу о возобновлении репрессивного закона против социализма. К необходимости репрессии склонялся теперь сам Вильгельм II, видевший в постоянном росте социал-демократии черную неблагодарность рабочего класса к нему, императору, столько сделавшему для проведения социального законодательства. Эйленбург был «за», Каприви — «против», но отставку они получили оба, после чего обе их должности снова были соединены в руках кн. Гогенлоэ.

Этот третий канцлер Германской империи был личностью еще менее значительной, чем Каприви. В 1894 г. ему уже было около семидесяти пяти лет¹. Человек, в достаточной мере одряхлевший, почти глухой, совершенно лишенный самостоятельности, он не мог своей личностью импонировать ни рейхстагу, в котором говорил свои речи не иначе, как по бумажке, ни императору, требовавшему от него лишь исполнения его предначертаний. Самое большее, что мог еще кн. Гогенлоэ позволять себе по отношению к Вильгельму II, это — в некоторых случаях вносить известное смягчение в исполнение того, чего хотел его импульсивный и властный государь. Политика зигзагов при этом имперском канцлере и прусском министре-президенте достигла кульминационного пункта своего развития, получив особенно яркое выражение в частой смене министров и статс-секретарей по причинам, большей частью остававшимся неизвестными или непонятными². Во внешней политике канцлерство Гогенлоэ было временем некоторого сближения с Россией, консервативную роль которой теперь особенно ценили в Берлине после так еще недавно бывших размолвок. Колониальная политика империи в эти годы приняла особенно активный характер, равно как началось и усиление влияния Германии в Константинополе³. Равным образом и имперский милитаризм за это

---

¹ Раньше он был вице-президентом рейхстага, потом послом в Париже (с 1875 г.), наконец, наместником в Эльзас-Лотарингии (с 1885 г.).

² В этой смене министров молва приписывала немалую роль тайному советнику Луканусу, бывшему начальником гражданского кабинета императора: говорили, что кого посетит Луканус, тот вслед за тем выходит в отставку.

³ См. ниже, в гл. XXV.

время сделал значительные успехи. В 1895 г. Вильгельм II торжественно отпраздновал открытие канала императора Вильгельма I, по которому военные суда, равно как и торговые, могут свободно проходить из Балтийского моря в Немецкое и обратно, не огибая Дании. В 1897 г. началось усиленное строительство военного флота. В начале этого года Гогенлоэ добился в рейхстаге кредита в 58 млн марок на сооружение новых крейсеров; правительство, впрочем, запросило больше, именно 70 млн. Осенью того же года, открывая рейхстаг тронной речью, Вильгельм II указал в ней на необходимость для Германии занять и на море достойное ее место. В переводе на язык цифр это обозначало, что в ближайшее семилетие (1898—1904 гг.) Германия должна была израсходовать на свой военный флот 1 млрд 47 млн марок. С небольшими лишь сокращениями этот рост морского бюджета рейхстагом был принят в 1898 г.

В канцлерство Гогенлоэ правительство опиралось обыкновенно на новую комбинацию партий в рейхстаге, в которой значительная роль принадлежала центру. Между прочим, в 1895 г. президиум в рейхстаге попал в руки клерикалов после того, как бывший тогда президентом Левецов подал в отставку, обидевшись на то, что предложение его послать приветствие Бисмарку в восьмидесятую годовщину его рождения было принято только 163 голосами против 146, т. е. всего большинством в 17 голосов. В самом центре около этого времени произошла перемена в отношении к правительственному курсу: именно центр стал сам склоняться к аграрному протекционизму, уже начавшему намечаться в правительственных сферах, а главное — стал благосклоннее относиться к желанию увеличить сухопутные и морские (особенно морские) силы империи. Благодаря поддержке центра правительство получило упомянутый уже кредит на кораблестроение, хотя как раз центр же урезал запрошенную сумму на 12 млн марок. В 1898 г. центр равным образом поддерживал требования правительства в морском бюджете. Со своей стороны, и правительство очень внимательно относилось к мнениям и пожеланиям центра.

Вообще, сравнительно с политикой Каприви, направление, принятое правительственной деятельностью при Гогенлоэ, было более реакционным. Правда, аграрии ничего не получили от преемника ненавистного им Каприви, — в этом отношении им пришлось ждать новой перемены, так как более заметный поворот к аграрному протекционизму относится уже к канцлерству Бюлова, — но, в общем, к Гогенлоэ аграрии относились недурно. Решительнее порвал Гогенлоэ с политикой Каприви в вопросе польском, обострение которого относится, главным образом, к 1898 г., когда прусское правительство вернулось к традициям полонофобской политики Бисмарка. Более же всего была заметна перемена курса в отношении к социал-демократии. Открывая в конце 1894 г. новую сессию рейхстага тронной речью, Вильгельм II указал в ней на необходимость, не

оставляя социального законодательства, в то же время «энергично бороться с пагубными замыслами людей, стремящихся противодействовать государственной власти в исполнении ею своего долга». В частности, тронная речь возвещала внесение в рейхстаг проекта об изменении некоторых уголовных законов для усиления полагающихся по ним наказаний и даже введения новых кар за такие деяния, как подстрекательство к преступлениям или восхваление преступлений путем печатного или устного слова, причем в число наказуемых действий входили неповиновение властям, распространение ложных слухов о действиях правительства и т. п. В самом законопроекте («Umsturzvorlage», как его краткости ради обозначали) социал-демократия не называлась, но во время дебатов в рейхстаге никто не скрывал, что видит в нем не что иное, как меру для борьбы с политической крамолой, главными представителями каковой и были социал-демократы. Все прогрессивные и отчасти даже просто умеренные партии были против этой «Umsturzvorlage», за нее же высказывались консерваторы и даже национал-либералы, а кроме того и центр, пытавшийся распространить уголовную репрессию на то, что он считал неуважением к религии и церкви. Этим центр, однако, только повредил законопроекту, который взялся защищать, и рейхстаг отклонил предложение очень значительным большинством голосов. Один эпизод этой сессии показал даже, что большинство рейхстага не очень-то было склонно вступить на путь репрессии по отношению к социал-демократии. Случилось так, что депутаты этой партии не успели заранее покинуть залу заседаний перед провозглашением «hoch» императору, — как они обыкновенно поступали, — и остались сидеть на своих местах, когда все встали. Прокуратура усмотрела в этом оскорбление величества и обратилась к рейхстагу с просьбой разрешить ей уголовное преследование против членов названной партии, но громадным большинством голосов рейхстаг отказал прокуратуре в этой просьбе. Отклонение законопроекта, в принятии которого как бы лично был заинтересован сам Вильгельм II, не повлекло за собой роспуска рейхстага. Он был распущен только после истечения законного срока полномочий его членов. Новые выборы состоялись в июне 1898 г., обнаружив снова значительное усиление социал-демократических голосов (2 107 тыс.) с соответственным увеличением и мандатов в рейхстаге (57 человек). Новому составу народного представительства империи пришлось снова рассматривать законопроект, направленный против социал-демократии. Между выборами и открытием сессии Вильгельм II на одном банкете произнес грозную речь, в которой объявил о новом законопроекте, направленном против стачек. Целью возвещавшейся меры оратор ставил защиту тех, которые желают работать, против нарушителей свободы труда, средством же для этого объявлялась каторжная тюрьма. Речь Вильгельма II произвела большую сенсацию в народе. Она обозначала, что он порывал с социальной

политикой столь недавнего еще прошлого, и что в борьбе классов государственная власть резко становилась на сторону работодателей против рабочих. Однако, рейхстаг отклонил в 1899 г. «каторжный законопроект», внесенный в него правительством. Зато им был принят другой уголовный закон, пользовавшийся сочувствием Вильгельма II, закон, известный под названием «lex Heinze»¹, карающий сводничество и разврат; большинство рейхстага только отвергло поправки к нему центра, который желал воспользоваться этим законом против всех произведений литературы и искусства, где только можно было усмотреть безнравственность или оскорбление чувства стыдливости.

Тогенлоэ оставил канцлерство в самом конце последнего года XIX в., и в XX столетие Германия вступила с новым канцлером, графом Бюловым.

Остановимся еще несколько на том, что в 1900 г. произошло объединение Германии в юридическом отношении введением общегерманского гражданского кодекса, принятого рейхстагом еще в 1896 г. с условием, чтобы началом его действия было 1 января 1900 г.

Вопрос о юридическом объединении Германии был поставлен на очередь еще в начале XIX в. известным юристом Тибо, высказавшим мысль о необходимости общегерманского гражданского кодекса в специально посвященной этому брошюре. Эта работа появилась в печати в 1814 г., всего через десять лет после того, как подобный единый кодекс получила Франция из рук Наполеона I. Любопытно, что, предлагая совершить юридическое объединение Германии, Тибо решительно высказался против объединения политического, но другие влиятельные юристы восстали и против общего гражданского кодекса. Главным противником этой мысли был, как известно, Савиньи, основатель так называемой исторической школы права, оказавшей большие услуги науке, но бывшей весьма консервативной в политическом отношении. Историческая школа на долгое время наложила свою печать на все юридическое мышление немецких ученых, пока в германской юриспруденции не был произведен настоящий переворот историко-философским направлением Рудольфа Иеринга, осудившего прежде всего консерватизм исторической школы². Конечно, однако, главным препятствием для создания и введения в жизнь общего гражданского кодекса было не такое или иное юридическое учение, а то

¹ Гейнце был преступником, давшим повод к составлению законопроекта.

² Иеринг высказывался в том смысле, что история, конечно, учит консерватизму, но что истинный консерватизм сохраняет старое не ради его самого, а лишь поскольку оно является условием будущего. Учению исторической школы о чисто органическом, так сказать, безличном, безболезненном и мирном развитии права он противопоставил теорию творческого правообразования с постановкой праву цели (его «Цель в праве») и путем усиленной борьбы (его «Борьба за право»). Ср. мое «Введение в изучение социологии», где противоположность обеих точек зрения получает более общее освещение. См. об Иеринге (†1892) труды Jonge, Eck'a, Kuntze, Merkel'я и др.

состояние политической раздробленности, в каком находилась Германия до 1867—1871 гг. Чтобы в стране сделалось возможным общее законодательство, необходимо было образование общего законодательного органа¹, каким явился только рейхстаг, необходимо было и большее объединение нации в других отношениях, особенно в области отношений экономических, имущественных и т. п., не говоря уже о технической стороне дела, требовавшей немало времени и труда. Между созданием Германской империи и принятием ее народными представителями общего германского кодекса гражданского права протекла целая четверть века².

Начало этой работы было положено в 1874 г. союзным советом, учредившим комиссию для выработки общего плана, а потом и проекта кодекса, причем в состав комиссии были приглашены видные юристы из разных германских государств. Проект был изготовлен ею к 1 января 1888 г., после чего началось его обсуждение и в общей, и в юридической печати³. В вызванной им полемике особого внимания не-юриста заслуживает приписываемая составителям кодекса тенденция борьбы с социализмом⁴. В 1890 г. бундесратом была образована для переработки проекта новая комиссия, которая занималась этим делом с апреля 1891 по декабрь 1895 г., причем продолжалось обсуждение проекта и в прессе, рассматривавшей те или другие его предположения с точки зрения различных социальных интересов. В рейхстаг проект был внесен в начале 1896 г., и здесь его обсуждение дало повод отдельным партиям выставить свои особые требования. Например, одна группа консерваторов настаивала на необязательности гражданского брака, тогда как социал-демократы «в семейном праве вы-

---

¹ Конституция Германской империи распространяла компетенцию рейхстага лишь на некоторые части гражданского права, но законом 20 декабря 1873 г. было произведено изменение конституции в смысле расширения законодательной компетенции империи на всю область гражданского права.

² До 1900 г. в Германии существовала страшная пестрота действующего права. В самом Прусском королевстве не было единства. Allgemeines Landrecht действовало лишь в старых провинциях Пруссии и в Восточной Фрисландии (если не считать еще ансбахского и байретского округов Баварии), тогда как в западных частях монархии имели силу другие законы. Наполеоновский кодекс действовал на левом берегу Рейна и в Бадене. Саксония с 1863 г. имела свое особое гражданское уложение и т. п. «Германская правовая карта, — говорит один немецкий ученый, Бернгейт, на с. 17 соч., названного ниже), — была значительно пестрее, чем политическая. Иногда граница правовой области проходила между городом и деревней или даже через один дом. Жители одного города часто были разделены юридически, так как для разных классов действовали разные права».

³ Укажем, между прочим, на следующие работы: Schwarz. Die Geschichte der privatrechtlichen Kodifikationsbestrebungen und Entstehungsgeschichte des Entwurfes eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich (1889); Behrend. Die neueren Privatrechts-Kodifikationen und der Entwurf eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich (в «Holtzendorff's Encyclopädie», 1890), а также на существующую и в русском переводе работу Фр. Бернгейта «Гражданское уложение Германской империи в процессе его образования», где на с. 18 и след. рассказана история происхождения германского уложения.

⁴ Ср.: Menger. Die besitzlosen Volksklassen und das deutsche bürgerliche Gesetzbuch.

ставили целую группу связанных между собой предложений, которые, вместе взятые, должны были бы произвести полную революцию в области семейных отношений»¹. Случалось, что очень страстная оппозиция делалась по поводу очень неважных пунктов, как это было, например, по вопросу о вознаграждении убытков, причиняемых зайцами, о чем и слышать не хотели консерваторы. 1 июля 1896 г., наконец, гражданское уложение было принято 228 голосами против 48 при 18 воздержавшихся. 14 июля союзный совет дал санкцию, а 18 августа новый кодекс был утвержден императором. Нужно, однако, заметить, что во многих отношениях новое общее право не коснулось законов о княжеских и знатнейших дворянских фамилиях и не вытеснило целого ряда местных особенностей, например, аграрного права и т. п.

Закончим эту главу рассмотрением еще двух явлений в жизни Германии, получивших особое развитие в последние десятилетия XIX в. и, несмотря на все свои различия, сходных между собой в том отношении, что оба эти явления одинаково характеризуют дух национальной нетерпимости, овладевший значительной частью германской нации. Два явления, о которых идет речь, это — вражда немцев к обоим наиболее многочисленным не-немецким элементам в составе населения империи, т. е. к полякам и евреям. Как ни несходно положение одной национальности в Германии с положением другой и как ни различны мотивы объявленной германскими националистами им борьбы, в обострении и польского, и еврейского вопросов проявился одинаково дух той крайней национальной исключительности, которая особенно стала развиваться среди немцев после побед над французами в 1870—1871 гг. и которую усердно поддерживали после этого все реакционные силы нации².

Области Прусского королевства с польским населением вошли в состав его государственной территории далеко не в одно и то же время. Ранее

¹ Слова Бернгейста на с. 30 русского перевода его работы. Ср. там же с. 39—40.

² Кроме поляков и евреев, невыгодные следствия этого немецкого национализма испытывали на себе еще французы Эльзас-Лотарингии и датчане Шлезвига. Для истории прусской политики в польских областях см.: *Bernhard L.* Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat. Die Polenfrage (1907); *Idem.* Die Städtepolitik im Gebiet des deutsch-polnischen Nationalitätenkampfes; *Rakowski K.* Dzieje W. Księstwa Poznańskiego w zarysie, 1815—1900; *Idem.* Walka w obronie narodowości polskiej pod berłem pruskim; *Buzek J.* Historia polityki narodowościowej rządu pruskiego wobec polaków od traktatów wiedeńskich do ustaw wyjątkowych z r. 1908 (1909). Ч. III книги, посвященная «Ересе polityki eksterminacyjnej wobec polaków» с 1872 г., занимает около 400 стр. (137—533) из 569, т. е. $\frac{5}{7}$ всей книги. Историю прусско-польских отношений после 1872 г. Buzek делит на 5 периодов: 1) уничтожение прав польского языка и ограничение прав польского населения Бисмарком, с 1872 по 1885 г., 2) начало истребительной борьбы прусского правительства против поляков, от 1885 до 1890 г., 3) время примирительной политики в канцлерство Каприви от 1890 до 1894 г., 4) возобновление истребительной борьбы с 1895 по 1897 г. и 5) эпоху подавления польского элемента на всех поприщах с помощью исключительных законов; *Студницкий Вл.* Польша в политическом отношении от разделов до наших дней (1908), гл. XII; *Дюмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос (1909).

всего, в начале XVII в., монархия Гогенцоллернов приобрела так называемую Восточную Пруссию, из-за которой еще с XIII в. шла борьба между польским, литовским и германским племенами и где до польских разделов у Речи Посполитой оставалась небольшая территория, называемая по-польски Вармией, по-немецки Эрмландом. И до сих пор в населении Восточной Пруссии насчитывается до 15% поляков. Затем в середине XVIII в. Пруссия овладела Силезией, отторгшейся от остальной Польши еще в XIII столетии и подчинившейся в начале XVI в. в составе Чешского королевства династии Габсбургов. И Восточная Пруссия, и Силезия поступили под власть прусских королей уже сильно онемеченными. Немало было немецкого населения, особенно в городах, и в Западной Пруссии, которую Гогенцоллерны приобрели по первому польскому разделу 1772 г. и в Познанском княжестве, которым они непрерывно владеют с 1815 г. За исключением Силезии, где на одну квадратную милю приходится около 140 человек, все эти области со смешанным польско-немецким населением заселены гораздо менее густо, нежели Пруссия и вообще Германская империя; в то время, как для последних можно принять средним числом около 100 душ на квадратную милю, в Восточной и Западной Пруссии на квадратную милю приходится только около 55 и 60 человек и около 65 в Познани. Естественно, что эти менее населенные области всегда были территорией, на которую устремлялась немецкая колонизация, исторический «*Drang nach Osten*» германского племени. Включение их в состав германского государства только облегчало этот процесс заселения бывших частей польского государства немцами, тем более что в Речи Посполитой было много земель, принадлежавших короне и церкви: именно на этих землях прусское правительство и стало устраивать немецких колонистов. Прогрессивное заселение бывших польских областей немцами могло бы идти и впредь с тем же успехом, как началось, если бы в экономической жизни Германии не произошел известный нам поворот в сторону индустриального развития. Население империи стало отливать в города, а так как большие промышленные города находятся на западе, т. е. не в бывших польских областях, то естественный прилив немецкого населения в эти земли приостановился. Мало того, из самих этих областей началась эмиграция на запад: в настоящее время на Рейне, в Вестфалии, среди рабочих встречаются массы поляки, иногда целыми тысячными колониями. Если уже поляки выселяются, чтобы искать заработка среди чуждого населения, то еще более устремляются в другие части из прусской Польши немцев. Вследствие этого процентное отношение немцев и поляков в восточных окраинах Пруссии начало становиться менее благоприятным для господствующей национальности. Когда Познанское герцогство поступало под власть Гогенцоллернов, т. е. в 1815 г., в нем насчитывалось лишь около 20% немецкого населения, а в год основания Северогерманского союза немцев было здесь уже около

45%, но потом эта цифра пошла на убыль, так что в 1890 г. официальная статистика не насчитывала в данной области и полных 40 %, а в 1900 г. едва 38,5%¹. Такая убыль немцев в Познанской провинции объясняется, впрочем, не одной их эмиграцией, но и более быстрым естественным приращением в польской части населения, состоящей из низших классов населения, сравнительно с немецкой. Кроме того, вследствие большего развития среди местных поляков сознания своей народности началось в этой области, так сказать, разнемецение массы местных жителей, стоявших раньше на пути полного слияния с немцами. Особенно последний процесс любопытен в Силезии, где все верхи общества издавна были немецкими, а польская народная масса, бедная и невежественная, была только этнографическим материалом для претворения в истинных пруссаков. Большую роль в пробуждении национального самосознания среди прусских поляков сыграл «культуркампф», который заставил их сплотиться под знаменем католицизма против правительственных преследований их церкви. Правда, сначала эта борьба шла под предводительством германских католиков, т. е. партии центра, в то время до известной степени защищавших польские интересы², но когда в Германии произошло примирение между церковью и государством и сам католицизм принял германизаторский характер, то даже в особенно онемеченной Силезии были случаи выбора в рейхстаг не немцев, а поляков. Кроме численного усиления, за последнее время, польского элемента в восточных областях Пруссии нельзя не отметить еще и того обстоятельства, что здесь мало-помалу получили большее значение и средние классы польской национальности. Раньше в этих краях не было польского бюргерства: купцы и ремесленники здесь были или немцы, или онемеченные евреи, но с течением времени среди и торгового, и промышленного люда стало увеличиваться количество поляков, начавших даже вытеснять своих конкурентов из немцев. Что-ни-

---

¹ После 1900 г., благодаря деятельности колонизационной комиссии, цифры делаются для немцев более благоприятными. *Bużek J. C.* 545—548.

² В начале восьмидесятых годов один из виднейших польских писателей, А. Свентоховский, указывал на то, что польская национальность в Познани находится как бы в заколдованном кругу. (Отсюда название статьи «Władne Kółła» в еженедельнике «Prawda» за 1881 г. Подробнее см. в моей книге «Polonica», 1905 г., с. 21 и след.). При успехах германизации в этом крае поляков сплачивает в нечто отдельное только католицизм, причем многие чувствуют себя более католиками, чем поляками, другие же только в католицизме видят средство спасения национальности. Кроме того, не менее важно, что прусские поляки находят защитников среди немцев лишь в партии центра: это заставляет их всячески поддерживать центр в его клерикальных и реакционных стремлениях. «Таким образом, — говорил Свентоховский, — положение дел в Познани таково, что перед поляками здесь открыты две дороги, одинаково для них фатальные: отказаться от клерикализма значит в поступательном движении с германской цивилизацией утратить свою народность, защищать же свою народность средствами клерикальной партии значит отказаться от собственного прогресса, т. е. или национальная смерть, или культурное банкротство! И клерикализм и германизм прозят гибелью польскому элементу в Познани, и все счастье его в том, что папа и имперский канцлер не заседают за одним столом!»

будь да значит, что в 1871 г. в населении Познанской области евреев было почти 4%, а в 1900 г. уже не было полных 2% и только 1,5% в 1905 г. Даже в общей цифре населения Пруссии прирост поляков обнаруживает тенденцию выражаться большими цифрами. Например, в 1900 г. поляки в ней составляли около 9,6%, а в 1905 г. уже около 9,8%.

Это усиление «полячества» (Polenthum) очень озабочивало Бисмарка. Еще в начале шестидесятых годов он был бы не прочь присоединить к Пруссии всю западную часть Царства Польского по Вислу, но впоследствии он смотрел на увеличение числа поляков в прусском подданстве как на большое зло для государства. Лозунгом его политики по отношению к полякам сделалось скорейшее онемечение бывших польских областей. В истории новейшей Пруссии это, впрочем, не было чем-нибудь небывалым. До Польской революции 1830 г. берлинское правительство еще, так сказать, церемонилось со своими поляками, опасаясь, как бы конституционная русская Польша не сделалась центром притяжения для польских подданных Пруссии, но с 1832 г. оно начало все более и более стеснять права польского языка в публичной жизни. Только в 1848 г. познанским полякам улыбнулась надежда лучшего национального существования в пределах Пруссии, с началом же реакции опять стали входить в силу прежние стеснения. Со времени основания Германской империи поднял голову и немецкий шовинизм, в котором прусское правительство стало всегда находить поддержку в своей германизаторской политике. Если в эпоху «культуркампфа» и существовал союз между германскими католиками и поляками, то позднее он распался, когда поляки начали обнаруживать нерасположение к немецкому католицизму, слишком очевидно делавшему из католической религии орудие германизации. Даже в германской социал-демократии стали происходить серьезные размолвки, а иногда и прямые конфликты между представителями обеих национальностей. Понятно, что если и в католицизме, и в социализме среди немцев обнаруживались анти-польские стремления, то в тех общественных кругах, где Бисмарк всегда имел союзников, он мог иметь еще большую поддержку своим германизаторским планам. В восьмидесятых годах особенно должно было его раздражать то, что познанские поляки перестали бороться исключительно за права своего «княжества», а написали на своем знамени защиту польских национальных прав во всех областях, где только есть сколько-нибудь значительный процент польского населения. Поляк был для него врагом империи, врагом немецкого народа, врагом, особенно опасным для Пруссии, и против него принимались соответственные меры. Бисмарк не останавливался при этом и перед тем, чтобы содействовать, насколько это от него зависело, травле поляков и за пределами Германии. Конечно, это не относилось к польским подданным Австрии, но по отношению к русской Польше Бисмарк всегда держался очень определенной политики — не давать улучшиться русско-польским отношениям.

После убийства Александра II 1 марта 1881 г. чуть не в один день и катковские «Московские ведомости»¹, и бисмарковская «Norddeutsche Allgemeine Zeitung»² («Норддейчерка», как называла ее польская пресса) выпустили в свет обвинение поляков в том, что убийство русского императора — дело их рук³. Польские газеты (между прочим, и варшавские) протестовали против такого обвинения и при этом гораздо больше обрушивались на редактора немецкой газеты, Пиндтера, чем на редактора русской, Каткова. За инсинуациями Пиндтера поляки увидели систему, строгий политический план, стремление ловить рыбу в мутной воде, сея раздор между русскими и поляками и всячески компрометируя последних в глазах высших сфер Санкт-Петербурга. Со своей стороны «Норддейчерка» возражала, обвиняя польскую прессу в приписывании германской политике того, в чем она совершенно неповинна. Между прочим, польская печать настаивала на близком участии самого Бисмарка в поднятой немецкой «рептильной» прессой травле против поляков. В это время рассказывалось, например, о разговоре Бисмарка с одним депутатом рейхстага о статье «Norddeutsche Allgemeine Zeitung». Канцлер спросил этого депутата, читал ли он статью, и когда тот, ответив утвердительно, заикнулся, чтобы что-то возразить, то был остановлен своим собеседником: никаких-де «но» не нужно, потому что газета попала в самый центр вопроса. Потом Бисмарк стал жаловаться, что поляки ему всюду мешают: если и «культуркампф» так далеко зашел, виноваты в этом поляки, — так бы вот и упрятал их в каторжную тюрьму! Депутат попросил у Бисмарка позволения обнародовать этот разговор, на что получил утвердительный ответ и будто бы в такой форме: «Das ist mir ganz Wurst». В горячности, с какой польские газеты полемизировали с германским официозом, последний усмотрел признак того, что поляки задеты за живое разглашением их секрета. Так как в своих полемических статьях польские публицисты затронули массу разных других вопросов из области немецко-польских отношений, то Пиндтер воспользовался этим обстоятельством для нового нападения на беспокойную нацию, вожаки которой нарочно-де с целью заслонить главный пункт обвинения поднимали посторонние вопросы. Во время этой газетной кампании часть русской прессы стала на сторону поляков, но Пиндтер тогда объявил, что петербургский «Голос» есть, в сущности, польский орган, издающийся по-русски под польской редакцией и с сотрудниками из французов.

---

¹ Газета названа «катковской» в связи с тем, что ее главный редактор, Михаил Никифорович Катков (1818–1887), придерживался охранительно-консервативных взглядов. Многие за рубежом воспринимали «Московские ведомости» как официальное издание российского самодержавия. — *Прим. ред.*

² «Северонемецкая всеобщая газета» (нем.). — *Прим. ред.*

³ Обо всем этом эпизоде подробнее в моей книге «Polonica» (1905). С. 57.

Восьмидесятые годы были вообще временем особого обострения германизационной политики Пруссии по отношению к полякам. Мы уже упоминали о своеобразной ксенолазии¹, устроенной Бисмарком в середине восьмидесятых годов, когда он изгнал из прусско-польских областей около тридцати тысяч (иные говорят о сорока тысячах) русско- и австрийско-подданных поляков с воспрещением и впредь иностранно-подданным полякам долго заживаться в этих краях. Упомянуто было нами и о других мерах — о германизации польских детей посредством школы и о скупке польских земель для поселения на них немецких колонистов. Последняя мера заслуживает того, чтобы о ней было сказано несколько подробнее. Прусская колонизационная комиссия² была основана в 1887 г. с кредитом в 100 млн марок, которые и были израсходованы в десять лет, так что в 1898 г. прусскому ландтагу на ту же цель скупки польских земель пришлось ассигновать новые 100 млн. На эти 200 млн за пятнадцать лет комиссия устроила около 15 тыс. человек, так что каждый немец, поселенный на купленной из польских рук земле, обошелся прусской казне тысяч в 13—14 марок, причем из 4695 немецких семейств, посаженных на купленные участки, собственно только 2973 семейства были пришлыми, остальные же 1722 уже раньше жили в данных местностях. Особенно невыгодность этой операции явствует из того, что за первые десять лет было скуплено у поляков около 72,5 тыс. гектаров и около 25 тыс. гектаров у немцев же, но по такой цене, что польский гектар обходился по 664 марки, а немецкий — по 224 марки, т. е. за польскую землю платили втридорога, лишь бы вырвать ее из польских рук и тем ослабить польский элемент в крае. Нужно прибавить, что польские помещики, у которых комиссия скупала земли, продавали далеко не лучшие и большей частью обремененные долгами имения, да и то продажа земель скоро сильно сократилась: в следующее пятилетие у поляков было куплено только 15 тыс. гектаров, а у немцев уже 65 тыс. Мало того, польские помещики, желавшие развязаться со своими имениями, стали распродавать их небольшими участками польским же крестьянам при помощи парцелляционных учреждений³, пользовавшихся поддержкой познанского земельного банка, но не так давно (1904) прусское правительство запретило основывать новые поселения без административного на то разрешения, которое притом не может быть выдано, если на то нет согласия со стороны колонизационной комиссии⁴.

¹ Изгнание инородцев. — *Прим. ред.*

² Большие подробности дает J. Buzek на с. 291—370 своей книги (§ 19: «Komisya kolonizacyjna i walka o ziemię w zaborze pruskim»).

³ То есть осуществляющих раздробление (распродажу) крупных земельных участков на более мелкие (от *фр.* *parcelle* — частица). — *Прим. ред.*

⁴ J. Buzek на с. 528 и след. подсчитывает денежные расходы в целях антипольской политики в Пруссии за 1898—1907 гг. и приходит к тому заключению, что «за эти десять лет прусское

Только в самом конце восьмидесятых годов прусское правительство несколько ослабило угнетение польского элемента в восточных частях королевства. Причиной этого было желание задобрить поляков на случай считавшейся тогда возможной войны с Россией¹. Конечно, это ослабление репрессий могло быть только временным — пока опять не наладились старые добрососедские отношения между Берлином и Санкт-Петербургом. Все дело сводилось к тому, что в школах были сделаны кое-какие, не очень, в общем, важные уступки в пользу польского языка, да кондукторам было разрешено выкрикивать польские названия станций. Более существенной уступкой было назначение на гнезненское архиепископство, занятое перед тем немцем Диндером, поляка Стаблевского². Около этого же времени

правительство обратило около 50 миллионов марок, заплаченных польским населением, на борьбу с этим населением».

¹ Новейший историк прусско-польских отношений J. Визек посвящает несколько страниц (211–228) эпохе «уговойой» политики в канцлерство Каприви. По его мнению, прусское правительство искало соглашения с поляками, полагая, что этим путем вернее прикрепить их к Пруссии и Германии. «Однако этого соглашения оно не искало с польской народной массой (*ludem polskim*) и совсем не помышляло о восстановлении национального и гражданского равноправия поляков, уничтоженного законодательством Бисмарка. Если бы даже правительство согласилось на восстановление равноправия, то никогда не получило бы согласия со стороны прусского ландтага, в котором антипольские партии всегда имели перевес. Самое большее, что было возможным для правительства, это — сделать полякам мелкие уступки, не требовавшие участия ландтага, а за эту цену получить на время (*chwilowo*) поддержку польского парламентарного представительства и опытных (*wyszkolonych*) польских политиков, которые хорошо видели, что правительство еще не исчерпало всех средств борьбы, с другой стороны же, умели оценить заслуги беспристрастной в национальном отношении административной деятельности правительства для экономического развития польского общества. Очевидно, что взаимные уступки по существу дела должны были быть скоро исчерпаны, тогда как польский народ и его представители в парламенте должны были начать борьбу за полное равноправие и тем самым стать в оппозиционное положение по отношению к правительству, которое или не хотело, или не могло признать это равноправие». Отсюда, по мнению автора, эфемерность «угоды».

² Во время «культуркампфа» архиепископом Познаньским был польский граф Мечислав Ледоховский, личный друг Пия IX, один из наиболее видных защитников догмата папской непогрешимости, ездивший осенью 1870 г. в Версаль к Вильгельму I хлопотать о восстановлении светской власти папы. Несмотря на свою принадлежность к польской нации, он противодействовал проявлению польским духовенством национальных стремлений и даже сократил употребление польского языка в дополнительном богослужении, но после неудачной поездки в Версаль стал, наоборот, поощрять в духовенстве своей епархии польско-оппозиционное настроение, что особенно усилилось с началом «культуркампфа». Пий IX сделал его в 1873 г. польским примасом, а через два года и кардиналом, но в этот промежуток времени он был приговорен к тюремному заключению на два года и в 1876 г. выслан из Германии. (Затем он играл особенно видную роль в Риме.) После такого опыта прусское правительство очень боялось поляков на влиятельных постах католической церкви в своих польских областях. По смерти Диндера националистическая немецкая печать требовала назначения на его место снова немца, но прусское правительство согласилось на этот раз назначить поляка, притом такого, который незадолго до своего назначения, на съезде польских католиков в Торне, произнес резкую речь с нападка на Россию, как на главного врага католицизма и польской нации.

(1890 г.) произошло некоторое сближение между польскими депутатами и правительством. И в рейхстаге, и в прусском ландтаге депутаты-поляки прежде были в постоянной оппозиции, но теперь Вильгельм II постарался и их перетянуть на свою сторону, в чем ему помог своей примирительной политикой и Каприви. Император даже лично сошелся с одним из познанских политических деятелей, Косцельским, сделавшимся главным представителем совсем для Пруссии новой, так называемой «угодовой» (т. е. компромиссной) политики. Сущность ее заключалась в том, чтобы оказывать поддержку правительству и за это получать от него уступки, как это делали австрийские станчики¹. Самым важным проявлением этой политики было голосование поляков в пользу морского проекта Вильгельма II в 1893 г. Демократические элементы польского общества были очень недовольны этой тактикой, которую обозначали, как «придворную политику», да и со стороны Вильгельма II ей нельзя было ждать дальнейшей поддержки, когда с улучшением русско-германских отношений миновала надобность ублажать поляков, тем более что и польское общество не очень-то шло за своими «угодниками». Сам Косцельский, их глава и чуть не личный друг Вильгельма II, впал в немилость за то, что в 1894 г. во время своей поездки во Львов на выставку произнес польско-патриотическую речь, в которой очень решительно высказался о неразрывной связи, существующей между поляками всех трех частей Польши. После этого Вильгельм II проникся совершенно полонофобским настроением, и на поляков посыпались меры, еще более суровые, нежели те, какие против них принимал Бисмарк. Антипольские выступления прусского правительства с середины последнего десятилетия XIX в. пользовались, кроме того, большой поддержкой со стороны известной части немецкого общества, лозунгом которой по отношению к полякам сделалось — «ausrotten»²: это была проповедь беспощадного искоренения польщизны в пределах Германской империи.

Полонофобское направление в немецком обществе конца XIX в. получило название «гакатизма» по начальным буквам трех наиболее рьяных ненавистников польской нации и самых влиятельных деятелей возникшего в 1894 г. «Общества для поддержки германизма в восточных провинциях». Это были, именно, Ганземанн, Кеннеманн и Тидеман, откуда и произошло слово «гаката» (НКТ), скоро получившее у поляков все права гражданства. В 1895 г. гакатисты основали газету «Die Ostmark»³, по имени которой и самое общество гакатистов приняло в 1899 г. название «Немецкого общества для Восточной Марки». В том же году почти вся германская пресса вооружилась против поляков за то, что поляки, торжественно от-

¹ См. ниже, в гл. XIX.

² Истреблять, уничтожать (нем.). — Прим. ред.

³ «Восточная Марка» (или пограничный округ) (нем.). — Прим. ред.

празднував годовщину польской конституции 3 мая 1791 г., отказались праздновать седанскую годовщину 2 сентября. Как раз в этом же году произошло примирение Вильгельма II с Бисмарком, и император был очень недоволен, что польские послы вместе с центром и свободомыслящими голосовали в прусской палате против посылки Бисмарку поздравления по поводу достижения им восьмидесятилетнего возраста. Новое настроение правящих сфер выразилось и в том, что на запрос одного польского депутата в прусской палате (Яжджевского) о деятельности гакаитистов министр внутренних дел взял их под свою защиту, после чего чиновники и учителя стали массами записываться в этот союз¹. Впрочем, до 1897 г. в борьбе с поляками правительство ограничивалось только административными средствами, не прибегая к новым мерам законодательного характера, если только не считать нескольких незначительных добавлений к прежнему законодательству бисмарковских времен. Польские депутаты по поводу притеснений апеллировали к рейхстагу и в расчете на большую его справедливость по отношению к их национальности становились каждый раз на сторону всякого предложения, усиливавшего значение империи на счет прусского партикуляризма. Когда, однако, поляки увидели, что и вообще большинство немцев относится враждебно к их национальности, то и в рейхстаге они по примеру депутатов в прусской палате перешли в оппозицию. К концу XIX в. не только прусско-польские, но в вообще германско-польские отношения обострились донельзя². Между прочим, и среди людей науки нашлось немало таких, которые стали писать против «польской опасности». Родоначальником полонофобского направления в Новейшее время среди германских профессоров нужно считать национального историографа Трейчке, самым же рьяным проповедником борьбы с полонизмом за последние годы был лейпцигский профессор Гассе³. В XX в., как известно, прусская Польша перешла в крайне неблагоприятных для себя условиях, которые в первые годы XX в. только еще ухудшились.

Как-никак, борьба с поляками главным образом ограничивалась Пруссией, да и то, преимущественно одной ее восточной частью, где сосредоточено все польское население Германской империи. Наоборот, еврейское население империи является рассеянным более или менее повсюду, и в общей жизни всей Германии антисемитизм играл поэтому гораздо большую роль, нежели гакаитизм. Антисемитизм⁴ не был совершенно новым явлением

¹ В 1905 г. союз состоял из 405 местных отделов и насчитывал 40,5 тыс. членов.

² Вся вторая половина книги J. Vizek'a посвящена именно изображению этих отношений с 1898 г.

³ В 1907 г. он издал первый том сочинения «Deutsche Politik», где все его антипольские взгляды получили наиболее полное выражение.

⁴ *Lehnhardt*. Die antisemitische Bewegung in Deutschland (1884); *Winter*. Der Antisemitismus in Deutschland; *Bebel* A. Antisemitismus und Sozialdemocratie (1894); *Krause*. Zur Naturgeschichte der antisemitischen Bewegung in Deutschland (1890); *Fiedler*. Die antisemitische Bewegung in

в истории немецкой нации. Уже дарование евреям равноправия во Франции в эпоху первой революции встревожило многих немцев, результатом чего было появление целого ряда брошюр, в которых доказывалось, что евреи никогда не могут быть хорошими гражданами вследствие своих религиозных воззрений, враждебных христианству. Антисемитические заявления в эту эпоху можно найти даже у таких писателей, как Фихте и Гёте. Традиция эта потом, можно сказать, не ослабевала в течение всей первой половины XIX в., хотя, с другой стороны, стали раздаваться голоса и в защиту еврейского равноправия. Не нужно также забывать, что интеллигентные евреи к концу первой половины XIX в. принимали уже довольно видное участие в совершавшемся тогда в Германии освободительном движении. Революция 1848 г. дала и германским евреям равноправие, которое, однако, стало отниматься вскоре наступившей реакцией. В некоторых немецких государствах законодательство, касающееся евреев, даже возвратилось к домартовским временам, за исключением, однако, Пруссии, в которой конституция 1850 г. удержала принцип гражданского равноправия. Противники новых идей и порядков извлекали мотивы необходимости ограничения прав еврейского населения из того обстоятельства, будто «жиды» с другими инородцами и произвели всю происшедшую в 1848 г. государственную смуту. Главным вдохновителем юдофобства в Германии в эпоху реакции был известный Шталь, сам крещеный еврей, автор, между прочим, сочинения «Христианское государство в его отношении к деизму и иудейству»; видным органом враждебного евреям направления была «Крестовая газета». В самой прусской палате делались попытки отменить ту статью конституции, в силу которой пользование гражданскими и политическими правами не должно было определяться принадлежностью к той или другой религии. Шестидесятые годы XIX в., бывшие временем оживления в германском обществе прогрессивных стремлений, являются, вместе с тем, и временем поворота как общественного мнения, так и законодательства в благоприятную для евреев сторону (перед основанием империи только в одной Баварии не было еврейского равноправия), хотя не было по-прежнему недостатка в неприязненных евреям заявлениях в печати и притом даже со стороны таких крупных людей, как государствовед Роберт фон Мольте или композитор Рихард Вагнер. Новый взрыв юдофобства последовал в Германии за грюндерским крахом 1873 г. Поход против евреев, — из которых, действительно, многие, но наряду с несомненнейшими христианами, участвовали в спекуляциях, — открыла клерикальная «Germania», начавшая обвинять новую империю в потворстве «интернациональной золотой шайке» во вред христианству и в том, что сам «культуркампф» был-де затеян с той же целью нанесения

ущерба истинной религии и германскому патриотизму. Эта юдофобская проповедь была направлена против тогдашнего союза Бисмарка с национал-либералами, среди которых были, между прочим, и евреи. В том же духе стали писать против общего направления тогдашней внутренней политики и газеты феодального оттенка, защищавшие интересы крупных землевладельцев против экономического либерализма. Особенно сильное впечатление в разных кругах германского общества произвела книга Гюгау «Der Börsen-und Gründerschwindel in Berlin», где сваливались в одну кучу политический либерализм, экономическое манчестерство, грюндерство, «культуркампф» и еврейская опасность, благо вожди национал-либералов Ласкер и Бамбергер были евреи. В книжке высказывались обвинения и против министров. В 1875 г. даже на самого Бисмарка посыпались в печати обвинения в том, что и он был прикосновенен к грюндерству и вообще отдавал отечество в руки всякого рода сомнительных дельцов и особенно евреев, уже погубивших Францию¹. Появился целый ряд памфлетов, в которых доказывалось, что настоящим хозяином Германской империи сделался еврей: «finis Germaniae!»² восклицал по этому случаю некто Марр, автор брошюры «Победа иудейства над германизмом с невероисповедной точки зрения»³.

Совершенно новое направление получил германский антисемитизм с того времени, когда под его знамя стала «христианско-социальная партия» придворного проповедника Штёккера.

Сначала Штёккер выступил против социал-демократии с проповедью на ту тему, что социализм вовсе не требует в политическом отношении радикализма, а в религиозном — атеизма, но эта проповедь имела так мало успеха, что на выборах 1878 г. его партия не собрала даже полных полторы тысячи голосов. Тогда он переменял тактику и стал в своем противодействии социал-демократии пользоваться антисемитическими аргументами: религия евреев враждебна христианству, семитическая раса вносит элементы разложения в арийское общество, а кроме того, евреи-де эксплуататоры народа, хотя при всем том Штёккер и любит подчеркивать, что у него нет ни религиозной, ни расовой, ни классовой ненависти к евреям. На этот раз успех Штёккера был полный, тем более что он пользовался благосклонностью двора, сочувствием Бисмарка и поддержкой «репильной» прессы. В народных массах число его приверженцев стало быстро увеличиваться, и в христианско-социальную партию начали записываться даже бывшие социал-демократы. С некоторыми оговорками насчет грубости антисемитических ораторов на митингах за новое общественное на-

¹ См. кн. Rudolph Mayer'a «Politische Gründer und die Korruption in Deutschland» (1877).

² «Конец Германии!» (лат.). — *Прим. ред.*

³ В 1880 г. этот писатель стал издавать «Zwanglose antisemitische Hefte», и, собственно говоря, с этого времени стал входить во всеобщее употребление термин «антисемитизм».

строение высказался Трейчке, вызвав сильную отповедь со стороны Моммзена. Вообще полемика по этому вопросу приняла широкие размеры, заняв и академические круги — профессуру и студенчество, разбившиеся на два лагеря. В 1880 г. по инициативе одного гимназического учителя была составлена петиция об ограничении прав евреев и распространена для сбора подписей в пятидесяти с лишком тысячах экземпляров, что вызвало в прусской палате запрос министерству и схватки между либералами и реакционерами. В 1881 г. в некоторых местах произошли еврейские погромы, а в 1882 г. антисемиты даже устроили в Дрездене международный конгресс своих единомышленников, на который собралось около 300 человек из единой Германии, из Австро-Венгрии и остзейских провинций России. Между прочим, на этом съезде было выражено полнейшее сочувствие антиеврейским мерам русского законодательства. Немалую сенсацию вызвало и выступление прогрессивного берлинского философа Дюринга¹ с теоретическим оправданием юдофобства с точки зрения врожденной испорченности семитической расы. Среди самих антисемитов не было, однако, полного единодушия; произошел даже раскол между более умеренным и более радикальным направлениями. Несмотря на большую популярность антисемитизма в кругах средней и мелкой буржуазии, охотно посещавшей юдофобские митинги, на выборах партия не пользовалась большим успехом, собрав, например, на выборах 1887 г. только одиннадцать с половиной тысяч голосов. Во всяком случае, из двух соперничавших направлений более радикальное, во главе которого стоял Беккель, критиковавший беспринципность Штёккера, заметно одерживало победу над направлением умеренным, которое не только не доводило до конца принципов антисемитизма, но и слишком было тесно связано с консервативно-аграрными интересами. В конце восьмидесятых годов Беккелю своей более демократической программой и совершенно демагогической тактикой удалось набрать немало приверженцев не только среди средней и мелкой буржуазии, но и в крестьянстве. На выборах 1890 г. за антисемитов было подано уже сорок семь с половиной тысяч голосов, и в рейхстаг попало шесть депутатов ярко антисемитической окраски. После того,

---

¹ Дюринг читал лекции в Берлинском университете в качестве приват-доцента, тактики никогда и не добившись профессуры, несмотря на свой успех среди студентов. В 1877 г. он даже был удален из университета дисциплинарным порядком. В числе своих врагов он всегда считал кроме профессоров и социал-демократов (известна его полемика с Энгельсом) равным образом и евреев. Против последних он издал несколько сочинений, начиная с «Die Judenfrage, als Rassen- Sitten- und Kulturfrage», выдержавшего несколько изданий. В одном из этих сочинений («Der Ersatz der Religion durch Vollkommenes und die Ausscheidung des Judenthums durch den modernen Völkergeist», 1883), он обрушивается на евреев за то, что они дали миру христианство: это, в его глазах, было преступлением, достойным самых страшных кар, — любопытный пример того, до какой пестроты доходил состав антисемитического лагеря в Германии.

как некий Герман Альвардт предложил конфисковать все еврейские капиталы и разделить их между неимущими немцами, популярность антисемитизма в известных слоях еще больше возросла, так что на выборах 1893 г. за антисемитов было подано уже 264 тыс. голосов, депутатами же от антисемитов в рейхстаг прошло уже 16 человек (в их числе и упомянутый Альвардт). Рост антисемитического движения продолжался и после этого: в 1898 г. за антисемитов было подано голосов на 20 тыс. больше, чем в 1893 г., но число антисемитических депутатов стало с этого времени падать¹. Раздоры между самими антисемитами, но особенно то обстоятельство, что, самые радикальные представители партии голосовали в рейхстаге очень часто заодно с консерваторами, не могли служить укреплению антисемитизма в германской нации. В другой раз «изменников» уже не выбирали, и они во время новых выборов агитировали в свою пользу только в таких округах, где их не знали. Очень много вреда антисемитам приносила борьба против них со стороны социал-демократии. Там, где они были прежде популярны, они расчищали только почву для новых успехов социал-демократии, сыграв в этом отношении для многих роль переходной ступени от прежних, более консервативных, к новым, более радикальным воззрениям. Во всяком случае, к концу XIX в. воинствующий антисемитизм в Германии заметно пошел на убыль.

---

¹ 13 — в 1898 г., 9 — в 1903 г., 6 — в 1908 г.

XVI. Франция после победы республиканской партии¹

Республика и социализм, буржуазия и демократия во Франции до начала восьмидесятых годов. — Первые республиканские министерства и борьба с клерикализмом. — Политика Гамбетты и «великое министерство». — Реакционные атаки против республики в два последних десятилетия XIX в. — Особенности партийной жизни во Франции. — Разделение республиканской партии на оппортунистов и радикалов. — Генерал Буланже и буланжистское движение. — Возрождение во Франции социализма и образование социалистических партий. — Анархистские выступления. — Новый поворот в политике консервативной партии в девяностых годах. — «Панама». — Политика республиканской концентрации. — Антисемитическая агитация во Франции. — Дело Дрейфуса и вызванная им борьба реакционных и прогрессивных элементов. — Общественное значение этой борьбы

Излагая историю Франции в семидесятых годах, после Франкфуртского мира и подавления коммуны до начала восьмидесятых годов, мы сосредоточили все внимание читателя на истории утверждения в тогдашней Франции республиканского образа правления и той борьбы за республику, которая в момент принятия конституции 1875 г. насчитывала в своем прошлом уже более восьмидесяти лет². Это был действительно главный вопрос внутренней истории Франции, доминировавший над всеми остальными, часто даже, так сказать, совершенно их затиравший, если только не счи-

¹ По истории Третьей республики, кроме соч., указанных в I ч. VI т., см. только что вышедшую «La troisième république» John'a Labusquière'a, составляющую XII том «Histoire socialiste», издаваемой под ред. L. Jaurès'a. Из 306 стр. текста (кроме с. 307—312, составляющих «Conclusion» Jaurès'a) 222 стр. отведено на историю семидесятых годов до начала президентства Гриви, так что на весь период 1879—1900 гг. приходится менее ста страниц. См. еще: *Laval-lée T. Histoire des français, continuée par Fr. Lock et M. Dreyfous*, t. VII: La république parlementaire, 1876—1901 (1905), своего рода летопись и справочная книга; *Leyret H. Waldeck-Rousseau et la troisième république, 1869—1889* (1908; в предисловии сказано: «ce livre est plus qu'une biographie; c'est un chapitre d'histoire contemporaine»). «В этой книге есть не только жизнеописание, но и глава, посвященная современной истории» (фр.). — *Прим. ред.*) Автору «Очерков современной Франции» Н. Е. Кудрину принадлежит еще «Галерея современных французских знаменитостей» (1906), в которой даются характеристики таких политических деятелей, как Клемансо, Вальдек-Руссо, Комб, Рошфор, Жорес, Гэд. Общее представление о внутреннем состоянии Франции в конце XIX в. (с большими историческими экскурсами) дает большая книга: *Vogel K. Die dritte französische Republik bis 1895* (1895). Для экономической и социальной истории Франции, которой мы совершенно не касались в главе VI, громадный материал собран и обработан известным историком рабочих во Франции Е. Levasseur'ом в его новейшем крупном (LXXVII + 968 с.) труде «Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième république» (1907).

² Этому прошлому и посвящено начало VI главы.

тать забот правительства и общества о реорганизации финансов и армии¹. Само принятие национальным собранием республиканской конституции еще не гарантировало для Франции дальнейшего мирного развития под сенью республики, как это показал эпизод политики «16 мая», заставивший объединиться всех республиканцев, к каким бы оттенкам политической мысли они ни принадлежали. Дело в том, что в 1876 г. во Франции снова началась пропаганда социализма и возродилось рабочее движение, которым подавление коммуны и запрещение Интернационала нанесли страшный удар. В этом именно году во Францию возвратился публицист Жюль Гэд (Gruesde), приговоренный в 1871 г. к тюремному заключению на пять лет за одну статью, но успевший бежать в Италию, и сделался во Франции глашатаем в своей газете «L'Égalité»² идей чистого марксизма, только что победившего и в Германии на готском съезде. В том же году в Париже был созван первый рабочий конгресс ввиду того, что раз республика была основана, рабочий класс уже мог отделиться от буржуазии, чтобы заняться исключительно своим делом³. «16 мая» снова заставило социалистов соединиться с республиканской буржуазией для борьбы против клерикальной реакции, что, конечно, не могло отозваться благоприятно на успехах чистого социализма, противопоставляющего рабочий класс, как нечто, имеющее свои интересы, стоящей, в общем, против него буржуазии. Известно, что первая попытка образования во Франции «коллективистической рабочей партии» была сделана только на третьем рабочем конгрессе в Марселе в 1879 г. (второй был в Лионе в 1878 г.), но что эта организация оказалась весьма непрочной, так как в начале восьмидесятых годов она распалась, и вообще во Франции образовалось несколько социалистических направлений, ведших между собой борьбу не на живот, а на смерть. В 1881 г. все французские социалистические партии едва собрали на выборах 60 тыс. человек, вследствие чего и в палате социалистов в этом году насчитывалось только двое, когда в Германии уже в конце семидесятых годов за социал-демократических кандидатов подавались сотни тысяч голосов и число депутатов этой партии перевалило уже за десять⁴.

¹ «Les cinq premières années qui ont suivi l'effondrement de 1870—1871 furent employées surtout au rétablissement des finances et à la reconstitution de l'état militaire, ainsi qu'à des débats sur la forme de gouvernement». E. Levasseur на с. 299 только что названного труда.

² «Равенство» (фр.). — *Прим. ред.*

³ В кратком «historique», предпосланном протоколам этого конгресса, мы читаем: «Du moment que la forme républicaine était acquise, il était indispensable à la classe ouvrière qui, jusque-là, avait marché de concert avec la bourgeoisie républicaine, de s'affirmer dans ses intentions propres, et de rechercher les moyens qui pouvaient lui permettre de transformer sa condition économique». Séances du congrès ouvrier de France (1877), с. 3. Устроители придали этому конгрессу характер «d'un congrès exclusivement ouvrier», на необходимости чего особенно настаивала газета «La Tribune», «qui relevait franchement le drapeau socialiste», с. 4.

⁴ Цифр 493 т. и 437 т., полученных германскими социал-демократами на выборах 1874 и 1877 гг., французские социалисты достигли только в начале девяностых годов (в 1893 г.).

«Буржуазность» Третьей республики во Франции в первый период ее существования выразилась и в ее законодательстве относительно рабочих. В своем капитальном труде «Рабочие и промышленные вопросы во Франции при Третьей республике» (1907) известный Левассёр особенно настаивает на том, что специально рабочее законодательство, бывшее в полном пренебрежении от Великой революции до Второй республики, сделалось предметом политических забот лишь с того момента, когда к занятию им стало приглашать всеобщее голосование, и он ставит в заслугу Третьей республике то, что она начала осуществлять программы реформаторов и филантропов, составлявшиеся до 1870 г.¹ Посвящая этому предмету целую большую главу², ученый экономист, делающий в ней обзор рабочего законодательства Третьей республики по материям³, недостаточно обращает внимание на то, что в этом отношении эпоху Третьей республики нужно разделить на отдельные периоды⁴. Семидесятые годы были почти совершенно бесплодны в области рабочего законодательства⁵. Детский труд во Франции все еще регламентировался крайне и для своего времени недостаточным законом, изданным еще во времена Июльской монархии, в 1841 г., а в семидесятых годах (в 1874 г.) по этому предмету был издан новый закон, вызвавший справедливую критику своим несовершенством с левой стороны и очень скоро (1881 г.) доказавший необходимость своего пересмотра. По всем другим важным вопросам в семидесятых и даже в восьмидесятых годах продолжали действовать устарелые законы. Например, только законом 1884 г. были отменены июльский закон 1791 г., запрещавший профессиональные ассоциации, и статья 416 уголовного кодекса,

¹ «Depuis la révolution jusqu'à la seconde république les lois spécialement ouvrières avaient été très peu nombreuses... La politique a commencé à se préoccuper en France d'une législation spéciale en cette matière depuis que le suffrage universel l'y a invitée. Avant 1870, des réformateurs, philanthropes ou républicains avaient esquissé des programmes. La troisième république en a réalisé déjà une partie». Questions ouvrières etc., с. 434. В другом месте Левассёр прямо приписывает влиянию всеобщего избирательного права (и социальных идей) то обстоятельство, что «depuis la révolution de 1848, sous le second empire, les questions ouvrières ont tenu bien plus de place qu'auparavant dans les préoccupations de la politique», с. 515.

² Chap. VIII: «Les lois ouvrières» («Законы о рабочих». — *Прим. ред.*), с. 434–518.

³ Регламентация детского, женского и мужского труда, продолжительность рабочего дня, воскресный отдых и т. п.

⁴ Ср. с. 916–918 книги Левассёра, где хотя и говорится о «plusieurs étapes dans la marche économique de la nation française sous la troisième république», но не особенно резко отмечается, что первый период республики по отношению к рабочему законодательству был бесплоден.

⁵ По верному замечанию Nanotaux, национальное собрание остерегалось «d'admettre, qu'il y a, selon le mot redoutable, une question sociale» и допускало лишь существование «de certaines questions sociales»: «au lendemain de la commune, — говорит он, — toute thèse, tout système, toute réforme, qui paraîtrait céder aux exigences des nouvelles écoles socialistes, lui est en appréhension, en horreur». Histoire de la France contemporaine, т. III, с. 71. Там же и на след. стр. см. о бесплодности работ особой парламентской анкеты «об условиях труда во Франции». О настроении относительно социального вопроса в семидесятых годах много у R. Lavollée. Les classes ouvrières en Europe.

которая налагала кары на рабочих, хозяев и предпринимателей, делающих покушение на свободное пользование своим промыслом или трудом. Мало того, если Вторая империя в конце своего существования смотрела на образование рабочих союзов снисходительно, лишь бы они не вмешивались в политику, то Третья республика, в 1872 г. строжайшим образом запретившая Интернационал, сначала и вообще с большим подозрением относилась ко всякого рода рабочим синдикатам и коалициям. Сам закон 1884 г. прошел все инстанции с великим трудом. Первое предложение палате об отмене закона 1791 г. было сделано еще в 1876 г. одним из депутатов крайней левой, Локруа¹, потом в 1880 г. был выработан другой, измененный в палате, отвергнутый в сенате, затем опять побывавший в палате и принятый сенатом лишь после нового рассмотрения². Заметим, что только закон 1884 г., разрешавший профессиональные ассоциации, дал в руки французских рабочих важное орудие экономической и политической борьбы. Что касается других пунктов рабочего законодательства, то Франции пришлось ждать относительно их до последнего десятилетия XIX в. или первых годов XX столетия. В некоторых отношениях Франция и в этот последний период только копировала германское социальное законодательство, по признанию того же Левассёра³.

Столь же мало, как и в социальном законодательстве, проявила себя Третья республика в первые годы своего существования и по отношению к народному образованию. Республиканская партия во Франции всегда стояла за необходимость широкого просвещения масс, но первый важный закон в этом отношении (о приобретении общинами школьных зданий и о казенной субсидии на их постройку) был издан лишь в 1878 г., но и это было только прелюдией к гораздо более важному школьному законодательству восьмидесятых годов, о светском характере которого у нас уже шла речь, как о наилучшем средстве, какое можно было только придумать для борьбы с главным врагом республики — клерикализмом. Из-за начальной школы у республики шла упорная война с духовенством, и в дан-

---

¹ В восьмидесятых годах Локруа был в разных кабинетах министром торговли, потом народного просвещения, а в девяностых — морским. Он очень много, кроме того, писал. Подробности о провале вопроса в упомянутой выше комиссии изложил один из ее членов, депутат Tallon, в IV главе своей книге «*La vie morale et intellectuelle des ouvriers*» (1877).

² Вообще сенат в истории рабочего законодательства играл роль очень сильного тормоза, примеры чего в книге Levasseur'а см. на с. 437, 438, 454, 473, 489, 491.

³ См., например, с. 517 и 914. К сожалению, в приложении к гл. VIII, заключающем в себе обзор главных законов о рабочих вне Франции, Levasseur с датами этих законов в других странах не сопоставляет французских дат. Для начала XX в. он считает возможным сказать, что «aucun gouvernement en France n'avait jusque-là autant fait... pour la classe ouvrière et... aucun état européen n' a fait autant dans le même temps», с. 942. Ср.: *В-ов В.* Фабричное законодательство во Франции (в «Мире Божьем» за 1893 г.); *Kenner A.* Социальное законодательство Франции и Бельгии (1900); *Гамбаров Ю.* Рабочее законодательство Вальдека-Руссо (в «Русском богатстве» за 1901 г.). См. также ниже, в гл. XXIII.

ном случае правительству оказывали большую поддержку прогрессивные общественные силы, вроде «Французской лиги образования» («Ligue française d'enseignement»), которая в 1872 г. передала президиуму (бюро) палаты депутатов петицию об обязательном, даровом и светском начальном обучении, покрытую более 1 267 000 подписей¹. Прибавим, что и в школьном деле французам во многих отношениях сначала приходилось только догонять победившую их в 1870—1871 гг. Германию. Система среднего образования, господствовавшая во Франции во времена Второй империи, подверглась в семидесятых годах сильной критике², вследствие чего делались разные предложения о ее реформе, но даже такой умеренный историк, как Ганото, находит, что вопрос об этой реформе ненадлежащим образом суживался вследствие своей «буржуазной» постановки³.

В «Истории современной Франции» Ганото есть вообще несколько страниц⁴ о взаимных отношениях буржуазии и демократии во Франции, тем более любопытных, что сам Ганото по своей политической умеренности является костью от костей, плотью от плоти той самой буржуазии, которую он потом характеризует на этих страницах⁵. По его словам, буржуазия, этот «высший слой нации», «привыкший командовать» (*qui avait pris l'habitude du commandement*), была крайне удивлена появлением на сцене новых общественных слоев. «Царствование Людовика-Филиппа не было, — говорит он, — столь отдаленным временем, чтобы буржуазия могла забыть эти единственные времена (*ces heures uniques*). 1848 г. захватил ее врасплох. Выступление на политическую сцену народных масс показалось ей необъяснимым катаклизмом. «Спасенная», немножко против собственного же-

---

¹ Позднее французы воспользовались и примером английской *university extension* («заочные курсы, организуемые университетом для лиц, не являющихся студентами». — *Прим. ред.*).

² *Bréal M.* Quelques mots sur l'instruction publique (1872); *Simon J.* La réforme de l'enseignement secondaire (1874) и др.

³ «La bourgeoisie encore dirigeante s'occupe de si (т. е. своей собственной) preparation et de ce qui touche à son recrutement: c'est à dire les études universitaires («universitaires» во французском смысле)... L'enseignement universitaire est sur le tapis: n'a-t-il pas, pour consécration, le diplôme, qui ouvre la porte du mandarinat bourgeois: le baccalauréat? ...Malheureusement, la polémique fut plus ardente que profonde. Les professeurs seuls parlèrent. Le problème hautement social et moral resta ainsi enfermé dans les limites d'un tournoi scolaire... Le rôle social de la bourgeoisie au milieu de la démocratie n'était pas touché». *Hist. de la France contemporaine*, 111, 76—78. О том, почему Ганото называет бакалавриат (нечто вроде нашего аттестата зрелости) буржуазным мандарином, см. ниже.

⁴ С. 515—532 третьего тома, составляющие конец гл. X («Le relèvement, l'avènement de la démocratie»).

⁵ В палате депутатов он был только в 1886—1889 гг., а, не будучи в составе ни одной из палат, дважды (1894—1895 и 1896—1898 гг.) занимал пост министра иностранных дел в кабинетах Дюлоя, Рибо и Мелина. Ему принадлежит несколько крупных исторических трудов: о происхождении должности интендантов (1884), о кардинале Ришелье (1893) и др. IV том его «*Histoire de la France contemporaine*», доведенный до конца 1882 г., вышел в свет уже после того, как была отпечатана глава о Франции в первой части нашего VI т.

лания, в 1851 г., она дулась на Наполеона III, тем не менее принимая от него и места, и знаки отличия... Но вот у власти Тьер, и прекрасные дни вернулись». «Однако, — замечает далее Ганото, — к этому времени, к годам, которые предшествовали войне и следовали за ней, характерные признаки буржуазии не определяются уже ни рождением, ни использованием какими-либо социальными привилегиями, ни даже занятием известными профессиями, а только получением диплома, бакалавриатом. Это мандаринство установилось между 1830 и 1860 гг.». Ганото резко противопоставляет «буржуазно» (слово «bourgeoisement» у него самого в кавычках) одетого «l'homme qui a fait ses études» человеку из народа, «homme qui a fait son temps». Не приводя здесь набрасываемой историком характеристики настроения образованной буржуазии, отметим только его указание на то, что по отношению к народу она «невероятно невежественна и презрительна» («à l'égard du peuple, elle est dans une ignorance et dans un mépris incroyables»). Со всеми своими достоинствами и недостатками, буржуазия, охотно величающая себя «средним классом», чувствует себя призванной к занятию ответственными делами государства, к отправлению общественных должностей. На другой же день после войны и Коммуны, под предводительством Тьера она и протягивает руки, чтобы взять бразды правления, но в этом стремлении своем она встретила затруднения с двух сторон: со стороны старой аристократии и духовенства и со стороны народных масс. «Среди буржуазии, — говорит Ганото, — одни, испуганные опасностью, быстро пятятся назад, другие спрашивают себя, благоразумно ли, тактично ли (s'il était habile), справедливо ли разрывать с народом... Стиснутые между этими двумя течениями, средние классы стали колебаться, как стали колебаться и люди, управлявшие от их имени». До сих пор командующим классом были 660 тыс. буржуазии из общей цифры избирателей в 10 млн. Но что представляла собой эта масса? В деревнях она оставалась совсем неорганизованной, в городах после поражения социалистов в мае 1871 г. она чувствовала себя растерянной и фактически тоже была организована очень плохо. Если буржуазия отличалась по отношению к народу невежественностью и презрительностью, то со стороны этого народа в городах сама встречала также только недоверие и ненависть.

«А между тем, — продолжает Ганото, — все партии и даже те, которые, по-видимому, особенно далеко отстоят от демократизма, обращаются к этим городским и сельским массам, зная, что там вся сила, все развитие, все будущее»¹. Вот тут-то и выступают на сцену «новые общественные слои» (nouvelles couches sociales), состоящие из людей, которые едва только выделились из рядов рабочих и крестьян. «Эта необуржуазия (néo-bourgeoisie), — характеризует ее историк, — не так холодна, как ее старшая

¹ Положение, отчасти напоминающее отношения, которые создали в Англии то, что для краткости обозначается термином «caucus».

сестра; в ней больше горячности, больше энергии; в ней больше жизненности и стремления к знанию; она умеет хотеть». Из нее главным образом составляются избирательные комитеты, и из нее даже рекрутируются масоны¹, и, в общем, повторяя сравнение, сделанное Ганото, это — «дрожи демократии». На эти-то новые общественные слои и стал указывать Гамбетта в своих речах, когда говорил о демократии, да они и на самом деле стали играть роль в политике, так как начали входить в состав избранной части (*l'élite*) из десяти миллионов избирателей, которая до того времени состояла лишь из прежних влиятельных элементов с Парижем и со всем бюрократическим персоналом, т. е. из того, чем создается общественное мнение. Установившаяся во Франции свобода печати особенно подняла значение демократии, у которой явились и свои органы — газеты в один су, т. е. меньше двух копеек².

На новых общественных слоях и стремился, как мы дальше увидим, обосновать свою политику Гамбетта, бывший к концу семидесятых и началу восьмидесятых годов, несомненно, первым человеком Франции, самым влиятельным ее политическим деятелем, во всяком случае, бесспорным вождем республиканской партии. В это время самым опасным своим

---

¹ Общий характер настоящего труда не позволяет нам остановиться на подробностях французского масонства, которому многими приписывается очень большое политическое значение в истории третьей республики. (См., в частности, книги de Marcère'a, который особенно склонен везде усматривать руку масонства.) Масонство во Франции имеет старую историю; некоторые даже (и между ними, например, Луи Блан) приписывали ему известное влияние на возникновение Французской революции (совершенно неправильно). Масонство пережило Великую революцию и продолжало даже существовать при обоих Наполеонах, ставивших во главе масонских организаций принцев своего дома, дабы не допускать в масонство политического духа. Тем не менее значительная часть масонов была настроена всегда либерально и даже республикански, особенно во времена Второй империи, когда для очень многих вступление в масоны было единственным средством встречаться между собой, обмениваться мыслями, упражняться в красноречии и договариваться относительно образа действий (*Veilley J.* История республиканской партии во Франции, с. 393; *Tchernoff.* Le parti républicain sous le second empire, с. 319 и след.; *Golfavru.* Discours au congrès maçonnique international de 1889). Вместе с этим во французское масонство стал проникать антитеологический дух молодого поколения республиканцев: уже в 1867 г. в так называемом «Великом Востоке» было сделано предложение, сообщенное всем ложам и через десять лет принятое двумя третями голосов: устранить из устава догматическое утверждение о существовании Божества и бессмертии души, из-за чего с французским «Великим Востоком» прервали всяческие сношения ложи Англии, Шотландии, Ирландии, Канады и т. п. При Третьей республике масонство, получившее значение общего антиклерикального союза, стало даже сближаться с позитивизмом; «la maçonnerie est positiviste sans le savoir» («масон обязан знать позитивизм». — *Пер. ред.*), — сказал Жюль Ферри при своем принятии в ложу «Clémenté amitié» («Милосердная дружба» (*фр.*). — *Прим. ред.*). Это особенно заставило католическую церковь вооружиться против масонства, о чем см. и ниже, в гл. XX.

² *Avenel H.* Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu' à nos jours» (1900). О развитии французской прессы в конце XIX в. см. в «Очерках современной Франции» Н. Е. Кудрина, «письма», XIII (с. 336—364).

врагом республиканцы считали, вместе с Гамбеттой, клерикализм¹, и борьба с ним была очередной задачей партии. С отставкой Макмагона и выбором в президенты республики Гриви² министерства во Франции стали составляться исключительно из республиканцев. Первыми министерствами были кабинеты Ваддингтона (в 1879 г.)³, потом Фрейсине (в 1880 г.) и, наконец, Жюль Ферри (в 1880—1881 гг.), после чего председателем кабинета министров сделался Гамбетта. В другом месте уже шла речь о том, что было сделано этими тремя первыми министерствами после окончательного перехода власти к республиканской партии. Здесь мы остановимся только на начавшейся тогда борьбе с клерикализмом и с не меньшим даже правом, чем германский «культуркамаф», заслуживающей право на название защиты современной цивилизации от средневековых притязаний католицизма. Если поименованные министерства ничего не сделали для социального вопроса, то в культурном отношении их усилия заслуживают большого внимания. Главной позицией французского духовенства была позиция, занятая им в народном образовании. Первый в XIX в. организатор во Франции ведомства народного просвещения, Наполеон I, как известно, стремился подчинить всю эту область национальной жизни строго государственному, чисто бюрократическому управлению, сделав из «университета», — в новом смысле всего учащего персонала высших и средних школ, — своего рода монополиста в деле публичного преподавания и подчинив учителей низшей школы органам общей администрации. После падения Наполеона I, при старшей линии Бурбонов, именно в министерство Виллеля, начальные школы во Франции были переданы в ведение духовенства, и в это же время иезуиты и члены всяких других неразрешенных конгрегаций стали открывать школы, в которых училось много молодежи, вовсе не готовившейся к вступлению в духовное звание. Известно, какую бурю негодования возбудило среди реакционеров министерство Мартиньяка, когда подчинило духовные семинарии правительственному надзору и фиксировало цифру учащейся в них молодежи, ограничив ее в соответствии с потребностями церкви в кандидатах на духовные должности. Та-

¹ Вспомним фразу Гамбетты: «le cléricalisme, c'est l'ennemi!»

² Жюль Гриви еще молодым человеком (23-х лет) участвовал в Июльской революции, а после Февральской революции временное правительство послало его, как человека, известного своими республиканскими убеждениями, комиссаром в департамент Юра. Выбранный в национальное собрание 1848 г., он в нем высказался, как известно, против должности президента республики, да еще выбираемого всеобщей подачей голосов. 4 сентября 1870 г. Гриви тоже высказался против диктатуры, о чем заходила было речь. В национальном собрании 1871 г. он был президентом (до 1873 г.), — должность, на которую был выбран и палатой 1876 г. В защиту республики против монархистов в 1873 г. он издал «Le gouvernement nécessaire». Отметим еще, что Гриви во время дебатов о септеннате высказывался против. *Barbou. Jules Grévy*. Более подробно о его характере см. ниже.

³ Ваддингтон в 1878 г. был уполномоченным Франции на Берлинском конгрессе. Он был в это время министром иностранных дел в кабинете Дюфора.

ким образом, уже в двадцатых годах XIX в. во Франции начиналось соперничество государства и церкви из-за народного образования. Июльская монархия была, в общем, менее благоприятна, чем реставрация, клерикальным притязаниям, и впервые в тридцатых годах, благодаря инициативе протестанта Гизо, были сделаны шаги для введения во Франции настоящей государственной организации начального обучения. Когда после революции 1848 г. в обществе началась реакция, духовенство весьма умело ею воспользовалось для того, чтобы подчинить себе народное образование. Оно добилось отмены монополии «университета», за которую в эпоху июльской монархии и стояли либералы, опасавшиеся, что свобода преподавания только послужит на пользу духовенства. В эпоху июльской монархии духовенство, наоборот, как раз и стремилось осуществить выгодную для него свободу преподавания. Само правительство тогда очень боялось, что иезуитский орден, существовавший в стране вопреки законам, захватит в свои руки все среднее образование, и бывший в сороковых годах министром Гизо готов был терпеть школы других конгрегаций, лишь бы папа потребовал у иезуитов закрытия их учебных заведений и удаления из Франции. Как известно, Гизо удалось этого достигнуть в 1845 г., но через пять лет клерикальный министр Фаллу провел закон, который ради борьбы с революцией и социализмом вводил в высший учебный совет духовных членов, объявлял свободу открытия частных школ, предоставлял духовным лицам право преподавания без государственного экзамена и т. п.; после правом открывать средние и низшие школы воспользовались разные религиозные корпорации. В частности, женское образование целиком попало в руки «сестер» (*sœurs*, т. е. монахинь). С закона Фаллу и началась страшная клерикализация народного просвещения во Франции, продолжавшаяся при Второй империи и не прекратившаяся при Третьей республике. Первые попытки борьбы с клерикализмом в школьном деле относятся еще к первой половине семидесятых годов при Ваддингтоне (как и Гизо, протестанте), дважды занимавшим пост министра народного просвещения, но настоящим борцом за светскую школу во Франции был Жюль Ферри, бывший министром народного просвещения в кабинетах Ваддингтона и Фрейсине, потом сам ставший во главе министерства¹.

Жюль Ферри был истинным создателем системы народного образования Третьей республики. В этом деле у него были и помощники как в лице общественных организаций вроде уже упоминавшейся выше «Француз-

---

¹ Жюль Ферри в 1869 г. был выбран в законодательный корпус, в 1870 г. сделался членом правительства национальной обороны, в 1871 г. попал в национальное собрание, в 1876 г. — в палату депутатов. Впоследствии он опять занимал должность министра народного просвещения (в кабинетах Фрейсине 1882 г. и своем собственном), пока не сделался министром иностранных дел, о чем см. ниже. О нем сочинение известного французского историка А. Rambaud (1903), который сам был министром народного просвещения (1896–1898), а также работа Robiquet.

ской лиги образования»¹ и масонства², навлекавших на себя громы католической церкви, так и в лице некоторых ученых, преподавателей и других деятелей. В числе отдельных лиц, очень много помогавших борьбе с клерикализмом, нельзя не упомянуть об известном физиологе Поле Бере³, который был докладчиком законов Ферри в палате, а потом и сам министром народного просвещения в министерстве Гамбетты. В 1880 г. он открыл кампанию против иезуитов своей «Моралью иезуитов»⁴, в которой разоблачает теорию и практику ордена в вопросах нравственности и общежития. В школьном законодательстве Третьей республики именно Полю Беру принадлежит резко подчеркнутая «светскость» (*laïcité*) всей системы. По его мысли, образование (начальное) должно было быть «обязательным, даровым и светским»: обязательным в интересах самого ребенка, его семьи, самого государства, даровым уже вследствие самой своей обязательности и ради уравнивания бедных с богатыми, и светским, ибо это — требование свободы совести как обучаемых, так и обучающихся. «Принимая в расчет, — говорил он в одном своем докладе, — что наставнику принадлежит область разума, священнику — область веры, мы предоставили этому последнему все заботы по религиозному воспитанию. Каждый, таким образом, является у себя хозяином, один в школе, другой в храме. Если что-либо мы изгоняем из школы, так это — нетерпимость». Поль Бер защищал вместе с тем и ту точку зрения, что обучение морали не должно быть непременно связано с обучением религии, и что обучение в школах конгрегаций (*l'enseignement congréganiste*) внушает только чувство безусловного подчинения церкви, а не чувство собственной ответственности при свободе. «Как частное лицо, — говорил Поль Бер в одной публичной лекции, — я могу теоретически относиться без всякого уважения к разным видам религиозного обучения, но как законодатель я должен их уважать на практике. Если бы я не уважал права тех, которые с чистой совестью занимаются этим преподаванием, считая его необходимым, и права тех, которые желают, чтобы их дети получали такое обучение, я нарушил бы свободу совести. Если бы я стал ее нарушать, — я, республиканец, я, наследник революции, — у меня самого не было бы ни основания существовать, ни права говорить».

¹ «Ligue française de l'enseignement» была основана Жаном Массе в 1866 г. и уже в самом начале своего существования навлекла на себя гнев мецского епископа, а позднее и самого папы. Уже в 1870 г. она насчитывала до 18 т. членов, в 1876 г. около 30 т. *Dessoye A. Jean Macé et la fondation de la ligue d'enseignement.*

² Большую роль масонству в этом деле приписывают многие историки. См. напр.: *Hanotaux*, IV, 453; *Debidour. L'église catholique et l'état sous la troisième république*, I, 90, 150, 216 и др. Против масонства Дюпанлу (см. ниже) написал брошюру (*Etude sur la franc-maçonnerie*, 1875).

³ *Bérillon. L'oeuvre scientifique de Paul Bert* (1887). Поль Бер умер в 1886 г.

⁴ *Bert P. La morale des jésuites* (1830). Resume этой книги дает *Debidour* в I т. названного выше труда, с. 425–435.

Предложение о введении во Франции обязательного, дарового и светского обучения было внесено в палату, собственно, радикалом Бародэ, избрание которого в палату в 1873 г. было ближайшим поводом атаки правых против Тьера, приведшей к его отставке, но разработка общего плана реформы принадлежала Полю Бери, проводить же реформу пришлось Жюль Ферри.

Жюль Ферри, в противоположность Гамбетте, — с которым сначала его связывали узы дружбы, — был человек крайне рассудительный и сдержанный, а потому «отличался умеренностью взглядов» еще тогда, когда Гамбетта был настроен еще более радикально. Оба они в молодости подверглись влиянию позитивизма, но на Ферри это влияние сказалось и сильнее, и прочнее. Главной его идеей стало реформировать жизнь путем реформы мирозерцания, в основу же последнего он полагал науку, ту самую науку, которая на разных ступенях своих преподается в школе. В остальных отношениях Ферри как нельзя больше подходил к тому направлению, которое получило перевес в республиканской партии в 1878 г. В общем, оно удовлетворялось конституцией 1875 г. и не стремилось к дальнейшим политическим реформам, а к реформам социальным в нем было прямое отвращение, и вся практическая политика сводилась к «делам», приводившим значительную часть республиканской партии в соприкосновение с капиталистической и очень умеренной буржуазией. При таком настроении оставалась одна область для политики не интересов, а именно идей, которая притом отвлекала бы от щекотливых вопросов социального характера и вместе с тем была бы борьбой за республику против реакции. Клерикализм, главный враг, был указан Гамбеттой, и Жюль Ферри оказался человеком, наиболее пригодным вести кампанию против «врага». Личные убеждения этого деятеля вполне совпадали с настроением господствовавшей партии и наиболее влиятельного делового класса. Конечно, ему пришлось встретить сильное сопротивление со стороны представителей тех партий, которые хотели сохранить за духовенством его культурное влияние на разные классы нации, боялись поэтому широкого развития в народных массах знаний и понимания своего положения и, наконец, находили еще, что обязательность и безвозмездность обучения слишком дорого обойдутся и государству, и общинам, но главная борьба велась по вопросу «лаицизации» школы. «Школа, — совершенно откровенно заявлял Жюль Ферри, — сделалась при действии закона 1850 г. католической в отношении доктрины. Мы хотим ее от этого освободить; мы хотим, чтобы ни малейшим образом не соответствовало действительности мнение, в силу которого самое важное место в школе принадлежит служителям культа». Пусть они продолжают учить по-прежнему, но только не в школьных помещениях. «Проведите точные границы, и вы установите мир, к которому мы столь же пламенно и ревностно стремимся, как и вы».

Конечно, такие аргументы не могли убедить клерикалов, и епископ Фреппель, бывший депутатом, только твердил, что «школа без Бога будет школой против Бога». Защищая свои положения, министр протестовал против правой, утверждавшей, будто проект имеет в виду «создать такую школу, в которой будет запрещено произносить имя Бога»¹. Противники «лаицизации» обучения указывали еще, что светские учителя сделаются, конечно, избирательными агентами, и что, пожалуй, учителей, заподозренных в религиозных убеждениях, скоро начнут не допускать в школы, и на это Поль Бер отвечал: «Мы не объявляем войны религии, мы совершаем дело современного общества — секуляризуем все государственные ведомства».

Школьные реформы, к которым Франция приступила в 1879 г., затянулись на несколько лет, в течение которых борьба не прекращалась². Со стороны реакционеров новые законы получили прозвище «злодейских» или «преступных» (*lois scélérates*), и все пускалось в ход, чтобы их проваливать в палатах, задерживать их исполнение, обходить их на практике и т. п. Дело было начато с того, что из высшего совета народного просвещения были удалены все духовные лица и заменены преподавателями, техниками и т. п. Вместе с этим у частных высших школ было отнято право именоваться университетами или факультетами (им было дано название «*écoles libres*»), равно как и право раздавать ученые степени³. В этом втором законе был специально направленный против иезуитских школ § 7, запрещавший кому бы то ни было из лиц, принадлежащих к непризнанным конгрегациям, стоять во главе какого-либо учебного заведения, публичного или частного и всех степеней. Кроме того, от преподавателей решено было требовать особого профессионального аттестата, с каковой целью было постановлено создать особые учительские семинарии (*écoles normales*), мужские и женские. Против всего этого духовенство начало самую энергичную кампанию словесных и письменных протестов, петиций и т. п., и к его великому удовольствию сенат отверг § 7, хотя и незначитель-

¹ Кто-то на правой крикнул: «Но ведь это говорил г. Поль Бер», на что последний возразил: «Извините, я никогда этого не говорил».

² Кроме специальных работ по истории народного просвещения во Франции, указанных в других томах и большей частью не доведенных до конца XIX в., см. из новейших общих трудов: *Debidour A.* L'église etc., t. I, partie II (*Les lois scélérates*); *Levasseur E.* Questions ouvrières etc., chap. VI (*L'instruction primaire et professionnelle*). Более специально: *Levasseur.* L'enseignement primaire dans les pays civilisés; *Dreyfus-Brisac.* L'éducation nouvelle (1882—1883); *Gréard O.* L'enseignement secondaire des filles; *Idem.* La législation de l'enseignement primaire en France depuis 1789 (1889). Кое-что есть в русской литературе: *Бобровников.* Народное образование во Франции // *Вестник Европ.* 1881; *Чистяков М.* Образование народа во Франции (1904) и т. д.

³ В 1875 г. особый закон, объявивший свободу высшего преподавания, дал духовенству возможность открыть целый ряд факультетов в Париже, Лионе, Лилле, Анжере, где из них возникли католические университеты, а кроме того, в Тулузе и Пуатье. Целью их был «que le catholicisme dispute au positivisme l'ame de la France» («католический диспут о том, является ли позитивизм душой Франции» (*фр.*) — *Пер. ред.*).

ным большинством голосов (в марте 1880 г.), в ответ на что палата депутатов, со своей стороны, поручила правительству начать применение законов, касающихся неразрешенных конгрегаций.

Это переводило борьбу на другую почву. Вопрос о существовании во Франции неразрешенных конгрегаций был тоже очень старой историей. Наполеоновский конкордат и дополнявшие его органические статьи не только не восстановили во Франции монашества, но даже не давали легальной почвы для его восстановления или для возникновения новых религиозных сообществ. Тем не менее в эпоху Реставрации пооткрывались монастыри, всякие иезуитские учреждения и т. п., хотя тогда указывалось на противозаконность их существования. В общем, они продолжали существовать, благодаря попустительству властей, и вовсе не думали о легализации. Законы, применения которых палата в 1880 г. потребовала от министерства, были разных времен и разных категорий, начиная с тех, которые были изданы еще в шестидесятых годах XVIII в. против иезуитов, или с декретов революционной эпохи о монашестве и кончая более новыми, в число которых нужно включить и одну статью уголовного кодекса¹. Министерство в тот же день (29 марта) поспешило издать два декрета, из которых один распускал орден иезуитов, дав ему известный срок для ликвидации своих учреждений (3 месяца, а для школ 5 месяцев), другой же предписывал остальным неразрешенным конгрегациям испросить в течение трех месяцев у правительства легализацию (autorisation) под угрозой в противном случае применения и к ним «существующих законов». Иезуиты и не подумали подчиниться, вследствие чего насильно были удалены из своих домов. Чтобы склонить другие конгрегации к подчинению требованию декрета 29 марта, часть министерства вступила в секретные переговоры с Римом окончившиеся неудачей и только вызвавшие в самом кабинете внутренний конфликт. Фрейсине, стоявший тогда во главе министерства, вышел в отставку и председателем совета сделался сам Жюль Ферри. В данный конгрегациям срок они не обратились к правительству за легализацией и тоже были распущены. Конечно, клерикалы протестовали, устраивали митинги негодования, манифестировали на улицах, и все это происходило не только в столице, но и в департаментах². В иных случаях фиктивные собственники конгрегатских домов подавали формальные жалобы в суды. Во французской магистратуре было немало клерикалов, которые или решали иски в пользу жалобщиков (их решения были потом кассированы), или подавали в отставку; судей последней категории нашлось около двухсот, но все образовавшиеся вследствие этого вакансии были без труда замещены. Большинство нации в этом конфликте стало на сторону правительства, особенно по отношению к иезуитам, которые ни-

¹ Один депутат даже ссылался на закон 1872 г., запретивший во Франции Интернационал!

² Иезуитские учреждения существовали в 31 департаменте.

когда не пользовались популярностью в народе. Весьма знаменательным было то, что частичное обновление генеральных советов, имевшее место вскоре после применения декрета о иезуитах, значительно усилило республиканский состав этих собраний¹, — признак того, что население поддерживало правительственную политику. Победа правительства над католическими корпорациями не была, однако, полной. С течением времени (и довольно скоро) они вновь образовались, и впоследствии число учеников в их учебных заведениях даже стало увеличиваться, благодаря тому, что республиканская буржуазия начала отдавать в них своих детей, следуя, в данном случае, примеру консервативной аристократии, которая весьма естественно тяготела к духовенству.

Главной заботой Жюль Ферри, когда он сделался главой министерства, было продолжать реформу школьного дела, хотя к этому же времени относятся и другие важные законы, им проведенные (право собраний без предварительного разрешения, явочный порядок основания периодических изданий, подчинение печати суду присяжных и т. п.). В 1880 г. Жюль Ферри создал во Франции среднее женское образование, государственное и светское, что имело очень серьезные последствия ввиду того, что раньше молодые девушки обучались, главным образом, в монастырях. Тогда же, в 1881 г., было положено начало и новому низшему образованию. Именно июньским законом этого года сделано было даровым обучение во всех начальных школах, а в следующее свое управление Министерством народного просвещения (в 1882 г.) Жюль Ферри провел и закон об обязательности обучения всех детей от 6 до 13 лет в публичных или частных школах или же дома. Этот же самый закон установил программу низших школ с «моральным и civicким наставлением», но без Закона Божьего, для занятий которым вне школы, т. е. в церкви или на дому, один день в неделю, кроме воскресенья, должен был быть свободным от посещения детьми школы. Право инспектировать школы, предоставленное духовенству законом 1850 г., было отменено. В реформе начального образования Жюлю Ферри особенно много помогал Бюиссон, которого он назначил директором низшего образования. Здесь не место рассматривать дальнейшие реформы в этой области², и достаточно только указать на то, какой прогресс совершила Франция при третьей республике в деле начального народного образования. Именно, на одну эту статью казна израсходовала от 1878 по 1902 г. около 720 млн франков, не считая тех расходов, которые были сделаны городскими и сельскими управлениями; например, один Париж в 1871—1901 гг. истратил около 150 млн франков на свои элементарные

¹ До 1 августа 1880 г. республиканцев в них было около 1600, консерваторов около 1400, а после 1 августа первых около 1900, вторых — около 1000.

² Реформа низшей школы была завершена в 1886 г. удалением из общественных школ учителей и учительниц из конгрегации.

школы. Что касается общего числа всех начальных школ, учащихся и учителей, то от 1876—1877 до 1902—1903 гг. первое число увеличилось на 12 тыс. (причем не принимается в расчет, что за этот период времени около десятка тысяч школ конгреганистских заменилось государственными), число учащихся увеличилось на 835 тыс., число учащихся — на 43 тыс. Особенно же важно то, что и в качественном отношении школьное дело во Франции сделало громадные успехи.

В 1881 г. Жюль Ферри в качестве председателя совета министров сменил, наконец, Гамбетта. Его министерство было очень непродолжительным, но политика самого Гамбетты в эпоху торжества республики, которому он так много содействовал, заслуживает величайшего внимания, и, излагая ее, нам придется несколько вернуться назад.

Вспомним прежде всего то, что говорилось в начале настоящей главы о выступлении во Франции на поприще политической жизни новых общественных слоев. Указанное там соотношение социальных сил, конечно, не могло не быть учтено таким политическим деятелем, как Гамбетта. Единственным средством упрочить во Франции республику он, как мы уже видели в другом месте, находил внесение в политику республиканской партии большей умеренности требований, которая должна была расположить в пользу республики наиболее влиятельный в социальном отношении класс французского общества — буржуазию. Гамбетта очень боялся, что борьба классов, как это уже случалось раньше, убьет республику, и потому ревностно пропагандировал идею общественной солидарности всех республиканских (или могущих быть таковыми) элементов нации. Отсюда же и его «оппортунизм».

Необходимость единения классов Гамбетта проповедовал еще во время своей поездки по стране летом и осенью 1872 г. с целью республиканской пропаганды. «Нужно, — говорил он, — возвратиться к плодотворной мысли 1789 г., восстановить связь, разрушенную злодейскими руками, сблизить буржуа с рабочим, рабочего с крестьянином». В то же время в своей знаменитой гренобльской речи¹ он возвестил появление на политическом поприще «новых общественных слоев, которым принадлежит будущее», т. е. трудового населения городов и деревень. Эта ссылка на «новые общественные слои» была принята консерваторами за демагогическое возбуждение народной массы против «правлящих классов» (*classes dirigeantes*), и вот Гам-

¹ 26 сентября 1872 г.; ее можно найти в «Discours et plaidoyers choisis de Léon Gambetta», на с. 107 и след. Вот одно место: «N'a-t-on pas vu les travailleurs des villes et des campagnes, ce monde du travail à qui appartient l'avenir, faire son entrée dans les affaires politiques? Oui! je pressens, je sens, j'annonce la venue et la présence, dans la politique, d'une couche sociale nouvelle qui est aux affaires depuis tantôt dix-huit mois, et qui est loin, à coup sûr, d'être inférieure à ses devancières», с. 115. Нужно обратить внимание на то, что Гамбетта говорит здесь не о наемных только рабочих (*ouvriers*), как готовы были некоторые толковать это место, но вообще о трудящихся (*travailleurs*).

бетта в одной из своих парламентских речей следующего года, прямо к тому вызванный, уже нашел нужным «ограничить (*limiter*) мысль, высказанную в Гренобле», ввиду того, что некоторые хотели превратить выражение «*nouvelles couches sociales*» в «знамя беспорядка». «Народ, — сказал он, — сам стал заниматься своими делами, и именно это явление я приветствовал в Гренобле под именем «новых общественных слоев», этого плода всеобщаго голосования», только и всего, так как никогда он, Гамбетта, не был «сторонником уравнительных (*niveleuses*) теорий и человеком беспорядка». К вопросу о новых общественных слоях и об единении классов Гамбетта нередко возвращался и впоследствии. Например, в послании к лионской демократии, написанном осенью 1875 г., он прямо настаивал на необходимости примирения этих новых слоев с «избранною частью (*l'élite*) старого общества», на «тесном союзе пролетариата и буржуазии»¹.

Особенно развивал Гамбетта эту мысль в эпоху кризиса, пережитого республикой в 1876—1877 гг. В знаменитой лилльской речи 15 августа 1877 г. он уже готов был приветствовать, как совершившийся факт, «слияние (*la fusion*) между буржуазией и рабочими, между капиталом и трудом, оплодотворяющими друг друга». Гамбетта указывал в этой речи на множество крупных промышленников, банкиров, землевладельцев и т. п., перешедших на сторону республики, которая, таким образом, перед лицом Франции и всей Европы «была скреплена печатью союза буржуазии и пролетариата». «Слияние классов под знаменем республики» он признавал равносильным отвержению цезаризма, этого «деспотизма, опиравшегося на антагонизм двух классов общества»². Понятно, что при таком взгляде на политическую задачу республики, являвшуюся, пожалуй, в то же время, по его мнению, и необходимейшим условием ее существования, Гамбетта должен был во многих отношениях отступить от своей прежней, более радикальной программы и даже возвести на степень политического принципа требование известного приспособления к условиям окружающей среды. «Я знаю, господа, — говорил Гамбетта в своей парламентской речи об амнистии 21 июня 1880 г., — что есть две политики, которые всегда были и всегда будут, потому что таково уж движение человеческого духа: одних оно увлекает к новизне, к устремлению вперед, ко все более и более смелому завоеванию прогресса и реформ, тогда как других оно задерживает, тех, которые по своему темпераменту, по хорошему качеству своего ума, — ибо это часто хорошее качество: большая последовательность в сопротивляющихся умах, — напротив, стоят за неподвижность (*stationnement*), за долго

¹ «Dans cette France unifiée, il nous sera, peut-être, donné de voir tomber les haines et les préjugés de classe à classe... Les nouvelles couches sociales... réconciliées avec l'élite de la vieille société, nous pourrons enfin achever, par l'alliance intime et chaque jour plus féconde du prolétariat et de la bourgeoisie, l'immense évolution commencée en 1789». Hanotaux, III, 429.

² Discours et plaidoyers choisis de Léon Gambetta. P. 254.

совершающийся расчет, прежде нежели принять решение. Я люблю оба эти направления ума... Быть может, — сказал Гамбетта дальше, — вы меня обвините в оппортунизме. Я знаю, что это слово ненавистно, но я беру смелость утверждать, что в этом варваризме¹ скрывается истинная политика, что принимать решения можно, только вдохновляясь великодушием одних и духом исследования других. И вот, когда передо мной великие трудности, я говорю последним: вы стоите за осуществление меры, которая, быть может, была бы осуществлена, если бы она была соединена в сделанных по ее поводу заявлениях с бóльшим чувством меры, с бóльшим благоразумием. А тем, первым, я говорю: настала минута решиться; не видите ли вы между собой и теми, которые вовсе не анархисты по профессии, а только чистые демагоги, только виновники беспорядка, — не видите ли вы между ними и нами целую, сплоченную армию хороших людей, честных и искренних избирателей, которые в своем смущении и заблуждении готовы видеть в амнистии возвращение к самым отвратительным учениям? Не чувствуете ли вы, что необходимо пойти к ним, успокоить их, сказать им: республика, это — самый сильный, какой только известен, образ правления против демагогии»². В другой своей речи, именно в речи избирателям 20-го округа в августе 1881 г., Гамбетта тоже говорил, что изучение прошлого как самой Франции вообще, так и республиканской партии объяснило ему, почему была так полна неудач история «столь достойного удивления дела республиканской демократии». Именно, по его мнению, здесь была виновна привычка республиканской партии «приносить слишком большие жертвы духу химеры, авантюры и насилия», в то время, как, с другой стороны, «правлящие классы, вся остальная Франция, поддавались самому низкому, наихудшему из общественных чувств — чувству страха, ужасающе французскому злу в политике, самому плохому советчику нации... Вот это, — продолжал Гамбетта, — и внушило мне мысль порвать с таким прошлым и сказать себе³: ты посвятишь свою жизнь борьбе с духом насилия, который столько раз приводил демократию на ложные пути, разрушению в ней культа абсолютного, направлению ее к изучению фактов, конкретных реальностей, приучению ее к тому, чтобы считаться с традициями, нравами, предрассудками, — ибо предрассудки — сила, их не сломаешь: их нужно рассеивать убеждением и разумом. Ты будешь

¹ Гамбетта не раз называл термин «оппортунизм» «un nome mal fait, un véritable barbarisme», «un épithète malsonnante et même inintelligible», как это сказано, например, в одной предвыборной речи (12 августа 1881 г.), где он еще прибавляет: «Pour une chose mal congue, il fallait un vocable malconçu», тогда как, в сущности, он не хотел-де знать никакой другой политики, кроме политики разума и успеха, «politique avisée, ne laissant jamais passer l'heure propice, les circonstances favorables, mais ne sacrifiant rien ni au hasard, ni à l'esprit absolu, ni à l'esprit de violence». Discours et plaidoyers choisis de Léon Gambetta. P. 353.

² Discours et plaidoyers choisis de Léon Gambetta. P. 316—317.

³ Дальнейшие слова он называет клятвой, которую он себе самому дал.

учить свою партию отказу от духа насилия, отвращению к нему. Ты будешь стараться вырвать жало страха, толкающего на реакционные меры. Ты явишься... как бы примирителем между интересами одних и других, и если бы тебе удалось осуществить этот союз между народом и буржуазией, ты дал бы республиканскому порядку непоколебимую основу»¹. В другую сторону, к рабочим, он также обращался с советом не требовать слишком многого, от многого даже прямо отказаться, идти на жертвы, и критики не без основания указывали на то, что почему-то уступчивость рекомендовалась Гамбеттой только одной стороне, рабочим.

Гамбетта уже давно пришел к тому убеждению, что, находясь во власти, он мог бы сделать гораздо больше, чем пребывая вечно в оппозиции, но когда власть перешла к республиканцам, президентом республики сделался человек, который вовсе не был расположен поручить ему составление министерства.

Греви, в 1848 г. советовавший не создавать должности президента республики, сделавшись через тридцать один год сам президентом, вел себя в полном согласии с этой своей старой мыслью². В сравнении с Гамбеттой это была полная противоположность³. В первом же заседании совета министров новый президент спокойно слушал горячий обмен мыслей присутствующих и по окончании его столь же спокойно сказал: «Знаете ли, господа, что я сделал бы на вашем месте?» Все насторожились, затаили дыхание — и услышали: «Ну, я ничего не стал бы делать» (*eh bien! je ne ferais rien*). Сама кандидатура Греви была задолго подготовлена, чтобы устранить слишком властного Гамбетту. Оба они не любили друг друга и больше Греви — Гамбетту, чем Гамбетта, вообще отличавшийся добродушием, — Греви. Последний даже отрицал ораторский талант Гамбетты. «Разве, — сказал он по поводу одной его речи, — это по-французски? Это — по-лошадиному» («*Ça du français? C'est du cheval*»). Та популярность, которой пользовался Гамбетта, принималась Греви чуть не как личная обида. Когда они вместе посетили Шербур (путешествие было «политическим»), на обеде, данном им местными республиканцами, Гамбетте устроили овацию, какой не удостоили президента. После обеда Греви пошел пешком, и прохожие ему почтительно кланялись, а за Гамбеттой, поехавшим в ландо, бежала восторженная толпа. Когда экипаж догнал президента, Гамбетта велел остановиться и, не встав со своего места и не вышедши из ландо,

¹ Discours et plaidoyers choisis de Léon Gambetta. P. 357.

² «Toute sa vie tend à atténuer, en politique, la personnalité, à l'effacer, à la noyer dans un groupe, un parti, une classe». Hanotaux. IV. P. 434.

³ «Deux natures contraires, — говорит Hanotaux, — l'action et l'abstention, le don de soi et l'économie de soi». IV. P. 437. Историк называет избрание такого человека прямо ошибкой. Seignobos (в «Histoire générale» Лависса и Рамбо. Т. XII. P. 28) бездеятельности Греви придает другой оттенок: «devenu président, il s'abstint de toute intervention personnelle dans les affaires, et parvint à créer une tradition de neutralité stricte qui a enlevé à la présidence tout caractère monarchique».

предложил Гриви ехать дальше вместе, но тот холодно поблагодарил и пошел дальше. Во время этой сцены Гамбетта был президентом палаты. Уже тотчас после избрания Гриви в президенты республики бывший тогда министром Дюфор, подавая в отставку, указал новому главе государства на Гамбетту как на наиболее подходящего своего преемника, но Гриви нашел, что «еще не время», и посоветовал Гамбетте поставить свою кандидатуру на председательство в палате.

Бывший турецкий диктатор согласился на эту комбинацию. И во Франции, и за границей на него смотрели как на самую крупную фигуру в республике. Принц Уэльсский, будущий Эдуард VII, с ним завтракал, через посредников не прерывались у него сношения с Бисмарком. Незадолго перед тем избранный на папский престол Лев XIII нашел нужным написать Гамбетте письмо об условиях, на каких папство могло бы стать на сторону республики. Мало того, Гамбетта вступил в секретные переговоры с папой при посредства г-жи Леони Леон, переписка его с которой была опубликована лишь недавно. Наоборот, радикальная печать стала теперь нападать на Гамбетту все резче и резче¹. В палате тоже его престиж пошатнулся, и на следующих выборах в президенты он уже получил меньшее количество голосов. Зато росла его популярность в армии.

Когда осенью 1880 г. пало министерство Фрейсине, несмотря на все настояния перед Гриви, чтобы он поручил составление нового министерства Гамбетте, тот упорно отказывался это сделать, заявив, что оставляет его про запас². Министерство получил тогда старый приятель Гамбетты Жюль Ферри, но прежней дружбы в это время между ними уже не было. На министерство Ферри сыпались тем не менее обвинения в том, что оно только рабски исполняет волю «сокровенного правительства» (*le gouvernement oseulte*). С самого начала 1881 г. о Гамбетте, как необходимом или, наоборот, невозможном министре, только и говорили, писали статьи, брошюры. Так, газета «Фигаро» в количестве 100 тыс. экземпляров выпустила памфлет под заглавием «Гамбетта, это — война!». В палате даже был сделан запрос о «сокровенном правительстве». О министерстве Гамбетты говорили много и за границами Франции, и Бисмарк, например, находил, что «Гамбетта во главе Франции подействовал бы на нервы Европы, как человек, бьющий в барабан в комнате больного». Сам Гамбетта все это время спокойно выжидал, что его час наступит, и лично хлопотал лишь о том, чтобы заменить практиковавшуюся систему выборов по округам системой выборов по общему списку для целого департамента (*scrutin de liste*), которая, по его мнению, дала бы более веса избранныкам народа: при новом порядке он сам мог бы выставить свою кандидатуру в нескольких департаментах, как это сделал Тьер при выборах 1871 г. Наконец, палата приняла его

¹ Главными врагами его были Клемансо, Гобле и Бриссон.

² «*Le garde M. Gambetta comme reserve*».

проект, но сенат его отверг (май 1881 г.). Гриви тоже высказывался против, находя, что «scrutin de liste» не что иное, как «триумфальная колесница (voiture de sacre) для государей и полководцев».

После выборов 1881 г., давших громадное большинство республиканцам¹, Гамбетта отклонил от себя избрание в президенты палаты, как бы давая этим понять, что он хочет быть свободным для образования министерства, о чем он уже сам вел теперь беседу с Гриви. 10 октября произошел один из обычных министерских кризисов, Жюль Ферри подал в отставку, и составление нового министерства было поручено Гамбетте. В публике заговорили об образовании «великого министерства»². Ожидали именно, что в это министерство войдут самые крупные представители республиканской партии, и Гамбетта действительно делал попытку их привлечь, но ни Фрейсине, ни Жюль Ферри, ни Леон Сэй, ни Бриссон не захотели вступить в новый кабинет. Дело его образования затянулось на несколько дней, и в своей неудаче Гамбетта усматривал враждебное ему влияние Елисейского дворца. В конце концов, пришлось пригласить одних единомышленников, так что публика сразу окрестила новое министерство именами «кабинета приказчиков» и «кабинета диктатуры»³. В декларации нового министерства, прочитанной в палате и в сенате 15 ноября 1881 г., обещались «политика постепенно, но решительно реформаторская, мудро ограниченный пересмотр конституции, уменьшение военного бремени

¹ В недавно вышедшем труде Henry Leyret о Вальдеке-Руссо (1908) мы читаем следующее об отношении Гриви к Гамбетте: «Jules Grévy, rusé, madré, sorte de Louis-Philippe rural, jaloux de Gambetta» était «animé contre lui d'une basse haine de robin, le sapant en termites depuis son entrée à l'Elysée», с. 183. «C'est alors (т. е. когда пошатнулась популярность Гамбетты) que l'astucieux Grévy jugea le moment venu pour ses desseins d'appeler Gambetta aux affaires. Il s'en était bien gardé tant que le tribun jouissait dans le pays d'une prédominance indiscutable. Maintenant qu'à l'ombre des radicaux et des intransigeants il avait, sournois comme une taupe, ébranlé la puissance morale du grand citoyen, il estima qu'il ne restait plus qu'à lui passer le lacet». «Ce sera le ministère de la déception nationale», sifflait-il méchamment à l'oreille de ses intimes» и т. д., с. 184.

² «L'une des manoeuvres de ses (Гамбетты) adversaires était d'annoncer à la France que son ministère serait le grand ministère, c'est-à-dire l'assemblage des illustrations de parti républicaine. Ils avaient si bien préparé l'opinion publique à cette idée singulière (?),... que Gambetta eut la bonhomie d'essayer de la satisfaire» и т. д. Henry Leyret, с. 184. Время происхождения названия «великое министерство» и смысл этого названия определяются не вполне одинаково, и один и тот же автор (Seignobos в «Histoire générale» Лависса и Рамбо, XII, 31) толкует его надвое: «on l'appelait d'avance le grand ministère» (всерьез), а несколько ниже: «comme on Pappela par dérision». О министерстве Гамбетты есть специальное сочинение: *Reinach J.* Le ministère Gambetta, histoire et doctrine (1884). Автор этой работы, написавший еще общий труд о Гамбетте, во время его министерства был так называемым «chef du cabinet».

³ Гамбетта взял на себя иностранные дела, а из более известных лиц в министерство вошли Вальдек-Руссо (внутренние дела), Поль Бер (народное просвещение и культы), Рувье (колонии и торговля), в качестве же sous-secrétaire d'état в нем был Феликс Фор, будущий президент республики. О Вальдеке-Руссо см.: *Ernest-Charles J. Waldeck-Rousseau* (1902); *Leyret H.* Waldeck-Rousseau et la troisième république (см. об этой книге выше); *Salomon M.* (в «Etudes et portraits littéraires», 1896); *Deschamps G.* (в «Rev. polit. et parl.», 1904); *Кудрин Н.Е.* Статья в «Галерее современных французских знаменитостей».

налогов, отягощавших сельское хозяйство, торговые договоры, строгое исполнение конкордата» и т. п. И ограничение пересмотра конституции, и сохранение в силе конкордата далеко не соответствовали старой радикальной программе самого Гамбетты. Министерскую декларацию встретил холодный прием как со стороны законодательных палат, так и со стороны общественного мнения. В палате депутатов у Гамбетты не было прочного, вполне с ним солидарного большинства, а между тем сам он и некоторые его товарищи стали вести себя так властно, как будто за спиной их стояло внушительное и тесно сплоченное большинство. Некоторые новые назначения (например, генералов Шанзи, Галифе, Канробера и др. в высший военный совет) вызывали раздражение среди депутатов и журналистов: назначать, восклицали одни, на высокие должности людей, которые расстреляли бы самого Гамбетту, встретиться он с ними на углу какой-либо улицы после коммуны!¹ Или, говорили другие, «отчего бы не взять в таком случае Базена?»² Между тем министерство выработало целый ряд законопроектов, и в январе 1882 г. Гамбетта внес в палату законопроект о частичном пересмотре конституционных законов, касающихся главным образом сената. Комиссия, в которую поступил этот законопроект, предложила, однако, палате неограниченный пересмотр, отвергавшийся Гамбеттой, и палата большинством 268 голосов против 218 приняла это предложение, после чего министерство подало в отставку, просуществовав всего два с половиной месяца. Ровно через год после этого, за несколько минут до наступления нового, 1883 г., Гамбетта скончался среди обстоятельств, которые тогда породили много толков³.

Остановимся также несколько на внешней политике Гамбетты.

Мы уже видели в другом месте⁴, что Гамбетта одно время искал свидания с Бисмарком («le Monstre», как он называл его в интимных беседах и переписке), — который, однако, находил, что глава республиканской

¹ Галифе особенно прославился жестоким обращением с коммунарами.

² Базен судился за измену.

³ В 1907 г. вышла в свет очень небольшого формата книжка, озаглавленная: «Francis Laur. Le coeur de Gambetta», содержащая в себе совершенно, к сожалению, фельетонно рассказанную историю романа Гамбетты и некоей Léonie Léon, переписка с которой Гамбетты за 1873—1882 гг. составляет часть этой книги. Трибун всячески оберегал свою тайну, несмотря на то, что любовь продолжалась несколько лет. Интересно то, что Леони Леон имела на него большое влияние, притом влияние сдерживающее, особенно в церковном вопросе. Между прочим, она играла роль секретной посредницы между ним и папой Львом XIII (Fr. Laur, с. 260 и след.). Только в самом конце она согласилась стать женой Гамбетты, но как раз в это время несчастный случай пресек дни трибуна, чему в книге посвящена отдельная глава («La vérité sur l'accident de Gambetta», с. 327—358). Гамбетта ранил себя в правую руку вследствие неосторожного обращения с револьвером, из которого он собирался пострелять, но легенда заставила стрелять в Гамбетту его ревнивую любовницу, благо в момент выстрела в доме была какая-то таинственная дама. В сущности, однако, умер Гамбетта не от своей раны, а от перитифлита.

⁴ См. интересные подробности в IV томе труда Nanotaux, с. 254—256, 258, 262—263, 465. В 1881 г. ходил слух, что Гамбетта съездил-таки в Фридрихсруэ. Там же, с. 708.

партии во Франции должен «поберечь такой капитал», каким был вообще его авторитет среди французских партий. Есть одно известие, указывающее на то, что, в конце концов, Гамбетта сам не решился на этот шаг, убедившись из одного разговора, что ехать в Германию ему действительно не следует. Этот эпизод относится к 1878 г., когда Россия была обессилена войной с Турцией и уже не могла бы оказать Франции такой же помощи, как в 1875 г. Сделавшись министром, Гамбетта, впрочем, подготавливал почву для сближения с Россией, правительство которой перед тем имело основание быть очень недовольным поведением Франции по случаю невыдачи ею одного важного политического преступника¹. Бисмарк не замедлил воспользоваться этим инцидентом, чтобы противопоставить коварной Франции лояльную Германию, и «рептильная» пресса громко об этом заговорила, обрушившись на французское правительство. Сделавшись главой министерства, Гамбетта дал понять кому следует, что лично он будет делать все, о чем его будут просить, в смысле репрессивных мер против иностранных революционеров, находящихся во Франции. Теперь, в начале восьмидесятых годов, он уже довольно определенно начинал высказываться о желательности союза с Россией. «Франции, — говорил он, — нужно быть чрезвычайно осторожной до тех пор, пока она не имеет очень сильной армии»: о реванше нужно постоянно думать, но не следует о нем говорить. Когда у Франции будет сильная армия, у нее, конечно, явятся и союзники, и можно будет начать войну против Германии в союзе с Россией. По словам Гамбетты, он вел об этом беседы с генералом Скобелевым, которого «любил и уважал»². Вот почему Гамбетта и считается если не инициатором, то одним из предшественников франко-русского союза. Гораздо, впрочем, серьезнее и положительнее было его стремление к соглашению с Англией. Как раз в это время начались египетские осложнения, приведшие в скором же времени к оккупации Египта Англией. Гамбетта стоял за самое тесное единение обеих держав в египетском вопросе, но в Англии к намерениям французского правительства относились с некоторым недоверием и с опаской под влиянием лозунга: «Гамбетта, это — война!». В самой Франции влиятельные круги (между прочим, финанси-

---

¹ В 1879 г. под Москвой было совершено покушение на взрыв царского поезда. Главный участник этого покушения, Гартман, бежал в Париж, где, однако, был арестован префектом полиции Андриё по просьбе русского посла, кн. Орлова. Из Санкт-Петербурга последовало требование о выдаче Гартмана, но во Франции началась сильная агитация против выдачи, нашедшая поддержку, между прочим, в таком человеке, как Виктор Гюго. Под давлением этого общественного движения правительство в выдаче Гартмана отказало, мотивировав свой отказ тем, что не нашло достаточными доказательства тождества личности обвиняемого и его участия в приписывавшихся ему деяниях. Гартман был выпущен, радикальная пресса торжествовала, а Виктор Гюго даже послал Гриви приветственную телеграмму, которая была опубликована. Сам Гартман, впрочем, был выслан из Парижа в Лондон.

² О поездке М. Д. Скобелева в Париж и его воинственных речах см. выше.

сты) были против непосредственного французского вмешательства в дела Египта, который, как говорили в этих кругах, никогда не сделается центром французской колонизации. Впоследствии и радикалы высказались против вмешательства. Уже после своей отставки Гамбетта летом 1882 г. выступал в палате, стараясь убедить ее, что Франция не должна бросать Египет на произвол судьбы или, вернее, отдавать его Англии. После этого английское правительство и оказалось в состоянии наложить руку на Египет, вытеснив из него французское влияние.

После исчезновения Гамбетты с политической сцены в республиканской партии начался длительный раскол, который, конечно, был только на руку консерваторам. Реакционные силы Франции и в восьмидесятых, и в девяностых годах далеко не считали проигранным своего дела. После победоносной борьбы, какую Гамбетта и Жюль Ферри вели с клерикализмом, французское духовенство¹ и верные католики² только еще теснее сплотились для общего действия, и одним из средств, на которые клерикалами возлагались особые надежды, было приобретение влияния на армию. В последней и без того уже была довольно значительная клерикальная закладка. Высшие военные чины достигли своего положения еще при второй империи, и не один Макмагон был среди маршалов и генералов верным и послушным сыном католической церкви. Французское офицерство во времена третьей республики вербовалось преимущественно из аристократии и той части богатой буржуазии, которая сама, так сказать, лезла в дворянство, приставляя к своим плебейским фамилиям аристократическое *de*, как несомненный признак благородного происхождения, сочиняя для себя фантастические гербы и усваивая себе идеологию шуанов³ и эмигрантов времен Великой революции⁴. Один публицист в конце девяностых

---

¹ Особенно деятельными вождями французского клерикализма были епископы Дюпанлу и Фреппель. Первый, протестовавший сначала против догмата папской непогрешимости, но потом ему подчинившийся, был выбран в 1871 г. в национальное собрание, где занял место среди правой. В 1876 г. он был сделан сенатором и принял деятельное участие в клерикальных происках, для чего основал газету «*La Defence*». Когда позитивист Литтре был выбран во Французскую академию (1874 г.), Дюпанлу, уже двадцать лет состоявший ее членом, отказался посещать ее заседания. Его биографии были написаны Hairdet (1878) и Lagrange'ем (1886). Преемник Дюпанлу в палате, Фреппель, играл видную роль на ватиканском соборе среди защитников папской непогрешимости, будучи известен и ранее того своими опровержениями книг Ренана «Жизнь Иисуса» и «Апостолы». Празднование в 1879 г. сотой годовщины по смерти Вольтера тоже дало Фреппелю повод выступить с резкими опровержениями. О нем есть соч. Ricard'a. См. также: *Bonnefon J. de. Soutanes politiques*. 1893.

² *Vibert P. - Th. La nouvelle France catholique* (1909); *Teste L. Les monarchistes sous la troisième république* (1891; нов. изд. 1907 г.).

³ Участники контрреволюционных восстаний в защиту королевской власти и католической церкви в Бретани и Нормандии во время Французской революции и вплоть до 1803 г. — *Прим. ред.*

⁴ Некто, скрывший свое имя под псевдонимом vic. A. de Royer, в «*Revue des revues*» за 1898 г. поместил статьи под заглавием «*Avons nous la noblesse française?*» и «*Les fantômes de vieille*

годов указал в печати на то интересное обстоятельство, что более тысячи фамилий, носимых офицерами французской армии, все это — фамилии лиц, входивших в состав эмигрантской армии принца Конде за сто лет перед тем. Раньше французская аристократия не очень жаловала военную профессию, но после введения всеобщей воинской повинности старые дворянские семьи стали предпочитать, чтобы их сыновья служили в армии офицерами, а не отбывали свою повинность солдатами. Аноблированная буржуазия в этом отношении не отставала от аристократии. Это, впрочем, было не только делом расчета, но и делом моды, образовавшейся на почве необычайного развития во Франции культа армии. Военное поражение, испытанное французской нацией в 1870—1871 гг. до болезненности развившаяся в ней жажда реванша, оказывали в этом отношении сильное действие и на сменявшиеся одно за другим правительства, и на разные политические партии всех палат, и на прессу разных лагерей, и на общество, на всю нацию. На усиление армии и флота никогда не жалели средств, так что в общей сложности за последние тридцать лет XIX в. на эти две статьи было израсходовано около 30 млрд. Армия сделалась и для палат, и для прессы каким-то фетишем, к которому нельзя прикасаться: она должна была стоять выше всяких подозрений; критиковать порядки, которые в ней завелись, можно было только с величайшей осторожностью; во всяком случае, оскорбления армии не могли быть допускаемы, причем само понятие оскорбления армии сделалось необычайно растяжимым¹. Благодаря этому, французское офицерство с высшими чинами армии во главе сделалось своего рода замкнутой, привилегированной кастой с крайним развитием nepotизма и кумовства и презрения к штатским. Молодой человек, попадавший в эту среду, тотчас же заражался ее мирозерцанием, но дело усложнялось еще тем, что в большинстве случаев он еще до своего вступления в состав офицерского корпуса был обыкновенно в достаточной мере проникнут очень определенной идеологией.

Времена, когда французская буржуазия отличалась большим или меньшим вольномыслием, давно отошли в прошлое. После второй республики она все более и более стала подпадать под влияние клерикализма,

---

goche», где доказывал, что из 45 тыс. аристократических фамилий Франции едва 450 могут оправдать свое благородное происхождение. Являясь пустой приманкой тщеславия, французское noblesse («дворянство». — *Прим. ред.*) в то же время играет роль убежища реакции, ибо всякий буржуа, становясь «благородным», тотчас же усваивает благородное, т. е. реакционное мирозерцание. См. также только что вышедшую в свет книгу J. de Bonnefon'a «La noblesse de France et les anoblis de la république. Liste complète des familles pourvues de noble parure par le conseil d'état de 1870 à 1906» (1909). Аналогичная инфильтрация буржуазии в аристократию, благодаря покупке бюргерами «рыцарских имен», происходила и в Пруссии и с теми же последствиями, т. е. с заражением покупателей сословной идеологией.

¹ О культе армии во Франции много характерных подробностей в «Очерках современной Франции» Н. Е. Кудрина. См. с. 399 и след., 438 и след., 454 и след. и др.

особенно благодаря роли духовенства в средней школе. В общем, кампания, предпринятая Жюлем Ферри против иезуитов, на первых порах не удалась. Они под новыми названиями опять пооткрывали множество школ с преподаванием в духе самого строгого католицизма и неуклонного консерватизма. «Благородные» семьи, дорожившие всякими вообще традициями, с особой охотой отдавали своих сыновей в эти клерикальные школы, что сделалось даже признаком хорошего тона, требованиям которого охотно стала подчиняться и буржуазия. Отсюда, из этих, хотя и частных, но привилегированных училищ, главным образом, и стали выходить молодые люди, которые делались потом офицерами. Систематическая клерикализация офицерского корпуса не могла не дать своих, в высшей степени, отрицательных для республиканской армии результатов. Если победа республиканцев в конце семидесятых годов повела за собой «очистку» (*épuration*) административного и даже судебного¹ персонала, то армия в этом отношении оставалась в каком-то исключительном положении, и даже заведомые реакционеры из высших ее членов получали иногда очень важные должности.

Клерикально-милитарная реакция не переставала пользоваться всяким удобным случаем, чтобы вредить республике, а между тем в республиканском лагере происходило дробление, которое вредно отражалось на общем ходе дел. Во Франции, как и в Германии, образовалось несколько партий, но здесь они были менее определены, нежели в Германии, что затрудняет дать такую характеристику французских партий, какая вполне возможна для немецких². Американский исследователь политических партий на западе Европы, Лоуэлль, особенно подчеркивает, говоря о современной Франции, расплывчатость тамошних партий. «Можно сказать, — говорит он, — что во Франции совершенно не существует партийной организации всей нации... Поразительный контраст, — отмечает он тут же, — с Соединенными Штатами, где механизм партии оказывается иногда более живуч, чем ее принципы»³. «Разнообразные группы, — говорит он далее, — на которые разбиваются депутаты, обыкновенно совершенно не существуют вне стен парламента... Кроме того, программы, составляемые каждым кандидатом лично для себя, представляют собой только индивидуальные исповедания убеждений и все различны, так что

---

¹ В 1883 г. (во второе министерство Жюля Ферри) была, как временная мера, принята отмена несменяемости судей, что дало возможность правительству удалить из магистратуры наиболее враждебных республике людей.

² Общий обзор и публицистическую оценку французских партий, сделанную в 1900 г., можно найти в книге Н. Е. Кудрина «Очерки современной Франции» (письмо XXI).

³ Лоуэлль А. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы (1905). С. 71. Автор, конечно, имеет в виду организацию, описанную М. Я. Острогорским и принятую Англией, организацию, которую Лоуэлль в другом своем сочинении (см. в след. главе) отмечает и в Англии.

не существует никакой программы, которую обязывалась бы поддерживать какая-либо партия, как целое... Перед последними общими выборами¹ только одни социалисты выпустили общую программу, выясняющую основные принципы партии. Но особенно, — прибавляет Лоуэлль, — ярко проявляется отсутствие партийной организации после начала выборной кампании. Тогда в каждом избирательном округе борьба ведется самостоятельно; на то, что делается в остальной стране, обращается очень мало внимания, и каждый округ представляется как бы самостоятельным государством, занятым борьбой, которая касается только его»². Отсюда отсутствие во Франции двух-трех больших партий, крайнее партийное дробление. «Партии в палате депутатов, — говорит тот же Лоуэлль, — представляли собою такую путаницу разнообразных взглядов, что нарисовать ясную картину их в высшей степени трудно»³. Особенно дробление пошло далеко в восьмидесятых годах, вследствие чего не могло никогда составиться прочных министерств, которые опирались бы на постоянное большинство с ясно выраженной программой.

Высчитано, что в десять лет, протекших после отставки маршала Макмагона, во Франции было последовательно четырнадцать министерств, т. е. на каждое министерство приходилось средним числом менее девяти месяцев. К той же средней цифре мы придем, если примем в расчет, что в 23 года, следовавшие за отставкой Тьера, сменилось 34 министерства. Очень часто кабинеты падали совершенно неожиданно вследствие принятия палатой неблагоприятных порядков дня после какой-либо интерpellации⁴ или во время дебатов и, случалось, по маловажным поводам. За весьма редкими исключениями, которых после 1877 г. всего насчитывается три (министерства Бриссона в 1885 г., Буржуа в 1895 г. и Мелина в 1896 г.), в каждый новый кабинет всегда входила некоторая часть (в среднем 40%) состава министерства, вышедшего в отставку. Другой результат того же общего явления, это — коалиционный в большей или меньшей мере состав французских министерств, причем разные комбинации так же легко распадались, как легко и создавались. В сущности, при таком порядке вещей, раз не было однородной господствующей партии и однородной

---

¹ Книга Лоуэлла в подлиннике помечена 1896 г., и речь идет о выборах 1893 г.

² «Французскую систему, — читаем мы еще у Лоуэлла (с. 74), — хвалили за то, что она избавляет народ от ига тяжеловесного партийного механизма и дает ему возможность более свободно выбирать своих кандидатов. Это справедливо, и это представляет, действительно, большое преимущество французской системы. Но, с другой стороны, справедливо и то, что эта система препятствует образованию больших сплоченных партий, и это есть зло, от которого страдает парламентарное правление современной Франции».

³ Лоуэлль, с. 51.

⁴ От *lat.* *interpellation* — перебивание речи, жалоба перед судом. Запрос депутата парламента правительству или отдельному министру, ответ на который может быть подвергнут обсуждению в парламенте. — *Прим. ред.*

оппозиции, которая могла бы занять ее место, отсутствовал и главный мотив, который мог бы заставить наличное большинство строго держаться партийной дисциплины, а так как, вдобавок, палата была приучена к тому, что смена министерства очень часто не сопровождалась сколько-нибудь серьезными последствиями, то у палаты не было и главного мотива дорожить наличным министерством. К этому нужно прибавить укоренившийся во французском народном представительстве взгляд на исполнительную власть как на природного врага законодательной власти, взгляд, ведущий свое начало еще из времен первой революции и поддерживавшийся тем, что и в XIX в. правительства так часто обнаруживали тяготение к системе усмотрений и произвола, особенно опасных при тех полномочиях, какими пользуется вообще французская администрация¹.

Иногда может казаться, что во Франции Третья республика знает только две партии — республиканцев и реакционеров, и действительно, в наиболее важные, критические моменты борьба шла между этими двумя временно объединявшимися лагерями. Но реакционеров способна объединять кроме их преданности католицизму только ненависть к республике, как республиканцев, по временам, спланивал лишь страх за республику. Если бы первым удалось добиться уничтожения республики, тотчас между ними начались бы раздоры, как каждый раз, когда республике не грозило никакой опасности, единение республиканцев уступало место дроблению на враждебные группы. Попытки того, что стало — особенно в последнем десятилетии XIX в. — называться политикой республиканской концентрации, в общем, нельзя признать особенно удачными, ибо всякая коалиция партий неминуемо влекла за собой компромиссы, заставлявшие отдельные группы отказываться от тех или других пунктов своих программ, что лишало правительство, являвшееся результатом фракционных соглашений, возможности вести одну какую-либо определенную линию. Только к концу девяностых годов, после того, как Франция пережила не только буланжизм, но и дрейфусиаду, в партийные отношения стала вноситься большая определенность.

---

¹ Duprie. Les ministres dans les principaux pays d'Europe et d'Amérique (некоторые отдельные части этого труда существуют по-русски, между прочим, и та, которая касается Франции); Haucour. Gouvernements et ministères de la troisième République Française; Muel. Gouvernements, ministères et constitutions de la France; Он же. Les crises ministérielles en France de 1895 à 1898 (1899). Отсюда частые указания на то, что во Франции парламентаризм функционирует крайне несовершенно. Laffitte P. Le suffrage universel et le régime parlementaire. Ср. статью Н. Е. Кудрина под заглавием «Французский парламентаризм и его критики» в его книге «Очерки современной Франции» и в книге В. Тахтарева «От представительства к народовластию» (1907), с. 68 и след. Между прочим, свои доводы против парламентаризма французские реакционеры берут из сочинения Прудона «Idée générale de la révolution au XIX siècle», написанного еще в 1851 г.

Замечательно также, что характером крайней раздробленности стал отличаться также и французский социализм, бывший весьма далеким от того единства, той организованности и дисциплины, которыми отличается германская социал-демократия. Во всем этом, быть может, выразилась сделавшаяся как бы национальной чертой французов абстрактная теоретичность их политического мышления, особенно подчеркиваемая в них писателями англосаксонской расы¹.

Когда власть в 1879 г. перешла к республиканцам, они делились главным образом на левый центр, республиканскую левую и республиканский союз (*l'union républicaine*), который, в сущности, был группой Гамбетты. В палате, вышедшей из выборов 1881 г., из 467 республиканцев к группе Гамбетты принадлежало 206 человек, к центру — 40, к левой — 168, да кроме того, образовалась крайняя левая из 46 человек, стоявшая за проведение прежней радикальной программы с требованиями прогрессивного подоходного налога, уничтожения сената и отделения церкви от государства. «Великое министерство» должно было бы состоять из представителей двух наиболее численных групп, но мы видели, что оно составилось только из одной, что не давало ему большинства. Отставка Гамбетты была большим ударом для республиканского союза, но разрыв между этим последним и республиканской левой и был причиной непрочности всех ближайших министерств, когда кабинет всегда был в зависимости от инцидентов, возникавших во время заседаний². Только министерство Жюля Ферри продержалось два года (1883—1885), когда снова союз и левая были в единении, образуя как бы единую республиканскую правительственную партию (*le parti républicain de gouvernement*), которую решительно разошедшаяся с этим республиканским большинством крайняя левая и окрестила именем оппортунистской партии, пользуясь не только термином, бывшим еще в ходу при Гамбетте, но и одним заявлением Ферри о необходимости только «умеренного, частичного и своевременного пересмотра конституции» (*révision... opportune*). Впрочем, это разделение не мешало крайней левой, или радикальной, партии подавать нередко голоса вместе с оппортунистами. Например, и те и другие шли рука об руку при проведе-

---

¹ Ср. следующее место из книги Лоуэлла (с. 70): «Для француза политические вопросы имеют, скорее, абсолютное, а не относительное, или практическое значение, и вследствие этого он больше заботится о принципах и мнениях, чем о фактах. Эта тенденция проявляется в программах кандидатов, которые часто представляют собой философские трактаты, а не конкретные политические программы, и хотя бывают и очень пространны, но часто дают сравнительно мало представления об отношении их автора к ближайшим вопросам дня». Такую характеристику программ автор делает на основании двух книг Duguet «*Les députés et les cahiers électoraux en 1889*» и под тем же заглавием для 1893 г.

² «*Le cabinet était à la merci des incidents de séance*». Seignobos в «*Hist. generale*», XII, 32. Как в этой работе Сеньобоса, так и в его «*Политической истории современной Европы*» обстоятельно отмечаются все министерские кризисы во Франции.

нии закона о разводе, который, как известно, был отменен во Франции еще «незаменимой палатой» 1815 г. Министерству Ферри удалось добиться согласия обеих палат на пересмотр конституции, заранее обещав сенату, что он будет только частичным, и действительно, национальное собрание, т. е. совместное заседание членов обеих палат, которому принадлежало право пересмотра, приняло в 1884 г. 509 голосами против 172 только реформу выборов в сенате, состоявшую в замене 75 бессменных сенаторов, которые кооптировались самим сенатом, сенаторами, выбиравшимися обычным порядком, причем, впрочем, изменялся несколько и сам этот порядок. Дело в том, что в коллегии, выбиравшие сенаторов, каждая община раньше выбирала по одному делегату, по реформе же 1884 г. число делегатов должно было находиться в соответствии с числом муниципальных советников; это несколько ослабляло, при выборах в сенат, роль мелких коммун¹.

В эти годы выдвигается вперед Клемансо², заслуживший очень скоро кличку «низвергателя министерств» (*le tombeur des ministères*). Еще в 1880 г., в одной из своих речей, он довольно резко критиковал гамбеттовский оппортунизм. Защищая то, что Гамбетта называл утопией и идеологией, «стремящейся сразу изменить весь вид общества при помощи какой-то волшебной палочки», Клемансо охарактеризовал мудрых людей, хвастающихся умением приспособливать свои действия к обстоятельствам, принимая в расчет наличные факты, как людей, которые сами так хорошо приспособились и так подчинились фактам, что превосходно почув-

¹ Изменения вообще касались § 2–4, 8, 14 и 22, а кроме того, были отменены § 24 и 25. См. с. 541–548 во II т. сборника Гессена и Нольде. Реформа сената и превратила его окончательно в «верховный совет общин Франции», как о нем говорил еще Гамбетта.

² Жорж Клемансо был сын старого республиканца, попавшего в тюрьму после 2 декабря 1851 г., непримиримого врага клерикалов, даже не крестившего своего сына. Сам Клемансо девятнадцатилетним юношей попал в тюрьму за участие в одной политической демонстрации (1861 г.). В 1865 г. он получил степень доктора медицины за диссертацию, которая для нас интересна своим позитивистическим характером. Между прочим, характерное для этого момента увлечение позитивизмом сказалось на Клемансо и в том, что в 1868 г. он перевел на французский язык книжку Милля о Конте. Во второй половине шестидесятых годов он прожил около четырех лет в Америке, где и женился на американке. Правительство национальной обороны сделало его мэром одного из округов Парижа, а в 1871 г. ему пришлось играть роль в неудачной попытке примирения между Коммуной и Версалем. В 1875 г. Клемансо был выбран в президенты парижского муниципального совета, в 1876 г. — в палату депутатов, в которой выдвинулся особенно благодаря речи в пользу амнистии коммунарам. Во время кризиса 1877 г. Клемансо действовал заодно с Гамбеттой и на выборах получил чуть не все голоса своего избирательного округа (из почти 19 тыс. голосов не за него было подано лишь около 200), но с 1879 г. началось его расхождение с главою оппортунистов. Около этого же времени он резко отграничил себя и слева. *Pelletan C. George Clémenceau* (в серии «Célébrités contemporaines», 1883); *Brandes G.* (ст. в «Contemporary Review» за 1903 г.); *Brisson Ad.* (в сборнике «Portraits intimes», 1896); *Leroy M.* (в журнал «La grande France» за 1902 г.); *Дерюжинский В.* (в сборнике «Из истории политической свободы», 1906); *Кудрин Н.Е.* (в «Галерее современных французских знаменитостей», 1903) и др.

ствовавали себя в данной среде и уже перестали желать изменять факты, казавшиеся им самим прежде подлежащими отмене. «Эти люди, — говорил он еще, — до того пропитались своими практическими стремлениями, что дали даже формальное обещание осуществить республиканскую практику при чисто монархических учреждениях, сделав себя единственными судьями своевременности (*opportunité*) реформ с целью, впрочем, не распределения их в известном порядке¹ и их проведения, а просто-напросто только их отложения». В противоположность Гамбетте, говорившему, что нет социального вопроса, а есть лишь ряд задач для разрешения, Клемансо утверждал, что социальный вопрос существует и что в дальнейшем он все более и более будет служить предметом законодательства, но в то же время он решительнейшим образом отвергал социалистические учения, находя, что «в их пользу нет достаточных аргументов». Это заявление Клемансо очень характерно для всей радикальной партии, вождем которой он сделался. В данном отношении крайняя левая партия была не чем иным, как продолжением того чисто политического демократизма, с которым в истории Франции мы знакомы еще с тридцатых годов XIX в.² Как у Гамбетты и оппортунистов был свой орган — «*La République Française*», основанная еще в семидесятых годах, так и Клемансо для пропаганды своих взглядов основал в 1880 г. газету «*La Justice*»³, в которой сам, впрочем, ничего не писал и в которой участвовали некоторые социалисты (корреспонденции из Германии Либкнехта, писавшего под псевдонимом *Outis'a*, статьи русской социалистки Жандр-Никитиной). В 1881 г., во время избирательной кампании руководимая Клемансо группа парижских избирателей выработала и программу, которую он принял. В ней мы находим уничтожение сената и должности президента республики, административную децентрализацию с коммунальной автономией⁴, отделение церкви от государства, светское, даровое и обязательное обучение, сокращение срока отбывания воинской повинности с постепенной заменой постоянной армии народным ополчением (милицией), пересмотр концессии относительно рудников, железных дорог⁵ и т. п., отмену налогов на

¹ Намек на гамбеттовское выражение «*série les questions*».

² Н. Е. Кудрин, автор только что отмеченной выше статьи о Клемансо, особенно останавливается на этой его стороне. В 1880 г. Клемансо на публичное состязание о коллективизме вызывали социалисты, группировавшиеся вокруг Гэда и писавшие в «*L'Égalité*», но он уклонился, заявив, что с него довольно согласия с ним подавляющего большинства его избирателей (с. 131 названной статьи по изд. 1906 г.).

³ «Справедливость» (*фр.*). — *Прим. ред.*

⁴ Кстати, отметим, что во французской демократии в восьмидесятых годах началась агитация о введении референдума в местном самоуправлении, но успеха не имела вследствие, между прочим, сопротивления в палате. *Sizeraine R. de la. Le Referendum communal* (1893); *Тихтачев Е.* От представительства к народовластию (1907), с. 93–95. Вообще о самоуправлении во Франции см.: *Авалов З.* Децентрализация и самоуправление во Франции (1905).

⁵ Значение этого требования разъясняется несколькими страницами далее.

потребление и городских *ostrois*¹, введение прогрессивного налога, ограничение рабочего дня, установление ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими посредством страхования, устройство пенсионных касс для инвалидов труда, организацию трудового кредита, легализацию рабочих синдикатов с сообщением им прав юридической личности и т. п. Как мы видим, многое в этой программе входит в понятие социальной политики², а кроме того, нужно прибавить, что значительная часть этих программных пунктов впоследствии была осуществлена, хотя им иногда и пришлось этого ждать только от XX в. Не будучи социалистом, Клемансо в начале восьмидесятых годов тем не менее резко порицал экономическую политику оппортунистической буржуазии, которая понимает свободу лишь в смысле возможности для сильных угнетать слабых. В эти годы Клемансо был кумиром мелкой буржуазии и той части рабочих, которая, уже будучи затронута политикой, не разделяла ни одного из социалистических учений. Впоследствии многие из его приверженцев стали в ряды социалистов, как другие пошли под знамя национализма. Резкое отношение Клемансо к экономической политике буржуазии заставило его особенно энергично выступить и против колониальных предприятий, главным вдохновителем которых был Жюль Ферри. Свою полемику против колониальной политики он начал еще в 1881 г., когда захватывался Францией Тунис. В следующем году он протестовал против идеи подчинения Франции Египта. Когда началась французская акция в Тонкине, со стороны Клемансо против нее тоже была начата кампания. Известие об одном неудачном для французов обороте дел в Тонкине и дало Клемансо повод обвинить министерство Жюля Ферри в том, что оно впутало Францию в авантюру, которой нация вовсе не хотела. Нападение Клемансо на министерство привело к его падению. Новое министерство (Бриссона) отчасти из «радикалов», отчасти из «республиканцев» заключило мир с Китаем и провело избрание депутатов по департаментам (*scrutin de liste*), чего не удавалось сделать Гамбетте.

Выборы 1885 г. послали в палату почти поровну консерваторов, оппортунистов и радикалов. После смерти, в 1883 г., гр. Шамбора легитимисты слились с орлеанистами и вместе еще с бонапартистами составили «конституционную оппозицию», большей частью уже открыто не нападавшую на конституцию и только добивавшуюся отмены прогрессивных законов. Всех их прошло на выборах 202 человека, но некоторые выборы были инвалидированы, и их осталось 180. Почти во всех департаментах было два республиканских списка — оппортунистский и радикальный, и только при баллотировках, чтобы не дать перевеса консерваторам, республиканцы вотиrowали за общие списки, составленные из имен, за которые в пер-

¹ Имеются в виду городские сборы. — *Прим. ред.*

² Составители программы даже называли ее социалистической.

вый раз было подано наибольшее количество голосов. Умеренные получили 200 мест, радикалы — 180. Прочного большинства не было, и Бриссон, после переизбрания в президенты республики Гриви, вышел в отставку (в декабре 1885 г.). За этим следовал ряд полурадикальных министерств, но это не мешало продолжаться колониальной политике «тонкинца». С другой стороны, радикальная партия не была настолько сильна, чтобы дать прочную опору своему вождю Клемансо, с которым притом в радикализме стали соперничать попавшие в палату представители рабочих: Базли, Бойе, Ферруль, Камелина. В период наибольшего влияния радикалов в палате, в 1880 г., когда образовалось министерство Флоке, Клемансо не прошел даже в президенты палаты. Его влияние во второй половине восьмидесятых годов напоминает нам влияние Гамбетты в семидесятых, когда он тоже не был у власти. Следует еще прибавить, что Клемансо не только сокрушал министерства, но и создавал министров. По крайней мере, его инициативе принадлежит возвышение того, чье имя во второй половине восьмидесятых годов было одним из самых громких в истории Третьей республики, именно знаменитого генерала Буланже.

В 1887 г. обнаружилось, что зять Гриви, незадолго перед тем переизбранного на второе семилетие, Вильсон, участвовал в торговле орденами. Это дело не только повлекло за собой падение министерства, но и выход в отставку самого Гриви, когда он увидел, что при таких обстоятельствах никто не хотел составить новое министерство¹. 2 декабря 1887 г. состоялась эта отставка, а на другой день в президенты республики был избран Садик-Карно, внук знаменитого «организатора победы» времен первой революции. Его кандидатура была выдвинута радикалами и собрала в национальном собрании 616 голосов из 827². Президентство Карно, продолжавшееся шесть с половиной лет, представляет собой очень бурную эпоху в истории Третьей республики. В начале этого периода во Франции произошло политическое движение, известное под названием буланжизма, в конце — разразился так называемый панамский скандал. И буланжизм, и «панам» были очень опасны для самого существования республики. К этому же времени относится усиление рабочего движения во Франции и появление в палате депутатов социалистической партии, тогда же, кроме того, поднял голову и воинствующий анархизм, проявивший себя целым

¹ Приговор Nanotaux об этой эпохе (IV, 765): «le principat de M. Jules Grévy est en somme une restauration médiocre du régime bourgeois». И далее (IV, 773): «le système ne sut pas se garder de son plus dangereux écueil, la corruption, et M. Jules Grévy, en dépit de sa circonspection, assista à la banqueroute de cette ère néobourgeoise que son élection avait inaugurée en antagonisme avec la conception plus large de M. Gambetta».

² Его политическая карьера началась с 1871 г., когда он был избран в национальное собрание. В 1878 г. он сделался товарищем министра общественных работ, а в 1880 г. и главой этого министерства; в 1885—1886 гг. он был министром финансов (в кабинетах Бриссона и Фрейсине).

рядом покушений. Сам Карно летом 1894 г. пал жертвой итальянского анархиста Казерио, нанесшего ему во время его пребывания в Лионе смертельную рану ударом кинжала.

Буланжистское движение получило свое название от генерала Буланже, который в первом кабинете после переизбрания Гриви получил пост военного министра¹. Своим возвышением он был обязан радикалам, в особенности Клемансо, с которым Буланже сблизился, надеясь через него сделать свою карьеру, как прежде заискивал у одного из принцев орлеанских, герцога Омальского, хотя потом, будучи военным министром, сам же Буланже участвовал в изгнании их из Франции². Очень скоро новый военный министр приобрел среди радикалов очень прочное расположение заявлениями «против офицеров, выставляющих на показ свои враждебные к республике чувства». С другой стороны, в армии, как среди солдат, так и среди офицеров, и в населении, особенно в парижской толпе, Буланже снискал большую популярность в качестве генерала, на которого возлагались большие надежды относительно реванша за 1870–1871 гг.: политические речи, произносившиеся им при подходящих случаях, и принятые им в армии реформы, на что в 1887 г. палата ассигновала особый кредит, создали ему репутацию будущего мстителя за ужасы и позор войны, за потерю двух провинций, за уплату 5 млрд контрибуции. Усиление военной обороны на восточной границе и подготовка мобилизации армейских корпусов, стоявших в восточных департаментах, как будто указывали даже на намерение, когда все будет готово, начать войну. Вместе с тем Буланже постарался удалить с высших должностей в армии всех, в ком только видел возможного соперника или противника. Популярный среди радикалов, в армии и в народе генерал, наоборот, очень не нравился оппортунистам, а потому когда после министерства Гобле, удержавшего Буланже на его посту, образовалось «министерство примирения», то глава

---

¹ Буланже в это время было 49 лет. За тридцать лет перед тем он кончил курс в Сен-Сирской военной школе с чином подпоручика, в каком-то принял участие в алжирском походе. Потом он участвовал в Итальянской войне 1859 г., в индо-китайской экспедиции и в войне 1870–1871 гг. В 1882 г. он был сделан начальником пехоты; в этой должности он обратил на себя внимание своими проектами военных реформ и той популярностью, какую приобрел среди солдат своей о них заботливостью. В парижском светском обществе Буланже тоже сделался всеобщим любимцем, особенно среди великосветских дам. Не очень-то счастливый в браке (с женой своей он рано разошелся), Буланже вызвал к себе прочную привязанность г-жи Боннемэн, сумевшей и его так прочно к себе привязать, что многие важные эпизоды его биографии объясняются его отношениями к этой женщине (вплоть до самоубийства на ее могиле); *Chincholle* (буланжист). *Le général Boulanger* (1889); *Verlu. Le général Boulanger et la conspiration monarchique* (1893); «*Figaro*» X. *du. Les coulisses du boulangisme revues et augmentées de plusieurs chapitres inédits avec un préface de Mermeix* (1890); *Дерюжинский В.* Буланже и буланжизм (в сборнике «Из истории политической свободы», 1906).

² Орлеанские принцы вернулись во Францию в 1871 г., а в 1872 г. им были возвращены их имения, но в начале восьмидесятых годов правительство республики стало применять к ним исключительные меры.

его, Рувье, уже не пригласил Буланже на занимавшийся им перед тем пост, тем более что генерал успел обнаружить слишком самовластные замашки. Назначенный летом 1887 г. корпусным командиром в Клермоне, он затаил страшную злобу против оппортунистов, а проводы его на место назначения послужили поводом для сочувственной ему демонстрации со стороны парижской толпы. В то же время сторонники генерала начали целую кампанию против министерства. Вскоре после этого произошел вильсоновский скандал, повлекший за собою отставку президента республики. Радикалы, опасаясь, как бы на открывшуюся ваканцию не попал ненавистный им Жюль Ферри, пригласили Буланже тайно приехать в Париж, чтобы образовать с ним новое министерство, приняв которое Гриви мог бы еще остаться на своем посту. Комбинация не удалась, но и Жюль Ферри не был выбран, новый же президент, Карно, вернулся к политике республиканской концентрации. Тогда вокруг генерала Буланже и образовалась целая оппозиционная партия.

Предыдущая эпоха раскола среди республиканцев и поворота части их направо поселила в массе народа крайнее неудовольствие: неисполненные обещания и дурное ведение дел заставляли ее желать общей перемены лиц. Буланже очень искусно воспользовался таким настроением нации, в которой, притом же, была очень популярна идея реванша. Иметь хорошую армию сделалось главной мечтой чуть не большинства французов, преобладающей чертой которых и стало, пользуясь выражением самого Буланже, «обожание султана». Около имени генерала начали возникать легенды. Когда между Францией и Германией в 1887 г. возникли некоторые осложнения¹, поклонники Буланже распускали слух, что война, которой теперь же желала Германия, не началась только благодаря деятельности замечательного военного министра, сумевшего в короткое время поставить армию в полную боевую готовность. В так называемую «историческую ночь», предшествовавшую отставке Гриви, когда составлялся план нового министерства с участием Буланже, даже заходил разговор о необходимости произвести восстание, лишь бы вернуть генерала к власти, но у большинства лиц, совещавшихся с ним насчет того, что предпринять, эта идея не нашла сочувствия. Тогда буланжисты придумали другой способ возвращения к власти своего любимца. Именно образовался особый комитет, поставивший своей задачей поддерживать кандидатуру Буланже на дополнительных выборах в четырех департаментах². Узнав, что для переговоров со своими сторонниками генерал опять тайно призжал в Париж, министерство сместило его с занимавшейся им должности, но его

---

¹ Речь идет об инциденте со Шнебелем, который был улажен благодаря Гриви, не хотевшему, чтобы началась война. Большинство министров было тоже против войны, которую, наоборот, Буланже очень хотел бы начать по поводу этого инцидента.

² Не забудем, что в это время действовал *scrutin de liste* (ср. выше).

сторонники тотчас же образовали «Комитет национального протеста», который принял программу честолюбивого генерала, сводившуюся, в сущности, к трем пунктам. Первым требованием был роспуск палаты, вторым — пересмотр конституции, третьим — созыв для этой цели учредительного собрания¹. Самому Буланже впереди рисовалось нечто вроде конституции 1848 г. с президентом, избираемым всеобщей подачей голосов и совершенно независимым от народного представительства: парламентарной республике во Франции должен был прийти конец. В буланжистском комитете участвовало несколько радикальных депутатов, видевших, впрочем, в генерале лишь орудие, при помощи которого можно было бы добиться осуществления их собственных целей, но партия, в целом, была против Буланже и требовала только пересмотра конституции. Вообще у нового претендента на власть оказалось множество самых разнообразных союзников. В их числе был старый противник Второй империи, Рошфор², сделавшийся после 1871 г. ярким шовинистом, только и думавший о реванше. К Буланже примкнула, далее, столь же шовинистическая «Лига патриотов»³, руководимая Деруледом⁴. В буланжистской агитации приняли участие и несколько бланкистов и даже социалистов. С другой стороны, через доверенных лиц Буланже находился в сношениях с главарями бонапартистов и орлеанистов. В 1887 г. у него даже было тайное свидание с принцем Наполеоном на швейцарской территории. Сначала монархические газеты агитировали против Буланже, но затем от самого графа Парижского орлеанистская печать получила приказ поддерживать генерала, а в 1889 г. граф и генерал лично встретились в Лондоне. И сам претендент на престол тоже издал манифест о необходимости пересмотра конституции в том расчете, что это поведет к монархической реставрации. Нако-

¹ «Dissolution, revision, constituante».

² За косвенное участие в коммуне Рошфор поплатился ссылкой в Новую Каледонию, откуда, однако, ему удалось бежать, после чего он поселился в Женеве. Здесь он прожил до амнистии 1880 г., занимаясь постоянными обличениями (очень едкими) умеренных республиканцев. Возвратившись на родину, он стал издавать радикальную газету «L'Intransigeant» («Непримиримый» (фр.). — *Прим. ред.*), был выбран в депутаты (1885 г.), а потом примкнул к Буланже, с которым даже бежал впоследствии в Бельгию и Англию. Сделавшись националистом, Рошфор принимал затем участие во всех их крупных выступлениях вплоть до антисемитизма. Свою исполненную приключений жизнь он сам рассказал в «Les aventures de ma vie» (1897 и след.). О Рошфоре есть книги и статьи Olivier Pain'a (1879), Edm. Bazire'a (1883), Jules Lemaître'a (в его «Les contemporains, études et portraits littéraires»), Н. Е. Кудрина (в «Очерках современной Франции»).

³ Основана была эта лига в 1882 г. для пропаганды военного и патриотического воспитания. Первым ее председателем был известный историк Анри Мартен.

⁴ Поль Дерулед сделался впервые известным благодаря своим «Песням солдата» (1872). В 1885 г. он совершенно овладел «Лигой патриотов», дав ей крайне шовинистическое направление. Между прочим, в 1887 г. он был ее представителем на похоронах М. Н. Каткова и сильно агитировал за союз с Россией с целью реванша. Впоследствии правительство закрыло «Лигу патриотов», а сам Дерулед был даже изгнан за участие в заговоре ради военного переворота.

нец, Буланже привлек на свою сторону и клерикалов, пообещав им ничего не предпринимать против церкви. Таким образом, в буланжистском движении участвовали и республиканцы, и бонапартисты, и орлеанисты, участвовали люди и крайних левых¹, и крайних правых воззрений и стремлений, причем, нужно прибавить, буланжисты-республиканцы называли себя национальной или ревизионистской партией². Денег в распоряжении Буланже было очень много, особенно благодаря щедрым взносам, делавшимся одной богатой дамой из аристократии (герцогиней д'Юзес³): их

¹ К числу буланжистов из радикалов принадлежал известный Альфред Наке (одно время профессор химии в парижской Медицинской школе). Как человек радикального образа мыслей, он выдвинулся еще во время второй империи, когда ему даже пришлось бежать из Франции, чтобы избавиться от тюрьмы, грозившей ему за сочинение под заглавием «Религия, собственность, семья». Он возвратился на родину только после падения империи и, будучи выбран в национальное собрание, примкнул к крайней левой. К этому времени относится его «La république radical» (1873). Особенно Наке прославился своей кампанией в защиту закона о разводе, о котором писал («Le divorce», 1881), читал публичные лекции, произносил речи и т. п., пока не добился принятия составленного им законопроекта о разводе палатой депутатов (1884 г.). Участие его в буланжистском движении было настолько значительно, что потом он был приговорен за него к уплате денежного штрафа. Другим видным буланжистом из радикалов был Жорж Лагерр, адвокат, прославившийся защитой социалистов и анархистов, сотрудник «La Justice» Клемансо, член крайней левой в палате. После падения буланжизма Лагерр совершенно изменил свое к нему отношение и даже содействовал разоблачению этого движения, оставшись, однако, рьяным националистом. В числе буланжистов мы встречаем также известную часть бланкистов (например, Эрнеста Роша) и провинциальных социалистов (например, Журда).

² Вот характеристика буланжистов из республиканцев, сделанная бывшим буланжистом: «...eux, qui en toute bonne foi se croient républicains, ne sont que des légitimistes d'une espèce particulière. Leur chef légitime, leur comte de Chambord, c'est le général Boulanger. Ils ne comprennent pas la politique sans lui. Il n'y a pas de revision ni de socialisme dehors de lui... Quand les Couliesses du Boulangisme ont révélé l'intrigue orléaniste dans laquelle s'est perdu le général Boulanger, l'esprit légitimiste des membres de l'ancien Comité s'est réveillé. On touchait au fétiche!.. «Ne touchez pas à la Reine». «Ne touchez pas à Boulanger». Que Boulanger a failli livrer la république à ses ennemis en n'organisant pas son parti, en laissant le champ libre à la Droite, ils ne veulent pas le savoir, ces républicains!.. Tous sont seulement des fanatiques aveuglés. Ils ont incarné l'idée dans un homme et aujourd'hui, comme des simples qu'ils sont, il restent avec l'homme après qu'il a trahi l'idée. Ils ne s'en aperçoivent pas. L'idole est devant eux toujours la même d'apparence. Ils ne se soucient pas qu'elle soit creuse. Les Couliesses du Boulangisme, c. IX—XL.

³ Герцогиня д'Юзес (d'Uzès), из очень аристократической фамилии, отдавшая в общей сложности на буланжизм 3 млн франков, очень своеобразная фигура в этом движении. Убежденная монархистка, она не требовала от Буланже восстановления трона. Не любила республику из-за чисто католических мотивов, она ожидала от Буланже только одного, именно чтобы он помог французской нации создать правительство, которое было бы справедливо ко всем. В этом отношении она ничем не отличалась от кухарок, присылавших Буланже свои маленькие сбережения. Верующая католичка, она с увлечением занималась делами благотворения и как-то у постели одной бедной больной встретила с «петролейщицей» Луизой Мишель. Последняя, извещая герцогиню о смерти их бедной приятельницы («notre pauvre amie est morte»), послала ей на память о ней какую-то безделушку. Герцогиня отправилась лично благодарить знаменитую революционерку. Между ними установилась трогательная дружба, благодаря которой кое-что от герцогини перепало через Луизу Мишель в пользу ее «старых товарищей по коммуне». Накануне выборов Буланже Луиза Мишель писала герцо-

хватало и на агитацию, и на широкий *train de vie*¹ самого генерала. Популярность Буланже в парижской толпе была так велика, что каждое его появление было встречаемо приветственными криками².

Весной 1888 г. Буланже был выбран депутатом в Северном департаменте. В палату он внес предложение о пересмотре конституции, а кроме того, заставил о себе много говорить по поводу оскорбления, нанесенного министру-президенту Флоке: это вызвало между ними дуэль, в которой Буланже получил рану. Все это время он готовился к выборам 1889 г., ставя, вместе с тем, свою кандидатуру на дополнительных выборах в разных департаментах. Обстоятельства как нельзя более благоприятствовали этой агитации. В 1888 г. произошел панамский крах, — о чем речь еще впереди, — разоривший немало семейств из мелкой буржуазии, а в начале 1889 г. произошло крушение одного из крупных банковых учреждений Франции (*comptoir d'escompte*), занимавшегося рискованными спекуляциями. Везде царило неудовольствие. Большие средства, какими располагал Буланже, дали ему возможность донельзя развить предвыборную агитацию в пользу своей кандидатуры. Пускалась в ход самая беззастенчивая реклама с даровой раздачей в громадном количестве экземпляров портретов и биграфий Буланже, разных песенок и стихотворений, сложенных в его честь³, и т. п., а кроме того, искусственно устраивались и разные «народные» манифестации в пользу его кандидатуры. Во многих местах эта пропаганда нового спасителя Франции имела успех: его выбрали в нескольких департаментах, а в конце января 1889 г. он был выбран и в самом Париже 240 тыс. голосов, поданных за него консерваторами и многими радикалами, против 160 тыс., которые получил общий кандидат всех рес-

---

гине: «Я не люблю вашего Буланже, но ради вас я не стану на него нападать. Совсем напротив. Голоса друзей будут за него». О герцогине д'Юзес см. «*Les Coulisses du Boulangerisme*», с. 115 и след. Ср. с. 126 и след. о свидании герцогини с гр. Парижским. При ее же посредстве состоялось свидание с ним и самого Буланже в Лондоне, о чем там же, с. 264 и след. Деньги на буланжистскую агитацию шли и от гр. Парижского, который стоял за «параллельное действие» с партией Буланже и тоже говорил, что монархия должна быть восстановлена «воззванием к народу», т. е., в сущности, становился на бонапартистскую точку зрения.

¹ Стиль жизни (*фр.*). — *Пер. ред.*

² Любопытные данные об отношении народа к Буланже в книге Mermeix (особенно с. 317 и след.): «*S'il y eut intrigue en haut, — говорит автор, — il n'y eut que confiance et enthousiasme en bas, dans le peuple. Il fut admirable, ce peuple. Il s'était engagé derrière le général Boulanger par patriotisme. Il le suivit aveuglément quand il entra dans la politique. Depuis longtemps un chef de parti n'avait pas été autant aimé de ses partisans que le fut le général. Il avait fanatisé et on avait fanatisé pour lui l'élite militante de la population*».

³ О песенках в честь Буланже, о фотографиях и хромофотографиях генерала, о так называемых «*camelots*» (разносчиках газет), которые его пропагандировали в народе, и т. п. см. на с. 275 и след. «*Coulisses du Boulangerisme*». Знаменитый марш «*En revenant de la revue*» доставил издателям 50 тыс. франков. Многие песенки составлялись по заказу буланжиста гр. Дильона (Dillon), приказывавшего их печатать в громадном количестве экземпляров. Mermeix приводит целый ряд образцов этой литературы в отрывках (с. 285 и след.) и даже целую «народную поэму» в четыре десятка строф (по 12 стихов в каждой).

публиканских групп. В населении столицы известие о таком результате было встречено шумным восторгом, и если бы только Буланже захотел, ему ничего, пожалуй, не стоило бы сделать попытку государственного переворота в свою пользу. В толпах народа, собиравшихся на улицах, раздавались крики, требовавшие похода на Елисейский дворец, местопребывание президента республики, и то же самое советовали сделать генералу и некоторые его политические друзья. Казалось, что и успех был обеспечен ввиду того, что полиция в лице городских и республиканская гвардия тоже выражали свое сочувствие народному любимцу. Сам Буланже, однако, не решился на такой отважный шаг, тем более что и главные его пособники не одобряли такого рискованного предприятия, ожидая торжества своего дела от общих выборов, которые должны были состояться осенью того же года.

После всего этого республиканцы не могли не понять, какой, в сущности, опасностью буланжизм грозил республике. Министерство Тирара, вступившее в управление в марте 1889 г., предложило палате депутатов восстановить выборы по округам и даже издать специальный закон, которым запрещалось бы ставить кандидатуру одного и того же лица в разных местах. Оба эти предложения были приняты палатой. Затем против Буланже и его приверженцев был начат процесс по обвинению в заговоре, грозившем безопасности государства, и в свращении солдат, судить же его должен был сенат, превращенный в верховный трибунал. Политические друзья Буланже советовали ему апеллировать к народу, но он предпочел спастись бегством в Брюссель, откуда бельгийское правительство заставило его, однако, уехать, вследствие чего он отправился в Лондон. Малодушное бегство Буланже из Франции сильно пошатнуло его популярность, а разоблачения во время процесса разных закулисных сторон буланжизма еще более дискредитировали его в глазах многих прежних его приверженцев, не подозревавших, например, что за спиной генерала стояли противники республики или что Буланже присвоил около 250 тыс. франков казенных денег. Верховный суд 195 голосами против 5 заочно приговорил Буланже к заключению в крепость (14 сентября 1889 г.). Вслед за приговором над главой движения не только суда, но и общественного мнения буланжистская партия распалась, а в мае 1890 г. и сам «Комитет национального протеста» прекратил свое существование. В том же 1890 г. буланжизм был окончательно добит разоблачениями депутата Мермекса¹, принимавшего участие в движении и много потому знавшего о закулисных его сто-

---

¹ Его статьи с подписью Х... печатались в «Фигаро», а потом он их издал под заглавием «Х... du Figaro. Les Coullisses du Boulangisme revues et augmentées de plusieurs chapitres inédits avec une preface de Mermeix, député de Paris» (1890). О себе он говорит: «je n'avais rien été dans le boulangisme qu'un tirailleur d'avant-garde qui a payé de sa personne» (процесс, тюрьма), с. XI. В конце отдельного издания автор особенно подчеркивает, что его разоблачения не вызвали ни одного опровержения, кроме немногих мелких поправок. Книга эта — интересный источник для изучения буланжистского движения.

ронах. Сам герой всей этой эпопеи, прожив некоторое время на острове Джерси, снова уехал в Брюссель, где в 1891 г. и окончил жизнь самоубийством на могиле своей возлюбленной, г-жи Боннемэн. Провалу буланжизма немало содействовал и успех всемирной выставки, устроенной в Париже в 1889 г., в столетний юбилей Великой революции.

В борьбе с буланжизмом правительство на выборах в сентябре 1889 г. даже пустило в ход официальные кандидатуры против консерваторов и ревизионистов, во многих случаях действовавших заодно. Выборы дали такие цифры: 366 республиканцев, 172 консерватора и только 38 ревизионистов, так что партия «национальной республики» оказалась совершенно провалившейся. Падение буланжизма было также поражением и для радикальной партии, участвовавшей в агитации за пересмотр конституции. После этого долгое время во главе правления стояли умеренные республиканцы, и если все-таки происходили довольно частые смены министерств, то больше по поводу частных и в политическом отношении второстепенных вопросов. В начале девяностых годов умеренные республиканцы получили даже своеобразное подкрепление с правой стороны. Именно от консерваторов отделилась чисто католическая часть депутатов, чтобы официально примкнуть к республике, хотя и с задней мыслью — влиять на общую политику в клерикальном духе. Эти «присоединившиеся» (*rallies*), как их прозвали, «признали конституцию, чтобы изменить законодательство», и папа Лев XIII дал им свое благословение, приказав февральской энцикликой 1892 г. всему клиру и всем верным католикам Франции признать республику¹. С группой «присоединившихся» стали находить нужным считаться сами умеренные республиканцы, особенно после того, как в стране возобновилось социалистическое движение. В 1894 г. умеренные даже прямо заговорили о необходимости «политики умиротворения» и о «новом духе», которым должны быть проникнуты отношения правительства к католической церкви. Через два года эта часть республиканцев уже открыто соединилась с правой для образования новой консервативной партии, которая стала опираться на буржуазию, духовенство и высшую бюрократию против радикалов и вошедших в палату в 1893 г. социа-

---

¹ В деле примирения французского духовенства с республиканской формой правления видам Льва XIII немало помогал французский кардинал Лавигери, занимавший архиепископскую кафедру в Алжире, а после занятия французами Туниса и там работавший над устройством католической церкви. За свое примирительное направление Лавигери сделался предметом ненависти французских монархистов. Большая заслуга Лавигери перед цивилизацией заключается в его борьбе с рабством в Африке. Им в 1890 г. были изданы «Documents sur la fondation de l'oeuvre anti-esclavagiste». О нем имеются отдельные работы: *Picot. Le cardinal Lavigerie et ses oeuvres* (1889); *Clarke. Cardinal Lavigerie and the African slave trade* (1890); *Klein A. Le cardinal Lavigerie et ses oeuvres d'Afrique* (1890). После его смерти (1892 г.) биографии его издали немец Blerch (1893) и француз De Préville (1894). Некоторые подробности об этом шаге папы Льва XIII сообщаются ниже, в XX гл.

листов, искавших поддержки среди рабочих, крестьян и мелких служащих. Консервативно-республиканское министерство Мелина (1896), собственно говоря, и держалось сочувствием правой, за что подвергалось постоянным нападкам со стороны левой, имея, впрочем, на своей стороне постоянное большинство от 50 до 80 человек.

Вступление социалистов в палату депутатов во Франции представляет собой важный момент в истории третьей республики в конце XIX в. Мы неоднократно уже упоминали, что французский социализм был совершенно разбит в Париже, своем средоточии, и во всей стране после разгрома коммуны, и что в течение всех семидесятих годов он влачил самое жалкое существование. Оживление социализма началось лишь в восьмидесятих годах, когда амнистия 1880 г. возвратила французскому пролетариату его вождей, живших в ссылке после разгрома коммуны. С другой стороны, пропаганду социалистических идей облегчили законы о свободе печати, о свободе собраний и особенно о свободе синдикатов¹. После коммуны администрация относилась очень подозрительно к союзам рабочих и всячески их преследовала. Когда в 1872 г. парижские рабочие стали указывать властям на совершенно другое отношение их к союзам предпринимателей, им был дан такой ответ, что предпринимательские союзы не создают никаких хлопот для администрации, тогда как от рабочих синдикатов ей просто нет житья. Разрешение законом 1884 г. рабочих синдикатов, имевшее для Франции до известной степени такое же значение, какое в Англии получило законодательство первой половины семидесятих годов, дало возможность французским рабочим организоваться на вполне легальной почве.

Французские социалисты, как известно, не объединились под одним каким-либо знаменем, что резко отличает их от германской социал-демократии. Уже и раньше во французском социализме были разные течения, а к этому еще стали прибавляться новые. Правда, из старых направлений не все пережили десятилетие, протекшее со времени разгрома коммуны, и например, прудонизм утратил все свое прежнее значение, но бланкизм продолжал еще держаться и даже организовался в партию социалистов-революционеров (*le parti socialiste révolutionnaire*), которая по-прежнему стремилась к установлению нового строя жизни путем захвата власти пролетариатом. Рядом с ней образовалась другая партия, состоявшая почти исключительно из рабочих, но принимавшая уже программу и организацию германской социал-демократии и называвшая себя французской социали-

---

¹ Кооперативное движение во Франции долгое время не обращало на себя достаточно-го внимания историков. «Присматриваясь, — говорит новейший его историк Поль Луи (История синдикального движения во Франции, 1907), — к той крупной роли, которую играют рабочие союзы в современной Франции, невольно удивляешься, что они были оставлены такое долгое время в какой-то полутени... Французская публика интересовалась английским тред-юнионизмом гораздо больше, чем своим собственным рабочим движением», с. 3. В настоящее время положение дела стало изменяться. Ср. литературу, указанную в гл. XXIII.

стической рабочей партией (*le parti ouvrier socialiste français*). Впервые марксистские тенденции заметно стали проявляться среди французских рабочих на втором рабочем конгрессе, бывшем в Лионе в 1878 г.,¹ но тогда представители этого направления, — впоследствии усвоившие название коллективистов, — были в таком незначительном меньшинстве, что не могли оказать никакого влияния на решения конгресса. В том же самом году они начали пропагандировать свои идеи в специально основанном для этого органе («*L'Égalité*»), но попытка их устроить в Париже, пользуясь тогдашней всемирной выставкой, международный рабочий конгресс окончилась неудачей вследствие ареста инициаторов, судившихся потом исправительной полицией и подвергшихся тюремному заключению. В числе устроителей неудавшегося конгресса был приговорен к шестимесячному заключению и глава французских марксистов Жюль Гэд², фракция которого впоследствии и стала называться гэдистами. В следующем же году на коллективистическом конгрессе в Марселе была выработана программа новой партии, вышедшая в свет с комментариями Гэда и Лафарга³. В этой программе политические требования были не чем иным, как повторением, с кое-какими прибавлениями, старой республиканской программы, известной под названием «бельвильской». Что касается социальной части программы, то она была целиком проникнута марксистскими идеями. Французские коллективисты стали на точку зрения борьбы классов, в каковой борьбе видели не только основу всего исторического процесса в прошлом, но и наиболее удобный метод борьбы в настоящем. Поэтому они обращались преимущественно к неимущей части нации, так как только она, руководимая своими материальными интересами, может усвоить коллективистическую теорию. По этой причине они, далее, резко противопоставили себя всем буржуазным партиям, разумея под последними вообще партии, не стоящие на точке зрения коллективизма, в том числе и радикалов, и большинство членов коммуны, которым даже прямо

¹ О первом конгрессе см. выше.

² Настоящая фамилия Жюля Гэда (*Guesde*) — Базиль, а Гэд — это девичья фамилия его матери, которой он стал пользоваться, как литературным псевдонимом. Окончив в 16 лет курс средней школы, он занял одну из мелких должностей при городском управлении, а через четыре года стал писать в газетах. В конце второй империи он попал в тюрьму, с которой должен был бы снова познакомиться (и на целых пять лет) за статьи в защиту коммуны, если бы не бежал в Швейцарию, где примкнул к Интернационалу, проявив при этом большее сочувствие анархистской Юрской федерации. Когда срок тюремного заключения истек, Гэд возвратился во Францию и сделался в скором времени марксистом, придав взглядам Маркса особенно резкую формулировку. В палату он впервые попал лишь в 1893 г. О нем интересная статья в «Галерее современных французских знаменитостей» Н. Е. Кудрина. В русском переводе из сочинений Гэда имеются «Речи, произнесенные в палате депутатов» (1908).

³ О *Le programme du parti ouvrier, commenté par Jules Guesde et Paul Lafargue*. Второй из авторов этого комментария был женат на дочери Маркса. Он является одним из главных представителей теории экономического материализма во Франции.

отказывали в праве называться социалистами. Все свои надежды партия возлагала на естественный процесс концентрации капиталов и производства, так как этот процесс отучает от преклонения перед частной собственностью мелкую и среднюю буржуазию, а в рабочих, объединяемых крупным производством, развивает социальную солидарность. Среди чисто практических требований на первый план коллективисты выдвигали восьмичасовой рабочий день.

В 1880 г. был новый социалистический съезд в Гавре, а на третьем, в Сент-Этьене в 1882 г., в рабочей партии уже произошел раскол. Одна часть партии, сохранившая за собою прежнее название, осталась под руководством Гэда (гэдисты), т. е. удержала марксистскую программу, а вместе с ней и устройство с центральным комитетом из пяти членов. От них отделились сторонники Брусса, находившие, что нетактично пугать большинство населения страны крайними требованиями в коллективистическом смысле, что более верный путь в известной постепенности, т. е. в последовательном осуществлении того, что в данный момент возможно (*possible*), вследствие чего этой фракции было дано название *поссибилистов*, что можно было бы перевести по-русски неологизмом «возможники», если бы тому же понятию не соответствовал существующий уже термин «постепеновцы». Если гэдисты решительно отвергали сотрудничество с буржуазными партиями, то бруссисты находили возможным соединиться с радикалами. Впоследствии (1890 г.) сама эта *поссибилистская*, как она стала называться, «Федерация социалистических работников» тоже раскололась: от бруссистов отделилось меньшинство, руководимое Аллеманом (аллеманисты) и отвергшее как федеральное устройство, принятое бруссистами, так и сотрудничество с другими партиями. Главным орудием борьбы они признали всеобщую стачку, а на участие в выборах смотрели лишь как на агитационное средство.

Таким образом, к началу последнего десятилетия XIX в. во Франции существовали четыре социалистические партии: бланкисты (во главе которых стоял Вальян), гэдисты, бруссисты и аллеманисты. Постоянными органами последних трех партий были «*Le Socialiste*», «*Le Prolétaire*» и «*Le Parti Ouvrier*»¹. Более широкая организация по всей Франции была у коллективистов, как называли себя гэдисты, но хуже всего были организованы аллеманисты, ограничивавшиеся только Парижем. Враждующая между собой, эти четыре партии разбивали социалистические голоса и на муниципальных, и на парламентских выборах, и их успехи ограничивались почти исключительно муниципальными выборами в Париже. Что касается парламентских выборов, то в 1887 г. во всей Франции социалистам не удалось собрать и полсотни тысяч голосов. Во время буланжистского движения

---

¹ Газеты «Социалист», «Пролетарская», «Рабочая партия» (фр.). — *Прим. ред.*

социалистические партии держались различно: POSSИБИЛИСТЫ были на стороне правительства, из бланкистов многие на стороне Буланже, гэдисты выжидали, чья возьмет¹.

Когда в 1889 г. в Париже по случаю столетнего юбилея революции была устроена всемирная выставка, коллективисты и бланкисты создали международный социалистический конгресс, бывший, в сущности, первым после распада Интернационала. На нем были делегаты всех главных культурных наций, и он же установил празднование рабочими 1 мая в ознаменование международной солидарности пролетариата и ради манифестаций в пользу восьмичасового рабочего дня. В следующем же году этот день благополучно был отпразднован во Франции, но в 1891 г. в г. Фурми (в Северном департаменте) произошло столкновение между манифестантами и военной силой, окончившееся смертью десяти человек, большей частью из молодежи от 11—13 до 21—22 лет². Эта печальная история вызвала негодование во всей Франции и была предметом запроса в палате, на который бывший тогда министром внутренних дел Констанс³ отвечал защитой властей, вместе с тем, возбудил судебное преследование против двух социалистов, произносивших в Фурми незадолго перед тем зажигательные речи. Одним из обвиняемых был Лафарг, доказывавший на суде, что рабочая партия действует не насилием, а убеждением; тем не менее присяжные нашли его виновным, и он был приговорен к годичному заключению в тюрьме (его товарищ по скамье подсудимых, некто Кюлин — к пяти годам и к лишению политических прав). Впрочем, осенью того же года Лафарг был избран рабочими Лилля в палату на одно сделавшееся в ней вакантным место, и это его освободило из тюрьмы.

1892 г. был довольно важным в истории французского социализма. Во-первых, в этом году состоялся в Марселе социалистический конгресс (с участием на нем Либкнехта), выработавший агитационную программу для сельских рабочих и мелких собственников. Во-вторых, летом этого же года была крупная стачка рудокопов в Кармó из-за увольнения администрацией компании одного рабочего, стоявшего во главе синдиката, в чем рабочие увидели нарушение закона 1884 г. о свободе синдикатов. Дело приняло очень серьезный оборот, но благополучно окончилось после раз-

¹ «Французские марксисты, вроде Гэда и Лафарга, приписывали одно время очень большое значение буланжизму и, по крайней мере, шесть месяцев не знали, что им делать: выступить ли против бравого генерала, или же пользоваться им, наподобие других партий, для достижения своих целей. И надо было сделать решительный шаг POSSИБИЛИСТАМ и бланкистам оттенка Эдуарда Валльяна, чтобы и гэдисты пошли против Буланже». *Кудрин Н.Е.* Очерки современной Франции. С. 63 (по изд. 1904 г.).

² Только двое убитых были старше (один 30, другой 50 лет).

³ Constans; кажется так (Констанс) нужно произносить эту фамилию, а не Констан, как это у нас принято. Он прославился крайним деспотизмом. Впоследствии (1898) его назначили послом в Турцию.

бора его третейским судом главой тогдашнего министерства Лубе, удовлетворившим некоторые требования рудокопов. В-третьих, когда депутат от Кармо вышел в отставку, на его место был выбран Жорес¹, сделавшийся видным вождем социалистов. Немаловажным обстоятельством было и то, что около этого времени социалистические группы стали приходить к сознанию необходимости прекратить свои распри и направить все свои усилия на предвыборную агитацию ввиду приближавшихся общих выборов, тем более что среди левых участников буланжистского движения стало обнаруживаться тяготение к социализму. Усиление социалистической пропаганды заставило самих радикалов искать сближения с оппортунистами в расчете на так называемую республиканскую концентрацию, которая должна была объединить не-социалистические партии. Под влиянием той же социалистической опасности и часть правой выказала готовность идти на примирение с республикой. Выборы 1893 г. дали социалистам в палате целых тридцать мест. Были избраны из видных деятелей Вальян, Гэд, Жорес, Мильеран и др. (Лафарг не прошел), а кроме того, в палату попали и настоящие рабочие². Такой результат получился благодаря тому, что социалистические группы заключили между собой «Революционную лигу для достижения (pour l'avenement) социальной республики». Впервые теперь образовалась парламентарная социалистическая партия, которая стала притом играть роль, благодаря еще тому обстоятельству, что к ней примкнуло около двадцати бывших ревизионистов. Вообще в 1893 г. произошло значительное полевание всей палаты.

---

¹ Жан-Леон Жорес (Jaurès) первоначально занимался философией (его французская докторская диссертация «*De la réalité du monde sensible*») и преподавал этот предмет в Тулузском университете. Он сам впоследствии жаловался на свое «слишком книжное и одинокое воспитание» (в Высшей нормальной школе), противоположное тому, какое получают политические люди Англии, и, в частности, указывал на то, что, будучи знаком по книгам с социализмом «от Фихте до Маркса», не знал, что во Франции в это время существовали и вели между собой борьбу зараженные «сектаторским пылом» социалистические группы. (Свои знания в области истории социализма он проявил во второй, латинской диссертации «*De primis socialismi germanici lineamentis*», 1891). В палату депутатов он был выбран в 1885 г., двадцати шести лет от роду. Его политическая эволюция — предмет спорный: по крайней мере, сам он утверждает, что всегда был социалистом, но наблюдатели со стороны находят, что он сделался социалистом не сразу (см. в статье о нем в «Галерее современных французских знаменитостей» Н. Е. Кудрина), и, кажется, второе мнение более верно. Во всяком случае, формальный переход его в социалистический лагерь совершился только в 1892—1893 гг., когда он вторично был выбран в палату. Впоследствии началась эволюция Жореса вправо, принявшая, по выражению Н. Е. Кудрина (с. 317, по 2-му изд.) «характер решительного оппортунизма», что дает названному автору повод провести параллель «эволюции Жореса внутри социализма» с «эволюцией Гамбетты внутри радикализма», с. 317—323. Впрочем, в 1905 г. Жорес опять «взял влево». В первые годы XX в. Жорес предпринял большую «*Histoire Socialiste*», первые томы которой, посвященные Французской революции (четыре тома в 1901—1904 гг.), написаны самим Жоресом, остальные, большей частью, другими лицами (первый том переведен по-русски).

² Радикалы прошли в количестве 170 человек, но Клемансо не был переизбран.

В то самое время, как происходило это усиление социализма во Франции, в ней равным образом заставил говорить о себе и воинствующий анархизм¹. Особенность анархистских выступлений заключалась в том, что все это были индивидуальные акты, проявления личной инициативы, стоявшие вне всякой связи с какими бы то ни было организациями. Если и случалось, что сразу в разных странах совершалось несколько однородных политических покушений, как это было в год двух покушений на жизнь Вильгельма I и покушений еще на жизнь испанского и итальянского королей, не считая того, что происходило тогда и в России, то это не значит, чтобы существовала какая-либо общая организация, направлявшая анархистские выступления. Конечно, действовало некоторое общее настроение, овладевавшее частью радикальных элементов, да и пример, подаваемый одними, заражал других. Нельзя, разумеется, отрицать и влияния пропаганды, «эластичность которой позволяет ей быть незаметной и скрытной»². Анархисты в семидесятых и в восьмидесятых годах продолжали время от времени съезжаться³, все более и более отграничивая себя от всяких других партий, как бы они там ни назывались, что заставляло и социалистов всячески сторониться анархистов и постоянно исключать их из своих собраний и съездов. Общая организация анархистов просто была даже немыслима при резко индивидуалистическом характере движения: совершенно разрозненные группы постоянно возникали и исчезали в зависимости от массы частных и случайных причин. Время от времени движение в какой-либо стране усиливалось, и начиналась так называемая «пропаганда действием» (*la propagande par le fait*). Таким периодом анархистских покушений было во Франции начало девяностых годов. Ранее других на этом поприще прославился Равашоль, совершивший в 1892 г. целый ряд динамитных покушений. За Равашолем было довольно богатое уголовное прошлое, когда он начал свои анархистские подвиги с бомбами. На суде он заявил, что он «действовал во имя анархии, будущей великой

¹ О доктрине анархизма в конце XIX в. см. ниже, в гл. XXIII. Главными французскими теоретиками анархизма в эту эпоху были Элизе Реклю, Жан Граве, Себастиан Фор, Д. Сорель, А. Гамон. Причины особого развития анархизма во Франции, где последователи этого учения насчитываются десятками тысяч (*Кульчицкий Л.* Современный анархизм, с. 191) только что названный автор видит в «недавних исторических воспоминаниях и в наличии очень сильного интеллигентного пролетариата со специальным характером», с. 223. «Интеллигентный пролетарий Парижа, — говорит Л. Кульчицкий, — пролетарий, достигший вершины цивилизации, видящий роскошь и возможность интенсивной и разносторонней жизни, должен особенно сильно чувствовать свое положение и с отчаянием смотреть на проходящую молодость и виднеющийся вдали гроб... Бунтующая душа французского пролетария не имеет скрытой узды в виде религии и шаблонно-моральных преград». О перепроизводстве либеральных профессий во Франции см.: *Leblond M.* Les prolétaires intellectuels en France (на эту тему есть и другие работы).

² Слова Цокколи в его книге «Анархизм», с. 290.

³ Вне Франции. См. у Цокколи, с. 340.

семьи человечества, которая всех насытит», и что целью его было «терроризировать буржуазию», дабы она обратила, наконец, внимание на анархистов и поняла, что они — «истинные защитники угнетенных». Суд с присяжными приговорил его к пожизненной каторге, а потом его судили по прежним преступлениям (убийства) и приговорили к смертной казни. Не один Равашоль, имя которого сделалось очень популярным, мотивировал свои покушения службой идее анархии. В 1893 г. некто Леон Леотье покушался на жизнь сербского посланника в Париже, заявив потом, что, «убивая первого попавшегося буржуа, не убиваешь невинного». В 1894 г. двадцатилетний юноша Эмиль Анри бросал бомбы в полицейский участок и в кафе, результатом чего была смерть нескольких человек¹. На суде он поведал, как пришел к мысли бросать бомбы. Ему говорили, что жизнь широко открыта для умных и энергичных людей, но опыт скоро указал ему, что успевают в жизни одни циники и рабы. Анри стал тогда врагом общества, которое стал считать преступным, — и сблизился с анархистами, увлекшими его своей искренностью и свободой. «Равашоль показал пример того, что нужно делать с буржуазией: ей нужно показать, что царству ее наступает конец, а рабочим дать понять, кто их истинные защитники. Анархисты не заседают, как социалисты в парламенте, а идут на гильотину. Пусть не говорят о невинных жертвах: бомба была брошена туда, где были одни буржуа, почему и не могло быть невинных жертв. Все буржуа живут эксплуатацией несчастных, вследствие чего все и должны расплачиваться». Кроме того, он, Анри, мстил за других анархистов, преданных казни. В числе казненных он назвал анархиста Вальяна. Этот Вальян (Vaillant) в декабре 1893 г. бросил бомбу в залу заседаний палаты во время прений. Убитых не было, ранен был один, но покушение произвело сильное впечатление². И Анри, и Вальян были безработные³, озлобленные долгим голоданием. Таким же голодным и озлобленным безработным был и убийца президента республики Карно, итальянец Казерио, умертвивший его в июне 1894 г. во время его пребывания в Лионе. Он тоже рассказывал на суде, как он сделался анархистом. «Только среди анархистов», говорил он, между прочим, он «нашел добрых и искренних людей, которые борются за счастье рабочих». Правительство пускает против них в ход ружья, кандалы, тюрьмы: неужели же анархисты должны только прятаться по домам и изменять своей идее? Нет, они отвечают правительству дина-

¹ В числе раненых был писатель Лоран Тальяд, который раньше по поводу одного такого же покушения произнес знаменитую фразу: «Дело не в поступке; достаточно, что жест был красив».

² Незадолго сделавшийся президентом совета министров Дюпюи проявил замечательное хладнокровие, крикнув среди дыма, наполнившего залу: «Господа, заседание продолжается!».

³ О роли безработицы в истории анархистского движения ср. у Л. Кульчицкого (Современный анархизм, с. 216 и след.). Вообще о безработице во Франции в конце XIX в. см. «Письмо VII» в «Очерках современной Франции» Н. Е. Кудрина.

митом, бомбами, кинжалами и делают все, что только могут, для истребления буржуазии и правительств». Эмиль Анри бросил бомбу в кафе, он, Казерио, мстил при помощи кинжала. Пусть же буржуазное общество снимет его голову, если обществу это нужно¹. Анархистские выступления вызвали большое беспокойство в обществе и в палатах. Последние тотчас же после покушения Вальяна в палате приняли законы, направленные против анархистских сообществ и газет, а после убийства Карно министерство настояло на исключительном законе, ставившем вне общего права всех анархистов. Социалисты и радикалы сильно боролись против такой меры и требовали, по крайней мере, установления срока для ее действия.

Одновременно с только что рассмотренным усилением во Франции социализма и анархизма, в начале девяностых годов разразился так называемый панамский скандал, который, подобно буланжизму, тоже был одним из тяжелых кризисов, переживавшихся третьей республикой. В этом скандале оказались сильно скомпрометированными многие видные деятели республики, что дало повод, с одной стороны, непримиримым правым напасть на саму республику, а с другой стороны, крайним левым — на оппортунистскую политику.

Политические деятели из республиканской партии, стоявшей во главе правления, унаследовали экономическую политику прежних режимов, причем многие пользовались своим участием во власти ради собственного материального благополучия². При Второй империи оппозиция постоянно осуждала «политику дальних предприятий», но с начала восьмидесятых годов прошлого века и республиканская Франция с большой настойчивостью начала, как мы уже видели в другом месте, политику приобретения новых колоний и завоевания новых рынков, где могли бы найти выгодное помещение французские капиталы и широкий сбыт — французские товары. Первая экспедиция была предпринята в Тунис с целью подчинения его французскому протекторату, который был нужен владельцам тунисских процентных бумаг, сильно упавших в цене. Такая политика не была случайностью, и почти все французские министерства этой эпохи стояли

¹ Перепечатка заявления Казерио во Франции была запрещена в силу особого закона, изданного в 1894 г. К числу деятелей анархизма во Франции следует отнести еще Луизу Мишель. В 1883 г. она предводительствовала одной демонстрацией безработных на Эспланаде инвалидов (в Париже) и, зашедши в соседнюю булочную, взяла несколько хлебов, которые и разделила между демонстрантами. За это ее приговорили, как за грабеж, к тюремному заключению, но едва в 1886 г. она была выпущена на свободу, как снова попала в тюрьму за анархистскую пропаганду. Впоследствии (после покушения Вальяна) Луиза Мишель объясняла индивидуальные выступления того времени тем, что народные движения ни к чему, кроме напрасного пролития крови, не приводят, а потому пусть уж «отдельные лица, имеющие сердце, жертвуют собой, на свой страх совершая насильственные деяния, чтобы терроризировать и поражать правительство и буржуазию». В русском переводе имеется сочинение Луизы Мишель «Коммуна» (изд. Дороватовского и Чарушникова).

² *Chirac A. L'agiotage sous la troisième république.*

в тех или других отношениях к финансистам и биржевикам, которые им были нужны при заключении займов. Само народное представительство всегда заключало в себе множество людей, бывших членами правлений в банках, в железнодорожных компаниях, в разных акционерных обществах и т. п. или же принимавших участие в биржевой игре. Благодаря именно этому, железнодорожные компании сумели заключить выгодную для себя сделку с казной, как и во времена Людовика-Филиппа. Одним из главных деятелей такой политики интересов был, как известно, Жюль Ферри, оказавший Франции в деле организации народного образования несомненные услуги, но в других отношениях стяжавший репутацию дельца, слишком бесцеремонно проводившего в жизнь свой принцип: «в политике существуют только интересы». Жюль Ферри, конечно, далеко не был исключением, и если он пользовался особым нерасположением радикалов, — как мы знаем, страстно не желавших видеть его на посту президента республики, — то причина этого заключалась в том «деляческом» характере, каким нередко отличалась политика Ферри, например, заключившего с железнодорожными обществами очень выгодную для них, но не очень-то выгодную для государства и населения конвенцию¹. Панамский скандал, — или «панам», сделавшаяся нарицательным словом для обозначения всякого рода денежных злоупотреблений и расхищений, — показал, что и знаменитости радикальной партии сами в этом отношении не всегда были без греха.

К числу выгодных предприятий, особенно заинтересовавших французов возможностью крупных барышей, принадлежало в восьмидесятых годах XIX в. прорытие в Америке Панамского перешейка для соединения посредством канала Атлантического и Великого океанов. Успех Суэцкого канала, незадолго перед тем (1869 г.) сооруженного французами и на французские деньги, внушил главному руководителю этого дела Лессепсу мысль об устройстве такого же канала на Панамском перешейке. Идея не была совсем новой, и между прочим, ее высказывал еще Сен-Симон², в числе последователей которого в своей молодости был и Лессепс³. Прорытие между двумя океанами канала обещало весьма важные последствия для мировых сношений: например, морской путь из Ливерпуля в Сан-Франциско должен был сократиться на 9,5 тыс. километров, а в Вальпара-

---

¹ Конвенция отдавала на 70 лет (до 1954 г.) все перевозочные средства страны в руки капиталистических компаний, причем, взявшись построить на 7 тыс. километров новых линий, они, однако, выговорили себе заранее известный барыш с тем условием, чтобы казна доплачивала разницу, если фиксированная сумма не будет выручаться. *Pelletan C. Les grandes des compagnies de chemins de fer* (1898).

² Во время своего путешествия в Мексику еще в конце XVIII в.

³ Ему в год смерти Сен-Симона было двадцать лет. О Лессепсе см.: *Bertrand, Ferrier. Ferdinand Lesseps, sa vie et son oeuvre* (1887); *Smith G. B. Life and enterprises of Ferdinand de Lesseps* (1895).

исо — на 4,5 тыс. Проектом заинтересовались целые ученые общества, которые помогали Лессепсу своими советами. В публике его предприятие тоже было встречено большим сочувствием. Для приведения в исполнение своего плана Лессепс основал сначала особое общество (1876 г.), которое занялось разработкой вопроса о том, в каком направлении и какого рода строить канал, и в 1879 г. географический конгресс в Париже одобрил один из выработанных к тому времени проектов.

В конце того же 1879 г. Лессепс, которому в это время исполнилось уже 74 года, с почти юношеской энергией отправился на место постройки канала с партией инженеров, принадлежавших к разным национальностям, которые в 1880 г. определили стоимость прорытия перешейка в 843 млн франков. Впоследствии сам Лессепс объяснял, что в эту смету не вошли многие такие издержки, как расходы по реализации этой суммы, по надзору за рабочими и т. п. Для приведения в исполнение выработанного инженерами плана образовалось акционерное общество, приступившее к делу в 1881 г. Очень скоро, однако, оказалось, что принятый проект встречает разные технические затруднения, и решено было заменить его другим. В сущности, уже чуть не в самом начале работ было понято, что добытых средств для проведения канала по первому плану не хватит, вследствие чего и перешли к другому, более простому и дешевому¹. К этому еще прибавилась, как крайне неблагоприятное условие, большая смертность среди рабочих от страшно нездорового климата той местности, где проводился канал: при убийственной жаре губительно действовали и на белых, и на негров болотные испарения, порождавшие лихорадку. В семь лет работы едва была закончена одна ее треть, а между тем уже сделанные расходы достигали колоссальных сумм. Настал момент, когда Лессепс, нуждавшийся в новом притоке денежных средств, довел до сведения акционерной компании об истинном положении дел, но оно оказалось столь безнадежным, что компании пришлось только ликвидировать все предприятие. Комиссия, занимавшаяся этим делом, нашла, что на окончание работ потребовалось бы еще до 900 млн франков и около семи-восьми лет работы, тогда как сроком окончания работ предполагался сначала 1890 г., уже истекший в момент появления доклада ликвидационной комиссии². В марте 1889 г. работы были приостановлены. В общем, акций и облигаций (между прочим, и по займу с выигрышами) Общество панамского канала выпустило почти на тысячу двести миллионов франков, все же его состояние, заключавше-

---

¹ Весь вопрос заключался в том, должен ли канал все время идти на морском уровне или же пользоваться системой шлюзов; первый способ постройки был более трудным.

² Позднее (1894), для прорытия канала образовалось новое акционерное общество, но года через три (1897) возникло сомнение в возможности доведения дела до конца. В 1902 г. у новой компании все имущество было куплено Северо-Американскими Соединенными Штатами.

еся, главным образом, в приобретенной им полосе земли, в построенной на ней железной дороге и в исполненных уже работах, не достигало даже полных двухсот тридцати двух миллионов франков. Потери акционеров и кредиторов были громадны, особенно если принять в расчет, что многие приобретали акции выше их номинальной цены. Некоторые полагают, что панамский крах обошелся держателям выпущенных акционерной компанией бумаг в 1,5 млн франков, т. е. чуть не в треть того, что Франция заплатила Германии после войны 1870—1871 гг.

Подобные крахи при Третьей республике случались и с другими предприятиями¹, но тут произошло некоторое осложнение. Следствие, начатое по случаю неудачи, обнаружило ряд растрат, злоупотреблений и подкупов газет с целью прославления предприятия, когда уже была видна его неминуемая гибель. Нужно прибавить, что и сами газеты обвиняли друг друга в разных нечистых делах². Начались и разоблачения относительно некрасивых деяний некоторых оппортунистских депутатов, а в конце 1892 г. католическая партия подняла и прямо в палате вопрос о подкупе целой сотни депутатов при голосовании выигрышного займа с указанием на то, что много выпало на долю и кое-кого из бывших министров и других сановников. Консервативные и радикальные газеты стали тогда печатать новые и новые разоблачения, вызывавшие в палате бурные сцены. Палата назначила следственную комиссию и передала суду нескольких депутатов и сенаторов. По делу о банкротстве Лессепс и его сын и некоторые другие деятели панамского предприятия (между ними Эйфель, строитель знаменитой башни) были приговорены к тюремному заключению на разные сроки, а Лессепс-сын и бывший министр публичных работ Байо (Baihaut), получивший громадную взятку, были приговорены к такому же наказанию и по обвинению в подкупе. Из посредников, передававших взятки, один покончил с собой самоубийством (банкир Жак Рейнак), двое бежали (Артон и Герц³), но когда один из беглецов (Артон) был арестован в Англии, приостановленный было процесс через полтора года возобновился. Правда, депутаты и сенаторы, попавшие на скамью подсудимых, были присяжными оправданы, но все-таки была брошена тень на очень многих видных

¹ В 1875 г. падение цен на турецкие бумаги (например, одного займа с 135 до 18 франков), в 1882 г. крахи банков Бонту и Савари и т. п.

² На подкуп газет было истрачено 20 млн франков, причем консервативная «Фигаро» получила 80,5 тыс., умеренная «Moniteur Universel» — около 40 тыс., радикальная «Rappel» — 30 тыс. и пр. О продажности известной части французской прессы см., между прочим, в «письме» об этой прессе в «Очерках современной Франции» Н. Е. Кудрина (с. 336—364).

³ О последнем в свое время пресса, занимавшаяся панамским скандалом, очень много говорила. Корнелий Герц был типичный авантюрист, сумевший втереться в высшее общество Парижа и добиться одной из высших степеней ордена Почетного легиона и даже приглашений на президентские охоты. Бежав в Англию, он уклонился от появления на панамском процессе под предлогом тяжелой болезни. Так как Герц в 1883—1885 гг. был одним из наиболее крупных акционеров газеты Клемансо, это впоследствии бросило тень на самого Клемансо.

политических деятелей, между прочим, и из радикальной партии, бывших в сношениях с главными дельцами «панамы» и поощрявших выдачу ими денег некоторым газетам. Результатом этого было то, что некоторые вожди обеих республиканских партий сошли со сцены¹. Поднимая панамский скандал, консерваторы прямо рассчитывали дискредитировать республику, видные деятели которой уличались в неблагоприятных поступках, в частности же, консерваторы надеялись, что падение престижа республики приведет их самих к торжеству на выборах 1893 г. Бывшие буланжисты и монархисты даже нарочно раздували панамский скандал разными преувеличениями и выдумками, чтобы на примере этого грязного дела показать, во что выродилась парламентарная республика со своими политическими дельцами. Наоборот, правительственная партия старалась свести дело к его настоящим размерам, а где только была малейшая возможность, представлять его и в менее непривлекательном виде.

В своем месте уже было сказано, что панамский крах разыгрался в конце президентства Карно, убитого анархистом летом 1894 г. Мы видели также, что усиление социализма и анархизма заставило значительную часть республиканской буржуазии сильно податься направо и сблизиться с менее непримиримой частью консерваторов, с так называемыми «присоединившимися». Сближение обеих партий было облегчено появлением на политической сцене нового поколения республиканских деятелей, у которых уже не было «предрасудков их отцов». Выбор после смерти Карно в президенты республики Казимира Перье был совершен именно в духе новой политики поворота вправо, но новый президент уже в начале 1895 г. вышел в отставку (по причинам, до сих пор не вполне ясным²), и в преемники ему был избран Феликс Фор. Это избрание тоже было результатом

---

¹ В панамском деле пострадала репутация, между прочим, Альбера Гриви (брата президента). Равным образом, нехорошо кончилось дело и для Флоке, бывшего одно время (с 1885 г.) президентом палаты, потом главой министерства, которое боролось с буланжизмом (1888–1889 гг.), наконец, снова президентом палаты: обнаруженный за ним грех заключался в том, что он получал от панамистов большие суммы на нужды правительственной агитации, и в 1893 г. его уже не выбрали в президенты палаты, после чего он не был избран и депутатом. (Впрочем, это не помешало ему, как и Альберу Гриви, быть выбранным в сенаторы.) Пострадал от «панамы» и Клемансо, несмотря на то, что он-то уж ничего не взял, отказавшись как участвовать в Обществе панамского канала, так и печатать рекламные объявления об этом предприятии. Если против него не было никаких улик, то и это эксплуатировалось его врагами, находившими, что Клемансо, значит, только особенно ловкий, а потому и наиболее опасный мошенник. Главное доказательство вины Клемансо видели в его близких отношениях к Корнелию Герцу, в сущности же, Клемансо был всегда честным и неподкупным деятелем.

² Свой шаг Казимир Перье объяснял тем, что он чувствовал себя бессильным против тех обвинений, оскорблений и насмешек, каким он подвергался со стороны своих врагов, а вместе с ним подвергались и все власти, и армия. Но, говорили по этому поводу, разве, принимая избрание, он, человек, не бывший новичком в политике, не знал того, что вообще происходит во Франции и на что потому он шел? (Этот К. Перье был внуком знаменитого К. Перье, министра начала тридцатых годов.)

коалиции оппортунистов и консерваторов против кандидата радикалов, поддерживавшегося и социалистами Бриссона¹.

Первое министерство при Феликсе Форе² было умеренным (Рибо), второе — радикальным (Буржуа). В министерстве Рибо из видных деятелей участвовали Ганото и Пуанкаре, но оно у власти не могло долго продержаться. Против него повели агитацию социалисты, воспользовавшись уже ранее существовавшим обвинением против некоторых политических деятелей в подкупности по делу одной железнодорожной концессии. Дело это уже поднималось раньше, но было прекращено в виду того, что документы, на которых строилось обвинение, оказались подложными, что и заставило Рибо высказаться против нового расследования, предлагавшегося социалистами, но так как палата приняла их предложение, то кабинет Рибо подал в отставку. Тогда Феликс Фор поручил составить новое министерство радикалу Буржуа, который тотчас же обещал расследовать новую «панаму»³ и представить законопроект о воспрещении народным представителям участвовать в каких бы то ни было промышленных синдикатах⁴. Кроме того, министерство Буржуа провело в палате принцип прогрессивного подоходного налога, казавшегося буржуазии началом реформы распределения собственности. Против министерства, вступившего на такой опасный путь, началась кампания, которую поддерживал втайне и сам президент республики, и это привело к образованию министерства Мелина, опиравшегося на союз умеренных с консерваторами. Мелин отказался от принятого уже в принципе палатой подоходного налога и видимо благоприятствовал клерикалам, всячески, наоборот, вредя демократам.

Положение министерства Мелина не раз колебалось⁵, и его спасали только успехи внешней политики, особенно посещение при нем Парижа

---

¹ Эжен Бриссон, очень часто занимавший пост президента палаты (1881—1885 и 1894—1898 гг.), а в 1885 и 1898 гг. делавшийся главой кабинета, получил 361 голос, тогда как Фор — 430. Третьим кандидатом был Вальдек-Руссо, занимавший прежде пост министра внутренних дел.

² Феликс Фор в молодости работал на кожевенном заводе и был потом приказчиком, пока не устроил свой собственный кожевенный завод. В палату депутатов он был впервые избран в 1881 г. (об отношении его к Гамбетте см. выше), а в 1894 г. сделался вице-президентом, после чего занимал еще должность морского министра. О нем: *Maillard. Le président Faure, sa vie commerciale, administrative et politique* (1897). В народе у него была кличка «Фелиск».

³ К этому времени относится арест в Лондоне панамского дельца Артона (см. выше), у которого предполагалось найти списки подкупленных лиц, но таковых списков у него не оказалось.

⁴ В восьмидесятих годах около 50 сенаторов и около 100 депутатов официально состояли членами правлений разных предприятий вроде банков, железнодорожных компаний и т. п. Многие политические деятели вообще стояли очень близко к королям биржи. Финансисты оказывали вообще большое влияние на политику. Есть предположение, что падение Гамбетты произошло не без влияния финансовых кругов, близких к Ротшильду, которые были недовольны его планами о выкупе железнодорожной сети.

⁵ Это было самое долговечное министерство, какое только имела Франция при Третьей республике до конца XIX в.: продолжительность его была два года и два месяца. Ср. с частой сменой министерств, о чем выше.

русским императором и Санкт-Петербурга — президентом республики. Тем не менее выборы 1898 г. оказались неблагоприятными для министерства, отвергшего прогрессивный налог и сблизившегося с правой, и после того, как в палате левая значительным большинством голосов провела требование об исключительно республиканском большинстве, на которое опиралось бы правительство, Мелин подал в отставку. Когда в начале 1899 г., после внезапной смерти Феликса Фора, произошли новые выборы президента республики, Мелин явился на них кандидатом правой, но громадное большинство голосов досталось кандидату левой — Лубе¹. Этот выбор был крайне неприятен националистам, как стал называться новый союз реакционных и шовинистических групп. Еще в день похорон Феликса Фора старый буланжист Дерулед сделал попытку увлечь за собой войско, участвовавшее в церемонии, и повести его на Елисейский дворец, возвращавшемуся же из Версаля после выборов Лубе была устроена враждебная встреча, а несколько месяцев спустя кучка националистов устроила президенту новый публичный скандал на скачках, собирающих массу публики, на что республиканцы потом ответили грандиозной манифестацией в честь Лубе. Результатом этой новой националистической агитации было образование Министерства республиканской защиты, во главе которого стал оппортунист Вальдек-Руссо и в состав которого вошли, с одной стороны, социалист Мильеран в качестве министра торговли, а с другой — с портфелем военного министра генерал Галлифе, расстреливавший в 1871 г. коммунаров².

В эти последние годы XIX в. в истории французских политических партий произошла та перемена, что умеренные республиканцы еще теснее соединились с консерваторами в одну партию охраны существующего социального строя (*conservation sociale*), тогда как радикалы вместе с социалистами составили партию социальных преобразований. Первая находила свою естественную опору в буржуазии, духовенстве, в верхах бюрократии, вторая искала поддержки в рабочих, крестьянах, в мелком чиновничестве. Главным предметом борьбы сделался в это время, как мы только что видели, вопрос о прогрессивном подоходном налоге, а кроме того, со стороны новой левой стали требовать пересмотра конституции в смысле изменения выборов в сенат и ограничения законодательных прав этого учреждения³. Предметом партийных разногласий был также вопрос о франко-русском

¹ Эмиль Лубе был избран в палату депутатов в 1876 г. и был в кабинете Тирара (1889) министром общественных работ, а в 1892 г. сам стал во главе министерства, взяв себе портфель внутренних дел, который был в его руках и в кабинете Рибо (после отставки, в которую он выходил во время панамского процесса). На выборах в президенты он получил 483 голоса против 279, поданных за Мелина.

² Впрочем, в 1900 г. он был заменен радикалом Андре.

³ Министерство Буржуа вынуждено было подать в отставку именно вследствие столкновения с сенатом.

союзе. Все министерства, однако, совершенно одинаково понимали его полезность для Франции в ее внешних отношениях. В массе народа он пользовался тоже большой популярностью, ибо в ней жила уверенность, что этот союз знаменует более или менее близкое торжество реванша. Наконец, буржуазии союз тоже казался выгодным, так как он создавал благоприятные условия для помещения ее капиталов и сбережений в русские займы. Настоящей идейности в союзе не было¹, а более левые были противниками союза, как политики, основанной на тесном соглашении с абсолютистским режимом². Наконец, на взаимные отношения партий большое влияние оказывало и дело Дрейфуса, историей которого мы и заключим настоящую главу.

Смерть Феликса Фора и избрание Лубе пришлось на время наиболее горячего периода еще одной общественной борьбы, в которой столкнулись между собой прогрессивные и реакционные силы Франции и которая поэтому имеет большое значение во внутренней истории Третьей республики в самом конце XIX в. Опять образовался союз клерикалов, монархистов, шовинистов, на этот раз получивший, вдобавок, резко антисемитический характер, — явление, вносящее в агитацию реакционеров новую, сравнительно с буланжизмом, черту. Речь идет о нашествии на весь свет деле Дрейфуса. Прежде, однако, чем говорить об этом деле, нужно коснуться появления и развития и во Франции, вслед за Германией, антисемитизма, придавшего делу Дрейфуса специфический характер «травли жида»³.

Во Франции перед войной 1870—1871 гг. совершенно не было заметно в обществе какого бы то ни было нерасположения к евреям, и даже во время и после войны никто, по-видимому, и подумать о том не мог, чтобы обвинять евреев в бедах, обрушившихся на родину. Так дело стояло и в течение всех семидесятих годов, так что еще в 1880 г. французский публицист Шербюлье писал, что во Франции вообще трудно понять, как это в Германии есть какой-то еврейский вопрос, из-за которого происходит столько споров и волнений. «У нас, — прибавлял он, — решено раз и навсегда, что законы для всех одинаковы и что для пользования их покровительством

---

¹ Н. Е. Кудрин (Очерки современной Франции, с. 435—436 по 2-му изд.) подчеркивает эту сторону дела, противопоставляя равнодушие французов в конце девяностых годов к неофициальной России тому, наоборот, увлечению русской литературой, которое было в начале восьмидесятих годов.

² В 1899 г. многие французы не скрывали своего неудовольствия на то, что Россия не оказала энергичной поддержки Франции во время конфликта из-за Фашоды, о котором см. выше.

³ *Lazare B.* L'antisémitisme, son histoire et ses causes (1894); *Levaillant.* La genèse de l'antisémitisme sous la troisième république (1907); *Leroy-Beaulieu.* L'antisémitisme (1897); *Кудрин Н. Е.* Еврейский вопрос и антисемитизм во Франции (в «Очерках современной Франции»); *Лозинский С.* Антисемитизм во Франции (статья во II т. «Еврейской энциклопедии»).

нет надобности молиться непременно в католических церквях». Скоро, однако, после того, как это было написано, и во Франции по примеру Германии началось антисемитическое движение, исходным пунктом которого были клерикальные круги, лозунгом — социальная защита сорока миллионов французского народа, т. е. крестьян и рабочих от эксплуатации со стороны восьмидесяти тысяч живущих во Франции евреев. В начале восьмидесятых годов стали появляться периодические издания, направленные против «жидов», какими были «L'Antijuif» и «L'Antisémitique». Французские антисемиты воспользовались тем недовольством, какое царило в народных массах по отношению к оппортунистической политике правящей буржуазии, и начали резкую травлю «еврейской шайки», которая, по их словам, завладела судьбами Франции. Для придания характера полной очевидности такому утверждению достаточно было указания на то, что среди министров и других политических деятелей были евреи, например, Рейнак, бывший министром общественных работ, или Поль Бер, сотрудник Жюля Ферри в его антиклерикальном школьном законодательстве. В 1886 г. талантливый публицист Эдуард Дрюмон выпустил в свет книгу «La France juive»¹, которая нашла массу читателей и почитателей. В этой книге проводилась та мысль, что источник всех бедствий Франции — евреи, что они виновны и в неудачах войны 1870—1871 гг., и в ужасах Коммуны, и в падении добрых нравов в обществе, и во всем остальном, ибо «tout vient du juif!». Этот же коллективный еврей, по словам Дрюмона, только и выиграл вообще от революции: все дело-де в свойствах семитической расы. На самом деле клерикальный писатель метил, главным образом, в республику и столько же места посвятил в своей книге обличениям Гамбетты и других вождей республиканской партии, сколько отведено было нападкам на Рейнака и его сородичей. Сторонники Дрюмона основали особую Антисемитическую лигу и стали деятельно пропагандировать ее идеи в провинции. Это движение вскоре, однако, затихло, когда у французских реакционеров очутилось в руках новое средство для нападения на республику, буланжизм, но когда буланжизм потерпел поражение, деятельность антисемитов оживилась, и многие вожди буланжизма выступили теперь, как антисемиты, после чего антисемитизм уже не мог скрывать своего антиреспубликанского характера. В начале девяностых годов в палату депутатов было внесено предложение, поддержанное тридцатью слишком депутатами, об изгнании евреев из Франции (1891 г.), была основана большая антисемитическая газета «La Libre Parole»² под редакцией Дрюмона (1892 г.) и было открыто несколько филиальных отделений Ан-

¹ *Drumont E.* La France juive (1886); *Idem.* La France juive devant l'opinion (1886); *Begnaud L.* La France n'est pas juive (1886); *Idem.* Les juifs français devant l'opinion; *Biez J. de.* La question juive (1886); *Marini H.* Le fin mot de la question juive (1886).

² «Свободное слово» (фр.). — Прим. ред.

тисемитической лиги в некоторых больших городах. Между прочим, орган Дрюмона стал обвинять в изменническом поведении офицеров из евреев, и когда один офицер-еврей вызвал Дрюмона на дуэль, то друзья последнего все выразили желание драться за него по очереди, до тех пор, пока у них не будет «un bon cadavre de juif». Дело именно так и кончилось, как того желали друзья Дрюмона, т. е. после одной из таких дуэлей на месте остался «еврейский труп». Панамский скандал, в котором было замешано несколько еврейских имен, дал новую пищу антисемитической агитации, но на этот раз юдофобские ноты стали раздаваться и со стороны некоторой части французских социалистов. Произошло нечто странное: в то время, как многие социалисты обрушивались в своих речах и статьях на еврейство, антисемиты, состоявшие, главным образом, из клерикалов и бонапартистов, наоборот, и на собраниях, и в прессе сами брали резко демократические и социалистические ноты. Нередко обвинения реакционеров и радикалов до такой степени были близки между собой, что обывательской публике было очень трудно разобраться, где кончался «капиталистический строй» и начиналось «еврейское засилье». Особенно это сближение диаметрально-противоположных элементов усилилось, когда началось дело Дрейфуса, бывшее в глазах антисемитов исполнением пророчества Дрюмона о том, что французские офицеры из евреев предадут Францию. Под знаменем национального патриотизма в одних рядах с реакционерами, клерикалами и монархистами стояли теперь многие, считавшие себя прогрессистами, свободомыслящими, чистейшими республиканцами, рядом с Дрюмоном, например, Рошфор и т. п. Нужно, впрочем, прибавить, что если после «панамы» антисемиты нашли наибольшее количество приверженцев в социалистическом лагере, то во время «дрейфусиады», наоборот, союзниками антисемитов выступали, главным образом, умеренные республиканцы, у которых, как сами думали многие из них, только теперь раскрылись глаза на все еврейские козни. Но это же самое дело Дрейфуса, в конце концов, обнаружило, что и патриотизм, и антисемитизм были только прикрытием настоящего существа всей агитации, т. е. клерикальных происков. Само дело Дрейфуса заключалось в следующем¹.

В конце 1894 г. во французском генеральном штабе было обнаружено исчезновение некоторых секретных бумаг, а вскоре затем полковник Анри

---

¹ Reinach J. Histoire de l'affaire Dreyfus (пять томов, из коих последний вышел в 1908 г.); Grousset P. L'affaire Dreyfus illustrée et ses ressorts secrets, histoire documentaire (1898); Mittelstädt. Die Affaire Dreyfus (1899); Brisson H. Souvenirs. Affaire Dreyfus (1908); Dutrait-Crozon H. Procès de l'affaire Dreyfus, 1894–1908 (1909); Grand-Carteret J. L'affaire Dreyfus et l'image (1898); Faure S. Les anarchistes et l'affaire Dreyfus (1897); Jaurès J. Les preuves de l'affaire Dreyfus (1898); Дрейфус. Пять лет моей жизни. 1901; Дело Дрейфуса, Эстергази и Эмиля Золя (1898); Процесс Золя с изложением дел Дрейфуса–Эстергази (1898); Ревилье А. Как я поверил в невиновность Дрейфуса? (1898). О деле Дрейфуса см. также XV–XVII «письма» в книге Н. Е. Кудрина «Очерки современной Франции».

(Henry), состоявший начальником разведочного бюро, доставил военным властям «бордеро» (препроводительное письмо), в котором неизвестное лицо извещало кого-то о доставлении ему тайных военных документов, причем Анри указал, откуда был добыт этот «бордеро»: выходило так, что его нашли в числе бумаг, выброшенных, как ненужный хлам, немецким полковником Шварцкоппеном, военным агентом Германии в Париже. «Бордеро» подвергли исследованию, приведшему к тому выводу, что он написан почерком капитана, еврея по происхождению, Альфреда Дрейфуса, незадолго перед тем причисленного к генеральному штабу, очень способного офицера, хорошего служаки, только не пользовавшегося любовью товарищей за свою жесткость и надменность. Военный министр Мерсье добился возбуждения против Дрейфуса судебного преследования, несмотря на то что против этого был его товарищ, министр иностранных дел Ганото, выражавший сомнение относительно главной улики, т. е. «бордеро». В деле предания Дрейфуса суду главную роль сыграли Анри и еще один офицер, майор Пати-де-Клам, потом и на суде доказывавшие виновность Дрейфуса вместе с начальником генерального штаба, генералом Буадефвром, а также и его помощником, генералом Гонзом. Военный суд, разбиравший дело при закрытых дверях, признал Дрейфуса виновным в шпионстве и в государственной измене и приговорил его к лишению чина и воинского звания и к ссылке на всю остальную жизнь в Кайенну. В начале января 1895 г. осужденный был отправлен в строгое заключение на Чертов остров. Между тем уже в то время многие высказывали сомнение, не произошло ли в этом деле судебной ошибки, так как принадлежность «бордеро» Дрейфусу не казалась строго установленной¹. В 1896 г. даже появилась брошюра под заглавием «Одна судебная ошибка» (автор ее — Лазарь), доказывавшая невиновность Дрейфуса.

Совсем неожиданный оборот приняло «дело Дрейфуса», когда занявший место Анри полковник Пикар² нашел, что почерк пресловутого «бордеро» сильно напоминает почерк совсем другого офицера генерального штаба, майора Эстергази; он довел об этом до сведения Гонза, указав, что заподозренный им офицер сорит деньгами. Открытию Пикара хода, однако, дано не было, и сам он даже был переведен в Тунис, но узнавший от него о его подозрении сенатор Жерар-Кестнер, республиканец, пользовавшийся в обществе самой безупречной репутацией³, сделал в сенате по этому делу запрос правительству, чтобы добиться пересмотра дела. Так как

¹ Сам «бордеро» был в виде факсимиле опубликован в газете «Le Matin».

² *Pressensé Fr. de. Un héros, le lieutenant-colonel Picquart* (1898).

³ При Наполеоне III он был в рядах оппозиции; в 1870 г. организовал защиту Эльзаса, своей родины; выбранный в национальное собрание 1871 г., оставил его в виде протеста против уступки Эльзаса; в качестве сенатора (с 1875 г.) был одним из деятельнейших противников Макмагона, потом Буланже.

и новый военный министр (Бильо) настаивал на виновности Дрейфуса, а министром колоний (Лебоном) было даже послано на Чертов остров приказание усилить строгость тюремного режима, которому был подвергнут «предатель», то за несчастного вступился уже его брат, Матьё Дрейфус, предъявивший к Эстергази формальное обвинение в авторстве «бордеро». Суд над Эстергази (военный) состоялся в первой половине января 1898 г., но это была, в сущности, простая комедия, разыгранная для оправдания Эстергази, как того только и хотело военное начальство. Тогда на сцену «дрейфусовского дела» выступил знаменитый романист Золя, напечатавший в газете Клемансо «Аугоге» открытое письмо к президенту республики («J'accuse»¹), в котором с большой силой обвинял Эстергази и Анри в подлоге «бордеро», а генеральный штаб и само военное министерство — в сознательной несправедливости по отношению к неприятному им человеку и в прямом укрывательстве Эстергази. В тот же день, когда появилось в печати «J'accuse» Золя, в палате депутатов по его поводу был сделан правительству запрос, на который оно отвечало заявлением, что Золя будет привлечен к судебной ответственности, после чего получило вотум доверия весьма внушительным большинством голосов. Смелый обличитель, действительно, был предан суду по обвинению в клевете. Первый приговор присяжных (в феврале 1898 г.) был кассирован по чисто формальным поводам, а вторым приговором в июле Золя был признан виновным, вследствие чего был присужден к годичному заключению в тюрьме и к денежному штрафу в 3000 франков. Чтобы не подвергаться тюремному заключению, Золя бежал в Англию².

«J'accuse» славного романиста, проявившего в своем обвинении и большое гражданское мужество, произвело сильное впечатление буквально в целом свете и возбудило не только во Франции, но и повсюду тот интерес к «affaire Dreyfus», который придал ему широкое общественное значение и сделал его в полном смысле историческим. Общество и газетные публицисты не в одной Франции разделились на дрейфусистов и антидрейфусистов. В этом втором лагере очутились во Франции вся армия с генеральным штабом и военным министерством, все клерикалы, националисты, антисемиты и т. п. К антидрейфусистскому лагерю примкнул совершенно неожиданно Рошфор. Старый полемист и революционер, за свою буланжистскую ревность подвергавшийся опасности пожизненного заключения в крепости, амнистированный в 1895 г. и вернувшийся на родину из Лондона, где он спасался от наказания, на этот раз дал полную волю своим давнишним юдофобским чувствам и стал вести кампанию в одном лагере со своим обвинителем в процессе 1889 г., прокурором Ке-

¹ «Я обвиняю» (фр.). — *Прим. ред.*

² Под заглавием «La vérité en marche» (1901) Золя издал еще сборник статей по делу Дрейфуса.

нэ-де-Борепером и с главой французских антисемитов Дрюмоном. Рошфор выступал в этом деле самым необузданным противником пересмотра, самым пламенным защитником генерального штаба. Можно даже сказать, что дело Дрейфуса довольно прочно сблизило его с антисемитами, шовинистами и клерикалами и сделало его отъявленным врагом всех его прежних союзников и друзей, хотя формально он и не отрекся от своих бывших антиклерикальных и радикально-демократических воззрений. Вообще люди, бывшие за несколько лет перед тем буланжистами, теперь становились антидрейфусистами. Все они стояли на той точке зрения, что Дрейфус был наказан совершенно справедливо, как предатель и враг Франции, что защищать его способны только «грязные жида» (*sales juifs*) да продавшиеся им изменники и иностранцы, что все это — люди, которые только и думают о том, как бы обесчестить французскую армию и французский офицерский корпус, в котором, помимо евреев, не может быть шпионов и предателей. Наоборот, прогрессивная часть общества требовала, чтобы на дело был пролит беспристрастный свет, будучи убеждена, что Дрейфус был заподозрен лишь вследствие своего еврейства и что его враги высказываются против пересмотра дела только ради спасения Эстергази и ограждения авторитета военного суда. Среди социалистов произошло разделение мнений. Представитель марксистского течения во французском социализме, Жюль Гэд, по вопросу о Дрейфусе совершенно разошелся с вождем социалистов в палате, Жоресом, ставшим на сторону Дрейфуса. Мнение Гэда заключалось в том, что этот вопрос — домашнее дело буржуазии, которая и должна в нем копаться и, как сама знает, разбираться, но что социализму и рабочим совершенно незачем впутываться в буржуазную распрю, кто бы там ни был прав или виноват. Наоборот, Жорес выступил горячим защитником Дрейфуса вместе с Золя и с Клемансо, наиболее сделавшими для того, чтобы обратить общественное внимание на содеянную несправедливость. Дело дошло даже до раскола между гэдистами и жоресистами, имевшего, конечно, и другие причины, поскольку Гэд был правоверным последователем Маркса, а миросозерцание Жореса, само не отличаясь полной стройностью, во всяком случае, не находилось в гармонии с учениями и стремлениями социал-демократии. И это был не единственный раздор из-за дела Дрейфуса между близкими людьми: ссоры происходили в разных кругах вплоть до отдельных семей¹.

¹ Очень хорошо характеризует эту сторону рассматриваемого эпизода одна карикатура известного Каран-д'Аша: за обеденным столом сидит большая компания, а в объяснительном тексте значится приглашение не говорить о деле Дрейфуса, рядом же, под другой картиной, сказано, что о деле заговорили («*Ne parlons pas de l'affaire Dreyfus*» и «*ils ont parlé*»), причем изображена всеобщая потасовка, с опрокинутыми стульями, сдернутой скатертью, падающими тарелками, бутылками, ножами, вилками и т. п. Некоторые писатели, касавшиеся дела Дрейфуса, подчеркивают вмешательство в него религиозных страстей. Например, E. Levasseur говорит: «*Il était regrettable que des passions religieuses se donnassent carrière à cette occasion et*

Обвинители Дрейфуса искали новых доказательств его преступности. На суде над Золя одним генералом было предъявлено перехваченное письмо германского военного агента в Париже, уже упоминавшегося Шварцкоппена, написанное им своему итальянскому собрату Паницарди, где упоминался «этот еврей Д.», т. е. Дрейфус. Потом в дело были пущены еще два документа, добытые таким же путем, тоже письма с упоминаниями об «этой каналье Д.». На эти письма официально сослался военный министр (Кавеньяк) в одном своем ответе палате на сделанный правительству запрос, и это имело большой успех у громадного большинства депутатов, даже принявших предложение одного социалиста (Мирмана) отпечатать речь министра и расклеить ее во всех коммунах Франции. Но и защитники Дрейфуса не дремали. Дело в том, что письмо Шварцкоппена, написанное по-французски, заключало в себе несколько ошибок, которых, — говорили защитники Дрейфуса, — германский военный агент сделать не мог, как эльзасский уроженец, знающий по-французски превосходно. Полковник Пикар даже публично обвинил в прямой подделке этого документа Анри, за что был арестован, хотя некоторое время спустя и сам военный министр усомнился в подлинности письма Шварцкоппена. Поэтому он пригласил к себе Анри, произвел ему допрос и вынудил у него признание в подлоге. На этот раз уже Анри подвергся аресту, находясь под которым, поспешил кончить самоубийством все свои счета с жизнью. Однако, и в высших военных сферах, и в лагере антидрейфусистов не подумали из самоубийства Анри делать вывод в пользу узника Чертова острова. У Анри нашлись защитники, говорившие, что совершение им подлога было вызвано патриотизмом и чувством преданности к армии, честь которой страдала-де от агитации дрейфусаров. Мало того, началась подписка для сооружения памятника на могиле несчастной жертвы любви к отечеству и народной гордости, какую антисемиты видели теперь в Анри. Сам Кавеньяк, заподозривший Анри в подлоге, продолжал тем не менее верить в виновность Дрейфуса, но председатель совета министров Бриссон, тоже веривший в эту виновность, после открытия подлога Анри начал настаивать на необходимости пересмотра дела, поставив в вину Кавеньяку, что, подозревая подложность документа, он молчал об этом перед своими товарищами по кабинету. Кавеньяк тогда вышел в отставку, но и заменивший его генерал Цурлинден (французы произносят фамилию этого эльзасца Зюрленден) оказался противником пересмотра. По-видимому, вступая в министерство Бриссона, Цурлинден дал ему известные обещания относительно дела Дрейфуса, но это не помешало ему обратиться с письмом, появившемся потом в газетах, к министру юстиции (Сарьену), где проводилась та мысль, что подлог, сделанный в 1896 г., отнюдь не должен оказывать влияния на

отношение к делу, решенному еще в 1894 г. Так как тем не менее совет министров постановил передать дело Дрейфуса на рассмотрение кассационного суда, то Цурлинден на другой же день подал в отставку, заявив в своем прошении, что убеждение в виновности Дрейфуса, вынесенное из очень внимательного изучения процесса, не позволяет ему стать в качестве главы армии на какую-либо иную точку зрения, кроме той, которая вытекает из судебного по делу приговора. Эта отставка тотчас же сделала Цурлинде-на в глазах антидрейфусистов настоящим героем, когда же он, вернувшись на свой прежний пост военного губернатора Парижа, вновь арестовал Пикара, возбудив против него дело о клевете, то популярность его, Цурлин-дена, среди шовинистов и антисемитов поднялась еще больше. Место военного министра занял в кабинете Шанюан, который, однако, через некоторое время, ни слова наперед не сказав Бриссону, совершенно неожиданно заявил в палате, что и он убежден в виновности Дрейфуса и что оставаться на своем посту он более не может. После выхода из кабинета из-за дела Дрейфуса третьего военного министра и сам кабинет не мог более оставаться. Новым премьером сделался Дюпюи, военным министром — Фрейсине.

Кассационный суд, рассмотрев дело Дрейфуса, нашел, что достаточно одного «нового факта», заключающегося в подлоге документа, чтобы дело было пересмотрено, но сверх того он обнаружил, что в деле был еще целый ряд подложных документов, и что на приговор было оказано решительное влияние предъявлением судьям, во время их совещания о виновности или невиновности Дрейфуса, таких данных, которые не были предъявлены ни самому подсудимому, ни его защитнику. Антидрейфусисты были крайне недовольны таким решением кассационного суда. Большим для них ударом был и отъезд Эстергази за границу, откуда он прислал признание в составлении «бордеро». Правда, антидрейфусисты находили объяснение этому заявлению в том, что, конечно, и здесь дело было сделано за хорошую плату из дрейфусаровских «жидовских» фондов. До какой степени разгорелись в этот период «дрейфусовского дела» страсти, можно видеть из того, что когда, наконец, в конце лета 1899 г. в Ренне начался пересмотр дела в военном суде, на жизнь защитника Дрейфуса (Лабори) было сделано неизвестными лицами лишь случайно неудавшееся покушение.

На реннском пересмотре дела Дрейфуса, тянувшемся целый месяц, опять военной партией было пущено все в ход, чтобы узник Чертова острова не вышел оправданным из суда. На суд явились в качестве свидетелей все его прежние обвинители, не исключая пяти военных министров, но в вызове Шварцкоппена и Паникарди защите суд решительно отказал, так что уже сам германский военный агент путем печати огласил факт передачи ему секретных документов не Дрейфусом, а Эстергази, германское же правительство к этому прибавило официальное сообщение, что и вообще

с Дрейфусом у него не было никаких сношений. Из семи судей только двое высказались за Дрейфуса, но, вновь признав его виновным, суд сослался на смягчающие вину обстоятельства и приговорил его к десятилетнему заключению, вместо прежнего пожизненного. Сторонники Дрейфуса справедливо находили этот приговор непоследовательным и неискренним: при действительной виновности никаких смягчающих обстоятельств не могло быть, а раз их признавали, значит, на суде не все было чисто.

Финал дела Дрейфуса был такой. Уже в министерство Вальдека-Руссо президент республики Лубе по предложению министерства дал Дрейфусу помилование. На всех дрейфусистов произвело очень тягостное впечатление то, что Дрейфус согласился его принять. Среди них возник даже план начать новую борьбу возбуждением судебного преследования против генерала Мерсье, но Вальдек-Руссо предпочел прекратить дальнейшую агитацию в обществе, предложив палатам (ими потом вскоре и принятую) общую амнистию по всем преступлениям, имеющим какую-либо связь с делом Дрейфуса¹.

Около знаменитого «дела» («l'affaire»), в течение нескольких лет волновавшего общество не в одной Франции, образовалась целая литература². Когда вернувшийся во Францию Дрейфус издал книгу под заглавием «Пять лет моей жизни»³ с описанием ужасов своего заточения, ее раскупали нарасхват и переводили на разные языки. Стенографические отчеты о процессах как самого Дрейфуса, так и других, связанных с его делом (например, Золя), равным образом, сильно интересовали публику и переводились на другие языки. Под заглавием «История дела Дрейфуса» Жозеф Рейнак даже предпринял целую историю Франции с 1894 г., пять томов которой издавались с 1901 по 1908 г. Все это, конечно, свидетельствует о громадном общественном значении, какое выпало на долю этого дела в конце XIX в. «L'affaire Dreyfus», как в фокусе, сосредоточило в себе борьбу реакции и прогресса, и в этом его великое общественное значение, без чего оно, конечно, не могло бы произвести такого сильного впечатления на современников и перейти в историю, как один из самых ярких эпизодов французской истории конца прошедшего столетия. Французские со-

---

¹ Собственно, это не было настоящим финалом. За Дрейфусом осталось право требовать пересмотра своего дела, которым он и воспользовался в 1903 г. после того, как Жорес доложил палате одно письмо к Кавеньяку, в котором ясно говорилось о разного рода обманах в деле Дрейфуса, и бывший в 1903 г. военным министром генерал Андре высказался за новый пересмотр. В 1905 г. кассационный суд отменил приговор реннского суда и вообще все вызванное обвинением Дрейфуса делопроизводство, что повлекло за собой возвращение самого Дрейфуса на действительную службу с повышением в майоры и даже награждением орденом Почетного легиона.

² В 1903 г. P. Desachy издал «Bibliographie de l'affaire Dreyfus», в которой названо более шестисот книг и брошюр.

³ Есть не один русский перевод.

циалисты были неправы, когда утверждали, что это был только домашний спор буржуазии. Его значение гораздо лучше поняли наиболее выдающиеся представители, так сказать, неполитической интеллигенции, увидавшие в антидрейфусистской агитации нападение на самые важные приобретения цивилизации¹. Это тоже была своего рода «борьба за культуру», и если французы сумели придать частному случаю несправедливости, совершенной под влиянием некультурных инстинктов и предрассудков, интерес крупного общественного события в глазах всего цивилизованного мира, то это только показывает, что демократическая и интеллигентная Франция все еще остается страной, особенно умеющей приковывать к себе внимание и сочувствие образованных людей всех наций.

---

¹ «Мы присутствуем теперь при очень любопытном явлении: великие исторические силы современного периода, заполняющие весь мир шумом своей борьбы, в данный момент (процесс Золя), воздержались от активного вмешательства в ту злобу дня, которая, несмотря на свой частный характер, означает ни много ни мало как столкновение двух основных мировоззрений, — мирного и светского настоящего и военно-клерикального прошлого. Зато на сцену борьбы выступили «идеологии». Уже давно во Франции мы не присутствовали при таком движении «интеллигенции» (*intellectuels*, как вошло теперь в моду называть людей этой категории); давно мы не видели такого искреннего возмущения несправедливостью со стороны мыслящей части буржуазии». *Кудрин Н.Е.* Очерки современной Франции. С. 447. Автор приписывает воздействию ученых, профессоров и литераторов то, что часть общества, «кокетничавшая антисемитизмом, устыдилась своих бывших товарищей и союзников и решительно отшатнулась от них», с. 448. См. также начинающееся на указанной странице «письмо» XVII об «идейном пробуждении Франции» (см. особенно с. 460 и след.).

XVII. Эпоха завершения демократического переустройства Англии и борьбы за ирландский гомруль¹

Общий взгляд на конец царствования королевы Виктории и на ее роль в истории Англии XIX в. — Второе министерство Гладстона. — Ирландские волнения и начало деятельности Парнелля. — Третья парламентская реформа. — Внешняя политика второго министерства Гладстона. — Внутренний разлад в кабинете Гладстона и начало политической деятельности Чемберлена. — Внутренние движения в либеральной и консервативной партиях после 1880 г. — Выступление Черчилля. — Первое министерство Солсбери. — Третье министерство Гладстона и его билль о гомруле. — Образование партии юнионистов. — Второе министерство Солсбери. — Ирландские дела конца восьмидесятых годов и конец Парнелля. — Демократизация управления графства

¹ История Англии с конца шестидесятых до начала восьмидесятых годов XIX в. изложена в гл. IX (т. VI, ч. I). Там же даны указания на литературу. Специально для настоящей главы отметим: *MacCarthy J.H.* England under Gladstone, 1880—1885 (1885); *Clayden P.W.* England under the coalition, 1885—1892 (1892); *Каменский Г.П.* Государственное хозяйство Англии за шесть лет управления министерства тори, 1886—1892 (1895); *Сатурин Д.* Последние моменты истории английского народа. Южно-африканская война, федерация австралийских колоний и пр.; *Pulling.* Life and speeches of the marquis of Salisbury (1885); *Traill.* The marquis of Salisbury (1892); *Aitkin.* The marquis of Salisbury (1901); *How.* The marquis of Salisbury (1902); *Whates.* The third Salisbury administration (1900). Для реформ в области местного управления см.: *Baker Ch.* The local government act 1888 (1888); *Holdsworth W.A.* То же заглавие (1888); *Ryde W.C.* The local government act 1894 (1894); *Jenks E.* An outline of english local government (1894; есть фр. пер. 1901 г.); *Arminjon.* L'administration locale d'Angleterre (1895); *Vauthier M.* Le gouvernement local en Angleterre (1896); *Вотье М.* Местное управление Англии (1896); *Shaw A.* Municipal government in Great Britain (1896); *Hugo C.* Städteverwaltung und Munizipal-Socialismus in England 1897; по-русски: *Хьюго К.* Новейшие течения в английском городском самоуправлении (1898); *Wright, Hobhouse.* An outline of local government and local taxation in England and Wales (1898); *Odgers.* Local government in England and Wales (1899); *Sinzheimer L.* Der Jondoner Grafschaftsrat (1900); *Redlich.* Englische Localverwaltung (1901; есть рус. пер.); *Webb S., Webb B.* English local government from the revolution to the municipal incorporations act. The parish and the county (1907); *Boverat R.* Le socialisme municipal en Angleterre (1907). По истории ирландского гомруля и парнеллевского движения тоже есть большая литература: *Bryce.* Handbook of home rule (1887; изд. 2-е); *Powel B.* The truth about home rule (1887; изд. 2-е); *Dicey A.V.* Englands case against home rule (1886); *Buxton S.* Handbook to political questions of the day (1892; изд. 8-е); *O'Connor T.P.* Parnell movement (1889); *Idem.* Ch. St. Parnell (1892); *Walsch.* A memorial volume to Ch. St. Parnell (1892); *Moor G.* Parnell and his Island (1887); *Stead.* The discrowned king of the Irland (1891); *O'Brien B.* The life of Ch. St. Parnell (1898). См. также книгу *Filon'a*, названную выше (см. т. VI, ч. I, гл. IX). О Парнелле довольно много писалось и у нас. См.: *Дерюжинский В.* Парнелль и Ирландия (В сб. «Из истории политической свободы», 1906). Его же статья о Парнелле в кн. «Выдающиеся английские политические деятели XIX в.» (1904). *Тарле Е.* (в его «Очерках и характеристиках из истории европейского общественного движения в XIX в.», 1904). О Парнелле есть статья также в книге *Э. Пименовой*, указанной выше (см. т. VI, ч. I, гл. IX).

ми. — Рабочее движение и социализм в Англии в конце XIX в. — Четвертое министерство Гладстона и Розбери. — Переход власти к консерваторам. — Возрастание империалистских стремлений и замыслы Чемберлена. — Начало бурской войны

Главными явлениями внутренней истории Англии в последние два десятилетия XIX в. были завершение демократизации ее учреждений и постановка вопроса об ирландском гомруле. За этот период времени в Англии произошли третья реформа парламентских выборов и две реформы местного управления: одна, касавшаяся графств, как более крупных территориальных делений, другая, касавшаяся мелкой земской единицы, т. е. прихода. Все три реформы имели демократический характер и были произведены на протяжении десяти лет (1884—1894 гг.). Не так счастлива была задуманная наиболее прогрессивными политическими деятелями Англии реформа управления Ирландией на началах автономии, но вопрос об этой реформе продолжал служить предметом политической борьбы, внося, вместе с этим, раскол в ряды либеральной партии и тем создав новую комбинацию в междупартийных отношениях. Этот раскол вообще ослабил либералов, а кроме того, против их политики произошла протекционистская и националистическая реакция, выразившаяся в росте так называемого империализма, начало которому было положено еще во второе министерство Биконсфильда. За период времени, рассматриваемый в настоящей главе, трижды первым министром¹ королевы Виктории становился старик Гладстон (в 1880, 1886 и 1892 гг.), и трижды власть переходила к консерваторам (в 1885, 1886 и 1895 гг.). Это были последние годы длинного царствования Виктории. Вступив на престол еще совсем молодой (18 лет) в 1837 г., она отпраздновала в 1887 и 1897 гг. «золотой» и «бриллиантовый» юбилеи и скончалась в 1901 г., процарствовав 64 года. Современники этой королевы не раз указывали на то, что столь продолжительное пребывание на английском престоле женщины было благоприятно для развития в Англии парламентаризма², хотя не следует думать, что королева Виктория так-та-

¹ Одной из избитых фраз, бывших в ходу в Англии, было то, что «первый министр не известен конституции». «В Англии, — говорит С. Лоу, — существование первого министра старательно скрывалось. Имя его, кажется, формально не упоминалось в официальных документах до 1878 г., когда... во вводной части Берлинского трактата лорд Биконсфильд был назван первым лордом казначейства ее величества, первым министром Англии» (быть может, в виде уступки невежеству иностранцев), а после этого лишь в 1900 г. «придворный циркуляр, по оплошности или же сознательно осмелившись на такое новшество, назвал Солсбери первым министром». Государственный строй Англии (1908), с. 133—134. «Until 1906 the prime minister... was unknown to the law». Lowell L. The government of England (1908), I, 68.

² В книге С. Лоу «Государственный строй Англии» по этому поводу говорится следующее: «Если бы Вильгельму IV наследовала не юная женщина, а молодой, энергичный и талантливый человек, тогда политическая эволюция XIX столетия приняла бы, может быть, иной оборот», с. 230 и след., где эта мысль аргументируется беглым обзором отношений, существовавших

ки не играла никакой политической роли в истории своей страны¹. Конечно, она не безразлично относилась и к отдельным политическим деятелям², с чем нельзя было не считаться при образовании министерств, но, вместе с тем, она умела подчинять свои симпатии и антипатии требованиям политической дальновидности. В массах английского народа Виктория пользовалась величайшей популярностью, чем даже немало способствовала поднятию престижа королевского сана, который был так уронен ее дядей, Георгом IV. Особенно в год своего «бриллиантового» юбилея, в праздновании которого приняли широкое участие и колонии, — Виктория могла видеть, какой любовью и уважением ее окружали ее подданные англосаксонской расы во всех частях света. Демократическое переустройство Англии, в общем, приходилось ей не по душе, но она не делала никаких попыток, чтобы мешать этому процессу. Благодаря такому отношению королевской власти к запросам времени, в Англии не было республиканской агитации, и традиционная монархия не казалась англичанам помехой свободе. Королева Виктория была последним отпрыском Ганноверской династии по мужской линии на английском престоле³, и ей наследовал ее сын от брака с принцем Альбертом Саксен-Кобургским⁴. С переходом короны

между королевой Викторией и ее министрами. По мнению Лоу, имела большое значение и преждевременная смерть принца-супруга. «Потеря, — говорит он, — заботливого конфиденциального советника сделала королеву, хотя с возрастом она приобрела большую опытность, менее способной отстаивать свою волю против могущественных самоуверенных министров позднейшего периода». «Вообще Виктория, — прибавляет автор, — быть может, не совсем охотно согласилась на утверждение верховенства кабинета», с. 233.

¹ Достаточно вспомнить, например, ее личное вмешательство в дело «разустановления» англиканской церкви в Ирландии, что далеко не было единственным случаем в истории ее царствования: ниже, в этой же главе, приводится и другой случай ее деятельного вмешательства в проведение третьей парламентской реформы. Все-таки, однако, и это были исключительные случаи. К их числу важно отнести еще, во-первых, отставку Пальмерстона, который выразил одобрение перевороту 2 декабря, не сообщив об этом королеве, на что Виктория пожаловалась главе кабинета, и, во-вторых, настойчивость, с которой она добивалась титула императрицы.

² Так, Гладстона она недолюбливала и, наоборот, относилась очень благосклонно к Биконсфилду. Рассказывают, что о Гладстоне она однажды сказала: «Это единственный министр, который никогда не относился ко мне как к женщине и как к королеве».

³ Разделение Англии и Ганновера произошло в 1837 г., когда в Англии вступила на престол Виктория, а в Ганновере, не допускавшем царствования женщин, королем сделался ее дядя Эрнст-Август.

⁴ Рано овдовев (1861 г.), Виктория, сильно огорченная смертью своего мужа, стала все чаще и чаще отказываться от внешнего представительства, передав его старшему своему сыну, принцу Уэльскому (будущему Эдуарду VII). О своем муже Виктория хранила всегда самую восторженную память, издав даже не одно сочинение с воспоминаниями о нем («Early life of the Prince Consort» и др.). Старшая дочь королевы была замужем за прусским кронпринцем, позднее императором Фридрихом III. Вообще о королеве Виктории см. интересную статью-некролог Дионео, появившуюся сначала в «Русском богатстве», а потом перепечатанную в сборнике его статей «Очерки современной Англии» (1903). См. там же статью «Смена течений», написанную по поводу празднования «бриллиантового» юбилея Виктории. Автор, между прочим, пользуется опубликованными дневниками королевы, из которых делает тот

от нее к Эдуарду VII в истории современной Англии начался новый период более самостоятельного и деятельного вмешательства королевской власти в государственные дела (главным образом, во внешнюю политику).

Переходим теперь к более детальному изложению истории Англии за два последних десятилетия царствования Виктории, начиная с 1880 г., когда вслед за блестящей победой либералов на выборах в парламент Гладстон снова был призван к образованию министерства.

Гладстоновский кабинет 1880 г. заключал в себе много выдающихся деятелей как умеренно либерального, так и радикального оттенков. Из первой категории отметим маркиза Гартингтона¹, лордов Спенсера, Гренвиля и Фоссета, ко второй принадлежали Чемберлен, Фёрстер, Джон Брайт, Гаркорт, Чарльз Дильк².

Большое количество таких видных деятелей в кабинете заставляло его главу считаться с их личными мнениями гораздо более, чем это обыкновенно было принято в практике английских министерств; довольно было, например, присутствия в кабинете одного Чемберлена, чтобы нельзя было говорить о безусловном подчинении его членов видам премьера³. С другой стороны, неоднородность состава кабинета, существование в нем двух расходившихся между собой по многим вопросам течений, нередко заставляли Гладстона принимать решения по большинству голосов, что опять было отступлением от сложившегося раньше порядка, дававшего больше самостоятельности премьеру в выборе решений.

вывод, что Виктория была «типичной женщиной современных средних классов», т. е. «отличной матерью, заботливой хозяйкой и такой же большой скопидомкой», понявшей, что в Англии королевский сан стал простым символом, и устранившейся от дел еще в силу своего темперамента и умственного склада. На всем этом и основывалась ее популярность, которая, однако, не старше шестидесяти лет».

¹ Маркиз Гартингтон (с 1891 г., после смерти своего отца, герцог Девонширский) в 1875 г., когда Гладстон временно слагал с себя лидерство либеральной партии, по единодушному желанию партии занял его место, вследствие чего в 1880 г. Виктория именно ему хотела поручить составление нового министерства, тем более что он был гораздо умереннее Гладстона. Впоследствии он отделился от Гладстона из-за ирландского гомруля и сделался главой так называемых юнионистов (см. ниже), а в 1895 г. даже вошел в состав консервативного министерства Солсбери, от чего отказывался еще в 1886—1892 гг. К этому же времени относится его увлечение империализмом.

² Джон Брайт принадлежал к секте квакеров и принимал участие еще в политической агитации перед первой парламентской реформой, а потом в пользу отмены хлебных законов. В парламенте в сороковых годах он сильно содействовал проведению как эмансипации евреев, так и отмене кромвелевского навигационного акта, в 1854 г. смело протестовал против войны с Россией, а в шестидесятых сделал очень много для осуществления второй реформы парламентских выборов, сам проект которой в значительной мере принадлежал ему. Он уже участвовал в первом министерстве Гладстона. Впоследствии (1886 г.) он, не сочувствуя ирландскому гомрулю, стал в ряды его противников. О нем: *Robertson. Life and times of J. Bright* (1883). Чарльз Дильк, избранный впервые в парламент в 1868 г., примкнул к самым передовым радикалам и, не стесняясь, высказывал свои республиканские убеждения.

³ В 1884—1885 гг. в состав кабинета вошли еще Кэмпбелл-Баннерман и лорд Розбери.

Одним из главных вопросов, на котором должно было быть сосредоточено внимание Гладстона и его товарищей, был вопрос ирландский. Мы видели в своем месте, что реформы, проведенные им в первое свое министерство, не успокоили брожения в Ирландии, как не помогали в этом и репрессивные меры, скорее даже приводившие к диаметрально противоположному результату. С самого же начала после вторичного вступления во власть Гладстон заявил о бесцельности репрессий и о необходимости по этой причине их устранения. Лучшим средством успокоения Ирландии он признал продолжение реформ, которые положили бы конец печальному состоянию ирландской народной массы. В земельном акте, изданном в первое министерство, был пробел, позволявший лендлордам совсем не вознаграждать за сделанные улучшения арендаторов, удаляемых за неплатеж денег, что особенно давало о себе знать ввиду страшно увеличившегося числа выдворений. В смысле пополнения этого пробела Гладстон составил и внес в палату общин билль, прошедший в этой палате не очень значительным большинством голосов, но отвергнутый чуть не пятью шестых голосов, поданных в палате лордов. Известие о провале в парламенте нового земельного билля Гладстона, разумеется, должно было только еще сильнее раздражить ирландцев, как это и обнаружилось в значительном росте цифры аграрных преступлений. Ввиду этого министерству трудно было теперь думать о прекращении действия исключительных мер в Ирландии. Мало того, министерство в 1881 г. выработало и поставило на первую очередь билль о защите собственности в Ирландии («Protection of property bill»), лишь по рассмотрении которого должен был сделаться предметом обсуждения новый земельный билль. Такой порядок рассмотрения ирландского вопроса и само предложение особых мер против аграрного движения сильно вооружили против министерства всю группу, в шестьдесят человек, ирландских депутатов с Парнеллем во главе: она прибегла к обструкции путем бесконечно длинных речей, донельзя затягивавших заседания палаты, что заставило правительство предпринять изменения в парламентском наказе¹. Такая тактика ирландских депутатов

---

¹ Так называемая обструкция не была средством совершенно новым. Она была возможна потому, что английский парламент не знал постановлений о прекращении прений, и каждый член палаты мог записываться говорить столько раз, сколько ему было угодно. Кроме того, достаточно было только одному лицу заявить желание, и голосование производилось выходом согласных и несогласных в разные двери и потом возвращением не через те двери, в которые совершался выход, на что, конечно, уходило много времени. Как-то один ирландец во время дебатов заметил спикеру, что в зале есть посторонние люди, и успокоился лишь тогда, когда трибуны, — где, между прочим, находился наследник престола, — были очищены. (В старину парламент считал своей привилегией заседать при закрытых дверях, без посторонних слушателей. Особые места для публики, *strangers gallery*, были устроены только после 1832 г. Но и после этого можно было потребовать удаления посторонней публики. Зрители сидят на своих местах лишь потому, что их якобы «не видят», но за последнее время принято правило, по которому вопрос об удалении посторонних решается баллотировкой.) В 1882 г. Гладстон

могла, самое большее, замедлить движение билля по инстанциям. В конце концов, билль был принят обеими палатами и утвержден королевой, после чего Гладстон мог обратиться к другой, более важной части своего плана умиротворения Ирландии. Существенными чертами нового ирландского ленд-билля были дозволение арендаторам переуступать свои фермы третьим лицам без права землевладельца повышать при этом арендную плату и установление особых комиссий, которые по жалобе арендатора могли бы определять справедливую для каждого случая арендную плату, притом на целых пятнадцать лет. Значение этого законопроекта, обеспечивавшего интересы арендаторов, понятно, но именно это-то и вооружило против него лендлордов и всех консерваторов, увидевших в билле покушение на принцип неприкосновенности частной собственности, весьма опасное, как прецедент, и для самой Англии. Можно поэтому себе представить, какую оппозицию вызвал новый аграрный закон со стороны консерваторов. Прения по этому биллю, очень горячие, продолжались в течение почти шестидесяти заседаний в августе 1881 г., пока он все-таки не превратился в закон; но ирландские представители в палате общин особой помощи Гладстону не оказали, будучи недовольны им за первый билль. Вскоре после принятия ирландского аграрного закона члены незадолго перед тем возникшей в Ирландии Земельной лиги собрались на очередной съезд, на котором общее направление правительственной политики подверглось осуждению, принятие парламентом «land-act'a» было признано лишь за уступку, вынужденную Земельной лигой, и было постановлено добиваться гоумруля. Главным руководителем ирландской оппозиции был в это время Чарльз-Стюарт Парнелль.

Происходя из старого английского рода¹ и принадлежа по рождению к англиканской церкви, Парнелль, как и многие из его старшей родни, был настоящим ирландским патриотом, хотя и довольно плохо знал ирландское наречие. В парламент он попал в середине семидесятых годов и весьма быстро своей систематической и упорной оппозицией консерва-

---

провел в палате общин новое правило о возможности постановлять прекращение прений (cloture), сделав даже из своего предложения кабинетский вопрос, но по желанию палаты было принято, чтобы в случае несогласия на прекращение прений сорока человек последнее не могло иметь места. Нужно прибавить, что вопрос впервые был поставлен еще в тридцатых годах.

¹ Дед Парнелля был членом ирландского парламента и одно время занимал должность министра финансов. Между прочим, он высказался в 1798 г. против унии с Англией. Сам Парнелль по всему своему облику был типичный английский джентльмен и своей выправкой, сдержанностью, вежливостью резко отличался от большинства ирландских депутатов, державших себя *sans façon* (буквально «без хвороста» (англ.), т. е. «развязно». — *Прим. ред.*), что даже его несколько шокировало. (Когда однажды кто-то из его товарищей его позвал просто по имени, то он его поправил: «мистер Парнелль».) Парнелль был одним из инициаторов Земельной лиги, и ему же принадлежит основная идея так называемого бойкота. Перед выборами 1880 г. он ездил в Америку, где собрал в пользу ирландцев 72 тыс. фунтов стерлингов.

тивному правительству, — оппозицией, не останавливавшейся и перед обструкцией, — снискал себе такую популярность на родине, что сделался, подобно в свое время О'Коннелю, «некоронованным королем Ирландии». В 1880 г. он уже был лидером ирландской группы в палате общин, выступив самым резким оппонентом гладстоновского репрессивного билля 1881 г. Например, ему удалось затянуть одно заседание палаты общин более, чем на сорок часов сряду (с 4 ч. дня 31 января до 9 ч. утра 2 февраля). «Речи ни к чему, — говорил он, — и словами мы битвы не выиграем. Нам просто нужно сделать невозможной работу палаты. Мы им должны показать, что раз они не делают того, что нам нужно, мы им ничего вообще не позволим делать». Уже в 1879 г. было высчитано, что в одну сессию Парнелль говорил 500 раз. За непарламентское поведение он был один раз устранен из заседаний на несколько дней и выведен силой из залы, когда не захотел повиноваться такому постановлению. Его товарищи пошли по его стопам и тоже один за другим были удаляемы из заседаний. Выступление Парнелля с резкими предложениями на съезде Земельной лиги послужило поводом к его аресту на основании репрессивного закона, приостановившего в Ирландии действие «*habeas-corpus-act'a*», но едва Парнелль и другие вожди ирландского движения были посажены в тюрьму¹, как появилось за их подписью воззвание к ирландцам, приглашавшее их не платить арендных денег, доколе защитники народа будут сидеть в заключении. Тогда министерство поспешило признать Земельную лигу противозаконным и опасным обществом и сделало распоряжение о ее закрытии². Аграрный террор в Ирландии только усилился к вящему злорадству консерваторов, предложивших в палате лордов назначить парламентскую комиссию для исследования результатов нового аграрного акта, которая, как они думали, даст неблагоприятные для правительства выводы. Лорды, конечно, согласились на это предложение, но оно вызвало в палате общин резкую отповедь со стороны Гладстона, указавшего на то, что лорды не могут быть судьями правительства, на стороне которого находится большинство народных представителей. В этом смысле была составлена и принята почти двумя третями голосов особая резолюция.

Между тем возбуждение, царившее в Ирландии, только усиливалось. В стране энергично действовали отряды «рыцарей лунного света» («*moonlighters*») и «белых ребят» («*white boys*») и образовалась осенью 1881 г. фе-нианская ассоциация «непобедимых» («*invincible*»)³, проповедовавших политические убийства. Гладстон еще раз должен был убедиться, что ре-

¹ В Kilmainham'e.

² Но тогда же сестра Парнелля образовала Женскую земельную лигу (*Ladies land league*).

³ Это была секция так называемого «Ирландского республиканского братства», которое было против парламентского способа борьбы и проповедовало необходимость физической силы. Сторонники этой идеи жили преимущественно в Северной Америке и в Париже.

прессивными мерами нельзя ничего достигнуть. Поэтому через одного из приятелей Парнелля он вступил с ним в переговоры, а потом объявил кабинету, что желает освободить из тюремного заключения вождей Земельной лиги, а также подвергнуть пересмотру списки других лиц, которые были заподозрены, как соучастники аграрных преступлений, и поэтому тоже сидели в тюрьмах. Статс-секретарь по делам Ирландии Фёрстер, недовольный этой мерой, вышел из состава кабинета; равным образом подал в отставку и лорд-наместник Ирландии Коупер (2 мая 1882 г.). Первого из них заменил лорд Кавендиш, второго — Спенсер, разделявшие взгляды Гладстона о том, что нужно для умиротворения Ирландии. Через несколько дней Спенсер и Кавендиш были уже в Дублине, где как вестники мира были встречены населением очень хорошо, тем более, что отставку Фёрстера объясняли его оппозицией соглашению, состоявшемуся, как говорили, между Гладстоном и Парнеллем, выпущенным из тюрьмы. Но в тот же самый день (6 мая), когда Кавендиш в сопровождении своего помощника Бёрка проходил по Феникс-парку, на них напало несколько «непобедимых», и оба они были убиты¹. Хотя официальные вожди ирландского движения торжественно отреклись от всякой солидарности с этим преступлением и по инициативе Парнелля во всех больших городах Ирландии были устроены митинги негодования, делу соглашения с ирландцами этим событием в Феникс-парке, страшно взволновавшим общественное мнение в Англии, был нанесен непоправимый удар. Сам Гладстон, вероятно, не удержался бы на своем посту, если бы немедленно же не внес в парламент «билль о предупреждении преступлений» (prevention of crimes bill), расширявший на три года полномочия полиции при обысках и арестах, а главное — вводивший особые судебные комиссии для рассмотрения некоторых преступлений. Правда, почти одновременно с этим биллем Гладстон внес в парламент и другой — о способах предупреждения выдворения арендаторов, обремененных большими недоимками, но это не смягчило ирландскую оппозицию в палате общин, снова обратившуюся к упорной обструкции и доведшую себя до удаления ирландских членов, одного за другим, из зала заседания. В начале июля превентивный билль был принят, как через несколько времени был принят и другой, т. е. о недоимках. Вместе с законом 1881 г., особенно после образования комиссии, устанавливавшей справедливую арендную плату, и эта мера служила делу успокоения Ирландии, возбуждение в которой, однако, сразу все-таки не могло улеяться. И закрытая Земельная лига возродилась лишь под другим названием — «Национальной», и аграрный террор продолжался. В самом Лондоне и в других городах Англии даже совершился ряд динамитных поку-

---

¹ На убийц указал один из соучастников (Carey), за что получил помилование. Под другим именем он был выслан в Капланд, но один из «непобедимых» там его убил.

шений, виновниками которых были ирландцы¹. Все это постепенно приводило Гладстона к мысли о необходимости дать возможно полное удовлетворение ирландским требованиям, особенно после того, как парламентская реформа 1884—1885 гг. усилила, как это обнаружилось на выборах 1885 г., число гомрулеров в парламенте. В Ирландии во все остальные годы министерства Гладстона Парнелль продолжал оставаться «некоронованным королем». В 1883—1884 гг. ирландцы даже собрали по подписке около 40 тыс. фунтов стерлингов для поднесения их Парнеллю в виде национального подарка.

Другими важными мероприятиями, проведенными во второе министерство Гладстона, были третья избирательная реформа, законы 1880 г. об обязательности бывшего прежде только факультативным² начального народного образования и об увеличении ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими, закон 1885 г. о замене религиозной присяги для членов парламента, не желающих ее давать, торжественным обещанием добросовестно исполнять свои обязанности³, и др.

Что касается третьей реформы парламентских выборов, то еще в своих мидлотианских речах Гладстон указывал на необходимость дальнейшей демократизации английских учреждений, но внести в парламент проект расширения избирательного права ему удалось только в феврале 1884 г. Сущность этого проекта заключалась в том, чтобы и на графства были распространены приблизительно те же условия пользования избирательными правами, какие реформой 1867 г. были установлены для городов. В середине восьмидесятых годов в Англии насчитывалось около двух с половиной миллионов лиц, имевших право участвовать в парламентских выборах; теперь это число должно было более нежели удвоиться и дойти до пяти с половиной миллионов человек. В палате общин проект имел большой успех. При втором чтении высказалось за него более трех пятых голосов, а в третьем чтении он был принят единогласно, правда, потому, впрочем, что оппозиция в голосовании демонстративно не участвовала, будучи вполне убеждена, что лорды отвергнут реформу. Оппозиция в верхней палате при-

---

¹ Например, в начале 1884 г. была найдена бомба в здании парламента, и в тот же день произошел взрыв бомбы у Тауэра.

² Закон о всеобщей обязательности школьного образования называется *The elementary education act*. См.: *Balfour*. Educational systems of Great Britain and Ireland; *Craik*. The state in its relation to education (1898); *Holman*. English national education (1898). В 1891 г. начальное образование было сделано даровым

³ Вспомним инцидент с Брэдли (Bradlaugh), избранного в 1880 г. в парламент, но не могшего занять в нем места из-за своего нежелания, как атеиста, принести установленную присягу. Правда, Гладстону удалось склонить парламент к замене в данном случае присяги обещанием, но суд признал это неправильным. Это повторялось не раз, пока в 1885 г. Гладстон не добился узаконения парламентом такой замены, как общего для известных случаев правила. Брэдли написал автобиографию, но, кроме того, имеются его биографии, написанные Headingley'ем и Маскау'ем.

бегла, однако, к другой тактике, предложив поправку к биллю относительно распределения избирательных округов: правительство должно было ее отвергнуть, и дело поэтому — затормозиться. Расчет оказался верным, сессия кончилась ничем. Известие о сопротивлении лордов биллю о реформе вызвало в Англии массу митингов сторонников реформы, выражавших свое негодование по поводу поведения лордов¹. Между тем Гладстон, собираясь внести в парламент свой билль вторично, решил на этот раз сделать ториям кое-какие уступки, к чему склоняла его и королева Виктория, вместе с тем, предложившая ему, с другой стороны, повлиять и на вождей оппозиции в смысле уступчивости, лишь бы только избежать конфликта между обеими палатами. Королева даже взяла на себя инициативу встречи между вождями обеих партий для выработки условий, на которых могло бы совершиться полюбовное соглашение, — необычайный способ уладить дело, вызывавшийся, по ее заявлению, серьезностью момента. Гладстон дал на эту комбинацию свое согласие, равно как лорд Солсбери, бывший после смерти Биконсфильда лидером ториев. Билль был внесен Гладстоном 23 октября, а месяц спустя (19 ноября) в его доме состоялось первое совещание представителей обеих сторон. На эти переговоры потребовалась неделя, и когда они пришли к благополучному концу, Гладстон поспешил известить королеву об этом счастливом обстоятельстве. Теперь реформа могла рассчитывать на успех, и, действительно, она прошла так быстро, что уже 6 декабря проект получил силу закона. Остался только неразработанным вопрос об изменении избирательных округов, на решение которого потребовалось еще полгода, пока соответственный билль тоже не прошел через обе палаты и не был утвержден королевой².

Новый избирательный закон³ получил название «акта в народном представительстве», в чем сказалось влияние радикальной идеологии, хотя, на самом деле, порядок, устанавливавшийся этим актом, был простым компромиссом и избирательное право рассматривалось в нем по-прежнему, как привилегия, льгота, «franchise», а не право, принадлежащее каждому гражданину. Реформа не вводила всеобщего избирательного права: она только распространяла на графства условия пользования избирательным правом, которые предыдущая реформа установила для городов. Именно, избирательное право давалось всем домовладельцам («household vote») и квартиронанимателям («lodger vote»), платящим 10 фунтов в год,

¹ Об агитации в пользу третьего акта о реформе см. особую главу (с. 526—553) во II томе «Платформы» Г. Джефсона (рус. пер. 1901 г.). Видную роль играло в этом случае начавшееся в семидесятых годах движение среди сельских рабочих, руководимое Джозефом Арчем. Для последнего: *Arch J. The story of his life told by himself* (1898); о самом движении; *Heath. The english peasantry* (1883).

² Вот почему третья парламентская реформа датируется то 1884 г., то 1885, то 1884—1885 гг.

³ *Seager B. The representation of people and the redistribution acts of 1884—85* (1885); *Heaton. Three reforms of parliament* (1885).

а кроме того, устанавливалось и для городов, и для графств новое «*service vote*»¹ — для всех лиц, которые, не платя местных налогов, по своей должности на общественной или частной службе пользуются квартирой. Эта реформа повысила число избирателей с 2 660 444 (цифра 1884 г.) до 4 395 176 (1886), т. е. более чем на один миллион семьсот тридцать четыре тысячи, — а в Ирландии число избирателей даже утроилось, — но приблизительно такое же количество взрослых мужчин осталось лишенным этого права, как то сыновья, живущие при родителях, лица, занимающие меблированные комнаты, прислуга, очень многие сельские рабочие и т. п. Радикальная формула «*one man, one vote*» (каждому человеку голос) не была осуществлена и в том отношении, что зажиточные люди могли быть избирателями не в одном, а в двух и больше округах. Вместе с этим было произведено перераспределение (*redistribution*) избирательных округов с увеличением числа членов парламента с 658 до 670 человек, причем, однако, число ирландских депутатов осталось прежним, Шотландия же именно и получила двенадцать новых мест².

Конечно, реформа 1884—1885 гг. не была вполне демократической, но, во всяком случае, она сильно демократизировала английскую избирательную систему. Внося свой билль в палату общин, Гладстон ссылаясь на то, что распространение избирательного права на всех пригодных для этого граждан, — безразлично, будет ли их много, или мало, — равносильно умножению сил государства. Интересно, что со стороны консерваторов в палате общин никто Гладстону не возражал. Весь правящий класс Англии, который представлен в парламенте девятьюдесятью общего числа депутатов без различия партий, признал, таким образом, необходимость, даже прямую неизбежность демократизации народного представительства. Акты 1884 и 1885 гг. являются поэтому одной из важнейших реформ, произведенных Гладстоном во второе свое министерство.

Внешняя политика в это второе министерство Гладстона отличалась большим миролюбием в противоположность задорно-воинственному направлению его предшественника. От Биконсфильда он унаследовал войну с Афганистаном, успешно окончив которую, и не подумал ни присоединить эту страну, ни оставить английские войска в ней, ни, по крайней мере, объявить над ней английский протекторат. Кроме того, Гладстон, не одобрявший во время избирательной кампании присоединение Биконсфильдом Трансвааля к Южной Африке, не подумал также начать войну

---

¹ «Избирательное право для служащих» (англ.). — *Прим. ред.*

² Сущность редистрибуции заключалась в том, что сто слишком бургов (*boroughs*) перестали быть самостоятельными избирательными округами, а 37 бургов должны были довольствоваться — каждый — одним представителем, но зато графства получили большее, чем прежде, число депутатов; при этом сами графства, как и города, выбирающие более чем одного депутата, были разделены на отдельные избирательные округа.

с бурами, когда они подняли восстание, но вступил с ними в переговоры, согласившись признать независимость Трансвааля сначала с формальной оговоркой относительно сюзеренных прав Англии (трактат 1881 г.), а потом и без этого упоминания (трактат 1884 г.), — только без права самостоятельной внешней политики. Эту уступчивость противники Гладстона ставили ему в вину, как проявление слабости, грозящее Англии потерей престижа и разными осложнениями, как упрекали они Гладстона и за уступчивость по отношению к России в столкновении из-за Мерва. Занятие русскими, в 1884 г., этого средне-азиатского оазиса возбудило в англичанах страх за Афганистан и даже за Индию. Оба правительства, английское и русское, решили полюбовно установить границы Афганистана, но прежде чем собралась комиссия, которая должна была заняться этим делом, в одном пограничном пункте генерал Комаров разбил афганцев и овладел этим пунктом¹. На этот раз Гладстон проявил большую энергию, потребовав у парламента чрезвычайного кредита на усиление армии и флота, но когда русский император согласился передать вопрос о правильности действий Комарова на решение датского короля, Гладстон вполне был этим удовлетворен, вызвав и на сей раз проявлением своего миролюбия упреки с указаниями на то, что Биконсфильд, конечно, со своей стороны, России не спустил бы, и что она дорого поплатилась бы за свои агрессивные действия по отношению к афганцам.

Поведение Гладстона в египетском вопросе, равным образом, не нравилось консерваторам и даже либералам. В другом месте мы видели, что в сентябре 1882 г. Англией, в сущности, было произведено завоевание Египта. Конечно, большинство нации одобрило бы прямое присоединение завоеванной страны к Англии, но это противоречило бы тому осуждению, с каким Гладстон относился, во время своей кампании против Биконсфильда, к присоединению Кипра и Трансвааля. Поэтому он ограничился лишь объявлением временной оккупации Египта. Когда, как известно, в зависевшем от египетского хедива (больше номинально) Судане произошло восстание, и поставленный во главе египетского войска английский генерал Гордон оказался окруженным инсургентами, а министерство своей медлительностью не предупредило постигшей его катастрофы, общественное мнение Англии свалило всю вину за нее на министерство, и даже сама королева в этом смысле послала Гладстону и военному министру Гартингтону телеграммы с упреками. В феврале 1885 г., немедленно по открытии сессии, Солсбери провел в палате лордов резолюцию, порицавшую деятельность правительства, и такое же предложение было сделано Норткотом в палате общин. Очень опасным для кабинета было то обстоятельство, что отклонена она была лишь большинством в четырнадцать голосов.

---

¹ Подробнее ниже, в гл. XXV.

В кабинете даже возник вопрос, не следует ли ему подать в отставку, и при этом голоса разделились поровну. Гладстон высказался в отрицательном смысле, по крайней мере, до окончания вопроса о перераспределении избирательных округов для завершения третьей реформы выборов. Мервский инцидент последовал немедленно за известием о суданском поражении и тоже сильно поколебал положение Гладстона.

В самом кабинете Гладстона к 1885 г. образовался разлад. Более умеренные его члены были крайне недовольны поведением Чемберлена и прямо советовали Гладстону как-нибудь его укоротить, в то же время нередко впадая в разногласия с самим премьером, заставлявшие их иногда заговаривать о своей отставке. «Сегодня, — сказал Гладстон в шутку одному из своих товарищей, — у нас было хорошее заседание, потому что только три министра говорили о выходе в отставку». Премьер, однако, умел сглаживать разногласия и настаивать на солидарном проведении мер, принятых большинством или же особенно им лично одобрявшихся. Скрыть вполне эти разногласия от других, конечно, было трудно, тем более что Чемберлен нередко публично выступал с мнениями, которые большинством его товарищей отнюдь не разделялись.

Нам уже часто встречалось имя Чемберлена, как организатора того, чему в Англии дали американскую кличку «саусус'а». Мы знаем, что он вступил в политическую жизнь с очень радикальными взглядами. В качестве председателя Национальной лиги образования он критиковал школьный закон Фёрстера за субсидирование вероисповедных школ. Свою политическую карьеру он сделал на почве своей весьма успешной муниципальной деятельности, в качестве сначала члена городского совета, потом мэра Бирмингэма, замечательно улучшившего внешний вид и быт населения этого города, добившись известности и своими дельными статьями по разным вопросам городского хозяйства, которые он разрешал, большей частью, в направлении (пользуясь позднейшим термином) «муниципального социализма». Кроме того, он интересовался вопросами внешней торговли и колониальной политики, довольно рано обнаружив только впоследствии выступившие во всей яркости империалистские стремления. В 1880 г. Гладстон сделал Чемберлена в своем кабинете министром торговли, в каковой должности он провел несколько биллей по этой специальности. Ирландская политика премьера имела в нем одного из наиболее сочувствовавших ей помощников, и потому он был в числе лиц, которым принадлежал почин в переговорах 1882 г. между Гладстоном и Парнеллем, когда последний сидел еще в тюрьме. В начале 1885 г. в Бирмингеме Чемберлен произнес ряд речей, доказывая необходимость радикального преобразования палаты лордов, введения всеобщего голосования, принудительного отчуждения крупной поземельной собственности, прогрессивного обложения и т. п. и давая вообще обещания, исполнение

которых едва ли могло входить в планы министерства, что и заставляло его товарищей жаловаться на него главе кабинета. В это время Чемберлен еще считал себя совершенно солидарным с Гладстоном и даже принял пост в третьем его министерстве, — скоро, впрочем, оставленный из-за нежелания поддерживать начатую Гладстоном политику ирландского гомруля. Мы увидим, что менее чем через десять лет Чемберлен был уже членом консервативного министерства Солсбери, в котором его былой радикализм стал выдыхаться¹, все более и более уступая место империализму. В последние годы XIX в. и он был одним из главных разжигателей шовинистического настроения англичан против буров. Весь этот поворот Чемберлена слева направо совершился уже после второго министерства Гладстона: в 1885 г. по своему радикализму Чемберлен играл еще роль *enfant terrible*² стоявшей у власти политической партии, и никак нельзя было ожидать, что если он порвет когда-либо с Гладстоном, то не для того, чтобы идти в сторону еще большего радикализма.

Разногласия в гладстоновском кабинете в 1885 г. существовали, между прочим, и по вопросу о дальнейшем направлении ирландской политики. Более умеренные члены кабинета и слышать не хотели о каких-либо новых уступках, тогда как сам Гладстон и некоторые другие министры не прочь были дать Ирландии местные выборные советы с объединяющим их деятельность центральным органом, которым были бы предоставлены широкие административные полномочия. Хотя при этом политические функции должны были бы быть устранены, Парнелль соглашался и на такую комбинацию, ставя со своей стороны лишь условие, чтобы по истечении трехлетнего срока, на который вотиrowался превентивный акт 1882 г., последний более не возобновлялся. По поводу и этого вопроса в кабинете было разногласие, настолько, вдобавок, значительное, что решение было принято не сразу. Последнее состоялось в пользу продления исключительных мер на два года, но с разными смягчениями и с одновременным внесением в парламент билля об облегчении арендаторам в Ирландии покупки своих участков в полную собственность. Парнелль ни за что не хотел допустить продления репрессивного акта и, видя, что в министерстве провалился план административной реформы в Ирландии, внял более, чем намекам консерваторов о том, что перейди к ним только власть, они тотчас же отказались бы от продления «*prevention of crimes act*’а». На этой почве между главой ирландских гомрулеров и лидерами консерваторов состоялись переговоры, приведшие к тому, что в одном голосовании ирландцы присоединились к консерваторам и оставили министерство в меньшинстве.

¹ В 1902 г. он уже отстаивал тогдашний правительственный проект об усилении влияния духовенства в школах из уважения к голосу нации, требующей-де, чтобы в школах преподавался Закон Божий.

² «Ужасный ребенок» (фр.). — Прим. ред.

Образовавшийся после этого кабинет Солсбери исполнил свое обещание, не подняв вопроса о продлении ненавистного ирландцам закона. Прежде, однако, чем перейти к истории этого министерства, нам нужно еще остановиться на внепарламентской деятельности политических партий Англии после 1880 г.

Победа либералов на выборах 1880 г., приведшая к образованию второго министерства Гладстона, рассматривалась многими, как результат деятельности того, что, краткости ради, мы условимся обозначать термином «саусус»¹. Некоторые думали, что вся цель существования либеральной организации для всей страны заключалась в том, чтобы сокрушить власть торигов, и что раз цель эта была достигнута, в дальнейшем в существовании организации не было более ни малейшей надобности. Иного мнения держались главари организации, полагавшие, что ее роль, наоборот, только началась, и что в дальнейшем эта роль должна была бы заключаться в доведении до сведения правительства идей и стремлений английского либерализма и в оказании влияния на правительство в смысле их проведения в жизнь. Особую трудность представляла, собственно говоря, вторая задача, потому что, в данном случае, дело шло о том, как принуждать парламентское большинство к принятию предлагаемых министерством мер. Прежде взаимные отношения правительства и правительственного большинства основывались на взаимном доверии, которого ничто, конечно, не могло заменить, раз его в данный момент не было налицо. С вторичным вступлением Гладстона во власть в 1880 г. парламентское положение не могло считаться вполне благоприятным для министерства. У Гладстона не было однородного, компактного большинства, так как более умеренных либералов пугал его план аграрной реформы в Ирландии, а ирландская партия, руководимая Парнеллем, тормозила своей обструкцией всю парламентскую работу, думая этим путем добиться гомруля. Ввиду такого положения дел центральный комитет «Национальной либеральной федерации» разослал по всем местным ассоциациям циркуляр с жалобой на то, что среди либеральных членов палаты общин нашлись такие, которые «не были всем сердцем преданы своим лидерам». Это настроение квалифицировалось, как отсутствие лояльности (disloyalty), совершенно нетерпимое, против которого рекомендовалось принять меры. Циркуляр возымел свое действие: в самом непродолжительном времени на депутатов посыпались телеграммы и письма от избирателей с требованием ревностнее поддерживать правительство. В Бирмингеме на торжественном собрании «шестисот» было провозглашено, что все нелояльные депутаты должны быть прогнаны со своих мест. Каждый раз, как в парламенте замечалось нежелатель-

¹ Предыдущая история того, о чем далее идет речь, изложена в первой части настоящего тома. В дальнейшем мы следуем, главным образом, работе М. Я. Острогорского, указанной в т. VI, ч. I.

ное для вождей «Федерации» настроение, тотчас же приводились в движение все местные организации, устраивались митинги, составлялись петиции в парламент, посылались депутатам представления и даже прямые приказания. Например, от депутатов строго-настрого требовали, чтобы они непременно были в таком-то заседании и подавали голос в таком-то смысле. Тон по-прежнему задавался Бирмингемом, который первый подавал голос и начинал кампанию по всей линии. «Быстрота, — говорит историк организации, — быстрота, с какой демонстрации местных «коукёсов» следовали за парламентскими событиями, служившими для них предложениями, сама уже по себе доказывала, сколь мало были они обязаны своим происхождением самостоятельной работе общественного мнения»¹, и потому Чемберлен совершенно напрасно оспаривал людей, говоривших, что в стране существуют «фабрики общественного мнения, в которых на заказ выделывают и пыл, и единодушие». В обществе, действительно, шел слух, что всем делом заправляли три-четыре члена бюро «Национальной либеральной федерации», и что все нити были в руках Чемберлена, приводившего их в движение. Сам Чемберлен протестовал против «лестного для него, но вполне ошибочного мнения», будто он один является воплощением всего бирмингемского «коукёса». Несмотря на все эти нарекания, «Национальная либеральная федерация» все более и более укрепляла свои позиции и в 1882 г. доказала свою силу, вмешавшись в дело пересмотра наказа палаты общин по поводу усилившейся тенденции прибегать к обструкционизму. Гладстон предложил для пресечения злоупотребления правом говорить в палате без конца новый регламент, хотя сам раньше защищал обструкцию, как орудие, без которого меньшинству иногда трудно обходиться, и на защиту свободы речи выступили теперь не только тории, но и либералы, находившие опасным дать большинству дискреционную власть в любой момент объявлять прекращение прений. Иначе отнеслась к вопросу бирмингемская ассоциация, тотчас же разославшая циркулярное воззвание ко всем другим ассоциациям о необходимости оказания поддержки министерству, и в том же самом смысле высказалось и центральное бюро. Противники нового наказа стали высказывать опасение, как бы он не превратил сам парламент в учреждение для простого регистрирования воли «коукёса» и приказов партийной прессы. Гладстон всячески уверял оппонентов в том, что либеральная партия никогда не сделает из прекращения прений партийного орудия против конституционной оппозиции, но, в таком случае, говорили «молодые радикалы» устами Лабушера, пожалуй, не стоит и приходить в палату, чтобы подавать голос за министерский проект. Дело в том, что эти «молодые демократы» отнюдь были не прочь пользоваться прекращением прений по воле боль-

---

¹ Ostrogorski M. La démocratique etc. I, 197.

шинства в интересах партии, тем более что этим они думали упрочить господство демократии с перспективой в будущем императивных мандатов, которые даже сделали бы совсем излишними прения в палате, раз все будет решаться непосредственно народом. Местные «коукёсы», приведенные в движение сторонниками нового наказа, стали настаивать на том, чтобы их депутаты подавали голоса за принятие проекта. Один непослушный член парламента был даже призван к ответу за свое поведение «коукёсом» его города. Сам Гладстон, соглашавшийся на кое-какие уступки в пользу всяких меньшинств, отказался от них, когда устроенные местными «коукёсами» митинги провели ряд резолюций о возможности постановлять прекращение прений простым большинством и заставили большинство либеральных депутатов стать на точку зрения «молодых радикалов».

Ассоциации «Национальной либеральной федерации» не ограничивались только организацией выражения общественного мнения в желательном для них направлении (даже притом в таких случаях, когда сами были плохо осведомлены относительно существа министерских проектов), но и задерживали образование общественного мнения, когда считали это полезным. Мы видели, что внешняя политика Гладстона в Трансваале, в Египте, в Судане, в Афганистане, не считалась благополучной, но заправила названной федерации находили ненужным по поводу неудач этой политики поднимать в стране агитацию, «чтобы не ставить Гладстона в затруднительное положение».

С каждым годом национальная организация «коукёса» и ее местные разветвления укрепляли все более и более свою позицию и принимали характер резкой исключительности. В восьмидесятых годах одна местная организация еще раз показала свою силу в конфликте с одним заслуженным политическим деятелем, — случай, который наделал не менее шума, чем конфликт Фёрстера с брэдфордской организацией. На этот раз столкновение произошло с настоящим радикалом и демократом Джозефом Коуэном (Cowen¹). Богатый фабрикант, он немало потрудился над организацией для рабочих кооперативных обществ, библиотек, курсов, участвовал в демократической агитации, унаследовав общий дух чартизма, и всячески искал сближения с рабочими. О его общем настроении можно судить по тому, что еще совсем молодым человеком он был близок или, по крайней мере, водил компанию с континентальными эмигрантами в Лондоне: с Мадзини, Луи Бланом, Герценом и другими. В 1874 г. родной город, Ньюкасл-на-Тайне, послал Коуэна в парламент, где он скоро прославился своим ораторством и вместе с тем большой независимостью личного мнения, позволявшей ему нередко выступать против вождей либерализма, когда он находил их неправыми. Между прочим, он высказался и против

---

¹ Jones E.B. Life and speeches of J. Cowen (1885).

гладстоновского наказа палаты общин. Это и вообще нежелание Коуэна подчиниться до полного самоотречения партийной дисциплине вооружили против него ньюкаслский «коукёс», начавший его всячески дискредитировать в глазах местного населения. Когда в 1882 г. освободилось одно из двух депутатских мест от Ньюкасла, ассоциация выставила кандидатом на его место Джона Морлея, желая затмить этим именем все еще популярного в городе Коуэна. Во время выборной кампании 1885 г. Коуэн сводил свое разногласие с вождями «коукёса» к тому, что сам он выдвигал на первый план принципы либерализма, они же — либеральную партию, что для него важны мероприятия, для них — личности. Старые радикалы поддерживали Коуэна своим сочувствием против притязаний «ненавистного саусис'а», но враждебное отношение к прежнему депутату в населении приняло такие размеры, что однажды при появлении Коуэна на улице в него полетели комки грязи и камни. На выборах он прошел только с трудом: благодаря избирателей за доверие, он объявил, что в другой раз он уже не поставит своей кандидатуры. Когда в 1886 г. парламент был распущен, Коуэн так и поступил, объяснив своим сторонникам, почему он не считает для себя возможным выбираться: «Я не хочу, — сказал он между прочим, — сделаться рабом партии или подвергаться без всякой пользы для моих сограждан преследованиям злобы. «Коукёсу» нужна политическая машина, а я человек, никоим образом не машина». Полный отказ Коуэна от политической деятельности знаменовал собой крах старого радикализма, ставившего выше всего принципы и личное убеждение и во имя их отгонявшего от себя всякие сделки с кем бы то ни было ради достижения власти. Кроме Коуэна и другие старые радикалы отстаивали прежние лозунги, критикуя «субституцию индивидуальности машинерией», между прочим, обращаясь и к новым избирателям, рабочим, с советом самим учиться, исследовать, критиковать, оспаривать, а не смотреть на себя, как на автоматическую силу, которой распоряжаются другие. Вместе с этим, они предостерегали от развития демагогии, которая несет с собой опасности для всей политической жизни.

Таким образом, в восьмидесятых годах «коукёс» сыграть роль могильщика старого радикализма. Не менее важную роль сыграл «коукёс» и в судьбах умеренного либерализма. До 1880 г. в организации «сотен» наблюдалось известное равновесие между умеренными и радикальными элементами, но после 1880 г., когда в большей части «коукёсов» был отменен бывший и раньше лишь факультативным, но почти везде фактически существовавший членский взнос, началась быстрая и решительная демократизация этих учреждений, благоприятная стремлениям «молодых радикалов». Одновременно с этим радикальный характер, принятый реформаторской деятельностью Гладстона, поколебал многих умеренных в их прежней верности знамени партии и все более и более склонял их к тому, чтобы при-

слушиваться к предостережениям, с какими к ним обращались тории. Идти к ториям они, однако, все-таки не решались, но, вместе с тем, находили неподходящим при данных условиях основать по образцу делавшегося все более радикальным «коукёса» особую «Moderate liberal union»¹, проект которой уже был даже составлен. Только после того, как в 1885 г. главный представитель нового радикализма и организатор ассоциации, Чемберлен, издал свой избирательный манифест, многие умеренные либералы бросились в объятия тори.

После своего поражения на выборах 1880 г. тори, естественно, должны были задуматься над вопросом, где искать причину этого поражения. Объяснение напрашивалось само собой: оно заключалось в превосходстве либеральной организации «коукёса». Первоначально тори вообще только и делали, что нападали на эту систему, подвергая ее критике и насмешкам, негодуя на ее основу, разоблачая неблагоприятные стороны ее применения на практике. Это не помешало тори после выборов 1880 г. заняться решением вопроса, как бы устроить нечто такое, что было бы похоже на «коукёс», но и не было бы «коукёсом». Смерть вождя, в 1881 г., внесла расстройство в ряды тори, среди которых теперь ясно обнаружилось новое течение, в котором сливались воедино нетерпение более молодых членов и честолюбие плебеев, вошедших в состав этой аристократической партии. Первые находили старых лидеров слишком слабыми, слишком мало предприимчивыми в борьбе с либеральным министерством, а вторые были недовольны тем, что в партии лидерство оставалось по-прежнему в руках представителей аристократизма. Среди членов торийской оппозиции образовалась маленькая группа, всего в четыре человека, так называемая «четвертая партия», которая стала нападать на самого лидера партии Норткота (Northcote), как в свое время Чемберлен и его друзья нападали на своего лидера Гартингтона, — и притом стали нападать не на что иное, как на аристократизм названного вождя торийской оппозиции. До третьей парламентской реформы 1885 г. перевес в графствах принадлежал «джентльменам» Англии, но после реформы 1867 г. представительство от городов тории были вынуждены предоставить людям, которые в их глазах были плебеями, хотя от того, чтобы этим *hominibus novis*² дать равное с собой положение в партии, они были далеки. Консервативное министерство 1874 г. было сплошь составлено из важных имен, новые же люди остались за флагом, несмотря на то, что многие из них сильно содействовали победе ториев на выборах этого года. Отсюда возникло немало обид против «аристократической котерии, завладевшей всеми местами» и вообще «всеми хорошими вещами». Вот эти-то обиды и сказались на возникновении

---

¹ Умеренная либеральная ассоциация (англ.). — Прим. ред.

² «Образумившиеся» (лат.). — Прим. ред.

«четвертой партии» с молодым лордом Рандольфом Черчиллем во главе¹. Недовольная группа обратилась к стране со своего рода манифестом, написанным Друммондом Вольфом и Гёрстом: это был даже настоящий обвинительный акт против партии, лидеры которой «принадлежат, — как сказано было в документе, — к одному и тому же классу и образуют кoterию, составленную из членов аристократии, землевладельцев и их партизан, вся заслуга коих в их сервилизме». Целью недовольных было произвести «радикальную революцию» в организации партии в более народном направлении. Мысль молодых ториев нашла сочувствие в консервативных кругах, где после поражения 1880 г. указывали на пример организации Чемберлена, как на достойный подражания, «не в применении системы, — оговаривались при этом «молодые», — а в ее принципе»: «из этой системы, — указывали они, — нужно взять то, что в ней хорошо, отбросив то, что дурно». «Идея, — говорилось ими еще, — хороша. Чтобы иметь успех, организация должна исходить из народа. Нужно привлечь народ к интересам партийной политики... Нужно, чтобы народ почувствовал, что он может делать нечто большее, нежели только подавать свои избирательные бюллетени». Очень скоро в больших городах и, между прочим, ранее всего в Бирмингеме, стали возникать консервативные ассоциации, построенные на началах «коукёса», тем более начавшие действовать энергично, что в них стали вступать многие представители буржуазии: по мере того, как главные политические и экономические требования этого класса удовлетворялись, а с другой стороны, начинала предъявлять свои требования демократия, среди буржуазии все чаще и чаще стали повторяться случаи перехода из либерального лагеря в консервативный. Классы деловых людей (businessmen) и людей свободных профессий (professionalmen) заключали в своем составе немало лиц, настроенных консервативно, но в то же время не разделявших политического мирозерцания старого торизма, помещичьего и сельского, и не обнаруживавших большой охоты идти на поводу аристократии. Раньше торийская партия состояла, главным

---

¹ О Черчилле, кроме указанной в т. VI ч. I работы Filon'a, см. I. B. Crozier. Lord R. Churchill, a study of the english democracy (1887), а также анонимную брошюру (1887) «Lord Randolph, radical or renegade?», где доказывается, что его нельзя назвать ни радикалом, потому что у него столько же радикальных, сколько и консервативных заявлений, ни ренегатом, так как у него вообще никогда никаких убеждений, собственно говоря, и не было. Он действительно был крайне неустойчив и горяч, что отразилось на его резких выходках в парламенте и на грубом тоне его митинговых речей. В его мирозерцании соединялись отстаивание англиканской церковности и палаты лордов, с одной стороны, и требование всеобщего избирательного права и государственных забот о рабочих — с другой. В 1880—1885 гг. он постоянно нападал на Гладстона, потом был два раза министром в обоих кабинетах Солсбери второй половины восьмидесятых годов, но из второго вышел вследствие разногласий, хотя и поддерживал потом Солсбери, который в начала девяностых годов даже предположил его назначить послом в Париже. Французское правительство не приняло этого назначения, так как Черчилль был страстным почитателем Буланже.

образом, из аристократии и простонародья, теперь же в партии образовалось свое среднее сословие, желавшее тоже играть роль в политической жизни, как местной, так и всей страны. Манифест «четвертой партии» был встречен весьма сочувственно в этой общественной среде. Главой нового, демократического торизма сделался лорд Рандольф Черчилль, сын торийского герцога Мальборо, начавший разыгрывать роль настоящего демагога даже в самом своем стиле, который очень приходился по вкусу ремесленникам, приказчикам и конторщикам, охочим до чтения газет. Не отказываясь от старых принципов торизма и от преданности религии, учреждениям, порядку и собственности, он придал своей проповеди более демократический характер, уверяя народ в своих речах на митингах в разных городах в 1883—1884 гг., что радикализм — просто фортель, и что тори — самые подлинные демократы и наилучшие друзья народа. В речах Черчилля сильно доставалось и либералам, и радикалам, для которых «*vox populi — vox Dei*»¹ есть лишь кимвал бряцающий и медь звенящая или самый грубый фетиш, тогда как у тори это — живая истина, ибо девиз их: «От народа, для народа, посредством народа». Черчилль критиковал в своих речах и лидеров консервативной партии, не доверяющих народу и боящихся народа, но «все это, — прибавлял он, — должно скоро измениться, когда возникнет в консервативной организации представительный орган, ответственный перед своими избирателями». Позднее Черчилль даже признался, что давно втайне чувствовал удивление перед либеральной организацией по бирмингэмскому плану. К обычным приемам «коукёса» новые тории прибавили еще одну приманку для народа, которая действовала на воображение и имела прямо сентиментальный характер. Они создали нечто вроде средневекового рыцарского ордена со званиями оруженосцев и рыцарей для своих членов и с эмблемой в виде подснежника, откуда и самое название союза — «*The primrose tory leage*». Романтическая приманка возымела действие и Лига подснежника получила весьма быстрое развитие.

Одновременно с демократизацией местных консервативных ассоциаций усилия «четвертой партии» были направлены на то, чтобы создать влиятельный, сильный и властный центральный орган для заправления всем движением демократического торизма. Попытка предоставить совету Национального союза консервативных и конституционных ассоциаций избрание лидера партии по смерти Биконсфильда не удалась: преемников ему выбрали сами лорды (в лице Солсбери) и коммонеры² (в лице Норткота), но это не остановило Черчилля, сделавшегося председателем упомянутого совета, и он прямо потребовал, чтобы центральный комитет парла-

¹ «Глас народа — глас Божий» (лат.). Изречение древнеримского философа Сенеки. — *Прим. ред.*

² Люди недворянского происхождения. — *Прим. ред.*

ментской фракции тори, располагавший фондами партии, занимавшийся кандидатурами и вообще распоряжавшийся ее делами, был уничтожен, и чтобы все его полномочия перешли к совету, в котором он, Черчилль, занимал председательское место. Понятно, что официальные лидеры не очень-то хотели расстаться со своим положением, но обстоятельства заставили их вступить в переговоры с организацией Черчилля и даже пойти на уступки, которых последнему, впрочем, было мало. Дело дошло до резкого разрыва переговоров, во время которого в самом совете, руководимом Черчиллем, произошло разногласие, заставившее последнего отказаться от председательства и объявить о своем отъезде на время из Англии. Все это всполошило местные консервативные организации, устроившие по поводу раскола партии делегатскую конференцию в Лондоне для нахождения компромиссного выхода из распри вождей старого, ортодоксального и нового, демократического торизма. Результатом съезда была некоторая реорганизация учреждений партии и включение в строго представительный во всем остальном центральный совет двух делегатов от лидеров, за которыми признавалось исключительное право заведования финансами партии, направления ее общей политики и назначения кандидатов в члены парламента, если бы этого потребовал тот или другой округ. Обе стороны приняли этот компромисс, лорд Солсбери — скрепя сердце, Черчилль — весьма охотно, и дело кончилось новым избранием его в председатели совета. Для ортодоксального торизма это было капитуляцией перед новой организацией, напоминавшей радикальный «коукёс». Новых тори в парламенте было только четыре человека, но вне парламента демократический торизм был большой силой, с которой лидеры партии не могли не считаться. Мир не был, однако, вполне искренним. Ортодоксальные тори и не отказывались от попыток спасти прежнее положение, а тори-демократы смотрели на заключенное соглашение, как на временное лишь перемирие.

Новые тори не ограничились после 1880 г. реорганизацией учреждений партии, но нашли нужным пересмотреть, и саму ее программу в более прогрессивном направлении. Они говорили, что торизм более не должен быть сопротивлением реформам, напротив, должен содействовать своевременным преобразованиям, для которых общество уже достаточно созрело. Перед их умственными взорами рисовалась картина единой конституционной партии, образовавшейся из слияния ториев и либералов ради защиты свободы от деспотизма толпы. Позднее, как мы увидим, это чаяние ториев исполнилось, когда в самом либерализме возник раскол из-за ирландских планов Гладстона, но то, что называлось деспотизмом толпы, стало проникать и в сам этот обновленный торизм. Как центром, из коего вышло движение, приведшее к организации радикального «коукёса», был Бирмингем, исходным пунктом аналогичного явления в торийской пар-

тии сделался Ливерпуль, муниципальный совет и нотабли («leading citizens») которого стали все более и более сближаться с простонародной массой. В этом городе дела либералов были в руках своего рода коммерческой олигархии («merchant princes»), получивших за свою надменность и сухость в обращении с народом кличку «красно-смородинного желе» (red currant jelly), что было очень благоприятно для местных торийских лидеров, искавших общения с народом на политической почве («common political association»). Торийские агитаторы во всей стране с Черчиллем во главе не уставали твердить, что народ должен отстаивать национальные учреждения, отвергаемые радикалами, ибо именно этим учреждениям Англия обязана свободой, благосостоянием и величием. Они отстаивали, как само зерно торийской партии, наследственную палату лордов, необходимую и для сохранения в Англии монархии. Они представляли радикальные проекты опасными для самого народа, который может получать пользу от преобразований только в границах и под руководством старых, испытанных учреждений. Массам при этом обещались разные благотворительные мероприятия, и вместе с тем курился самый неумеренный фимиам: они-де обладают всеми добродетелями, политической мудростью, здравостью суждения, так как «глас народа — глас Божий». «Правительства, — сказал в одной митинговой речи Черчилль, — могут ошибаться, классы могут ошибаться, лондонское общество и клубы улицы Pall Mall (т. е. богачей) постоянно ошибаются, но народ не ошибается». С другой стороны, эти консервативные демократы, вносившие чисто демократические начала в организацию своей партии, были очень далеки от того, чтобы реформировать саму конституцию на основании тех же принципов. Они готовы были идти на разные подачки народу, лишь бы последний позволял и даже помогал управлять Англией партии ториев с их лордами, установленной церковью и крупным землевладением. Конечно, между открытой проповедью и сокровенными намерениями тори-демократов было вопиющее противоречие, которое не всегда удавалось главарям партии замазать, и волей-неволей им приходилось катиться по наклонной плоскости уступок настроением народной массы, без чего очень опасной для торизма сделалась бы конкуренция радикализма.

Видя в начале восьмидесятых годов неизбежность третьей парламентской реформы, тори хлопотали только о том, чтобы сохранить старые избирательные округа, очень неравномерные по отношению и к размерам, и к населенности, но зато вполне приспособленные к удержанию в них традиционных местных влияний, тогда как либералы желали перераспределения избирательных округов в соответствии с их населенностью. На почве этого вопроса возник настоящий конфликт между обеими палатами парламента, так как в верхней палате возобладало мнение тори, в нижней — вигов. Для улаживания спора были начаты переговоры, нема-

ло удивившие либералов, когда обнаружилась со стороны тори большая предупредительность и уступчивость: тори не оставалось ничего более, как не дать либералам одержать над ними решительную победу в стране. Пока, однако, вопрос только еще был предметом переговоров, радикальный «коукёс» все привел в движение, чтобы вызвать повсеместные митинги, процессии и другие манифестации. Лорд Солсбери не находил слов для выражения своего негодования против такой «апелляции к улице» и «законодательствования посредством пикников», но, в сущности, и тори тоже прибегли к такой же агитации, и сам же Солсбери очень скоро, следуя примеру Черчилля и с одних с ним подмостков, говорил перед «улицей» речи¹.

¹ L. Lowell в своем последнем труде «The government of England» (1908) посвящает две последние главы первого тома изображению происхождения и падения «коукёса» («The rise and fall of the caucus»), в которых, как это можно видеть из общего названия обеих этих глав, указывается на ослабление их роли в настоящее время. По его словам, за тридцать лет своей истории «Национальная либеральная федерация» оказалась далеко не тем, чем первоначально стремилась сделаться («what it was originally intended to be»). Лоуэлль признаёт, что во многих отношениях она была «в высокой степени полезна (highly useful) для своей партии», но не затрудняется назвать ее в качестве своего рода либерального парламента, управляющего партией обманом или подлогом («the Federation is a sham»), указывая на то, что фактически на ее центральный орган «надет намордник» («the council is effectively muzzled») уже вследствие «почти неизменного отсутствия всех руководящих либералов» (all the leading Liberals) I, 533. «Между тем, — замечает Лоуэлль, — на «caucus» смотрели, как на «грядущую форму демократии, предназначенную к тому, чтобы подкопать более старые политические учреждения нации», на деле же оказалось, что «среди в высшей степени практического народа демократические теории насчет прямого изъявления народной воли уступают требованиям актуальной общественной жизни» и что новая организация совершенно тщетно боролась вырвать лидерство из рук парламентских лидеров, I, 534. К аналогичному выводу приходит Лоуэлль, рассматривая и консервативный «коукёс». «Обе эти организации, — говорит он в другом месте, — были источниками тревоги (sources of anxiety) для партийных лидеров, но, по крайней мере, на время обе сделались безвредными (harmless). Процесс в каждом случае не был один и тот же, хотя результаты не оказались несходными (are not unlike). Обе они были обманами (shams), но только с тем различием, что консервативная организация — обман прозрачный, а либеральная — непрозрачный (an opaque sham), I, 570. «Если бы, — читаем мы еще у Лоуэлля, — «коукёс» превратил палату общин в простую машину для регистрации его повелений» (behests), то «кабинет был бы ответствен перед «коукёсом», а не перед парламентом, и теперешняя форма правления совершенно изменилась бы», II, 20. На с. 299 и 322–323 первой части настоящего тома было приведено мнение Лоуэлля о книге Острогорского, подробнее всех изучившего «коукёс»; Лоуэлль находит у этого автора большие преувеличения, но, может быть, и сам он повинен в некотором стремлении представить эту систему менее важной в политической жизни, чем это имеет место в действительности. Такой авторитетный исследователь, как Редлих (кстати сказать, не знакомый с трудом Острогорского), уподобляет современную структуру английских партий «пирамиде, которая, покоясь на широкой демократической основе, заканчивается вершиной, призванной к активному руководительству, так что, — говорит далее сам Редлих, — в конце концов воля маленького круга лиц фактически без шума направляет весь громадный механизм. В больших городах Средней Англии, — продолжает он, — ...эта организация под влиянием американского образца развилась в форму, очень похожую на систему так наз. caucus... В такой форме организованы в настоящее время как либералы, так и консерваторы... Чем тщательнее соблюдаются демократические формы при образовании исполнительного органа, тем больше полнота власти, предоставленной этому последнему» и т. д. *Pedux II*. Английское местное управление, I, 305–306.

Это был тот самый Солсбери¹, который в июле 1885 г. сменил Гладстона у власти, правда, на какие-нибудь полгода, так как уже в январе 1886 г. его министерство пало. В этом своем кабинете Солсбери предложил одно из первых мест Черчиллю. С самого же начала новый кабинет выступил на путь своего рода государственного социализма, что дало повод Чемберлену сказать о новом кабинете: «В нем должности принадлежат тори, а власть находится в руках радикалов». Сам Черчилль, однако, громко заявил, что радикализм может погубить Англию своей демагогией, и приглашал умеренных либералов соединиться с консерваторами для предотвращения такой опасности. Старые виги, слушая эти речи, не могли, со своей стороны, не видеть, что и в торизме дул также радикальный ветер и что среди консерваторов завелся такой же «коукёс», какому они в своей партии были обязаны оттеснившему их назад радикальному течению. Ирландский вопрос и теперь продолжал быть главной злобой дня английской политики. У Солсбери, собственно говоря, не было большинства, и если он держался, то лишь потому, что либералы не хотели ничего предпринимать в ожидании скорых общих выборов. Парнелль, благодаря которому министерство Гладстона вышло в 1889 г. в отставку, оставался господином положения. Его тактикой сделалось соединяться то с одной, то с другой английской партией, чтобы от каждой получить то, что она ему могла только дать. Министерство даже вступило с этим «архангелом революции» в переговоры при посредстве одного из своих сочленов, вице-короля Ирландии Карнарвона. Свидание между Карнарвоном и Парнеллем было обставлено величайшей тайной, чтобы о нем как-нибудь не узнали репортеры газет, но потом сам Парнелль рассказал в парламенте о бывшем у него с Карнарвоном разговоре. Собеседник Парнелля объяснил ему, что желал его видеть, дабы узнать его взгляд на «ирландскую конституцию», но, на самом деле, предложил ему свой план создать из ирландских провинциальных советов, тогда еще существовавших (уничтожены в 1897 г.), центральное законодательное собрание. Парнелль, однако, отверг это предложение, сказав, что нужен настоящий ирландский парламент, который уже сам создаст и формы местного самоуправления. Тогда Карнарвон заявил, что и сам он находит необходимым считаться с желанием всей Ирландии, и что, по его мнению, отдельный ирландский парламент можно было бы организовать по образцу какого-либо колониального парламента. Он

¹ Маркиз Роберт Солсбери (Salisbury) участвовал еще в министерствах Дэрби и Дизраэли—Биконсфильда. Во время кризиса на Балканском полуострове он был английским уполномоченным на константинопольской конференции 1876 г., а в 1878 г., в качестве великобританского министра иностранных дел, участвовал вместе с Биконсфильдом в Берлинском конгрессе, где много содействовал передаче Боснии и Герцеговины австрийскому императору. О нем: *Pulling*. Marquis of Salisbury, life and speeches (1885); *Truill*. The marquis of Salisbury (1891) и др., указанные выше. Солсбери дважды стоял во главе министерства (в 1885—1886 и 1895—1902 гг.).

только указал на страшную бурю, которую вызвал бы в Англии принятый ирландским парламентом протекционизм по отношению к местной промышленности для ее ограждения от конкуренции с английской. Около того же времени, когда велись эти переговоры, Солсбери произнес в Ньюпорте речь, одно место которой (ссылка на пример дуалистической Австро-Венгрии) было истолковано в благоприятном для ирландской автономии смысле. После этого, когда были назначены новые выборы в парламент, Парнелль стал резко нападать на либералов, говоря, что они обращаются с Ирландией так же, как русское правительство с Польшей, и советуя подавать голоса против них¹. На выборах 1886 г. гладстонианцы получили 333 места, консерваторы — 251, ирландцы — 86, так что министерское большинство было всего лишь на четыре голоса. Из временного союза тори с гомрулерами ничего не вышло, но зато Гладстон тогда самым коренным образом изменил свою ирландскую политику в пользу гомруля. Тори, сами шедшие на сделку, стали потом кричать о намерении радикалов «расколоть империю»².

Кабинет Солсбери был опрокинут вновь образовавшимся союзом ирландцев с либералами, и Гладстон в третий раз сделался главой министерства, впрочем, менее нежели на полгода. В составе третьего гладстоновского кабинета преобладали радикальные члены, как то: Чемберлен, Розбери, Морлей³. Уже во время выборной кампании 1885—1886 гг. он говорил о необходимости «великодушных мер самоуправления для Ирландии», теперь же он окончательно решил поднять вопрос об ирландской автономии в парламенте, составив в этом смысле целый проект, по которому Ирландия должна была управляться по образцу автономных колоний особыми парламентом и министерством, но под контролем имперского правительства.

Свой билль об ирландском гомруле Гладстон внес в палату общин 8 апреля 1886 г., изложив в речи, продолжавшейся более трех часов, свои

---

¹ Это очень удивило одного из видных ирландских патриотов, Чарльза Гавана Дёффи, бывшего фения, сосланного когда-то на каторжные работы в Австралию, где впоследствии он сделался видным общественным деятелем, и уже в качестве такового приехавшего на родину, но Парнелль объяснил ему свое поведение тем, что тории обещали дать Ирландии самоуправление. По просьбе Парнелля Дёффи сам принял участие в переговорах с консерваторами, которые подтверждали, что если ирландские националисты их поддержат на выборах, то самоуправление Ирландии будет дано.

² Нужно, однако, заметить, что не так давно (1908 г.) консервативные газеты заговорили о желательности «имперского феодализма» в смысле федерации, в состав которой вошли бы Шотландия, Уэльс и Ирландия. Есть один пункт, на котором тори сходятся с гомрулерами: и те и другие — протекционисты.

³ Джон Морлей начал свою деятельность в шестидесятых годах, как писатель и журналист в духе философского радикализма (его книги о Вольтере, о Руссо, о Дидро и энциклопедистах, и о компромиссе переведены по-русски и ему же принадлежит главный существующий труд о Гладстоне). Членом парламента он сделался в 1883 г.

аргументы. «Англия, — говорил он, — утомилась применять для удержания Ирландии в союзе с собой исключительный режим. Единственный выход из нестерпимого положения — образовать отдельный парламент для Ирландии, который не нарушал бы, однако, прерогатив короны в делах внешних сношений, армии и флота. Полиция и жандармерия временно, равным образом, должны были оставаться в распоряжении органов центральной власти с отнесением на Англию трети расходов по их содержанию, да и вообще финансовое единство должно было быть сохранено с тем, чтобы по покрытии чисто ирландских расходов центральным казначейством, остаток ирландских доходов отдавался в распоряжение местного парламента». Что касается последнего, то Гладстон проектировал одну палату, которая состояла бы из двух категорий депутатов, различным образом только избираемых¹, совещающихся вместе, голосующих же отдельно, с предоставлением депутатам первого разряда права отсрочивающего «veto». Ирландский парламент, однако, не мог бы распоряжаться таможенными, как того требовал Парнелль. Другим проектом Гладстона был план аграрной реформы, состоявший в назначении английским парламентом, с рассрочкой на четыре бюджетных срока, пятидесяти миллионов фунтов стерлингов для покупки земель в Ирландии с целью их перепродажи фермерам, которые потом выкупали бы приобретенные участки посредством ежегодных платежей. Гарантеей того, что Ирландия расплатилась бы с Англией за сделанный таким образом аванс, служили бы ирландские финансы. По первоначальному плану Гладстона, ирландские депутаты должны были быть совершенно исключены из английского парламента, но при втором чтении билля Гладстон заявил, что он готов в этом пункте сделать уступку в смысле сохранения в английском парламенте ирландских депутатов при обсуждении ирландских налогов.

Проекты Гладстона встретили сочувствие среди ирландцев и большей части либералов, но против них началась сильная агитация, в которой особенно деятельное участие принимали так называемые «оранжисты», указывавшие на то, что осуществление проекта о гомруле отдало бы английское меньшинство Ирландии, сосредоточенное в области Ольстер, под власть ирландских католиков². Многие жители этой области говорили, что они готовы скорее поднять восстание, нежели подчиниться новому порядку вещей. В самой либеральной партии по поводу внесения Гладстоном билля о гомруле произошел раскол. Чемберлен прямо подал в отставку, не желая более оставаться в кабинете Гладстона, в котором он занимал место

---

¹ Одни должны были избираться обычным порядком, другие — пэрами и богатыми землевладельцами, большей частью, англичанами.

² Ольстер (Ulster) — самая северная и самая богатая провинция Ирландии, населенная главным образом англичанами и шотландцами, среди которых еще в XVII в. и составилась для охраны английского владычества и протестантизма в Ирландии союз «orangemen'ov».

министра внутренних дел¹, а между тем в других вопросах он считался радикальнее Гладстона. Вместе с ним откололись от либеральной партии и некоторые другие деятели радикального образа мыслей. Отпали точно так же от нее и умеренные ее члены с Гартингтоном во главе, который одно время был лидером либералов, вместо Гладстона, устранившегося тогда от политической деятельности². Все, бывшие прежде единомышленниками и сторонниками политики «великого старца», теперь с ним разошедшиеся, образовали партию либералов-юнионистов, получившую это название от своего желания во что бы то ни стало сохранить в силе англо-ирландскую унию 1798 г. Вождем этих либералов-диссидентов в палате общин сделался Гартингтон, когда же он после смерти своего отца, герцога Девонширского, сделался членом палаты лордов (1891 г.), юнионистское лидерство перешло к Чемберлену.

Ввиду раскола в парламентской либеральной партии решено было узнать мнение избирателей, подававших за нее голоса на выборах. Бюро «Национальной либеральной федерации» перед началом прений о «home-rule-bill'e» в палате общин обратилось ко всем местным организациям с предложением высказаться по вопросу, после чего общий делегатский митинг должен был формулировать мнение уже от имени всей либеральной партии о проекте. Местные ассоциации совершенно растерялись, так как им пришлось выбирать между Гладстоном и Чемберленом, да и сам спорный вопрос допускал разные решения, смотря по точке зрения, с какой его можно было решать. Ответы получались поэтому крайне неясные, сбивчивые, неопределенные, к великому неудовольствию Чемберлена, спрашивавшего даже, к чему же было устраивать все эти ассоциации, раз они не знают, что сказать. Тем не менее делегаты от местных либеральных организаций съехались в Лондон на конференцию, на которой произошел настоящий бой между Гладстоном и Чемберленом. Все на этом съезде сложилось к выгоде Гладстона, помимо обаяния, которое оказывала сама личность старого лидера либералов. Среди делегатов из многих городов весьма заметна была зависть к исключительной роли, какую в «Национальной либеральной федерации» присвоил себе Бирмингем; одного этого было

---

¹ Отпадение Чемберлена от Гладстона из-за гомруля для современников было загадкой и осталось открытым вопросом для историков. Чемберлен не скрывал своей близости к Парнеллю еще в 1874 г. и раньше других либералов говорил о необходимости дарования Ирландии законодательной самостоятельности, и вдруг теперь Гладстон оказался бессильным его удовлетворить. Так как при этом Чемберлен, со своей стороны, никаких веских резонов не приводил и ссылался только на разные мелочи, не имевшие серьезного значения, то составилось такое объяснение: полагая, что по старости лет Гладстон в скором времени оставит политическую деятельность, Чемберлен смотрел-де на себя как на его преемника и из гомруля на сей конец хотел-де сделать главный пункт своей программы; ожидания его не оправдались, и он оставил Гладстона.

² Гартингтона Гладстон приглашал войти в состав кабинета, но тот отказался от этой чести из-за намерения Гладстона дать Ирландии гомруль.

достаточно для того, чтобы высказаться против Чемберлена, которому было поставлено в вину, что он уже принял свое решение, не дождавшись мнения всей «Федерации». Громадное большинство делегатов объявило себя за Гладстона и не захотело даже слышать о предлагавшемся компромиссе, состоявшем в том, чтобы Гладстон отказался от своей мысли о полном исключении ирландского представительства из английского парламента, опасном для «единства империи». Это решение делегатского собрания сделалось лозунгом для местных ассоциаций, начавших теперь настаивать, чтобы их депутаты поддерживали проект Гладстона. Из отдельных городов полетели в Лондон письма и телеграммы в этом смысле, а когда это не помогало, стали ездить специальные посланцы, чтобы лично уговаривать членов парламента проводить всеми средствами меру, предлагаемую Гладстоном. Сам Гладстон готов был видеть в этой агитации доказательство, что все либеральное общественное мнение на его стороне, и думал найти в этом обстоятельстве главный козырь в борьбе против Гартингтона, Чемберлена, Джона Брайта и др., увлекших за собой часть либеральных представителей. Но Гладстон ошибся в своем расчете: ни увещания, ни угрозы не подействовали на очень многих членов либеральной партии, которые во время голосования билля и перешли на сторону консерваторов. Билль о гомруле был провален 241 голосом против 211, но Гладстон не сдавался, будучи уверен, что большинство нации за него. Парламент был распущен, назначены были новые выборы.

Раскол среди парламентских либералов внес разложение и в местные либеральные организации, так как их покинули многие влиятельные лица, вроде председателей и секретарей. Сам Чемберлен оставил свое детище и основал в Бирмингеме новую «Радикальную унию» с филиальными отделениями в других местах. Ее требованием было широкое областное самоуправление, в котором и Ирландии было бы предоставлено равное место с собственно Англией, с Шотландией и Уэльсом. Прежняя либеральная федерация, наоборот, шла под знаменем гладстоновского гомруля, сделав из него общее мерило либерализма: либерал — только тот, кто за гомруль, а кто против, тот не либерал, причем в категорию нелибералов попали и Чемберлен, и Джон Брайт, и другие радикалы. Когда бывшие депутаты, вотировавшие против гомруля, желали объяснить свое поведение избирателям, их до этого старались не допускать, не принимали от них, как от изменников либерализму, никаких оправданий или просто не давали им говорить криками и шумом. На это либералы-юнионисты отвечали обвинениями официального либерализма в тирании, попирающей право личного мнения и независимой деятельности.

Объявленные Гладстоном новые выборы оказались неблагоприятными для гомруля. Сторонников его прошло в палату 277 человек (из них 86 ирландцев), противников 392 (в их числе юнионистов лишь 75 человек,

а все остальные 317 были консерваторы). Вследствие такой неудачи¹ Гладстон немедленно же подал в отставку, не дожидаясь сбора парламента², в котором составилось консервативно-юнионистское большинство. «Коукёс» оказался далеко не настоящим выразителем подлинного общественного мнения, но думают, вместе с тем, что не будь этой организации в действии, поражение Гладстона было бы более полным и безвозвратным. Как ни важны были понесенные «Национальной либеральной федерацией» потери в нужных и влиятельных людях, она все-таки продолжала существовать, опираясь преимущественно уже на мелкую буржуазию и на рабочих. В сущности, именно настроению этих общественных слоев наиболее соответствовал ирландский проект Гладстона; Чемберлен, восставший против него, дурно рассчитал, полагая, что «коукёс» будет тоже против гомруля. «Федерация», ставшая на сторону Гладстона, тем самым как бы освятила своим официальным авторитетом требование гомруля для Ирландии, а Чемберлен, к великому удовольствию весьма многих либералов, попал в положение человека, отвергнутого своей партией. Многие ликовали именно по поводу того, что английская демократия доказала свою политическую зрелость и спасла свободу либеральной организации тем, что сумела избавиться от исключительного господства одного человека. Результатом поражения Чемберлена было и то, что некоторые либеральные ассоциации, ради сохранения своей самостоятельности раньше не примыкавшие к «Национальной либеральной федерации», теперь стали входить в ее состав, и что в самой федерации произошел пересмотр устава в направлении большей децентрализации. Сама главная квартира «коукёса» была перенесена в Лондон, где она, естественно, должна была попасть под влияние официальных лидеров партии с Гладстоном во главе. Последнее обстоятельство не могло не отразиться на самом характере всей «Национальной либеральной федерации»: она стала превращаться в орган парламентских лидеров партии, и сами делегатские съезды сделались, скорее, проводниками постановлений этих лидеров, чем свободным парламентом общественного мнения. Многие стали даже жаловаться, что во времена Бирмингэма было больше свободы. Бывали случаи, что под теми

---

¹ О причинах поражения либералов на выборах 1886 г. сборник различных мнений в изд. A. Reid'a «New liberal program» (1886).

² «Истинными владыками, решающими судьбы кабинетов, являются избиратели. В XVIII столетии министры выходили в отставку, когда они теряли доверие короля; в великий парламентский период они выходили в отставку, когда теряли доверие палаты общин; при демократическом избирательном праве они получали обыкновенно отставку от избирателей... Между 1867 и 1900 гг. правительство сменялось восемь раз, и в шести из этих восьми случаев вышли в отставку не вследствие поражения в палате общин, а потому, что избиратели вынесли на общих выборах неблагоприятный для них приговор... Избиратели решают фактически, какому составу партийных лидеров они передают время от времени свою власть». Лоу С. Государственный строй Англии (1908). С. 87—88.

или другими предложениями задерживалось обсуждение вопросов, которые считались со стороны лидеров недостаточно назревшими, как это случилось, например, в 1891 г. с вопросом о восьмичасовом рабочем дне. Критерием либерализма сделалось безусловное соответствие с политикой либеральных лидеров: и здесь образовалась своя ортодоксия, отступления от которой рассматривались, как ереси, и влекли за собой исключение диссидентов из местных ассоциаций. При той исключительности, какая стала устанавливаться и в реформированной организации, конечно, далеко не все прогрессивные элементы английского общества входили в ее состав. Понятно также, что диссиденты тоже стремились создавать свои организации; особенно это нужно сказать о радикалах разных оттенков, бывших недовольными лондонской федерацией и протестовавших против того, что многие местные ассоциации к своему обозначению, как либеральных, стали прибавлять: «и радикальные».

После отставки Гладстона образовалось снова министерство Солсбери: в течение года с небольшим Англия, — редкий в ее истории случай, — видела четыре министерства: Гладстона и Солсбери, потом опять Гладстона и снова Солсбери. На этот раз последний уже довольно прочно уселся на своем кресле и, между прочим, воспользовался благоприятными обстоятельствами для новых приобретений в Африке¹. Ирландский вопрос, однако, и этому министерству создавал немало затруднений и хлопот.

Ирландия в 1886—1887 гг. переживала время трудное вследствие бывшего в стране недорода, значительно сократившего количество полученного сельскими хозяевами продукта, да и цены на хлеб в эти годы стояли низкие, отчего терпели и более богатые страны Европы. Из-за этого недоимки фермеров в Ирландии умножились, а это не могло не сопровождаться усилением выдворений. Само консервативное правительство предложило образовать парламентскую комиссию для расследования происходящего в Ирландии, но Парнелль протестовал против сопряженной с таким расследованием оттяжки, предложив, как временную меру, довольствоваться на сей раз уплатой лишь половины как недоимки, так и арендной платы, раз фермер докажет, что больше у него нет ничего для уплаты. В свою очередь, Джон Морлей внес предложение приостановить выдворения до пересмотра вопроса об арендной плате, которую он находил чрезмерно высокой. Оба предложения были отвергнуты значительным большинством голосов, причем особенно сильным по своему влиянию на палату оппонентом приостановки сгона фермеров с их участков оказался Чемберлен, соглашавшийся, впрочем, на переоценку. Это только обострило положение дел в Ирландии, где снова начались или, вернее, усилились беспорядки. Гладстон, во время прений по указанным предло-

---

¹ См. выше, но особенно ниже, в гл. XXV.

жениям, сильно нападал на министерство за то, что оно очень охотно посылает военную помощь лендлордам против арендаторов. Правительство поторопилось снять с себя этот упрек, вследствие чего власти стали отказывать лендлордам и их управляющим в военном содействии при выдворениях фермеров, раз просьбы о содействии оказывались недостаточно обоснованными. Со своей стороны фермеры отдельных местностей Ирландии начали образовывать союзы и вносить арендные деньги не самим лендлордам, а своим уполномоченным, предоставляя им при этом торговаться насчет уступки: делалась уступка — вносились все собранные деньги, а если лендлорд оказывался несговорчивым, то ему не давалось ничего, после чего перед ним открывалась перспектива общего стона всех фермеров в его поместье. На эту меру, нашедшую в Ирландии немало сторонников, правительство ответило биллем о введении в стране чрезвычайной охраны и притом не на срок, как это обыкновенно делалось прежде, а бессрочно, пока сам парламент не найдет возможным отменить действие исключительного закона. Сущность билля заключалась в том, что наместнику Ирландии давалось право распускать все сообщества, которые он признает вредными, и вводить исключительное положение везде, где только это им найдено будет нужным, причем бойкотирование подводилось под понятие преступного деяния, подлежащего судебному преследованию даже английскими установлениями. Против этого билля возражали Парнелль, Джон Морлей и сам Гладстон, которому защитники билля кололи глаза тем, что сам же он и притом не очень-то еще давно пользовался при управлении Ирландией чрезвычайными мерами. Гладстону оставалось только заявить, что, значит, и сам он прежде ошибался, теперь же только предостерегает против повторения ошибочного мероприятия. Исключительный закон был все-таки принят. В виде протеста дублинский муниципальный совет отказался принимать участие в праздновании «золотого» юбилея королевы.

Консерваторы не ограничились проведением репрессивного закона, но постарались еще путем публичной агитации дискредитировать Гладстона как союзника ирландцев, особенно же самих ирландцев и, в частности, Парнелля, как лиц, замешанных в террористических актах. Парнелля в самом парламенте еще в 1883 г. обвиняли в соучастии в убийстве Кавендиша и Бёрка, что было поводом очень бурных сцен в палате и ряда выражений сочувствия ему в Ирландии¹. Теперь кампанию против Парнелля повела газета «Таймс» в целой серии статей, в подтверждение которых было напечатано даже *fac simile*² письма Парнелля к одному лицу, прикосновенному все к тому же убийству. Впоследствии письмо оказалось под-

¹ Тогда-то и был собран упомянутый выше национальный подарок.

² Буквально «делай подобное» (лат.). Точное воспроизведение каким-либо способом рукописи, документа, чьей-либо подписи. — *Прим. ред.*

ложным, но еще ранее само правительство нашло ненужным производить расследование, предложенное Парнеллем. Понятно, что правительство, проводившее исключительный закон, стало применять его самым беспощадным образом — путем арестов, конфискаций газет и пр. и пр., причем преступлениями, за которые полагались наиболее тяжкие кары, были бойкот, нисколько, впрочем, не уменьшившийся, а напротив, усилившийся с введением в Ирландии нового исключительного закона, а также и «план кампании», — термин, которым обозначались фермерские союзы для солидарного выступления по отношению к лендлордам при уплате арендных денег. Кроме репрессий, правительство задумало прибегнуть и к моральному воздействию, обратившись к Льву XIII за посредничеством. Политик-папа еще раньше уже хотел оказать давление на ирландскую католическую паству, высказавшись против национальной подписки в пользу Парнелля, а теперь он послал в Ирландию одного из приближенных якобы для расследования дела, написав еще послание к епископам Ирландии с советом увещевать своих духовных чад и осуждать в этих увещаниях недозволенные способы борьбы. Влияния это послание, однако, на население страны никакого не оказало. Кроме всего этого, консерваторы обвиняли Гладстона и Парнелля в том, что своим ирландским вопросом они только тормозят парламентскую работу, но это только заставило их обоих принять за своего рода правило больше без особенной нужды не заговаривать об ирландских делах в парламенте. Общее дело в это время все более и более сближало Гладстона и Парнелля, который даже неоднократно бывал гостем в имении Гладстона. Обстоятельство совершенно частного характера скоро, однако, испортило эти отношения и внесло раздор в среду самих гомрулеров, страшно, вместе с тем, повредив репутации и самого «некоронованного короля» Ирландии.

Дело в том, что Парнелль влюбился в жену своего друга Катерину О'Ши, которая ответила ему взаимностью. Кое-кто выследил их отношения и сделал их достоянием гласности. За этим последовал бракоразводный процесс, по окончании которого Парнелль вступил со своей возлюбленной в законный брак. Враждебные Парнеллю газеты всячески раздували этот скандал. В свою очередь, верующие католики тоже были скандализированы сугубым грехом Парнелля, полюбившего чужую жену и женившегося на разведенной, что заставило отшатнуться от него и стоявшее раньше за него ирландское духовенство. Сам Гладстон, в данном случае, оказался не выше общественного мнения Англии, показавшего, насколько и англичане были шокированы поведением ирландского вождя: он написал письмо одному товарищу Парнелля по партии, высказавшись, именно, в том смысле, что без ущерба для интересов партии и защищаемого ею дела Парнелль не может оставаться в ее главе. «Некоронованный король» Ирландии обратился тогда к ирландскому народу с воззванием, в котором

протестовал против покушения англичан на независимость ирландской партии, т. е. против данного ей Гладстоном приказа отречься от своего вождя. «Если, — писал он, — партия подчинится, она только распишется в своем ничтожестве, сама же выроет могилу надежд на гомруль. Если Гладстон вполне искренне верит в необходимость гомруля, а не лицемерно только говорит об этом, то он должен его поддерживать, все равно — кто будет лидером». В ирландской партии по вопросу обнаружилось разногласие, начались совещания вождей и митинги, на которых Парнелль доказывал, что до его чисто личной истории никому не должно быть дела. Около трех пятых поданных в парламентской фракции голосов после дебатов, длившихся пять дней, высказалось за избрание нового лидера, в лице Маккарти, на что Парнелль ответил новым воззванием с прямым обвинением против Гладстона в предательстве, хотя и с заявлением о подчинении новому лидерству. Вскоре последовавшая за этим кончина Парнелля и его похороны в Дублине (1891 г.) показали, какой любовью он продолжал пользоваться в массах, бывших теперь готовыми видеть в нем «замученную англичанами» жертву ирландского патриотизма. Смерть вождя не умиротворила его партии, в которой все это время продолжался раскол, даже обострившийся по поводу избрания нового депутата на место Парнелля и доведший во время выборов до настоящего побоища. Преемником Парнелля сделался Редмонд и по лидерству среди «парнеллитов», которые не признавали лидером Маккарти. Конечно, этот раскол среди ирландских автономистов немало ослаблял их положение в парламенте, как единой раньше и очень сплоченной партии.

Несмотря на свой консерватизм второе министерство Солсбери совершило в Англии в высшей степени важную реформу, заключавшуюся в демократизации управления графств. Чтобы вполне оценить все значение этой реформы, нужно бросить общий взгляд на всю предыдущую историю местного управления в Англии.

Одной из наиболее характерных черт английской конституции было то, что в ней с самоуправлением нации в ее целом было соединено самоуправление отдельных областей (графств), — самоуправление более, в общем, старого происхождения, чем сам парламент. В последнем палата общин возникла именно, как представительство местных миров, на что и указывает само название: «общин». Монтескьё просмотрел эту черту английской конституции, и чуть ли не первый понял ее значение прусский министр-реформатор начала XIX в., барон Штейн. Потом о важности самоуправления, имея в виду английские порядки, говорил главный идеолог французского либерализма в эпоху Реставрации Бенжамен Констан, во второй же половине XIX в. английское «selfgovernment» сделалось даже одним из особенно популярных лозунгов либерализма на континенте. Из германских ученых наибольшим его поклонником в его прошлом был

известный государствовед Гнейст¹. Здесь, конечно, не место говорить о возникновении этой системы, но некоторые черты ее должны быть отмечены для более ясного представления о значении реформы, о которой должна ниже идти речь². То соотношение между центральным правительством и местным самоуправлением, которое возникло в Англии, образовалось, конечно, не сразу. Важным моментом в его истории было возникновение, в середине XIV в., должности мировых судей (*justices of peace*), местных блюстителей общественного спокойствия («мира», *peace*), соединявших в своих руках и полицейские, и судебные функции. Дело в том, что эта должность имела, так сказать, компромиссный характер: мировой судья назначался центральным правительством, но, безусловно, из местных землевладельцев и домовладельцев, даже не получавших жалованья за исполнение своих обязанностей. Для решения административных дел мировые судьи одного и того же графства стали собираться на съезды, которые соединились с более древними народными собраниями графств. Эти последние были местами, где происходили выборы представителей в палату общин, сделавшуюся своего рода высшей инстанцией для собрания графств, откуда в палату общин поступали разного рода петиции, превращавшиеся там в особые, или частные законы для отдельных местностей Англии. С другой стороны, в Англии существовал старинный общинный строй — в церковных приходах (сельских местностях) и в городах с местечками: это были, между прочим, мелкие земские единицы, заботившиеся о дорогах, мостах и т.п., а с XVI в. на приходы была возложена забота о местных бедняках (*пауперах*), для чего был установлен специальный общинный налог, игравший такую важную роль в местной жизни Англии до сво-

¹ Гнейст, немецкий юрист и публицист, профессор Берлинского университета, бывший также членом ландтага и рейхстага, где принадлежал к партии национал-либералов, издал в 1857—1863 гг. труд под заглавием «*Das heutige englische Verfassungs- und Verwaltungsrecht*», после чего напечатал еще целый ряд сочинений по английскому государственному праву, из которых некоторые были переведены по-английски. Он создал особую, вполне самостоятельную и своеобразную теорию об английском самоуправлении, положенную им в основу общего учения о самоуправлении, как органическом соединении государства и общества. Взгляды Гнейста, как знатока английских порядков, пользовались громадным авторитетом в Германии и вообще на континенте, но новейший исследователь английского местного управления Редлих, в книге под тем же заглавием доказывает, что теория Гнейста, поскольку она касается Англии, не соответствует действительности. Прибавим, что демократизацию английского местного управления Гнейст не одобрил.

² Кстати, только что названный автор указывает на то, что Гнейст, сделавший столь популярным на материке термин «*selfgovernment*», употребляет это слово весьма произвольно, обозначая им организацию внутреннего управления. А между тем, — продолжает Редлих, — *selfgovernment*, в этом смысле, как *terminus technicus*, никогда не употреблялось в Англии, ни в языке законов, ни в литературе. И для обозначения исторического строя Англии, в каком-то смысле Гнейст часто применяет *selfgovernment*, это слово в Англии не употребляется». Соответственный английский термин «*local government*», вытеснивший более ранние «*civil*» или «*municipal government*». Гнейст и термин, и точку зрения заимствовал от одного ныне забытого английского публициста. Английское местное управление, т. II, с. 360—361.

ей отмены после первой парламентской реформы. Этот общинный строй стоял под начальством тех же мировых судей. После победы парламента над королевской властью в XVII в. это местное самоуправление даже освободилось от какого бы то ни было центрального административного органа, ибо все действия местных властей стали подлежать лишь компетенции высшего суда, в который только и можно было приносить на них жалобы. С другой стороны, однако, это широкое местное самоуправление получило чисто аристократический характер, так как безвозмездность несения обязанностей мирового судьи (как и члена парламента) делала эту должность доступной лишь очень богатым людям, из среды которых и само правительство только и назначало мировых судей.

Такой порядок вещей продолжался до тридцатых годов XIX в., когда после первой парламентской реформы в него стали вноситься разные изменения. Прежде всего, реформе в 1835 г. подверглось городское управление, которое раньше находилось в руках олигархических корпораций, пополнявших свой состав путем кооптации, а в 1835 г. в жизнь городов было введено представительство всех местных жителей, имевших оседлость в городе в течение трех лет и плативших местные налоги¹. Одновременно с этим суд в городах был отделен от управления, само же оно было поставлено под известный правительственный контроль. Это было первым шагом к демократизации местного самоуправления, и уже тогда, в тридцатых годах, ставился вопрос о реформе самоуправления земского, но оно по-прежнему оставалось в руках средних классов, которые в 1832 г. получили и более широкий доступ в парламент. Одним из глашатаев необходимости демократизации местных учреждений выступил Милль, требовавший в своем «Рассуждении о представительном правлении». (1861) устройства местных, как он выражался, «подпарламентов» (subparliaments) на основах всеобщего избирательного права с коррективом в пользу состоятельных классов в виде множественных вотумов, причем исполнительными органами этих «подпарламентов» должны были бы быть сведущие лица, назначаемые на свои должности ответственными главами местного управления². Вторая парламентская реформа не сопровождалась, однако, коренным изменением в порядках областного и приходского самоуправления. Демократизация управления графствами произошла только вслед

---

¹ Позднее трехлетний срок был сокращен вдвое, и было принято, что в налог, уплачиваемый домовладельцем, входят и доли его квартирантов.

² Милль справедливо находил, что мировые, судьи, назначаемые из землевладельцев, были наследниками феодальных сеньоров, и что потому это учреждение и было наиболее аристократическим, какие только существовали в Англии. Общее изложение книги Милля «Рассуждения о представительном правлении» дано нами в т. V. Гнейсту (ср. выше) именно и нравилось то, что Милль, наоборот, в своем демократизме отрицал. «Осуждение Джона Стюарта Милля, — говорит Редлих, — принадлежит к самым серьезным по своим ошибкам Гнейста». Английское местное управление, II, 353.

за третьей парламентской реформой, а сельскому (приходскому) управлению пришлось дожидаться своей очереди только еще через десять лет.

Реформа местного управления, совершившаяся в конце XIX в., заключалась, впрочем, не в одной его демократизации. Между прочим, Милль проводил еще ту мысль, что «власть должна быть локализована, но знания для того, чтобы приносить наибольшую пользу, могут быть централизованы»¹. Этот принцип нашел воплощение в некоторых новых явлениях местной жизни в Англии², хотя у них уже были кое-какие прецеденты: в создании особых для всей страны центральных органов по призрению бедных (в тридцатых годах), по охране общественного здоровья (в 1848 г.) с правами общего руководства и контроля по отношению к местным учреждениям общественного призрения, народного здоровья и т. д. Но во всех указанных учреждениях совершенно отсутствовал принцип представительной демократии, и впервые эта система была введена в жизнь вместе со школьным законодательством Гладстона в первое его министерство. Правда, в Англии и до школьного закона 1870 г. существовал центральный комитет народного образования, но ему мало было работы ввиду отсутствия государственных школ и местных органов управления школами. В своем месте мы видели, что закон 1870 г. учреждал в отдельных местностях выборные школьные комитеты, или советы, и вот в эти-то учреждения (school boards) закон предписал производить выборы всем плательщикам налогов (ratepayers) даже без различия пола³. Впервые Англия получила целостную систему народного образования, в которой мы имеем и центральный орган (сведущих лиц), и местные органы представительного-демократического характера. В 1875 г. нечто аналогичное было создано и для попечения о народном здоровье.

---

¹ «Power may be localized, but knowledge, to be most useful, must be centralized».

² См. в первой части VI т. о книге Дайси (Dicey), рассматривающей отношения между законами и общественным мнением в Англии в XIX в. Влияние идей Милля на законодательство относится к числу фактов, исследуемых Дайси (ср. с. 398—407 французского перевода его книги 1906 г.), но еще более он приписывает значения бентамизму. О влиянии идей Бентама на выработку именно системы современного местного управления в Англии особенно обстоятельно говорит Редлих: «В этих идеях лежат зародыши той практической реформы управления» и т. д. Английское местное управление, I, 136 и след. См. у него еще и выработанный Бентамом план центрального и местного управления, I, 188—145. Не забудем, что Милль был бентамистом.

³ Интересная подробность: каждый избиратель имеет право на количество голосов, равное числу членов данного совета (5—13), причем может все их подать за одного кандидата, — мера для обеспечения меньшинства, не принадлежащего к господствующему в местности вероисповеданию. Отметим еще, что Бентам и Милль были защитниками политических прав женщин, которые в Англии во многих случаях пользуются активным избирательным правом, а в двух случаях (местные школьные и благотворительные советы) и пассивным. В 1886 и 1897 гг. палата общин принимала в принципе и допущение женщин к парламентским выборам, но дело не доходило до третьего чтения соответственных предложений.

Дальнейший и притом неизмеримо более важный шаг был сделан в 1888 г. консервативным министерством Солсбери, что вполне объяснимо уже известным нам поворотом тори в сторону большего демократизма, особенно после того, как с ними соединились либералы-юнионисты, имея в своей среде такого человека, как Чемберлен. Последний даже может рассматриваться как настоящий родоначальник реформы¹, хотя и сам Солсбери во время избирательных кампаний 1885 и 1886 гг. говорил от имени своей партии о необходимости широкой и серьезной реформы местного управления (диктовавшей, между прочим, и чисто техническими соображениями).

Реформа 1888 г. разделила Англию с Уэльсом² на 122 округа, из которых несколько было создано вновь и которым было присвоено название графств (counties). Из них около половины (60) было земских, приблизительно столько же (61) городских (county boroughs) для особенно населенных или замечательных городов, кроме Лондона, который вместе с соседними «приходами» составил также особую административную единицу (Лондонское графство). В каждом графстве учреждался местный совет (county council) с характером земских собраний или городских дум, и ему были переданы все несудебные функции мировых судей, так как реформа 1888 г. следовала, в данном случае, примеру городской реформы 1835 г., основанной на отделении юстиции от администрации. Выборы в советы графств вполне демократические: в них стали участвовать все плательщики налогов, с распространением активного избирательного права и на незамужних женщин, платящих налог (квартиронанимательниц). Над советами графств стоит высший совет по делам местного управления (Local government board), учрежденный еще в 1871 г., под ними — советы низших административных единиц (городские и сельские окружные, т. е. town councils и district councils).

Несмотря на то что наиболее консервативные тори и некоторая часть либералов (старого вигского пошиба) были очень недовольны тем, что земская аристократия (landed aristocracy) должна была уступить место в местном управлении демократическим элементам населения, билль 1888 г. прошел замечательно гладко. Один французский историк³ справедливо сравнивает реформу управления в графствах (и следовавшую затем реформу управления в приходах) с французской департаментской и муниципальной организацией по конституции 1791 г. Правда, оговаривается он, английская организация не была, подобно французской, создана «по

¹ В 1885 г. он требовал этого в предисловии к «Radical programme».

² На Шотландию действие закона было распространено в 1889 г., но введение преобразования в Ирландии было тогда отложено до ее успокоения. Исполнено это было лишь в 1898 г., о чем см. ниже.

³ *Métin A.*, автор главы об Англии в XII томе «Histoire générale» Лависса и Рамбо.

одному систематическому плану сразу, но она похожа на последнюю и в смысле участия всех платящих налоги жителей в местном управлении и в смысле отсутствия в провинциях агентов центральной власти. В Англии нет префектов или аналогичных чиновников. Местные корпорации являются хозяевами всех отраслей управления (*de tous leurs services*), в том числе и полиции (кроме Лондона). Они контролируются непосредственно Министерством местных дел (*Local government board*)» и пр. Одним словом, старому английскому «*selfgovernment*’у», который восхищал Гизо, Токвиля и Гнейста, пришел конец. Дело дошло до того, что в четвертое министерство Гладстона в мировые судьи, на эту почетную и влиятельную должность, бывшую прежде доступной только помещикам, сквайрам, стали назначаться люди из мелкой буржуазии и даже из рабочих (главным образом из принадлежащих к тред-юнионам).

Вообще после реформ 1884—1885 и 1888 гг. в Англии произошло усиление демократического движения. Между прочим, те радикальные протесты против официального либерализма, о которых сказано было выше, нашли очень благоприятную почву в настроении рабочих, ибо среди них стала мало-помалу укрепляться мысль о необходимости использовать свои политические права в интересах улучшения своего материального положения. Более развитые рабочие находили либеральную партию столь же эгоистичной, какой была в их глазах и консервативная, и потому считали более целесообразным организовать свою особую «трудовую партию» (*labour party*), которая в парламенте должна была бы вести себя приблизительно так же, как вели себя ирландцы, т. е. соединяться с любыми партиями, от которых можно было бы что-либо получить, и вступать в борьбу с каждой партией, которая становилась бы поперек дороги. В 1888 г. в Брэдфорде был съезд рабочих, положивший начало новой партийной организации, причем за образец был принят либеральный «*saucus*». Некоторые старые социалистические или ультрарадикальные общества советовали рабочим подавать голоса и на парламентских, и на местных выборах только за своих, рабочих кандидатов. Новое движение охватило даже классические английские тред-юнионы, вообще сторонившиеся от политики и требовавшие от государства только невмешательства. Мало того, это движение не могло не обратить на себя внимания либералов, поставивших себе вопрос, удовлетворяет ли их программа потребностям времени. Ответ на этот вопрос получался отрицательный, и среди либералов стала распространяться мысль, что возвращение их партии к власти делается возможным лишь тогда, когда ее политика будет вообще больше принимать в расчет нужды и интересы народных масс. Была даже сформулирована идея «нового либерализма» (*the new liberalism*), рядом с которым по другим мотивам возникали «новый радикализм», «новый юнионизм» и т. п. Это указывало на процесс дробления, чуть не распыления либеральной партии на группы

с различными формулами, с различными требованиями реформ. Восстановить былое свое единство «Национальная либеральная федерация» могла, только отказавшись от гомруля, как единственного своего лозунга, дабы присоединить к нему ряд других требований, о которых заявляли разные фракции. Так, на партийном съезде осенью 1891 г. возникла знаменитая «Ньюкаслская программа»¹, в которой были поставлены рядом и гомруль, и отделение церкви от государства, и уничтожение или преобразование палаты лордов, и реформа земельного налога, и еще очень многое другое. Прежнюю, объединяющую разные оттенки либерализма, программу сравнивали с большим зонтиком («grand old liberal umbrella»), под которым всем найдется место, теперь в том же смысле стали говорить о «либеральном омнибусе», в котором, прибавим, давалось место и вмешательству государства, вместо старого «laissez faire, laissez passer»². Особого доверия среди рабочих этот поворот к «государственному социализму», впрочем, не вызвал: в его искренность плохо верили, боялись, что все это лишь избирательный маневр. Демократизация местного управления, соединенная с осуждением старой теории невмешательства, привела в Англии к так называемому муниципальному социализму, заключающемуся в том, что городские управления, с одной стороны, начали брать непосредственно на себя водоснабжение, освещение улиц, средства передвижения и т. п., а с другой — занялись уменьшением рабочего дня и улучшением платы своих рабочих и служащих, — строить для них дома и т. п. Конечно, это не есть еще социализм, да и вообще в местных управлениях настоящие социалисты в конце XIX в. нигде в Англии не составляли большинства, и в меньшинстве были не везде.

Однако все-таки конец XIX в. и в Англии был временем усиления социального движения. Оно даже охватило сельских рабочих, которых больше всего, конечно, интересовал вопрос аграрный. Радикальная партия ввиду этого даже выставила требование, чтобы предложения, делавшиеся Гладстоном для Ирландии, были распространены и на саму Англию, т. е. чтобы государство содействовало приобретению мелких земельных участков сельскими рабочими³. Одновременно, в начале восьмидесятых годов, в Англии образовались две лиги, поставившие своей целью добиваться перехода земли к народу. Одна, получившая название «Лига для национализации земли», следовала идеям знаменитого естествоиспытателя Уоллеса⁴, который писал также и по общественным вопросам и, между прочим, из-

¹ Автором ее был Джон Морлей.

² Об общем росте в демократической Англии тенденции, осуждающей старый принцип невмешательства, см. у Дайси, о чем еще раз отсылаю к с. 335–336 первой части VI тома.

³ Одна из идей Чемберлена в середине восьмидесятых годов.

⁴ Уоллес (Wallace) еще до выхода в свет главного сочинения Дарвина доказывал изменчивость видов.

дал книгу под заглавием «Land nationalization» (1883). Другая лига, именно Лига для возвращения земли народу, была на стороне идей знаменитого американского писателя Генри Джорджа, автора прославившей его имя книги «Прогресс и бедность» (1879). Обе лиги, в сущности, стремились к одному и тому же: вся разница заключалась в том, что первая стояла за приобретение всей земли государством посредством выкупа ее у теперешних владельцев, тогда как другая ожидала перехода земли к государству путем обложения ее единственным налогом, который равнялся бы всему получаемому от нее доходу. Одновременно с этими двумя лигами по аграрному вопросу была основана Гайндманом «Социально-демократическая федерация», которая приняла учение германской социал-демократии. Идеи Генри Джорджа и Карла Маркса стали мало-помалу распространяться в рабочей среде, особенно благодаря безработице и дороговизне, которыми отличалась середина восьмидесятых годов. Кризис, переживавшийся в это время английской промышленностью и торговлей, вызвал немало волнений среди рабочих, и некоторые из тогдашних демонстраций совершались не без участия социалистов (как, с другой стороны, и ирландцев). Дело доходило даже до столкновений с полицией и войском, как это было во время грандиозного митинга в Трафальгар-сквере осенью 1887 г. Английский тред-юнионизм, который в большей части своей сравнительно долгой истории отличался нерасположением к государственному вмешательству и к социализму, до конца восьмидесятых годов сохранял свой мирный и консервативный характер. В это время всех объединенных тред-юнионами рабочих насчитывалось около миллиона, и ежегодно (с 1868 г.) их делегаты собирались на конгрессы, каждый раз упорно отвергавшие все предположения в социалистическом духе, какие вносились отдельными делегатами. Эти съезды отвергали даже предложения о всеобщем избирательном праве. Но с конца восьмидесятых годов и эта твердыня рабочего консерватизма стала колебаться. В 1888 г. не раз отвергавшийся принцип национализации земли был наконец принят. Особое значение для проникновения социализма в тред-юнионы имело появление в 1889 г. так называемого «нового юнионизма» (new unionism). Основателями его были неквалифицированные рабочие (unskilled labourers), т. е. чернорабочие, раньше не входившие в состав тред-юнионов. В конце восьмидесятых годов среди таких рабочих, занятых на доках, началось сильное брожение, выразившееся в ряде стачек. Самая грандиозная стачка в лондонских доках произошла в 1889 г., за которой последовали стачки и в других местах как докеров, так и других рабочих, вроде кочегаров, матросов и т. п. На этой почве для продолжения борьбы с предпринимателями лондонские доковые рабочие образовали союз, одним из главных руководителей которого явился Джон Бёрнс. Это был простой рабочий, сумевший, однако, обогатить свой ум историческим и политико-экономическим чтением,

много видевший на своем веку (он побывал и в Африке, и попутешествовал по Европе), еще совсем молодым человеком усвоивший основы социализма от одного бежавшего в Англию коммунара и вскоре затем начавший выступать на рабочих митингах. В 1885 г. он даже думал попасть в парламент, но не был избран. Зато участие его в волнениях 1889 г. повлекло за собой приговор к тюремному заключению. Когда была произведена реформа местного управления, Бёрнс был избран в лондонский county council, что указывает, какой он в это время пользовался популярностью среди демократических избирателей. Еще более доказало то же самое совершившееся впоследствии избрание его в члены парламента. Около того же времени, как организовались докеры, возникла и организация рабочих газовых заводов, в чем деятельное участие принял один из членов «Социально-демократической федерации» (Торн). Примеру их стали следовать чернорабочие и в других городах.

«Новый юнионизм» отличался от старого тем, что в нем уже не было манчестерского духа. Участники движения сознавали необходимость государственного воздействия для улучшения быта рабочих. В то же время они понимали, что при своих скудных заработках они не в состоянии заводить такие учреждения, какие существовали в старых, хорошо обеспеченных союзах. Нужно было искать новые пути для выхода из тяжелого положения, и социалистическая проповедь в этом отношении находила здесь очень благоприятную для себя почву.

Вступление в союзную организацию целого ряда организаций необученных рабочих очень скоро отразилось на конгрессах тред-юнионов. Начиная с 1890 г. эти съезды последовательно вотируют восьмичасовой рабочий день, переход в общественную собственность всех орудий производства (с повторением постановления о национализации земли), необходимость развития рабочего законодательства, государственной помощи, муниципального социализма и т. п. Рядом с этим в тред-юнионах шла агитация в пользу государственного обязательного страхования, призрения старых рабочих по достижении ими шестидесятилетнего возраста и т. п. Съезд 1893 г. принял в принципе необходимость образования новой партии, которая состояла бы из всех рабочих организаций (так называемой trade federation), и вместе с этим учреждения особой кассы для выбора в парламент рабочих (labour members), которые защищали бы принципы коллективизма. На конгрессе 1894 г. было отказано в признании права быть делегатами за лицами, фактически переставшими заниматься физическим трудом. В это же время возникла еще новая «Независимая рабочая партия» (1893), менее исключительная, чем марксистская «Социально-демократическая федерация», и ее члены Джон Бёрнс и Кэр Гарди сделали даже членами парламента. Самый конец XIX в. застал английский социализм еще в периоде брожения, далеким от кристаллизации в какие-либо проч-

ные формы, но с этой целью в 1900 г. тред-юнионы и социалистические организации и учредили особый Комитет представительства рабочих (Labour representation committee). В начале XX столетия (1903 г.) в английском парламенте уже было 14 представителей от рабочих.

Во время этого усиления социального движения в Англии, именно в 1892 г., были произведены парламентские выборы, довольно, в общем, оказавшиеся благодатными для либеральной партии. Именно либералов прошло 275, из них 81 ирландец (из них 71 — антипарнеллиты), консерваторов же и юнионистов было выбрано 268 и 40. Как-никак обе последние партии составляли меньшинство, хотя и противники их не имели большинства. Результатом была отставка Солсбери и образование четвертого министерства Гладстона. Составившееся в парламенте либеральное большинство послушно следовало за своим 84-летним вождем отчасти потому, что между отдельными группами, объединенными «Ньюкальской программой», образовалось нечто вроде круговой поруки, отчасти под давлением местных ассоциаций, требовавших верности министерской программе, составленной на основании требований отдельных групп. Так как министерство встречало оппозицию всем своим планам со стороны лордов, то отдельные либеральные группы объединялись и общей оппозицией палате лордов. Против последней в стране была начата даже целая кампания, задачей каковой было объединить на одном лозунге общественное мнение избирателей. Министерство при этом демонстрировало злокозненность лордов, внося один за другим билли, которые не могли рассчитывать на принятие верхней палатой и все билли, один другого важнее и популярнее в стране. Однако в конце концов эта тактика не создала сильного своим единодушием настроения в стране.

Когда Гладстон в начале своего четвертого министерства снова внес билль о гомруле, везде начались митинги *pro et contra*¹, на которых доказывалось, что Англии придет конец, если она допустит образование отдельного парламента для Ирландии, *respective*² — если Ирландия не получит отдельного парламента³. В самом парламенте при обсуждении билля консерваторы и юнионисты пускали в ход обструкцию и всячески тормозили дело к великому раздражению ирландцев. Дело однажды дошло до драки, до настоящей драки, сопровождавшейся невообразимым гамом и свистками. Гладстон, подавленный этой некультурной сценой, оставался на своем месте до окончания побоища, причем от консерваторов ему

---

¹ «За и против» (лат.). — Прим. ред.

² Буквально «все останется на своих местах» (англ.). — Прим. ред.

³ В ирландской области Ольстер с протестантско-английским населением была составлена петиция королеве от женщин, заклинявших ее не давать Ирландии гомруля. Она была написана на длиннейшем свитке, имевшем в диаметре полтора фута и покрытом чуть не полтора раза тысячами подписей.

пришлось выслушивать крики: «Это дело ваших рук!» Как ни затягивали противники билля его обсуждение (с середины февраля до конца августа), он в конце концов был принят 301 голосом против 267 (1 сентября). Но в палате лордов он был отвергнут (9 сентября) таким громадным большинством, — именно вдесять раз превосходившим меньшинство (419 против 41), — что Гладстон не решился преодолеть несогласие лордов вторичным проведением того же билля в палате общин. Если бы не упорство наследственных законодателей, Ирландия получила бы, как выразился Маккарти, из рук Гладстона великую реформу. По этому биллю Гладстона особый парламент по ирландским делам (Irish legislature), или «ирландская легислатура», должен был состоять из законодательного совета (legislative council) в 48 членов, выбранных на восемь лет, и законодательного собрания (legislative assembly) в 103 члена с пятилетними полномочиями. Для избрания последних принимались основания английского закона о парламентских выборах, тогда как члены совета должны были выбираться лицами, имевшими ежегодно имущественный доход двадцать фунтов стерлингов. Далее, для принятия законопроекта предполагалось требовать согласие обеих палат, но за советом признавалось лишь отсрочивающее «veto», так как в случае принятия собранием через два года или раньше, но в новом составе, отвергнутого проекта, при повторном несогласии совета, окончательное голосование должно было происходить в соединенном собрании. Из компетенции ирландского парламента исключались все дела, касающиеся короны и регентства, власти ирландского наместника (который должен был быть назначаем на шестилетний срок), внешних сношений, войны, внешней торговли и монетной системы. При наместнике должен был находиться особый исполнительный комитет (executive committee of the privy council), своего рода ирландское министерство, с советами которого наместник был бы обязан соотносить всю свою правительственную деятельность. Билль не порывал совсем связь Ирландии с английским парламентом, так как в нем должны были сохраниться ирландские депутаты (в количестве восьмидесяти) с правом простого участия в прениях по всем вопросам и голосования лишь по делам либо общеимперского, либо специально-ирландского значения. После провала билля о гомруле в палате лордов Гладстон через полгода (4 марта 1894 г.) вышел по болезни в отставку, передав власть лорду Розбери¹, и лишь изредка посещал парламент, а на выборах 1895 г. и совсем не выставлял своей кандидатуры².

---

¹ Гладстон подготавливал еще реформу избирательного права, которая распространила бы его на 600 тыс. новых избирателей, но ее при Розбери постигла судьба гомруля. При этом должно было осуществиться правило: «one man, one vote», т. е. каждый должен был иметь лишь один голос, а не по числу цензов в разных местах.

² Гладстон скончался в мае 1898 г.

Выход Гладстона в отставку не мог не ослабить либеральное министерство 1892 г., так как его преемник не пользовался ни таким авторитетом в партии, ни такой популярностью в стране, как Гладстон. Радикалы, считавшие единственным правомерным преемником Гладстона Гаркорта, были недовольны еще тем, что новый премьер, вдобавок, был член палаты лордов, а ирландцы несколько косились на более холодное отношение Розбери к гомрулю. Сам Розбери, вступив во власть, сделал заявление, что правительство, оставаясь верным принятым на себя обязательствам, не намеревается, однако, возобновлять дело гомруля в ближайшей сессии. В общем, для внутренней истории Англии министерство Розбери прошло почти бесплодно. Причинами этого были сопротивление палаты лордов и постепенное таяние правительственного большинства. Из предложений правительства не осуществились ни отделение церкви от государства в Уэльсе, ни изменения в ирландском арендном праве, ни расширение избирательного права (по принципу «one man, one vote»), ни введение вознаграждения членам палаты общин и т.п.¹ Впрочем, одна очень важная реформа в 1894 г. была осуществлена в министерство Розбери, хотя и она, собственно говоря, была целиком подготовлена еще при Гладстоне и только замедлена obstructцией лордов.

Самой мелкой земской единицей в Англии был приход (parish), совет которого (vestry) под председательством духовного лица установленной церкви и под большим или меньшим влиянием местного сквайра ведал не только дела приходской церкви, но и чисто гражданские дела. Реформа 1894 г. состояла в том, что за старым советом было оставлено ведение делами церкви, все же остальное было передано в заведование или приходского собрания (parish miting) всех плательщиков налогов в селениях, где менее 300 жителей, или приходского совета (parish council), избираемого приходским собранием. Гладстон хотел дополнить этот важный закон, муниципализировавший и демократизировавший приходское управление, еще некоторыми подробностями, но, дабы не доводить дело до конфликта между обеими палатами, что только затормозило бы проведение билля, убедил нижнюю палату кое-что уступить верхней, сказав, однако, что так дело дальше не должно быть, ибо слишком уж различны мирозозерцания обеих палат. Эти слова были поняты в смысле желания осуществить по отношению к палате лордов радикальное «mend or end» (исправить или прикончить), но, по-видимому, в гладстоновском большинстве на это не было бы согласия. Так, сходя с политической сцены, «великий старец» одновременно завершал демократизацию английских учреждений² и указывал английской демократии на задачу будущего по отношению к палате лордов.

¹ Зато военный министр Кэмпбелл-Баннерман ввел во всех своих мастерских и заводах 8-часовой рабочий день путем административного распоряжения.

² Редлих, автор «Английского местного управления» (рус. пер. 1907 г.). один из лучших знатоков предмета, справедливо замечает по поводу реформы 1894 г., что в Англии, прежде

Министерство Розбери¹ пережило лишь на год с небольшим отставку Гладстона. После его ухода правительственное большинство постепенно таяло — до того, что в 1894 г. стало превышать оппозицию голосов на 25 и того меньше, а в 1895 г. уже не превышало более, чем на 15 голосов: то отдельные парнеллиты переходили в оппозицию, то где-нибудь на дополнительных выборах победа оставалась на стороне консерваторов. Когда 21 июня военный министр (Кэмпбелл-Баннерман) внес в палату билль о переустройстве армии, один из членов оппозиции подверг этот билль суровой критике, предложив уменьшить жалование военному министру, и за такое выражение протеста подано было 132 голоса против 125. Министерство подало в отставку. Новое составил Солсбери, оставшийся потом у власти до 1902 г. В состав этого последнего английского министерства в XIX в. и первого в XX в. вошли частью крайние и умеренные консерваторы, частью либералы, либералы-юнионисты более умеренного (герцог Девонширский) и более крайнего (Чемберлен) направлений. Едва образовавшись, новое министерство распустило парламент и назначило выборы, во время которых, как свои лозунги, выставило сохранение государственного единства (против гомруля), защиту палаты лордов (против требования ее реформы), более энергичную внешнюю политику и ряд социальных реформ вроде пенсий для престарелых, законодательной нормировки рабочего времени, посреднических судов между предпринимателями и рабочими и т. п. Эти социальные реформы были специальностью агитации Чемберлена вследствие чего получили название «Чемберленовских козырей», сыгравших роль заманчивого обещания, не исполненного, когда свое дело они сделали. В это же время в консервативно-юнионистской коалиции стало обнаруживаться новое, империалистское течение, во гла-

---

чем XIX столетие пришло к концу, исполнилось по отношению к Англии «предсказание Токвиля о непреодолимости демократической идеи». Англия к концу XIX в., таким образом, говорит еще Редлих, получила истинное самоуправление, т. е. «установление народом законов, народное правление посредством парламента, покоящегося на (почти) всеобщем избирательном праве, посредством полного подчинения центральной власти этому последнему при помощи системы парламентарного правительства; самоуправление народа посредством преобразования всего внутреннего управления в административную деятельность демократически организованных общин; наконец, сохранение правосудия, как функции суда, который является совершенно независимым от парламента, правительства и административных корпораций, и юрисдикция которого с одинаковой силой и в одинаковых формах блюдет за всеми юридически нормированными отношениями общественной жизни и решает их окончательно» (Редлих, т. I, с. 267). Итак, этот автор коротко определяет современное английское местное управление, как «административную деятельность демократически организованных общин».

¹ И Розбери очень резко говорил о палате лордов, что вызывало возражения Солсбери, указывавшего на то, что реформа или отмена палаты лордов едва ли может быть осуществлена при теперешней конституции, так как на это потребовалось бы согласие самих лордов, которого, конечно, ими не будет дано.

ве которого стоял герцог Девонширский, основатель лиги для упрочения союза Англии с колониями.

Выборы 1895 г. послали в палату общин правительственное большинство, состоявшее из 338 консерваторов и 73 юнионистов, итого 441 член, при меньшинстве из 175 либералов, 82 ирландцев (с 12 парнеллитами в том числе) и 2 представителями — явление совсем в Англии новое — независимой рабочей партии, всего в 259 человек. Таким образом, министерство Солсбери располагало 152 лишними голосами, в чем была его несомненная сила. Слабую его сторону составляли разногласия в его собственной среде, приведшие, однако, постепенно к тому, что в нем возобладали крайние тори, благодаря, между прочим, поддержке со стороны Чемберлена, который этим путем хотел склонить их на сторону своих империалистских и протекционистских планов. Хотя в министерстве 1895 г. иностранные дела взял на себя сам Солсбери, но настоящим руководителем внешней политики Англии сделался в нем Чемберлен, занимавший пост министра колоний.

В другом месте у нас уже шла речь о новейшем английском империализме, и еще будет о нем речь впереди¹. Английский империализм — это проповедь энергичной и широкой мировой политики, соединенная с резкими проявлениями национализма, милитаристическими стремлениями и протекционистскими идеями. Особые обстоятельства, которые делали империалистическую агитацию необыкновенно успешной в Англии, заключались в тех условиях, в каких находилась экономическая жизнь страны. Английское сельское хозяйство в течение второй половины XIX в. далеко не прогрессировало, а скорее даже шло на убыль. Вычислено, что в начале царствования королевы Виктории в Англии привозным хлебом питались только один месяц в году, а в остальное время — своим, тогда как в конце этого царствования привозным хлебом Англия должна была питаться уже не один месяц в году, а девять с половиной месяцев. Конечно, этому соответствовало и уменьшение дохода общественных классов, живущих рентой или прибылью от сельского хозяйства. Менее заметный, но тоже довольно-таки ощутимый кризис переживала Англия и в сфере своей обрабатывающей промышленности, в которой ей фактически принадлежала монополия на всемирном рынке, что, между прочим, содействовало социальному успокоению Англии после пережитой во времена чартизма бури, так как интенсивное развитие промышленности давало хорошие заработки рабочему классу и тем обуславливало материальное его благополучие. Но к концу XIX в. в индустриальном отношении выросли и другие

---

¹ К литературе, указанной выше, можно еще прибавить: *Jeans*. *Englands supremacy* (есть фр. пер. 1887 г.); *Сили*. *Расширение Англии* (1903); *Asquith H.H.* *Trade and the empire: Mr. Chamberlain's proposals examined*; *Gazeau J.* *L'impérialisme anglais, son Évolution* (1903); *Lowell L.* *The government of England* (1908), vol. II, part VI: «The empire».

страны, которые начали конкурировать с Англией. Особенно опасной конкуренткой стала казаться англичанам Германия, промышленность которой начала даже опережать английскую. В английских магазинах стали продаваться разнообразнейшие товары с клеймом, указывавшим на их немецкое происхождение. Слова «сделано в Германии» (*made in Germany*) на товарах, продающихся в Англии, казались страшной угрозой всему материальному существованию нации, и по этому поводу возникла целая литература¹. Что в английской промышленности не все обстояло благополучно, на это указывают и упоминавшиеся уже выше волнения среди рабочих, вызывавшиеся безработицей и имевшие результатом усиление социализма. И в колониальном отношении с середины восьмидесятых годов Англия перестала быть чуть не единственной владелицей заокеанских стран: у нее явились соперницы в лице Германии и Франции, не говоря уже об опасениях, которые в англичанах вызывали русские успехи в Средней Азии. Англичане привыкли везде и во всем видеть нарушение своих коммерческих и политических интересов, но более всего опасались за Индию, из которой уже давно извлекали колоссальные доходы. Если сельское хозяйство Англии падало, развитие промышленности останавливалось, в торговле замечался застой, то это не значит, чтобы происходило обеднение страны. Англия давно уже сделалась банкиром, ссужающим деньги другим, более отсталым в экономическом отношении странам. Английские же капиталы, отданные займы в эти страны, немало способствовали развитию обрабатывающей промышленности вне самой Англии, что компенсировало потери на иностранной конкуренции. Оказалось даже более выгодным заводить непосредственно промышленные заведения в чужих владениях, где можно было гораздо дешевле, чем на родине, покупать рабочую силу. Во всяком случае, в той ли, в другой ли форме Англия получала громаднейшие доходы из своих капиталов, нашедших помещение за границей. Безопасность и правильное поступление процентов от ссуженных другим нациям капиталов должны были сделаться особой заботой английских капиталистов, влияние которой на политику сказалось, например, в оккупации Египта. Одним из выгодных способов помещения излишних капиталов сделалась также выделка и поставка в казну предметов, необходимых для армии и флота², рост расходов на которые вызывался рядом маленьких войн, какие Англией велись то там, то сям в разных частях света³.

---

¹ См. выше работы Уильямса и Медлея о «*made in Germany*».

² Частный случай общего явления, о котором см. в первой части этого тома.

³ В гл. XIV настоящего тома перечислены далеко не все колониальные войны, какие Англия вела в рассматриваемую эпоху, а только главные. Что касается увеличения военных расходов Англии, то об этом см., например, хотя бы цифры трат на флот, приведенные в первой части настоящего тома (увеличение с 1873 по 1892 г. более чем в три раза).

Империализм обещал всем что-нибудь для них нужное: кому ограждение отечественного производства от иностранного ввоза хлеба и продуктов индустрии, кому — хорошие заработки, кому — торговые барыши, кому — обеспеченное получение доходов от помещенных в чужих краях капиталов, кому — обильные поставки в казну, всей же вообще нации — почетное положение среди других народов, прямое первенство между ними и господство во всем мире, что, в свою очередь, развивало в массах крайнюю степень национального самомнения, исключительности и нетерпимости, или так называемого джингоизма¹. В Англии в эту эпоху развилась и соответственная пресса, льстившая самым низменным инстинктам толпы.

Империализм немало содействовал также начавшемуся еще ранее разложению либеральной партии. Вышедши в отставку в 1895 г., Розбери на время удалился в частную жизнь, передав лидерство Гаркорт, который, в свою очередь, уступил его из-за партийных несогласий Кэмпбелл-Баннерману, но в том же самом 1898 г., когда произошла эта последняя смена, бывший преемник Гладстона снова выступил на политическое поприще и на этот раз уже настоящим империалистом, в чем нашел, впрочем, и товарищей в лице некоторых других видных либералов. Полемика, начавшаяся между Розбери и новым лидером либералов, показывала, до какой степени в либеральной партии бывшее единство уступило место внутреннему разладу. После того, как от нее откололись юнионисты с Чемберленом во главе, начали откалываться и империалисты, имея во главе Розбери. В сущности, юнионизм и империализм стали покрывать друг друга, и недаром Розбери впоследствии говорил, что из старой либеральной программы нужно вычеркнуть слово «гомруль» и на его месте написать «империализм». Дело в том, что главой империалистов сделался вождь юнионистов Чемберлен, ставший теперь первой фигурой во всем Соединенном Королевстве². Он, как было выше сказано, и занял, в сущности, первенствующее положение

---

¹ Слово совершенно нового происхождения (из одной патриотической песенки 1876 г.). В русской печати за нарастанием империалистического духа особенно следил с конца девяностых годов на страницах «Русского богатства» Дионео, в собрании корреспонденций которого «Очерки современной Англии» (1903) см., между прочим, отдел под заглавием «Новый фазис». В частности, много интересного было сообщено этим автором по поводу бурской войны.

² См. живую характеристику Чемберлена в «Очерках современной Англии» Дионео, с. 164 и след. «Всем известно, — говорит он, — что Чемберлен в достаточной мере часто менял политическую физиономию; но, мне кажется, ошибочно мнение, что он когда-либо имел определенную физиономию. С первого момента появления на арене политической деятельности, в сущности, Чемберлен был всегда один и тот же. Если, выражаясь фигурально, он часто менял вооружение, то потому, что надеялся, что в нем скорее дойдет до цели — до верхов политической лестницы. Чемберлен, не задумываясь, менял вооружение, выкованное другими, когда находил это выгодным. Чемберлен является политическим деятелем около тридцати лет (писано в 1898 г.), но *никогда* он не выступал со *своей* теорией. Он брал выработанную другими, готовую идею, которая, по его расчетам, должна больше всего иметь сторонников. Если это не оправдывалось, Чемберлен бросал идею и поднимал новое знамя» (с. 165).

в министерстве Солсбери, рядом с людьми, которые раньше открыто называли его выскочкой, политическим шарлатаном, бирмингемским обманщиком, диким теоретиком и другими не менее нелестными эпитетами, а теперь видели в нем своего вождя.

Министерством 1895 г. были исполнены некоторые обещания, дававшиеся раньше Чемберленом или намечавшиеся в министерство Гладстона—Розбери, как, например, были проведены новый *Irish-land-bill*, облегчавший покупку земли крестьянам, закон о вознаграждении за несчастные случаи с рабочими (*workmens compensation act*, но только в известных, а не во всех производствах) и закон о местном управлении в Ирландии, бывший, в сущности, распространением и на нее главных оснований английской реформы 1888 г. Но особенно усиленную деятельность руководимое фактически Чемберленом министерство проявило в области политики империализма. В 1897 г. праздновался «бриллиантовый» юбилей королевы, на который съехались в Лондон представители всех автономных колоний Англии. Чемберлен, уже за год перед тем произнесший речь о необходимости соединения всех колоний с их метрополией в единую федеративную империю, воспользовался съездом колониальных делегатов и пригласил их на конференцию для обсуждения этого вопроса. Начало должно было быть положено, по плану Чемберлена, образованием из метрополии и ее колоний таможенного союза по образцу того, который подготовил политическое объединение Германии. Дело в том, что в автономных колониях, большей частью, были приняты протекционные пошлины, в самой же метрополии действовала система свободной торговли, а Чемберлен надеялся все это изменить в смысле образования из метрополии и колоний единого замкнутого в экономическом отношении целого, внутри которого зато не было бы таможенных границ. Рядом с этим он советовал соседним между собой колониям объединяться в местные федерации, которые подготовили бы путь и для дальнейшего политического объединения. Для всей «империи» пока можно было бы ограничиться учреждением имперского совета, в состав которого входили бы лица, сведущие в колониальных делах, но из которого потом, с течением времени, могло бы выработаться и федеративное союзное представительство. Представители колоний приняли проект довольно холодно, тем более что в число первых же шагов на пути объединения Чемберлен включал необходимость для колоний немедленно же принять участие в несении бремени расходов на флот и войско, равно как и в самих колониальных войнах посылкою своих контингентов. Последнее предложение было поддержано только Капландом, где первым лицом в это время был известный авантюрист и империалист Сесиль Родс, бывший не без греха в «разбойничьем набеге», в 1895—1896 гг., Джемсона на Трансваальскую республику буров в Южной Африке. Капланд даже прислал королеве юбилейный подарок

в виде совершенно готового броненосца. Нужно заметить, кстати, что в тайном соучастии в набеге Джейсона обвиняли не только Родса, занимавшего пост капландского премьера, но и Чемберлена. Он даже формально в этом обвинялся особой следственной комиссией, которая была назначена капландским парламентом, хотя такая же комиссия, назначенная английским парламентом, не нашла оснований преследовать Чемберлена за деяние, совершенное в другом полушарии. Во всяком случае, Чемберлен был главным виновником войны с бурами, начавшейся в 1899 г. и кончившейся только в 1902 г.

Известно, что в 1884 г. Гладстон признал за Трансваальской республикой полную самостоятельность. Министерство Солсбери начало вмешиваться во внутренние дела республики, не признавая договора 1884 г., а Чемберлен — говорить воинственные речи в духе крайнего джингоизма, отклонив третейский суд по спорному вопросу и приступив вместе с тем к усилению военных сил Англии в Капланде. Вновь переизбранный в президенты этой республики Крюгер, уже давно готовившийся к войне с Англией, послал в октябре 1899 г. английскому правительству ультиматум, который оно оставило без ответа. Тогда началась знаменитая бурская война, служившая на рубеже XIX и XX вв. предметом внимания всего цивилизованного мира. Сам Чемберлен не ожидал такой быстрой развязки. В собранном на чрезвычайную сессию парламенте он старался защититься от обвинения в неправильном ведении переговоров, и вотум порицания был отклонен 362 голосами против 135. В начале новой сессии, уже в 1900 г., когда с театра войны пришло немало неблагоприятных для англичан известий, Чемберлену опять пришлось защищать в парламенте свою политику и снова одержать победу: и на этот раз вотум порицания собрал только 139 голосов против 352, поданных за Чемберлена. Осенние общие выборы 1900 г. еще более укрепили положение министерства, потому что правительственная партия получила 402 места, оппозиция — только 263. Таким образом, в XX столетие Англия вступала в крайне империалистском настроении, но в цивилизованном мире она стояла в таком же «блестящем уединении» (*splendid isolation*), о каком Солсбери говорил и о положении Англии среди других держав. Бурская война, как во Франции буланжизм или дело Дрейфуса, подняла в Англии на поверхность политической жизни с ее dna всю накопившуюся там грязь и муть, что и здесь, однако, как и во Франции, не осталось без благородных протестов.

XVIII. Внутренняя политика Италии в конце XIX в.¹

Присоединение Италии к Тройственному союзу и начало в ней колониальной политики. — Влияние этих фактов на внутренние отношения. — Борьба правительства с республиканцами и социалистами, с клерикалами и ирредентистами. — Искажение в Италии парламентского режима во время управления Криспи. — Его реакционная политика в середине девяностых годов. — Разгром итальянской армии в Абиссинии. — Анархизм и социализм в Италии

В гл. X история Италии была доведена до 1881 г. Мы видели, что за три года перед тем умер Виктор-Эммануил, оставив престол объединенной им Италии своему сыну Умберто I, и что еще несколько раньше власть перешла из рук правой в руки левой, в каковых, прибавим, и находилась после этого до 1887 г. Мы видели далее, что в 1879 г. образовалось министерство, в котором нашли место оба политических соперника предшествующих лет: более прогрессивный Кайроли и более консервативный Депретис. Нами было отмечено еще, что к 1881 г. государственное хозяйство Италии находилось в хорошем состоянии, но что нельзя было сказать то же о положении народных масс, недовольством которых пользовались революционные партии (республиканцы и интернационалисты-анархисты) для пропаганды мысли о необходимости политического переворота и прямо для организации заговоров и восстаний. Впрочем, уже о 1880 г. можно говорить как о таком времени, когда неудачи, постигавшие революционные выступления, вносили и в ряды вождей, и в руководимые ими народные круги известное разочарование относительно планов насильственного ниспровержения существующего строя. 1881 г. был, так сказать, поворотным, в Новейшей истории Италии. В этом году, как было указано в своем месте, была завершена финансовая реформа (главным образом отмена налога на помол и принудительного курса бумажных денег) и подготовлена избирательная реформа, затем и принятая парламентом в следующем году.

---

¹ История Италии в семидесятых годах XIX в. изложена в гл. X (в первой части этого тома). Там же даны и указания на литературу. Уже после того, как гл. X была отпечатана, вышли в свет (в 1908 г.) первые два тома подробной летописи Италии с 1870 г. под заглавием: *Vigo P. Storia degli ultimi trent'anni del secolo XIX*, в которых изложение не доведено еще до конца семидесятых годов, так что только следующие тома этого издания будут заключать в себе историю Италии в два последние десятилетия XIX в. Для истории итальянских политических партий можно указать: *Jacini. I conservatori e l'evoluzione dei partiti politici in Italia*; *Minghetti. I partiti politici*; *Bonfadini. I partiti parlamentari* (в «Nuova Antologia» за 1894 г.); *Лоуэлль А. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы* (1905), с. 127 и след.; *Модестов В. Современная Италия* (в «Историческом вестнике» за 1893 г.); *Billot A. La France et l'Italie. Histoire des années, troubles, 1881—1899* (1905).

Одновременно с этим Италия должна была распротиться со своими надеждами на Тунис, сделавшийся достоянием Франции, что толкнуло внешнюю политику Италии на совершенно новый путь и не могло также не отразиться на внутренних отношениях. В семидесятых годах, как и в шестидесятых, в руководящих политических кругах Италии хорошо помнили, во что обошлась вся внешняя политика объединительной эпохи, довольствовались достигнутыми результатами, не стремились к чему-либо большему и заботились прежде всего об экономии в государственном хозяйстве. В восьмидесятых годах все это было как бы позабыто, и был взят новый курс. Переменной во внешней политике было то, что теперь Италия вступает на путь колониальных предприятий, с одной стороны, и начинает играть новую роль в самой Европе, в качестве одного из членов тройственного союза средневропейских держав, двумя другими членами которого были Германия и Австро-Венгрия. Новая внешняя политика требовала больших, чем прежде, военных расходов, потому что нужно было усилить армию и флот и много было потрачено средств на разные экспедиции, а это, вместе с другими большими расходами¹, оказалось не под силу только что упорядоченным финансам. Превышение доходов над расходами, достигшее одно время 21 млн лир (в 1881 г.), стало понижаться, так что в 1883 г. оно уже равнялось только 12 млн, цифре 1877 г., а в 1884 г. имелась в бюджете цифра тоже в 21 млн, но уже в графе дефицита, а не превышения доходов. Следующие годы в этом отношении были еще хуже: через два года дефицит увеличился почти в три раза, через три года — уже в четыре раза, через пять (в 1889 г.) — более нежеле в десять раз (230 млн), превысив цифру 1872 г. (208 млн). Значительная часть в росте итальянского бюджета падала на чрезвычайные кредиты, которые палатами послушно вотировались по требованию правительства в виде чрезвычайных кредитов. Так, в 1882 г. на военные надобности было ассигновано более 125 млн, в 1885 — более 200 млн. Соответственно с этим шло увеличение военных сил, как сухопутных, так и морских. Число армейских корпусов было увеличено с десяти до двенадцати, т. е. на одну пятую, а еще более было увеличено количество находившихся под ружьем солдат (с 300 до 430 тыс., т. е. чуть не в полтора раза), не считая особого запаса в виде так называемой территориальной милиции, стрелковых обществ и т. п. Итальянский флот тоже должен был идти в уровень с общим усилением военной мощи государства. К этому времени относится постройка итальянским правительством таких морских колоссов, как «Дуилио» и «Лепанто». Военное усиление Италии было прямо следствием колониальных предприятий и вступления в Тройственный союз². В том общем

¹ Постройка в короткий срок тысячи километров железных дорог, большие траты на улучшение санитарных условий Неаполя, расходы на приведение Рима в лучший вид и т. п.

² Один из французских военных писателей, приводимый Блюхом, т. II, с. 420, говорит: «Прежде чем принять Италию в союз, прусская дипломатия с главным штабом поставили

росте милитаризма в восьмидесятых годах, который у нас был изображен в другом месте, итальянские вооружения того времени были довольно значительным слагаемым общей суммы. Население Италии хорошо чувствовало, во что обходится «la triplice» (Тройственный союз), который поэтому отнюдь не мог пользоваться популярностью в стране, по крайней мере, сколько-нибудь прочной и продолжительной. Мы увидим еще, что новый политический курс, принятый во внешних делах итальянским правительством, был одной из причин таможенной войны, разгоревшейся между Италией и Францией в конце восьмидесятых годов и тоже довольно дорого обошедшейся для более слабой стороны¹. Обнищание народа по-прежнему давало о себе знать периодическими вспышками народных бунтов.

Вот все наиболее существенное, что характеризует внутреннюю политику Италии в восьмидесятых годах. Переходим теперь к главнейшим подробностям. На первом месте, не по одному хронологическому порядку, нужно здесь поставить избирательную реформу 1882 г.

В Итальянском королевстве с самого 1861 г. действовал сардинский избирательный закон 1848 г., благодаря которому в начале восьмидесятых годов из 30 млн жителей Италии избирательными правами пользовались всего какие либо 600 тыс., или 2%. Предложение о реформе выборов было внесено в парламент Депретисом, который в данном случае не столько, вероятно, платил дань былому, когда сам был радикалом, сколько следовал указанию благоразумия, так как трудно было поддерживать такую ненормальность, какую представляла собой слишком малая цифра избирателей. Правая находила совершенно ненужным какое бы то ни было изменение избирательной системы, ссылаясь на то, что и при ней абсентеизм на выборах достигает 60%, тогда как более радикальные представители левой, в их числе Криспи, настаивали на необходимости введения в Италии всеобщего избирательного права по французскому образцу. Депретис и его коллеги с последним требованием не соглашались, напоирая

условием, чтобы итальянский флот был приведен в состояние прервать сообщение Франции с ее владениями в Африке и чтобы он получил вооружение, превосходящее вооружение французского флота; затем, чтобы сухопутной армии было дано такое устройство, которое сделало бы ее способной вести войну вне пределов самой Италии». См. в том же II т. соч. Блюха, с. 682 и след., где говорится, как тяжело обходится итальянскому народу это военное бремя: «Франция платит (в налогах) 1,75% с суммы благосостояния, Италия — 3,25%». Кстати: в IV томе труда Блюха есть богатый цифрами отдел (с. 44—71) об экономической и финансовой отсталости Италии. С 1866 г. прямое и косвенное обложение в ней более нежели удвоилось — с 78,5 до 40,9 лир (с. 53—54). См. также в указанной выше в первой части VI тома книге G. Ferrero гл. IV об итальянском милитаризме (с. 197—255, фр. пер.). В 1896 г. цифра расходов на армию и флот достигла 1 839 753 509 лир, а до 1860 г. она едва переходила за 500 тыс. лир. С 1871 г. Италия по этим двум статьям израсходовала до 1897 г. 8 млрд 223 млн, что «немного много» для страны, все богатство которой оценивается в 55 млрд. Ferrero. С. 222 и 228.

¹ Отметим, что, например, в то время как вывоз из богатой Франции в Италию уменьшился на 60 млн франков, вывоз из бедной Италии во Францию сократился на сумму в два с половиной раза большую (150 млн франков).

на то, что введение всеобщего голосования было бы равносильно отдаче голосов бедного и невежественного сельского населения в распоряжение крупных землевладельцев. Реформа проходила с большим трудом: ее долго задерживала парламентская комиссия, потребовавшая немало времени для рассмотрения министерского проекта, потом ее долго обсуждали в палате депутатов, а под конец и сенат тормозил ее принятие, пока в его состав для образования большинства в пользу реформы не было назначено 34 новых члена. 21 января и 14 февраля были изданы, наконец, два закона, к которым сводилась вся реформа. Первым из них возрастной ценз избирателей понижался с 25 до 21 года, имущественный — до 19 лир и 80 чентезимов (вместо прежнего в 40 лир), вносимых плательщиком налогов, с исключением, впрочем, из права голосования всех неграмотных, но зато с прибавкой всех получивших начальное школьное образование. Эта реформа увеличила число избирателей более нежели втрое: с шестисот с небольшим тысяч оно поднялось до двух миллионов с лишком. Повышение это было обязано своим происхождением не столько увеличению числа цензовых избирателей, сколько включению в состав избирательного корпуса всех грамотных (около миллиона с третью). Другой закон 1882 г. имел такое содержание. Ранее в Италии полагался один депутат на округ, причем каждый избиратель писал только одно имя, теперь же был введен предложенный годом раньше во Франции Гамбеттой «*scrutin de liste*»¹: теперь несколько депутатов (от одного до пяти) избирались сразу целым списком, в котором каждый избиратель писал по два, по три и по четыре имени соответственно числу депутатов от целой провинции, если же провинция посылала пять депутатов, то в виде уступки меньшинству (отмененной в 1890 г.) писалось не пять, а только четыре имени. Нельзя не отметить, что к началу последнего десятилетия число избирателей дошло почти до 3 млн, но абсентеизм на выборах понизился очень мало (до 56% в 1892 г.). В общем, на состав палаты реформа 1882 г. большого влияния не оказала ввиду того, что в Италии прежде широко практиковалось и потом не перестало практиковаться административное давление на выборах, составляющее одно из зол итальянской политической жизни. Во всяком случае, с начала восьмидесятых годов избирательная система в Италии получила более демократический облик².

Такой оборот приняла политика левой во внутренних делах Италии. В политике внешней вожди этой партии тяготели более в сторону Фран-

¹ Во Франции этот способ был принят в 1885 г.

² В 1900 г. число избирателей в Италии определилось в 2,5 млн, что составляет около 7% всего населения, но по отдельным провинциям этот процент колеблется между 10,56% в Пьемонте и 3,87% в Сицилии, в зависимости от большей или меньшей зажиточности и образованности жителей. В выборах 1900 г. принимали участие 1 310 480 человек, что составляет 58,28% населения, тогда как в 1892 г. процент выражался цифрой 55,86 (в 1895 и 1897 гг. процент превышал цифры 58,5 и 59).

ции, с которой, однако, хорошие отношения не налаживались по многим причинам. Еще в 1878 г. Италия получила со стороны Франции отказ на предложение торгового договора, а кроме того, Франция отклонила намерение итальянского правительства относительно деятельного вмешательства, совместно с французами, в египетские дела, но главным образом добрые чувства к Франции в Италии должны были исчезнуть после потери всяких надежд на Тунис. Мы видели, что еще в эпоху Берлинского конгресса германская и австро-венгерская политика стала отвращать взоры итальянского правительства от областей монархии Габсбургов, населенных итальянцами, и от Адриатики с ее иллирийским побережьем, в сторону Туниса, на который у Италии могли быть очень серьезные виды, в то же самое время, как на Берлинском конгрессе на эту африканскую область англичане указывали французам в качестве возможной компенсации за присоединение Кипра к Англии. Между Францией и Италией происходило глухое соперничество по отношению к Тунису, пока Франция ловкими дипломатическими ходами не прибрала, наконец, весной 1881 г. Тунис к своим рукам. Итальянское министерство, уверявшее палаты, что со стороны Франции никакой опасности нет, сами палаты, верившие заявлениям Кайроли в этом смысле, и общественное мнение Италии были страшно раздражены французским «обманом». Вот эта неудача во внешней политике и направила деятельность итальянского правительства по новому пути. Чтобы удерживаться у власти, Депретис задабривал избирателей, стараясь удовлетворить местные нужды, и пытался привлекать на свою сторону правые элементы палаты, не только переманивая их в свою партию, но даже не отказывая наиболее сговорчивым в возможности вступления в кабинет, особенно ввиду частых перемен в последнем (такое присоединение правых к левой он называл «Il trasformismo»¹. Сам Мингетти перешел на сторону кабинета, против которого оппозиция теперь образовалась уже из части самой левой, именно среди лиц, бывших недовольными направлением министерства. В 1886 г. Депретис произвел новые выборы, давшие 285 членов министерской партии, 188 сторонников оппозиционной «пентархии» и 60 непримиримых радикалов. После этого Депретис

---

¹ Депретис часто прибегал к так называемому *rimpasto*, т. е. давал отставку тем из своих товарищей, которые в данную минуту были особенно непопулярны или неудобны лично ему. «В сущности, — говорит Лоуэлль, — в это время было очень мало или даже не было никакой разницы между партиями в политических принципах, и борьба министерств происходила под девизом: “Власть принадлежит тому, кто ее сумеет взять, и пусть ее удерживает, кто сможет”». Правительства и политические партии (с. 133). Со стороны Депретиса это было «полным искажением парламентской системы, так как, вместо того, чтобы брать на себя ответственность в качестве руководителя сплоченного кабинета, он сделался постоянным главою министров, которые могли свергаться палатой каждый отдельно. Он, в сущности, присвоил себе королевскую prerogative, сделавшись неответственным главою государства, и в то же время лишил кабинет коллективной ответственности» (с. 134).

стал, впрочем, опять поворачивать налево, так что весной 1887 г. в состав министерства были приняты двое из «пентархии»: Криспи и Дзанарделли. Случилось это перед самой смертью Депретиса в июле 1887 г., после чего самым крупным политическим деятелем Италии на долгое время, то в роли министра, то в качестве вождя оппозиции, сделался Криспи.

Поворот направо во внутренней политике подготовил и вступление в союз с обеими среднеевропейскими империями¹. Одним из препятствий к сближению с Австро-Венгрией был ирредентизм, и вот против него принимаются решительные меры, тем более что ирредентисты были республиканцы. Бисмарковская дипломатия очень искусно действовала в Риме, все более и более вселяя в правительственных сферах убеждение, что все спасение Италии и во внутренней, и во внешней ее политике заключается в союзе с Германией. Итальянский министр иностранных дел Манчини все сильнее и сильнее подчинялся влиянию, шедшему из Берлина, и убедил короля и королеву сделать парадный визит в Вену. Когда в 1883 г. был сделан в палате запрос о внешней политике министерства, он же в своем ответе решительнейшим образом осудил ирредентистское движение. Мало ли что, — таков был смысл его речи, — что в соседней монархии есть области, населенные итальянцами: если требовать их присоединения, то почему же не поступить так же по отношению к Франции из-за Ниццы, по отношению к Англии из-за Мальты, или почему бы, в таком случае, и Германии не заявить притязаний на балтийские провинции России? Ведь все это повело бы только к страшной войне, но, в сущности, ирредентисты вовсе не о том заботятся, чтобы приобрести южную часть Тироля и Триеста, так как их план — заменить монархию, с которой так сжился и которой так предан итальянский народ, своей республикой. «Этому, однако, — заявил Манчини, — не бывать: пока Италия находится в совершенном единении с Германией и Австрией, монархии в Италии не может грозить никакая опасность». Он указал еще на то, что цель согласия между тремя державами — поддерживать общий мир, но от дальнейших объяснений отказался. Правда, входя в соглашение с обеими империями, Манчини сумел выторговать у Бисмарка отказ от одного условия, по которому итальянское министерство должно было бы обязаться строго держаться во внутренней политике определенного консервативного курса, но зато он должен был согласиться на взаимное гарантирование договаривающимися сторонами не только их владений (т. е. Эльзас-Лотарингии за Германией, Боснии и Герцеговины за Австро-Венгрией и Римской области за Италией), но и общих их интересов первостепенной важности, именно поддержания равновесия на Средиземном море: на Рим никто не покушался, специально же по поводу нового какого-либо предприятия со сто-

---

¹ *Sieglitz. L'Italie dans la triple alliance.*

роны Франции на Средиземном море ничего не говорилось. Само правительство скоро стало сознавать, что Тройственный союз доставлял мало выгод для Италии в области внешних отношений¹. Дело в том, что союз должен был служить и целям внутренней политики — укреплять монархию, бороться с республиканцами. Когда указанная речь Манчини вызвала со стороны некоторых запрос об общей политике правительства, казавшейся этому бывшему единомышленнику Депретиса недостаточно левой, то последний в своем ответе на запрос стал говорить об устарелости партийных разделений, которые не могут-де оставаться вечно в одном и том же положении, что дело-де не в лицах и партиях, а только в благе Италии. Эта речь Депретиса так понравилась вождю правых Мингетти, что он не замедлил заявить о своем присоединении к политике министерства, прибавив, что не его собственные политические взгляды изменились, а, наоборот, сама левая подалась направо. Особенно он похвалил возражения, сделанные ирредентистам министром иностранных дел, и при этом высказал свое убеждение, что политика Депретиса пойдет на пользу династии и монархии. В подобном же роде говорил и один из прежних министров правой, Бонги. Два члена министерства (Баккарини и Дзанарделли), обнаружившие во время прений свое нежелание входить с правой в соглашения, должны были в непродолжительном времени выйти в отставку. Победа министерства отразилась в том, что за него подала голоса не только вся правая, но и очень большая часть левой, подвергшаяся депретисовскому «трансформизму». С 1886 г. в палате появились впервые два клерикала.

К рассматриваемым годам относится и начало колониальных предприятий Италии, о которых речь уже шла в другом месте. Мы видели, что колониальная политика Италии не могла похвастаться успешностью, да и выгод стране она не дала: были скорее только одни убытки. Предполагалось, что приобретение колоний на Красном море создаст рынок для итальянской обрабатывающей промышленности, но ожидания этого рода далеко не оправдались. Например, в середине следующего десятилетия было ввезено в Эритрейскую колонию товаров лишь на 15 млн лир в год (1895 г.), а управление ею обходилось в 10 млн, так как доходы от нее оказывались самые жалкие (1,5 млн лир при 11,5 млн расходов). Эти десять миллионов значительно обременяли плательщиков налогов, переплативших в десять лет сотню миллионов слишком к выгоде небольшого числа промышленников и купцов. Когда в первых числах февраля 1887 г. случилось известным поражение итальянского войска от абиссинцев, негодова-

¹ Заключению союза немало содействовал итальянский посланник при венском дворе Robilant, который, сделавшись в 1886 г. министром иностранных дел, высказывался в смысле вероятности, что договор не будет возобновлен по истечении пятилетнего срока. (Предположение это не оправдалось, ибо договор в 1887 г. был продолжен.) *Cappelli R. La politica estranea del conte Robilant* (1897).

нию населения и палаты не было границ, тем более что чуть не накануне еще министр иностранных дел уверял в полной безопасности и прочности положения. Когда Депретис потребовал чрезвычайных кредитов и посылки подкреплений, всё ему было тем не менее дано, и предложение Криспи выразить правительству недоверие — отвергнуто. Иначе относилась к Депретису сама нация. В народе возбуждение было так сильно, что Депретис предпочел выйти в отставку. Кризис затянулся на два месяца, пока не сформировался новый кабинет все того же, впрочем, Депретиса, в восьмой раз сделавшегося премьером, но зато теперь в составе нового министерства был старый противник Депретиса, Криспи, ставший министром внутренних дел, а по смерти Депретиса и главой кабинета.

Со времени смерти Кавура, т. е., в сущности, с самого начала Итальянского королевства до 1887 г., в течение, значит, целой четверти века Италия не выдвинула ни одного действительно крупного по своей личной силе, своему влиянию и значению государственного человека, который мог бы идти в сравнение с только что названным министром. Впервые после целого ряда лет Италия получила деятеля одной меры с Кавуром в лице Криспи, которого было принято приравнять прямо к Бисмарку. Человек с бурным революционным прошлым, страстный республиканец, одно время политический эмигрант, сподвижник Гарибальди в начале шестидесятых годов века, Криспи с 1864 г., как мы видели в своем месте, перешел на сторону монархии, оставаясь, однако, сторонником радикальной программы, в состав которой входили широкое муниципальное самоуправление, право всех грамотных на участие в выборах, назначение депутатам вознаграждения, введение прогрессивного подоходного налога, замена постоянной армии народным ополчением, устройство дешевого кредита для мелких сельских хозяйств и ремесленников и уничтожение смертной казни. К середине семидесятых годов Криспи выдвинулся настолько вперед, что в 1875 г. палата депутатов выбрала его своим председателем, а два года спустя Виктор-Эммануил дал ему секретное поручение объездить некоторые столицы с целью протеста против австрийских замыслов относительно Боснии и Герцеговины¹. Во время своей дипломатической поездки Криспи повидался с руководящими политическими деятелями разных сторон, с Гамбеттой, с Дэрби, с Бисмарком, с Андраши, по возвращении же на родину вошел в состав министерства Депретиса в качестве министра внутренних дел. Это участие Криспи во власти было, однако, непродолжительным (всего с небольшим два месяца), так как его недоброжелатели обвинили его в двоеженстве², и хотя суд его оправдал, процесс этот сильно

¹ О том, что в Италии косо смотрели на эти замыслы, см. т. VI, ч. I.

² Во время своего тюремного заключения, в начале пятидесятых годов, Криспи сошелся с тюремной прачкой, с которой потом и обвенчался. Впоследствии он разошелся с этой своей женой (бывшей по отношению к нему весьма самоотверженным другом) и женился на одной

повредил репутации Криспи при дворе, особенно в глазах королевы, не хотевшей и слышать о возможности для такого человека быть министром. Во всяком случае, вступление Криспи в министерство Депретиса указывало на его сильный поворот направо, на что, равным образом, указывала и сделанная им попытка примирения между папством и королевской властью после кончины Виктора-Эммануила. Удаление Криспи из министерства снова вернуло его в ряды оппозиции и к прежнему радикализму, так что в первой половине восьмидесятых годов он опять занял боевое положение по отношению к правительству. В его парламентских речах снова зазвучала демократическая нота защиты народных интересов и против правительства, и против буржуазии, к чему поводы давали и избирательная реформа, и вопрос о фабричном законодательстве. Вместе с этим он рекомендовал монархии видеть свою настоящую опору только в народе, отнюдь не в войске, не в дворянстве, не в духовенстве, с каковой точки зрения порицал правительственные шаги к сближению с Ватиканом. Звучала в это время в речах Криспи и нота, которая могла понравиться ирредентистам, так как, например, в одной из этих речей было сказано несколько пышных фраз о казненном в Австрии итальянском патриоте Оберданке. Наконец, и внешняя политика правительства часто делалась в эти годы предметом самых резких нападков со стороны Криспи. Это замечание равносильно как в отношении к африканской авантюре, так и в отношении к Тройственному союзу. Особенной резкостью отличались его отзывы о последнем, который он не стеснялся называть чудовищем, заставляющим итальянское правительство разыгрывать роль прислужника среднеевропейских держав и даже жандарма этого нового «священного союза».

Как у всякого выдающегося человека, у Криспи было много недругов, но и много вместе с тем беззаветных поклонников. И те и другие одинаково признавали его большой ум, замечательную находчивость, недюжинную обаятельность, очень обширные знания, громадные организаторские способности, но даже друзья и сторонники не могли отрицать того, что человек, возбуждавший в них восхищение внушительностью всей своей личности, широтой своих замыслов и непреклонностью своей воли, в то же время часто проявлял вообще слишком большую властность нрава, сказывавшуюся и в повелительной резкости его речей, и в ни перед чем не останавливавшейся насильственности его поступков, и в его обыкновении идти к своей цели без оглядки, когда обстоятельства призывали к большей осторожности. Недруги Криспи указывали и на иные его недостатки, в особенности на общую неэтичность его настроения. С этой стороны одним из первых его разгадал еще Мадзини, с которым он познако-

---

богатой красавице. Суд нашел, что первый его брак не был законным, и потому вынес оправдательный приговор.

мился и даже близко сошелся в Лондоне в годы своего изгнания. Противники Криспи впоследствии даже воспользовались одним частным письмом покойного патриота, написанным в очень нелестном для Криспи смысле, и предали его гласности: старый революционер отзывался о своем бывшем приятеле, как о человеке без убеждений, в поведении которого главную роль играло честолюбие и который прежде всего не забывал себя и в своей старой революционной деятельности. В заслугу Криспи многие, не симпатизировавшие ему лично, ставили его горячий патриотизм в смысле националистической народной гордости, вполне гармонизировавшей с его личным честолюбием. Сделавшись во второй раз министром в кабинете Депретиса, Криспи не замедлил стать в нем первой фигурой, пока смерть главы министерства не очистила для него места премьера. Это было, как мы видели, в 1887 г., когда самому Криспи, родившемуся в 1819 г., было уже под семьдесят лет. Лета, по-видимому, были бессильны над этим энергичным и трудолюбивым стариком. К указанному времени он сумел снова завоевать полное доверие со стороны короля, для которого замена Депретиса посредством Криспи была тем естественнее, что по важнейшим пунктам внутренней и внешней политики новый премьер должен был продолжать собою своего предшественника. Первым вопросом внутренней политики была борьба с республиканцами, главной заботой политики внешней — поддержание Тройственного союза. Еще до смерти Депретиса, месяца через полтора после вступления Криспи в министерство, будущий премьер произнес в палате программную речь, в которой очень ясно показал, какой политики будет держаться. Старый друг Мадзини и Гарибальди отрекался теперь от собственного своего прошлого, связывавшего имя его с именами этих двух вождей освобождения и объединения Италии, — отрекался, чтобы противопоставить их «безрассудной» политике мудрую политику Кавура, обуздывавшего итальянскую революцию. Похвала знаменитому сардинскому министру в устах Криспи находилась в вопиющем противоречии со всем тем, что в былые времена сам же он говорил о Кавуре, когда еще находился под властью своих прежних радикальных взглядов. Конечно, формально от Мадзини и от Гарибальди Криспи никогда не отрекался и даже продолжал их восхвалять, как это было, например, по случаю постановки им памятников, в которой выразилась и его собственная инициатива, но дело было не в этом внешнем признании заслуг обоих героев недавнего прошлого в Италии. Подобно своему предшественнику, Криспи находил, что прежние партийные обозначения правой и левой утратили свой смысл, в полном соответствии с чем он, искусно удерживая за собою левую при помощи проведения некоторых либеральных реформ, перетянул на свою сторону часть правой («правый центр»), шедшую за маркизом ди Рудини, преемником Мингетти после его смерти.

Понятно, что при том направлении, какое приняла деятельность Криспи, от нее и нельзя было ожидать осуществления радикальной программы середины шестидесятых годов, приведенной нами выше. Криспи одними своими мерами как будто и продолжал осуществлять требования левой, но другими он становился в резкое противоречие со своим радикальным прошлым. К первой категории мероприятий Криспи нужно, прежде всего, отнести секуляризацию благотворительных фондов (*opere*) в виде недвижимостей и движимостей, на доходы от которых, в размерах полутора ста миллионов лир в год, духовенство содержало разные учреждения для призрения сирот, стариков, увечных, слепых, глухонемых, больницы и т. п., тратя при этом много больше половины, если не две трети на управление. В проведении отобрания этих имуществ в казну на стороне Криспи были еще радикалы, ирредентисты и социалисты, так как эта мера ослабляла силу церкви. Другим прогрессивным делом Криспи было, в 1889 г., введение нового Уголовного кодекса, который вытеснил старинные местные уголовные законы, действовавшие еще во времена полной раздробленности Италии, а главное — составленные в духе прежнего варварства и клерикальных влияний. Новый кодекс, понятно, не был делом одного министерства Криспи. Над ним сменявшиеся правительства работали около двадцати лет, но честь завершения этого дела принадлежит Криспи. Из системы наказаний новый итальянский кодекс совершенно изгонял смертную казнь, но зато грозил строгими наказаниями за разные деяния, враждебные государству, совершаемые в интересах католической церкви (например, пользование церковной кафедрой для политической агитации). Кроме того, Криспи провел закон, расширявший компетенцию органов местного самоуправления, хотя, быть может, и не в том объеме, какой им предполагался, когда он включал в свою радикальную программу пункт о муниципальной автономии.

Боевое положение, занятое Криспи по отношению к Ватикану, объясняли отместкой со стороны правительства за упорное нежелание папы примириться с Квириналом. Эту неприязненную папству политику подчеркивало особенным образом открытие в 1889 г. памятника знаменитому Джордано Бруно, сожженному в 1600 г. за ересь на одной из площадей папской столицы. Клерикалы в самом сооружении памятника на месте казни еретика и в торжестве его открытия усматривали тяжелое оскорбление католической церкви и ее главы. В близких ко Льву XIII кругах поговаривали даже, что папе следует временно оставить Рим. Сам Лев XIII очень резко отозвался о нечестивом министре и о его безбожных распоряжениях. Криспи отвечал ему тем же, публично заявив, например, что враг Италии — Ватикан и что если папа, уехав из Рима, вздумает возвратиться, то еще вопрос, пустит ли его назад итальянское правительство. Одним словом, прежняя сдержанность по отношению к Ватикану была оставле-

на. Итальянское правительство говорило теперь таким тоном, что в Ватикане поспешили взять назад свою угрозу отъездом папы.

Совсем иной облик получила политика Криспи в ее отношениях к республиканцам, ирредентистам и социалистам, с одной стороны, и к Тройственному союзу — с другой. Его отношение ко всякого рода радикалам было сплошной репрессией. Так, им были закрыты комитеты ирредентистов и запрещены кружки Барсанти и Оберданка, не допущены празднества в память последнего, равно как и в память Римской республики 1849 г. по случаю сороковой ее годовщины и т. п. Против общественных манифестаций оппозиционного характера Криспи щедро пускал в ход полицейские меры, вроде роспуска собраний или предупреждения демонстраций путем ареста агитаторов, не говоря уже о подавлении вооруженной силой демонстраций безработных. Когда один из министров¹ не нашел нужным или удобным возражать на произнесенную в его присутствии на банкете речь ирредентистского характера, сам Криспи настоял у Гумберта I, чтобы министру была дана отставка. В подобного рода случаях он был вообще неумолим по отношению к слугам государства, которых находил недостаточно благонадежными. Уволен же, например, был синдик² Рима за то, что от имени городского населения принес поздравление папе по случаю его юбилея (1888).

Защищая монархию мерами строгости против республиканцев, Криспи вместе с тем был и ревностным охранителем Тройственного союза со всем тем, что его обуславливало и из него вытекало. Он выставял ненавистную передовым элементам итальянского общества «трипличе» и не менее порицавшийся ими милитаризм, как самые верные гарантии того, что ни папа, ни французы не осмелятся покуситься на итальянское единство. Националистическая нота, звучавшая в его заявлениях о внешней политике Италии, располагала в его пользу очень многих патриотов, полагавших, что и Италия призвана быть великой державой, т. е. играть роль в общеевропейской политике, содержать большие военные силы и обладать заморскими колониями, и обижавшихся на пренебрежительный и насмешливый тон французских газет по этому поводу. Отношения к Франции вообще были очень испорчены в это время. Увлекаясь общим поворотом государственных людей своего времени к протекционизму, Криспи совершенно отказался от кавуровского фритредерства, впрочем, уже и раньше Криспи начавшего уступать место противоположному направлению. В два года (1887 и 1888) ввозная пошлина на пшеницу была увеличена почти в три раза, что только увеличило таможенный доход казны и крупных землевладельцев, не принеся никакой выгоды сельскому хозяйству, которое страдало от слишком большого обременения поземель-

¹ Министр финансов Seismit-Doda.

² Глава городского самоуправления. — *Прим. ред.*

ным налогом. Между тем протекционистская политика Криспи привела Италию в столкновение с коммерческими интересами Франции, объявившей своей соседке таможенную войну. Конечно, в последней пострадала более слабая сторона, каковой была, понятное дело, не Франция. Весьма естественно, что разгоравшаяся между Францией и Италией таможенная война не могла содействовать установлению добрососедских отношений между обеими нациями, но в то же время неприязненный по отношению к итальянскому правительству тон французской печати постоянно доставлял Криспи поводы говорить о необходимости Тройственного союза для безопасности Италии. Уже в 1887 г., едва сделавшись министром, Криспи отправился на свидание с Бисмарком во Фридрихсруэ, после чего, как нарочно, возникли дурные отношения с Францией, начиная с отказа Криспи возобновить торговый трактат 1881 г. Через год после посещения Бисмарка Криспи, осенью 1888 г., посетил столицу Италии сам Вильгельм II, возложивший на Криспи знаки высшего прусского ордена, Черного орла. При всяком удобном случае бывший гарибальдиец восхвалял теперь выгоды для Италии от Тройственного союза, к числу которых было прибавлено и то, что в первый раз повелитель могущественной нации приехал приветствовать в самом Квиринале¹ государя объединенной Италии. Противникам его политики, оказывавшейся страшно разорительной для страны, Криспи постоянно указывал, что только военная мощь заставляет иностранцев уважать Италию, бояться ее и дорожить союзом с ней. Поэтому все требования о прекращении роста военных расходов находили в нем упорного противника, имевшего, в данном случае, на своей стороне и самого Умберто I. И после посещения Рима Вильгельмом II не было недостатка в новых фактах, свидетельствовавших о прочности дружбы с Германией² и о недоверии к Франции, которое заставляло Италию против нее вооружаться³. Колониальная политика тоже пользовалась большим расположением Криспи. В 1887 г. он сумел навязать Абиссинии итальянский протекторат и сделать новые земельные приобретения в Африке.

Криспи оставался во главе правления до 1891 г., пережив, однако, критическое время в начале 1889 г., когда остался в меньшинстве по поводу своей финансовой политики. По правилу парламентаризма, которое Криспи сам же восхвалял в одной из первых своих министерских речей, ему следовало бы выйти в отставку, но он нашел лучшим «ради избежания ущерба для крупных государственных интересов» только переменить трех

¹ Ср. т. VI, ч. I, где говорится, что раньше визиты итальянскому королю отдавались, из желания не обижать папу, не в самом Риме.

² В 1889 г. Криспи посетил Берлин с королем и наследным принцем (в мае), и Вильгельм II опять приезжал в Италию (осенью), а в 1890 г. было свидание между Криспи и новым германским канцлером Каприви в Милане.

³ В 1889 г. Криспи довел военный бюджет до 408 млн лир, приказав усиливать альпийские укрепления.

министров, в их числе и министра финансов. Дела государственного хозяйства действительно шли очень плохо: за четыре года к 1 января 1891 г. превышение расходов достигало более 430 млн лир¹. Хотя и сам Криспи заговорил об экономии, но и не думал менять свой курс, тем более что выборы 1890 г. сильно укрепили его положение, дав ему правительственное большинство почти в четыре пятых общего числа депутатов (392 из 508). Этому успеху на выборах отнюдь не соответствовало настоящее настроение нации. Нужда населения росла, и местами происходили сильные беспорядки. В начале 1889 г. в самом Риме была революционная манифестация по поводу безработицы с разными эксцессами, вроде битья окон и разграбления магазинов и с криками против династии и «злодея» Криспи. Инцидент вызвал в палате запрос, заставивший самого премьера заявить о бедственном экономическом положении народных масс. Вскоре после этого был сделан другой запрос подобного же рода, на этот раз о бедственном положении крестьян. Криспи и палата отделялись обещаниями и мелкими подачками наиболее нуждающимся, и тем резче бросалась в глаза очень крупная сумма, назначенная на путешествие короля в Германию. Волновались не одни городские рабочие, но и крестьяне. Не прошло более трех дней после запроса о крестьянской нужде, как вспыхнул бунт среди сельского населения Ломбардии, сопровождавшийся поджогами и грабежами помещичьих усадеб и прекращенный лишь дней через десять военными отрядами. Народные волнения не могли не вызвать усиленной деятельности революционных организаций, но Криспи знал, как с ними бороться. К концу года наступило успокоение, принятое за признак того, что экономический кризис пошел на убыль. По крайней мере, таков был смысл одного места в тронной речи, которой Гумберт I открывал осенью парламентскую сессию. Упомянутый успех выборов 1890 г. еще более утвердил правительство в мысли, что все обстоит благополучно. И если тем не менее вскоре после этого Криспи должен был выйти в отставку, то это была чистая случайность, не имевшая ничего общего с народным недовольством. В палате обсуждался в январе 1891 г. бюджет. Во время прений, возражая вождю крайней правой Бонги, бывшему в 1874—1876 гг. министром, Криспи, вообще не отличавшийся сдержанностью в словах, попрекнул его тем, что он был членом правительства, отличавшегося «сервилизмом по отношению к иностранцам». Уже одно это должно было вызвать сильное раздражение всей правой, так как Криспи говорил о времени, когда она была у власти, но он сделал ей еще более резкий вызов, сказав, что «предстоящее голосование должно показать иностранцам, желает ли Италия иметь сильное правительство или предпочитает возвратиться ко временам правительств, которые своими колебаниями и нерешительно-

¹ Мы видели, что в 1887 г. дефицит достиг 83 млн, в 1888 г. он равнялся 73 млн, в 1889 г. — 230 млн, а в 1890 г. — 45 млн.

стью дискредитировали страну». Правая вся, равно как правый центр, во главе которого стоял расположенный к министерству ди Рудини, а с ними и вся крайняя левая вотировали против Криспи. Ему осталось подать в отставку. На этот раз Гумберт I поручил составление нового министерства ди Рудини.

За отставкой Криспи в Италии последовала довольно частая смена министерств. С февраля 1891 по май 1892 г. во главе правления мы видим ди Рудини, затем с мая 1892 по декабрь 1893 г. — Джиолитти, пока Криспи снова не становится у власти на несколько более продолжительное время — с декабря 1893 по март 1896 г., чтобы вторично уступить место ди Рудини, министерство которого просуществовало с небольшим два года — до июня 1898 г., когда оно уступило место министерству крайнего консерватора Пеллу¹. Прибавим к этому, что во второе свое министерство ди Рудини вынужден был три раза производить изменения в его составе и что в 1899 г. Пеллу тоже подавал в отставку и остался лишь в переформированном кабинете. Несмотря на эту свою непрочность, итальянские министерства последнего десятилетия XIX в. всегда одерживали блестящую победу на выборах каждый раз, когда находили нужным распустить палату. В конце 1892 г. так поступил Джиолитти, получивший весьма значительное большинство на новых выборах; так поступил весной 1894 г. и Криспи, равным образом имевший большой успех на последовавших затем выборах. К новым выборам для упрочения своего положения прибег и ди Рудини во второе министерство (в 1897 г.) и тоже не ошибся в расчете². Главным камнем преткновения этих министерств были финансы, так как они оставались всегда самым слабым местом внутренней политики, и потому на них легче всего бывало вообще провалить министерство. Так было с первой отставкой ди Рудини. В отставке Джиолитти финансовый вопрос осложнился некрасивыми операциями министра торговли и одного близкого приятеля премьера в римском банке³. Причины падения последнего министерства Криспи и второго министерства ди Рудини были, впрочем, иные: первый пал вследствие нового поражения итальянского войска в Африке, второй — вследствие страшных внутренних волнений.

Лозунгом своей политики ди Рудини в 1891 г. объявил возможно большую экономию, в зависимости отчего был значительно сокращен, сравнительно с недавним прошлым, общий размах внешней политики Италии. Действительно, в бюджете начались сокращения, между прочим,

---

¹ Министерство Пеллу просуществовало до июня 1900 г.

² Подобный же факт имел место и в 1900 г. при Пеллу.

³ Этот банк незаконным образом выпустил лишних билетов на 35 млн и давал в ссуду деньги без достаточных гарантий некоторым депутатам и сановным лицам. Когда по поводу этих операций было предложено образовать в парламенте следственную комиссию, ди Рудини этому сопротивлялся три месяца. Доклад этой комиссии и заставил его уйти.

особенно по отношению к военному ведомству, так что роспись доходов и расходов на 1892 г. была не только сведена без дефицита, но даже обещала некоторое превышение доходов. Тем не менее как раз на почве одного финансового вопроса, именно повышения налогов, и совершилось падение кабинета вследствие крайней непрочности большинства, составлявшегося нередко в зависимости от чисто случайных комбинаций. Министерство Джиолитти тоже хотело быть экономным, но обострившиеся отношения к Франции вызвали со стороны парижской биржи настоящее объявление войны итальянским финансам, повлекшее за собой падение итальянской ренты и курса бумажных лир. Криспи, возвратившись в 1893 г. к власти, должен был особенно считаться с финансовым расстройством, так как дефицит в 1894 г. снова достиг громадной цифры 177 млн лир. Если не для полного покрытия дефицита, то, по крайней мере, для его уменьшения было миллионов на тридцать сокращено расходов и введено новых налогов на целую сотню миллионов. Некоторое улучшение дел мог отметить только ди Рудини во второе свое министерство, представив палате в конце 1897 г. бюджет с превышением доходов над расходами на 16 млн лир. Улучшение оказалось, однако, непрочным, и в XX столетие Италия вступила с крайне печальным состоянием финансов.

Нечего повторять, что одной из причин такого расстройства итальянского государственного хозяйства, кроме, конечно, общего экономического упадка, в каком находилась страна, было и направление внешней политики, державшее Италию в тисках Тройственного союза, приводившее ее к столкновениям с Францией и впутывавшее в дела далекой Африки.

Когда Криспи в 1891 г. вышел в отставку, за пределами Италии ожидали нового курса в международной политике этого государства, и, действительно, министерством ди Рудини в этом направлении как будто бы и были сделаны кое-какие обещания в смысле отказа от слишком активной политики в Африке и улучшения отношений к Франции, но Тройственный союз и новым министром был признан за основу всей международной политики Италии. Ди Рудини даже поторопился еще до истечения срока союза его возобновить; это было сделано итальянским правительством уже во второй раз со времени вступления Италии в тесное соглашение с Германией и Австро-Венгрией¹. Впрочем, ди Рудини считал нужным всегда подчеркивать, что союз этот отнюдь не ставит себе каких-либо агрессивных целей, а существует исключительно для поддержания территориальной целостности Италии и общего мира. При Джиолитти, в 1892 и 1893 гг., государи Италии и Германии еще два раза засвидетельствовали перед всем светом о своей солидарности свиданиями в Берлине и в Риме, равно как поездкой итальянского наследного принца на осенние маневры германской армии

---

¹ О первом возобновлении см. выше.

около Меца. Французы были очень задеты этой поездкой наследника итальянского престола в город, с которым у них было соединено столько неприятных воспоминаний из войны 1870 г. и который еще так недавно был отнят у Франции немцами. Одна случайная схватка между итальянскими и французскими рабочими (в Эг-Морте) подлила масла в огонь, и на этот раз задетыми считали себя итальянцы. Пресса обеих стран стала опять разжигать взаимную национальную вражду, но у французов нашлось оружие и посильнее, так как именно в это время происходит в Париже биржевой поход на итальянские процентные бумаги и бумажные деньги. Возвращение Криспи к власти в 1893 г., разумеется, не могло изменить отношения Италии к тройственному союзу, но в колониальной политике Криспи снова пустился в рискованные предприятия.

Ди Рудини в первое свое министерство отказался от политики расширения итальянских владений в Африке, но Криспи совершенно вышел из более скромных рамок, оставленных ему в наследство его предшественниками, и предпринял новые завоевания в Африке. В этом отношении он действительно оказался для Италии «роковым человеком», каким его считал Гладстон. В зиму с 1895 на 1896 г. итальянская армия понесла в Африке ряд поражений от абиссинского негуса Менелика, из которых одно было полным разгромом: из десяти тысячного отряда генерала Баратьери одни пали на поле битвы, другие — и вся артиллерия — попали в плен. Известие об этом несчастье вызвало во всей Италии настоящую бурю негодования, приведшую Криспи ко вторичному падению. Общественное мнение во всем обвиняло его одного и требовало его отставки. Криспи даже не решился подъехать к парламенту, чтобы пройти в него через обычную дверь, так как здесь стояла грозно настроенная толпа, ожидавшая премьера с весьма опасными для него намерениями. Он должен был найти для себя другой ход, где мог бы проскользнуть незамеченным, но и в парламент он явился только для заявления, что король принял отставку кабинета¹. Его преемник, ди Рудини, должен был заявить, что Италии ничего не остается более, как отказаться от всякой мысли о войне в Африке, которая потребовала бы посылки туда армии тысяч в полтораста и страшных денежных

---

¹ В последний период деятельности Криспи относительно него стали делаться скандальные разоблачения. Еще по банковому делу, из-за которого совершилось падение министерства Джолиитти (см. выше), обнаружилось, что о злоупотреблениях знал, но молчал и ничего не делал для их прекращения один из членов министерства Криспи. Несколько позже депутат Кавалотти и парижская «Figaro» обнародовали документы, доказывавшие, что жена Криспи тоже брала из банков на свои надобности большие суммы денег (чуть не целый миллион лир) и что сам министр выхлопотал за деньги один итальянский орден французскому публицисту Корнелию Герцу. Эти разоблачения, по поводу которых сторонники Криспи поднимали вопрос о подлинности документов, компрометирующих Криспи, вызвали ряд очень бурных заседаний палаты. Однако палата отказалась предать его суду, сам же он счел нужным, сложив с себя полномочия, подвергнуть себя вторичному избранию, окончившемуся для него весьма благополучно. После своей отставки Криспи прожил около пяти лет (умер в 1901 г.).

трат, а это было бы совсем не под силу Италии, опять вынужденной прибегнуть и без того к внутреннему займу. Осенью того же года мир с Абиссинией был действительно заключен на основах отказа Италии от протектората над Абиссинией, возвращения ей захваченной при Криспи области и уплаты негусу 10 млн лир за содержание итальянских солдат, попавших в абиссинский плен¹. Ликвидировав абиссинскую авантюру, ди Рудини стал при помощи министра иностранных дел (Висконти-Веноста) искать сближения с Россией и Францией, не порывая, однако, с Тройственным союзом. Сближению с Россией помогло вступление осенью 1896 г. итальянского наследника в брак с черногорской княжной, находившейся в родстве с русским императорским домом и получившей образование в России. Незадолго до свадебных торжеств Италия заключила торговый трактат с Тунисом, признававший права французского протектората над этой страной. Через два года после этого, уже в министерство Пеллу, был заключен торговый договор и с самой Францией, в котором обе стороны делали одна другой уступки в смысле понижения таможенных ставок, причем обе они признавали одна за другой права наиболее благоприятствуемой нации.

Если, таким образом, внешняя политика стала отделяться, в последние годы XIX в., от тяжких ошибок криспианской политики, то внутреннее положение страны все еще продолжало оставаться весьма печальным. Мы уже видели, как неспокоен был в Италии 1889 г. В последнем десятилетии XIX в. нищета и безработица особенно часто вызывали народные волнения, принимавшие в иных местах, — именно в областях бывшего Неаполитанского королевства, — совершенно характер быллого бандитизма неаполитанской каморры и сицилийской мафии. В других случаях народное недовольство выражалось и в более новых формах анархизма, получившего в Италии особенно широкое развитие: это был активный анархизм, действовавший преимущественно при помощи взрывчатых веществ. Чисто социалистическая пропаганда в Италии с середины восьмидесятых годов тоже делала большие успехи — среди городских рабочих, главным образом на севере, и среди крестьян, преимущественно на юге, между прочим, на Сицилии с ее невозможными аграрными отношениями². Одним из признаков экономического упадка Италии, страны преимущественно сельского хозяйства, было постоянное понижение урожаев пшеницы: в первую половину семидесятых годов средний ее урожай определялся 38,5 млн центнеров, в пятилетие, захватывающее конец семидесятых и на-

---

¹ Генерал Баратьери судился потом военным судом, но был оправдан.

² Об аграрных отношениях в Сицилии еще в середине семидесятых годов была написана Sonnino книга под заглавием «I contadini in Sicilia» (1876), о которой мною была помещена статья в московском «Критическом обозрении» за 1879 г. Автор этого интересного труда с 1880 г. начал играть политическую роль и входил в состав кабинетов Криспи, а в 1906 г. и сам становился во главе кабинета.

чало восьмидесятых годов он понизился уже до 35 млн, а в соответствующее пятилетие через десять лет (с крайне неблагоприятными 1888 и 1889 гг.) для определения среднего урожая приходится уже принять только 28 млн центнеров. В последнем из указанных годов были прямо смертные случаи на почве хронического голодания. В то время как среди городских рабочих в исходе XIX в. распространялось учение немецкой социал-демократии, крестьянское движение выразилось в своеобразной форме особых рабочих союзов (*fasci dei lavoratori*), имевших на первых порах своей целью организацию низших классов сельского населения для участия в муниципальных выборах и только позднее вступивших на почву социальной борьбы, да и то с характером более этических, нежели экономических требований. На Сицилии, насчитывающей только 3 млн жителей, в начале девяностых годов членов этих крестьянских союзов было уже около трехсот тысяч, что составляло одну десятую всего населения.

В самом начале последнего министерства Криспи положение дел на Сицилии было крайне напряженным: можно сказать, на острове началась настоящая революция. Криспи не остановился перед самыми суровыми мерами для подавления волнения. Именно, Сицилия была им объявлена в осадном положении; был послан на остров военный генерал с чрезвычайными полномочиями; были приведены в движение военные суды и т. п., и в два месяца Сицилия оказалась успокоенной¹. Особые меры по отношению к Сицилии принимались и ди Рудини во время его второго министерства, но уже более гуманного, хотя и крайне недостаточного свойства. Но как раз этому министерству пришлось пасть из-за новой крупной вспышки народного недовольства. 1898 г. был опять необычайно бурным². Волнения были вызваны в этом году вздорожанием хлеба. Началось движение на Сицилии, откуда перешло на полуостров. В первых числах мая были настоящие бунты в Равенне, в Пизе, в Ливорно, но особенно большие размеры — с баррикадами и с уличным боем — приняло народное восстание в Милане, где было с обеих сторон много убитых и раненых. Это происшествие и было непосредственным поводом падения второго министерства ди Рудини, в котором произошло крупное разногласие по вопросу о способе успокоения населения. Переход власти к отличавшемуся крайним консерватизмом Пеллу хорошо показывает, в каком направлении был разрешен спорный вопрос.

Впрочем, суровые репрессии сделались обычным приемом всех итальянских министерств рассматриваемого периода. Мы только что видели, как поступил Криспи с Сицилией, но это было лишь продолжением того, что он раньше делал по отношению к республиканцам, ирредентистам

¹ См. во II т. «Истории социализма в Италии» А. Анджииолини (рус. пер. 1907, с. 64—129) главу под названием «Сицилийские движения 1893—1894 гг. и буржуазная реакция».

² Там же, с. 218—285 под заглавием «Волнения и реакция в Италии в 1898 г.».

и социалистам. Анархистское покушение на жизнь самого Криспи в июле 1894 г. и убийство правительственного публициста Бонди имели своим результатом принятие против анархизма законов, дававших правительству возможность действовать сурово и вообще против всяких оппозиционных проявлений. У Криспи в это время был даже план добиться от парламента временной (на один год) приостановки действия конституции с передачей на этот срок всей полноты власти королю, но он не решился на эту меру и ограничился только тем, что фактически полгода управлял без парламента: закрыв в конце 1894 г. сессию, он потом объявил роспуск палаты и назначил новые выборы только в мае, постаравшись дать самый широкий простор административному давлению на избирателей. Под разными благовидными, но очень часто совершенно неосновательными предложениями из избирательных списков вычеркивались неприятные имена, а оппозиционные собрания разгонялись. Выборы некоторых крайних были кассированы. Особенно казался правительству опасным рост голосов, подававшихся за социалистических кандидатов: в предыдущих выборах их было 26 тыс., а теперь 55 тыс. Когда ди Рудини распустил палату и назначил новые выборы, то на них социалистических голосов было подано уже 184 тыс.

Министерство Пеллу к борьбе с республиканцами, социалистами и анархистами путем стеснений свободы прессы и собраний прибавило еще борьбу со стачками путем замены рабочих солдатами, когда к этому представлялась какая-либо возможность. Например, нижние воинские чины посылались для исполнения обязанностей железнодорожной, почтовой и т. п. службы. Пеллу уже оставил в стороне всякие церемонии со свободой, не обращая ни малейшего внимания на протесты парламентской оппозиции, возмущавшейся режимом беспощадной полицейской репрессии. Первый свой кабинет он составил с допущением в него некоторых, правда второстепенных, представителей левой, но, подав в мае 1899 г. в отставку и получив от короля поручение составить новое министерство, он образовал второй свой кабинет из одних членов правой, после чего внес в палату крайне реакционный законопроект о печати и собраниях. Дабы помешать проведению придуманных министерством мер, левая обратилась к обструкции, приведшей к двукратным отсрочкам сессии, и за этим в течение четырех с половиной месяцев до осени 1899 г. продолжался режим крайнего произвола, находивший поддержку и в деятельности судов по делам об оскорблении величества, по делам печати и пр. Еще вслед за первой отсрочкой сессии Пеллу пытался провести свой проект в форме королевского декрета (*decreto-legge*), идущего потом на одобрение палат¹. Созвав парламент в ноябре 1899 г., министерство сначала про-

¹ О злоупотреблении в Италии правом издания декретов и ордонансов см. у Лоуэлля. Правительства и политические партии, с. 110. Предпочтение декретов перед законами он считает даже особенностью латинской расы, с. 112.

вело бюджет, а потом снова стало добиваться одобрения *decreto-legge*, настаивая на изменении парламентского наказа в таком направлении, чтобы сделать невозможной обструкцию. Когда и это не помогло (обструкция продолжалась и при новом регламенте), палата была распущена, и хотя выборы дали, в общем, правительственное большинство, однако и оппозиция вернулась со значительно увеличенными силами, так что Пеллу предпочел выйти в отставку. Прибавим, что в самом конце XIX в. и особенно при Пеллу Италия принимала участие, вместе с другими европейскими державами, в улажении ближне- и дальневосточных дел.

С месяцем с небольшим после отставки Пеллу окончилось и царствование Умберто I — катастрофой 29 июля того же 1900 г.: во время проезда короля в Монцу (около Милана) он был убит анархистом Гаэтано Бреши.

Это событие дает нам повод несколько остановиться здесь на развитии в Италии анархизма.

О более ранней истории итальянского анархизма у нас уже была в своем месте речь, и мы видели, что в шестидесятых и особенно в семидесятых годах анархистская пропаганда в Италии нашла для себя особенно благоприятную почву. Можно даже сказать, что Италия сделалась классической страной анархизма. Сколько, во-первых, было напечатано и в самой Италии, и вне ее, но на итальянском языке, анархистских изданий, т. е. книг, брошюр, листов и даже журналов, и сколько можно назвать итальянских имен среди теоретиков и пропагандистов анархизма¹. Во-вторых, на почве Италии собиралось несколько анархистских съездов, бывших как бы продолжением конгрессов Интернационала. Первый из них был в 1876 г. в Болонье вскоре после кончины Бакунина, а месяц спустя другой, в Эзи, и еще один съезд в конце года во Флоренции. Правда, следующие съезды происходили вне Италии и вскоре (1882) прекратились, чтобы возобновиться лишь через восемь с половиной лет, но первым съездом после такого перерыва был опять-таки итальянский (в Каполаго), положивший начало «Итальянской федерации революционной партии социалистов-анархистов». В последнем десятилетии XIX в. анархизм делал в Италии все большие и большие успехи, особенно когда в 1897 г. вернулся на родину из Лондона Эррико Малатеста, один из видных теоретиков анархизма и агитаторов, и занялся переустройством и оживлением анархистских групп. В конце 1898 г. сразу были основаны новые анархистские группы в Риме, в Падуе, в Бергамо, в Генуе, в Реджио-ди-Калабрия, в Виченце, в Специи, в Пизе и т. д. На этот же период падает и сильный расцвет анархистской агитационной литературы в Италии. В этих кружках развивалась и теория «пропаганды действием», по поводу которой велась полемика.

---

¹ См., например, в кн.: *Цокколи. Анархизм.*

В ней, например, участвовали упомянутый Малатеста, бывший еще в семидесятых годах одним из агитаторов «пропаганды действием», и Анри, находивший его мнения еще недостаточно радикальными и сам впоследствии совершивший известное покушение в кафе. Она применялась не в одной Италии, но особенно видные убийства были совершены итальянцами. Итальянский анархист Казерио убил в 1894 г. президента Французской республики Карно, как тоже итальянский анархист Лукени убил в 1898 г. в Женеве австрийскую императрицу Елизавету. Гаэтано Бреши, убивший Умберто I, был третьим, в короткое время совершившим аналогичное преступление. «Акты» Казерио и Бреши со стороны анархистов вызвали апологии. Одна из них, напечатанная в Лондоне для тайного распространения в Италии, была составлена Малатестой, который, заявляя о своем «внутреннем и принципиальном отвращении к насилию», тем не менее оправдывал его с точки зрения «необходимости бороться со злом при помощи удобных и действительных средств». Параллельно с анархизмом шло в Италии и развитие социализма. В своем месте мы видели, что около 1880 г. социальное движение переживало кризис вследствие разочарования в лозунгах и попытках семидесятых годов. Во-первых, в рабочем классе стали развиваться, с одной стороны, профессиональное движение, с другой, больший интерес к парламентской и муниципальной жизни. Во-вторых, в интеллигенции с течением времени начал распространяться марксизм. Произошло это, однако, довольно поздно. «Марксистов, — говорит Зомбарт¹ о начале девяностых годов, — в то время в Италии было только двое: Антонио Лабриола, профессор философии, и Анна Кулешова, жена юного Филиппо Турати, который и был первым адептом нового учения». «И вот, — продолжает Зомбарт, — Италия стала исполинскими шагами догонять то, что упустила. В течение 1890-х гг. с быстротой вихря распространялось по всему полуострову учение современного социализма, благодаря, главным образом, еженедельному журналу «*La critica sociale*»², издававшемуся под талантливим руководством четы Турати. И, — прибавляет Зомбарт, — вскоре Италия закишела марксистами всех оттенков. После немецкой, — говорит он еще, — итальянская марксистская литература, может быть, самая обширная». «Внешние успехи социал-демократии в Италии, — читаем мы у того же автора несколько дальше, — очень значительны: число социалистических голосов с 1892 г., когда оно равнялось 26 000, увеличилось до 135 000 в 1897 г., до 164 946 в 1900 г., до 301 525 в 1904 г. Число депутатов социал-демократов возрастало за эти годы в таком порядке: 6, 16, 32, 32. Около сотни городских управ в руках социалистов».

¹ Зомбарт В. Социализм и социальное движение (2-е изд., доп. по 6-му нем. изд.), с. 322.

² «Порицание общества» (ит.). — Прим. ред.

1892 г., на который указывает Зомбарт, это год социалистического конгресса в Генуе, на который, говоря словами опять-таки того же автора, «собралась пестрая смесь социалистов-утопистов, анархистов, мадзинистов, республиканцев, представителей полупатриархальных рабочих союзов, полубуржуазных вспомогательных касс и т. д.». «На генуэзском конгрессе, — так оценивает его значение специальный историк итальянского социализма Анджиолини¹, — умерла анархическая партия и родилась итальянская социалистическая партия. На генуэзском конгрессе социалисты отделились от анархистов и совсем уничтожили рабочую партию, существование которой сделалось излишним»². Вернее сказать, с генуэзского конгресса начинается господство социал-демократии в рабочем движении Италии. По данным, которыми пользовался Анджиолини, число действительных членов социалистической партии с 1892 по 1893 г. возросло до 120 тыс. человек, а обществ, зарегистрированных в качестве социалистических, до 270. Любопытно, что в состав этой организации вошли в 1893 г. крестьянские союзы Мантуанской области, так что итальянская социал-демократия сразу стала пускать корни и в сельском населении. В 1893 г. в Италии особенно широко было отпраздновано и «первое мая», день, для которого официальный орган партии «*Lotta di classe*»³ был отпечатан в количестве 600 тыс. экземпляров. Вместе с тем, сразу в Италии получила большое развитие социалистическая периодическая пресса. Наконец, столь быстро наладившееся движение вошло в непосредственные связи с социализмом и в других странах. На партийный съезд 1893 г. в эмилийском Реджио (Reggio nell'Emilia) даже приехали бельгийские социалисты Вандервельд и де Брукер. Так как радикальные газеты писали об этом конгрессе, что на нем социалисты соединятся с родственными партиями, то «*Lotta di classe*» заявила, что для социалистов, стоящих на точке зрения классовой борьбы, никаких «родственных» партий нет и быть не может. Во время этого же конгресса партия приобрела видные умственные силы в лице Энрико Ферри и Эдмондо де Амичиса. Первый из них, известный криминалист, стоявший на точке зрения антропологической школы Ломброзо, по которой преступления порождаются физиологической и психологической организацией преступников, сначала полемизировал против Турати по поводу основной мысли его брошюры «*Il delitto e la questione sociale*» о происхождении преступности из нищеты, невежества и т. п. Мало-помалу, однако, он сам стал на эту точку зрения и на конгрессе 1893 г. объявил себя социалистом. С де Амичисом произошло еще более резкое превращение. Приблизительно до 1890 г. этот талантливый рас-

¹ Анджиолини А. Истории социализма в Италии (1907), II, 19.

² Дело идет о рабочей партии, возникшей в начале восьмидесятых годов, но не игравшей большей роли, хотя она и стояла в связи с рабочими союзами (*fasci*).

³ «Борьба классов».

сказчик и поэт прославлял Савойский дом и военные подвиги итальянской армии, но, задумав написать роман, посвященный празднованию Первого мая¹, стал для этого собирать материалы и сам увлекся социализмом до такой степени, что уже в 1892 г. выставил свою кандидатуру на выборах в палату как социалист. Вообще, к социализму в Италии стали присоединяться в значительном количестве ученые, литераторы, публицисты².

«Время между 1892 и 1897 годами, — говорит Анджиолини, — было одним из лучших периодов в жизни итальянского социализма... просто потому, что его пропаганда не встречала препятствий, потому что тогда не было опасно основывать социалистические кружки и общества, устраивать социалистические рефераты, писать в партийных газетах и публично высказывать свои убеждения: министерство Джиованни Джиолитти позволяло делать все это»³. Это было время новых конгрессов, дальнейшей разработки программы и парламентских выступлений социалистов, между прочим, например, против авантюристской внешней политики в Африке. Особенно кипучей была деятельность социалистической партии с осени 1897 до весны 1898 г., но с бурных весенних событий этого последнего года, за которыми в разных местностях было объявлено военное положение (снятое, впрочем, в том же году), начались строгости и репрессии, иногда очень мелочные. Когда, например, снова сделалось возможным издавать закрытые после бури 1898 г. газеты, то «*Lotta di classe*» должна была называться уже просто «*Lotta*» без указания на ее теорию «борьбы» именно «классов»⁴. Со своей стороны, депутаты-социалисты вместе с республиканцами пустили в ход парламентскую обструкцию, и один Ферри говорил иногда речи, продолжавшиеся по три, по четыре, по пять часов; в парламентской деятельности социалисты в это время вообще стали действовать солидарно с радикалами⁵. Однако правительственная репрессия

¹ Первое мая праздновалось в Италии с самого начала объявления этого дня праздником труда и, например, в 1891 г. сопровождалось волнениями в Риме, во Флоренции и в других местах.

² См. об этом на с. 46 и след. II тома книги Анджиолини, который сам — профессор. Не все они, однако, правоверные марксисты, даже разделяя, например, теорию экономического материализма, как это можно сказать, положим, о Лория, авторе книги «*La teoria economica della costituzione politica*» (1886), более известной во французской переделке (*Les bases économiques de la constitution sociale*, 1893), о которой в русской литературе писали М. Я. Герценштейн («Русская мысль» за 1887 г.), В. А. Гольцев (там же за 1893 г.) и я (в «Русском богатстве»), перепечатав потом свою статью в «Старых и новых этюдах об экономическом материализме» (1896). Мало того, между итальянскими социалистами происходили немалые теоретические разногласия. Известно, что за последнее время сочинения некоторых из этих писателей усердно переводились по-русски (Лабриола, Лория, Ферреро и др.).

³ История социализма в Италии, II, 52.

⁴ Центральным органом в конце XIX и начале XX в. была уже римская ежедневная газета «*Avanti*» (названная по образцу германского «*Vorwärts*» а) («Вперед» (*ит.*, *нем.*). — *Прим. ред.*).

⁵ Это было уже отступлением от тех заявлений, которые, как мы видели на предыдущей странице, незадолго перед тем делались вождями партии.

не заходила так далеко, чтобы даже после трагедии, разыгравшейся летом 1900 г. в Монце¹, не мог осенью того же года собраться очередной социалистический конгресс в самой же столице Итальянского королевства, на глазах враждебно настроенных властей².

---

¹ По поводу убийства Умберто I анархистом Бреши консервативная пресса обвиняла социалистов в подстрекательстве и в моральной ответственности. Указывалось, между прочим, на то, что Бреши перед этим жил в одном городе Соединенных Штатов Северной Америки, в который около этого времени ездил один социалистический депутат (Дино Рондани), но на самом деле этот депутат был отъявленный враг анархизма и сумел только возбудить к себе, во время своего пребывания в Америке, глубокую ненависть среди живших там анархистов.

² За подробностями истории социализма в Италии отсылаю к книге Анджиолини, весьма богатой содержанием и нередко имеющей даже чисто протокольный характер, что делает по временам ее чтение несколько утомительным.

XIX. Обострение борьбы национальностей в Австро-Венгрии за два последних десятилетия XIX в.¹

Австро-Венгрия в эпоху оккупации Боснии и Герцеговины. — Поворот к примирительной политике по отношению к австрийским национальностям при гр. Таафе. — Партийные отношения рейхсрата в его министерство. — Законодательная деятельность и правительственные распоряжения о языках. — Недовольство австрийских немцев политикой Таафе. — Начало демократических движений в Австрии. — Чешско-немецкое соглашение 1890 г. — Падение кабинета Таафе. — Министерство Бадени. — Эпоха парламентской обструкции и действия 14 статьи австрийской конституции. — Новые чешско-немецкие распри. — Пангерманизм в Австрии. — Влияние национальных раздоров в Австрии на австро-венгерские отношения. — Взгляд на внутренние отношения в Венгрии. — Чешские партии в конце XIX в. — Национальные и партийные отношения в Галиции. — Особая проблема социализма в Австро-Венгрии

Излагая внутреннюю историю Австро-Венгрии в первый период после введения в ней дуализма, мы остановились на 1879 г. Далее, из обзор-

¹ История Австро-Венгрии с конца шестидесятых до конца семидесятых годов XIX в. изложена в гл. XI первой части настоящего тома, и там же даны указания на литературу, дополняемую здесь ссылками на сочинения, или только что вышедшие в свет, или имеющие прямое отношение к периоду, который рассматривается в настоящей главе: *Henry P.* L'union austro-hongroise (1908); *Volkman R.* Die Lebensfrage Österreichs (1908; рекомендуется федерация с руководящей ролью немецкого элемента и с включением балканских государств, образом для чего должна служить Германская империя); *Лозинский С.* Национальный вопрос и политические партии в Австрии (1907; брош.); *Freytag G., Kindermann Ed.* Die Gruppierung der Mitglieder des österreichischen Abgeordnetenhauses in der Wahlperiode 1885–1891 (1886); *Bloch J.S.* Der nationale Zwist und die Juden in Österreich (1886); *Peez.* Die österreichische Handelspolitik der letzten 25 Jahre (в сб. «Die Handelspolitik, veröff. vom Verein für Socialpolitik», 1892); *Schwechler K.* Die österreichische Sozialdemokratie (1907; изд. 2); *Örtzen D.* Von Wiechern bis Posadowsky. Zur Geschichte der Sozialreform und der christlichen Arbeiterbewegung (1908). Для эпохи Таафе и для вопроса об избирательной реформе см.: *Das System Taaffe* (1882; анон.); *Wittmayer L.* Unser Reichswahlrecht und die Taaffesche Wahlvorlage (1901); *Adler V.* Das allgemeine, gleiche, direkte Wahlrecht (1893); *Strakosch-Grossmann.* Das allgemeine Wahlrecht im Österreich seit 1848 (1906). Для Чехии укажем: *Beneš Ed.* Le problème autrichien et la question tchèque. Études sur les luttes politiques des nationalités en Autriche (1908). В вышедшем летом 1909 г. третьем томе «České Politiki» (см. т. VI, ч. 1, с. 8–9) на с. 448 начинается работа К. Kramář'a по истории чешской политики с 1879 г.; *Srb Ad.* Politické dějiny nář. českého. I — od r. 1861 až do nastoupení ministerstva Badenova r. 1895 (1899). II — od nastoupení Badenova do odstoupení Thunova (1901); *Menger.* Der böhmische Ausgleich (1891). По Венгрии в 1909 г. вышла «La Hongrie contemporaine et le suffrage universel», изданная ред. мадьярского журнала. «Huszadik Század» (XX век) и представляющая собой сборник статей разных мадьярских публицистов прогрессивного направления об отдельных сторонах жизни Венгрии с приложением мнений целого ряда западноевропейских ученых и политических деятелей о проекте избирательного закона гр. Андраши; *Súlek.* Hrvatski ustav ili konstitucija godine 1882 (1883).

ра истории международных отношений семидесятых годов¹ мы знаем, что руководителем австро-венгерской внешней политики за этот период был мадьяр гр. Андраши, направивший эту политику на Балканский полуостров, ради чего Габсбургская монархия должна была обеспечить себе тыл со стороны Германии и Италии, в которых еще так недавно эта монархия играла доминирующую роль. Выбитой в 1866 г. из своих германской и итальянской позиций империи Франца-Иосифа больше ничего не оставалось делать, как искать компенсации на Востоке, и, конечно, лучше всего приспособленным к такой политике мог оказаться представитель мадьярской национальности, которой не было дела ни до немцев, ни до итальянцев, но которую зато не могли не интересовать ближайшие области Оттоманской империи. Правда, сами мадьяры, как и немцы, не были склонны усиливать в монархии славянский элемент присоединением Боснии и Герцеговины, но это присоединение было мечтой самого императора, которому Андраши весьма искусно и помог осуществить его мечту. Конечно, подобного рода услуга, оказанная Францу-Иосифу, не могла не принести своей пользы и для самой Венгрии, тем более что в виды личной политики своего «короля» вошел и венгерский министр-президент, с 1875 г., Коломан Тисса, отличавшийся крайним мадьярским национализмом, но в то же время поддерживавший желания Франца-Иосифа с риском для собственной своей популярности. Беспощадный мадьяризатор венгерских славян, «саксов», румын, настойчивый защитник интересов Венгрии при возобновлении соглашения ее с Австрией, Тисса не побоялся, однако, оказывать поддержку внешней политике Франца-Иосифа, не находившей сочувствия в мадьярах. Венгерский парламент негодовал на то, что занятие Боснии и Герцеговины было решено без его на то согласия, особенно ввиду соединенных с этим денежных расходов, но Тисса благополучно провел в палате вотум доверия правительству, что, конечно, не могло не быть зачтено ему в заслугу со стороны императора. Никаких изменений во внутренней политике Венгрии весь этот инцидент не произвел, так что Тисса оставался потом во власти еще более десяти лет.

Другая судьба постигла лично Андраши, столь много сделавшего для удовлетворения желания Франца-Иосифа получить право на оккупацию Боснии и Герцеговины. Андраши доказывал, что занятие турецких провинций не потребует ни особенных расходов, ни, равным образом, особенного напряжения военных сил, но когда обнаружилось, что расчеты министра не оправдались, он предпочел выйти в отставку уже в августе 1879 г., не успев даже подписать вполне им тогда подготовленный австро-германский союзный договор². Что касается внешней по-

¹ В гл. XII и XIII.

² Он был подписан в октябре 1879 г., и под ним стоит имя гр. Гаймерле.

литики Австро-Венгрии после отставки Андраши, то она осталась прежней¹.

В Цислейтании оккупация Боснии и Герцеговины имела иные результаты, нежели в Транслейтании, и в венском рейхсрате вопрос об оккупации прошел не так гладко, как в будапештском государственном сейме. Немецким либералам было крайне неприятно присоединение двух новых славянских областей, а их вожди Гербст и Гискра говорили, что кредит на осуществление оккупации ни в каком случае не будет принят. Одним из них (Гербстом) было сделано и предложение отклонить Берлинский трактат. Немцы резко нападали на саму идею компенсации, говоря, что «выпавший из короны Габсбургов бриллиант (т. е. Ломбардо-Венецианское королевство) хотят подменить булыжником». Если бы министерство, защищавшее политику Франца-Иосифа, не нашло поддержки в правой и в поляках, дело могло бы совершенно провалиться. Это заставило императора совершенно переменить курс внутренней политики, так как немецкие либералы, до того времени поддерживавшие министерство, продолжали упорствовать в своем несогласии на оккупацию. Новым доверенным лицом Франца-Иосифа стал теперь его личный друг с молодых годов, граф Эдуард Таафе, сделавший своим лозунгом примирение национальностей («die Versöhnung der Nationalitäten»). Он не был новичком в политике и уже раньше занимал министерские посты². В 1879 г., когда Франц-Иосиф к нему обратился, он был (с 1871 г.) наместником в Тироле; теперь он был призван императором в министерство Ауэрсперга сначала для соглашения с левой, потом, когда это не удалось вследствие ее упорства в босно-герцеговинском вопросе, для проведения (в роли министра внутренних дел уже в кабинете Штремайра) новых выборов. Таафе и раньше был расположен к федерализму, который он и стал осуществлять на практике с первого же момента нахождения у власти. На этот раз для достижения большинства на выборах правительство нашло нужным вступить в переговоры с чеха-

---

¹ Преемником Андраши был гр. Гаймерле, после смерти которого в 1881 г. министром иностранных дел сделался гр. Кальноки. В это время к австро-германскому союзу примкнула и Италия, вследствие чего образовался Тройственный союз, но Кальноки считал полезным поддерживать хорошие отношения и с Россией. В 1884 и 1885 гг. у Франца-Иосифа были свидания с Александром III в Скерневицах и в Кремзире (Кромержже), но избрание на болгарский престол, вопреки желанию России, принца Фердинанда Кобургского и усиление в Сербии русского влияния после отречения короля Милана снова испортили отношения обеих держав. В конце восьмидесятых годов опасались воинственных замыслов России. С 1895 г. австро-венгерским министром иностранных дел сделался поляк гр. Голуховский, сын бывшего наместника Галиции и одно время австрийского министра внутренних дел.

² В 1867–1871 гг. в разных кабинетах, причем в 1868–1870 гг. был министром-президентом. После ухода Ауэрсперга, потерявшего большинство в палате, сначала было назначено министерство Претиса, бывшего министром финансов в предыдущем кабинете, потом Штремайра, в кабинете которого Таафе занял пост министра внутренних дел. После выборов в рейхсрат Штремайр тоже подал в отставку и тогда министром-президентом сделался Таафе.

ми, среди которых восточная политика монархии как раз находила одобрение и поддержку, не говоря уже о том, что оккупация Боснии и Герцеговины вообще подсказывала правительству необходимость задобрить славян. Кроме того, еще и быстрый экономический и культурный рост чешской национальности настолько бросался в глаза, что сами немецкие либералы были не прочь перед выборами 1879 г. войти в соглашение с чехами, но этому мешало, главным образом, очень консервативное, в общем, настроение «старочехов», бывших самой влиятельной чешской партией, и их стремление достигнуть своих целей путем прямого соглашения с самим правительством. Мы видели уже в другом месте, что, не отказываясь от государственного права Чешского королевства в принципе, чехи откладывали его осуществление до более или менее отдаленного будущего, а пока, прекратив бойкот, согласились на участие в рейхсрате и поставили ближайшей своей целью добиваться частных уступок их национальным требованиям¹. Новая палата депутатов, в которой после многих лет появились, наконец, чешские депутаты, состояла из трех групп, из коих две, — самые численные, — подразделялись еще на более мелкие. Наиболее значительную группу составляли федералисты-консерваторы: общая их численность выражалась цифрой 168, составившейся из почти одинаковых цифр трех «клубов»: чешского в 54 человека, польского в 57 человек и гогенвартовского в 57 же человек². Конституционалистов немцев³, бывших прежде большинством, теперь было только 145 с подразделением на либералов и прогрессистов (91 и 51). Остальные сорок человек стояли особняком. Так как они могли всегда дать перевес или правой, или левой, то на них было обращено особое внимание правительства, задумавшего даже обра-

¹ «Roku 1879 nastal y politice české nový obrat: zanechana passivita a nastonpena cesta politiky činné za účastenství ye vídeňském parlamentu. Poodstaveny jsou snahy statoprávní a politika béře se za bližšími, zdánlivě snaze dosažitelnými cíly. Hned na předním místě očitá se tu jazyková otázka, která odtud po celé čtvrtstoletí české politice dodává ráz». Česká politika, I, 410. Эта краткая характеристика чешской политики с 1879 г. — отказа от государственно-правовой точки зрения ради, главным образом, языкового вопроса, занявшего в следующей четверти века самое первое место, — принадлежит чешскому ученому К. Кадльцу (Karel Kadlec), поместившему в сборнике «Česká politika» большую статью под заглавием «Národnostní a jazyková otázka v Rakousko-Uhersku».

² О последнем, состоявшем из немецких феодалов, словенцев и далматинцев, ср. т. VI, ч. I.

³ Немецкие либералы в Австрии имели много общего с либералами в Германии и оказали большие услуги введению в Австрии конституции. Их же временному господству, с другой стороны, Австрия обязана торжеством в семидесятых годах манчестерства в экономической политике. Перешедши в оппозицию, они не расширили своей программы. По словам их вождей, «социальный вопрос прекращается у Боденбаха» (die soziale Frage hört bei Bodenbach auf, т. е. на границе с Германией), ибо «в Пруссии им можно заниматься, в Австрии же для него нет места». Чтобы не растерять своих избирателей, они под конец стали особенно сильно напирать на необходимости национальной политики и возведения немецкого языка на степень государственного при сохранении установленного конституцией равноправия всех языков, которому будто бы их требование не противоречило.

зывать из них особую партию. После такого исхода выборов составление нового министерства было поручено Таафе, оставшемуся потом во главе австрийского правительства четырнадцать лет.

В 1879 г. Таафе составил кабинет на коалиционном начале. Большинство в нем состояло из немцев как консервативного, так и либерального направления, но в него были допущены также (без портфелей) один чех (Пражак) и один поляк (Земляковский)¹. Впрочем, либералы недолго оставались в составе кабинета. Одним из главных предметов первой сессии рейхсрата, избранного в 1879 г., был новый военный закон, устанавливавший контингент армии на десять лет. Левая вознамерилась провалить министерство на этом вопросе, не дав ему требовавшихся в данном случае двух третей голосов, но в последний момент более умеренная часть либералов вотировала за министерское предложение, опасаясь недовольствия монарха. Этот эпизод показал министерству, что оппозиция левой не представляет большой опасности и что вообще без ее представителей в кабинете можно будет весьма легко обходиться². Но и у правительственного большинства, с другой стороны, не было внутреннего единства: чешский, польский и клерикальный (гогенвартовский) «клубы» объединялись лишь внешним образом опасением, как бы новый министерский кризис не возвратил либералов снова к власти. Чтобы так не случилось, эти «клубы» считали нужным отказаться от излишней требовательности и проявлять, при всяком удобном случае, свою «законопослушность». Такому большинству Таафе мог смело объявить, что никакого изменения в конституции ждать нечего, вследствие чего для осуществления национальных стремлений и клерикальных вожделений и чехам, и полякам, и словенцам с далматинцами, равно как немецким католикам, оставался открытым один путь — вступать в частные переговоры с правительством, входить с ним в особые сделки, выторговывать у него для себя, что только было можно, и не настаивать на том, что могло бы рассердить предрержащую власть. С удалением из кабинета либеральных членов в нем возродились все повадки чисто абсолютистского режима. Так как в палате господ все еще оставалось немало независимых членов, то, пользуясь § 5 конституции 1861 г., Таафе выхлопотал у Франца-Иосифа в 1881 г. назначение в нее сразу двадцати шести членов «из лиц, оказавших услуги государству или церкви, науке и искусству». Новые члены все принадлежали к федеративно-клерикальной партии. Сам Таафе очень дорожил таким большинством, при котором можно было управлять страной в духе абсолютизма. Ради этого он готов был и, на самом деле, шел на ограничение прав немец-

¹ В 1881 г. Пражак сделался министром юстиции, в каковой должности особенно энергично отстаивал национальные интересы чехов.

² В 1880 г. министр финансов немец был заменен поляком Дунаевским, о котором см. ниже.

кого языка, лишь бы только сохранить за конституцией ее централистические черты. Он ничего не имел против того, чтобы широко открыть славянам доступ к разным государственным должностям, но вместе с тем всячески поддерживал и укреплял старый бюрократический строй Австрии. При таком режиме, — диаметрально противоположном тому, какой одновременно с этим проводился в Венгрии Тиссой, — конечно, должны были усилиться влияния на политику со стороны духовенства, дворянства и придворных сфер. Австрийские немцы при этом прямо приносились в жертву реставрации старого порядка. Одним из проявлений «славянской политики» Таафе было то, что в 1881 г. председателем палаты депутатов сделался поляк Смолька¹, товарищем председателя — чех князь Лобкович. В полном соответствии с общим направлением политики Таафе чешская и польская аристократия стала добиваться национальных уступок от правительства и при помощи придворных отношений, какие были у многих представителей этой аристократии, влиять на самого Франца-Иосифа.

Понятно, что законодательство рейхсрата, имевшего консервативное большинство, должно было получить и соответственный характер. Даже тогда, когда принимаемая мера имела демократический облик, подкладка у нее была консервативная. Таково было понижение, в 1882 г., избирательного ценза в городской и сельской куриях с десяти гульденов прямых налогов до пяти², что — в городах по крайней мере — должно было ослабить влияние либеральной буржуазии в пользу ремесленников, находившихся в то время под сильным влиянием духовенства. Более откровенно реакционный характер имел закон 1883 г., предоставлявший общинным правлениям право сокращать продолжительность школьного обучения с восьми лет до шести и делавший из права преподавания в народных школах привилегию одних католиков³. Другим законом того же 1883 г. рейхсрат ограничил свободу промыслов, обязав известные профессии принять цеховую организацию с допуском к ним лишь по экзаменам или на основании особых сертификатов и т. п. В одном существенном отношении министерство Таафе оказало Австрии несомненную услугу, благодаря деятельности министра финансов, поляка-автономиста Дунаевского (1880—1891), при котором прежние ежегодные дефициты стали сокращаться, пока бюджет

¹ У нас это имя неправильно пишется без мягкого знака (Смолька). В молодости он судился за принадлежность к тайному обществу «Молодая Польша» и даже был приговорен к смертной казни. Будучи помилован, он впоследствии был председателем венского учредительного сейма. В 1861—1862 гг. Смолька был снова членом рейхсрата, где вторично занял место в 1867 г. и оставался до 1893 г., будучи с 1881 г. постоянно переизбираемым в председатели. Он был вообще горячим сторонником федерализма. Кроме того, известна его страстная ненависть к России. О нем см.: *Widmann. Franz Smolka* (1887).

² «Fünfgulden-Männer».

³ Собственно, заведение школами должно было находиться в руках людей одного вероисповедания с большинством учащихся.

1889 г. не дал даже превышения доходов над расходами. Только этот благоприятный результат умелой финансовой политики Дунаевского мог сделать возможным переход Австро-Венгрии к золотой валюте, совершившийся уже в следующем десятилетии¹. Бисмарковское социальное законодательство тоже нашло некоторое подражание в Австрии, в виде установления нормального рабочего дня (в 11 часов) и воскресного отдыха, страхования в случае болезней или полученных на работе увечий и т. п.

То, что австрийские немцы считали самым законным своим «Besitzstand'ом», в министерство Таафе, несомненно, претерпело некоторый ущерб². Более всего немцы жаловались на умаление прав их языка. В другом месте у нас уже шла речь о чешско-немецких несогласиях из-за Пражского университета, окончившихся тем, что в министерство Таафе произошло разделение этого университета на немецкий и чешский. Это не была единственная уступка чехам, депутаты которых тотчас же по вступлении своем в рейхсрат подали Таафе меморандум о равноправии языков, где, кроме умножения чешских кафедр в университете, настаивали на необходимости развития среднего и профессионального образования на чешском языке, равно как на том, чтобы чиновники в Чехии и Моравии знали оба языка и чтобы на обоих же языках могли подаваться прошения, писались разные деловые бумаги и т. п. Авторы меморандума указывали при этом, что все их требования, как основанные на законах, должны быть осуществлены одной исполнительной властью. Наоборот, богемские немцы поспешили представить свой меморандум с просьбой сохранить за немецким языком значение государственного языка с допущением чешского языка лишь в известных, определенных случаях. Излагать в подробности, как решило министерство этот вопрос в так называемых «штремайровских» постановлениях 1880 г., было бы здесь делом несколько сложным ввиду целого ряда сделанных при этом различий между отдельными ведомствами или сторонами делопроизводства, суть же дела заключалась в том, что должностные лица обязаны были говорить с обращающимися к ним частными лицами на том именно языке, на котором к ним то или другое лицо обращалось. Это влекло за собой то следствие, что немецким чиновникам, не знавшим чешского языка, нельзя уже было продолжать службу в местах, где требовалась «чиновничья двуязычность» (*dvojazyčnost úředníků*). Кроме Чехии и Моравии подобное распоряжение в 1882 г. было издано и для Австрийской Силезии, в некоторых местностях

¹ В 1892 г. прежний счет на гульден (флорины) и крейцеры был в Австро-Венгрии заменен счетом на кроны (короны) и геллеры, причем, в сущности, произошло только уменьшение вдвое прежней монетной единицы.

² О понятии «Besitzstand'a» см. т. VI, ч. I. Немцы находили, что вся государственная мудрость кабинета также состояла «im Fortwursteln und Durchfretten». См.: *Egelhaaf G. Geschichte der neuesten Zeit*, с. 280. О. Kaemmel в «*Illustrierte Geschichte der neuesten Zeit*» (1902) называет этот период «der Rückgang des Deutschthums in Österreich». С. 552 и след.

которой можно было обращаться к должностным лицам и по-немецки, и по-чешски, и по-польски. Округа со словенским населением получили также подобную «двухязычность». Проведение в жизнь довольно-таки сложных предписаний 1880 и 1882 гг. встретилось с разными затруднениями, и в 1886 г. министру юстиции чеху Пражаку пришлось издать новое распоряжение, касающееся все того же языкового вопроса. Немцы, где только было можно, протестовали, жаловались, оказывали сопротивление, кричали об утеснении немцев чехами и настаивали на необходимости различать между понятиями «Landessprache, landesübliche Sprache, bezirksübliche Sprache»¹ и т. п. На обоих языках, разумеется, велась и полемика в печати². Избирательная реформа 1882 г. имела своим результатом то, что в богемском сейме большинство было после этого чешское. Спасая себя от чехизации, богемские немцы стали предлагать разделение страны в языковом отношении на отдельные округа, имея в виду сохранение за исключительным употреблением немецкого языка и округов с соответственным населением, но сделанное в этом смысле предложение в земском сейме потерпело неудачу, ибо чехи упорно стояли на точке зрения равноправия обоих земских языков (rovnoprávnosti obou zemských jazyků) во всем королевстве Чешском (1885–1886). Время от времени вопрос о языках продолжал подниматься и в рейхсрате. Выборы 1885 г. еще более усилили в последнем славянское большинство, поддерживавшее министерство Таафе.

Такое положение дел отразилось на австрийских немцах подъемом в них национального самосознания. В 1880 г. для поддержки немецких школы и немецкого языка они создали особый союз (der deutsche Schulverein), в который вступило немало и германских немцев. Особенно боролись члены этого союза против стремления клерикалов превратить единую государственную школу в ряд школ отдельных королевств и земель (или «verländern», как тогда выражались), ибо в этом они тоже видели своего рода гибель немецкой культуры в не-немецких областях Австрии. В рейхсрате и в богемском сейме немцы пускали в ход все средства, чтобы затормозить невыгодное для них законодательство. Когда чешское большинство богемского сейма отвергло предложение одного из немецких членов (Пленера) оставить в чисто-немецких округах Богемии в официальном

¹ Уголовное право земель различного уровня в Германии. — *Прим. ред.*

² В только что указанной статье д-ра К. Кадльца («Česká politika», I, 468–469) названо десятка два чешских и десятков немецких книг, брошюр и статей по чешско-немецкому спору из-за языка. Сами заглавия их указывают на их характер. См. например: *Vašatý J. Zákonná rovnost jazyka českého s německým v zemích koruny české* (1884; автор был большим русофилом, и о нем, как видном чешском националисте в венском парламенте, очень часто в свое время писали русские газеты, почему-то нередко называвшие его Вожатым, а не Вашатым); *Nevšimal A. V. Prava jazyka českého* (1899); *Tobolka Zd. Rakouské (австрийское) právo jazykové* (1902); *Fischel A. Das österreichische Sprachenrecht* (1901) и *Materialien zur Sprachenfrage in Österreich* (1902) и др.

употреблении один немецкий язык, немецкие депутаты прибегли к тому же средству, к какому раньше прибегали чехи: они тоже в 1886 г. покинули с протестом сейм и не появлялись в нем до 1890 г. В рейхсрате впоследствии немцы грозили поступить таким же образом. После выборов 1885 г. в рейхсрате немцев было всего 112 членов соединенной левой и 16 националистов, ставивших интересы немецкой народности выше интересов австрийского государства, во имя чего они открыто говорили о необходимости слияния всех немецких частей Австрии с великим германским отечеством. Когда в 1888 г. князь Алоиз Лихтенштейн внес в рейхсрат откровенное предложение восстановить во всей чистоте конфессиональную школу, немецкие либералы прямо заявили, что им остается одно средство борьбы — покинуть рейхсрат. За все это время (восемидесятые годы) главным театром борьбы была Чехия, а в ней Прага, где не прекращались националистические манифестации и нередко происходили стычки между чешскими и немецкими студентами. В начале 1890 г. Таафе счел поэтому нужным сделать попытку новой «Versöhnung» между обеими сторонами путем непосредственных между ними переговоров для достижения какого-либо *modus vivendi*¹. Главной целью задуманного соглашения было создать консервативную плотину против демократического движения, начавшегося в Австрии и с особой силой проявившегося, между прочим, как раз в Чехии.

К концу восьмидесятых годов в областях Цислейтании с более значительным и развитым городским населением стали все более и более проявляться чисто демократические стремления, которые к этому времени особенно успели проникнуть и в рабочую среду. Уже в первой половине восьмидесятых годов (именно в 1882—1885 гг.) значительное влияние оказывала на некоторые элементы населения анархистская пропаганда, подавленная только самыми суровыми репрессивными мерами со стороны правительства. Особенной авторитетностью среди австрийских немцев, подвергшихся действию этой пропаганды, пользовались идеи известного анархиста Иоганна Моста². В 1888 г. была основана в Австрии Рабочая социал-демократическая партия, усвоившая программу и организацию германской и, между прочим, подчеркнувшая свой интернациональный характер. Это совершилось на съезде в Гайнфельде, где была выработана и программа партии. Для Австрии было очень важно, что рядом с привилегиями, обусловливаемыми рождением и владением имуществом, партия осуждала и преимущества национальные и вместе с тем объявляла необхо-

---

¹ «Временное соглашение» (лат.). — Прим. ред.

² О Мосте см. в первой части настоящего тома, а особенно в книге: Цокколи. Современный анархизм. С. 240 и след. Мост, между прочим, сам писал о рабочем движении в Австрии: «Zur Geschichte der Arbeiterbewegung in Österreich» (в юрихской «Neue Gesellschaft» за 1877 г.) и статьи с аналогичными названиями в лондонских «Freiheit» (за 1884 и 1890 г.) и «Die Autonomie» (за 1891 г.).

димось международной борьбы с эксплуатацией, поскольку и сама эксплуатация имеет международный характер. Главными своими требованиями австрийские социал-демократы выставляли введение восьмичасового рабочего дня и установление всеобщего избирательного права. Кроме того, они требовали уничтожения вероисповедного характера государства и развития народного образования на началах всеобщей обязательности и бесплатности.

В начале января 1890 г. по личной инициативе Франца-Иосифа Таафе созвал в Вене чешско-немецкую конференцию, на которую, однако, «младочехи» и другие чешские партии, стоящие левее их, приглашены не были. Это совещание приняло около дюжины постановлений («пунктуации») о разделении некоторых богемских учреждений (областного школьного совета и пражской торговой палаты) на немецкие и чешские отделения, об образовании судебных округов, по возможности, с однородным составом населения, об обязательности для двух третей пражского высшего областного суда знания обоих языков, об образовании национальных курий при выборах в богемский земский сейм и т. п.¹ Это соглашение не удовлетворяло вполне ни немцев, ни чехов. Еще разделение школьного совета было принято сеймом (1890), но когда в сейм был внесен правительственный проект о судебных округах, то в сейме начались бурные заседания, приведшие к отклонению проекта подавляющим большинством. Участием своим в соглашении 1890 г. «старочехи» сильно скомпрометировали себя в глазах своих соотечественников и, можно сказать, подписали свой смертный приговор. Со стороны «младочехов» соглашение вызвало такую бурную оппозицию в сейме, что последний был распущен до окончания рассмотрения бюджета. Настроение этой партии делалось все более и более радикальным, а в августе и сентябре произошли даже антидинастические манифестации², по поводу которых богемский наместник гр. Тун настоял на объявлении Праги в осадном положении со всеми его последствиями в виде отмены свободы собраний и суда присяжных по делам печати и т. п. Наоборот, немцы соглашением были очень довольны³.

¹ См. о последней подробности ниже.

² *Česká politika*, III, 549 и след., где говорится о роли молодежи в этом движении (*v Čechách počala dávatí tón celému hnutí mladež*). Это брожение прогрессивного студенчества, соединенное с резкими антидинастическими демонстрациями, дало полиции повод возбудить против многих дело об устройстве тайного общества под названием «Омладины». («Омладина», т. е. молодежь, собственно, сербский термин, обозначающий тайное национальное общество, ставившее своей целью добиться объединения и независимости всех ветвей сербского племени. Оно действовало с шестидесятых годов XIX в. в Венгрии и Сербии и сыграло особенно видную роль в событиях 1875–1878 гг.). Это возбуждение преследования против «Омладины» не обошлось без провокатора в лице некоего Рудольфа Мрвы (*Česká politika*, III, 556). Об этом сенсационном процессе, кончившемся для многих подсудимых тюрьмой, в свое время много писали в газетах.

³ Глава австрийских централистов Пленер писал: «Wir glauben, die Deutschen in Böhmen werden nicht unzufrieden sein. Die Mehrzahl unserer Forderungen ist bewilligt... Die Ergebnisse der

В это время Таафе, постоянно лавировавший между разными течениями и прибегавший к тем или другим мерам для предотвращения неприятных результатов своей же политики¹, задумал дать выход совершавшемуся в стране общественному движению, направив его из национального русла в другое, социальное, «die soziale Frage gegen die nationale auszuspiesen»². В данном случае, инициатива меры, на которой он остановился, принадлежала министру финансов Штейнбаху, которым еще в 1891 г. был заменен поляк Дунаевский, пожертвованный домогательствам немцев. В 1893 г. Таафе предложил рейхстагу значительно расширить избирательное право в городской и сельской куриях, распространив его на всех, кто только умеет читать и писать на каком-либо языке, т. е. в избирательное право вводился простой ценз грамотности, вместо прежнего пятигульденового налога. «Младочехи», немецкие националисты и отчасти клерикалы отнеслись к министерскому проекту с сочувствием, но Гогенвартов клуб решительно воспротивился такой демократической мере, и с ним заодно высказалась немецкая либеральная партия, опасавшаяся, что результатом всеобщего избирательного права будет славянское большинство в рейхсрате, а в немецком меньшинстве будут играть наиболее значительную роль социалисты. С консерваторами и либералами соединились в данном случае и поляки, которым вовсе не хотелось демократизации выборов в Галиции, где это могло бы только пошатнуть господствующее положение, занятое шляхтой. Видя, что реформа не пройдет в рейхсрате, Таафе думал провести ее при помощи 14-й статьи конституции, дающей императору право «ввиду крайних обстоятельств, в промежутке между двумя сессиями» издавать указы, которые потом должны идти на одобрение палат. Франц-Иосиф, однако, указал Таафе, что 14-я статья существует в конституции не для таких реформ, и Таафе подал тогда в отставку³.

Отставка Таафе была принята, и новое «коалиционное» министерство под председательством кн. Альфреда Виндишгреца обещало заняться проведением необходимейших реформ (избирательной, налоговой, судебной) под условием хотя бы временного примирения национальностей, что, од-

---

Konferenz sind nicht bios ein Erfolg der Deutschen in Böhmen, sie sind ewige Kräftigung aller Deutschen in Österreich«.

¹ Seine deutsche Gegner warfen ihm vor, seine ganze Staatsweisheit habe im «Fortwursteln und Durchfretten» bestanden. *Egelhaaf*. Geschichte der neuesten Zeit (1908), с. 280.

² Comme les luttes nationales étaient des luttes... des classes moyennes, Taaffe... supposa que les haines nationales, moins dures et moins venimeuses dans les classes inférieures, seraient apaisées par l'entrée de ces classes dans la vie publique. *Beneš E.* Le problème autrichien et la question tchèque (1908). P. 277.

³ Интересные замечания о политике Таафе делает американец Лоуэлль. Его «поддерживали различные национальности не столько за то, что он благоприятствовал им, сколько за то, что он не благоприятствовал немецким либералам», результатом же его политики было «усиление короны и превращение рейхсрата в простое орудие правительства». Это была «любопытная пародия на парламентскую жизнь». Правительства и политические партии. С. 318—319.

нако, тоже оказалось неисполнимым. Падение Таафе было результатом примирения между клубом Гогенварта и либеральной левой и соединения с ними польского «кола». Подобно тому, как прежде партии с самыми несходными стремлениями соединялись на чисто отрицательном желании, чтобы как-нибудь не вернулось господство левой, так и теперь известная солидарность установилась между клерикалами, либералами и поляками, согласившимися не поднимать ни одного вопроса, который мог их разделить, чтобы только поддерживать status quo против демократических стремлений вообще и в частности против «младочехов». Больше всего пугала эту коалицию перспектива такой избирательной реформы, которая могла бы повлечь за собой вступление в рейхсрат новых общественных элементов, — кроме клерикалов, которые были не против реформы в пользу, пожалуй, мелкой буржуазии, находившейся под их влиянием. Между тем та или другая уступка была необходима, так как среди рабочих не прекращалось движение в пользу всеобщего избирательного права. Особая комиссия работала над вопросом, что можно было бы сделать для удовлетворения общественного мнения, требовавшего реформы, и составила проект, создававший рядом с четырьмя старыми куриями крупных землевладельцев, городов, торговых палат и сельских общин пятую курию. Ей в рейхсрате должно было принадлежать 47 мест с таким разделением, чтобы на 34 из них выборы производились плательщиками налогов ниже установленного ценза, а на остальные 13 — промышленными рабочими. Коалиции, однако, и не пришлось рассматривать этот вопрос, причиной чего был один эпизод, в высшей степени характерный для австрийской политической жизни.

В дело был замешан опять-таки национальный вопрос. В Штирии, в населении которой две трети составляют немцы и одну треть словенцы, есть небольшой городок, называющийся по-немецки Цилли, по-словенски Целье, бывший когда-то резиденцией феодального графства. В городке есть гимназия с преподаванием на немецком языке, но словенцы пожелали, чтобы для них в этой гимназии были учреждены параллельные классы с преподаванием на их языке¹. Гогенвартов клуб, в состав которого входило несколько словенских депутатов, поддерживал их требование, но немецкие либералы воспротивились и, когда министр народного просвещения, поляк Мадейский, согласился на желание словенских депутатов, вышли из коалиции с остальными правительственными партиями, результатом чего была отставка министерства. Новый кабинет с гр. Кильмансеггом во главе просуществовал весьма короткое время, после чего составление кабинета было поручено гр. Бадени, который вернулся к традиции Таафе².

¹ В Австрии это называется утравквизацией.

² Это особенно отмечают немецкие историки. См. например: *Egelhaaf*. *Gesch. der neuest. Zeit*, с. 281. Р. Шпрингер указывает, что за последнее время руководящими народностями Австрии были немцы, поляки и чехи, комбиниравшиеся, однако, различным образом при

Граф Казимир Бадени с 1888 г. до образования министерства под его председательством занимал должность наместника Галиции, сам притом принадлежа к господствующей в ней национальности. Это был ставленник польской аристократии, в духе которой он управлял Галицией, проведши в ней всю жизнь и привыкши в ней к системе подкупов и застрашивания по отношению ко всем оппозиционным элементам населения. При венском дворе Бадени ставили в особую заслугу то, что он сумел устроить в Галиции целый ряд верноподданнических манифестаций тамошней шляхты в 1893 и 1894 гг., а этому придавалось особое значение ввиду приближавшегося пятидесятилетнего юбилея царствования Франца-Иосифа. Свое министерство, в составе которого не было ни единого депутата, Бадени составил из лиц, принадлежавших к разным национальностям и партиям, и в своей декларации объявил, что кабинет будет стоять выше партий и сам руководить рейхсратом, а не им будет руководим, и что права всех национальностей будут уважаться при признании исторического первенства немецкой культуры. Поставленный на очередь еще Таафе вопрос об избирательной реформе был одним из первых дел, которые гр. Бадени считал нужным, наконец, разрешить. В 1896 г. он представил свой проект реформы, придав ему характер своего рода ультиматума, который и был принят всеми партиями без особого удовольствия. Сущность преобразования¹ заключалась в том, что к 353 членам палаты депутатов, избираемым по основному закону о народном представительстве, было присоединено еще 72 члена, «выбираемых общим классом избирателей», причем из этой цифры приходилось на Богемию 18, на Галицию 15, на Нижнюю и Верхнюю Австрию 9 и 3, на Моравию 7, на Штирию 4, на остальные земли от трех до одного от каждой. В «общем классе избирателей» по закону 1896 г. находятся «все австрийские граждане, достигшие двадцати четырех лет от роду, обладающие всеми гражданскими правами» и т. д., что не исключает из состава этого класса, как пятой курии, и избирателей других курий. Новая курия была курией всеобщего избирательного права для пяти с лишком миллионов голосов, представителям которых закон отводил 72 места из общего числа 425, что составляет только около 17%, т. е. не достигает даже того процента, который в этом представительстве по куриям принадлежал классу крупных землевладельцев (85 голосов), причем всех избирателей первого разряда было около 5,5 тыс. Нужно еще заметить, что в но-

---

Таафе и Бадени. При первом, говорит он, «поляки были настолько умны, чтобы не следовать постоянно за чехами, и, будучи свободны направо и налево, имели, таким образом, решающее значение. Только при Бадени они пошли за чехами, и, благодаря этому, они сделались козлом отпущения немецкой обструкции». Национальная проблема (1909), с. 263. Общий же ход национальных отношений в Австрии рисуется ему в таком виде: «Вместо единого господства немцев, дуализма между немцами и поляками, попеременного сближения между чехами, поляками и немцами, наступает простое сожительство восьми национальностей», с. 264.

¹ См.: Современные конституции / Под ред. В. М. Гессена и Б. Э. Нольде (1905). Т. I. С. 5 и 9.

вой курии выборы должны были быть прямыми в шести наиболее населенных городах и косвенными вообще повсеместно¹.

Новый избирательный закон получил в первый раз применение весной 1897 г., когда происходили общие выборы в парламент. Далеко нельзя сказать, чтобы на этих выборах, в которых вообще впервые при действии австрийской конституции 1861 г. могли принять участие народные массы, царствовала свобода. Наоборот, министерство Бадени пустило в ход все средства для того, чтобы на выборах не могли иметь успеха неприятные ему кандидаты, и, быть может, нигде вмешательство не принимало таких размеров, как в родной премьеру Галиции, где больше, чем где-либо, было произведено арестов среди агитаторов, а также было случаев прямого недопущения неблагонадежных избирателей до урн и, наконец, даже примеров подачи голосов лицами, которых давно уже не было на белом свете или несовершеннолетними. Несмотря на все избирательные маневры властей, пятая курия все-таки дала о себе знать выбором значительного числа оппозиционных депутатов. Здесь именно прежде всего следует отметить, что в 1897 г. в первый раз австрийский рейхсрат увидел в своих стенах социал-демократов и притом сразу в количестве четырнадцати человек, принадлежавших к трем главным национальностям, — обстоятельство, не помешавшее им образовать общий интернациональный клуб². Чешские депутаты были почти все «младочехи», и если, наоборот, почти все польские представители Галиции были консерваторы, то все-таки и среди поляков явилось в рейхсрат около десятка демократов. Из немецких партий значительный урон потерпела бывшая раньше наиболее значительной партией соединенная немецкая левая, в которой в предыдущем рейхсрате числилось 110 человек, а теперь оставалось только 77, причем больше всего потеряли мест городские и сельские депутаты. Мало того, между ними и либеральными депутатами из крупных землевладельцев прежние, связывавшие их узы распались ввиду того, что среди городских и сельских депутатов господствовало более оппозиционное настроение. На их счет выиграли немецкие клерикалы, христианские социалы (антисемиты) и националисты.

В общем, в конце концов Бадени удалось создать для себя большинство из необычайно пестрого состава новой палаты депутатов. Это большинство образовали все наиболее консервативные элементы с присоединением к ним либе-

¹ При первом же применении нового закона оказалось, что в землевладельческой курии 1 депутат приходится на 64 человека, в курии торговых палат — на 28, в городской — на 3341, в четвертой на 11,5 тыс., в пятой на 69½ тыс.

² На выборах социалисты получили в пятой курии такое громадное количество голосов, что при действии всеобщего избирательного права их в палате должно было бы быть около ста. Klub socyaldemokratyczny jest jedynym w parlamencie, w którym zasiada spokojnie niemiec koło czecha, polak obok rusina, nie potrzebując przytem wyrzekac się swej indywidualności narodowej, ani najdalej idacych, byle nie na koszt cudzy operujących aspiracyj. *Feldman W.* Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi (1907), II, 111.

ральных представителей крупного немецкого землевладения и чехов, обладавших вместе без малого ста голосами. Чтобы обеспечить за собой содействие первых, Бадени сумел устроить так, что император по поводу его желания подать в отставку выразил ему высочайшее доверие, а это заставило лояльных либералов из курии крупного землевладения «в государственном интересе», как они объясняли, обещать министерству свою поддержку. Что касается чехов, то их Бадени расположил в свою пользу распоряжениями о языках (*Sprachen-verordnungen*), изданными вскоре после выборов (в апреле).

Своими распоряжениями о языках, одним для Чехии, другим для Моравии, Бадени вводил в обеих областях монархии равноправие немецкого и чешского языков, обязывавшее всех вообще чиновников и в Чехии, и в Моравии через пять лет владеть обоими языками, причем все делопроизводство в присутственных местах должно было вестись на обоих языках, т. е. к тексту на одном из них прилагаться перевод его на другой. Среди немцев предписание Бадени вызвало страшное негодование: богемские немцы увидели в нем просто-напросто не что иное, как приступ к их чехизации. Немцы в других частях монархии тоже всполошились. Они указывали на то, что министр превысил свою власть, вздумав решать по своему усмотрению вопрос, который мог быть решен только законодательным порядком; указывали и на то, что в Богемии кроме округов, населенных чехами или имеющих смешанное население, есть еще чисто немецкие округа, где чехов нет; указывали, наконец, и на то, что чехи все заполонят в Богемии, что среди чехов много уже знающих по-немецки, что им учиться немецкому языку нетрудно и что из знания этого языка они, кроме пользы, ничего не получают, тогда как, наоборот, немцев, знающих по-чешски, мало, сам язык чешский очень труден для изучения, да и пользы это изучение не даст никакой ввиду, как уверяли немцы, отсутствия у чехов настоящей литературы. Протесты со стороны австрийских немцев нашли поддержку и за границами Австрии. Большого шума, например, наделало и вызвало полемику с чешской стороны заявление знаменитого историка Рима Моммзена¹, приглашавшего своих австрийских соплеменников не сдаваться, напротив, всеми силами бороться против распоряжений графа Бадени, так как, говорил Моммзен, «дело идет о судьбе австрийских немцев, которые не могут же выселиться из провинций, немцам обязанных своей высокой культурой, не могут допустить чехизации если не детей своих, то внуков. В пылу защиты немецкой национальности великий ученый позволил себе резкие выходки по адресу чешского тупоголовия, что вызвало не менее страстные ответы с чешской стороны². Самая горячая борь-

¹ Он написал статью под заглавием «An die Deutschen in Oesterreich», которая была помещена в «Neue Freie Presse» («Новая свободная пресса» (нем.). — *Прим. ред.*).

² Один из этих ответов (пражского профессора Пекаржа) был переведен по-русски и издан отдельной брошюрой. Чехи до сих пор не могут простить Моммзену его совет бить

ба происходила в рейхсрате, куда в мае того же года было внесено разными немецкими группами предложение о предании суду министров, подписавших распоряжения о языках, как людей, нарушивших этими распоряжениями конституцию. Прения об этом предложении были очень бурны. Главным оратором оппозиции выступал националист Вольф, грозивший, между прочим, жалобой германским соплеменникам на то, что Бадени замышляет погубить богемских немцев, и риторически просивший этих соплеменников быть готовыми прийти на помощь, когда настанет время. Состоявшееся затем голосование было в пользу Бадени: предложение о предании его суду было провалено 253 голосами против 163. Тогда немецкая оппозиция прибегла к обструкции, которую проводила очень энергично и искусно, чем заставила правительство отсрочить заседания до осени, хотя палата не успела даже составить ответный адрес на тронную речь императора. При закрытии сессии Бадени пришлось слышать громкие крики с депутатских мест: «Долой! В отставку! В отставку!»

В промежутки между преждевременно закрытой, весенней сессией рейхсрата и новой сессией, которая была открыта осенью, распоряжения Бадени продолжали быть злобой дня австрийских немцев вообще и, в особенности богемских. Народные манифестации с зажигательными речами, принимавшими нередко прямо революционный характер, и с распеванием национального германского гимна (*Wacht am Rhein*) так и следовали одна за другой. Случалось, что эти демонстрации сопровождались стычками с кровопролитием, как это было в немецком городе северо-западного угла Богемии Эгере (по-чешски Хэбе), месте убийства Валленштейна. Мало того, выборные власти местного самоуправления стали отказываться от изменения разных поручений, которые им давались в силу министерских распоряжений. Все лето 1897 г. прошло в волнениях, разжигавшихся еще газетной полемикой, когда же в октябре снова собрался рейхсрат, в нем стали повторяться весенние сцены, усложнившиеся еще настоящими драками. При самом открытии заседаний Вольф крикнул Бадени, что он совершает подлость, и результатом этого была дуэль, в которой министр получил рану. Обструкция тоже была пущена в ход со злым намерением не дать состояться голосованию о продлении соглашения с Венгрией на новое десятилетие ввиду истечения срока, на которое это соглашение заключалось. В венском парламенте стали повторяться сцены, происходившие в лондонском времен парнеллевской обструкции. Однажды речь немецкого депутата, начатая вечером, окончилась только утром следующего дня, а малейшие попытки председателя, — кстати, как и премьер не нем-

---

чехов по твердым башкам. См., например, слова Крамаржа в III т. издания «*Česká politika*», с. 607: «*Surowost slavila pravé orgie, a Mommsen se postaral, aby ji postaveno bylo monumentum aere perennius*». С польской стороны возражал проф. права Oswald Balzer в «*Offenes Schreiben an Dr. Th. Mommsen*» (1897).

ца, а поляка Абрагамовича¹, — встречались со стороны obstructionистов шумом, стуком по пюпитрам, криками и т. п. Чтобы положить конец такому невозможному положению дел, большинство решилось изменить наказ рейхсрата, дав председателю право исключать на три заседания членов, которые препятствуют правильному ходу занятий палаты, и даже удалять их, в случае неповиновения, силой при помощи внутренней полиции рейхсрата. Разумеется, провести такое изменение наказа можно было только необычным путем: именно сделанное в этом смысле предложение одного из членов большинства было немедленно принято без всякого обсуждения этим большинством, как один человек, вставшим и тем заявившим о своем согласии на такую меру. Абрагамович имел смелость заявить, что предложение было принято единогласно: правда, и оппозиция вскочила со своих мест, но только от изумления и негодования. Дело, конечно, так просто кончиться не могло. Крайняя левая на парламентский *conseil d'état* ответила парламентской революцией, в которой главную роль играли социал-демократы. Председателя прогнали с его места, завладели его колокольчиком с криком: «Да здравствует революция!»; бумаги президиума поразбросали, обратили в бегство и самих министров и т. д., вслед за чем произошла свалка с полицией, наконец и очистившей залу. Однако революция, усмирённая в зале, вышла затем на площадь перед зданием рейхсрата, куда явились целые толпы народа, особенно рабочих, а вместе с ними и войска — разгонять народ лихой атакой конницы, ружейными выстрелами и т. п. Между тем Бадени решил после всего этого подать в отставку, о чем и поспешил сообщить народу находившийся в здании ратуши, почти рядом с рейхстагом, бюргермейстер Люэгер². Быстро последовали один за другим императорские указы об отсрочке заседаний, потом об отставке Бадени, наконец, о закрытии сессии. Так плачевно кончилось министерство Бадени³.

¹ Председателем, собственно говоря, был тирольский клерикал Катрейн, а Абрагамович — товарищем председателя (а другим — «младочех» Крамарж).

² Люэгер (Luéger, а не Lüger), когда-то демократ, — одна из наиболее шумливых личностей австрийской реакции. Разделяя с главой «всенемцев» Шённером его шовинизм и антисемитизм, он раскололся с ним в двух отношениях: в отношении религиозном Люэгер — католик, друг клерикалов, один из вождей христианско-социальной партии, тогда как Шённерер оказывал большее благоволение к протестантизму, в отношении же розыска главных врагов, кроме евреев, Люэгер усматривал их не столько в лице славян, сколько в мадьярах, эксплуатирующих Австрию с 1867 г. Положение столичного городского головы сделало его очень видной фигурой в жизни Австрии. Но этого положения Люэгер достиг не без препятствий. Бадени в начале своего министерства дважды не допускал его утверждения, причем ему пришлось распустить городской совет и назначить новые выборы, но достиг этим только сильноного брожения в венском населении.

³ По определению Шпрингера австрийская политика со времени падения первого бюргерского министерства следовала двум руководящим принципам, которые он формулирует так: 1) «Австрия — главная опора католицизма в Европе» и 2) «Австрия — федерация западных и южных славян под конституционным скипетром Габсбургов». Первый принцип «вырос из жажды реванша со стороны клерикалов (за 1870 г.) и феодалов» (за поражение 1866 г.), а вторая

Преемником его на посту премьера был один из его товарищей по только что павшему министерству, немец, барон Гаутч фон Франкентурм, в руках которого был портфель народного просвещения. Эта перемена вызвала сильные беспорядки в Чехии, где отставка Бадени была встречена крайним раздражением большинства населения. В целом ряде городов произошли антинемецкие демонстрации, сопровождавшиеся насилиями над немцами, а заодно и над евреями. В Праге, например, камнями были повыбиты стекла в домах многих немцев и евреев, разгромлено несколько принадлежавших им магазинов, и подверглось нападению здание немецкого университета, что повлекло за собой введение в городе осадного положения. Главную роль в этом погроме играли чешские националисты разных направлений, тогда как, наоборот, рабочие, принадлежавшие к социал-демократической партии, старались положить конец диким уличным сценам, разыгравшимся под влиянием национальной вражды ко всему не-чешскому. Эти беспорядки происходили в декабре 1897 г.¹, и осадное положение в Праге продолжалось до февраля следующего года, когда был открыт в столице Чехии земский сейм. Опасаясь, что во время сессии сейма могут возникнуть новые беспорядки, власти запретили студентам немецкого университета в Праге появляться на улицах города со своими цветными лентами и другими знаками принадлежности к немецкому корпоративному студенчеству, как бы обладавшими свойством раздражать чехов, которые видели в таком оказательстве немечества вызывающую демонстрацию. На это запрещение студенты ответили забастовкой, которая должна была распространиться на все высшие учебные заведения Австрии с немецким языком преподавания. С этой целью в одном из городов Богемии (Лейтмерице) состоялся академический съезд, куда приехало несколько немецких депутатов и профессоров, и принятая на нем резолюция о забастовке немедленно стала приводиться в исполнение: немецкие студенты разных высших учебных заведений прекратили посещение аудиторий и стали применять обструкцию по отношению к профессорам, продолжавшим чтение лекций для своих слушателей из разных славянских

мысль «созрела в голове польской шляхты и чешской буржуазии», соединение же того и другого «получило свое высшее выражение в министерстве графа Бадени», но «ни для одного из этих принципов, — прибавляет Шпрингер, — нет компактного, перевешивающего большинства среди населения». Национальная проблема (1909), с. 203. «Бюргерское министерство» (Bürgerministerium), о котором сказано в начале цитаты, это — тот кабинет, который образовался вслед за введением австрийской конституции 1867 г. и получил это название вследствие своего состава не из родовитых людей, т. е., так сказать, «плебейское», или «мещанское министерство», *ministère des roturiers*, как данный кабинет называют по-французски; поэтому напрасно русский переводчик книги Шпрингера называет его не «бюргерским», а «буржуазным», что придает термину совсем другой смысл.

¹ Почти одновременно с этим в Галиции были еврейские погромы, в Штирии нападения немцев на словенцев, а в Южном Тироле и Триесте итальянские подданные Австрии горели желанием присоединиться к Италии.

национальностей, которых в университетах везде было, конечно, немало. Академические беспорядки приняли такие размеры, что в феврале же правительство объявило о временном закрытии высших школ.

Когда Бадени приглашался занять министерский пост, на него возлагались в высших сферах особые надежды относительно возобновления австро-венгерского соглашения и празднования императорского юбилея. Рейхстаг после отставки Бадени не был в сборе, и новый министр провел соглашение с Венгрией на прежних условиях по 14-й статье конституции, дающей императору право, в случаях настоятельной надобности, издавать временные законы в отсутствие рейхсрата. Дело это прошло сравнительно гладко вследствие предварительного соглашения с вождями партий, но по поводу юбилея произошли новые раздоры. Отдельные земские сеймы монархии, собранные в конце 1898 г., обратились к Францу-Иосифу с рядом поздравительных адресов, из которых, в виду только что разыгравшихся событий, особое значение получил адрес от сейма Богемии. Автором этого адреса был Карл Крамарж, стоявший на точке зрения чешского государственного права¹, но немецкие депутаты, узнав о содержании адреса и видя, что в его пользу составит большинство, отказались принимать участие в его обсуждении и ушли из залы заседаний с намерением и вообще более в ней не появляться. Отрицательное отношение немцев к содержанию адреса было поддержано и наместником, гр. Куденгофом, сказавшим, что основная идея адреса совершенно для правительства неприемлема, но председатель сейма, князь Лобкович, один из виднейших представителей партии чешских феодалов, ответил, что для его партии, всегда отстаивавшей известные принципы, точка зрения того или другого правительства безразлична². Сейм устроил овацию своему президенту, но весь этот инцидент знаменовал не что иное, как разрыв чехов с правительством, которое до тех пор ими поддерживалось. Что к чешскому адресу так отнеслись немцы, это будет вполне понятно, если мы примем в расчет, что он был составлен в духе решительного федерализма и возвращения от действовавшей в то время системы непосредственных выборов в рейхсрат к прежней системе делегаций от земских сеймов³. Все, что происходило тогда в австрийской половине монархии, чешский адрес вменял в вину преимущественно «противоестественному» централизму, который лишил земский сейм права посылать своих представителей в рейхсрат, сделав из последнего арену непосредственной борьбы в высшей степени противоречивых национальных и экономических интересов. Адрес указывал далее на то, что централистическая бюрократия неспособна, как следует, разрешать задачи,

¹ *Kramář K. Ceské státní právo* (1896).

² Крамарж как докладчик комиссии об адресе тоже говорил, что правительства приходят и уходят, а право остается (*vlády přicházejí a odcházejí, ale právo zůstává*).

³ О замене одного порядка другим в 1873 г. см. в первой части настоящего тома.

требующие знания местных условий, нужд и интересов. Поэтому в адресе рекомендовалось возвращение монархии к ее историческим и естественным основам, возвращение и Чехии к ее прежнему положению в монархии. «Этим, — сказано было еще в адресе, — отнюдь не устраняется необходимость общего представительства для общих дел, которые суть, на самом деле, общие для всех отдельных королевств и земель дела», но и при существующей конституции можно расширить права земских сеймов, равно как обособить управление Чешского королевства, которое притом должно оставаться «единым и нераздельным» с признанием в нем за каждым обывателем права обращаться ко всем местным властям на своем языке и с проведением справедливой реформы выборов. Наконец, в адресе выражалось упование, что государь приедет в Прагу венчаться священной короной святого Вацлава.

Между тем барон Гаутч издал новые распоряжения о языках, изменявшие распоряжения Бадени в смысле, более благоприятном для немцев, что, впрочем, последних несколько не удовлетворило. В том, что теперь объявлялось, прямо указывалась необходимость законодательного урегулирования вопроса, пока же издавались временные правила. Это была одна уступка требованиям немецкого общественного мнения. Далее, составление деловых бумаг на двух языках отменялось, и наоборот, предписывалось в протоколах, решениях и ответах пользоваться языком, на котором к должностным лицам обращались люди, имевшие к ним дело. Вместе с этим Богемия разделялась на округа чисто чешские, чисто немецкие и смешанные, что делало для чиновников обязательным знание обоих языков только в смешанных округах. В Моравии такого деления округов установлено не было, т. е. здесь была предписана двуязычность. Чехи тоже остались недовольны новым распоряжением, как и вообще самим бароном Гаутчем, отставки которого чешские газеты стали требовать немедленно после разрыва большинства богемского сейма с правительством¹.

Демонстративный уход немцев из пражского сейма состоялся 26 февраля, распоряжения о языках, подписанные еще за два дня перед тем, обнародованы 4 марта, а 5 марта уже была опубликована отставка барона Гаутча с назначением министром-президентом богемского аристократа гр. Франца Туна-Гогенштейна. Чехам это был человек очень хорошо известный. Член австрийской палаты господ и богемского сейма, он принадлежал к феодально-клерикальной партии, что ставило его во враждебные отношения к немецким либералам и централистам. В начале своей политической деятельности он очень определенно высказывался за необходимость осуществления чешского государственного права и коронования Франца-Иосифа в Праге чешским королем. Это не помешало ему сделаться богемским на-

¹ Барон Гаутч далеко не был врагом чешской национальности, что недавно засвидетельствовал сам Крамарж. *Česká politika*, III, 627.

местником, как раз в то время (1889 г.), когда там происходило сильное национальное и демократическое движение, которое он стал подавлять самыми суровыми мерами¹. При Бадени Туну пришлось оставить свою должность, так как «младочехи» поставили это условием своего содействия кабинету Бадени. Нужно прибавить, что Тун был в ссоре и с богемскими немцами, но каким-то странным образом это и выдвинуло его при дворе, как человека, который должен был примирить обе национальности. Назначенный преемником Гаутча, Тун, взяв на себя в новом кабинете министерство внутренних дел, пригласил к участию в нем членов разных групп правой, которая раньше была в союзе с Бадени. Из славян в состав кабинета вошли «младочех» Иосиф Кайзль, сделавшийся министром финансов, и поляк Иендржеёвич — для Галиции. Чехи не могли быть довольны вступлением Кайзля в министерство такого деятеля, как гр. Туна, оставившего по себе недобрую память во всех слоях чешской нации, — кроме, конечно, феодалов, к которым принадлежал он сам.

Министерство гр. Туна не было счастливее своих предшественников. В рейхсрате, созванном 21 марта, снова начались бурные заседания, заставлявшие закрывать заседания. Потом опять их открывали, но снова ненадолго и опять закрывали. Срок временного соглашения с Венгрией истекал, но правильным порядком продолжить его не удавалось, так что опять пришлось возобновить его при помощи 14-й статьи конституции. Тем же порядком Кайзль установил и бюджет, который не мог быть вотирован рейхсратом. Имея против себя все немецкие партии, гр. Тун счел осенью 1899 г. совершенно для себя невозможным впредь оставаться у власти и вышел в отставку. Новое министерство образовалось под председательством гр. Клари-Альдрингена, бывшего наместником Штирии. Это было уже полной ликвидацией политики Бадени.

Еще при Туне, весной 1890 г., разные немецкие партии объединились в общий союз и обнародовали свою национальную программу. Главными пунктами этой программы были отмена 14-й статьи конституции, изменение условий соглашения с Венгрией в смысле отказа от уступленных ей преимуществ, более тесное единение с Германией с образованием таможенного с нею союза, признание законодательным порядком за немецким языком значения всеобщего языка для сношений (*Vermittlungssprache*), обязательного во всей Австрии для чиновников, адвокатов и нотариусов, но с правом употребления местных языков в южной части Тироля, в Галиции и в чисто чешских округах Богемии, для чего должно было бы быть совершенно перераспределение последней на этнографические округа. Понятное дело, распоряжения о языках, сделанные Бадени и Туном, подлежали, с немецкой точки зрения, отмене. Новое министерство гр. Клари не

¹ Přiblížení se hr. Thuna k českému národu bylo dost překvapující. Činnost jeho jako mistodrá itele nenechala v českých srdcích teplé vzpomínky. Česká politika, III, 628.

замедлило исполнить последнее желание и через две недели после своего вступления во власть отменило распоряжения предыдущих кабинетов. На этот раз протестовать стали чехи и в рейхсрате, и в стране. В Богемии и Моравии снова начались волнения, умирившиеся при помощи войска. Запасные нижние чины из чехов при переключке стали, вместо немецкого «hier», выкрикивать «zde», хотя за это их подвергали наказаниям, чешские же деятели, не исключая и депутатов, их одобряли. На почве этих постоянных «zde» в начале 1900 г. произошла даже необычайная для чопорного венского этикета сцена. В числе лиц, оправдывавших проступки чешских солдат против дисциплины, был депутат и член австрийской делегации Странский. Представляясь Францу-Иосифу вместе с другими членами обеих делегаций, он получил от императора нечто вроде выговора. Странский не смолчал, заявив, что он только исполнял свой депутатский долг. Франц-Иосиф рассердился, пригрозил объявлением осадного положения, если будут и впредь не повиноваться, и сказал, что ни один из приговоренных за это к наказанию не получит от него помилования. Странский продолжал настаивать на своей правоте, указывая, что закон даже и не предписывает непременно говорить «hier», и тогда Франц-Иосиф резко стал обвинять чешскую интеллигенцию, что это она-де мутит простой народ, и решительно заявил, что в вопросе о языке в армии, каковым должен быть немецкий, уступки быть не может. Странский опять возразил, сославшись на могущие из всего этого получиться «достойные сожаления следствия», раз не найдено будет выхода, приемлемого для чешского национального чувства. «И я, — отрезал ему император, — тоже буду этим огорчен, но еще раз повторяю вам: не затрагивайте больше армии».

Незадолго до этого необычного разговора между главой государства и оппозиционным народным представителем и министерство гр. Клари уже более не существовало, продержавшись лишь два с половиной месяца. На очереди стояло обсуждение вопроса о соглашении с Венгрией, которое гр. Клари хотел провести конституционным путем, но чехи начали опять обструкцию, и дело кончилось отставкой министерства, назначением чисто бюрократического кабинета и новым проведением австро-венгерского соглашения по 14-й статье. За кабинетом Виттека, просуществовавшим только один месяц, последовало министерство Кёрбера, сделавшего новую попытку чешско-немецкого примирения, попытку, опять не увенчавшуюся успехом. В весенней своей сессии 1900 г. рейхсрат снова был ареной, на которой разыгралась чешская обструкция, заставившая правительство сначала закрыть заседания, а через три месяца и распустить рейхсрат с назначением выборов на январь 1901 г. Первый год нового XX столетия был опять свидетелем бурных сцен, давших министру-президенту даже повод пригрозить приостановкой конституции и возвращением к абсолютизму. Любопытно, что во время бывших в этом году парламентских пререканий

чехи предлагали немцам уж лучше прямо объявить, что они стремятся сделаться пруссаками, на что один из националистов ответил заявлением о своем и товарищей своих действительном желании присоединиться к Германской империи, «а вы, — прибавил он по адресу чехов, — хотите сделаться подданными России».

Национальная борьба в Австрии сделала в конце XIX в. не только совершенно невозможной правильную конституционную жизнь, но и повлекла за собой одно интересное явление в настроении и поведении австрийских немцев. Впрочем, что касается первого результата, то иногда само правительство искусственно создавало условия для применения 14-й статьи. Когда в 1898 г. в рейхсрате узнали о состоявшемся между австрийским и венгерским министрами уговоре относительно нового проведения Ausgleich'a на основании 14-й статьи, буде рейхсрат окажется неработоспособным, оппозиция в рейхсрате стала вести себя довольно тихо и смирно, дабы лишиться правительства предлога закрыть сессию, но это не помогло: сессия все-таки была закрыта, и статья 14 применена снова.

Если одним результатом национальной борьбы было прекращение правильного функционирования парламента, то другим было возникновение среди австрийских немцев пангерманизма. Главой крайних немецких националистов (Deutchnationale) или так называемых еще «все-немцев» (Alldeutschen¹) в Австрии сделался в это время Шёнерер, бывший депутатом еще в семидесятых годах и тогда уже прославившийся разными крайностями националистического характера. К числу отличительных черт его политической физиономии нужно отнести еще самый рьяный антисемитизм², который он стремился привить к венскому немецкому сту-

¹ В брошюре С. Лозинского «Национальный вопрос и политические партии в Австрии» (1907 г.) приводится длинная выдержка из одного воззвания немецких националистов (1885 г.), откуда приводим несколько строк: «Мы требуем для Австрии такой реформаторской политики, какую в Пруссии проводит Бисмарк. Мы требуем положить конец неслыханной эксплуатации крестьян и ремесленников... мы требуем... заставить движимый капитал, а в особенности биржу, платить налоги. Все это будет возможно лишь в том случае, если, во-первых, будет устранено влияние евреев из общественной жизни... а во-вторых, если народное представительство будет основано на принципе справедливости, национализма и народности». Далее требуются объединение в одно целое земель, входивших раньше в состав Германского союза, объявление в них немецкого языка государственным, вступление их в тесный союз с Германией с отдачей в пользу Венгрии как Далмации с Боснией и Герцеговиной, так, пожалуй, и Галиции с Буковиной.

² После всего, что уже было сказано об антисемитизме в Германии и во Франции (см. выше), можно ограничиться лишь немногими замечаниями об антисемитизме в Австрии. Особым условием для его возникновения в Австрии было то, что здесь евреи стали играть такую видную роль, как нигде. С конца шестидесятых годов наплыв евреев в Вену сделался явлением, не могшим не бросаться в глаза. С 1860 по 1886 г. число евреев в столице увеличилось на 80%, тогда как христиан — только на 11%. Они стали играть видную роль не только в промышленности и торговле, но и заполнять либеральные профессии, так что в конце восьмидесятых годов евреев было 40% среди университетских преподавателей, 50% врачей, более 50% присяжных адвокатов и т. п., не говоря уже о прессе. Такие цифры давали австрийским анти-

денчеству. За одну свою грубую выходку он попал однажды, в конце восьмидесятых годов, в тюрьму и был лишен дворянства. Удалившись было в частную жизнь, он в 1897 г. был снова выбран в рейхсрат. Его ближайшим товарищем был антисемитический журналист Карл Вольф, тот самый, который дрался с Бадени на дуэли и его ранил. На общих выборах 1897 г. шёнерианцев прошло в рейхсрат четыре человека из общего числа 46, а впоследствии (в январе 1901 г.) их было уже двадцать один. Немецких националистов этого направления оскорбляло то, что министрами и даже главами министерств, председателями и товарищами председателя рейхсрата могли делаться чехи и поляки и что издавались такие распоряжения о языках, которые наносили ущерб немецкой нации. Их взоры все чаще стали обращаться к соседней империи, и они, не стесняясь, готовы были жаловаться туда на утеснения немцев в Австрии или заявлять, что их мечта — присоединение к истинному германскому отечеству; они не останавливались и перед такими словами, в которых более строгие власти легко могли бы найти и государственную измену, и оскорбление величества или династии. Так как главные враги немцев, т. е. славяне вообще и в особенности чехи были в союзе с немецкими клерикалами, то лозунгом пангерманистов сделалось «los von Rom», «прочь от Рима», а формой национального протеста против славянско-клерикального направления политики — массовые переходы в протестантизм, целыми тысячами в течение одного месяца. В одной Вене в неполные десять лет от начала этого движения (по апрель 1907 г.) перешло в протестантизм из католицизма около 37 тыс. человек. Этому движению оказывали сильную поддержку из Германии тамошние религиозные ассоциации¹.

семидам возможность сваливать на евреев все экономические беды, переживавшиеся населением Австрии вследствие и в ней происходившего процесса концентрации, поддерживавшегося манчестерской политикой правительства. Между прочим, австрийские антисемиты внушали своим слушателям и читателям ту мысль, что сам социализм есть не что иное, как ловкая еврейская выдумка для отвода глаз от истинных виновников всех бедствий, которой они и морочат народ: недаром же во главе австрийской социал-демократии стоит еврей (Адлер). При этом указывали на Германию, где Бисмарк не давал-де воли еврейским социалистам. Кроме указанного выше соч. J. S. Bloch'a, см. статью во II т. «Еврейской энциклопедии». Кое-что об общевосточных отношениях есть в специальной главе «Żydzi» второго тома книги W. Feldman'a «Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi» (1907).

¹ «Gustav Adolfverein», основанный в 1832 г., и более новый (с 1886—1887 гг.) «Evangelischer Bund zur Wahrung der deutschprotestantischen Interesse». Последний имел особенно боевой характер, будучи основан в эпоху отказа Бисмарка от «культуркампфа», в виде отчасти как бы протеста против правительства. Вообще еще раньше австрийские немцы в своей борьбе со славянами пользовались всегда и моральной, и материальной поддержкой своих германских единоплеменников. Она оказывалась, например, немецкому школьному союзу (Deutscher Schulverein), возникшему в Австрии в 1880 г. и в 1883 г. уже имевшему более 60 тыс. членов: ему присылали денежную помощь чисто германские организации, центром коих был Берлин. *Stacke L. Neueste Geschichte* (7-е изд. 1908 г.). S. 508.

От этой национальной распри, происходившей в Австрии и ослаблявшей ее правительство, Венгрия только выигрывала. Соединение Венгрии с Австрией было признаваемо в Венгрии существенно необходимым для самой же Венгрии¹, но, конечно, соединение это, полезное политически, должно было и в экономическом отношении приносить Венгрии особые выгоды. Вспоминая условия соглашения 1867 г., мы легко можем понять, что австрийский обструкционизм мадьярам приносил только пользу. Соглашение в семидесятых и восьмидесятых годах возобновлялось правильным порядком, но в конце девяностых годов начала действовать 14-я статья австрийской конституции, т. е. венгерскому парламенту приходилось теперь иметь дело уже не с австрийским парламентом, а с австрийским правительством, лишенным какой бы то ни было поддержки со стороны народного представительства и бывшего готовым идти на всякие уступки, лишь бы возобновить *Ausgleich*. Хотя одним из важнейших условий договора 1867 г. и было со стороны мадьяров, чтобы в Австрии была введена конституция, так как Венгрия желала «вступать в сношения по общим с другими землями монархии делам только с конституционными правительствами этих земель», тем не менее через тридцать лет это условие как бы забывалось, когда в Австрии обходились при помощи 14-й статьи без утверждения соглашения рейхсратом. Мадьяры к этому времени свыклились с той мыслью, что, собственно, им нет никакого дела до того, что происходит в Австрии и кто там у власти, лишь бы только Австрия не уклонялась от условий договора. В 1887 г. соглашение было возобновлено во второй раз совершенно благополучно. Через два года императорская армия в угоду мадьярам стала именоваться императорской и королевской, а в 1895 г. это дуалистическое обозначение было распространено и на императорский двор. Оккупация Боснии и Герцеговины, которые должны были управляться общим министром финансов под высшим надзором обоих правительств, придавала особую значительность этой должности, которая была отдана мадьяру Слави (*Szlávy*) вследствие желания Франца-Иосифа, чтобы после отставки Андраши кто-либо из мадьярской национальности был в составе общего министерства, а потом министром финансов и правителем Боснии и Герцеговины сделался Каллай, тоже мадьяр (между прочим, введший в обеих провинциях воинскую повинность с присягой новобранцев императору и королю). Мы уже видели, что третье продление австро-венгерского соглашения при Гаутче произошло путем применения 14-й статьи австрийской конституции, но только на один год, и что потом

---

¹ «Für Ungarn wäre es nicht so leicht, sich von Österreich zu trennen, wie das bei Norwegen und Schweden der Fall ist... Deshalb müssten wir, wenn wir nicht schon bisher mit Österreich in einem Bündnisse gelebt hätten, Österreich mit alien unsern Kräften, selbst mit bewaffneter Gewalt zwingen, ein ständiges staatsrechtliches Bündniss mit uns einzugehen». Mercator. Die Nationalitätenfrage und die ungarische Reichsidee (1908), с. 36.

это стало повторяться. В это время в Венгрии первым министром был уже не Тисса, а Банфи, сам сменивший в 1895 г. одного из его преемников. В 1897 г. Банфи удалось убедить венгерский парламент согласиться на годичную отсрочку заключения нового договора с Австрией под условием обращения, в случае его незаключения, к совершенно самостоятельному законодательству по экономическим вопросам, как это, впрочем, и предвиделось первоначальным соглашением 1867 г. Летом 1898 г. в дачной резиденции Франца-Иосифа, Ишле, состоялось совещание бывшего тогда главой австрийского министерства Туна и нарочно приехавшего туда Банфи под председательством самого императора. Венгерский министр-президент вошел в соглашение с Францем-Иосифом насчет некоторых изменений в условиях Ausgleich'a, которые за известные уступки в пользу Венгрии дали бы возможность австрийскому правительству обойтись без санкции рейхсрата. Мы знаем, что в этом году еще раз была применена 14-я статья, но в Венгрии сделка Банфи с австрийским правительством встретила оппозицию, как совершенно не конституционный поступок. Сторонники Банфи хотели дать ему заранее индемнитет¹ специальным законом, который, однако, предполагали провести не через палату, где могла бы произойти обструкция, а в частном заседании либеральной партии, составлявшей в палате большинство, но против этого восстали наиболее влиятельные члены партии, между которыми находился и сам председатель палаты. Надежда Банфи на то, что его неконституционный образ действий не будет ему поставлен в вину вследствие выторгованных им для Венгрии материальных выгод, оказалась тщетной, и ему пришлось выйти в отставку, что уничтожило и сделку, заключенную им в Ишле. Такой исход дела был равносителен поражению политики самого Франца-Иосифа, на он вынужден был с этим примириться и назначить первым министром Коломана Селля (Széll), который, в свою очередь, предложил новые условия соглашения. По его предложению, венгерский парламент принял постановления, в силу которых Венгрия могла установить экономические законы с обязательным действием до 1907 г., существующие торговые договоры не могли бы быть продолжены далее 1903 г., а к этому сроку должен был быть выработан новый тариф. В Австрии то, что было вотировано венгерским парламентом, было введено простым велением власти². Венгрия еще раз вышла победительницей, воспользовавшись внутренними неладами Австрии. В начале XX в. у венгерского парламента произошел и резкий

---

¹ От нем. *indemnität* — освобождение от ответственности за парламентскую деятельность. — *Прим. ред.*

² Совершить правильное возобновление Ausgleich'a удалось только в 1907 г. Прибавим, что при установлении общих расходов происходило постепенное уменьшение австрийской доли (*Quote*) в общих расходах. В 1899 г. она была понижена с 68,6% до 66,92%, а в 1907-м — до 63,6%.

конфликт с самой короной из-за желания мадяров, чтобы в Венгрии была своя особая национальная армия с командой на мадярском языке и с отдельными военными знаками.

Внутри Венгрия за рассматриваемый период продолжала быть по-прежнему ареной борьбы национальностей против господствующего мадьяризма, но борьба здесь не могла получить такого политического значения, как в цisleйтанской половине монархии, потому что в своем более централизованном государстве¹ мадяры сохранили господствующее положение, да и сами подчиненные им народности, кроме одной хорватской, не имели в своем распоряжении тех средств борьбы, какие были, например, в руках чехов.

Страна в экономическом отношении страшно отсталая, Венгрия не имела и в конце XIX в. сколько-нибудь развитого городского населения: ни влиятельной буржуазии, ни многочисленного городского пролетариата. По-прежнему главными ее общественными классами были землевладельческое дворянство из господствующей народности и бедное и забитое крестьянство, большей частью происхождения славянского и румынского, притом же с вообще слабым развитием среди этой массы мелкого землевладения. В 1890—1900 гг. на каждую тысячу жителей было занято земледельческим трудом около 700 человек, но на каждого мелкого собственника средним числом приходилось лишь по 1,1 гектару земли, тогда как средняя величина крупной собственности исчислялась в 3831 гектар, и вся крупная собственность занимала около 15/16 поверхности страны. Одного сельского пролетариата было в Венгрии около 1900 г. 7,5 млн. Население городов нередко и в начале XX в. состоит из землепашцев. Очень умеренные потребности этого населения за все рассматриваемое время удовлетворялись исключительно крупной австрийской промышленностью, для которой отсутствие таможенной границы между обеими частями монархии и высокое обложение иностранного ввоза создали своего рода монополию, мешающую развитию промышленности в самой Венгрии. Крупные землевладельцы для того, чтобы иметь легкий сбыт для своего хлеба в Австрию, считали для себя всегда более удобным не ставить никаких препятствий стремлению Австрии к монополизации венгерского рынка для своей промышленности, и около 80% всей венгерской торговли приходилось на австрийский ввоз². Оставаясь страной по преимуществу земледельческой, Венгрия не может, однако, похвастаться прогрессом своего сельского хозяйства. Благодаря американской конкуренции на мировом рынке

¹ О большей централизованности Венгрии см. т. VI, ч. I.

² Все указания на экономическое состояние заимствованы из статьи J. Racz'a «L'état économique et social de la Hongrie au vingtième siècle», занимающей с. 3—56 названной выше книги «La Hongrie contemporaine». См. там же статью A. Bolgâr'a об эмиграции из Венгрии, с. 57—62.

цены на хлеб здесь стали падать, и, чтобы наверстать потери, венгерские помещики усилили самую беззастенчивую эксплуатацию сельской рабочей массы¹.

Господствующий в Венгрии класс, мадьярские землевладельцы, во многих случаях даже не находил нужным считаться с потребностями и стремлениями других классов². Преобладающим в нем мнением было всегда то, которое указывало на союз с Австрией как на лучшее средство сохранения за собой — при помощи династии — своего господствующего положения. Если среди класса крупных и средних собственников и возникло оппозиционное течение против Австрии, то его объясняют желанием некоторых представителей этого класса получить в свою пользу голоса тех избирателей, которые недовольны результатами унии с Австрией, но, в сущности, весь владельческий класс очень солидарен в своих отношениях к условиям союза с Австрией, которые не позволяют развиваться обрабатывающей промышленности в Венгрии и тем держать ее буржуазию в приниженном состоянии. Все нападки мадьярских политиков на соединение с Австрией поэтому не отличались никогда совершенной искренностью³. Сея в народе вражду к Австрии, они, собственно, хотели только внушить ему мысль, что все беды происходят не от чего иного, как от соединения с Австрией, как в Австрии, в свою очередь, люди, подобные Люэгеру, сваливали чуть не все вредное на мадьяров. В глубине души весь государственный сейм Венгрии стоит за союз с Австрией и с династией, ибо только этот союз обеспечивает за мадьярским элементом и социальное, и национальное господство. Демократов (да и то из мелкой еврейской буржуазии) в этом сейме в начале XX в. было лишь четыре человека, притом тоже настроенных крайне националистически в мадьярском смысле, а социал-демократов не было ни одного, тем более что сама социал-демократическая партия, как политический фактор, возникла в Венгрии лишь в 1899 г.

Мадьярский национализм в конце XIX в. делал все большие успехи. Если раньше угнетенные мадьярами национальности протестовали против закона 1868 г. о языках, то к концу XIX в. они стали, наоборот, всячески его защищать ввиду усиления насильственной мадьяризации; что же

¹ Rónai Z. Le bilan de la politique sociale hongroise (с. 63—89 той же книги).

² «C'est donc la classe des propriétaires fonciers, unie aux fonctionnaires issus de son milieu qui presque toute seule domine ce pays. Et cet état hongrois redoute si peu la bourgeoisie actuelle» и т. д. Z. Rónai, с. 63. «En 1872 et en 1884 la peur de la classe ouvrière n'existait pas encore», с. 79.

³ Так, с большой убедительностью представляет дело мадьярский же писатель P. Szende в помещенной все в той же книге статье «Les partis politiques hongrois et l'union avec l'Autriche» (с. 90—108). «La noblesse hongroise, — говорил он, — n'a jamais protesté contre la politique douanière autrichienne qui tendait à maintenir la Hongrie au niveau d'une colonie livrée à l'exploitation autrichienne... Le parti qui s'est formé au sein de la classe dirigeante et prétend vouloir relâcher les liens du dualisme, n'est pas sincère et ne tend qu'à tromper les électeurs. Les partis qui ont critiqué le régime de l'union avec l'Autriche, ont simplement brigué la popularité pour arriver au pouvoir et ont voulu détourner l'attention publique de certaines questions dangereuses pour leur hégémonie», с. 93.

касается мадьяр, то они, напротив того, пришли к мысли, что закон 1868 г. должен быть изменен в более благоприятном для мадьярской национальности смысле. Мадьярские власти начали различными способами искажать смысл закона в его применении и подвергать преследованию всех протестующих, как изменников — наравне с социалистами¹. Если уже в парламенте редкие депутаты не из мадьяр подвергаются насмешкам и оскорблениям, то чего же должны ожидать бедные словацкие или румынские крестьяне?

Единственной национальностью в Венгрии, которая могла еще оказывать сопротивление мадьярам, были хорваты, обеспечившие себя особым соглашением. В 1879 г. хорваты, в противоположность мадьярам, были большими сторонниками оккупации Боснии и Герцеговины, населенных их единоплеменниками, и даже мечтали об аннексии этих земель, имея в виду создать вместе с ними «великую» Хорватию и занять в монархии самостоятельное место. Мадьяры были крайне недовольны этими стремлениями, но при возобновлении соглашения заставили хорватов умерить свои требования, только расширив хорватскую территорию прирезкой к ней пограничной полосы земли. В начале восьмидесятых годов большие волнения произошли в столице Хорватии, Загребе, вследствие сделанной там попытки заменить хорватские вывески на общественных зданиях вывесками на двух языках. Дело доходило до побоищ и до народных вспышек в деревнях, что повлекло за собой отставку хорватского бана (наместника), но вместе с тем и приостановку действия конституции (1883 г.). Мадьяро-хорватские вывески были сняты, но и хорватские не были восстановлены. В следующем году происходили бурные сцены в местном сейме между защитниками и противниками соглашения с Венгрией, и однажды во время рукопашной схватки досталось самому бану. Франц-Иосиф дал тогда согласие на введение в Загребе осадного положения: репрессия хорватского патриотизма совершалась при временной отмене во всей области суда присяжных. И после этого происходили еще не раз хорватские волнения с антимадьярским характером. До какой степени господствующая национальность преследовала «изменников» из других народностей, показывает следующий случай. Однажды вожди румынского движения в Трансильвании подали Францу-Иосифу жалобу на обиды, чинимые мадьярами, но так как они подали эту жалобу «австрийскому императору» в Вене, а не «венгерскому королю» в Будапеште, то их предали суду. Обвиняемые не

---

¹ Jászai O. Les tendances de la politique hongroise concernant les nationalités (в той же «La Hongrie contemporaine», с. 143—157). Вот что говорит сам этот мадьярский публицист: «les hongrois chauvins murmurent contre la loi des nationalités; ils n'en exécutent plus les dispositions ou en corrompent le sens. La magyarisation est le but manifeste du parlement», с. 148. И еще: «les dépositaires de la puissance emploient à l'égard des nationalités le même procédé qu'envers les socialistes: poursuite par voie de la presse, terreur sociale, procès et punitions», с. 156—157.

желали отвечать по-мадьярски, суд не хотел их допрашивать по-румынски, и присяжные, которые были все мадьяры, признали подсудимых виновными, после чего они были приговорены судом к заключению в тюрьму на более или менее продолжительные сроки (некоторые на пять лет). «Измена», таким образом, была наказана строго. Только к евреям мадьяры оказывались более благосклонными, так как среди них стал сильно распространяться (еще с 1848 г.) мадьярский патриотизм. Чтобы облегчить добровольную мадьяризацию евреев, Тисса даже провел закон, разрешавший браки между христианами и евреями, хотя для этого пришлось сломить сопротивление палаты магнатов¹.

От Транслейтании перейдем опять к Цислейтании и остановимся еще несколько на истории чешских партий за восьмидесятые и девяностые годы и на внутренних отношениях в Галиции за эти же два десятилетия.

В начале рассматриваемого периода чехи упорно продолжали стоять на своей прежней точке зрения исторического государственного права своей страны. Это был непререкаемый патриотический догмат, которому чехи были фанатически преданы и само сомнение в котором рассматривалось как национальная измена и непозволительная политическая ересь². Этот догмат, однако, не принимал более конкретных форм, будучи скорее только отрицанием настоящего, нежели определенным планом будущего устройства монархии с государственным правом Чехии, и с ним, этим догматом, чехи заходили только в политический тупик. Мы знаем, однако, что за периодом более или менее однообразного понимания патриотического догмата настал период разного его понимания, когда чешская партия распалась на старую и молодую. «Младочехи» первые отказались от

¹ Все магнаты, получающие менее 3 тыс. гульденов, потеряли право заседать в палате и могли только выбирать из своей среды 50 представителей, да королевская власть получила право назначать (но не более 50) пожизненных членов верхней палаты (см. закон 1885 г., изменявший устройство верхней палаты; помещен на с. 194 и след. I тома сборника Гессена и Нольде) После Тиссы с 1890 г. министром-президентом был Сапари, при котором возникли вопросы о передаче церковных метрик в руки государства, о равноправии вероисповеданий и о гражданском браке. Из-за решения этих вопросов происходили сильные прения и частые смены министерств. Сначала Франц-Иосиф был против гражданского брака, потом против него восстала верхняя палата, и Франц-Иосиф не захотел исполнить требование министра-президента (Векэрле) назначить новых пэров. В конце концов гражданский брак был введен, так как Франц-Иосиф был вынужден уступать одну позицию за другой. Он даже вынужден был дать отставку Кальноки (ср. выше), стоявшему против нового «политико-церковного законодательства». В дело вмешался апостолический нунций Альярди, но чуть было не был за это изгнан из Венгрии.

² «Les tchèques faisaient de leur rêve d'indépendance un dogme, une idole. Ceux qui osaient contester sa valeur pratique ou dénonçaient la vanité de telles espérances étaient proclamés apostats et traités à la patrie. On ne vivait en Bohême que dans ce rêve du droit d'état, on ne se souciait de rien d'autre, on n'examinait les questions politiques qu'à ce point de vue. La critique était devenue une hérésie et la politique du droit d'état se changea en un fanatisme». *Beneš E.* Le problème autrichien et la question tchèque (1908), с. 268.

пассивной политики («пассивиты», как выражаются чехи), но зато проявили меньший оппортунизм, нежели «старочехи», тем не менее по внешности упорнее державшиеся за свой догмат. Другими словами, одни были решительнее в вопросах тактики, другие упорнее в главном пункте программы, хотя при первом выходе из «пассивиты «старочехи» тотчас же обнаружили свою консервативно-оппортунистическую сущность. Их тесное соединение с феодалами и клерикалами впоследствии погубило их в глазах нации, в общем отличающейся большим демократизмом.

Главной чешской партией, поддерживавшей министерство Таафе, и были именно «старочехи». Будучи весьма ловким политиком, Таафе не давал своим чешским союзникам никаких положительных, сколько-нибудь определенных обещаний и только повторял, что, находясь в союзе с властью, они достигнут гораздо большего, чем в оппозиции. «Младочехи» убеждали «старочехов» не удовлетворяться неопределенными заявлениями министра-президента и советовали заручиться положительными гарантиями относительно государственного права Чехии, но «старочехи» были против рекомендовавшейся им тактики слишком докучливых «младочехов» и говорили, что с них довольно и одного не-немецкого характера министерства. Последнее нужно было понимать, конечно, лишь по отношению к внутренней политике, потому что внешняя политика Австрии была как раз германофильская и враждебная России, т. е. к славянской державе, к которой у чехов всегда было известное тяготение. Русофильское направление было сильно в эти годы особенно среди младочехов¹, которые на поведение «старочехов» и по отношению к внешней политике смотрели как на измену. Административные распоряжения будто бы славянского министерства их не подкупали, — их, стоявших на точке зрения нарушенного государственного права Чехии: то, что дало одно министерство, другое может взять назад. Кроме того, «младочехи» требовали политических реформ вроде расширения избирательного права и т. п., и эту партию, признававшую нелегальность существования рейхсрата, не могла не раздражать «старочешская» фраза о том, что цислейтанская конституция пускает корни в жизнь чешской нации. Мы уже видели, что в 1890 г. тайно от своих соперников чешские консерваторы заключили с правительством особый договор о новом *modus vivendi* обеих национальностей Богемии. «Младочехи» протестовали против совершенной в Вене сделки, потому что она не была делом всего чешского представительства, и даже предложили всем чешским депутатам выйти в отставку. Наместник предписал конфисковать номер «Народных листов», в котором была напечатана заключавшая в себе этот протест «младочешская» резолюция. Против последней «старочехи» не замедлили тоже выпустить воззвание, в котором,

¹ Кто из тогдашних читателей газет не запомнил яркую фигуру особенно ревностного русофила Вашатога (Vášatý)!

высказываясь против общей отставки, предлагали «младочехам» действовать в желательном для них направлении в земском сейме. Помимо того, что соглашение было заключено неправильно, «младочехи» указывали еще на то, что оно не касалось Моравии и Силезии, т. е. заключало в себе как бы отказ от исторического права чешской национальности на эти две земли святого Вацлава. Равным образом, они находили неуместным и тот параграф соглашения, по которому при разделении земского сейма на две национальные курии предполагалось, вдобавок, дать в нем особое представительство крупному землевладению с установлением правила, чтобы все вопросы, касающиеся национальных отношений, решались не иначе, как с общего согласия трех курий. В этом «младочехи» справедливо усматривали тенденцию усиливать влияние крупного землевладения.

«Младочехи» решили во что бы то ни стало препятствовать осуществлению соглашения. Их страстное отношение к вопросу только усиливало административные репрессии против их агитаторов, собраний и газет, начатые наместником, который, в свою очередь, считал нужным применять тем еще большие строгости, что движение принимало прямо антидинастический характер. Соглашение было как бы личным делом самого императора, находившего, что чешско-немецкий спор им решается наилучшим образом, и чехам не могло быть неизвестным, что он даже прямо высказывал свое высочайшее неудовольствие по поводу образа действий «младочехов». Последние видели в заявлениях Франца-Иосифа недопустимое для конституционного монарха (который-де должен всегда стоять выше всяких партий) непосредственное вмешательство во внутренние дела своего королевства. Решительность, с какой «младочехи» восставали против политики правительства и «старочехов», создали им громадную популярность в народе к великому огорчению «старочехов», чувствовавших, что почва уходит у них из-под ног. Они сами поняли, что сделали большую ошибку, — и решили поправить дело при обсуждении соглашения в земском сейме. В то время, как «младочехи» занялись обструкцией при помощи бесконечных речей и массы мелочных поправок, «старочехи» тоже вдруг вздумали предложить свои поправки, в чем Таафе не мог не усмотреть своего рода измены. Мы уже упоминали о волнениях, происходивших в то же время в Праге, заставивших правительство ввести в ней военное положение.

Между тем рейхсрат в начале 1891 г. был распущен, и затем были произведены новые выборы, бывшие для «старочехов» настоящим поражением. Дело дошло даже до того, что в самой Праге глава «старочешской» партии, патриарх чешских патриотов, Ригер, не был выбран, а известие об этом его провале вызвало враждебную ему студенческую манифестацию перед редакцией «Народных листов», главного органа «младочехов». Если бы от Моравии не прошло нескольких «старочехов», то в новом рейхсрате

представителей этой партии не набралось бы и десятка, а было бы только два¹. Почти все их места перешли к их более счастливым соперникам.

Но «младочехи» не устояли на занятой ими позиции. Оказалось, что и сами они были не прочь сблизиться с правительством, которое согласилось бы опираться на славян несколько больше, чем это делал Таафе, так как среди «младочехов» было немало таких, которые дорожили больше национальной, нежели демократической частью своей программы и даже готовы были временно поступиться своим «государственным правом короны святого Вацлава» для того, чтобы отстоять интересы чешской национальности в борьбе с немецкой. Наиболее влиятельные «младочехи» с Грегром во главе подавали голоса за избирательную реформу Бадени, и только самые непримиримые (Вашатый и др.) голосовали против, требуя действительного всеобщего избирательного права и исправления избирательной арифметики в пользу славян. Сближение «младочехов» с правительственным большинством выразилось в том, что один из их среды (Крамарж) сделался товарищем председателя рейхсрата, а впоследствии другой (Кайзль) занимал пост министра финансов в кабинете Туна. Подобно тому, как раньше «старочехи», не выбрасывая из своей программы чешское государственное право, фактически пошли по широкой дороге оппортунизма, теперь и «младочехи» последовали за ними и притом не только в вопросах национального существования. В последнем отношении они все более и более отказывались от непримиримости исторического государственного права, по которому корона святого Вацлава должна была бы быть поставлена на одном уровне с короной святого Стефана, т. е. австро-венгерский дуализм должен был бы замениться австро-венгро-чешским триализмом, а потому все прочнее и прочнее становились на точку зрения австрийского федерализма, понимая его, однако, больше в территориальном, а не в национальном смысле, хотя за самое последнее время, нужно прибавить, вторая точка зрения начинает одерживать верх².

В начале последнего десятилетия XIX в. из партии «младочехов» выделилась, под названием «реалистов», небольшая группа прогрессивных депутатов с профессором философии в Пражском университете Масариком во главе³, впоследствии (1900 г.) преобразовавшаяся в Чешскую народную

¹ Всех «старочехов» было в рейхсрате в 1891 г. только 12.

² Beneš E. Le problème autrichien et la question tchèque, с. 281—284, где автор указывает еще на новейший поворот «младочехов» к федералистической идее Палацко в 1848 г., о которой см. т. V.

³ Первоначально к этому новому направлению примкнули бывшие в это время очень близкими с проф. Масариком Крамарж и Кайзль, впоследствии с ним разошедшиеся (см. выше). О реалистах недавно Крамарж написал несколько страниц (515—522) в третьем томе издания «Česká politika», где, между прочим, говорит, что «realismus nechtěl být 2 počátku samostatnou stranou», и что сам он «byl vždycky mladočechem». Своеобразную черту чешских партийных отношений представляет собой то, что на реалистов, как на плохих патриотов,

партию (*strana česká lidová*). Она отвергла идею чешского государственного права и требует справедливого по отношению к обеим сторонам решения вопроса о языках в школе, администрации и суде. Стоя на точке зрения демократического избирательного права, — которое «младочехи» уже не поместили в число своих программных требований 1899 г., — и очень сочувствуя социально-политическим реформам, эта партия стала все более и более расходиться с «младочехами», так что ее тактикой на выборах сделалось, за невозможностью проведения своих собственных кандидатов, поддерживать социал-демократов против «младочехов»¹. Кроме того, реалисты заявили себя как принципиальные противники антисемитизма, очень, наоборот, популярного в двух тоже новых демократических, но крайне националистических чешских партиях — радикальной и национально-социалистической (которую нужно отличать от партии социал-демократической, тоже образовавшейся среди чехов). Радикальная партия (*strana radikálně-státoprávní*) возникла среди той молодежи, которая принимала участие в движении, послужившем поводом для процесса против «Омладины». Что касается национально-социалистической партии (*strana národně-socialní*), то ее против социал-демократии создали «младочехи», думавшие, что это будет чисто рабочая партия, но не предвидевшие, что среди рабочих агитация в этом направлении не удастся, и что в партию, напротив, уйдет много мелкого мещанства, которое раньше шло за «младочехами»².

Поляки заняли в Австрии совсем другую позицию, нежели чехи. Вся их политика обуславливалась той основной мыслью, что не оппозиция правительству, а, наоборот, содействие его видам наиболее будет полезно их национальности и автономии Галиции³. В Вене тем охотнее шли на встречу полякам, что их стремления не требовали со стороны правительства никаких антинемецких мер, а если уже и приходилось кем-либо жерт-

---

напали защитники подлинности Краледворской рукописи, тогда как в лагере реалистов доказывали поддельность этого «новейшего произведения древнечешской письменности».

¹ Очень сочувственная характеристика стремлений партии у Beneš'a в цитированном выше труде, с. 285—287. По его убеждению, программа реалистов является «*sinon la véritable solution du problème tchèque et autrichien, du moins la voie dans laquelle il peut être résolu*».

² Так дело изображено Крамаржем на 634 с. третьего тома «*Česká politika*».

³ Американец А. Л. Лоуэлль, странным образом заявляющий, что чехи претендуют на принадлежность к славянской расе, а поляки — народ неславянского происхождения, тем не менее верно понял «мудрость» поляков, хорошо-де знающих, в чем «истинная основа политической власти в Австрии»: «они, — говорит он, — видят, что их судьба зависит от доброго расположения короны, и потому они готовы вотировать за правительство при проведении всех важных законов в обмен за разные преимущества для их национальности». Правительства и политические партии в Западной Европе, с. 308—309. Прибавим, что чехов с самого начала такое поведение («политика нищенства») поляков возмущало. «За исключением Польши, — писали однажды «Народные листы», — повсюду исполняется правило, не позволяющее лазить в трубу, чтобы наскоблить себе меду», а поляки именно и «бегают к язычникам за пророчествами».

водить польским стремлениям, так это была «рутенская» народность, которой в Вене, конечно, не дорожили. Искание помощи в Вене связывало поляков особенно сильно с придворными сферами и с феодально-клерикальными кругами¹, что, впрочем, вполне соответствовало и собственному настроению польской шляхты. Первую свою формулировку австро-польский лоялизм получил после восстания русской Польши, в адресе Францу-Иосифу от галицийского сейма, в котором было сказано: «Около тебя, все-милостивейший государь, мы стоим и хотим стоять»². Правда, и после неудачного восстания 1863 г. многие поляки все еще надеялись на пушки Наполеона III, но когда в 1866 г. Пруссия поколотила Австрию, среди некоторых краковских профессоров и публицистов (в редакции газеты «Czas»³) возникло уже очень большое сомнение относительно надежд на Францию. Люди, сначала враждебно относившиеся к политике маркиза Велёпольского в Царстве Польском, стали теперь сожалеть, что восстание 1863 г. положило конец его попытке устроить по-новому русскую Польшу, и вот в небольшом кружке, душой которого был краковский профессор Иосиф Шуйский, историк, драматург, публицист и политический деятель, явилась мысль составить общими силами анонимной памфлет против восстания 1863 г. Название ему было дано «Тека⁴ Станьчика», по имени придворного шута XVI в., играющего в исторических преданиях Польши такую же роль, какая у нас принадлежит Балакиреву: это был великий остро слов, метко и зло осмеивавший оппозиционных сенаторов и депутатов («послов»). Составители «Теки», — появившейся сначала в «Польском обозрении» («Przegląd Polski»), потом отдельно в 1868 г., — тоже очень остроумно и без всякой пощады осмеяли восстание 1863 г. Памфлет произвел сенсацию: его читали, страшно бранили, но все-таки читали, и многие стали соглашаться с выводами, какие делались из отрицательного отношения к прежней «политике приключений». У врагов нового направления, которое проповедовалось авторами «Теки», они прослыли под именем «станьчиков», — кличка, которая за ними и утвердилась. К небольшому первоначальному кружку «станьчиков» стали присоединяться многие профессора

¹ По мнению А. Свентоховского, не одни познанские, но и галицийские поляки попали в заколдованный круг. Борьба с германизмом и их связывает с реакционными элементами Австрии. Чтобы найти поддержку своей автономии, поляки в Вене становятся под реакционное знамя немецкой клерикально-феодальной партии, чем замедляют прогресс не только во всем государстве, но и в своей собственной национальности. И эта часть Польши, по мнению А. Свентоховского, находилась в начале восьмидесятых годов на распутье между денационализующим прогрессом и национальной реакционностью. Вся разница между Познанью и Галицией, по мнению А. Свентоховского, была в том, что в первой из заколдованного круга выхода не было, тогда как австрийские поляки сами загнали себя в заколдованный круг своей близорукостью политикой.

² «Przy Tobie, Najjaśniejszy Panie, stoimy i stać chcemy».

³ «Время» (пол.). — Прим. корр.

⁴ «Тека» значит «портфель».

обоих польских университетов, журналисты, депутаты — и не только венского рейхсрата, но даже и берлинского рейхстага, крупные землевладельцы, шляхта. Новая партия провозгласила, что восстаний больше не нужно, что восстание 1863 г. было величайшим национальным бедствием. Когда в 1869 г. Франц-Иосиф дал Галиции патент, допускавший польский язык в школу, администрацию и суд, «станьчики» были в восторге, превозносили Франца-Иосифа и клялись в верности Габсбургам. В 1880 г., во время посещения австрийским императором Галиции, ему был устроен самый восторженный, блестящий прием¹. Но в 1869 г. в Галицию вернулось и много эмигрантов, изгнанных из Австрии в 1864 г. за сочувственное отношение к восстанию 1863 г. Они тотчас же в своей прессе (львовские «Gazeta Narodowa» и «Dziennik Polski»²) начали кампанию против «станьчиков» и их главного органа, краковского «Часа», обвинив последний в том, что он подкуплен русским правительством. Это обвинение со стороны «тротадратов», — как прозвали «станьчики» своих противников³, — заставило главарей партии развить свою общую идею политической верности в смысле австрийского патриотизма в соединении с лояльностью и по отношению к Пруссии, несмотря на происходивший в ней в семидесятых годах «культуркампф», задевавший поляков в их религиозных чувствах, но для России было сделано исключение. Когда в Кракове в 1876 г. вышла анонимная брошюра «Ирландия и Польша», в которой положение Царства Польского было представлено неизмеримо лучшим, нежели положение Ирландии, и полякам рекомендовалась политическая лояльность по отношению к России с советом обратиться к русскому государю, как королю польскому⁴, то «станьчиковский» «Час» поспешил возразить на это последнее предложение. Впрочем, «Час» не преминул похвалить брошюру за совет не предпринимать больше восстаний. «Станьчики» воспротивились также намерению некоторых противников России, во время войны 1877—1878 гг., снарядить добровольческий отряд в Люблинскую губернию, где шло брожение среди униатов, «воссоединенных» незадолго перед тем с православной церковью. Только Берлинским конгрессом 1878 г. «станьчики» решили воспользоваться, составив для него мемуар по польскому вопросу, но из этого предприятия ничего не вышло⁵.

¹ См. об отношении поляков к Францу-Иосифу в т. VI, ч. I.

² «Народная газета», «Польский вестник» (пол.). — Прим. корр.

³ «Тротадраты» — звукоподражательное слово, обозначающее людей, производящих стук, шум, трескотню.

⁴ Официальный титул «царь польский» по-польски переводится «król polski».

⁵ Интересно, что и в это время среди поляков раздавались голоса в пользу сближения с Россией, даже официальной, прецеденты чего были еще перед 1848 г. В 1878 г. много шуму наделала книга Лисицкого о маркизе Велёпольском, четырехтомная биография этого деятеля, представляющая апологию его лояльной по отношению к России политики. Много заставила о себе говорить и вышедшая в свет в 1879 г. в Кракове брошюра гр. Мошинского (австрийского подданного) под заглавием «Austryacka polityka Czasu», в которой доказывалось, что австро-польская партия не только не должна препятствовать, но скорее должна даже содействовать

Вот эта-то «станьчиковская» идея и стала определять поведение польского «кола» в рейхсрате¹, бывшим, как мы знаем, строго консервативным. Особую разновидность польских консерваторов составляла группа шляхетских представителей из Восточной Галиции, населенной русинами, или так называемые «подоляки», те же самые «станьчики», как о них было однажды сказано, «только менее умные» (*tylko... mniej mądrzy*), потому что свой страх перед русинами они довели до того, что все вопросы рассматривали в связи с тем, как бы то или другое их решение не послужило на пользу русинам или не вызвало бы у них каких-нибудь новых стремлений.

«Станьчики» и «подоляки» являются партиями преимущественно шляхетскими, но к концу XIX в. стали усиливаться в польской части Галиции и демократические движешя вплоть до возникновения и здесь социал-демократии². Вообще чисто демократические движения среди поляков в Галиции относятся к числу явлений более позднего времени, приблизительно с конца восьмидесятых годов прошлого века³. Мещанская демократия, вступившая в борьбу со «станьчиками», выработала свою программу во время выборной кампании 1879 г. В лице Романовича она нашла деятельного вождя, который даже устроил в 1889 г. предвыборный (перед новым сеймом) съезд или «вече» (*wiecz*) городов и местечек Галиции с довольно умеренной, впрочем, программой, уже не удовлетворявшей рабочие массы, которые начали пробуждаться

верноподданной русско-польской партии, и т. п. Некоторые подробности о подобного рода проявлениях см. в моей книге «*Polonica*» (1905). Там же читатель найдет несколько страниц (92 и след.) о том, что у поляков получило название «органической работы» («*praca organiczna*»). Заметим, что эта моя книга составилась в значительной своей части из статей о польских делах, писавшихся в 1881 и следующих годах.

¹ О «станьчиках» см. еще в книге W. Feldman'a *Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi* (1907), т. I, с. 124–226. Он отмечает (с. 150 и след.), что первоначально «станьчики» не были оппортунистами, но когда число членов этой партии, — едва превышавшее сначала, по злому замечанию одной дамы, число граций, но далеко не доходившее до числа муз, — выросла в целую общественную силу, «*minęła Sturm und Drangperiode, zawieszeni dotychczas w powietrzu ideolodzy stali się politykami 'praktycznymi', politykami określonych interesów i grup społecznych*», т. е. «станьчики» слились с консервативной партией, с. 157. «*Stańczycy*, — говорит он еще, — *to par excellence partya pracy organicznej*», с. 176. Идеалом всей школы сделалась сильная власть, и с этой точки зрения краковский проф. Бобржинский раскритиковал все прошлое Польши (см. о труде Бобржинского мою статью, перепечатанную в «*Polonica*»). W. Feldman довольно резко критикует партию «станьчиков», которую, наоборот, проф. А. Л. Погодин до известной степени берет под свою защиту. См. книгу последнего «*Главные течения польской политической мысли*» (1908), с. 91 и след. У него же ср. еще о теории органического труда на стр. 104 и след. (в связи с распространением позитивизма, о чем с. 136 и след.). Наконец, из более ранних соч. о «станьчиках»: *Giller A. O serwilizmie i serwilistach* (1879); *Polityka Stańczyków* (1882); *Pawlikowski M. Kilka słów o Stańczykach* (1883).

² *Żegota* (Дашинский). *Krótką historia rozwoju partii socjalistycznej w Galicyi* (1894). *Feldman W. Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi* (1907), том II, с. 83–162; *Погодин А. Л. Главные течения политики политической мысли* (1908), с. 141–279 (гл. III: «Социализм в Польше и польские социалистические партии за границей»).

³ «*Jako siła polityczna lud i nadal pozostał spętany dopóki z końcem lat ośmudziesiątych sam o swem wyzwoleniu nie zaczął myśleć*». W. Feldman, II, 4.

к новой жизни. В это время появляется направление так называемых «людовцев», сообразовавшееся под влиянием русского «народничества»¹. Тогда же со своей христианско-социальной проповедью среди народных масс выступил знаменитый ксендз Станислав Стояловский, долгое время занимавший своей особой не одну польскую периодическую прессу. Его деятельность привела его в столкновение с высшим католическим духовенством в Галиции, а устройство им предвыборных крестьянских комитетов в 1889 г. познакомило его с тюрьмой, где он сблизился с сидевшими там же «людовцами» и подпал под влияние их идей, чтобы потом составить свою программу христианского социализма². Но особенно важным было то, что в эти же годы в Галиции стала организовываться социал-демократическая партия, главным вождем которой сделался Игнатий Дашинский. Нам еще придется вернуться к этой партии в другой связи, но здесь нельзя не заметить, что в Галиции с ее слабо развитой обрабатывающей промышленностью социализм сделался просто направлением протеста против шляхетского хозяйничанья — и только. Если в Германии за кандидатов социал-демократии часто подают свои голоса несоциалисты, то в еще большей мере стало это делаться в Галиции³. В 1897 г. на выборах за Дашинского было подано в Краковском округе 22 тыс. голосов, но, конечно, идею борьбы классов и коллективизма из этих двух десятков с лишком тысяч человек разделяли сравнительно немногие.

Отношения поляков к русинам, или украинцам, как стали охотнее называть себя русинские прогрессисты, существенным образом с конца восьмидесятых годов не изменились⁴, а из двух уже ранее боровшихся между собой направлений, москвофильского и украинофильского⁵, перевес видимо пере-

---

¹ Основателем его был Болеслав Выслоух, который раньше участвовал в русском революционном движении.

² В 1898 г. он даже был выбран в рейхсрат, где, однако быстро совершил эволюцию вправо.

³ «Ruch socjalistyczny w Galicyi stał się przedewszystkiem ruchem wszystkich niezadowolonych, ... więcej, niż gdziekolwiek, głosem głównie protestu i opozycji, więcej negacya wobec przeszłości, niż afirmacya wobec przeszłości». W. Feldman. II, 93–94.

⁴ Вот что об этом говорит беспристрастный польский писатель: «В польском обществе все еще смотрели на русинов с точки зрения традиции Люблинской унии, как на интегральную часть Польши, и безусловно порицали все, что не совпадало с этой точкой зрения... За немногими исключениями, все польские политические деятели и публицисты занимали такое положение, и нет ничего удивительного, что не мог установиться никакой *modus vivendi*». W. Feldman. Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi, II, 334. Тот же писатель указывает на неудачи соглашений ввиду того, что дело решали «без хозяина», т. е. «bez ruskiego ludu». Главная «угода» была задумана гр. Бадени в 1890 г., одновременно с немецко-чешским соглашением. Отметим еще попытку, сделанную католическими властями, подчинить русинскую национальную церковь (униатскую) иезуитам, что, однако, кончилось полной неудачей.

⁵ Австрийскому правительству в москвофилах нравился консерватизм, но не нравятся симпатии к России, и наоборот, оно благосклонно к «сепаратизму» украинцев, но очень недовольно его политическим направлением. На почве консерватизма за последнее время началось сближение москвофилов с поляками против украинцев. В конце семидесятых и начале восьмидесятых годов австрийские власти и галицийские поляки относились очень подозрительно к москвофильству. Когда около 1880 г. одна деревня (Гнилички) из унии перешла

ходил на сторону второго. В конце восьмидесятых годов и здесь началось политическое движение в народной массе, и даже образовалась радикальная крестьянская партия с Иваном Франком¹ и Михаилом Павликом во главе, которые сами были только учениками Драгоманова. Наконец, в 1897 г. в Галиции возникла и русинская социал-демократическая партия, у которой с самого же начала установились связи с польской социал-демократией.

Закончим эту главу указанием на то, что борьба национальностей в монархии Габсбургов вообще и в особенности в австрийской ее половине поставила на разрешение тамошних социалистов вопрос, который не мог возникнуть в странах с однородным или, по крайней мере, с более однородным в национальном отношении составом населения, во Франции, в Италии, в Германии. Этим вопросом был именно вопрос национальный. Как-никак, пестрота населения Австрии не могла не отразиться на истории австрийского социализма. Новейшая организация социализма в этом государстве, ведущая свое начало от 1888 г., была обязана своим происхождением влиянию, шедшему из Германии, и новая политическая партия, впервые попавшая в рейхсрат лишь в 1897 г., с самого начала объявила себя «интернациональной», но это не могло устранить из жизни вопрос о значении национальных различий в одном и том же государстве. На этой почве не могли не возникнуть и расколы в самом социализме. Мы видели его, например, в Чехии, где есть и социал-демократы, и народные социалисты. На первом австрийском социалистическом съезде в Гайнфельде делегатов от Галиции совсем не было, и польская нация была представлена одним поляком-наборщиком из Вены, но на следующем съезде (в Вене в 1892 г.) Галиция, — где организация социалистической партии началась лишь в 1889 г., — была уже правильно представлена. Таким образом, в начале последнего десятилетия XIX в. в австрийской социал-демократической партии, строго державшейся марксизма с его космополитическими стремлениями, оказались участвующими и немцы, и чехи, и поляки, но с самого же своего возникновения молодая партия столкнулась с вопросом о национальностях².

В 1890 г., когда во всей Европе в первый раз праздновался день 1 Мая, уже и в Галиции были устроены рабочие манифестации, но в 1893 г., в столетнюю годовщину конституции, 3 мая, возник вопрос, праздновать ли

в православие, что сопровождалось крестьянскими волнениями, в числе обвиненных в государственной измене был униатский священник и писатель Наумович, который был посажен в тюрьму и лишен сана. О так называемом «процессе Ольги Грабар», связанном с делом, тогда очень много писали в наших газетах.

¹ Мих. Петр. Драгоманов, в 1865–1875 гг. доцент всеобщей истории в Киевском университете, очень много писал о галицийских отношениях.

² «Z pośród wszystkich problemów, z którymi młoda partya miała do czynienia, wysuwała się od pierwszej chwili, jako najbardziej zasadnicza i aktualna, sprawa narodowa». *Feldman W.* Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi, II, 102.

польским социалистам 1 или 3 мая, — вопрос, бывший предметом массы речей, статей, брошюр. Впрочем, уже в 1891 г. социалисты, отпраздновав день чествования труда, приняли участие и в ежегодном патриотическом поминовении конституции 1791 г. Этот специально польский вопрос в более общей форме уже затрагивался на партийном съезде 1892 г., где польские делегаты заявили следующее: «Ввиду исключительного положения нашего края, политические границы которого не соответствуют фактическим и лингвистическим (*językowym*) отношениям, и ввиду интересов живущих за границами государства наших соплеменников (*rodaków*), нуждающихся в нашей помощи, мы не можем так тесно связать себя с австрийской организацией». В 1893 г. на международном социалистическом конгрессе в Цюрихе в первый раз встретились социалистические делегаты из всех трех «заборов»¹ Польши, и связью между всеми направлениями польского социализма² сделалась идея независимости Польши³. Сближение на национальной почве польских социалистов разных направлений с течением времени только усиливалось. В 1896 г. они выступили с общим воззванием к польскому пролетариату, а когда в 1901 г. произошел конфликт между польскими социалистами в Пруссии и германской социал-демократией, на конференции, собранной по этому случаю в 1902 г., представители главных направлений социализма во всех трех государствах, разделивших Польшу, выступили совершенно солидарно по отношению к немцам⁴. Этим своим национальным характером польская социал-демократия создавала себе автономное положение в общеавстрийской партии. На социал-демократическом конгрессе 1899 г. в Берне польские делегаты заявили, что они стремятся к освобождению и объединению своей нации, но что, по условиям времени, они участвуют в австрийской социал-демократической партии лишь под условием полнейшей «*autonomji narodowej*».

У немецких социал-демократов Австрии обнаружились подобные же стремления. На одном социал-демократическом конгрессе в Германии были австрийские депутаты Адлер и Пернерсторфер, которые заявили, что предпочли бы на этом конгрессе быть не в качестве гостей, а в качестве членов. По отношению к своим славянским сочленам австрийско-немецкие социал-демократы не всегда ведут себя так, как того первые желали бы⁵, и даже офи-

¹ Забранных земель.

² Кроме социал-демократов (S.D.), это были *Związek zagraniczny socjalistów polskich* (Z.Z.S.P.) и *Polska partya socjalistyczna* (P.P.S.) из Царства Польского.

³ *Michał Luśnia. Niepodległość Polski w programie socjalistycznym* (1900). Автор — ныне умерший молодой социолог Krauz.

⁴ «*Wszystkie trzy partje... wystąpiły jako zwarta całość wobec zarządu niemieckiego*». *Feldman W.* II, 105.

⁵ «*Nie ulega wątpliwości, że wśród Niemców austriackich dużo jeszcze jest szowinizmu*». *Feldmann W.* II, 112. К этому он прибавляет еще замечание, что у чехов же мало понимания польских aspirations.

циальный орган партии («Arbeiter Zeitung»¹) иногда упрекается в том, что «время от времени берет тон, достойный прежних немецких централистов».

Эти национальные разделения не могли не обратить на себя внимания австрийских социалистов-теоретиков. В возрождении угнетенных народностей Австрии они увидали только один из фазисов экономической борьбы, поскольку, например, вообще все эти народности в Австрии находятся в экономической зависимости от немцев, а, в частности, немецкая часть Богемии в экономическом отношении находится на более высокой ступени развития, чем чешская². Борющиеся народности могут осуществить свои стремления только при помощи государства, откуда — их борьба за власть в государстве, но единственной причиной этой борьбы является централистическая конституция. Между тем эта борьба, в сущности, крайне невыгодна для рабочих, которые не могут в ней участвовать, раз всякий общественный вопрос получает национальную окраску, а потому и не в состоянии отдать все свои силы борьбе классовой. Так как эта последняя международна, то национальная и классовая борьба находятся между собой в противоречии. Отсюда простой вывод — необходимость устранения централистической конституции. Решая вопрос о том, как же в таком случае устроить Австрию, социалисты-теоретики нашли невозможным держаться территориального принципа, ибо, например, чехи и немцы часто живут рядом в одних и тех же округах, общинах и даже домах, не говоря уже о том, что рабочие очень часто меняют место своего жительства. Территориальный принцип поэтому было предложено заменить национальным, чтобы каждая народность на протяжении всего государства составляла отдельную единицу, особую моральную личность, в которой удовлетворялись бы все духовные потребности отдельных лиц (посредством школ, библиотек, музеев, театров и т. п.). Для обеспечения равноправия этих коллективных единиц, т. е. для предохранения их от господства одной из них государство должно быть перестроено на широких началах демократического самоуправления территориальных единиц и национальных групп³.

¹ «Рабочая газета» (нем.). — *Прим. ред.*

² Экономическое соперничество действительно существует, и, например, чехи покупают зажигательные спички чешских, а не немецких фабрик.

³ См. названные в первой части VI тома сочинения R. Springer'a (Рённера) и O. Bauer'a, имеющиеся и в русском переводе. О них не без верности основной мысли говорит следующее E. Beneš: «Deux socialistes marxistes, orthodoxes, inventent un système de la reorganisation politique où ils veulent rejeter au second plan le territoire et, par conséquent, les questions économiques. Ils séparent complètement les intérêts moraux et les intérêts économiques. les uns des autres» и т. д. Здесь есть действительно противоречие с идеей экономического материализма, но названный автор идет и дальше, доказывая, что «ce système était inventé surtout pour avantager les allemands», которые так рассеяны по всей монархии, что для них нельзя выкроить сплошных территорий, и которые, кроме того, благодаря своей большей зажиточности, могут лучше других устроить свои культурные дела. Le problème autrichien et la question tchèque, с. 299. С чешской стороны эту систему критиковал Фр. Модрачек в работе «Национальный вопрос в социал-демократии».

XX. Папство и католицизм в последней трети XIX в.¹

¹ Для общей истории папства в прошлом веке см.: *Nielsen*. Geschichte des Papstthums im XIX Jahrhundert (1880); *Sill*. Die Entwicklung der Katholischen Kirche im XIX Jahrhundert (1898); *Chénon E.* L'Église et les cultes de 1870 à nos jours (XVI гл. XII т. «Histoire générale» Лависса и Рамбо с подробной библиографией, требующей, однако, дополнений). Вопрос о правовом положении папства после потери папами светской власти вызвал целую литературу, в которую следует включить и работы, специально касающиеся отношений между Святым престолом и Италией: *Bluntschli*. Die rechtliche Unverantwortlichkeit und Verantwortlichkeit des römischen Papstes (1876); *Bompard R.* Le pape et le droit de gens (1888); *Minghetti*. Stato e chiesa (1880; 2-е изд.); *Cadorna C.* Il potere temporale dei papi, la legge delle garanzie e la garanzia delle garanzie (1884); *Casella L.* La posizione giuridica del sommo pontefice e della santa sede apostolica (1887); *Corsi A.* La situazione attuale della santa sede nel diritto internazionale (1886); *Nys E.* Le droit international et la papauté («Revue de droit international», 1879); *Resch P.* Das Papstthum und das Völkerrecht (1889); *Barzellotti G.* L'Italia ed il papato («Nuova Antologia», 1904); *Bruniati A.* L'unità d'Italia ed il papato nel mondo cattolico (1892); *Centi*. Dei rapporti fra stato e chiesa in Italia (1897); *Lampertico F.* L'Italia e la chiesa (1890); *Olivart*. Le pape, les états de l'église et l'Italie (1897); *Geigel*. Das italienische Staatskirchenrecht (1886); *Soderini E.* Rome et le gouvernement italien de 1870 à 1894 (1895); *Leroy-Beaulieu A.* Le Vatican et le Quirinal depuis 1878 («Revue des deux mondes», 1882). В русской юридической литературе этому вопросу посвящен труд А. Байкова «Современная международная правоспособность папства» (1904). Значительный фактический материал для истории папства после 1871 г. можно найти в соч. P. Vigo «Storia degli ultimi trent'anni del secolo XIX», первые два тома которой вышли в свет в 1908 г.; но этот труд еще не доведен до конца. По общим вопросам см. также: *Vogüé E.M. de*. Le Vatican, les papes et la civilisation (1895); *Goyau, Pératé, Fabre*. Le Vatican, gouvernement de l'église; *Левицкий В.* Современные стремления папства. Для истории католицизма в отдельных странах см., кроме сочинений о «культуркампе» в Германии, указанных в своем месте (т. VI. ч. I): *Eisenmann L.* Le régime des cultes en Autriche et en Hongrie (1908); *Guibert*. Le reveil du catholicisme en Angleterre au XIX siècle (1909); *Thureau-Dangin P.* Le catholicisme en Angleterre au XIX siècle (1909,) и его же более раннее соч. «La renaissance catholique en Angleterre au XIX siècle», по отношению к которому названное раньше является, в сущности, лишь сокращенным изложением. *Deboudour A.* L'église catholique et l'état sous la troisième république (1906—190...; два тома, причем во втором изложение доводится до 1906 г.; богатейшие библиографические указания вообще для эпохи); *Bourgain*. L'église catholique et l'état en France au XIX siècle (1901); *Despagne Fr.* La république et le Vatican. 1870—1906 (1908); *Vibert P. Th.* La nouvelle France catholique (1909); *Laveleye E. de*. Le parti clérical en Belgique (1874); *Belcikowski J.* Papieże a kwestya polska w XIX w. (1909); *Urban F.* (предположительно). La Belgique et le Vatican (1880—1881); *Nippold Fr.* Römisch-Katholische Kirche im Königreiche der Niederlande (1877); *Woeste*. Histoire du Kulturkampf en Suisse (1887; с католической точки зрения). По истории старокатолицизма: *Bühler*. Altkatholicismus (1880); *Schulte*. Der Altkatholicismus, Geschichte seiner Entwicklung (1887); *Idem*. Lebenserinnerungen (1908), в которых см. главу «Die kirchlichen Ereignisse seit dem 18 Juli 1870»; *Wed J.* Die gegenwärtige Ausbreitung der alt-katholischen Bewegung (1890); *Беляев*. Происхождение старокатолицизма (1892); *Керенский*. Старокатолицизм, его история и внутреннее развитие (1894); *Красножарен*. Происхождение старокатолицизма и IV старокатолический конгресс в Вене (1898); *Iska*. České starokatolícké hnutí (1902). Что касается отношения католицизма к социальному движению, то об этом см.: *Pascal G. de*. L'église et la question sociale. Étude sur l'encyclique de la condition des ouvriers (1891); *Turmann M.* Le développement du catholicisme social depuis l'encyclique «Rerum novarum» (1900); *Nitti*. Le socialisme catholique (1894; пер. с итал.). *Водовозов Н.* Экономические идеи французских католиков (в «Экономических этюдах», 1897). Отметим, кстати, еще: *Kübel J.* Geschichte des katholischen Modernismus (1909). Наконец, есть ряд сочинений об обоих папах последней трети XIX в. То, что было написано о Пие IX, было названо в т. V, о Льве XIII см.: *Saint-Albin A. de*. Histoire de

Общий взгляд на историю понтификата Пия IX. — Прекращение светской власти папы. — Отношение к этому католиков разных стран. — Итальянский закон о гарантиях. — Последние годы Пия IX и положение в это время католической церкви. — Старокатолический раскол. — Борьба церкви с правительствами разных стран. — Личный характер, принципы и политика Льва XIII. — Его боевые энциклики и примирительная тактика по отношению к отдельным государствам. — Социальный католицизм конца XIX в. — Отношение Льва XIII к положению рабочих и осуждение им социализма. — Его мечты о соединении церквей. — Успехи католической пропаганды в конце XIX в.

Результатом франко-германской войны по отношению к папству были окончательное объединение Италии, лишившее папу светской власти в Риме, падение во Франции империи, поддерживавшей эту власть и силу духовенства в самой этой стране, замена империи республикой, вступившей в борьбу с клерикализмом, и основание Германской империи, протестантский характер которой крайне неблагоприятно отозвался на положении католической церкви в Германии. Когда совершился этот переворот, на папском престоле доживал свои последние годы Пий IX.

Понтификат Пия IX относится к числу наиболее продолжительных во всей истории папства: этот папа правил католической церковью тридцать два года (1846—1878). Избранный на папский престол за два года до революции 1848 г., когда в Италии уже было заметно ее приближение, он первоначально пользовался большой популярностью среди своих соотечественников. Пий IX сменил собой крайне реакционного Григория XVI и был кандидатом Франции, а не Австрии, что патриоты ставили ему в заслугу, и первые же его шаги, как правителя Церковной области, снискали ему любовь и уважение итальянцев, приветствовавших в нем папу-патриота. Наоборот, в Австрии и у итальянских правительств он был в сильном подозрении, и даже виваты папе в Ломбардо-Венецианском королевстве или в Неаполе рассматривались, как мятежные возгласы. Сначала Пий IX, человек лично мягкий, приветливый, благожелательный, или, по крайней мере, казавшийся таким, как будто и сам шел навстречу освободительному движению, но в самом же начале итальянской революции он обратился

Léon XIII; *Serclaes T.* Le pape Léon XIII; *Teste L.* Léon XIII et le Vatican; *Houx H.* des. Joachim Pecci; *Narfon J. de.* Léon XIII intime; *Mgr. Fèvre J.* Le pontificat de Léon XIII (1908); *Meignan.* Léon XIII pacificateur (1886); *Barbie A.* Le progrès du libéralisme catholique sous le pape Léon XIII. Le pape du «possumus»; *d'Arros J.* Léon XIII d'après ses encycliques (1902); *Berard V.* Léon XIII («Revue de Paris, 1903). Don Pasquale de Francisicis издал в 1884 г. собрание речей папы Льва XIII, в предисловии к которому изображается печальное положение католицизма в Европе в начале его понтификата. *Bonghi R.* Leone XIII ed il governo italiano («Nuova antologia», 1882); *Bezaine E.L. de.* Léon XIII et le prince de Bismarck; *De Waal.* Papst Leo's XIII Leben (1878); *O'Reilly.* Leo XIII, seine Zeit, sein Pontifikat und seine Erfolge (1892); *Tesi-Passerini.* Leone XIII ed il suo tempo (1886).

к своим подданным с просьбой не предъявлять ему требований, противных святой церкви, которых он-де и не мог бы исполнить. В сорок восьмом году надежды, какие возлагались на Пия IX даже римскими демократами, должны были рассеяться, как дым. Правда, сначала он издал воззвание «К народам Италии», поощрявшее их к войне с Австрией, — воззвание, которое потом ему пришлось истолковывать в каком-то ином смысле, — но затем скоро отказался от борьбы с Австрией, как «наместник на земле Великого Миротворца». Это, как известно, не понравилось народу, который скоро заставил его бежать под охрану неаполитанского короля. В Риме была провозглашена республика, но в 1849 г. будущий Наполеон III восстановил в Вечном городе светскую власть папы, и в 1850 г. Пий IX решился возвратиться в свою столицу. Тотчас же он начал в своих владениях отчаянную реакцию. В своей энциклике «*Nostri et nobiscum*»¹, изданной в 1849 г., он в духе средневековых определений папской власти указывал на нее как на единственную спасительницу от революций, происходящих от ослабления церковной дисциплины. В следующем году был основан ультрамонтанский орган «*Civiltà cattolica*»). Наполеоновский государственный переворот Пий IX прямо благословил как событие, полезное для религии. В других государствах он всячески поощрял клерикальные стремления и, например, в Австрии добился конкордата (1855), которым устранялись из взаимных отношений церкви и государства последние следы законодательства Иосифа II, отстаивавшего права светской власти и независимость светского общества. В 1854 г. Пий IX личной своей властью провозгласил новый догмат о непорочном зачатии Святой Девы, а через десять лет издал знаменитую энциклику «*Quanta Cura*»² и «Список (Syllabus) современных заблуждений», где осуждались свобода совести и слова, светская наука, народовластие, социализм, гражданский брак, контроль светской власти над распоряжениями церкви и т. п., вплоть до утверждения о возможности и необходимости примирения папства с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией. Иезуиты были весьма довольны таким папой, совершенно подпавшим под их влияние, и содействовали распространению и утверждению энциклики и «силлабуса» 1864 г. в умах верных. В год издания этих характерных памятников католической реакции во второй половине XIX в. часть папских владений уже была присоединена к Итальянскому королевству, и Пий IX на все предложения Виктора-Эммануила насчет установления между ними мирных отношений отвечал своим знаменитым «*non possumus*»³. По отношению к «узурпаторскому» королевству он держался самой непримиримой

¹ «О церкви в Папской области» (лат.). — Прим. ред.

² «Осуждение текущих ошибок» (лат.). — Прим. ред.

³ «Не можем» (лат.), формула категорического отказа. — Прим. ред.

политики, предписав верным сынам церкви не принимать участия в выборах («no elettori, no eletti») в «разбойничий» парламент.

В 1867 и 1869 гг. в Риме были торжественно отпразднованы два юбилея — ап. Петра и самого папы, что дало возможность Пию IX устроить два раза большие смотры наличных сил католической церкви. Наконец, в самом конце 1869 г., в Риме был созван Вселенский собор этой церкви, получивший название ватиканского, для установления еще одного нового догмата — о «папской непогрешимости»¹.

Ватиканский собор открыл свои заседания 8 декабря 1869 г., и через семь месяцев, при отсутствии сотни оппонентов догмата, уехавших нарочно из Рима, большинством пятисот слишком голосов против двух был принят догмат о безошибочности всех определений папы *ex cathedra*² в вопросах веры и нравственности. Когда, во время еще прений об этом предмете, было заявлено, что предлагаемый догмат противоречит преданию церкви, то Пий IX заявил, что «предание, это — он», как бы в *pendant*³ к «*l'état, c'est — moi*»⁴ Людовика XIV. Конституция «*Pastor aeternus*»⁵, в которой был изложен новый догмат с провозглашением проклятия тем, которые будут ему противиться, была прочитана самим Пием IX в торжественном заседании 18 июля 1870 г., как раз накануне объявления войны Наполеоном III Пруссии. Дальнейшие заседания собора были отложены до ноября, но им не суждено было возобновиться, потому что через два месяца после провозглашения догмата Рим уже был во власти Виктора-Эммануила. В проведении догмата Пий IX проявил большое упорство. Сначала он думал, что догмат будет принят посредством аккламации⁶, но когда встретил оппозицию, то, поддерживаемый большинством собора, вступил с ней в борьбу. Ему хотелось превратить папство окончательно в абсолютную монархию, лишив епископат и соборы всякой самостоятельности, и кроме того, собор должен был издать ряд других постановлений, для чего и предполагалось продолжать заседания с ноября, но в конце октября собор был отложен *ad meliora tempora*⁷. В последние дни заседаний собора Пий IX с большим интересом следил за франко-прусским конфликтом, приложив свое старание к тому, чтобы против протестантской Пруссии был заключен союз католических Франции и Австрии,

¹ О Ватиканском соборе см. т. V.

² Буквально «с кафедры» (*лат.*) — учение папы, которое он произносит во время католических церемоний, исполняя свои обязанности учителя и пастыря всех христиан.

³ «В соответствии» (*фр.*). — *Прим. ред.*

⁴ «Государство — это я» (*фр.*). — *Прим. ред.*

⁵ «Вечный пастырь» (*лат.*). — *Прим. ред.*

⁶ От *лат. acclamatio* (крик, восклицание) — принятие или отклонение собранием какого-либо предложения без подсчета голосов, на основе реакции участников собрания, выражаемой возгласами, репликами и т. д. — *Прим. ред.*

⁷ «До лучших времен» (*лат.*). — *Прим. ред.*

которому папа пророчил победу под покровительством святой Девы Марии. (Между тем итальянские патриоты в это время кричали виваты Пруссии и «смерть французам», «ментанским убийцам»¹.) Говорят, что Пий IX ожидал чуда при вторжении солдат итальянского короля в Рим и смотрел из окна Ватикана на то, что делалось. Когда дело было проиграно, Пий IX сказал: «Мне советуют уехать, но я думаю, что, если пьемонтцы отнимут у меня светскую власть, я вовсе от этого не лишусь сна». Пий IX решил остаться «узником» в Ватикане, и с этого момента сделалось как бы одним из основных законов Святого престола, что папа не может покинуть Ватиканский дворец ни на один день. Одним словом, Пий IX обрек себя на добровольный плен, нахождение в котором сделалось потом обязательной традицией и его преемников.

Лишение папы светской власти, которой он пользовался в течение столетий и которая считалась необходимой для независимости Святого престола, было встречено негодованием всех приверженцев католицизма. В пользу «ватиканского узника» началась агитация в католических массах, начались денежные сборы в виде «динария святого Петра», на приношение которого папство, лишившееся собственных доходов и отказавшееся от какой-либо субсидии со стороны итальянского правительства, могло бы содержать все свои учреждения. Когда в 1877 г. Пий IX праздновал пятидесятилетие со дня своего посвящения в епископы², то в Рим стеклось громадное количество паломников из всех европейских стран и даже из далекой Америки, и многочисленные депутации привезли с собой около 15 млн лир, кроме массы драгоценных подарков в виде разных вещей. Этот юбилей служил внушительной демонстрацией духовного могущества папства. С той же целью католики постарались наводнить все страны громадным количеством всяких публикаций в честь Пия IX³. Верные сыны католической церкви на первых порах после присоединения Рима к итальянскому королевству не теряли надежды на возвращение папе светской власти. Уже осенью 1870 г. польский епископ в Пруссии Ледоховский ездил к Вильгельму I в Версаль хлопотать о восстановлении светской власти папы. В начале 1871 г. в Германии на почве адреса императору о необходимости возвращения папе светской власти произошло объединение клерикалов в парламентскую партию центра, которая весной того же года сделала соответственное предложение и рейхстагу, им отклоненное. В том же смысле клерикалы вели агитацию и в католических массах.

¹ Сражение при Ментане, где французы разбили Гарибальди, напавшего на Рим в 1867 г., о чем см. т. V.

² А не тридцатилетие своего понтификата, как сказано, например, у Сеньобоса (II, 137).

³ «Nell'occasione di questo giubileo episcopate furono fatte in onore del papa tante pubblicazioni, da potersi dire che si ebbe una vera bibliografia del notevolissimo awenimento». *Vigo P.* Storia degli ultimi trent'anni del secolo XIX (1908), II, 199.

Еще большую настойчивость в таком же направлении проявили вожди клерикальной партии во Франции. В президентство Макмагона они устраивали церковные процессии и паломничества, которые должны были служить манифестациями в пользу восстановления монархии во Франции и светской власти папы в Риме. Вместе с этим они сочиняли для отсылки в палату депутатов из разных мест петиции об оказании помощи папе-узнику. Эта агитация даже создавала немало затруднений для внешней политики Франции, возбуждая в Италии в высшей степени недоверчивое к ней отношение: одна из причин, которая привела Италию ко вступлению в Тройственный союз с Германией и Австро-Венгрией, заключалась в желании обеспечить за собой обладание Римом. Бельгия тоже была страной, в которой клерикалы деятельно вели пропаганду реставрации прав церкви вообще и, в частности, папской власти в бывшей Церковной области, в каком-то смысле местные епископы даже составили торжественный протест против итальянского правительства. И в других странах католики не отставали в изъяснении своих чувств по отношению к папе от германских, французских и бельгийских клерикалов, насколько это было возможно по местным условиям.

Сам Пий IX занял по отношению к новому порядку вещей безусловно боевую позицию. Излагая историю Италии в первое десятилетие после того, как она овладела Римом, мы уже упоминали о том, что Пий IX отверг так называемый закон о гарантиях, которым определялось будущее положение папы. Мы уже знакомы также и с содержанием этой «*legge delle guarantee*»¹, которая предоставляла папе привилегии государя и полную свободу в духовной области с назначением ему значительной ежегодной ренты (*l'annua rendita*) в 3 225 000 лир. Пий IX в своей энциклике 15 мая 1871 г., обращенной ко всем патриархам, примасам, архиепископам, епископам и прелатам, назвал закон о гарантиях совершенно для себя неприемлемым, обозначив его, как «*futiles quaedam immunitates ac privilegia*», вероломно сочиненные «субальпнинским правительством» (*gubernium subalpinum*), которое, таким образом, лишает его возможности свободно пользоваться властью, свыше врученной папам, и защищать независимость церкви. Между тем закон о гарантиях создавал для папства совершенно независимое положение в Ватикане. Личность папы объявлялась священной и неприкосновенной, и всякие на нее посягательства приравнивались к посягательствам против личности короля. За папой сохранялись суверенные почести (*gli onori sovrani*) и почетное первенство (*le preminenze d'onore*), признанное католическими государями. Особой статьей постановлялось, что «во время вакантности святого престола никакие органы

¹ Текст закона с русским переводом дается А. Л. Байковым в приложении к его книге «Современная международная правоспособность папства» (1904), с. 439–446. Его перепечатывает и Р. Виго в названном выше труде (I, 112–115).

государственной власти, как судебные, так и политические, не должны ни под каким предлогом стеснять или ограничивать личную свободу кардиналов», и, кроме того, правительство обязывалось «принимать меры к тому, чтобы заседания конклава и вселенских соборов (*concili ecumenici*) не подвергались каким-либо внешним актам насилия». Целым рядом статей устанавливалась экстерриториальность папских дворцов и даже разных папских учреждений духовного характера, равно как неподсудность органам государственной власти лиц, исполняющих свои функции в духовном управлении святого престола. «Папа, — сказано было еще в одной статье, — свободно сноится с епископатом и всем вообще католическим миром без всякого вмешательства со стороны итальянского правительства», с каковой целью папе предоставлялось учреждать в Ватикане и других местах его жительства свои почтовые и телеграфные станции. Далее закон о гарантиях отменял «всякие специальные ограничения относительно членов католического духовенства в деле осуществления ими права собраний», «освобождал епископов от обязанности принесения присяги королю», равным образом «отменял *exequatur* и *placet regium* и все прочие формы правительственного разрешения в деле обнародования и осуществления актов духовной власти»¹, запрещал светским властям принимать какие-либо жалобы и апелляции на акты церковной власти в делах духовных и дисциплинарных и т. п. Одним словом, религиозные права папства отнюдь не умаялись законом о гарантиях, и в некоторых отношениях церковь в Италии была поставлена в более независимое положение в государстве, нежели во многих других странах. Лишение светской власти даже оказалось, в сущности, обстоятельством, благоприятным для усиления морального авторитета папства.

После потери светской власти папа Пий IX прожил еще с небольшим семь лет, упорствуя в своей непримиримости. В эти годы он постоянно выступал с разными аллокуциями и энцикликами, протестуя против тех или других неприятных ему явлений современной жизни и обвиняя правительства разных стран в нечестии и революционности. Особенно резко продолжал он отзываться об Италии, правительство и парламент которой давали ему, по временам, поводы выступать с новыми жалобами и протестами². Все законы, какие только издавались итальянским правительством, раз они только так или иначе затрагивали интересы церкви, подвергались со стороны Пия IX постоянно самому строгому осуждению. Вступление на ита-

---

¹ *Exequatur* — правительственное утверждение, без которого постановление духовной власти не может быть приведено в исполнение, а *placet* — правительственное разрешение на обнародование решений духовной власти. Исключению подлежали только постановления, касающиеся церковных имуществ, о которых должен был быть издан особый закон.

² Р. Вигго в книге, называвшейся выше, собрал целый ряд этих «*lamenti*» и «*proteste*», нередко с приведением из них отдельных мест.

льянский престол Умберто I дало Пию IX повод к заявлению последнего своего протеста против лишения его светской власти. В самый день похорон Виктора-Эммануила всем представителям Святого престола при иностранных правительствах был разослан циркуляр статс-секретаря кардинала Симеони против присвоения сыном Виктора-Эммануила титула короля Италии, чем он «выразил притязание санкционировать ограбление Святого престола», происшедшее в 1860 и 1870 гг. И этот протест был последним лишь потому, что недели через три после этого Пий IX скончался (7 февраля 1878 г.), дожив до глубокой старости (умер в 86 лет). Между тем итальянское правительство продолжало держать себя по отношению к папству весьма корректно и добросовестно исполняло взятые на себя законом о гарантиях обязательства¹. Гнев курии на новые отношения вытекал еще из того обстоятельства, что после падения папской власти стали в самом Риме возможными проявления крайней вражды к католицизму. Например, в начале 1871 г. здесь было основано Общество свободных мыслителей (*Società di liberi pensatori*). В своем воззвании, распространенном в громадном количестве экземпляров, оно говорило, что цивилизаторская миссия Италии и Рима не прекращается с низвержением светской власти папы, но что им предстоит еще сокрушить ложь религий, не силой оружия, конечно, а превращением Рима в истинный центр научной и моральной пропаганды. Около того же времени Рим был свидетелем первых гражданских похорон. В 1875 г. в Риме был даже открыт масонский храм², что особенно было неприятно Пию IX, который уже раньше негодовал на то, что в столице католицизма стали открываться иноверные (протестантские) или, по его терминологии, еретические храмы.

Весь конец понтификата Пия IX был сплошной борьбой против всего, что создавала современность нового в политико-церковных отношениях. В самой католической церкви произошел в семидесятых годах раскол старокатоличества, вызванный нежеланием некоторых членов клира и известной части паствы подчиниться догмату о папской непогрешимости. Известно, что старокатолицизм возник и стал распространяться в Германии с немецкими частями Швейцарии и Австрии. Главным вождем старокатоликов был сначала ученый церковный историк Дёллингер, занимавший кафедру своего предмета в Мюнхенском университете. Еще с конца сороковых и начала пятидесятых годов он был известен как теолог строго-ультрамонтанского направления, благодаря своим книгам о Реформации XVI в. и о Лютере³. Будучи прежде ревностным папистом, в начале шестидесятых годов Дёллингер осмелился, однако, высказать мысль о том,

¹ Например, в 1871 г. оно дало полную свободу празднованию 25-летнего папского юбилея, потом 50-летнего епископского юбилея (о чем см. выше) и т. п.

² Vigo P. I. 20–21.

³ «Die Reformation, ihre innere Entwicklung und ihre Wirkung» (1846–1848) и «Luther» (1851).

что папство может существовать и без светской власти, а в эпоху Ватиканского собора он написал (под псевдонимом Янус) книгу «Папа и собор»¹, в которой решительно высказался против догмата о непогрешимости папы. Когда у него (уже в 1871 г.) потребовали подчиниться догмату, он заявил, что не может этого сделать «ни как христианин, ни как богослов, ни как историк, ни как гражданин». Его авторитетный голос дал начало старокатолическому движению, в котором впоследствии сам Дёллингер не принимал уже участия, не желая новой «схизматической секты», хотя и не повернул в сторону правоверного католицизма². На своем первом съезде, в Мюнхене, в сентябре 1871 г., католики, отказавшиеся признать новый догмат, как противный их совести, заявили, что все, признавшие догмат, должны рассматриваться как люди, соблазненные иезуитами и отпавшие от веры древней церкви, которая продолжает существовать только у них, старокатоликов. Новое собрание делегатов старокатолических общин, бывшее в Кёльне в июне 1873 г., дало старокатолицизму правильную церковную организацию с приходами, епархиями и общим синодом. В том же году был избран в епископы этой церкви бреславльский профессор Рейнкенс³, признанный в своем сане и правительствами, — прусским, баденским и гессенским (но баварским — нет), так как старокатолики объявили себя не отколовшимися от церкви, а только временно в силу особых обстоятельств не находящимися с ней в общении⁴. Дальнейшего развития, однако, новая эта церковь не получила, несмотря на то, что в эпоху «культуркампа» на нее в Германии возлагались известные надежды и потому ей покровительствовали, хотя, с другой стороны, правительственное покровительство и удерживало многих от перехода в старокатолицизм⁵. Папа, конечно, осу-

¹ В 1870 г. был сделан ее перевод на русский язык, а в 1892 г. Döllinger издал ее переработку под заглавием «Das Papsthum»; есть фр. перевод Giraud-Teulon'a (1904).

² Он был отлучен от церкви, но до конца жизни оставался непоколебим.

³ *Beyschlag*. Bischof Reinkens und der deutsche Altkatholicismus (1896). Для посвящения Рейнкенса в епископы старокатоликам пришлось обратиться к девентерскому янсенистскому епископу в Голландии, где янсенисты с конца XVII в. имели свою церковь (Утрехтскую).

⁴ Число старокатоликов в Германии в год смерти Пия IX превышало 50 тыс. человек, но потом пошло на убыль, и в 1890 г. их было не больше 30 тыс. В Швейцарии за тот же период также произошло понижение с 73 тыс. до 46 тыс. Менее всего их было в Австрии, а именно в 1890 г. около 10 тыс. (главным образом в немецкой части Богемии). Что касается внешней истории старокатолицизма в Швейцарии, то здесь «национально-католическая христианская церковь» организовалась в 1872 г., приняв немецкий язык в богослужении и отменив celibat священников (что германские старокатолики сделали в 1878 г.). В 1874 г. они основали в Берне университет, где между другими преподавал Герцог, в 1876 г. посвященный Рейнкенсом в епископы. В Австрии от образования особой церкви, — которая по местным законам не могла бы быть признанной за католическую, — отклонил старокатоликов профессор канонического права Маассен. (Соч. последнего «Neun Kapitel über freie Kirche und Gewissensfreiheit», вышедшие в свет в 1876 г., появились в 1882 г. и в русском переводе.)

⁵ Некоторые надежды возлагались на старокатолицизм и в русских церковных сферах, так как сами старокатолики выражали желание слиться с англиканской или православной

дил все это движение и даже особо протестовал против покровительства, какое власти в Германии оказывали отщепенцам¹. В истории католицизма конца XIX в. это было неприятным эпизодом, — не более того, — в сущности, не принесшим римской церкви особенно большого ущерба.

Гораздо более неприятными и опасными были для католической церкви и ее главы те меры, которые принимались правительствами и законодательными палатами разных стран против власти и влияния католического клира. «Культуркампф» в Германии, краткая история которого у нас изложена в другом месте, был лишь одним из частных проявлений той борьбы между государством и церковью, какая при Пие IX велась повсеместно. Припомним только, что германский «культуркампф» возник на почве вопросов об участии духовенства в народном образовании, о злоупотреблениях проповеднической кафедрой, о карательной власти духовенства, о деятельности ордена иезуитов и других подобных корпораций и т. п.: все это вопросы, из-за которых велась борьба и в других местах, не в одной Германии. Известно также, какие крутые меры были пущены в ход Бисмарком против непослушного католического духовенства, когда оппозиционных епископов облагали штрафами, сажали в тюрьмы, смешали, когда в еще более широких размерах то же самое применялось к приходским священникам (и до тысячи двухсот приходов в конце концов оставили без пастырей) или когда были уничтожены сотни монастырей с тысячами монахов и т. п. Мы знаем, равным образом, что в годы германского «культуркампфа» и Третья республика вела борьбу с клерикализмом, продолжавшуюся и в следующее десятилетие. И во Франции дело шло о защите народного образования от клерикального влияния, об освобождении страны от ордена иезуитов и других подобных конгрегаций, о подчинении духовенства законам государства. Как ни различны были между собой Бисмарк и Гамбетта, их общим девизом была борьба с ультрамонтанским католицизмом, нашедшим наилучшее свое выражение в догмате папской непогрешимости. В более мелких государствах (например, в Бельгии, в Швейцарии), как мы еще увидим², тоже происходила борьба с ультрамонтанским клерикализмом. Из больших стран и Австрия не избежала общей участи — войти в конфликт с папской властью. Уже объявление в монархии Габсбургов конституционного строя с обеспечением свободы вероисповеданий, противоречившей реакционному конкордату 1855 г., вызвало неприятные трения между венским кабинетом и римской курией. Все нововведения в Австрии, находившейся в несогласии с конкордатом или просто с пап-

---

церквями (1874). Между прочим, Reinkens, хорошо знакомый с историей Восточной церкви, написал о ней в 1873 г. две статьи в старокатолическом «Theologisches Literaturblatt».

¹ В этом движении не было никакого политического элемента, чем оно существенно отличается от возникшего позже в Австрии движения «los von Rom», о чем см. выше.

² В следующей главе.

скими его толкованиями, Пий IX не стеснялся объявлять недействительными, но либеральный (в то время) австрийский кабинет заявлял, что государство имеет право единственно своей властью изменять даже такие постановления, которые имеют свое основание в соглашении с церковной властью. Провозглашение собором 1870 г. папской непогрешимости дало только австро-венгерскому правительству повод мотивировать свой отказ от стеснительного для государства конкордата тем, что новым догматом в католическую церковь было введено изменение, которое вовсе не предвиделось при заключении конкордата. Наследие реакции пятидесятых годов было ликвидировано, и Австрия в начале семидесятых годов занялась своим церковным законодательством, бывшим возвращением к иозефинизму с его отстаиванием прав государства. В своем месте уже упоминалось, что в 1874 г. в Австрии были изданы новые законы в области церковных отношений, которые, кстати сказать, недалеко в некоторых отношениях уходили от эпохи прусского «культуркампа», но Пий IX не решился на этот раз слишком резко выразить свое несогласие, ограничившись лишь, во-первых, посылкой в Вену своего нунция Якобини, чтобы подвинуть австрийский епископат на заявление теоретического протеста против законов 1874 г., а во-вторых, письмом к Францу-Иосифу, на которое тот отвечал ссылкой на волю рейхсрата¹. Ряд законов, касавшихся церкви, был издан и в Италии в семидесятых годах, как то: об уничтожении теологических факультетов в правительственных университетах, о закрытии религиозных конгрегаций в Римской области с отобранием их имуществ в казну, об устранении обязательного обучения Закону Божьему в народных школах, о введении обязательного гражданского брака. Все это вызывало протесты папы, очень часто крайне резкие по форме. Когда Пий IX умирал, высшая власть католической церкви была в ссоре с большей частью государств², и преемнику его выпала на долю трудная задача восстановления церковного мира.

Когда в феврале 1878 г. собрался конклав для выбора нового папы, итальянское правительство исполнило свое обещание относительно полной свободы конклава. Двух суток (18–20 февраля) оказалось совершенно достаточным, чтобы кардиналы могли выбрать преемника Пию IX. Избран был шестидесятивосьмилетний кардинал Иоахим Печчи, принявший имя Льва XIII — в честь Льва XII (1823–1829), покровительством которого он пользовался в молодых годах. Настоящая его карьера началась при Григо-

¹ «Österreich verlangte in einigen grundlegenden Fragen dasselbe wie Preussen und logischerweise hätte Pius IX auch mit Österreich anbinden und auch dessen Gesetze für ungültig erklären müssen. Dies geschah aber nicht» и т. д. Egelhaaf, с. 36. Что касается Венгрии, то в ней специально церковно-политическое законодательство относится уже к последнему десятилетию XIX в.

² Пий IX протестовал и против испанской конституции 1876 г., нарушившей прежнее единство веры, вследствие провозглашения этой конституцией веротерпимости, а с Россией всякие сношения были прерваны еще в 1866 г.

рии XVI, который в 1843 г. назначил его нунцием в Брюссель как раз в такое время, когда в Бельгии образовалась католическая партия. По вступлении на папский престол Пий IX его отозвал, и после этого он около тридцати лет провел на своей архиепископской кафедре в Перуджии, переехав в Рим только в 1876 г. после смерти папского статс-секретаря Антонелли, который боялся его как возможного соперника. Пий IX тоже не любил будущего своего преемника и даже завещал кардиналам не выбирать его в папы. Избран Печчи был, говорят, в качестве кандидата партии, которая держалась середины между двумя течениями, из которых одно склонялось к примирению с Итальянским королевством, другое, наоборот, отличалось резко непримиримым отношением к безбожной узурпации. Мечтая о папской тиаре, кардинал Печчи всячески старался избегать всего, что так или иначе могло ему повредить в глазах тех или других членов коллегии, к которой он принадлежал. На Ватиканском соборе он, очень ученый сановник церкви, не произнес ни одной речи о непогрешимости папы, но голос свой подал за новый догмат, что расположило в его пользу наиболее реакционных сторонников папства, с другой же стороны, он сумел понравиться и либеральным католикам, — которых Пий IX терпеть не мог, — двумя пастырскими посланиями 1877 и 1878 гг. на тему гармонии между церковью и цивилизацией, где доказывал, что католицизм по преимуществу есть религия движения вперед. Состав конклава 1878 г. был такого рода, что ни непримиримые, ни склонные к примирению кардиналы не составляли большинства, и легче всего поэтому мог пройти человек, заслуживший репутацию человека средних воззрений. Он сам помог своему избранию, склонив в свою пользу одного из конкурентов, кардинала Франки, бывшего опасным не потому, что за него составилось бы большинство, а потому, что своим влиянием он мог помешать кандидатуре самого Печчи. Будущий папа, чтобы иметь Франки на своей стороне, пообещал ему почетную и влиятельную должность статс-секретаря, чем превратил соперника в сторонника. Приличие и старый обычай требовали, однако, от избранника знаков изумления и даже огорчения, слез и слов о своей недостойности занимать столь высокое положение, и Лев XIII все это исполнил, как исполняли и его предшественники при таких же обстоятельствах. Католическая церковь имела нового папу, которому, несмотря на преклонный возраст в момент избрания, суждено было занимать святой престол целую четверть века¹.

Когда состоялось избрание Льва XIII, первым его делом должно было быть благословение народа, собравшегося у храма святого Петра. Прежде для этого вновь избранный папа в белой сутане выходил на внешний бал-

¹ Лев XIII умер в 1903 г. Интересные подробности об избрании в папы Льва XIII можно найти из новейших соч. в IV томе «Histoire de la France contemporaine» Ганото, с. 266 и след. В распоряжении автора названной книги были неизданные источники.

кон (loggia) храма, откуда и давал свое благословение «urbi et orbi»¹. Говорят, что итальянское правительство распорядилось приветствовать пушечными выстрелами с крепости Святого Ангела появление папы во внешней «лоджии», но есть известия, будто готовилась и какая-то враждебная манифестация со стороны «либералов». Папа, однако, не вышел из стен Святого Петра, что было признаком его намерения оставаться, подобно Пию IX, «узником» в Ватикане и не признавать власти итальянского короля в столице католического мира. Новый папа ни на одну йоту не отрекся от принципов своего предшественника, но зато совершенно изменил его тактику. Если Пий IX был папой-воителем, то Лев XIII был папой-дипломатом. Страшно худой, с бледным лицом, человек, в котором «едва душа держалась в теле», Лев XIII поражал всех ясностью своего взора, в котором светились недюжинный ум и сильная воля. Его красноречие было не из тех видов ораторского искусства, которые имеют целью затрагивать душевные эмоции, умилять сердце или пленять слух, но зато обладало силой логической убедительности в доказывании защищаемых тезисов. Во всех своих действиях он отличался большим тактом, чувством меры, умением достигать поставленных целей. Слишком самостоятельный по своему характеру, чтобы подчиняться, подобно Пию IX, посторонним влияниям, Лев XIII был в то же время натурой властной, но без резкостей, без жесткости и вместе с этим умел терпеливо выжидать, уступать, где было нужно, и своей умеренностью тем не менее в конце концов все-таки настаивать на своем. По дипломатической ловкости Льва XIII сравнивают с самим Бисмарком², а в своем оппортунизме, говорят о нем некоторые, он не уступил бы ни в чем и Гамбетте³. В теории, на словах, в своих многочисленных заявлениях⁴ Лев XIII постоянно твердил, что он остается непоколебимо верен тем принципам, которые были установлены и защищались его предшественником, что он решительно ничего не намерен уступить из религиозных и политических прав церкви ни «ложной цивилизации», ни «нечестивым законам», ни «узурпаторской власти» в Риме, но вместе с тем на практике,

¹ «Городу и миру» (*лат.*), т. е. к всеобщему сведению. — *Прим. ред.*

² «Les deux diplomates les plus considérables et les plus ingénieux qu'il y eut alors, étaient fait pour s'entendre. Mais dignes Pun de l'autre, ils procédèrent dans les règles de la plus savante escrime». Hanotaux G. IV, 502. Иначе судит A. Debidour (II, 23), называя Льва XIII «imitateur de Metternich plutôt que de Bismarck».

³ «Dès le début de son pontificat, Léon XIII, avec un art consommé, montra que l'opportunisme n'était point le monopole de Gambetta et que sa politique serait par-dessus tout la politique des circonstances». *Debidour A. L'église catholique et l'état sous la troisième république* (1906), I, 189.

⁴ Ш. Сеньобос в своем очерке политики Льва XIII (рус. пер. «Политической истории современной Европы», т. II, с. 137–142 по 4-му изд. под ред. Поссе) дает очень большое количество выдержек из целого ряда энциклик Льва XIII. Более подробное их изложение есть в книге A. Debidour'a, названной выше. Некоторые из них, имеющие ближайшее отношение к Франции, помещены в приложениях к обоим томам труда Дебидура целиком или в больших извлечениях.

в своих действиях и распоряжениях, он многим на самом деле поступался, когда нужно было выиграть что-либо более крупное.

По части издания энциклик Лев XIII проявил большую энергию, причем все его энциклики были, в большей или меньшей степени, откликами на разные явления современности, только в самом средневековом духе. Ряд наиболее важных из них начинается энцикликкой «Inscrutabili» (1878), в которой, нападая на ложную цивилизацию наших дней, папа осуждал нечестивые законы, изданные за последнее время в большей части стран для разрушения церкви и распространения посредством свободы обучения всякого зла. Затем энциклика «Aeterni Patris» (1879) устанавливала взаимные отношения знания и веры, в смысле подчинения первого второй, и особенно рекомендовала изучать философию Фомы Аквината и крепко ее держаться. Две энциклики 1880 г. были направлены против светского обучения, гражданского брака, теории народовластия, социализма и т. п. Против «imperium popolare»¹, основанного на ложной философии XVIII в., была направлена и еще одна энциклика «Diu tunc» (1881). В особой энциклике «Humanum genus» (1884) Лев XIII обрушился на вредную секту масонов, ставящую своей задачей устройство государства и общества не на религиозных, христианских, а на натуралистических началах гражданского брака, светского обучения, верховной власти народа и нейтральности государства по отношению к разным вероисповеданиям. В другой энциклике, вышедшей в том же году, «Nobilissima Gallorum gens» папа специально осуждал политику французского правительства. В «Immortale Dei» (1885) Львом XIII была дана целая теория христианского устройства государств, с точки зрения которой осуждались, в духе «Силлабуса» Пия IX, разные заблуждения нового права, учащего о естественных свободе и равенстве людей, о народовластии, о свободе мысли, о невероисповедном государстве, хотя и с оговоркой, что Святой престол не отвергает никакой формы правления и, в известных рамках, участие народа в государственных делах признаёт даже полезным и необходимым. Как тонкий дипломат, Лев XIII оставлял своего рода лазейки для возможности в будущем более уступчивых формулировок². В 1888 г. папа издал еще энциклику «Libertas praestantissimum», где опровергал воззрения «сильно распространенной и весьма влиятельной школы людей, именующих себя либералами», но далеких в своем натурализме от истинного понимания свободы и, в частности, разных публичных свобод — совести, преподавания, печати. Далее, энциклика «Sapientiae christianae» (1890 г.) давала наставления, как вести себя католикам в исполнении своих гражданских обязанностей в столь трудные для церкви времена. Но больше

¹ «Народная империя» (лат.). — Прим. ред.

² См. у Debidour'a (I, 359 и след.) страницы, посвященные энциклике «Immortale Dei». Ср. его замечания и о «Nobilissima» на с. 338—339.

всего наделала шуму энциклика Льва XIII по рабочему вопросу, знаменитая «*Verum novum*», вышедшая в свет в 1891 г. и отмечающая целый поворот в папской политике в сторону «католического социализма». И в последнее десятилетие своего понтификата Львом XIII было издано немало энциклик общего содержания, каковы «*Providentissimus Deus*» (1893 г.) об изучении святого писания, «*Divinum illud*» о благодатном действии Святого Духа, — обе, впрочем, чисто теологического, а не политического содержания, — и др. Кроме того, Лев XIII то и дело обращался с пастырскими посланиями на злобы дня к епископам разных стран с указаниями на опасности, грозящие церкви в той или другой стране, с советами, как нужно поступать ввиду таких-то и таких-то обстоятельств, с предложениями относительно ближайших задач, требующих разрешения. Наконец, Лев XIII любил и устные аллокуции к разным депутациям, представлявшим ему и получавшим от него назидания и советы.

Боевому тону большей части энциклик Льва XIII совершенно не соответствовала его примирительная политика, благодаря чему ему удалось сильно поднять значение и влияние папства во всем мире¹.

В другом месте у нас уже шла речь о прекращении «культуркампа» в Германии, в чем видная роль принадлежала лично Льву XIII. Первый шаг к примирению был сделан Львом XIII в первом же году его понтификата. Сначала переговоры при посредстве мюнхенского нунция, Мазеллы, и нунция венского, Якобини, были неудачны вследствие упорного нежелания Бисмарка отменить так называемые майские законы, но когда имперский канцлер увидел, что в социализме он имеет дело с врагом, более опасным, нежели католицизм, то пошел на уступки, и в конце концов его гордое заявление о том, что он не пойдет «в Каноссу», оказалось неиспол-

---

¹ Русский резидент при папском дворе, К. А. Губастов, так в год смерти Льва XIII определял его историческое значение: «Когда в 1878 г. скончался лишенный светского могущества Пий IX, находившийся в разладе почти со всеми государствами Европы, то многим казалось, что с ним должно погибнуть и само папство. Избранному наперекор желанию Пия IX кардиналу Печчи удалось не только рассеять эти близорукие опасения, но и убедить весь мир в необходимости признать за папством как его живучесть, так и значительный авторитет в сфере международных отношений. После сравнительно небольшого числа лет можно было заметить, что с лишением светской власти, бывшей в последние годы лишь жалким призраком самостоятельности, папство должно было обновиться, освободившись от бремени гражданских дел, и выступить на более подобающую ему пастырскую деятельность, и, на самом деле, ни один папа не был так ревностен на учительство, как Лев XIII... Второй и не менее важной заслугой папы следует признать установленные им отношения ко всем иностранным государствам. Можно без преувеличения сказать, что со времени Средних веков нравственный авторитет папы не достигал такой высоты, на которую Льву XIII, благодаря его выдающемуся политическому уму, удалось поставить... Число католиков увеличивается не только в Азии и в Африке, но и в Северной Америке. Пользуясь политической свободой, господствующей в Соединенных Штатах, римское католичество достигло там небывалых успехов, превратившись из ничтожной горсти католиков в могущественную церковь с кардиналом во главе и сильной иерархией». Приведено в указанной выше книге А. Л. Байкова на с. 146—148.

ненным. Майские законы, кроме некоторых только пунктов, были отменены. Когда у Германии и Испании, в середине восьмидесятых годов, возник спор из-за Каролинских островов, обе стороны обратились к третейскому суду Льва XIII, что для папства после всей истории с «культуркампом» было, конечно, великим моральным торжеством. По этому случаю Бисмарк даже получил от Льва XIII католический орден Христа. Германские католики были очень недовольны и уступчивостью, проявленной папой при переговорах с Бисмарком. «Во всемирной истории, — сказано было в одной газетной статье, — нередко случалось, что победоносная армия была изменнически предаваема дипломатическими переговорами как раз в тот момент, когда ей предстояло только заставить надменного врага сдать свои последние укрепления. То, к чему привели печальные результаты переговоров между Римом и Берлином, в состоянии вызвать краску гнева на лицо даже самого терпеливого из нас». В другой газете говорилось, что на надгробном памятнике партии центра нужно написать такие слова: «Ни разу не побежденный врагами, ни разу не покидавшийся друзьями, но отвергнутый папой, за права которого боролся и страдал семнадцать лет». В одном епископском городе, где католический ферейн¹ ежегодно чествовал папу особым торжественным собранием, в 1887 г. среди духовных лиц не могли найти ни одного, кто взял бы на себя произнесение обычной речи². Кроме Пруссии Лев XIII сумел примирить с католической церковью правительства Гессен-Дармштадта и Бадена, равно как и федеральное правительство Швейцарии, причем большие уступки были сделаны не со стороны папства. В обоих названных германских государствах боевые законы были взяты назад; в Швейцарии, из которой еще в 1874 г. удалился папский нунций, в 1884 г. были восстановлены сношения со Святым престолом³.

Более сложные отношения образовались у Льва XIII с Францией. Здесь высшее духовенство и светские клерикалы были в то же время и приверженцами монархии. Пий IX держался той же самой точки зрения, но Лев XIII понял, что своей связью с безнадежным и непопулярным делом монархической реставрации католицизм во Франции только подвергает себя излишнему риску. С самого начала Лев XIII своей уступчивостью

¹ То есть союз. — *Прим. ред.*

² *Egelhaaf G. С.* 64—65.

³ Одной из причин ссоры папства со Швейцарией было следующее: при Пие IX епископом Женевским был назначен Мермильо (Merilliod), но городской совет не признал за ним этой функции (1872 г.), после чего Пий IX объявил его апостольским викарием в Женеве, но это только заставило союзное правительство изгнать Мермильо из Швейцарии, пока он не откажется от незаконно полученных им званий (1873 г.). Через десять лет Швейцария, однако, согласилась на назначение его епископом в Лозанну, к которой был приписан и Женевский кантон. Дело Мермильо было одно из тех, которые в свое время очень занимали периодическую прессу. Как видный деятель церкви, духовный писатель и выдающийся проповедник, Мермильо имел биографов в лице Belloc'a (1892) и Lesur et Bournand'a (1895). В 1873 г. был также изгнан базельский епископ Lachat, который тоже вернулся в 1884 г. в Швейцарию, хотя и на другое место (в Тичинский кантон).

стремился обезоружить республиканское правительство. Он беспрекословно утверждал кандидатов на епископские кафедры, каких только ему представляли из Парижа, хотя случалось, что против этих кандидатов высказывалось антиреспубликанское большинство французского епископата. В 1882 г. папа наградил титулом архиепископа *in partibus* одного французского прелата, Маре, к которому Пий IX относился очень сурово за его либерализм, причем Львом XIII была благосклонно принята книга Маре под заглавием «Католическая истина и религиозный мир», в которой доказывалась ошибочность поведения французского духовенства по отношению к республике, бывшей единственной, по мнению автора, возможной формой правления во Франции. Когда папу, в том же 1882 г., посетил гр. Парижский, то был принят очень вежливо, но уехал ни с чем, а по смерти, в 1883 г., гр. Шамбора Лев XIII обратился к французскому епископату с советами благоразумия и умеренности. Известно также, что Лев XIII писал Гамбетте, и что между ними были некоторые секретные сношения. Ему даже удалось склонить на сторону примирения с республикой некоторых высших духовных лиц, как, например, кардинала Лавижери. Папские советы вообще плохо слушались французскими католиками, бывшими вместе с тем и крайними недругами республики, что ставило Льва XIII в большое затруднение, но он терпеливо вел свою линию, и, например, его энциклика 1884 г. «*Nobilissima Gallorum gens*», в которой он хвалил французскую нацию за ее верность церкви, говорил о своей любви к Франции и выражал желание скорейшего примирения ее правительства со Святым престолом, была составлена так, что в ней не было прямого нападения на республиканский строй. Протестуя против республиканского законодательства, в котором главная вина падала в его глазах на масонов¹, Лев XIII не переставал при случае говорить о своей симпатии к Франции, что не мешало ему, с другой стороны, принимать кое-какие неприязненные по отношению к Франции меры. Когда у Франции из-за Тонкина вспыхнула война с Китаем, французский посол при Небесной империи поручил принадлежавший Франции протекторат над католическими миссиями представителю России, но Лев XIII под тем предлогом, что миссии остались без защиты, обратился к богдыхану² с письмом, целью которого было заменить французский протекторат папским. Впрочем, когда в 1888 г. Германия и Италия захотели взять на себя этот протекторат, папа дал знать католическим миссиям, что они по-прежнему должны искать защиты у Франции³. В своих отношениях к Франции Льву XIII приходилось счи-

¹ Энциклика «*Humanum genus*», о которой см. выше, имела в виду именно Францию.

² Название китайских императоров. — *Прим. ред.*

³ Французский протекторат по отношению к католикам существовал и в странах ближнего Востока, что усложняло отношения между папством и республикой. Лев XIII его поддерживал, дабы он не достался Италии.

таться также с настроением кардиналов, бо́льшая часть которых находила нужным «не делать никаких уступок революции» а некоторые даже открыто, как, например, французский кардинал Питра¹, высказывались против измены политике Пия IX. Со стороны буланжистов, которых охотно поддерживали клерикалы, делались попытки привлечь на свою сторону Льва XIII, но он был слишком осторожен, чтобы чем бы то ни было себя компрометировать в этой аванюре. Папа только воспользовался общественным возбуждением, чтобы лишний раз преподать французам политические советы в энциклике «*Libertas praestantissimum*», где, между прочим, и заявил, что церковь может терпеть существование известных видов свободы². Когда республика вышла с триумфом из буланжистского кризиса и международное значение Франции окрепло благодаря начавшемуся сближению с Россией, папа-дипломат понял, что наступил психологический момент для выступления с проповедью присоединения (*le ralliement*) к республике, поручив ее сначала кардиналу Лавижери. Последний, в то время примас Африки, воспользовался отсутствием из Алжира генерал-губернатора, чтобы, заступая его, пригласить на обед офицеров Средиземноморской эскадры, находившейся у берегов этой колонии, и провозгласил на нем тост в смысле необходимости добрым католикам признать республику. Этот тост вызвал большую сенсацию во Франции и на долгое время сделался предметом обсуждения в прессе (осенью 1890 г.). Сенсация, произведенная инцидентом, была тем большей, что Лавижери намекнул на то, что его не дезавуирует ни один авторитетный голос. Лев XIII не сразу благословил дело присоединения к республике, которое все-таки встречало несочувствие со стороны консерваторов, бывших больше монархистами, чем клерикалами, но в конце концов все-таки предписал верным чадам церкви «принять республику с целью изменить законодательство». Это было сделано энцикликой 16 февраля 1892 г.³, за которой следовало послание к французским кардиналам, порицавшее консерваторов, которые приносят в жертву своим личным взглядам и целям партийной политики единство, необходимое всем католикам. Наконец, было издано и формальное предписание всем верным чадам церкви подчиниться велению свыше.

---

¹ Питра напечатал в «*Journal de Rome*» письмо, в котором, в сущности, порицал политику Льва XIII, восхваляя политику его предшественника. Разгневанный папа приказал редактору этой газеты оставить Рим и обратился к французским архиепископам и епископам с посланием о долге безусловного повиновения главе церкви.

² Отрывки помещены в одном из приложений к I т. книги Debidour'a, который называет ее образцом «*de l'art consommé avec lequel ce pieux, sophiste savait manier à la fois le pour et le contre*» (I, 398). Нужно, впрочем, заметить, что этот историк не вполне правильно судит о Льве XIII, отказывая ему и в большом уме, и в сильном характере.

³ Эта «французская» энциклика («*Au milieu des sollicitudes*») помещена целиком в приложении к II т. книги A. Debidour'a, с. 524 и след. По-латыни она называется «*Inter innumeras*» («Посреди уединенных». — *Прим. ред.*).

Энциклика Льва XIII, о которой только что было упомянуто, говорила об огорчении, какое он чувствовал по поводу того, что в любезной его сердцу Франции существует обширный заговор, имеющий целью уничтожение религии. Ввиду этого заговора на французских католиков папа возлагал обязанность прекратить политические несогласия и напрячь все свои силы, чтобы достигнуть успокоения своего отечества. «Церковь, — заявлял тут же Лев XIII, — не имеет ни малейшего намерения политически господствовать над государством: кто говорит противное, тот на нее клеветает». Далее энциклика напоминала, что в течение веков во Франции несколько раз переменялся образ правления, и каждый из них был хорош, раз он достигал своей цели. В умозрительном порядке идей католики должны обладать полной свободой оказывать предпочтение одному образу правления перед другим, так как ни один из них сам по себе не находится в противоречии со здравым смыслом и с правилами христианского вероучения, а потому и церковь в своих сношениях с публичными властями не обращает внимания на формы правления, различающие власти между собой. У каждого народа — свой образ правления, вытекающий из совокупности исторических или национальных условий, и нужно, чтобы отдельные лица подчинялись установленным формам и ничего не предпринимали для их ниспровержения, в силу чего церковь и осуждала всегда мятежников против законной власти. Правда, иногда народы переживают насильственные кризисы, во время которых прежде существовавшие правительства (*les gouvernements préexistants*) фактически исчезают, но во избежание анархии нация, в таком случае, должна тотчас же позаботиться об обеспечении порядка созданием нового правительства. «Впрочем, и тут, — продолжает папа, — новизна касается только политической формы гражданских властей и способа их передачи, отнюдь не существа власти самого по себе». Последнее остается неизменным и достойным уважения. В конце концов, как таковая, власть приходит от Бога и всегда от Бога. «Посему раз устанавливаются новые правительства, представляющие эту неподвижную власть, принимать их не только разрешается, но это прямо требуется и даже повелевается необходимостью общественного блага, которое их создало и поддерживает... Этим объясняется мудрость церкви в поддержании сношений с различными правительствами, которые сменяли одно другое во Франции менее нежели в течение века. Такое поведение самое верное и самое спасительное для всех французов в их отношениях к республике, которая в настоящее время является формой правления их отечества». Нужно, говорится далее, не смешивать, как это так часто и совершенно напрасно делают, «установленные власти» и «законодательство», являющееся делом людей, облеченных властью, ибо свойства законов зависят больше от свойств этих людей, нежели от формы властей. Задача всех благонамеренных людей и должна заключаться в том, чтобы,

соединившись, как один человек, «бороться всеми законными и честными способами против все усиливающихся злоупотреблений законодательства. И этому нисколько не противоречит должное уважение к властям», но никоим образом нельзя «одобрять такие стороны законодательства, которые враждебны религии и Богу: напротив того, обязанность — их отвергать». Энциклика упоминала и о действовавшем во Франции конкордате: несомненно, что этот договор очень далек от совершенства, но верные чада церкви не должны поднимать вопросов, ведать которые в праве лишь один Святой престол. Что касается разделения церкви и государства, то Лев XIII объявлял его безусловно недопустимым для Франции, где союз обеих властей особенно он находил необходимым.

Мы знаем из главы о Франции в конце XVIII в. о том, как образовалась партия католиков, «присоединившихся» к республике, или так называемых *gaillies*. Для дела церкви во Франции Лев XIII очень желал, чтобы католики образовали здесь сильную политическую партию, которая, заявив себя сторонницей республики, стремилась бы эту самую республику подчинить влиянию церкви. Папа-дипломат вообще дорожил тем, чтобы иметь Францию на своей стороне, и потому сам защищал ее интересы. Когда Вильгельм II стал хлопотать об учреждении нунциатуры в Константинополе и турецкого представительства в Риме, дабы ослабить французское влияние в Османской империи, и вместе с этим добивался, чтобы Святой престол признал его протектором католиков в святых местах, папа торжественно заявил, что исконные права Франции на Востоке должны быть сохранены в полной неприкосновенности, ибо это — миссия, вверенная ей Провидением (1898 г.). Лев XIII до такой степени следил за перипетиями общественного мнения во Франции, что, когда дело Дрейфуса благополучно окончилось признанием его невиновности, высказался в одном интервью в пользу Дрейфуса и против «космополитического скандала», который был устроен во Франции его обвинителями.

К числу политических успехов Льва XIII нужно отнести и восстановление в Риме русской миссии (1895). Его политическое влияние выросло настолько, что в его содействии стали нуждаться сами правительства для внутренних своих дел. Мы видели, например, что в конце восьмидесятых годов ради пользы церкви из Рима партии центра советовали вотировать за один правительственный законопроект, к которому эта партия не была расположена. Аналогичную услугу оказывал папа и английскому правительству в его борьбе с ирландцами, для которых, как для католиков, должно было быть веским папское слово, осуждавшее их способы борьбы. Католическому духовенству в России он равным образом преподал совет повиновения власти (1894 г.). Одним словом, Лев XIII хотел в отдельных странах влиять на католические силы, чтобы при их помощи располагать в свою пользу правительства этих стран, с которыми он предпочитал ула-

живать все дела мирным путем, избегая конфликтов и борьбы. Единственным исключением было отношение Льва XIII к Итальянскому королевству, хотя и тут он отступил от завета своего предшественника, разрешив католикам участвовать в политических выборах, дабы и здесь могла образоваться католическая партия в парламенте. Сделавшись папой, Лев XIII и не подумал известить об этом итальянское правительство, а когда возникали слухи о возможности примирения с ним, то самым решительным образом опровергал их верность, осудив не раз и тех прелатов, которые осмеливались заговаривать о примирении. Каждый год в день своей коронации и в другие праздники он произносил речи, протестовавшие против спoliации¹ Святого престола, а также очень благосклонно относился к манифестациям представлявших ему богомольцев, когда они приветствовали его, как папу-государя, криками: «Evviva il papa-re!» Католических государей, приезжавших в Рим к Умберто I, он не принимал в Ватикане. По временам, из Ватикана пускался слух, что Лев XIII собирается уехать вообще из Италии: некоторые происшествия в самом Риме, казалось, делали совершенно невозможным дальнейшее пребывание папы в Риме, как, например, постанoвка в этом городе памятника сожженному еретику Джордано Бруно (1889).

В то самое время, как правительства даже не католических стран (Пруссии, Англии, России) считались с Львом XIII, признавая в нем серьезную политическую силу, ему не всегда удавалось заставлять слушаться своих же католиков, когда он требовал от них подчинения своей воле вопреки их собственным желаниям. И в Германии, и в Ирландии, и во Франции католики высказывали прямое неудовольствие на вмешательство папы в их политику. Они указывали на то, что в делах веры они считают себя обязанными безусловно повиноваться папе, но что в вопросах светских они могут сохранять свободу мнения и поведения. Лев XIII не соглашался с такой точкой зрения, что особенно было им подчеркнуто в многочисленных увещаниях, последовавших за изданием энциклики 1892 г.

Остановимся теперь на отношении Льва XIII к рабочему вопросу и к социализму. Но прежде несколько сведений о социальном католицизме, к истории которого относится и папское выступление 1891 г. с энцикликoй по рабочему вопросу.

Сам Лев XIII называл в данном вопросе своим предшественником майнцского епископа шестидесятих и семидесятих годов барона Кеттелера, весьма влиятельного в свое время прелата, одного из вдохновителей католического центра в Германии. Между прочим, он в 1863 г., в опровержение идей Лассалья, написал брошюру «Рабочий вопрос и христианст-

---

¹ Изъятие чужого имущества насильственным путем без какой-либо компенсации. — *Прим. ред.*

во»¹, а в 1873 г. издал в виде «Наброска политической программы» свою работу о католиках в Германской империи², где уже имелись в зародыше все основные идеи энциклики 1891 г. Тогда же, в начале семидесятых годов, возникло социальное направление и среди французских католиков, инициаторами которого были граф де Мён (Mun) и маркиз Ла-Тур де Пен-Шамбли, основатели в конце 1871 г. католических рабочих клубов (*cercles*) и специального органа по рабочему вопросу «*Association catholique*»³. Целью своей инициаторы этого направления во Франции ставили переделку современного общества на католической основе, для чего нужно было противопоставить революции контрреволюцию. Это было направление, которое вдохновлялось идеями иезуитов, Жозефа де Местра, «Силлабуса» и еп. Кеттелера, вследствие чего к нему очень благосклонно отнеслись и гр. Шамбор, и Пий IX, назвавший новые рабочие кружки «армией Божьей». В семидесятых годах духовные и светские власти сильно покровительствовали этому движению, которое уже к середине десятилетия было представлено 130 комитетами и 150 кружками с 18 тыс. членов, среди которых пять шестых были рабочие. Когда, однако, деятели социального католицизма стали в своих речах и писаниях изображать в мрачных красках положение рабочих, многие видные вожди официального католицизма от него отшатнулись, стали к нему в прямую оппозицию и даже принимали меры к тому, чтобы движение заглохло⁴. Само духовенство начало сознавать, что для успеха среди рабочих и для получения их голосов на выборах недостаточно говорить им только о благе церкви и о вечном спасении, а нужно заинтересовывать их вопросами их материального благосостояния, что вело к усилению чисто социальной стороны этого клерикального движения, но и рабочие, в свою очередь, научились хорошо понимать, что здесь дело пахло простым желанием духовенства и буржуазии прибрать к рукам рабочий класс. Это недоверие рабочих заставило часть французского духовенства отделиться от буржуазии, пойти прямо к рабочим, заговорить перед ними о социальной справедливости, о минимуме заработной платы, о сокращении рабочего дня, об обязательном праздничном отдыхе и т.п.⁵ Это явление не было исключительно французским. Оно возникало

¹ «Die Arbeiterfrage und das Christenthum».

² «Die Katholiken im Deutschen Reiche. Entwurf zu einem politischen Programm».

³ Собственно говоря, католические кружки рабочих существовали уже в 1864 г., но не имели тогда большого значения. Кроме названных лиц, в духе католического воздействия на рабочих, которые должны были христиански повиноваться своим хозяевам в христианских корпорациях, писал немало Le Play, идеи которого нашли сочувственный отклик в Победоносцеве, даже пропагандировавшем их в России.

⁴ *Hanotaux* G. IV, 399—403; *Debidour* A. I, 67 и след., 136—137 и др.

⁵ «Une partie du clergé, — говорит A. Debidour, — glissait ainsi complaisamment sur la pente qui mène au socialisme» (II, 17). — «Tout en se défendant toujours de tomber dans le socialisme,... (les abbés démocrates) faisaient en réalité du socialisme, tout comme les guesdistes et les possibilistes» (II, 18).

повсеместно, так как везде католическая церковь, в большей или меньшей мере, стремилась не только противодействовать социализму, но и забирать в свои руки социальное движение. В этом отношении совершенно одинаково поступали и государственная власть, и церковь протестантская. В каждой стране социальное движение среди католиков, — где раньше, где позже, — возникало самостоятельно, везде получая местный характер, более, например, аристократический в Австрии, где главным его деятелем был барон Фогельзанг, принадлежавший к партии феодалов, и решительно демократический в Швейцарии с вождем в лице д-ра Декюртена¹. Весьма естественно, что раз в отдельных странах возникали одинаковые течения, среди социал-католиков должна была явиться мысль о придании своим усилиям известного единства. В швейцарском Фрейбурге (собственно Фрибуре) для изучения экономических вопросов современности с точки зрения рекомендованной католикам папою философии Фомы Аквинского² образовался особый союз, который стал издавать свои труды³. В них печатались мемуары о восстановлении с благословения церкви старых промышленных корпораций, о фиксации заработной платы, о регламентации детского и женского труда и пр. и пр. Одним из участников этого союза был известный лозаннский епископ Мермильо, резиденцией которого был именно Фрейбург со своим католическим университетом. Этот прелат был в большом почете в Ватикане и в 1890 г. получил от Льва XIII кардинальскую шляпу. Он и познакомил папу с трудами «Фрейбургского союза».

Лев XIII сам около этого времени стал склоняться к мысли о необходимости вмешательства церкви в рабочий вопрос для блага самой же церкви. Еще в 1887 г., по доносу одного канадского епископа, он резко осудил существовавшую в Соединенных Штатах под предводительством католика ассоциацию «рыцарей труда» (Knights of labour), в которой было усмотрено сходство с масонством, но за нее заступились два других епископа и английский кардинал Маннинг⁴, что заставило папу в следующем же году смягчить свое отношение к названному сообществу, устраивавшему грандиозные стачки. Около этого же времени Лев XIII начал принимать паломничества, состоявшие из рабочих. Первый такой прием состоялся в 1887 г., когда в Ватикан прибыла смешанная компания из священников, предпринимателей и рабочих, но в 1889 г. гр. де Мён устроил чисто рабочее паломничество, в котором участвовало около десяти тысяч человек, кото-

¹ Выше нам уже приходилось упоминать об этих христианско-социальных течениях. Позже всего (в конце девяностых годов) направление это возникло у поляков. *Feldman W. Stronnictwa i programy polityczne*, II, 233—264.

² См. выше об энциклике «Aeterni Patris».

³ «Union catholique d'études sociales et économiques» или «Union de Fribourg», о которой подробности в книге: *Grégoire L. Le pape, les catholiques et la question sociale*.

⁴ Маннинг был англиканский духовный, перешедший в католицизм и сделавшийся завзятым папистом, защищавшим и непогрешимость папы, и светскую власть.

рые просили у папы не только благословения, но и директив. В своей аллокуции к паломникам папа напомнил те времена, когда церковь устанавливала социальный мир на земле, и указал на необходимость того, чтобы носители общественной власти не мешали церкви с полной свободой совершать свое великое дело и «оказывать свое спасительное влияние на все классы общества». Те же мотивы, которые заставляли Льва XIII изменить свое отношение к республике во Франции, руководили им и при нащупывании нового отношения к социальному вопросу, — не без опасения, впрочем, как бы не потерять при этом расположения консерваторов и имущих классов. Между тем социал-католики ожидали от папы более определенных заявлений по вопросу. Высказывалось предположение, что Лев XIII для большего эффекта от своего выступления воспользовался для своей энциклики по рабочему вопросу происшедшим 1 мая 1891 г. кровопролитием, когда солдаты стреляли в рабочих.

Знаменитая энциклика 15 мая 1891 г. называется «*Regum novarum*»¹. Эта хартия социального католицизма, как ее называли, была составлена в самых осторожных выражениях там, где речь заходила о щекотливых вопросах рабочего движения, но самым решительным образом осуждала коллективистический принцип новейшего социализма. Лев XIII не отрицал ужасающего конфликта, в каком находятся хозяева и рабочие, капитал и труд, не отрицал и трудности решения вопросов, отсюда возникающих, но причину зла усматривал, главным образом, в ослаблении действия начал религии и в разрушении былых индустриальных корпораций. Далее шла защита существующей на основании естественного права частной собственности, которую социалисты хотят передать общине или государству. Право личности предшествует государству, задача которого защищать, а не уничтожать право личности вообще. Чтобы уврачевать общество, спасти его от разъедающего его зла, нужно исполнять веления церкви, а она прежде всего учит, что должно «терпеливо мириться со своим положением». Неравенство социальных положений законно, полезно, даже необходимо. Но не следует думать, что классы капиталистов и рабочих должны непременно находиться между собой во враждебных отношениях. Нет, один не может обойтись без другого, т. е. они созданы для того, чтобы друг другу оказывать помощь и содействие, а не для того, чтобы между собой вести войну. Лучшей связью между ними может быть одна религия. И хозяевам, и рабочим Лев XIII преподавал советы честного и справедливого отношения одних к другим, рекомендовал в особенности — одним не эксплуатировать, другим не бунтовать. Кроме простой справедливости отношений, он указывал еще на христианские начала милосердия, дружелюбия и братства. Но не одна церковь должна забо-

¹ Ее можно найти в приложении к II т. соч. А. Debidour'a, где она занимает 24 стр. (500—524) очень мелкой печати.

титься об улучшении положения рабочих, а нужно, чтобы этим занялись и человеческие учреждения, т. е. государство, на которое падает обязанность вмешиваться в регламентацию труда. Государство должно вообще создавать и поддерживать общественный порядок, т. е. охранять религию, мораль, справедливость, собственность, промышленность, торговлю, должно оказывать всем классам общества одинаковое покровительство, но, кроме того, оно обязано обеспечивать законное достаточное благосостояние рабочего класса, который является истинным создателем народного богатства: «раз общие интересы или особый интерес какого-либо класса нарушаются или находятся в опасности и для устранения этого нет никаких средств, необходимо обращаться к общественной власти». Однако и вмешательство государства должно не выходить за границы необходимого и справедливого и не столько подавлять, сколько предупреждать вредные и опасные выступления рабочих вроде буйных стачек, от которых страдает все общество. Но, с другой стороны, то же государство должно оказывать покровительство рабочему в его моральных правах, например, на воскресный отдых, направляющий его мысли к небесному, и в его стремлении к материальному благосостоянию, ради чего закон должен устанавливать продолжительность и гигиенические условия труда, особенно по отношению к женскому полу и детскому возрасту. Папа высказался в своей энциклике еще и за установление минимума заработной платы: выше свободы распоряжаться своим трудом для человека должна стоять необходимость поддерживать свое существование, и выше свободы заключающих между собой договоры — естественная справедливость, требующая, чтобы заработка не было недостаточно для пропитания. Вообще государство должно приходить на помощь рабочим устройством сберегательных касс, введением страхования и т. п., в особенности же восстановлением былых корпораций, хотя бы из одних рабочих, если бы оказалось невозможным соединение и хозяев вместе с ними. Лев XIII даже особенно подчеркивал законность всяких сообществ, чтобы попутно протестовать против мер, принимаемых правительствами по отношению к религиозным братствам и монашеским орденам. Конечно, рабочим союзам энциклика рекомендовала проникаться духом христианства, понимаемого в смысле безграничного повиновения церкви. Со своей стороны, устами своего главы, и церковь обещала всякое содействие разнообразным сообществам рабочих и вообще мирян, ставящих себя под ее покровительство.

Таково содержание энциклики, за которую социал-католики стали называть Льва XIII «папой рабочих» и которую хвалили некоторые социалисты, как это сделал, например, Лафарг, ставя свою кандидатуру в палату перед католическими избирателями Северного департамента. Но высший клир далеко не одобрял языка, каким заговорил Лев XIII, да и светские католики были очень недовольны тем, что папа возбуждал слишком, по их

мнению, острые вопросы о продолжительности рабочего дня и о минимальном размере рабочей платы. Но, в общем, энциклика «*Rerum novarum*» значительно двинула вперед социально-католическое направление в разных странах, объединив его на нескольких основных пунктах.

Лев XIII рекомендовал, между прочим, и международное соглашение по вопросам рабочего законодательства, о котором только что перед этим стал хлопотать Вильгельм II. Но относительно международной у папы-дипломата были и более широкие мечтания. Во время своего епископского юбилея в 1893 г. Лев XIII получил поздравления и почетные дары не только от католических (кроме итальянского), но и от иноверных правительств, и под влиянием тех заявлений об уважении к нему, какие ему пришлось слышать со стороны людей, не принадлежащих к католической церкви, у него явилась мысль¹ начать целую кампанию в смысле воссоединения христианства под верховной властью римского первосвященника. Летом 1894 г. с воззванием об этом он обратился «к государям и народам вселенной» с энцикликой «*Praeclara*», где призывал к воссоединению с Римом и Восточную церковь, и протестантов. Для определения условий унии Лев XIII созвал особую конференцию, результатом которой была «конституция» того же года «*Orientalium dignitas*», гарантировавшая сохранение восточных обрядов за присоединяющимися к Риму. К той же категории актов Льва XIII принадлежит энциклика 1896 г. «*Satis cognitum*», где им развито учение о единстве церкви на основании Святого Писания и творений Отцов Церкви, — теоретическое рассуждение, показывающее, как много работала мысль Льва XIII в этом направлении. Кроме того, в 1895 г. он обращался с особым воззванием к английскому народу, в 1896 г. занимался вопросом о коптской церкви и т. п.

Мы не станем останавливаться на католических миссиях в других частях света, деятельно проповедовавших христианство народам разных рас, степеней цивилизации и религий, отметив только, что понтификат Льва XIII совпал с усилением колониальной политики европейских государств, которым воспользовалась для своих целей и миссионерская деятельность католической церкви. Гораздо важнее указать на те успехи, какие католицизм делал в последней трети XIX в. среди протестантов. В известном смысле подверглась «католизации» даже родина протестантизма, Германия², но особенно замечательны успехи католической пропаганды среди англосак-

¹ Раньше в смысле желательности воссоединения он высказался в 1884 г. при приеме славянских паломников, явившихся под предводительством загребского епископа Штросмайера.

² Известный германский теолог Гарнак в «Сущности христианства» (с. 151 пятого тома «Общей истории европейской культуры», изд. Брокгауза—Ефрона) отмечает совершающийся, по его наблюдениям, процесс «католизации евангелических церквей», по-своему объясняя это явление из индифферентизма масс, не способных понять евангелическое христианство и в противовес ему восхваляющих католицизм, из очень распространенного («искусственно-

сов. В той части англиканского духовенства, которая слывет под названием высокой церкви (*high church*), всегда были более или менее сильны католические тенденции. Рассчитывая на это, в 1895 г. Лев XIII и обратился со своим воззванием к английскому народу, и в известных сферах оно имело успех. Лорду Галифаксу удалось расположить в пользу проекта унии даже самого Гладстона, который после ватиканского собора заявлял себя крайним противником того, что он стал обозначать как «ватиканизм», отнимающий у человека его личное разумение, и личную совесть и несовместимый с английским патриотизмом¹. Дело не имело, однако, успеха. Весь вопрос для склонной к унии части англиканского духовенства заключался в том, признаёт ли папа действительность сана духовных лиц или нет. В Англии установилось правило, в силу которого англиканские священники, переходившие в католицизм и желавшие оставаться священниками, должны были вновь получать посвящение, и сам Лев XIII своим посланием «*Apostolicae sугае*» признал только такой порядок вещей правильным. Англиканские епископы заявили коллективный протест, в котором защищали действительность полученного ими посвящения, но им на это возразили английские католические епископы, ставшие на точку зрения папы. Эта неудача унии (она, впрочем, едва ли и имела бы большой успех среди всех англиканцев) нисколько не мешала индивидуальным обращениям в католицизм, делавшимся все более частыми в Англии. В начале XIX в. в Англии едва насчитывалось 160 тыс. католиков, к началу XX столетия их число почти удесятилось, т. е. достигло 1,5 млн, не считая 350 тыс. католиков в Шотландии, тоже стране протестантской. Далее, вместо четырех апостольских викариев и четырехсот священников, бывших в Англии около ста лет тому назад, теперь в ней семнадцать епископов и три тысячи священников. В 1878 г. Лев XIII восстановил в Шотландии католическую иерархию, а в 1895 г. учредил апостольский викариат в Уэльсе, превращенном в 1898 г. в особую епархию. В Лондоне английские католики построили великолепный собор, в котором недавно на заупокойной мессе по убитому королю португальскому присутствовали король и королева Англии². Громадные завоевания сделал католицизм и в Соединенных Штатах Северной Америки. В них насчитывали в начале XX в. от 13 до 15 млн католиков с 13 архиепископами, 89 епископами, 11–12 тыс. священников и церквей. Раньше не было и одного католика на сто жителей, теперь их уже семь на сто, а в иных местах приходится и больше; например, в Бостоне, старой столице пуританизма, их целая половина населения. Ежегодно в Соединенных Штатах на-

го») религиозного настроения, заставляющего искать в деле веры и связанных с ней упований прочного авторитета, и из стремления государства сделать церковь своим орудием.

¹ См. в указанной выше книжке Thureau-Dangin'a последнюю главу «*Le progrès des idées catholiques au sein de l'anglicanisme*». С. 218–256.

² Thureau-Dangin. С. 40.

считывается около 30 тыс. обращений в католическую веру. В Австралии в 1900 г. была тоже 21 католическая епархия. Наконец, и в Голландии, где католическая иерархия была восстановлена только при Пие IX (1855 г.), католических церквей к началу XX в. было уже около 400.

Одним словом, потеряв светскую власть и рассорившись в последние годы Пия IX со всеми почти государствами Европы, папство при Льве XIII достигло опять такого значения, каким давно уже не пользовалось в мире. Оно укрепило свой моральный авторитет среди католиков и сумело занять очень почетное положение в мире международных отношений. Словом, общее состояние католицизма было в год смерти Льва XIII (1903) гораздо более благоприятным, нежели за четверть века перед тем.

XXI. Второстепенные государства Западной Европы в последней трети XIX в.¹

Влияние крупных общеевропейских событий и движений на жизнь второстепенных государств. — Кратковременное царствование в Испании Амедея Аостского, превращение ее в республику и быстрая монархическая реставрация. — Испанская конституция 1876 г. и утверждение в стране конституционного строя. — Внешние неудачи Испании в конце XIX в. — Португалия в конце века. — Влияние на Бельгию Франко-германской войны и провозглашения догмата папской непогрешимости. — Бельгийские политические партии. — Борьба за школу в Бельгии. — Вопрос об избирательной реформе, рабочее движение и социализм в Бельгии. — История Голландии в конце XIX в. — Внешнее положение Дании и ее внутренняя жизнь после войны 1864 г. — Конституционный конфликт и переформировка партий в Дании. — Главные политические вопросы в Швеции с 70-х гг. XIX в. — Шведско-норвежские отношения этой эпохи. — Влияние событий семидесятых годов на Швейцарию. — Швейцарский «культуркампф». — Конституционные изменения в Швейцарии в последней трети века. — Социальное законодательство и социализм в Швейцарии

История второстепенных стран Западной Европы за последние тридцать лет в самом начале этого периода отразила на себе в той или другой

---

¹ По общему плану «Истории Западной Европы в Новое время», намеченному еще в первой главе первого тома, во всех ее томах излагается история главным образом Англии, Германии (с Австрией и Пруссией), Италии и Франции, другие же, второстепенные страны вводятся в изложение лишь эпизодически и даже спорадически. В VI томе им отводится особая глава, не считая того, что дается по их истории в главе I. Несколько, в некоторых отношениях (но не во всех), более подробное изложение истории второстепенных стран, нежели то, которое дается здесь нами, можно найти в XII томе изданной под ред. Lavisse et Rambaud «Histoire générale du IV siècle à nos jours», где отведены для периода 1870–1900 гг.: для Швейцарии вторая половина V главы, написанной Fr. de Crue (с. 213–232), для Бельгии и Нидерландского королевства гл. VI (с. 234–247 и 247–255) A. Métin'a, для Швеции с Норвегией и Дании гл. VII (с. 258–274 и 274–279) Chr. Schefer'a и для Испании с Португалией гл. IX (с. 313–337 и 337–341) Desdèvises du Désert'a, в общем, более 80 страниц, причем дается подробная библиография при каждой главе, посвященной той или другой стране. В некоторых общих трудах по истории Новейшего времени (например, L. Stacke. Neueste Geschichte. изд. 1908 г.) соответственных отделов и совсем нет, а в других дается лишь очень краткое изложение (например, в «Illustrierte Greschichte der neuesten Zeit von Otto Kämmler», изд. 1902, где на все второстепенные страны отведено около печатного листа, с. 560–576, с исключением из них иллюстраций, или в книге под тем же заглавием G. Egelhaaf'a, изд. 1908 г., в которой одна глава в три страницы посвящена Скандинавским странам и одна глава в восемь-девять страниц остальным малым государствам).

степени влияние Франко-германской войны 1870—1871 гг. и провозглашения догмата папской непогрешимости на Ватиканском соборе 1870 г. После побед, одержанных над Францией Германией, объединившейся в могущественную военную империю, многие были уверены, что последняя не насытится так скоро своими завоеваниями и будет стремиться к дальнейшему расширению своих границ. Опасения насчет будущей политики Германии существовали в Голландии, которую будто бы со всеми ее колониями Бисмарк стремился присоединить к новой империи. Тревожились за свою судьбу и соседние с Германией Бельгия и Швейцария, последняя — особенно потому, что Бисмарку приписывался план округлить Германскую империю вообще соседними странами, в которых население говорило по-немецки, а в их числе находилась и большая часть Швейцарии. Милитаризм, столь пышно расцветший в великих державах, не мог не затронуть и малых государств. Ввиду грозного положения, занятого Германской империей, и второстепенные государства стали увеличивать свои военные силы, производить реформы в комплектовании своих армий, поднимать численность их состава, приобретать усовершенствованное вооружение, строить крепости и военные суда и т. п., что, конечно, тяжело ложилось на государственный бюджет и вызывало нередко внутренние политические осложнения в виде оппозиции со стороны прогрессивных партий, находивших многие траты излишними и т. п. Вопрос о введении всеобщей воинской повинности в некоторых государствах сделался прямо предметом сильной политической борьбы, так как введению его сильно сопротивлялись имущие классы, молодежь которых могла нанимать заместителей¹. Долгое время в Европе были уверены, что новая Франко-германская война разразится в самом непродолжительном времени, и все считали нужным быть готовыми ко всяким случайностям: известно, например, какую тревогу вызывали в 1875 г. некоторые признаки близкой войны. Образование так называемого союза трех императоров в 1871 г. служило гарантией мира, но в то же время заставляло малые государства опасаться за потерю политической независимости. Если уже великие державы, Австрия и Россия, вступив в союз с Германией, должны были под-

---

¹ Предметом борьбы вопрос о воинской повинности был в Бельгии, где король стремился к введению германской системы, а либералы и социалисты рекомендовали систему швейцарскую, но где сильными противниками всеобщей личной воинской повинности и отмены замещения (т. е. возможности откупаться деньгами) были клерикалы. В 1901 г. в Бельгии была введена военная реформа, сохранившая замещение и вместе с тем создавшая разные приманки для привлечения в армию побольше волонтеров. В Голландии также возник вопрос о введении всеобщей воинской повинности без замещения, но и здесь против этого восставали консерваторы, желая сохранить привилегию, которой пользовалась буржуазия, откупавшаяся от личной повинности, да и опасаясь влияния города на крестьянских парней. Здесь всеобщая воинская повинность была принята только в 1898 г. после споров, продолжавшихся целую четверть века. И в Бельгии, и в Голландии этот вопрос одинаково был одним из наиболее важных пунктов партийных несогласий.

чиниться ее первенству, то второстепенные страны не могли тоже не испытывать на себе влияния германской политики. Образование, в 1879 г., Тройственного союза из Германии, Австро-Венгрии и Италии при изолированности остальных великих держав создало в центре Европы такую политическую силу, к которой не могли не тяготеть мелкие государства. Наконец, и колониальная политика великих держав середины восьмидесятых годов не могла не отразиться на некоторых второстепенных государствах (на Голландии и на Испании), а одно из них, Бельгия, даже само превратилось в метрополию большого колониального владения в центре Африки.

С другой стороны, провозглашение догмата папской непогрешимости, усилившее клерикальный натиск на светскую культуру в больших государствах, сопровождалось тем же самым результатом и в малых государствах. «Культуркампф», борьба с ультрамонтанством и клерикализмом проходят красной нитью через историю и Швейцарии, и Бельгии, и Голландии и т. п. И здесь это была, главным образом, борьба за права государства и светской культуры против теократических и клерикальных тенденций католической церкви. Как и в великих державах, в Германии, во Франции, в Италии, центром этой борьбы была школа, особенно низшая школа, посредством которой духовенство хотело властвовать над народными массами. Воинственная политика Пия IX затрагивала не одни великие державы, и не в них только получали силу и значение клерикальные партии, которые потом стремились направлять к единой и общей цели Лев XIII, желавший со всеми государствами жить в мире, но в то же время и везде иметь свою политическую партию, как орудие святого престола.

К числу европейских явлений, наблюдаемых нами в истории второстепенных стран, относится, конечно, и распространение социалистических учений, образование социалистических рабочих партий. Мы знаем, что Интернационалу, основанному в середине шестидесятых годов, удалось сделаться центром социалистической пропаганды для всей Европы, и что в конце шестидесятых и начале семидесятых годов в этой организации участвовали и бельгийцы, и швейцарцы, и испанцы, и голландцы, и португальцы, и датчане. Правда, в середине семидесятых годов Интернационал перестал существовать, но посеянные им семена дали всходы в виде местных социалистических партий. Мало того, в некоторых второстепенных государствах, в особенности, например, в Бельгии и в Дании, социализм получил очень большое развитие¹. Касаясь выше социалистического

¹ «Всякому, — говорит В. Зомбарт в своей книге «Социализм и социальное движение» (цитирую по русск. перев. во втором изд. Суворина, 1908 г.), — всякому, кому захотелось бы видеть социализм полным жизни и бодрости, кого интересовало бы узнать, как, судя по всем вероятностям, сложится на будущее время социальное движение в современных странах со старой культурой, — тому я советую съездить в Брюссель или в Гент... Развитие социализма в Бельгии потому так знаменательно, что оно охватывает одновременно все стороны современного социального движения — политического, профессиональные союзы и товарищества рабочих»,

движения за последние два десятилетия XIX в. в больших государствах, мы должны были отмечать, какие везде успехи делала основная идея теории, организации и тактики германской социал-демократии, которая стала главным образцом для образования социалистических рабочих партий и в других странах. То же самое следует сказать об успехах германской социал-демократической программы и в малых государствах. Особенно нужно принять в расчет, что с 1889 г. социалистическое движение снова начало интернационализироваться и тем самым ставить все происходящее в каждой отдельной стране в большую и большую зависимость от происходящего в других странах и, прежде всего, в Германии, Франции и Англии¹. Социальное законодательство тоже получило известное развитие в некоторых второстепенных странах².

То же можно сказать и об общих экономических переменах, происходивших в последние десятилетия XIX в. с их следствиями вроде усиления протекционистских стремлений³.

Что касается выработки новых политических форм, то творчество малых стран в этом отношении было очень ограниченным. В большинстве случаев эти страны в вопросах конституционного права следовали образцам, какие давались им большими государствами. Исключениями являются только Бельгия (введение пропорционального представительства) и особенно Швейцария, продолжавшая и в последнюю треть XIX в. развивать свои учреждения в строго демократическом направлении. Одним из главных лозунгов демократии во всех странах, где еще нет всеобщего избирательного права, сделалось именно введение этой формы политического равноправия, для которой новой эпохой в ее истории было, как известно, введение ее в Германии в 1867–1871 гг.

После этих общих замечаний переходим к истории отдельных стран. В изложении испанских дел в конце шестидесятых годов XIX в. мы остановились на моменте избрания на сделавшийся вследствие революции 1868 г. вакантным трон Амедея Аостского, сына Виктора-Эммануила⁴. Но-

---

с. 314. «Чего, — говорит он еще, — достигли социалисты в Бельгии за последние двадцать лет — поистине изумительно», с. 315. «Дания, — читаем в другом месте, — во многих отношениях представляет сходство с Бельгией: там социализм также достиг высокой степени развития; так же, как и в Бельгии, там одинаково сильно выработались все три отрасли социального движения», с. 319.

¹ См. ниже, гл. XXIII.

² См. ниже, гл. XXII.

³ «Le vieux parti libéral libre-échangiste, qui eut une si grande importance politique dans l'Europe occidentale au milieu de ce (XIX) siècle, a été écrasé partout; il n'occupe plus le pouvoir que dans un seul état, le royaume des Pays-Bas». (Замечание автора нидерландской истории, А. Метин'а, в XII т. Лависса и Рамбо, с. 255.) Ср. ниже, в гл. XXII.

⁴ Для предыдущей истории Испании см первую часть VI тома. Из литературы отметим: Castelar. Historia del movimiento republicano en Europa (1873–74); Pi y Margall. Amadeo de Saboya (1884); Léonardon H. Prim (1901). Значительная литература на испанском языке названа в XII т.

вый король высадился в Картагене, накануне последнего дня 1870 г., и в этот же день умер один из виновников революции, маршал Прим, «делатель королей», незадолго перед тем смертельно раненный неизвестным лицом, а на второй день нового (1871) года совершился въезд Амедея в Мадрид, где им была принесена присяга конституции. Положение молодого короля было не из завидных. Как-никак, он был в глазах народа иностранцем. Гордые испанские гранды относились к нему нередко свысока, республиканцы, во главе с Кастеляром, профессором истории в Мадридском университете, — прямо враждебно, в Андалузии же и во многих приморских пунктах были достаточно сильны клерикалы, державшиеся карлизма, а демократы оказывались недостаточно надежными. Внутреннее состояние было тоже довольно шатким, на что указывает частая смена министерств, а когда одно из них распустило кортесы и назначило новые выборы, бывшие поражением для карлистов и республиканцев, то первые подняли в Бискайе и Наварре знамя восстания, в котором вскоре принял непосредственное участие и сам дон Карлос. В 1872 г. оно было усмирено маршалом Серрано, тоже одним из деятелей революции, бывшим регентом Испании, потом министром Амедея, который теперь, после смены двух министерств, снова сделался ненадолго министром. Вскоре вспыхнуло новое восстание в Каталонии. К тому же духовенство возбуждало народ против государя, сына ненавистного верным католикам короля Италии, и в 1873 г. на жизнь его даже совершено было покушение. Не находя ни откуда поддержки, Амедей, в конце концов, в феврале 1873 г. отрекся от престола и уехал в Италию.

В день объявления королем своего отречения кортесам последние провозгласили республику. По вопросу о том, что должна собой представлять республика, образовалось две партии, из коих одна желала республики унитарной и консервативной, какая в это время устанавливалась во Франции, тогда как другая партия стояла за республику федеративную по американскому образцу. Во временном правительстве преобладание принадлежало федералистам Кастеляру, Сальмерону, Фигуерасу, Пи-и-Маргалю; наоборот, в постоянной комиссии кортесов, игравшей роль контроля над правительством, сильнее были консерваторы с Серрано во главе. Фигуерас в апреле того же 1873 г. разогнал эту комиссию, и всю власть захватили федералисты. Созванные для издания республиканской конституции кортесы приняли 8 июня предложение Кастеляра, по которому Испания на будущее время должна была быть разделена на 13 самостоятельных государств с религиозной свободой, отделением церкви от государства, рас-

---

Лависса и Рамбо (с. 341—342 фр. подлинника в 1-м изд.). Как бедна литература по истории Испании на рус. яз., в этом можно убедиться из библиографии, составленной В. А. Поссе и помещенной в новом изд. 1908 г. на русском языке книги Сеньобоса (II, 267). В «Истории Испании и Португалии» В. Е. Писковского (1902) новейший период изложен очень коротко.

продажей церковных имуществ и т. п. Во главе союзного правительства стал сам Кастеляр. Федерализм соответствовал весьма сильно развитой в Испании областной обособленности, но попытка дать последней политическое выражение в конституции успехом не увенчалась. К карлистскому восстанию, продолжавшемуся на северо-востоке, присоединился ряд восстаний в больших городах на юге — в Барселоне, Севилье, Гранаде, Кадиксе, Картахене — под знаменем социализма и в духе парижской коммуны. В Картахене, представляющей собой лучший военный порт Испании, восставшими были захвачены военные суда. Морские державы признали, однако, их красный флаг пиратским, и германская эскадра после сильного сопротивления овладела этими судами и возвратила их центральному правительству. Во главе последнего стоял теперь Сальмерон, который и подавил это городское движение (кроме, впрочем, картагенского). Гораздо более трудным делом оказалось справиться с карлистским восстанием, принявшим характер беспощадной мелкой, или партизанской войны, «гверильи». Центральное правительство, ввиду карлистских успехов, нашло нужным учредить диктатуру, вручив неограниченные полномочия Кастеляру, к великому прискорбию его самого, но он пользовался властью диктатора лишь около четырех месяцев, от 7 сентября 1873 до 2 января 1874 г. Едва он, отчаявшись в успехе, подал в отставку, как молодой генерал Павия разогнал кортесы, и Серрано снова стал во главе правления в качестве председателя исполнительной власти. Как раз в это время пала Картахена, продолжавшая сопротивляться центральному правительству, и Серрано получил возможность направить все усилия на борьбу с карлистами. Так как в июле в руки карлистов попал немецкий корреспондент Шмидт, и дон Карлос велел его расстрелять, особенно за то, что он был протестант, то Бисмарк добился от великих держав, за исключением России, признания правительства Серрано. Пока последний собирал новые силы для борьбы с карлистами, в Испании неожиданно было произведено новое пронунсиаменто¹.

В стране нашлось немало влиятельных людей, которые подумывали о возведении на престол сына изгнанной королевы, Альфонса, воспитывавшегося сначала в венском Терезиануме, потом в сэндгерстской военной школе в Англии. Ему только что исполнилось осенью 1874 г. семнадцать лет, он был объявлен совершеннолетним, и по этому случаю испанские гранды поднесли ему приветственный адрес, на который он по инициативе бывшего раньше министром Кановаса-дель-Кастильо отвечал манифестом (1 декабря) с заявлением как своих прав на испанскую корону, так и своей приверженности к либеральной конституционной монархии. Не прошло и месяца после этого, как генерал Мартинес Кампос провозгласил в одном небольшом городе (Мурвьедро) сына Изабеллы королем

¹ От исп. Pronunciamiento — государственный военный переворот (в Испании). — *Прим. ред.*

под именем Альфонса XII, к чему присоединились андалузские гарнизоны, а потом и войско в самом Мадриде. Серрано сложил с себя власть, и в начале января 1875 г. Альфонс XII был уже в Барселоне. Так, после почти семилетних смут в Испании произошла реставрация Бурбонов. Министерство досталось Кановасу-дель-Кастильо. На продолжение борьбы с карлистами испанскому правительству потребовалось, однако, еще более года, потому что последний удар, заставивший дона Карлоса перебраться во Францию, был нанесен карлистам лишь в конце февраля 1876 г. Новые кортесы для выработки конституции были собраны, равным образом, лишь в феврале 1876 г., но они не замедлили со своей работой, и новая конституция, принятая 24 мая, была обнародована 30 июня¹.

Конституция 1876 г. была в истории Испании XIX в. по счету седьмой². В течение первых трех четвертей XIX в. испанская нация шесть раз получала новое государственное устройство на началах народного представительства, и каждый раз конституция существовала лишь по нескольку лет, кроме одной, продержавшейся почти четверть века (1845—1869 гг.). На этот раз конституция оказалась более долговечной: ей идет уже четвертый десяток лет. Характер ее вообще довольно-таки шаблонный, и лишь немногое в ней достойно быть отмечено особо. Это, во-первых, статья 11, гласящая так: «Римско-католическая апостолическая религия есть религия государственная. Народ берет на себя обязательство содержать культ и поддерживать его служителей. Никто на испанской территории не может быть преследуем за свои религиозные убеждения или за исполнение культа своей религии, причем всякий тем не менее обязан уважением к христианской морали. Однако, не дозволены манифестации и публичные церемонии других религий, кроме государственной». Подобная статья была еще в самой либеральной из испанских конституций, конституции 1812 г., но духовенство все-таки было недовольно уступкой духу времени, и сам Пий IX протестовал против нарушения этой статьей единства веры. В составе верхней палаты (сената) конституция сохраняла грандов Испании, получающих определенный доход (60 тыс. песет или франков, т. е. около 22 тыс. рублей). Наконец, «конгресс депутатов» состоит в Испании из депутатов, выбираемых на пять лет по одному на 50 тыс. жителей, но конституция ничего не говорит об избирательном цензе, который был установлен особым законом, но через четырнадцать лет (1890) отменен.

Успокоение в Испании после стольких лет междоусобий наступило не скоро. На жизнь Альфонса было совершено два покушения, в 1878 и 1879 гг. В 1883 г. в одном месте вспыхнул руководимый республиканцами

¹ Испанская конституция помещена в I томе сборника Гессена и Нольде (с. 243—261). Для государственного права Испании см.: *Campos T.* Das Staatsrecht des Königreichs Spanien (1889).

² Более ранние были 1808, 1812, 1834, 1837, 1845 и 1869 гг.

солдатский бунт. Кроме того, правительство вело борьбу с тайной социалистической организацией «черной руки» (*mano nera*), состоявшей из трех тысяч групп и совершавшей насильственные действия. Только в сентябре 1883 г. Альфонс XII решился посетить Австрию и Германию. Вильгельм I сделал его шефом одного уланского полка, который он и посетил в Страсбурге, за что подвергся оскорблению со стороны уличной толпы в Париже на обратном пути в Испанию. Хорошие отношения короля к Германии, однако, не помешали тому, чтобы в самой нации по поводу Каролинских островов могла начаться воинственная агитация против немцев. Это было уже в 1885 г., когда вскоре неожиданная смерть унесла в могилу Альфонса XII. Женатый во втором браке на австрийской принцессе Марии-Христине, он оставил после себя беременную вдову и двух дочерей, и когда королева весной 1886 г. разрешилась от бремени мальчиком, он немедленно был объявлен королем с именем Альфонса XIII и под регентством своей матери. Смерть короля, междоусобие между его кончиной и рождением его преемника и продолжительное малолетство нового короля не поколебали положения ни монархии, ни самой династии в Испании, так привыкшей в XIX в. к революциям и пронунасиаменту.

В последние годы Альфонса XII и в регентство Марии-Христины у власти постоянно чередовались Кановас и Сагаста, причем главной силой оставалась, однако, все-таки армия, с которой каждому правительству приходилось очень серьезно считаться, в культурном же отношении страна не делала никаких серьезных успехов и продолжала коснеть в невежестве¹ под влиянием иезуитов и вообще духовенства, сохранившего в Испании свою прежнюю силу. Внешний порядок серьезно после смерти Альфонса XII долго не нарушался, но экономический подъем Испании был крайне медленный, а администрация, прославившаяся своим произволом, взяточничеством и казнокрадством, нисколько не улучшалась. В самом конце XIX в. Испания протерпела и ряд серьезных поражений во внешней политике. В 1895 г. против испанского владычества произошло сильное восстание на острове Кубе, с которым мадридское правительство не могло справиться в течение трех лет, истратив на его подавление массу денег и потеряв около 50 тыс. войска убитыми и умершими от местной лихорадки, а через полтора года (1896) поднялось восстание и на Филиппинских островах. Еще не были подавлены эти два восстания, как Испании пришлось выдержать войну с Северо-Американскими Соединенными Штатами, во время которой Испания лишилась большей части своего флота, а по окончании должна была отказаться от своих колоний².

В самом конце XIX в., отчасти под влиянием внешних неудач и соединенного с ними обеднения населения в Испании снова началось револю-

¹ На 17 млн испанцев безграмотных приходилось 12 млн.

² Ср. выше, но подробнее ниже, в гл. XXV.

ционный брожение, одним из первых проявлений которого было убийство в 1897 г. Кановаса, занимавшего в то время должность первого министра¹. Вслед за этим начались народные волнения, на которые правительство отвечало объявлением Мадрида в военном положении и даже приостановкой действия конституции.

Португалия ни в экономическом, ни в культурном, ни в политическом отношении почти ничем существенно не отличалась от Испании. Португальская конституция ведет свое начало от 1826 г. с некоторыми изменениями, сделанными в ней в 1852 и 1885 гг.², но, на самом деле, применялась она всегда самым невозможным образом. Простыми королевскими декретами приостанавливались конституционные гарантии, министерская ответственность существовала только на бумаге, выборы лишь назывались свободными, а палаты всегда более или менее покорно одобряли действия министров, причем и консерваторы, и либералы к концу XIX в. только о том и хлопотали, чтобы не дать разростись республиканскому и социалистическому движениям. В последней трети XIX в. в Португалии царствовали Луис I (1870—1889) и сын его Карл I, убитый революционерами уже в первых годах XX столетия³. Начавшийся еще при первом из них конфликт с Англией на почве недоразумений в Африке⁴ кончился унижением Португалии, что повлекло за собой крайнее недовольство населения, сильно взволнованного уже и попыткой республиканского восстания в Оporto в начале 1891 г. Правительство ответило на проявления народного недовольства всякого рода репрессиями, и в этом состоянии неустойчивого равновесия Португалия перешла в XX столетие.

Переходим к истории Бельгии⁵.

Международное положение этого маленького государства обеспечивалось признанием его нейтралитета, но опасения со стороны французского

¹ Убийцей был итальянский анархист Анджилилло. Анархизм был вообще сильно распространен и в самой Испании.

² Гессен, Нольде. I. С. 353—387.

³ Событие это относится к 1908 г. С королем был убит и наследник престола, так что корона перешла ко второму сыну короля, Мануэлю II.

⁴ См. ниже, в гл. XXV.

⁵ Лозинский С. История Бельгии и Голландии в Новое время (1908; доведена до конца XIX в.); *Hyman*. Histoire parlementaire du Belgique de 1830 à 1880 (1877—1880); *Idem*. La Belgique contemporaine (1900); *Thonissen*. La constitution beige annotée (1879); *Vauthier*. Staatsrecht des K. Belgien (1892); *Фланден*. Бельгийская конституция; *Гюисманс К.*, *Брукер Л. де*, *Бертран Л.* 75 лет буржуазного господства (1906); *Bertrand L.* Histoire de la démocratie et du socialisme en Belgique depuis 1830. *Préf. par E. Vandervelde* (1906; есть русск. пер. 1907 г.); *Kennen A.* Социальное законодательство Франции и Бельгии (1900); *Вандервельд, Дестрэ*. Социализм в Бельгии (изд. т-ва Гранат); *Arnaud L.* La revision beige, 1890—1893 (1894); *d'Alviella G.* La représentation proportionnelle en Belgique (1900); *Dupriez*. Le suffrage universel en Belgique (1904); *Любуа В.* Пропорциональное представительство в опыте Бельгии (1908); *Laveleye E. de*. Le parti clérical en Belgique (1874). См. также указания на некоторые русские статьи в рус. пер. (под ред. В. А. Поссе) «Политической истории современной Европы» Сеньобоса (1908), т. II, с. 266, 592.

завоевания заставляли брюссельское правительство быть настороже. Действительно, в числе политических комбинаций, которые создавались в голове Наполеона III, не последнее место принадлежало присоединению Бельгии. В начале шестидесятых годов правительство внесло в палату план превращения Антверпена в большой укрепленный лагерь и в центральный пункт целой системы вооруженной обороны, направленной против Франции. Многие либералы были против этого «заклучения Антверпена в Бастилию», и вообще весь правительственный план вызвал большие несогласия, но в конце концов палатой он был принят (1864 г.). Эта же политика недоверия к наполеоновской Франции и вообще боязнь за национальную независимость продолжались и при новом короле, Леопольде II, вступившем на престол в 1865 г. Германские события 1866 г. тоже действовали на Бельгию, и в ней началась военная реформа в смысле удлинения срока службы в войске, увеличения численности набора и т. п. Министерство Фрер-Орбана прямо стало сближаться с Германией, особенно когда Наполеон III сделал попытку выкупить наиболее важные бельгийские железные дороги и, таким образом, поставить Бельгию в экономическую зависимость от Франции. Это было в 1869 г., а когда началась франко-германская война, театр которой был близ границ Бельгии, особенно в седанский период¹, со стороны Бельгии было выставлено на границе 80 тыс. войска для защиты нейтралитета страны от всякого его нарушения воюющими нациями. Сочувствие в войне было решительно, однако, на стороне французов, что, между прочим, испытали на себе германские раненые под Седаном, когда их провозили через Бельгию. Ввиду немецких побед бельгийцы даже стали бояться завоевательной политики Германской империи, и это заставляло многих настаивать на необходимости иметь в распоряжении сильную армию, хотя против этого и восставали так называемые антимилитаристы. Вопрос об армии сделался даже, как мы сейчас увидим, одним из наиболее жгучих во внутренней политической борьбе, происходившей в Бельгии с конца шестидесятых годов.

Провозглашение Ватиканским собором догмата о непогрешимости папы и вскоре за тем последовавшая потеря им светской власти оказали на бельгийских католиков совершенно такое же действие, как и на католиков других стран. «Культуркампф» в Германии только усиливал возбуждение, царствовавшее в клерикальных кругах Бельгии. И в этой стране велась агитация в пользу возвращения папе светской власти и вообще восстановления прав церкви. Во главе этой агитации стояли епископы, которые даже обнародовали послание против образа действий итальянского и германского правительств. Как и во Франции, и в Бельгии устраивались разные религиозные манифестации с политическим характером, как то цер-

---

¹ Седан находится у самой бельгийской границы.

ковные процессии, массовые паломничества и т. п., и довольно большую сенсацию произвел тост за папу раньше тоста за короля на одном католическом банкете, происходившем под председательством архиепископа. В это время, после выборов 1870 г., давших большинство католикам вследствие многочисленных воздержаний от подачи голоса со стороны либералов, во главе правления стояло католическое министерство более умеренного направления, вследствие чего вело себя во всей этой истории очень сдержанно — не только не принимало участия в ультрамонтанском движении, но даже высказывалось в смысле необходимости твердого соблюдения конституции. Духовенство в это время агитировало, например, за то, чтобы законодательным порядком была установлена обязанность совершать церковный брак раньше гражданского, принятие чего было бы противно провозглашенному бельгийской конституцией принципу религиозной свободы. Духовенство, кроме того, теперь особенно пользовалось своим влиянием на граждан, чтобы создавать их политическое настроение и определять их политическое поведение. Ввиду того, что оно стесняло свободу выборов, не только указывая избирателям, за кого они должны подавать голоса, но и пользуясь разными способами, дабы убедиться, так ли, как ему угодно, подаются голоса на выборах, либералы подняли вопрос о необходимости ограждения действительной тайны голосования. Само католическое правительство предложило тогда ввести такой способ подачи голосов на выборах: каждому избирателю должен был даваться печатный список выставленных в данной местности кандидатов, после чего в особом помещении, куда никто, кроме самого избирателя, в данный момент не имел доступа, он ставил крестик против фамилии своего кандидата, и уже в таком виде бюллетень должен был попадать в избирательную урну.

Господство католической партии в Бельгии в семидесятых годах объясняется предшествовавшим ему расколом среди либералов, разделившихся на несколько несогласных между собою партий по разным внутренним вопросам, каковы были вопрос о выборах, об армии, об употреблении фламандского языка и т. п. В тридцатых годах XIX в., когда Бельгия получила свое государственное устройство, в конституционных государствах господствовала система ценза, которая, как известно, была введена и в Бельгии и благодаря которой — и то после понижения ценза в 1848 г. — во всей этой стране в середине XIX в. не было и полных полутора тысяч избирателей. Между тем в соседней Франции с 1848 г. действовало всеобщее избирательное право, которое в 1867 г. было введено и в соседней же Германии, а в соседней также Англии в 1867 г. было произведено значительное расширение избирательного права. Немудрено, что и среди бельгийских либералов образовались партии, требовавшие отмены цензовой системы, или в пользу только расширения этого права, или даже в пользу введения всеобщего голосования, в то время, как другие стояли за сохра-

нение старой цензовой системы. Эти консерваторы среди либералов получили название доктринеров, а две другие партии стали обозначаться как молодые либералы, или прогрессисты и как радикалы. Кроме того, с доктринерами, желавшими сохранить старый военный строй, разошлись по этому вопросу сторонники народной милиции — вместо постоянной армии, и они образовали особую лигу антимилитаристов. Наконец, фламандское население Бельгии находило, что не соблюдался, как следует, параграф конституции 1831 г., объявлявший факультативность пользования распространенными в Бельгии языками, но либералы, говорившие по-французски, держались насчет употребления фламандского языка неблагоприятного для него воззрения. Католики даже воспользовались последним несогласием, чтобы расположить фламандцев в свою пользу, и когда власть попала в их руки, они придали фламандскому языку значение официального в области, где на нем говорит население, во всех общинных делах и в уголовном суде. Все указанные разногласия среди бельгийских либералов относятся к самому концу шестидесятых годов: например, вопрос о реформе выборов был поднят в 1866 г., лига антимилитаристов основалась в 1868 г. Обострение отношений среди либералов дошло до того, что многие, скорее, готовы были видеть у власти католиков, нежели своих соперников из либералов же. Воздержание от подачи голосов антимилитаристов и фламандцев сыграло немалую роль на выборах 1870 г., а по отношению к радикалам даже существовало обвинение в том, что они своим голосованием за католических кандидатов и прямо содействовали провалу либеральных кандидатов. Когда, однако, во главе правления стало католическое министерство, а особенно когда поднялась клерикальная агитация, о которой сказано выше, началось сближение между некоторыми элементами старого союза либералов. Именно доктринеры и прогрессисты первые протянули друг другу руки, чтобы тем самым положить начало единению всех бельгийских либералов для борьбы с клерикалами, делавшимися все более опасными для светского государства и общества. Это было достигнуто в 1875 г., когда все либералы слились в единую правильно организованную «Либеральную федерацию», и через три года после этого либералы снова имели парламентское большинство, утраченное ими в 1870 г. Образовавшееся в 1878 г. либеральное министерство начало борьбу с клерикализмом.

Как и в других странах, — во Франции, в Германии, в Швейцарии и т. д., — предметом борьбы между либералами и католиками была школа. В Бельгии конца семидесятых годов это уже далеко не был новый вопрос. Еще в 1850 г. стоявшее тогда у власти либеральное министерство провело закон, отнимавший у духовенства право надзора за начальным образованием народа, но духовенство устроило дело так, что этот закон стал обходиться. Стоило только какой-либо общине обратиться к епископу с прось-

бой о назначении в ту или другую школу законоучителя, как от общины епископ требовал, как необходимого условия для своего согласия, чтобы данная школа была поставлена под надзор духовенства, и чтобы, кроме католического священника, в ней не преподавали духовные лица других исповеданий. Действие закона было парализовано, а когда через пять лет после его издания клерикалы очутились у власти, то задумали провести закон об устранении государственного надзора за благотворительными учреждениями, чтобы передать их всецело в руки духовенства. Среди либералов это вызвало тогда такое ожесточение, что начались враждебные против католиков и правительства демонстрации на улицах, нападения на монастыри и т. п., потребовавшие даже вмешательства национальной гвардии. Когда вскоре после этого либералы снова стали у власти и образовалось либеральное министерство Фрер-Орбана (1857), опять возгорелся спор с католиками о народном образовании. На этот раз предметом его было распространение государственного надзора над основанным в 1835 г. католическим университетом в Лувене. В шестидесятых годах либералы в Бельгии даже особенно много сделали для развития профессионального образования, а в 1865 г. возникла либеральная Лига народного образования (*Ligue de l'enseignement*), поставившая в числе своих задач борьбу с клерикализмом в школе.

В 1878 г. Фрер-Орбан вторично сделался главой либерального министерства, в котором была учреждена теперь и специальная должность министра народного просвещения. Уже в тронной речи при открытии парламентской сессии было заявлено, что государство должно взять на себя высшее руководство всем учебным делом в стране и часть сопряженных с этим издержек. Школьный закон 1 июля 1879 г. обязывал каждую общину содержать лишенную всякой конфессиональной окраски начальную школу, бесплатную для детей из бедных семей, со светскими учителями и учебными пособиями, одобренными правительством, которое и надзирает за всеми такими школами через особых инспекторов. Религиозное образование было исключено из школьного плана, так как отдавалось в руки самих родителей или духовных лиц разных вероисповеданий с правом преподавания в помещении самих школ. Бельгийский епископат отнесся к этому закону с порицанием и даже решился действовать против учителей и учеников новой школы, равно как против родителей последних, не останавливаясь перед отказом в причащении. Вместе с этим низшее духовенство, повинувшись предписанию своих епископов, стало основывать частные школы, которые должны были отвлекать детей от посещения «созданных на погибель младенческих душ» школ по закону 1879 г. Богатое и влиятельное духовенство очень успешно повело это дело, и в начале восьмидесятых годов в публичных школах училось лишь около трети всех детей соответственного возраста. В этом деле бельгийский епископ нашел поддержку и в римской курии.

По бельгийской конституции «государство не имеет права вмешиваться ни в назначение, ни в допущение к должности священнослужителей какой бы то ни было религии», а обучение объявлялось свободным и прямо запрещались «всякие предупредительные против него меры». Духовенство, следовательно, только пользовалось конституционной «свободой церкви» и «свободой обучения», которые и в других странах были лозунгами клерикалов. Поэтому духовенство было вне сферы досягаемости для правительственного воздействия, и государственной власти оставался только путь обращения к главе католической церкви в Риме с просьбой повлиять на бельгийский клир. Папский нунций в ответ на это обращение сообщил правительству, что епископы, в данном случае, действовали на свой страх, и что, наоборот, Святой престол преподал им совет сдержанности. Правительство истолковало этот ответ в смысле неодобрения папой поведения епископов и стало пользоваться таким своим пониманием полученного из Рима ответа для оказания давления на епископат. Курия, со своей стороны, официально опровергла, чтобы ответ имел смысл порицания, и дело дошло до того, что правительство, обвинив папу в недостойном образе действий, прервало с римской курией дипломатические сношения; бельгийский посланник покинул Рим, папский нунций был вынужден оставить Брюссель. Палата, в которой преобладали либералы, пошла еще далее, нарядив своего рода следствие над поведением духовенства и ходом дела в духовной школе, открывшее целый ряд злоупотреблений духовенства своим влиянием на умы и властью над совестью населения для борьбы со светской школой. Результатом клерикальных происков было то, что общинные школы, на улучшение которых ежегодно тратились громадные суммы денег, большей частью пустовали, а «свободные» были переполнены учениками, хотя преподавание в них, по отзывам компетентных лиц, велось хуже. У палаты оставалось лишь одно средство бороться с духовенством — репрессалии. Так, например, она лишила его изъятия по отбыванию воинской повинности, которым прежде пользовались воспитанники духовных семинарий. Немало тревожило либералов и то, что с середины XIX в. к тому времени, о котором идет речь, число монастырей и монашествующих удвоилось, что указывало на рост клерикального влияния и создавало для будущего новые кадры врагов светского государства. Так как клерикалы имели большую силу особенно среди фламандцев, то, чтобы удовлетворить последних, министерство Фрер-Орбана допустило фламандский язык, как язык преподавания, в подготовительных классах средних школ. Последние также подверглись реформе, и число мужских гимназий, или, как они называются в Бельгии, «атенеев», было увеличено, а для женского образования, почти всецело находившегося в руках монахинь, было вновь основано пятьдесят средних школ. Все это требовало больших расходов, раньше не входивших в государственный бюджет: одно

начальное образование стало стоить казне более 22 млн в год, тогда как финансы были далеко не в блестящем положении. Ежегодные дефициты стали расти, и в 1883 г. дефицит достиг как раз той суммы (и даже несколько ее превысил), которую поглощали полупустующие, вследствие противодействия духовенства, низшие школы. Пришлось заключить заем, пришлось подумать о повышении налогов. Это поселяло неудовольствие в народе, а тут еще и между самими либералами возродились старые разногласия из-за избирательного права.

Еще католическое министерство в своих интересах понизило в 1871 г. избирательный ценз для коммунальных и провинциальных выборов. Теперь, через десять лет, прогрессисты потребовали нового понижения избирательного ценза в провинциальном самоуправлении, но доктринеры на это не давали своего согласия, тогда как радикалы шли еще дальше прогрессистов, сделав предложение о пересмотре конституции с конечной целью — введения и в Бельгии, по примеру соседних стран, всеобщего избирательного права в парламентских выборах. С начала семидесятых годов агитация в пользу избирательной реформы велась и в Голландии, что только усиливало стремления бельгийских радикалов. Министерство состояло из доктринеров и пошло только на одну уступку, а именно на предоставление избирательного права на провинциальных выборах всем, имеющим диплом высшей школы, а подавляющее большинство самой палаты оказалось против демократизации законодательных выборов. Это начало расползания «Либеральной федерации» совпало с усилением недовольства среди избирателей финансовым управлением либерального министерства при сильной, вдобавок, общей агитации против него со стороны духовенства. Когда в 1884 г. произошло обновление состава палаты новыми выборами, последние оказались крайне неблагоприятными для либералов: католиков было выбрано так много, что вместе с уже бывшими в палате они теперь составили прочное большинство. Немедленно же место либерального министерства заняло католическое во главе с Малу-Бернэртом, который уже был министром-президентом в семидесятых годах и отличался тогда относительной умеренностью. На этот раз началась полнейшая, безоглядная реакция. Школьный закон 20 сентября 1884 г. устанавливал неограниченное право открытия частных, или «свободных» школ, между прочим, и для разных духовных конгрегаций, что же касается публичных школ, то общинам разрешалось заменять их частными, если в общине не находилось двадцати отцов семейств, которые ходатайствовали бы о сохранении публичной школы. Уже к концу 1885 г., благодаря этому, чуть не целая половина прежних общинных школ (877 из 1993) была закрыта. Масса учителей была выброшена за борт, — впрочем, с пенсией, — и их заменили новые, у которых не спрашивали никакой педагогической квалификации, лишь бы только они были верными сынами церкви.

Общинам, сохранявшим прежние школы, разрешалось включать в число предметов преподавания и закон Божий, уроки которого должны были быть помещаемы в расписаниях в начале или в конце учебного дня, дабы семьи могли и не пользоваться для образования своих детей этими уроками, — уступка в пользу протестантов. Понятно, что католическое министерство восстановило дипломатические сношения с Ватиканом. Выборы 1886 г. даже еще несколько усилили католическое большинство палаты, но в этом же году католическая партия лишилась своего вождя Малу-Бернэрта.

Во время господства в Бельгии католической партии, перешедшего и в следующее, последнее десятилетие XIX в., либеральные партии сначала делали остававшиеся безуспешными попытки соглашения насчет реформы выборов, так как каждая занимала упорно свою прежнюю позицию. Доктринеры не соглашались на дарование избирательного права всем грамотным гражданам, чего требовали прогрессисты, а эти были против требования радикалов ввести в Бельгии всеобщее избирательное право, т. е. все оставалось по-прежнему, но зато теперь, кроме старых и молодых либералов и радикалов, стали формироваться и новые оппозиционные партии левее радикалов: это были партии республиканская и социалистическая, которые тоже требовали всеобщей подачи голосов, но сверх того, как показывают и сами их названия, шли далее радикальной партии, ограничивавшейся требованием отмены избирательного ценза и постоянной армии. Новые партии вербовали последователей в рабочем классе, который был создан быстрым индустриальным развитием Бельгии в текстильном, металлическом, кожевенном и т. п. производствах. О быстроте и силе бельгийской экономической эволюции лучше всего свидетельствует то, что вывоз из страны, преимущественно изделий обрабатывающей промышленности, за пятьдесят лет между 1840 и 1890 гг. более чем удесятился, повысившись с 149 млн франков до 1437 млн. За вторую половину этого пятидесятилетия, т. е. между 1865 и 1890 гг., и население Бельгии возросло на 50% с лишком, а именно в начале периода оно равнялось четырем миллионам, а к концу перевалило за шесть, и весь излишек населения вынужден был искать заработков в индустрии, торговле, путях сообщения. И клерикалы, и либералы в своих распрях одинаково мало заботились о рабочей массе, исключавшейся цензом из права участвовать в народном представительстве, и законодательство ничего не делало для охраны труда от эксплуатации его капиталом. Среди рабочих валлонской части Бельгии, доступных по языку французскому влиянию, распространялись главным образом французские республиканские идеи, а среди рабочих из фламандцев преимущественно заметно было влияние германской социал-демократии. Промышленный кризис 1886 г. вызвал среди рабочих сильное брожение, перешедшее в целый ряд эксцессов. В Льеже 18 марта была

устроена в память 25-й годовщины восстания Парижской коммуны рабочая манифестация, во время которой произошли серьезные уличные беспорядки вплоть до разграбления магазинов и кофеен, и усмирение толпы полицией окончилось только далеко за полночь. Подобные же выступления пролетариата имели место в Брюсселе 25 и 26 марта, и опять происходило усмирение вооруженной силой. В ближайшие же дни волнение охватило Шарльруа и его округ, где произошел разгром фабрик, вилл и т. п., перенеслось в Ру, где был разграблен монастырь Солейльмон, и во всех каменно-угольных местностях завершилось забастовками. Только военное вмешательство восстановило порядок в Льеже и в Геннегау, и даже заседавшему в Брюсселе летом 1886 г. международному рабочему конгрессу оказалось очень трудным успокоить бурное настроение, овладевшее бельгийским пролетариатом. Только теперь спохватились правительство и правящие классы, и была назначена комиссия для исследования желаний рабочего класса. В 1887 г. в Бельгии приступили даже к законодательству по охране рабочих, пользуясь, большей частью, германским образцом. Начали с установления примирительных судов для улаживания недоразумений между предпринимателями и рабочими и с запрещения уплачивать за работу не деньгами, а товарами (1887); потом учредили более бдительный надзор за условиями, в которых совершается работа в разного рода предприятиях (1888); в 1890 г., по случаю королевского юбилея (со дня вступления на престол исполнилось 25 лет), было положено основание страховому фонду для несчастных случаев, правда, очень недостаточному, и т. п. В числе требований рабочих, нашедших поддержку и в короле, был пункт о введении обязательной для всех личной воинской повинности, т. е. об отмене практиковавшегося в широких размерах заместительства, что могло усилить армию и потому входило в планы короля. Вопрос об этом ставился на очередь еще в начале семидесятых годов, но и в восьмидесятых католическая партия, как и тогда, была против этого (1887). Католики шли охотно лишь на уступки требованиям фламандцев, так как среди них находили главным образом поддержку. Так, в 1886 г. была основана королевская академия для фламандского языка и литературы; в 1888 г. стали требовать знания фламандского языка от всех кандидатов на офицерство, и было расширено употребление этого языка в судах. Клерикалам даже не была бы опасна и всеобщая подача голосов с фламандским населением деревень.

Неудовлетворительность старого избирательного закона, наконец, стала чувствоваться чуть не всеми. Сам Леопольд II находил, что лучшее средство внести успокоение в жизнь нации заключается в проведении избирательной реформы, и в этом смысле настаивал, чтобы министерство взяло на себя инициативу. Господствующая партия тоже пришла к тому выводу, что без реформы обойтись нельзя, но в своих предположениях не

шла далее распространения избирательного права на квартиронанимателей по английскому образцу. Доктринеры и прогрессисты на этот раз пошли тоже на уступки, расширив свои прежние предложения. Но прошло около трех лет, прежде чем принципиальное согласие господствующей партии на пересмотр избирательного закона дало практический результат. Теоретическое согласие партии относится к 1891 г.; только в 1892 г. состоялись на этот счет постановления палаты и сената; в 1893 г. палата не пришла ни к какому решению, так как ни один из проектов реформы не мог собрать надлежащего большинства. Такая затяжка дела выводила из терпения рабочих, которые все решительнее и решительнее предъявляли требование относительно введения всеобщего избирательного права. В столице королевства начинались народные волнения, и даже грозила со стороны рабочих всеобщая забастовка на тот случай, если не будет проведено всеобщее голосование. Только под давлением народа палаты приняли, наконец, в 1894 г. новый избирательный закон. Сущность его заключалась во введении всеобщего избирательного права для мужского населения Бельгии старше 25 лет, но с прибавкой еще одного или даже двух голосов для всех, у кого был известный социальный, имущественный или образовательный ценз: условиями для пользования правом «множественного голоса» (vote plural) были либо положение отца семейства, либо обладание имуществом (недвижимостью или денежным капиталом) ценой не менее 2 тыс. франков, либо окончание курса в средней школе; кто подходил под одно из этих условий, пользовался кроме одного голоса в силу всеобщего избирательного права еще одним голосом — по цензу, но, в общей сложности, нельзя было иметь одному лицу больше трех голосов. Теоретическая система этого плюрального вотума уже рекомендовалась в свое время Миллем, и вот она-то и была осуществлена в Бельгии, как компромисс между демократической и цензовой системами. Новый избирательный закон сразу удесятирил в Бельгии число избирателей: раньше их было немногим меньше полутора тысяч, теперь стало без малого полтора миллиона (1 350 000), которые располагали, благодаря множественности вотумов, более, чем 2 млн голосов. Новые выборы по только что изложенному закону дали католикам опять значительный перевес над их противниками, но теперь противниками их, имеющими какое-либо значение, были уже не либералы, а социалисты. Либеральная партия в народном представительстве как бы совсем исчезла, да и то, что от нее осталось, соответствовало только левому ее крылу, прогрессистам, потому что избиратели доктринеров, как более консервативно настроенные люди, стали после избирательной реформы подавать голоса уже за католических кандидатов. В общем, можно сказать, в Бельгии создалось такое политическое положение, что в народном представительстве не существует средних партий между крайними правыми и крайними левыми, между клерикалами и социалистами. Неко-

торое еще значение имеет группа прогрессистов, но старая борьба с клерикализмом заставило эту группу искать сближения с социалистами.

По новому закону выборы в Бельгии происходили в первый раз в 1894 г., и потом в 1896 и 1898 гг. произошли два обновления состава палаты, каждый раз на половину. Число либералов за это время в палате все понижалось: в 1894 г. их было 18, в 1898 г. — только 12. Зато необычайно выросло католическое большинство, достигшее в 1898 г. 112 депутатов, среди которых было немало христианских демократов, избранных в деревнях, где они вели усиленную пропаганду в духе вмешательства государства в целях улучшения быта народных масс. До 1894 г. в бельгийском парламенте не было ни одного социалиста, но новый избирательный закон тотчас же обнаружил свое действие тем, что в палату было сразу же выбрано 29 социалистов и среди них глава партии, Эмиль Вандервельд¹. В соединении с либералами-прогрессистами социалисты стали требовать отмены плюрального вотума и введения пропорционального представительства. Конечно, католическое большинство, обязанное всем плюральному вотуму, всячески противилось проведению в жизнь принципов, которые могли бы его лишить преобладания. Мало того, в 1895 г. оно провело закон, повысивший возраст избирателей на коммунальных выборах с 21 до 30 лет и пребывание в одной местности с одного года до трех лет и сделавший возможным соединять в одном лице четыре голоса². Для предотвращения издания такого реакционного закона социалисты думали прибегнуть к общей стачке, но правительство заранее приняло против нее меры в виде приготовления к вмешательству военной силы. Реакционное настроение католического большинства выразилось и в том, что законом 1895 г. было восстановлено религиозное преподавание в начальных школах, а вместе с этим отменена бесплатность обучения тех детей, родители которых в состоянии за них платить, — мера, имевшая целью ослабить конкуренцию, какую общественная народная школа делала школе профессиональной, содержавшейся духовенством.

Это хозяйничанье клерикалов не могло не вызывать общественных протестов, которые особенно усилились после того, как в 1899 г., словно идя навстречу общественному мнению, клерикальное министерство предложило ввести пропорциональное представительство, составив, однако, такой законопроект, что, благодаря его действию, только еще более усилились бы клерикалы. И в самой палате, и вне ее происходили по поводу этого законопроекта бурные сцены, заставившие городских голов наиболее

¹ В 1894 г. за социалистов было подано 334 тыс. голосов, в 1898 г. — 534 тыс. Vandervelde написал несколько ценных работ, каковы двухтомная «Enquête sur les associations professionnelles d'artisans et d'ouvriers en Belgique» (1892), «Le socialisme en Belgique» (1898, в сотрудничестве с J. Destrée) и др. Некоторые его сочинения переведены по-русски.

² «Закон четырех бесстыдств», как прозвали его социалисты.

значительных городов сделать королю заявление в том смысле, что они не могут ручаться за сохранение порядка, пока правительство будет настаивать на внесенном им в палату законопроекте. Этот шаг и вообще сильное брожение во всей стране возымели свое действие: министерство предложило ради всеобщего успокоения избрать комиссию из членов различных партий, которая занялась бы рассмотрением как правительственного, так и других проектов относительно реформы избирательного права. Предложение было принято, комиссия избрана, но все проекты, ей представленные, были ею отвергнуты. Министерство вышло в отставку, а новое, во главе которого стал Смет де Найер, выработало законопроект, и бывший затем принятым 70 голосами против 63 при 19 воздержаниях от подачи голоса, причем было отвергнуто требование социалистов отменить множественную подачу голосов. Закон 1899 г. признавал за каждой партией, при получении ей установленного для каждого округа количества голосов, право на представительство с тем еще условием, чтобы каждая партия представляла лишь такое количество кандидатов, какое более или менее вероятно могло бы пройти по бывшим примерам¹. По новой системе выборы были произведены в 1900 г. и дали 85 мест клерикалам, 34 места либералам и христианским демократам и 33 — социалистам. Большинство все-таки осталось за клерикалами, которые в 1902 г. еще раз отвергли предложение об отмене множественности вотумов. На выборах 1902 г. социалисты получили три лишних места, но и клерикалы усилились на шесть мест.

Нужно прибавить, что бельгийская рабочая партия, в том виде, в каком она стала играть политическую роль, образовалась только в 1885 г., выработав окончательно свою программу лишь в 1894 г. под сильным, хотя и не безусловным влиянием марксизма. Вождь бельгийских социалистов, Вандервельд, характеризует социализм, им представляемый, как слияние английских, немецких и французских направлений. «У англичан, — говорит он, — социалистическая Бельгия заимствовала самопомощь, свободную ассоциацию, главным образом, в форме кооперации; у немцев — политическую тактику и основные учения, изложенные впервые в «Коммунистическом манифесте»; у французов, наконец, — их идеалистические стремления, их интегральное понимание социализма, рассматриваемого, как продолжение революционной философии, как новая религия, довершающая христианство, заставляющая его снизойти на землю в лучезарном сиянии небес»².

---

¹ Например, Брюссель высылал 18 депутатов, и если бы было за них подано 180 тыс. голосов, то партия, которая собрала бы 10 тыс. голосов, имела бы одного депутата, 20 тыс. голосов — двух, 30 тыс. — трех и т. д. Сколько какая партия могла бы выставить кандидатов, это решается статистикой предыдущих выборов.

² Отметим еще, что в 1898 г. был издан закон о полной равноправности фламандского языка с французским.

В истории соседней с Бельгией Голландии, или в Нидерландском королевстве, как оно официально называется, тоже могут быть отмечены некоторые важные моменты, стоящие в связи с общим движением эпохи и потому дополняющие общую картину истории последней трети XIX в. новыми штрихами¹.

До 1866 г. между этим королевством и Германией существовала известная связь, ибо не только Люксембург, связанный с ним чисто личной унией, но и Лимбургская провинция самого королевства входили в состав Германского союза, что, впрочем, имело чисто формальное значение, так как обе названные области не обнаруживали ни малейшего тяготения к Германии. Распадение Германского союза в 1866 г. повлекло за собой прекращение этой призрачной связи, а в следующем году очень много заставило о себе говорить намерение голландского короля продать Франции Люксембургское герцогство. Тогда этой сделке помешал Бисмарк, и на Лондонской конференции было решено объявить Люксембург нейтральной территорией. Так он и остался в соединении с Голландией — до 1890 г., когда после смерти нидерландского короля Вильгельма II его дочь, сделавшаяся королевой в Голландии, не могла ему наследовать в Люксембурге, конституция которого не признавала наследственного права за женщинами. Люксембург достался тогда ближайшему родственнику покойного короля, бывшему нассаускому герцогу Адольфу, лишенному своих владений Пруссией в 1866 г.²

До превращения Германского союза в империю голландцы по старой памяти о политическом бессилии немцев и о сравнительной их бедности привыкли смотреть на них до некоторой степени свысока, но когда немцы образовали по соседству с Голландией могущественную империю, это чувство сменилось боязнью за национальную независимость, так как в числе разных завоевательных намерений, которые приписывались вновь основанной империи, как думали, был план и Бисмарка овладеть Голландией с ее богатыми колониями, что еще более усилило бы Германию. Одним из следствий опасения лишиться независимости было стремление реформировать военный строй королевства, как это происходило в семидесятых годах почти повсеместно под влиянием германских побед. Подобно Англии Голландия до середины XIX в. в деле комплектования своей армии

¹ Литература на голландском языке указана, вместе с литературой по истории Бельгии, у Лависса и Рамбо, у Сеньобоса (где указаны и русские статьи; см. выше), а также и в кн. Лозинского, указанной выше.

² В этом маленьком государстве в конце XIX в. числилось 220 тыс. жителей, говорящих в большинстве по-немецки, хотя официальный язык герцогства французский. С Германией его связывает еще то обстоятельство, что с 1843 г. Люксембург состоит в таможенном союзе, а кроме того, железные дороги в нем принадлежат германской компании. О конституции Люксембурга: *Eyschen. Das Staatsrecht des Gross-Herzogthums Luxemburg* (1890; в коллекции Marquardsen'a).

держалась устарелой системы вербовки, и только в начале шестидесятых годов с этой системой была соединена другая — жеребьевка с правом для тех, которые по жребию должны были идти в военную службу, замещать себя другими лицами, что было, конечно, выгодно для буржуазии. После 1870 г. под влиянием упомянутого опасения некоторые политические деятели стали предлагать введение в Голландии прусской военной организации как образцовой, но буржуазия, господствовавшая в народном представительстве, не допустила совершиться такой реформе, — очень редкий случай того, что, в конце концов, в известном государстве не пошли по дороге развития военных сил в направлении, которое было показано победоносной Пруссией. (Другой пример исключения из общего правила — Англия.) Во всяком случае, военная реформа и в Голландии была одним из важных вопросов внутренней политики.

Другими вопросами, как и в соседней Бельгии, — да и в иных местах тоже в этот исторический период, — были для Голландии вопрос католический (собственно школьный) и вопрос об избирательной реформе. В составе населения Нидерландского королевства имеются и католики, больше всего на юге, по соседству с Бельгией, и здесь, в областях с преобладающим католическим населением, духовенство пользовалось таким же громадным влиянием, как и в Бельгии. Совершенно так же, как и в ней, духовенство в Голландии даже спланировало свою партию в настоящую политическую партию, хорошо дисциплинированную и послушную. Различие с Бельгией состояло только в том, что в протестантской Голландии католическая партия никогда не могла рассчитывать на получение большинства в Генеральных штатах, т. е. в народном представительстве и, следовательно, не могла стать и у власти. Наоборот, католикам приходилось здесь нередко вести оборонительную войну против некоторых мероприятий, исходивших от кальвинистических властей, проводивших в жизнь свои вероисповедные стремления. В случаях подобного рода нидерландские католики находили защиту у либералов, стоявших за религиозную свободу и тем самым за вероисповедные права своих католических сограждан. Когда, однако, либералы, в конце пятидесятых еще годов, провели в генеральных штатах закон об общинных школах без всякой конфессиональной окраски, католики и ортодоксальные протестанты стали устраивать частные школы чисто конфессионального характера и, как позднее в Бельгии, эти школы, находившиеся под церковным патронатом, успешно конкурировали со светскими, существовавшими на основании государственного закона. Так как последний давал общинам право содержать школы на свой счет и выбирать для них учителей, то общины с католическим населением легко придавали своим школам совершенно католический характер. На почве школьного закона католики стали действовать заодно с правыми протестантами, чтобы добиться отмены школьного закона. Со-

вершенно так же, как позднее в Бельгии, духовенство всячески стремилось воздействовать на родителей, убеждая их не отдавать детей в светские школы и даже советуя, скорее, оставлять детей безграмотными, чем позволять им учиться в этих школах. Сам их нейтралитет в вероисповедном отношении ставился при этом на вид, как самая дурная аттестация для даваемого в них образования. Эти нападки на государственную школу особенно усилились в эпоху всеобщего подъема католических чувств после Ватиканского собора и отнятия у папы светской власти. Но в Голландии католической партии было трудно добиваться таких успехов, какие выпадали на ее долю в Бельгии, тем более что большинство в народном представительстве постоянно было либеральное, и из либералов равным образом, большей частью, состояли и министерства. Почти все семидесятые годы прошли в попытках католиков как-нибудь добиться своей цели, но в 1878 г. правительство положило конец их домогательствам, издав новый школьный закон на тех же началах конфессиональной нейтральности и с ассигнованием из государственной казны больших средств в помощь общинам. Можно даже сказать, что бельгийские либералы в своем школьном законодательстве лишь повторяли многое из того, что раньше их делалось либералами голландскими.

Силу либеральной партии, господствовавшей в обеих палатах нидерландского парламента, составляла буржуазия различных рангов. Среди либералов существовало, однако, два оттенка — консервативный и прогрессивный, и, между прочим, предметом разногласия между ними сделался вопрос об избирательной реформе. По избирательному закону 1848 г. в Голландии существовал высокий и притом неравномерный для различных местностей (как в Бельгии по конституции 1831 г.) ценз, — где в 20 гульденов, а где и в 160, с промежуточными между ними цифрами. Либералы-прогрессисты поставили на очередь вопрос об изменении этой системы еще в начале семидесятых годов, но и правительство сначала очень долго противилось этому, да и несогласие более консервативных партий тормозило дело. И здесь, как и в Бельгии, одни отстаивали *status quo*, другие готовы были дать избирательные права всем грамотным жителям, тогда как иные не шли далее лишь известного понижения ценза, иные же стояли прямо за введение всеобщего голосования. Годами, когда этот вопрос решался, были 1884—1887; в это время стала заявлять о своем существовании и в Голландии небольшая, но очень энергичная социалистическая партия, пропагандировавшая свои требования среди промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Ее вождь, бывший пастор Домела Ньювенгюйс, после того, как была проведена избирательная реформа, попал в нижнюю палату, как первый в ней социалист. Что касается самой избирательной реформы, то она произошла в 1887 г., следовательно, раньше, нежели в Бельгии, где некоторые даже не прочь были последовать гол-

ландскому образцу, но сравнительно с бельгийской реформой голландская является гораздо более консервативной, так как ею не вводилось всеобщего избирательного права, а только понижался ценз с 20 гульденов земельного налога на 10 гульденов, и кроме того, были созданы новые категории, во-первых, избирателей из домовладельцев и квартиронанимателей по английскому образцу (что вместе повышало число избирателей со 140 тыс. до 300 тыс.), а во-вторых, из людей, «обладающих признаками способности или годности и материальным благосостоянием». Последняя категория была довольно-таки неопределенной, да и принята была соответствующая статья только в принципе, который требовал еще более конкретного толкования. Клерикальное министерство, бывшее у власти от 1888 до 1895 г., отложило решение вопроса о том, что же следует понимать под неопределенной формулой нового закона, но когда образовалось либеральное министерство, один из его членов. Так фон Поортфлит предложил истолковать первый признак (способность или годность) умением писать, а второй (благосостояние) фактом непользования в течение года помощью от учреждений общественной благотворительности. Предполагалось, что при принятии такого толкования число избирателей поднялось бы с 300 тыс. до 800 тыс. По поводу этого проекта произошла в Голландии настоящая перетасовка прежних партий. Теперь образовалось два враждебных лагеря: такистов и антитакистов, сторонников и противников проекта министра Така. Либеральный состав палаты после выборов 1891 г., как оказалось, не гарантировал принятия проекта Така, который и не был одобрен палатой. Последняя была распущена, и новые выборы превратились в борьбу такистов с антитакистами, в которой партии совершенно спутались. Результаты выборов для проекта Така оказались неблагоприятными: такистов было выбрано 46, антитакистов 54. Новое министерство провело в 1896 г. закон, которым избирательное право давалось всем голландцам, достигшим 25-летнего возраста и удовлетворяющим одному из следующих условий: платеж прямого налога, хотя бы в один гульден с земли, владение домом или наем квартиры, личный заработок известного размера в течение определенного количества лет, обладание книжкой сберегательной кассы с записью в ней не менее 50 гульденов. Благодаря этой реформе, число избирателей в Голландии поднялось до 700 тыс. Первые же выборы по этому закону были очень благоприятны для либералов.

На этих же выборах некоторый успех имели и социалисты. Первым из них прошел в палату, как мы видели, Ньювенгюйс, еще в 1888 г., но в 1891 г. буржуазные партии употребили все усилия, чтобы помешать его избранию, и он не был переизбран, что произвело сильное впечатление на партию. Уже раньше голландские социалисты были не прочь прибегать к революционным средствам, что в 1886 г. даже привело к одному столкновению с войском, кончившемуся смертью 35 манифестантов (при 90 лицах, получив-

ших увечья и раны), теперь же, после забаллотировки Ньювенгюйса в партии стали особенно сильно раздаваться голоса о необходимости насильственного переворота. Это повело к роспуску партии правительством, но она возродилась под новым названием, часть же социалистов решила добиваться возможности участвовать в политической жизни посредством парламентских выборов и с этой целью организовала социал-демократическую рабочую партию по германскому образцу. На выборах 1897 г. два вождя этой новой партии были избраны в палату, а кроме того, был выбран и один социалист-революционер. В 1897 г. социал-демократы собрали с небольшим 13 тыс. голосов, а в 1900-м — уже более 38 тыс. Соответственно с этим постепенно падало число приверженцев Ньювенгюйса.

В истории Дании мы остановились¹, — рассматривая западноевропейские отношения конца шестидесятых годов, — на конституции 1866 г., которая была введена после того, как монархия лишилась герцогств, отнятых у нее Австрией и Пруссией. Война с ними в 1864 г. и ее результат создали в Дании крайне враждебное отношение к немцам. Объединение Германии затем встревожило датчан ввиду тех слухов, какие вообще стали ходить о дальнейших планах Бисмарка, не говоря уже о том, что единая Германия на берегах Немецкого и Балтийского морей оттесняла Данию на второй план, как морское государство. Некоторое время датчане еще питали слабую надежду на то, что рано или поздно будет исполнен § 5 Венского мира, по которому, в случае выраженного народным голосованием желания северной части Шлезвига присоединиться к Дании, область эта будет ей возвращена и по этому поводу велись в 1867—1868 гг. переговоры, но они ни к чему не привели, так как у Пруссии не было серьезного намерения уступить эту территорию Дании и условия, ставившиеся с прусской стороны относительно ограждения прав немецкого элемента в Северном Шлезвиге, казались Дании неприемлемыми. Целые десять лет вопрос этот продолжал волновать датчан, но в 1878 г. между Австрией и Пруссией состоялось соглашение, которым указанный параграф отменялся. Датская агитация и после этого не ослабевала в Северном Шлезвиге, и оттуда в германский рейхстаг постоянно выбирался один протестующий депутат, еще более националистически настроенный, чем его соплеменники в самой датской монархии. Датчан крайне раздражали репрессивные меры прусского правительства по отношению ко всяким оказательствам датских симпатий в присоединенной области, вроде пения датских патриотических песен или употребления датских национальных цветов, даже на обложках книг. На датский двор в Европе даже смотрели как на средоточие всех враждеб-

¹ Для предыдущей истории Дании см. первую часть VI тома. *Goos C., Hansen H. Das Staatsrecht des Königreichs Dänemark* (1889); *Helms E. Die sozial-demokratische und gewerkschaftliche Bewegung in Dänemark*, (1907). Кроме того, обращаем внимание на статью проф. И. В. Лучицкого в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза—Ефрона.

ных Германии настроений и стремлений, и с этой точки зрения большое политическое значение приписывали выходу замуж двух датских принцесс за наследников русского и английского престолов, а третьей, позднее, за герцога Кумберландского, не желавшего отказываться от своих прав на ганноверский престол. Притом один из сыновей датского короля царствовал в Греции. Понятно, что в 1870—1871 гг. сочувствие датчан было на стороне французов, и датское правительство готово было бы примкнуть к Франции, которой, впрочем, неофициально с датской стороны и оказывалась посильная помощь на Немецком море (именно французскому флоту). В конце XIX в. большую конкуренцию датскому мореплаванию стал делать морской канал, устроенный Германией между Балтийским и Немецким морями, что тоже немало поддерживало нерасположение датчан к своей могущественной соседке.

На материальном благосостоянии Дании все это, впрочем, не отозвалось. Земледелие, скотоводство, обрабатывающая промышленность, железнодорожное дело, мореплавание, торговля постоянно прогрессировали за все последние десятилетия XIX в., и столица королевства выросла в большой город с населением свыше 300 тыс. жителей (в 1890 г.), что для общего населения страны в 2 млн с небольшим составляет громадную цифру. Конечно, ввиду германской опасности немало из государственных средств было потрачено на усиление армии и флота, и бюджет сделался даже чуть не главным предметом политической борьбы в Дании. Дело заключалось вот в чем.

Со времени шлезвиг-гольштейнского дела во главе управления стояли либералы, которые наиболее проявили патриотизма и энергии во время конфликта из-за герцогств, а потом обратили особое внимание на усиление армии и флота, пользуясь при этом расположением короля, придворных сфер, бюрократии, зажиточных классов и вообще населения столицы, пока в ней не стала формироваться социал-демократия. Против господствующей партии образовалась оппозиция, в которой видную роль играли «друзья крестьян», что способствовало только сильному поправлению либералов. Оппозиция нападала особенно на рост государственного бюджета, находя непомерными траты на армию и бюрократию, и так как эта оппозиция сама численно росла, то в 1870 г., благодаря союзу умеренной и радикальной демократии, бюджет был народным представительством отвергнут и министерство вышло в отставку; только новому удалось уладить дело. Затем в 1873 г. повторилось то же самое: бюджет не был утвержден, и министерству при этом формально было выражено недоверие. Палата на этот раз была распущена, но оппозиция победила на выборах и в новой палате предъявила требования в духе парламентаризма по образцу Англии, Бельгии, Франции. Король (Христиан IX) с таким толкованием действующей конституции не соглашался, защищая ту точку зрения,

что министерству достаточно иметь поддержку одной верхней палаты, что эта последняя по своим правам вполне равна нижней и что вообще во всех важных делах требуется взаимное соглашение королевской власти и обеих палат, т. е. ту точку зрения, которая диаметрально противоположна парламентаризму и особенно охотно поддерживалась прусскими государственными людьми школы Бисмарка и правоверными государствоведами вроде Борнгака¹. Начался конституционный конфликт, какой был за десять лет перед тем в Пруссии, но более еще резкий и затяжной. Палату распускали, но новые выборы опять давали большинство оппозиции, а министерство и не думало подавать в отставку; палата снова отказывалась утвердить бюджет, как представленный министерством, не пользующимся ее доверием и слишком много требующим средств на вооружения и фортификации, но бюджет утверждался верхней палатой, и все протесты оппозиции ни к чему не приводили. В то время, таким образом, когда фолькстинг был в постоянной оппозиции правительству, ландтинг стоял на его стороне. Это обстоятельство мешало оппозиции свалить министерство, предав его суду за нарушение конституции, так как судить должна была бы верхняя палата, поддерживавшая министерство и считавшая себя вправе утверждать бюджет для того, чтобы потом министерство пользовалось им как временным законом. Датская конституция заключала в себе один параграф, который мы находим и в других монархических конституциях, — стоит только вспомнить соответственные статьи французской хартии 1814 г.² или ныне действующей австрийской конституции³, — параграф, дающий королю право в случаях крайней необходимости, если народное представительство не в сборе, издавать временные законы, которые, правда, потом все-таки должны были поступать в палаты. К такому способу превращения бюджета во временный закон правительство стало прибегать не сразу, и в этом деле потом помогло ему то обстоятельство, что более умеренное крыло оппозиции проявляло в данном случае уступчивость. Выборы 1884 г., когда уже пошел второй десяток лет с начала конфликта, дали решительное большинство в фолькстинге более радикальной группе оппозиции и даже три места социалистам от столицы королевства. Эта палата не шла уже ни на какие сделки и прямо заявила, что не намерена бесплодно тратить время на какие бы то ни было переговоры с министерством, не пользующимся ни малейшим доверием с ее стороны. И без того затянувшийся конфликт теперь обострился до последней степени, так как палата отказывалась от утверждения бюджетов и на основании временных законов, а министерство продолжало увеличивать расходы на военные на-

¹ Борнгак — автор сочинений по прусскому государственному праву в строго монархическом духе.

² Известно, какое злоупотребление сделал из этой статьи Карл X.

³ См. выше о том, как Франц-Иосиф пользовался этой статьей.

добности и стало, опять-таки пользуясь временными законами и нередко вынужденным согласием верхней палаты, прибегать к стеснению свободы прессы и собраний и к увеличению полицейских штатов, к судебным преследованиям, от которых пострадал и главный вождь оппозиции, Берг, как подстрекатель к бунту.

Во время этого конфликта, затянувшегося на целое двадцатилетие, в Дании произошла значительная переформировка партий. В 1878 г. организовалась социалистическая партия, которой удалось провести первых своих представителей в 1884 г. в фолькстинг, где она начала требовать введения всеобщей подачи голосов и реформ в духе социального законодательства. Близко к ней по своим взглядам стала подходить выделившаяся из прежней демократической партии группа под руководством видных датских писателей, между прочим, Брандеса¹, получившая название «литературной левой», в отличие от старой крестьянской, так называемой «датской левой». Кроме умеренной левой, в оппозиции после такого расщепления было три отдельных партии, расходившихся между собой и по вопросам тактики, что ослабляло силы оппозиции. В 1888 г. на съезде оппозиционных партий было решено добиться от правительства амнистии и отмены репрессивных мер, установленных временными законами 1885 г., так как большинство разочаровалось в целесообразности обструкционной тактики. Вступили в переговоры с министерством, амнистия была дана, исключительные мероприятия отменены. В палате 1892 г. большинство уже не принадлежало демократической левой. Конфликт закончился в 1894 г., когда наконец были утверждены правильным порядком бюджет и военные законы. После этого «боевое» министерство вышло в отставку, и глава его, Эструп, получил от короля особую благодарность, потому что в конце концов победа была на стороне правительства. Последнему нельзя было бы, при всей неконституционности его действий, даже его противникам не поставить в заслугу то, что оно умело устраивало финансовое благополучие страны, не только избегая дефицитов и, наоборот, большей частью получая остатки, но и уменьшая постепенно государственный долг, который после войны 1864 г. возрос до 380 млн, а к началу последнего десятилетия XIX в., за двадцать пять лет между 1866 и 1891 гг., уменьшился на целую треть — до 250 млн.

После прекращения в 1894 г. тягостного конфликта новое министерство², выступившее с примирительным заявлением и старавшееся избегать новых конфликтов, продержалось у власти до конца 1899 г., когда вышло в отставку из-за разногласий между обеими палатами все по поводу того же бюджета.

---

¹ Младшего брата известного критика и историка литературы.

² Во главе его стоял Reedtz Thott.

Борьба правительства с народным представительством не ограничивалась самой Данией, но велась правительством и в Исландии, где в 1874 г. было впервые введено представительное правление и где палата, избиравшаяся на пять шестых своего состава в 36 человек всеобщей подачей голосов (шестеро назначались королем), настойчиво требовала отдельных от Дании администрации и финансов. Этого Исландия после долгой борьбы с правительством добилась только в 1893 г. с новой конституцией, введшей в стране, впрочем, двухпалатную систему¹.

Швеция² была гораздо менее, нежели Дания, затронута совершившимся к началу рассматриваемого периода объединением Германии. Здесь в 1864 г. проявилось сильное антинемецкое течение, выразившееся, между прочим, в том, что в Данию отправилось тогда немало шведских добровольцев с целью помочь родственной нации в ее борьбе с сильнейшими ее противниками. Не было также недостатка в данофильских манифестациях, и даже был вотирован народным представительством специальный кредит на вооружения. Прусская победа еще 1866 г. и перед шведским правительством выдвинула вопрос о развитии военных сил, а события 1870—1871 гг. окончательно утвердили правительство в мысли о необходимости усиления армии и флота. Совершенно так же, как в Дании, военный вопрос сделался и в Швеции предметом внутренней политической борьбы.

Король Карл XV, царствовавший с 1859 по 1872 г., стремился преобразовать армию по прусскому образцу и создать сильный военный флот, на что требовались большие средства, и в этом отношении находил поддержку в консервативной партии, к которой принадлежали королевский двор, аристократия, чиновничий класс, вообще образованные слои общества (партия интеллигенции). Но против правительственных планов энергично выступала демократическая партия, или, как ее называли, «партия деревень», в которой большинство принадлежало крестьянской массе. И здесь, следовательно, в общем, были такие же отношения между общественными классами и политическими партиями, как и в Дании. Нужно вспомнить, что как раз перед началом рассматриваемого периода Швеция изменила свою прежнюю, средневековую, сословно-представительную конститу-

¹ В исландской верхней палате заседают 6 членов по королевскому назначению и 6 по выбору нижней палаты.

² Для предыдущей истории Швеции см. первую часть VI тома. Из литературы отметим: *Реклю Э.* Швеция и Норвегия (1896; с приложением очерка государственного устройства); *Aschehong T. H.* Das Staatsrecht der vereinigten Königreiche Schweden und Norwegen (1889); *Дымуша.* Государственное право Швеции (1901); *Берендтс Э.* Государственное хозяйство Швеции (1882 и 1884). Больше можно указать по истории Норвегии: *Boyssen.* The history of Norway (1886); *Daresté P.* La dernière crise politique en Norvège // *Revue de deux mondes.* 1884; *Nansen Fr.* La Norvège et l'union avec la Suède (1905; фр. пер.); *Waultrin R.* Un siècle d'union suédo-norvégienne et la fondation du royaume de Norvège // *Annales des sciences politiques.* 1906; *Mohn A.* La Suède et la révolution norvégienne (1906); *Claparède.* La Norvège indépendante (1906); *Рудченко О.* Современная Норвегия и страничка из ее истории // *Русская мысль.* 1908, июль.

цию в конституцию нового, народно-представительного типа, но с избирательным цензом без малейшего намека на парламентаризм. Новая конституция была введена в 1866 г., а в следующем году риксдагом уже был отвергнут правительственный законопроект о военной реформе по прусскому образцу, так как оппозиция находила сопряженные с этим расходы слишком обременительными и ненужными, раз никто извне не грозит и не станет грозить Швеции, и считала более полезной реорганизацию армии на манер народной милиции, как в Швейцарии, что было бы гораздо дешевле. С 1871 г., после Франко-германской войны, правительство опять начало предлагать военную реформу, но столь же неуспешно. В это время умер Карл XV, и шведский престол перешел к его брату Оскару II, царствование которого наполняет весь последующий период¹, но и при нем продолжалось то же самое. Только шведский монарх в этом споре оказался более уступчивым, чем датский, — не обострял его до конституционного конфликта и даже включал в состав министерства умеренных представителей крестьянской партии.

К восьмидесятым годам жизнь поставила в Швеции на очередь новые вопросы и образовала новые партийные группировки. Во-первых, среди городского населения стали распространяться демократические идеи, и рядом с прежней демократической партией начала формироваться новая, требования которой шли гораздо дальше. Она получила настолько важное значение, что в 1884 г. в столице государства консерваторы вышли из выборов побежденными. Через пять лет после этого возникла в Швеции и социалистическая партия, организованная по германскому образцу. Так как она была не в состоянии проводить своих собственных кандидатов на законодательных выборах, то вошла в союз с демократами, чтобы вместе добиваться всеобщего избирательного права. Правительство — и правящие классы — были встревожены возникновением социалистической партии и, воспользовавшись некоторыми резкостями партийного органа, предало суду его редакцию по обвинению в богохульстве и оскорблении величества, за что вся редакция была посажена в тюрьму. Часть крестьянской партии тоже отрицательно отнеслась к социалистической программе и к союзу с социалистами, в силу которого в 1893 г. обеими партиями был устроен политический съезд, подавший королю адрес о необходимости введения в Швеции всеобщего избирательного права. Мало того, это требование послужило поводом для раскола в демократической партии, более консервативное крыло которой прямо соединилось с правой для противодействия реформе, чем консервативная партия значительно была усилена и потому могла отвергать предложения демократов. Опираясь на такое большинство, и правительство могло принимать свои меры против того,

---

¹ Он умер только в начале XX в. (1907).

чему тоже сильно не сочувствовало. В 1894 г. оно даже добилось закона, сокращавшего число депутатов.

Другим предметом спора в Швеции с начала восьмидесятых годов была экономическая политика. Несмотря на прилив населения к городам, Швеция остается страной по преимуществу земледельческой, в которой более половины населения занимается сельским хозяйством, и с таким распределением поземельной собственности, что большая ее часть принадлежит крестьянству. Избыток населения притом поглощался здесь больше эмиграцией за пределы страны, нежели обращением к обрабатывающей промышленности. Интересы сельских хозяев ввиду падения хлебных цен привели к образованию в этом классе партии, которая начала агитировать в пользу введения охранительных таможенных пошлин, тогда как правительство продолжало стоять на точке зрения свободной торговли. Борьба по этому вопросу приняла в восьмидесятых годах страстный характер между приверженцами аграрного протекционизма и свободы торговли. Число первых постепенно возрастало, пока в 1887 г. не возросло до большинства в палате. Тогда министерство вышло в отставку и покровительственные пошлины были введены. Впрочем, в начале девяностых годов фритредеры опять были в большинстве во второй палате.

Отдельную сторону истории Швеции, со времени введения в ней конституции 1866 г., составляли ее отношения к Норвегии, игравшие громадную роль и во внутренней истории этой страны. Два родственных народа, шведы и норвежцы, не составляли одного государства, имея только общего короля, да и то лишь с начала XIX в. До того времени Норвегия, когда-то бывшая отдельным королевством, входила в состав Датской монархии, от которой была отторгнута в 1814 г. и отдана шведскому королю. Последний вынужден был, однако, признать ее самостоятельной нацией и согласиться на введение в ней самой демократической конституции, какая тогда только была в Европе. Общность установлена была для Швеции и Норвегии только по отношению к внешней политике, т. е. по отношению к дипломатии и войне. Учреждения обеих стран покоились на резко различавшихся между собой началах: в Швеции была сильная королевская власть и влиятельная аристократия, и даже конституция 1866 г. мало приблизила Швецию к Норвегии с ее демократическим общественным строем и крайне ограниченной по конституции 1814 г. королевской властью. Норвежцы смотрели на своего короля, лишь изредка наезжавшего к ним из Швеции, как на чужеземца, и каждый раз оппозиция предложениям и требованиям его правительства рассматривалась норвежцами, как защита национальных достоинства, прав и интересов. Первый же король из династии Бернадоттов, вступивший на престол через четыре года после соединения Норвегии с Швецией, царствовавший потом до 1844 г., Карл XIV, постоянно ссорился со своими норвежскими подданными, тре-

буя, например, таких изменений в конституции, которые стортингом отвергались. Следующие два короля, Оскар I и Карл XV, наоборот, держались политики в высшей степени миролюбивой, и в их царствования норвежская свобода не только ничего не потеряла, но и выиграла даже — от признания за Норвегией права на особый национальный флаг, от расширения прав нелютеран, от замены, в 1869 г., прежних сессий стортинга по разу в три года ежегодными. В 1866 г. в Норвегии произошла военная реформа на основе всеобщей воинской повинности (с правом замещения, отмененным в 1876 г.), но и в новом своем виде норвежская армия была скорее похожа на земскую милицию с короткими сроками отбывания воинской повинности и с подспорьем в форме массы вольных союзов стрелков. Общее правительство, однако, и в этот период было не прочь теснее связать оба королевства. В 1865—1867 гг. были выработаны некоторые предложения насчет условий унии, но народные представительства обоих государств их отклонили в 1871 г. Были заключены только монетная, почтовая и мореходная конвенции (в 1873 и 1874 гг.), к которым примкнуло и третье скандинавское государство, Дания. В своих экономических отношениях Норвегия за всю эту эпоху прогрессировала: за сорок лет между 1835 и 1875 гг. население ее увеличилось в полтора раза (с 1 200 000 до 1 800 000), народ богател, торговый флот получил такое развитие, что занял в Европе четвертое место¹, финансы процветали, государственный долг был уплачен.

Благоприятные отношения между королем и Норвегией продолжались только до царствования Оскара II, который, как сказано было выше, вступил на престол в 1872 г. Дело в том, что стортинг стал обнаруживать стремление к введению в Норвегии парламентаризма. Раньше норвежцы, конституция которых была основана на французском принципе разделения властей, не допускали, чтобы члены государственного совета, т. е. представители исполнительной власти, могли являться в заседания стортинга, но еще в середине XIX в. в стортинге прошло предложение, — не утвержденное, впрочем, Оскаром I, — которое позволяло это присутствие. В 1872 г. стортинг вторично принял такой же закон и уже с явным намерением привести короля к необходимости назначать представителей исполнительной власти из большинства народных представителей. Дело касалось пересмотра конституции, а он в Норвегии мог происходить в обыкновенном законодательном порядке и с согласия короля, хотя королевское *вето* могло лишь отсрочить приведение в исполнение не принятого им решения стортинга. Оскар II соглашался на эту реформу, но под условием, чтобы королю дано было право роспуска палат, существующее при парламентарном строе, в противном же случае он своего согласия не давал и утверждал, что

---

¹ В 1895 г. он доходил до 7312 судов водоизмещением в полтора миллиона тонн.

конституционные изменения без соглашения народного представительства с королевской властью не могут иметь места. Конституция, таким образом, понималась различно, и умолчание в ней о том, как должен был совершаться ее пересмотр, толковалось различно: стортинг приравнял внесение изменения в конституцию изданию обыкновенного закона, несогласие короля с которым теряет силу, раз закон прошел три раза с трехлетними интервалами, а Оскар II стоял на том, что конституция, принятая по обоюдному соглашению, и изменяема быть может не иначе, как по такому же соглашению¹. Три раза в течение девяти лет (1872—1880 гг.) стортингом принимался и трижды королем отвергался закон о государственном совете. Оскар II не отступал ни на йоту от своей точки зрения, для которой он получил подтверждение от юридического факультета в Христиании. Началась борьба, и обе стороны начали отказывать одна другой во всех требованиях, не останавливаясь и перед обострением внешних форм в своих сношениях. Внутренний конфликт в Норвегии готов был разыграться и ввиду внешнего шведско-норвежского столкновения. Шведы стали на сторону своего короля, и в Стокгольме поговаривали уже о чем-то вроде военной экзекуции, а норвежцы создали организацию для вооруженной защиты своей свободы. Дело до войны, впрочем, не дошло. Норвежцы избрали выход из создавшегося невозможного положения, вполне согласный с конституцией. Одна палата (одельтинг) могла обвинить перед высшим судом из 9 членов верховного суда и 22 членов другой палаты (лагтинга) советников короны, дающих королю вредные для страны советы, и вот к этому средству прибег стортинг при первом же благоприятном для осуждения составе лагтинга. В 1884 г. составленный таким образом суд нашел, что королевские советники действительно виновны в поступках, вредных для страны, и приговорил их к отрешению от занимаемых в государственном совете мест и даже к денежным штрафам. Министры не решились после этого оставаться в своих должностях и подали в отставку, которую король не мог теперь не принять. Попытка Оскара II назначить министерство из членов норвежской консервативной партии не удалась вследствие того, что никто из консерваторов на это пойти не нашел для себя возможным, и потому королю оставалось одно — обратиться к вождю оппозиции Свердрупу, занимавшему должность председателя стортинга. Вместе с этим король согласился на то, чтобы члены государственного совета принимали участие в заседаниях представительного собрания, а затем были удовлетворены и многие другие желания, высказывавшиеся норвежской демократией, каковы реформа выборов, введение суда присяжных, еще большее приближение армии к типу народного ополчения и т. п. Благодаря такому исходу конфликта с короной Норвегия сразу превратилась

¹ Некоторые историки считают требование стортинга незаконным и признают за королем абсолютное вето в вопросах конституционных. О. Каеммель (с. 572 по изд. 1902 г.).

в парламентарную монархию с политически ответственным перед народными представителями министерством и с сохранением в конституции прежнего отсутствия права роспуска.

Во время этого конфликта с короной оппозиция действовала замечательно единодушно; ее не разделяли и потом стоявшие на очереди законодательные вопросы. Разделение среди победителей началось, только когда были затронуты вопросы чисто культурного характера. Норвежская демократия была демократия крестьянская и отличалась свойственным крестьянскому сословию культурным консерватизмом. Между тем конституция 1814 г. обошла молчанием религиозную свободу, и в законодательство право существования иноверных общин и совершения нелютеранских культов было внесено лишь в сороковых годах, а общая религиозная свобода признана была только в 1878 г. Норвежский народ был в деревнях строго лютеранский, и только в городах начинало складываться более свободное отношение к лютеранской церкви и к религии вообще. Вождь оппозиции, победившей сопротивление короля, Свердруп оказался в вопросах культурного свойства довольно-таки отсталым, чем вызвал против себя неудовольствие в рядах более радикальной, городской демократии, вождем которой сделался знаменитый писатель Бьёрнстерн-Бьёрнсон. Свое реакционное настроение Свердруп, сделавшись министром, проявил, например, в том, что отказал в пенсии тоже известному писателю Килланду, мотивируя свое решение его религиозным вольномыслием. Уже одно это показывало свободомыслящей части норвежской демократии, какой политики будет вообще держаться Свердруп; с другой же стороны, «писательскую левую» приверженцы старых традиций обвиняли в измене национальности, в европеизме, даже прямо называя эту партию «европейской». Разлад между двумя демократическими партиями проявился с наибольшей силой, когда Свердруп внес в стортинг реакционный проект закона о приходских советах. Как и в Англии, приход в Норвегии является одновременно и административной единицей, т. е. гражданской общиной, и церковной единицей, т. е. общиной религиозной. Предложение Свердрупа заключалось в том, чтобы вооружить приходские советы правом лишать избирательных прав всех местных жителей, не признающих авторитета церкви или ведущих порочную жизнь (1886). «Новая левая» провалила этот законопроект и потребовала, чтобы предложивший его Свердруп вышел в отставку. Министру, однако, не захотелось расставаться с властью, и он стал искать поддержки у консерваторов и ссылаться на то, что господином министерства является король. Все, достигнутое в упорной борьбе с Оскаром II, как бы шло насмарку к великому удовольствию Стокгольма. Между тем демократы устроили съезд в Дронтгейме, на котором, рядом с требованиями относительно введения всеобщего голосования и строгого соблюдения парламентаризма, было поставлено еще одно требование, по-

лучившее впоследствии особое значение. Это было требование, направленное уже против унии со Швецией, по крайней мере, в ее прежней форме, требование, чтобы Норвегия, имеющая, благодаря развитию своей торговли, массу интересов за границей, могла назначать там своих собственных консулов отдельно от шведских. Новая демократическая партия, однако, не имела большинства в стортинге, и выборы 1889 г. ей этого большинства не дали. Впрочем, и сам Свердруп не имел большинства, что заставило его наконец выйти в отставку и позволило королю образовать министерство из консерваторов, бывших, благодаря расколу среди демократов, самой значительной парламентской группой¹.

Новое министерство, во главе которого стоял Станг, было боевым и притом шведоманским². Демократическая оппозиция вследствие этого приняла теперь резко национальный характер, осложнившись и требованиями социального характера, так как во второй половине восьмидесятых годов и в Норвегии социализм стал сильно распространяться среди рабочих, между которыми в 1887 г. возникла и соответственная партия. Министерство Станга, однако, недолго удержалось у власти и потерпело поражение по вопросу как раз о шведско-норвежских отношениях. В них многое оставалось недостаточно определенным или, по крайней мере, было много такого, что требовало пересмотра. Министерство Станга взялось было за дело упорядочения шведско-норвежских отношений, но составленный им на этот счет проект был отвергнут обеими демократическими партиями. Министерство вышло в отставку, и король поручил составление нового одному из лидеров радикальной партии, Стеену, получившему даже большинство после выборов 1891 г. На этот раз партия из всех своих требований выдвинула на первый план учреждение самостоятельных норвежских консульств за границей и даже отдельного норвежского министерства иностранных дел. Опять по этому поводу возникло несогласие между короной и народным представительством: король не признавал за стортингом права на отдельную политику в иностранных делах, а стортинг между тем учредил должности норвежских консулов. Теперь спор касался не только пределов власти короля и норвежского стортинга, но им задевалась и сама Швеция, консулы которой обслуживали и норвежские интересы. Оскар II ссылаясь на то, что это — вопрос, имеющий отношение к союзу, т. е. что одни норвежцы его решить без соглашения со шведами не могут, а в стортинге преобладало мнение, что, пред-

¹ В стортинге было 54 консерватора, 38 радикалов и 22 человека из партии Свердрупа. Как искажается иногда изображение событий консервативными историками, видно хотя бы из слов О. Каэттел'я (с. 572) будто все дело было «persönliche Zänkereien der Radikalen», которые и привели к образованию консервативного министерства.

² Например, оно заключило торговый договор со Швецией, который принимал в расчет главным образом шведские интересы.

ставляя собой суверенную норвежскую нацию, он не нуждается для своих решений в санкции со стороны другого государства. Шведы приняли сторону короля, откуда между обеими нациями возникло сильное взаимное озлобление. В 1893 г. Оскар II снова сделал министром Станга с консервативными товарищами, несмотря на то, что у них не было большинства, и, несмотря на то, что этому министерству стортингом было выражено недоверие, продолжал держать его у власти. Опять началась старая история взаимных во всем отказов — вплоть до отказа со стороны стортинга в содержании королю. Само министерство подало было в отставку (1895 г.), но Оскар II не дал на нее согласия. Дело принимало все более и более характер международного конфликта. Шведское министерство шло само на пересмотр союзных отношений, стортинг же соглашался на переговоры лишь в том случае, если они будут вестись норвежским министерством, пользующимся доверием своей нации. Мало того, и в Швеции, и в Норвегии в 1895 г. были вотированы чрезвычайные военные кредиты, причем в Норвегии все более и более брала верх чисто сепаратистическая тенденция. В 1896 г. стортинг даже изменил внешний вид национального норвежского флага, сняв с него эмблему унии с Шведией, что уже указывало на общий характер желательного для норвежцев выхода из создавшегося положения. Распря эта, как известно, окончилась в 1905 г. расторжением унии и образованием в силу этого из Норвегии самостоятельного государства, в короли которого был избран датский принц, принявший имя Гакона VI.

Нам остается теперь в этой главе рассмотреть историю Швейцарии после 1870 г., на котором мы остановились, излагая развитие демократических нововведений в ее конституции, каковыми являются референдум и народная инициатива в законодательстве¹. Эти два учреждения заслужи-

---

¹ Для предыдущей истории Швейцарии см. первую часть VI тома. Литература: *Orelli A. v.* Das Staatsrecht der Schweizerischen Eidgenossenschaft (1885); *James E. J.* The federal constitution of Switzerland (1890); *Fazy H.* La constitution de la république de Genève (1890); *Coolidge.* Early history of the referendum («Engl. Hist. Rev.» за 1891 г.); *Blumer.* Handbuch des schweizerischen Bundesstaatsrechts (1891); *Salis L. von.* Schweizerisches Bundesrecht (1891); *Vincent J. W.* State and federal government in Switzerland (1891); *Winchester B.* The Swiss republic (1891); *Hilty.* Constitutions fédérales de la Suisse (1891); *Idem.* Le referendum et l'initiative en Suisse (в «Revue de droit internat. et de législation comparée» за 1892 г.); *Berney I.* L'initiative populaire en droit public fédéral (1892); *Эдемс (Adams), Коннингем.* Швейцария и ее учреждения (1893); *Deploige S.* Le referendum en Suisse (1893); *Borgeaud Ch.* Etablissement et révision des constitutions en Amérique et en Europe (1893; есть рус. пер.); *Stüssi.* Referendum und Initiative in den Schweiz. Kantonen (1893); *Дюнан А.* Народное законодательство в Швейцарии (1896); *Keller A.* Das Volksinitiativrecht nach der schweizerischen Kantonsverfassung (1899); *Schollenberger.* Grundriss des Staats- und Verwaltungsrechts der schweizerischen Kantone (1898—1900); *Куртис С.* История народного законодательства и демократии в Швейцарии (1900). Переводчик этого труда, вышедшего в немецком подлиннике еще в 1885 г., Г. Ф. Львович, приложил к нему кроме своей статьи («Общий обзор развития швейцарского народоправства и права народной инициативы в союзе») еще перевод другой работы Curti (Die Resultate des schweizerischen Referendum), которая по-русски вышла и от-

вают тем большего внимания, что в них мы должны видеть дальнейший шаг вперед, какой делается политической эволюцией современного конституционного государства в смысле замены парламентаризма непосредственной демократией¹.

Во время Франко-германской войны симпатии швейцарцев, даже швейцарцев-немцев, были на стороне Франции. Для охраны своего нейтралитета Швейцария собрала на западной своей границе военную силу в 80 тыс. человек, которая и обезоружила в феврале 1871 г. перешедшую через границу Швейцарии французскую армию Бурлаки². Сама эта армия была, однако, принята швейцарцами очень дружелюбно. Мало того, французские симпатии швейцарцев стали принимать враждебный по отношению к Германии характер, когда германские подданные на территории союза очень шумно праздновали свои победы; в Цюрихе по этому случаю произошли даже некоторые неприязненные по отношению к немцам сценны. Германские победы не остались без влияния и в Швейцарии в том смысле, что способствовали пересмотру союзной конституции в более централистическом смысле. Среди швейцарских граждан возникло опасение насчет завоевательных планов, какие приписывались Бисмарку или, по крайней мере, на неприкосновенность нейтралитета, каковым пользовалась Швейцария, если бы между ее соседями снова вспыхнула война. Чтобы отстоять себя, свою независимость, свой нейтралитет, Швейцарии нужно было получить большее внутреннее единство, нужно было обладать более

дельно под заглавием «Всенародное голосование в Швейцарии» (изд. «Библиотека просвещения»). Curti принадлежит еще книга «Die schweizerische Volksrechte» von 1848 bis 1900 (1900); *Klötti*. Die Proportionalwahl in der Schweiz. Geschichte, Darstellung und Kritik (1901); *Лоуэлль А.Л.* Правительства и политические партии в государствах Западной Европы (1905), главы X (Учреждения), XI (Референдум и Инициатива) и XII (Партии); *Soubies A., Carrette E.* Les régimes politiques au XX siècle. La république démocratique (1907); *Taxmapev K.* От представительства к народовластию (1907; книга, кроме общего значения, имеет интерес по отношению к истории демократизации швейцарской конституции, начиная со с. 98); *Berghoff-Ising*. Die sozialistische Arbeiterbewegung in der Schweiz (1895). Указания на статьи о Швейцарии в русских журналах во II т. Сеньобоса, в пер. под ред. В.А. Поссе, с. 266—267; *Kaiser S.* Untersuchungen über die Neutralität der Schweiz (1894); *Schweizer*. Die schweizerische Neutralität (1895); *Woeste*. Histoire du Culturkampf en Suisse (1887); *Gareis, Zorn*. Staat und Kirche in der Schweiz (1877 и сл.).

¹ «Самодержавие народа, провозглашаемое в момент великих революций, осуществляемых буржуазией лишь с помощью народа, потом отождествляется представителями буржуазии, враждебной народовластию, с самодержавием парламента. Только в странах, где прежнее господство самодержавных парламентов все более и более начинает ограничиваться народом, где народ обладает верховной властью и имеет возможность непосредственно решать важнейшие политические дела, — только в этих демократических странах политические писатели резко различают демократию от парламентаризма и противопоставляют их друг другу, как две различные политические системы. Подобное противопоставление господствует в государственном праве демократической республики Швейцария». *Тихтачев К.* От представительства к народовластию (1907). С. 9. Ср. выше о подобной же тенденции в английском государственном устройстве.

² См.: *Davall*. Les troupes françaises internées en Suisse (1873).

значительными военными силами. Радикальная партия, которой отдельные кантоны были обязаны введением референдума, стремилась к тому, чтобы ввести его и в союзную конституцию, а вместе с тем и усилить союзную власть; в этом смысле еще в 1866 г. радикалы добивались пересмотра союзной конституции. В 1869 г. образовалось в национальном совете большинство в пользу большого соответствия устройства республики с современными требованиями. Франко-германская война подвинула вопрос о пересмотре вперед, но у пересмотра были противники, главным образом, в первоначальных¹ и во французских кантонах. Первое предложение пересмотра конституции было даже отвергнуто 260 859 голосами против 255 606 и 13 кантонами против 9. Этот провал пересмотра был результатом оппозиции как со стороны первоначальных кантонов, строго католических и потому боявшихся объединительных стремлений радикальной партии, так и со стороны кантонов французских, бывших настроенными радикально, но опасавшихся преобладания в более объединенном союзе — немецкого большинства к ущербу для романского элемента. Когда, впрочем, как мы увидим, проект пересмотра был несколько изменен, за него в 1874 г. составилось большинство, и против него высказалось лишь 7,5 кантонов. Это были те самые кантоны, которые в сороковых годах составили так называемый Зондербунд, только силой приведенный к повиновению². В них господствовала католическая партия и большую роль играло духовенство, так как конституция 1848 г. не отделяла совсем церкви от государства и за каждым кантоном оставляла его государственную церковь, какая где установилась в эпоху Реформации³. Католическая партия была крайне недовольна тем, что указанная конституция устанавливала правительственный надзор за духовенством и за начальной школой. Все стремления этой партии были направлены к возвращению католической церкви ее «свободы», если не *de jure*, то *de facto*⁴, к сохранению начальной школы в руках духовенства, к ведению ее в строго-церковном духе и к возможно неполному осуществлению в жизни всеобщего обязательного обучения. Весьма естественно, что закон о светском характере народного образования и на низших его ступенях был крайне неприятен швейцарским клерикалам. И по другому еще поводу в семидесятых годах среди швейцарских католиков царствовало страшное возбуждение. Как это было и в других странах,

¹ Urkantone, т. е. Швиц, Ури, Унтервальден и Люцерн.

² Кантон Аппенцель состоит из двух полукантонов — католического и протестантского, называемых Иннерроденом и Ауссерроденом. Такие же полукантоны существуют еще в Унтервальдене (Верхний и Нижний) и в Базеле (город и округ). Каждый полукантон совершенно независим от другого, но обе половины выбирают лишь по одному члену второй палаты (а не двух, как это делает каждый цельный кантон) и имеют лишь половину голоса при решении конституционных вопросов.

³ Т. II, гл. XIV, где см. о постановлении двух Каппельских миров 1529 и 1531 гг.

⁴ То есть если не юридически, по праву, то фактически, на деле (*лат.*). — *Прим. ред.*

и для Швейцарии не могло пройти совершенно бесследным провозглашение в 1870 г. догмата папской непогрешимости, вообще сильно поднявшее повсеместно дух сторонников преобладания духовной власти над светской, но вместе с тем заставившее и представителей и защитников последней с большей энергией отражать притязания клерикалов.

Нечто подобное германскому «культуркампу» происходило и в Швейцарии. Дело в том, что и здесь были старокатолики, и здесь, следовательно, известная часть чад римской церкви не хотела признавать догмат, возведенный ватиканским собором 1870 г. Светские власти Швейцарии смотрели на старокатоликов как на равноправных с остальными католиками, признавшими новый догмат, и потому настаивали на том, чтобы священники, примкнувшие к старокатолическому движению и за это отлученные от церкви, тем не менее оставались на своих местах. Это повело за собой целый ряд столкновений между местными правительствами и католическими епископами, принявших характер настоящей борьбы между светской и духовной властями. В 1873 г. было запрещено провозглашение папской непогрешимости; папская нунциатура в Берне была уничтожена; назначенный в Женеву без согласия правительства викарным епископом Мермильо был оттуда удален, базельское епископство отменено и епископ (Lachat) смещен; смещено было немало священников, заявлявших свой протест, а в Бернском университете учрежден старокатолический факультет. Конечно, против всего этого протестовало не одно швейцарское католическое духовенство, но протесты шли еще и от папы Пия IX, да и от самих католических граждан Швейцарии. Светские власти страны во время этой церковной распри считали себя вправе устанавливать в стране церковный строй совершенно так же, как в эпоху просвещенного абсолютизма делал это Иосиф II или как поступило во время Французской революции учредительное собрание, издав гражданское устройство духовенства. В некоторых кантонах со смешанным населением — именно в Женеве, в Берне, в Золотурне, в Аргау, — местные правительства при помощи народного голосования прямо вводили для католических граждан этих кантонов совершенно новые порядки, перераспределяя по своему усмотрению, т. е. без всякого соглашения с церковными властями католические приходы и устанавливая для замещения настоятельских вакансий избрание кандидатов прихожанами. Католики видели в таких распоряжениях кантональных властей нарушение не только прав церкви, но и своей религиозной свободы, вследствие чего обращались к союзному правительству с просьбами о защите, но в нем не находили поддержки, так как само оно стояло на точке зрения совершенной правильности образа действий кантональных властей. Правоверные католики отказывались от выборного духовенства, а в бернской Юре дело дошло даже до настоящего бунта против старокатолических священников, пользовавшихся особым покровительством вла-

стей; беспорядки были здесь прекращены только вмешательством военной силы. Эта церковная распря продолжалась до конца жизни Пия IX, и только при Льве XIII ей был положен конец, как и «культуркампу» в Германии. Нужно прибавить, что впоследствии сами же швейцарские католики стали пользоваться конституционными средствами, которыми Швейцария была обязана инициативе и энергии радикалов, для того, чтобы проводить в жизнь свои стремления. В числе этих средств был и созданный в 1874 г. общесоюзный референдум: именно благодаря ему католическая партия и партия французская получили возможность устранять меры, исходившие от радикального и немецкого большинства в союзе.

Вместе с Франко-германской войной, заставившей серьезно подумать об изменении конституции в более централистическом направлении, к тому же самому приводил и «культуркампф», имевший своим предметом устранение влияния, каким в некоторых кантонах пользовались клерикальные защитники папской непогрешимости. Если для ограждения национальной безопасности нужно было создать единую союзную армию, то для устранения ультрамонтанских происков столь же необходимой казалась единая школа. В этом направлении, с присоединением к двум указанным требованиям еще третьего в том же духе — единства права, и был составлен первый проект пересмотра союзной конституции, в которую, сверх всего этого, должно было быть включено и расширение прав демократии.

В 1874 г. за новую конституцию¹ было подано 340 199 голосов, против — 198 013, причем на ее стороне оказалось 14,5 кантонов, а против нее, как было сказано, только 7,5. Перемена сравнительно с голосованием 1872 г. объясняется, с одной стороны, кое-какими уступками кантонализму, которые были сделаны радикалами, авторами проекта, с другой же стороны, тем, что разыгравшаяся как раз в это время, в 1873 г., борьба с клерикализмом перетянула на сторону немецкой радикальной партии французских антиклерикалов.

Уже конституция 1848 г., сравнительно с прежним устройством Швейцарии, усиливала власть федерального правительства, конституция же 1874 г. еще сделала шаг вперед в том же направлении, хотя бы и не в том объеме, в каком это было желательно авторам первоначального проекта. В организации федеральных властей не было произведено никаких изменений, но зато была расширена их компетенция. Кроме того, благодаря изменениям, делавшимся впоследствии в конституции, союзная законо-

---

¹ Союзная конституция Швейцарской конфедерации 1874 г. имеется в II т. сборника Гессена и Нольде, с. 317—352. Там же помещены конституции кантонов Аппенцеля 1876 г. с изменениями 1880 г. (с. 366—374), Берна 1893 г. (с. 378—401) и Гларуса 1887 г. (с. 438—465) и старая (1847 г.) женевская конституция с позднейшими изменениями, дополнениями, к числу коих относятся главы о религии, измененные в 1873—1874 гг. (с. 490—492 и 496—497), закон 1879 г. о факультативном референдуме (с. 497—499) и закон 1905 г. о праве инициативы (с. 499—500).

дательная власть с течением времени все более и более разрасталась, так как эти изменения постоянно вносили новые и новые предметы в область федерального законодательства. Политическая унификация в то же время ослабляла и обособленность кантонов. «Кантоны, — по статье 6 конституции, — обязаны испрашивать у союза гарантию своих конституций»: нужно только, чтобы они вообще не содержали ничего противного союзной конституции, находились в согласии с республиканскими, представительными или демократическими формами и были приняты большинством граждан, а за всем тем кантонам предоставлено право изменять свое устройство, как им угодно. Известно, что последним правом кантоны — особенно немецкие — стали пользоваться очень широко. Например, только за одно четырехлетие от 1891 до 1895 г. было совершено около двадцати частичных пересмотров и четыре полных, бывших, в сущности, не чем иным, как полной заменой старых конституций совершенно новыми. При этом очень часто нововведения, сделанные одними кантонами, перенимались другими, что влекло за собой установление большей однородности в их устройстве. Народные голосования 1887 и 1898 г. внесли в конституцию 1874 г. важные поправки в смысле права союза законодательствовать в областях гражданского и уголовного права с сохранением в ведении кантонов только судоустройства, судопроизводства и судебной администрации; это открыло путь к введению «единого права». Впрочем, Швейцарии пришлось еще ждать четырнадцать лет, пока народным голосованием 1898 г. не было санкционировано объединение во всем союзе как уголовного, так и гражданского права¹.

До известной степени осуществилось в Швейцарии и требование «единой армии». Правда, по статье 13 конституции, «союз не имеет права содержать постоянное войско», и лишь кантонам принадлежит это право, но в случаях внешней опасности или внутренних волнений кантональные войска «должны быть немедленно подчинены представителю союзной власти» (ст. 17). Вообще «кантоны располагают военными силами своей территории», но лишь постольку, «поскольку это право не ограничено союзной конституцией или союзными законами» (ст. 19). Особые статьи устанавливали всеобщую воинскую повинность (ст. 18) и лишь союзу давали право издавать законы об организации армии и заведовать делом обуче-

¹ Отметим, что конституция 1874 г. отменила смертную казнь, но в 1879 г. была принята поправка, отменявшая соответствующую статью конституции или, вернее, заменявшая ее другой, которая гласит: «Смертный приговор не может быть вынесен за политические преступления» (ст. 65). За эту статью голосовало 200 485 (и 15 кантонов), против — 181 588 (и 7 кантонов). Случилось это так. В одном из кантонов было совершено преступление, особенно возмущившее общественную совесть. Население потребовало смертной казни преступника, чем и воспользовались федералисты, стоявшие за расширение прав кантонов, для того, чтобы настоять на отмене 65-й статьи конституции. Большинство кантонов, однако, не восстановило у себя смертной казни, а там, где она была вновь принята, она не получила распространения.

ния войск и их вооружения (ст. 20). Союзное правительство немедленно же после принятия конституции 1874 г. занялось однообразным устройством армии, оставив в исключительном своем ведении инженерную, артиллерийскую и кавалерийскую части и назначение на высшие военные должности. К концу XIX в. Швейцария довела свою армию до 300 тыс. комбатантов. В этом сказалось влияние повсеместного роста милитаризма и на Швейцарию, которая при этом должна была потратить значительные суммы на свои вооружения. Одни сен-готтардские укрепления обошлись в 13 млн франков; лишь на замену старого ружья новым однажды сразу был ассигнован кредит в 20 млн и т. п. Кроме заботы о единой армии существовала при пересмотре конституции 1874 г., как мы видели, и забота о единой школе. В этом отношении, однако, кантоны проявили большее упорство в защите местной свободы от централизационных стремлений. Конституция 1874 г., в данном случае, должна была ограничиться лишь принятием однообразных общих принципов. «Кантоны, — гласит статья 27, — заботятся о достаточном первоначальном обучении, которое должно находиться в исключительном заведовании гражданской власти. Оно обязательно и в государственных школах бесплатно. Государственные школы должны быть открыты для посещений последователей всех исповеданий, без нарушения каким бы то ни было образом их свободы совести или веры. Союз, — сказано в заключение, — примет необходимые меры против кантонов, которые не будут исполнять это обязательство». Понятно, что последняя прибавка была сделана, чтобы клерикалы католических кантонов (а отчасти и нетерпимые протестанты) не могли устраивать у себя исключительно конфессиональные школы¹. Когда с достаточной ясностью обнаружилось, что требования 27-й статьи конституции не везде исполняются, центральной властью была наряжена ревизия школ и в связи с этим была учреждена должность своего рода швейцарского министра народного просвещения, но против этой должности началась сильная агитация со стороны клерикалов, и дело кончилось тем, что народное голосо-

---

¹ Укажем, кстати, на некоторые постановления конституции 1874 г., направленные против власти, влияния и притязаний духовенства: «Кантоны и союз могут принимать необходимые меры... против посягательств духовных властей на права граждан и государства... На швейцарской территории не могут быть учреждаемы епископства без разрешения союза» (ст. 50). «Орден иезуитов и общества, соединенные с ним, не могут быть допущены ни в какую часть Швейцарии, и членам их запрещается всякая деятельность в церкви и в школе. Это запрещение может быть распространено путем союзного постановления и на другие религиозные ордена, деятельность которых опасна для государства или угрожает миру между вероисповеданиями» (ст. 51). «Воспрещается основывать новые монастыри или религиозные ордена и восстанавливать те, которые были закрыты» (ст. 52). «Гражданское состояние и ведение книг, к нему относящихся, подлежат ведению гражданских властей» (ст. 53). «Нельзя препятствовать браку на основании религиозных соображений» (ст. 54). В 1875 г. в Швейцарии был введен гражданский брак.

вание 318 139 против 172 010 голосов отвергло принятое центральной властью решение.

Самым главным явлением в истории швейцарской конституции за последнюю треть XIX в. было дальнейшее развитие непосредственного участия народа в законодательстве. В своем месте мы видели, что в шестидесятих годах прошлого века большая часть кантонов перешла к системе «демократического законодательства» при непосредственном участии народа и что еще тогда же была сделана неудачная попытка ввести этот важный принцип и в союзное устройство. В 1870 г. не было этой системы лишь в Женеве, Базеле-городе, Фрейбурге, Цуге и Тичино, но и они потом, за исключением одного Фрейбурга, перешли к непосредственному народному участию (в 1875 г. Базель-город, в 1877 г. Цуг, в 1879 г. Женева и в 1883 г. Тичино), после того как оно было принято и в союзную конституцию. Нужно прибавить, что установившийся в большей части кантонов референдум был двух родов: или факультативный, или обязательный, т. е. в первом случае законы представляются на утверждение народа лишь тогда, когда этого требует известное число граждан, между тем как во втором случае законы должны утверждаться народом без каких бы то ни было заявлений со стороны граждан. Впрочем, это разделение касается обыкновенных законов, изменения же в конституциях подлежали во всяком разе обязательному референдуму.

После того как народное право утверждать или отвергать законы было принято большей частью кантональных конституций, политическая последовательность требовала, чтобы тот же принцип был осуществлен и в союзной конституции. Демократическая партия, главным средоточием которой был союз «Грютли»¹, заключавший в себе много рабочих, прямо и указывала на неестественность и несправедливость лишения граждан по отношению к союзу тех прав, которыми они уже пользовались в кантонах. Кроме того, демократы выдвигали на вид и такое соображение: с превращением Швейцарии из союза государств в союзное государство произошло усиление центральной власти, а это должно быть уравновешено соответственным расширением народовластия. К последнему соображению со стороны социалистов присоединялось указание на необходимость увеличить народные права ради обуздания капиталистических предприятий, бороться с которыми совсем не по силам населению отдельных кантонов, так как капиталистические кампании не ограничиваются пределами одного какого-либо кантона, а нередко распространяют свою деятельность на

¹ Grütliverein (по имени горной лужайки, на которой в 1307 г. основатели первоначального союза, выросшего потом в Швейцарию, поклялись освободить свою родину) ведет начало от 1838 г. Многочисленность его членов позволяла ему собирать такое количество подписей, какое необходимо для требования референдума или возбуждения народной инициативы.

весь союз и даже оказывают влияние на союзное представительное правительство с его почти исключительно буржуазным составом. На возражение сторонников исключительно представительной системы, что народ еще недостаточно созрел для такой реформы, защитники ее отвечали тем, что подобный аргумент — самое лучшее средство для возможности не принимать нужных реформ. Кроме непосредственного участия в законодательстве, демократы требовали еще избрания и исполнительной власти (союзного совета) не представительным собранием, а самим народом.

Первое демократической партии удалось осуществить, второе — нет. Когда, наконец, был выработан и принят национальным представительством проект новой конституции, он очень много еще обсуждался в печати и в народных собраниях, пока народное голосование не утвердило его, как было уже сказано, 340 тыс. голосов против 198 тыс., причем в голосовании, нужно еще прибавить, участвовало 85% всего числа полноправных граждан.

В статье 89 конституции 1874 г. вслед за указанием на то, что «для принятия союзных законов, декретов и постановлений необходимо согласие обоих советов», сказано следующее: «Союзные законы должны передаваться народу, для принятия или отклонения, если этого потребуют 30 тыс. имеющих право голоса граждан или восемь кантонов. То же относится и к союзным постановлениям, имеющим общее значение и не имеющим характера неотложности». Из этой статьи мы видим, что швейцарская союзная конституция вводила в стране законодательный референдум в его необязательной, факультативной форме. Эта статья, расширяющая союзные права швейцарских граждан, получила дальнейшее продолжение в принятом народом в 1891 г. конституционном законе, установившем народную инициативу в деле пересмотра союзной конституции. Определяя впервые условия для пересмотра и последующих изменений конституции, конституция 1848 г. не сделала никакой разницы между полным и частичным пересмотрами конституции. Тогдашний учредительный сейм даже не нашел нужным делать на этот счет какие-либо оговорки, полагая, что как полный, так и частичный пересмотры совершенно одинаково могут быть подвергаемы народному голосованию, раз этого потребуют 50 тыс. полноправных граждан. В 1879 г. более 50 тыс. граждан заявили о необходимости дополнения союзной конституции новой статьей о союзных финансах, но и правительство, и представительные собрания союза, ссылаясь на букву конституции, ответили, что граждане могут требовать только полного пересмотра, а не частичных изменений. Этот отказ вызвал в стране сильное движение, в котором одну из главных ролей опять играл союз «Грютли». Демократическая агитация требовала теперь признания за народом инициативы в деле частичных пересмотров обязательного, а не факультативного законодательного референдума и непосредственного выбора гражда-

нами членов союзного совета. Движение это приняло столь внушительный характер, что центральные власти склонились к признанию права частичного пересмотра, но, составляя в этом смысле законопроект, правительство не хотело включить в него условие, принятое для полного пересмотра и заключавшееся в том, чтобы в случае согласия народа на пересмотр обе палаты подвергались переизбранию. Такое мнение высказал и национальный совет, но другой совет внес в проект очень существенное изменение, приняв, вдобавок, существовавший в Цюрихе с 1869 г. порядок, в силу которого предложение частичного пересмотра конституции могло быть поставлено на народное голосование не только в форме известного пожелания, но и в форме совершенно готового законопроекта. В этом именно смысле и были составлены новые статьи, принятые 5 июля 1891 г. 183 029 голосами против 120 599 и 18 кантонами против 4.

«Частичный пересмотр, — гласит новая (121) статья конституции, — может происходить путем народной инициативы или же путем, установленным для союзного законодательства». В первом случае достаточно заявления со стороны 50 тыс. полноправных граждан, причем «требование инициативы может быть представлено или в виде общего указания, или в виде подробно разработанного проекта». В случае согласия союзных палат с высказанным пожеланием, они и разрабатывают законопроект, который потом голосуется народом и кантонами, в противном же случае вопрос предварительно передается на народное голосование. Если получится при этом положительный ответ, союзное собрание предпринимает само пересмотр, буде нет уже готового проекта, в случае же несогласия с ним может выставить свой контрпроект. О переизбрании советов говорится лишь в статье 120, рассматривающей условия общего пересмотра. Таким образом, федеральным учреждениям удалось сохранить в новом законе свою точку зрения в вопросе о переизбрании советов, и тем более поэтому швейцарская демократия стала дорожить своим правом инициативы не только в форме общего пожелания, но именно готового законопроекта. Она даже начала пользоваться этой формой для предложения вообще всяких законопроектов: нужно было только выставлять последние как основные. Нельзя, однако, сказать, чтобы первое же применение этого нового народного права было удачно выбрано, хотя в этом вина падает не на прогрессивную, а на реакционную часть швейцарского общества. Именно в 1893 г. швейцарские антисемиты подняли вопрос о включении в конституцию статьи, запрещающей в Швейцарии убой скота по способу, предписываемому еврейской религией, т. е. без предварительного оглушения убиваемого животного, и эта статья была принята 191 527 голосами и 11,5 кантонами против 127 101 голосов и 10,5 кантонов¹.

¹ Отсюда странная для конституции статья 25 bis: «Строго воспрещается выпускать кровь из животных на бойнях, не оглушив их предварительно; это постановление применяется ко

Швейцарская демократия не остановилась на достигнутых успехах. В 1898 г. в Люцерне состоялся съезд 233 делегатов от союза «Грютли», от социал-демократической партии, от профессиональных рабочих союзов и от социал-политической группы союзного собрания¹ и решил поставить на народное голосование два требования², именно об избрании союзного правительства непосредственно народом и о введении пропорционального представительства в национальном совете. Избранный съездом комитет составил воззвание к швейцарским гражданам в этом смысле и начал усиленно агитировать в пользу своего предложения, что, однако, не увенчалось успехом, ибо народное голосование отвергло обе новые статьи: 4 ноября 1900 г. против избрания союзного совета народом было подано 270 522 голоса, за — 145 926; против пропорциональных выборов в национальный совет 244 666, за — 169 000. То, что было отвергнуто в 1900 г. для союзной конституции, уже существовало, однако, в некоторых конституциях кантональных³. Швейцарские демократы, однако, говорили, что осуществление их требований — только вопрос времени⁴.

всем способам убоя и к скоту всякого рода». Не нужно, впрочем, думать, что все, подававшие голоса за статью, были настроены антисемитически: многие голосовали за нее по соображениям сострадания к животным.

¹ В этой группе состоял Курти, автор сочинений о народном законодательстве, названных выше.

² Так называемая *Doppelinitiative*.

³ Интересные итоги о действии в Швейцарии референдума и народной инициативы до середины девяностых годов подведены Лоуэллем в книге «Правительства и политические партии в Западной Европе» (1905), с. 406 и след. «История народного голосования в Швейцарии, — говорит он между прочим, — указывает на резко выраженное стремление отвергать все меры так или иначе радикальные; это, — прибавляет он, — факт очень поучительный, так как он доказывает, что народ действительно более консервативен, чем его представители». Лоуэлль обращает внимание на то, что «как это ни странно, нелюбовь к радикальным мерам обращается и на фабричные законы и другие меры, имеющие целью улучшить положение рабочего класса, хотя, — замечает он, — обыкновенно предполагается, что такого рода законы в высшей степени популярны у большинства народа», с. 416. Он приводит несколько подтверждающих его вывод примеров из истории Цюриха, имеющего большое количество рабочих, сам, впрочем, объясняя отклонение законов в пользу рабочего класса влиянием фабрикантов, грозивших, например, сбавкой платы в случае законодательного ограничения рабочего времени, с. 417. Другие объясняют отклонение таких предложений, как сделанное в 1894 г. в смысле обеспечения за рабочими права на труд, «мелкобуржуазным составом большинства швейцарских граждан». *Тахтарев К. С.* 202. Против указанного предложения было подано 308 289 голосов, за — лишь 75 880, а кроме того, и все 22 кантона были против. Ср. на с. 411–412 кн. Лоуэля таблицу всех народных вотумов Швейцарского союза с 1874 по 1896 г.

⁴ Непосредственное избрание народом министров в Цюрихе, Цуге, Золотурне, обоих Базелях, Шаффгаузене, Сэн-Галлене, Граубюндене, Тургау, Тичино и Женеве. См., например, статьи 25 и 26 женевской конституции, гласящие, что «общее собрание избирательного корпуса образует генеральный совет», который и «назначает непосредственно представителей исполнительной власти». Что касается до пропорционального представительства, то в последнем десятилетии XIX в. оно было введено в Тичино, Женеве, Невшателе, Цуге и Золотурне, причем в первом из названных кантонов оно применяется и при избрании исполнительного совета.

Со времени введения в Швейцарии референдума это новое учреждение пустило прочные корни в жизнь нации, и даже клерикалы стали им дорожить, как тормозом, задерживающим слишком поспешное издание законов, хотя, с другой стороны, конституция 1874 г. сильно оживила вообще законодательную деятельность союза, между прочим, и в области рабочего вопроса¹. В 1877 г. 181 204 голосами против 170 857 был принят закон, ограничивающий работу на фабриках для взрослых 11-ю часами. В 1890 г. по народной инициативе была принята 283 228 голосами против 92 220 и 20,5 кантонами против 1,5 конституционная поправка об обязательном страховании рабочих². Кроме того, и без референдума было издано несколько законов об ответственности компаний за несчастные случаи с рабочими сначала на железных дорогах и пароходах (1875 г.), потом на фабриках и заводах (1877 г.) и т. п. Но вообще социальное влияние на швейцарское законодательство не было особенно сильным, и некоторые предложения в духе социальной политики даже отклонялись народным голосованием.

Дело в том, что и сам социализм не получил в Швейцарии значительного развития, несмотря на то что благодаря старинной политической свободе социалисты разных наций издавна находили убежище на территории союза — к великому неудовольствию консервативных правительств других стран³. В рассматриваемую эпоху союзный совет даже принимал некоторые меры против иностранных социалистов и анархистов, действовавших в Швейцарии: в 1878 г. была закрыта революционная газета «L'Avant Garde»⁴, издававшаяся в Невшателе; в 1881 г. был изгнан русский анархист Кропоткин; в 1885 г. было выслано даже несколько анархистов; в 1888 г. та же мера была принята по отношению к редакции «Социал-демократа» и т. п. Сравнительно слабому развитию собственно швейцарского социализма давали различные объяснения, начиная с мелкобуржуазного состава большинства населения и заканчивая характером самой конституции союза⁵. Тем не менее к концу XIX в. и здесь социализм стал

¹ В конституции 1874 г. есть такая статья: «Союз имеет право установить единообразные предписания относительно детского труда на фабриках, относительно продолжительности рабочего дня, могущей быть установленной для взрослых, а также относительно оказания защиты рабочим от занятия вредными для здоровья и опасными промыслами» (ст. 34).

² Статья 34 bis.

³ О значении Швейцарии в истории Интернационала см. в гл. II и V первой части настоящего тома.

⁴ «Передовой отряд» (фр.). — *Прим. ред.*

⁵ «Если в Швейцарии социализм сравнительно поздно пустил корни, несмотря на ее высокоразвитую промышленность, то... главная причина этого — радикально-демократическая конституция: как и в Соединенных Штатах, в Швейцарии самодержавный народ медленно проникался сознанием того, что даже самая радикальная демократия не истребит в свете то зло, которое ведет с собой капитализм для пролетариата». *Зомбарт В.* Социализм и социальное движение. С. 331.

делать очень значительные завоевания, как об этом свидетельствуют следующие данные: в 1884 г. на выборах в национальный совет за социалистических кандидатов было подано всего 2800 голосов, в 1890 г. — уже 20 000, в 1898 г. — 50 000, а в 1902 г. — 63 000. На то же усиление социализма указывает еще то, что в 1904 г. в 17 кантональных советах было 158 социалистов (39 в Цюрихе, 22 в Бадене, 20 в Невшателе и т. д.) и по семи в кантональных правительствах Цюриха, Базеля и Сен-Галлена. Сама социал-демократическая партия по образцу германской была основана в Швейцарии лишь в 1888—1889 гг., а кроме того, социалистические идеи стали сильно проникать в союз «Грютли», который в 1892 г. даже заменил в своей программе выражение «либеральная демократия» термином «социальная демократия» и в 1901 г. вошел в более тесный союз с социал-демократической партией.

Общие обзоры

XXII. Экономическая эволюция Западной Европы в последние десятилетия XIX в.¹

Сущность экономического развития на Западе в XIX в. — Распространение индустриальной революции на новые страны. — Приобретение промышленными кризисами мирового характера. — Капиталистическое производст-

¹ Для экономической и социальной истории Западной Европы в первые две трети XIX в. см. в четвертом томе настоящего труда гл. XXII («Существенное содержание социальной истории XIX в. и ее изучение») и XXIII–XXV (о положении крестьян и рабочих в первой половине XIX в.), а в пятом томе гл. XXX–XXXI (о крестьянах и рабочих в середине XIX в.). Кроме литературы, указанной в названных главах, иногда имеющей отношение и к истории последней трети XIX в., равно как некоторых сочинений, отмеченных в других главах настоящего тома, см.: Промышленность. Сборник статей из «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» (1905); *Гобсон Д.* Эволюция современного капитализма (1898); *Зомбарт В.* Современный капитализм; *Озеров Л.* Итоги экономического развития XIX века (1902); *Sinzheimer.* Über die Grenzen der Weiterbildung des fabrikmässigen Grossbetriebs (1893); *Bouniatian M.* Wirtschaftskrisen und Über-kapitalisation (1908); *Шуннель.* Современная бедность и современное перенаселение (1902). Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. Сборник статей (1905); *Weber A.F.* The growth of cities in the nineteenth century (1899; рус. пер.: *Вебер А.* Рост городов в XIX в., 1903); *Бюхер К.* Крупные города (1905) или Большие города (1905); *Озеров И.* Большие города (1906); *Vandervelde E.* L'influence des villes sur les campagnes (1898); *Вандервельде Э.* Бегство из деревни (1904); *Volger B.* Die Gewerbepolitik. По истории экономических учений в Новейшее время см.: *Кулишер И.М.* Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. II. Девятнадцатый век (1908); *Туган-Барановский М.* Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма; *Миклашевский А.* История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX в. (1909). По вопросу о превращении аграрного государства в индустриальное и сельскохозяйственном кризисе см.: *Wagner Ad.* Agrar- und Industrie-Staat (1902; изд. 2-е); *Ruhland G.* Die internationale landwirtschaftliche Konkurrenz (1901); *Sering M.* Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerikas (1887); *Булгаков С.* Капитализм и земледелие (1900; в этом двухтомном труде имеются исторические очерки английского, германского и французского земледелия в XIX в.); *Смирнов Е.* Крестьянский вопрос во французской палате депутатов («Новое слово» за 1897 г., ноябрь); *Левитский В.* Сельскохозяйственный кризис во Франции в 1862–1892 гг. (1899); *Скворцов А.* Влияние парового транспорта на сельское хозяйство (1890). Так как главной страной, подвергшейся переходу из аграрного состояния в индустриальное, является Германия, то отмечаем здесь особо сочинения по экономической истории этой страны. Кроме названных в первой части этого тома и выше, и в их числе большого труда *Sombart'a* «Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert» (1903), отметим: его же более ранние «Очерки промышленного развития Германии» (1900 и 1902); *Pohle L.* Deutschland am Scheidewege (1902); *Troeltsch W.* Über die neuesten Veränderungen im deutschen Wirtschaftsleben (1899); *Voigt P.* Deutschland und der Weltmarkt (в I т. сборника «Handels- und Machtpolitik», 1900); *Lotz W.* Verkehrsentwicklung in Deutschland, 1800–1900 (1900); *Neuhaus G.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte im XIX Jahrhundert (1907); *Diouritch.* L'expansion des banques allemandes a l'étranger (1909). Специально по торговой политике: *Каутский К.* Торговые договоры и торговая политика (1904); *Зивекинг Г.* Внешняя торговая политика (1908); *Beer Ad.* Die österreichische Handelspolitik im XIX Jahrhundert (1891); *Baikie W.* Die französische Handelspolitik, 1892–1902 (1904; в серии «Münchener volkswirtschaftliche Studien», 1904) и др.

во и пауперизм. — Неравномерность экономического развития разных стран. — Проявления экономической отсталости во Франции. — Общий сельскохозяйственный кризис в Западной Европе. — Развитие аграрного протекционизма. — Увеличение городского населения. — Рост крупной промышленности. — Судьбы ремесленного и кустарного производства. — Возникновение союзов предпринимателей. — Технический прогресс последних десятилетий. — Индустриальный протекционизм. — Таможенные войны и торговые трактаты между отдельными государствами. — Рост государственных бюджетов и государственной задолженности. — Перемены в области экономической идеологии

В настоящей главе мы остановимся на экономической эволюции Западной Европы в последнюю треть XIX в., исходя из характеристики этой эволюции вообще в XIX столетии. Наиболее важными процессами в последней, — о чем подробнее уже было нами сказано в двух посвященных данному предмету главах четвертого тома «Истории Западной Европы»¹, — являются обезземеление сельского населения, уничтожение цеховых стеснений в области обрабатывающей промышленности и замена ручного труда машинным. Такую общую характеристику можно дать переменам в экономическом быту Западной Европы, имея в виду преимущественно развитие в ней в XIX в. крупного капиталистического производства как главное явление всей хозяйственной истории Новейшего времени. Крупная капиталистическая промышленность была бы совершенно невозможна при отсутствии особого рабочего класса, т. е. пролетариата, разлученного с орудиями производства, которые составляли бы собственность трудящихся, а этот класс не мог бы образоваться, если бы в сельском быту не происходил процесс обезземеления крестьянской массы, и в быту городском не совершалось падение старого ремесленного строя, искусственно поддерживавшегося законодательством о цехах. Останавливаясь пока только на обезземелении сельского населения, мы не можем, далее, не отметить, что оно само было результатом глубоких юридических и экономических перемен в сельскохозяйственном быту. Под юридическими переменами мы разумеем здесь, конечно, уничтожение крепостничества и помещичьих прав над крестьянской землей, под переменами экономическими — вытеснение натурального хозяйства денежным и мелкого хозяйства крестьянского типа хозяйством крупным, помещичьим или фермерским. 1848 г. принес с собой окончательную ликвидацию крепостнических отношений на Западе², а перед 1870 г. их не существовало уже и в Восточной Европе, так что об этом предмете для последних десятилетий XIX в. не может быть и речи. Достаточно только отметить, что во многих случаях освобождение крестья-

¹ Это гл. XXIV и XXV.

² Том V, гл. XXX.

ян и их собственности от помещичьей власти сопровождалось откреплением их от земли, что, между прочим, имело место и в прусской крестьянской реформе XIX в., окончившейся уменьшением площади крестьянского землевладения. С другой стороны, замена натуральной аренды денежной и мелкой — крупную (или развитие помещичьего и фермерского хозяйства на счет крестьянского) отрывала от земли массу прежних самостоятельных хозяев, превращало их в пролетариев и заставляло искать средств к жизни в иных местах. Отсюда эмиграция не только в другие страны, но, особенно, в города и рост городского населения вообще и населения бездомного в особенности, как это мы ранее всего видим в Англии. Конечно, в данном случае не нужно упускать из виду такого важного фактора, как вообще увеличение в стране населения путем естественного его приращения вследствие перевеса числа рождений над числом смертей. В этом отношении весьма наглядный и показательный пример из истории последней трети XIX в. представляет собой быстрое возрастание населения в Германии, которая именно в этот период из всех стран Запада и сделала наибольшие успехи в своем промышленном развитии и в некоторых отношениях обогнала Францию с ее почти не увеличивающимся населением. На это как раз время и падает превращение Германии из «аграрного» в «индустриальное» государство.

Итак, обезземеление сельской массы, — само вызываемое и ростом населения, уже не могущего питаться исключительно от земли, — является одним из важнейших условий образования городского пролетариата. Другим таким условием было падение мелкого производства, поддерживавшегося цеховыми уставами средневекового происхождения. Еще в конце XVIII в. и в начале XIX в. эти уставы были помехой для возникновения в городах крупных промышленных предприятий, но и тогда уже эти законы обходились, например, устройством мануфактур вне городов или мануфактур привилегированных, т. е. «королевских», «герцогских» и т. п., в последней же трети XIX в. цеховых препятствий для развития крупной промышленности более не существовало, и, с этой стороны, ничто уже не мешало естественному процессу концентрации производства. Нужно прибавить, что еще перед отменой цеховых монополий, при сохранении еще старой формы, уже сильно стало изменяться само существо цехового строя¹. В эпоху процветания цехов хозяин каждой мастерской был самостоятельным предпринимателем, но мало-помалу он начал превращаться в кустаря, зависящего от более богатого предпринимателя, что приближало его уже к положению наемного рабочего. Новейшие исследования в области исторического развития обрабатывающей промышленности на Запа-

¹ Для дальнейшего гл. XVIII первого тома «Истории Западной Европы» и гл. IX третьего тома, равно как первая из указанных глав четвертого, а кроме того, моя книга «Западноевропейская абсолютная монархия».

де оставляют, вне всякого сомнения, что переход ремесленно-цехового строя в фабричный совершался через строй кустарный или, как выражаются немцы, через «Hausindustrie», когда прежний самостоятельный мастер-предприниматель превращался, как называют это теперь французы, в мастера-рабочего (*maître-ouvrier*). Мелкие мастерские продолжали еще существовать, но они уже были не самостоятельными единицами, а только частями более крупных предприятий: стоило только, например, перенести станки ткачей-кустарей из отдельных помещений в одно общее, как получалась «*manufacture réunie*», одна из предшественниц современной фабрики. Этот процесс индустриальной концентрации был особенно хорошо выяснен Марксом и его последователями. От «Коммунистического манифеста» 1848 г. до «Эрфуртской программы» 1891 г.¹ идет целый ряд марксистских заявлений в этом смысле. Названная программа, как мы увидим, прямо и начинается с указания на то, что экономическое развитие «бюргерского» общества «с естественной необходимостью» (*mit Naturnothwendigkeit*) влечет за собой «гибель мелкого производства» (*Untergang des Kleinbetriebes*) и, «отрывая работника от средств производства», превращает его «в неимущего пролетария» (*in einen besitzlosen Proletarier*), в то самое время, как «раздавленное мелкое производство вытесняется колоссальным производством крупным». Эту формулу можно оспаривать только в том случае, если ей придается безусловное, всеобъемлющее значение, т. е. если она распространяется на всякое мелкое производство, но, в общем и целом, она, конечно, верна. В последней трети XIX в. формула Маркса особенно оправдалась на Германии, которая еще в середине XIX в. была страной мелкого, ремесленно-кустарного производства. Процесс постепенного падения последнего сопровождался пролетаризацией бывших мелких независимых или только полунезависимых мелких мастеров². Как известно, официальное учение марксизма именно на эту индустриальную концентрацию и возложило все свои надежды, как на наступление того условия, при котором только и может произойти окончательный социальный переворот. Прибавим еще, что уже рассмотренное изменение в сельском быту нанесло ущерб и сельским кустарным промыслам, поскольку они служили подспорьем для мелких сельских хозяев: превращение последних в бездомных батраков делало невозможным и для них оставаться кустарями.

Рядом с обезземелением части сельского населения и с падением цехового строя в городах третьим существенным моментом в создании современной капиталистической промышленности было введение, как известно, двигательной (паровой) и рабочих (прядаильных, ткацких и т. п.) машин. Здесь не место рассматривать те последствия, которые вообще

¹ См. ниже, в следующей главе.

² На аналогичный процесс указывается и в области мелкой торговли.

повлекло за собой введение машин; напомним только, что первой страной, где широко воспользовались механическими изобретениями второй половины XVIII в., была Англия, которой даже долгое время в этом отношении принадлежала монополия. Англия, — все это знают, — раньше других стран вступила на дорогу современной капиталистической индустрии, другие же страны лишь позднее и, большей частью, не так широко и полно стали захватываться процессом превращения из аграрных в индустриальные с крупным, капиталистическим машинным производством. Первый опыт применения паровой машины в обрабатывающей промышленности был сделан в Англии в 1785 г., за четыре года до Французской революции, и к этой же эпохе относится введение в прядильное и ткацкое производство новых механических станков. Раньше других начала перенимать у Англии ее технические изобретения Франция, но, в общем, до революции не успела ничего сделать, так как англичане держали свои изобретения в строгом секрете, потом же начались во Франции внутренние смуты и вспыхнула между обеими странами продолжительная война, совсем прекратившая всякое общение между ними. Правда, в эпоху Первой империи во Франции также были сделаны свои механические изобретения в областях прядильной и ткацкой промышленности, но настоящим периодом введения машинного производства в этой стране была только эпоха Реставрации. К середине XIX в. во Франции машины уже играли главную роль в сильно развившемся к этому времени крупном производстве, но Англии по-прежнему принадлежало в данном отношении первенство, и одной из видных статей английского вывоза в другие страны сделались машины, особенно после того, как в 1843 г. парламент объявил полную свободу для их вывоза за границу. Германия в это время была еще страной сельского хозяйства и мелкого производства, в которой едва только началось введение машин, встречавших со стороны рабочих нередко такую же вражду, как это было и в Англии в первые времена механизации отдельных производств. По отношению к экономическому развитию Германию середины XIX в. прямо даже ставят на одну доску с Англией конца XVIII в., и переживать эволюцию на английский образец Германия стала лишь в эпоху своего объединения, что и придает столь большой интерес экономической истории Германской империи. Конечно, однако, ни Франция, ни Германия, ни разные другие страны, где еще позднее начала развиваться крупная, капиталистическая, машинная индустрия, в свои переходные эпохи к современному капиталистическому строю далеко не повторяли с буквальной точностью экономическую историю Англии за соответственный фазис ее развития.

Некоторые следствия, какими сопровождалась индустриальная революция конца XVIII и начала XIX в. в Англии, переход из одного экономического состояния в другое, конечно, равным образом влек за собой повсе-

местно, но некоторых следствий, наоборот, странам, позднее выступившим на этот путь, пришлось избежать отчасти под влиянием местных условий, не зависящих от воли человека, отчасти вследствие правительственных мероприятий и предусмотрительности самих промышленных классов общества.

Из следствий, о которых здесь идет речь, следует поставить на первом плане кризисы, время от времени переживавшиеся капиталистической промышленностью и особенно характеризующие индустриальную историю Англии в Новейшее время. То, что можно назвать цикличностью, или периодичностью капиталистического производства¹, по своей загадочности стало даже предметом ряда теоретических исследований в экономической литературе², тем более что и в последней трети XIX в. отдельные индустриальные страны переживали периодические кризисы. При этом, однако, были замечены за указанный период и некоторые совершенно новые особенности. Например, в Англии прежние кризисы обыкновенно сопровождались очень резкими потрясениями кредита, массовыми банкротствами, приостановками платежей из банковых учреждений, общественной паникой и т. п. Гораздо более интересной с общеисторической точки зрения является другая особенность промышленных кризисов последней трети прошлого века. Именно, с семидесятых годов XIX столетия «фазисы подъема и застоя, — говорит русский исследователь кризисов, — охватывают собой одновременно или почти одновременно весь капиталистический мир. Промышленные застои конца семидесятых, половины восьмидесятых и начала девяностых годов прошлого века, равно как и текущего сто-

---

¹ «Рост капиталистического производства идет не по прямой, а по волнообразной линии, причем последовательные подъемы и падения этих волн совершаются с такой правильностью, которая напоминает явления не социального, а биологического, даже неорганического порядка». *Туган-Барановский М.* Основы политической экономии (1909), с. 724. Ср. также следующие страницы указанного труда, на которых дается общая картина «закономерного» прохождения капиталистическими циклами «нескольких неизменно сменяющих друг друга циклов».

² Указания на нее см. на с. 755–757 книги, названной в предыдущем примечании. Ее автор — М. И. Туган-Барановский — сам немало поработал над теорией и историей кризисов. В 1894 г. вышла в свет (потом издание было повторено) его книга «Промышленные кризисы современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь», и я уже имел возможность воспользоваться ею в IV томе «Истории Западной Европы», вышедшем в том же году, как и названная книга. Ему же принадлежат еще: «Промышленные кризисы» (1900) и «*Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England*» (1901), а также особая глава о «кризисах капиталистического хозяйства» в «*Основах политической экономии*» (1909), с. 724–755. Из новейших трудов отметим: *Чунров А.* О характере и причинах современных промышленных кризисов в Западной Европе (1889); *Juglar.* Des crises commerciales et de leur retour périodique (1889); *Hyndman.* Commercial crises of XIX century (1892); *Bergmann.* Geschichte der nationalökonomischen Krisentheorien (1895); *Jones.* Economic crises (1900); *May.* Das Grundgesetz der Wirtschaftskrisen (1902); *Pohle.* Bevölkerungsbewegung, Kapitalbildung und periodische Wirtschaftskrisen (1902); *Каймский К.* Теории кризисов (1907); *Bouniatian.* Studien zur Theorie und Geschichte der Wirtschaftskrisen (1908); *Лескюр.* Общие и периодические промышленные кризисы (1908).

летия, имели вполне мировой характер; разница была лишь в том, что в различных странах промышленный застой имел различную степень интенсивности»¹. Если, как мы это только что видели, английские кризисы последних десятилетий были непохожи на кризисы прежнего времени и потому сделались лишь более или менее продолжительными периодами промышленного зстоя, то в более молодых капиталистических странах, в Германии и в Северо-Американских Соединенных Штатах, промышленные кризисы данной эпохи были не менее интенсивны, нежели те, какие испытывала и Англия в более отдаленные времена. Дело в том, что в последней трети XIX в. Англия потеряла свое прежнее гегемоническое положение в промышленности и торговле всего мира². Раньше подъемы производства в этой стране имели более резко выраженный характер, нежели теперь, а потому, — как это всегда наблюдается, — и следовавшие за ними падения совершались с большей быстротой, влекшей всегда за собой общее расстройство кредита. Притом значительную часть своих капиталов Англия стала помещать в других странах, что тоже не могло остаться без влияния на меньшую интенсивность ее кризисов. Совсем иное зрелище представляют нам страны с более молодой капиталистической промышленностью и среди них прежде всего Германия, с необычайной быстротой развившая свою промышленность к концу XIX в.

Мы знакомы уже с этим развитием из других мест настоящего тома³. Германия в эпоху своего объединения превратилась из аграрного государства в индустриальное, сделавшееся даже весьма опасным соперником для промышленности, торговли и колониального могущества Англии. Быстрое развитие в Германии обрабатывающей промышленности не могло не сопровождаться теми же явлениями, какие в свое время переживала и Англия. Особенно в этом отношении замечателен уже упоминавшийся нами кризис, или «крах» начала семидесятых годов, бывший следствием усиленного грюндерства. Вообще фазисы промышленного подъема, это — «периоды усиленного строительства и устройства новых промышленных предприятий»⁴, когда «создание нового основного капитала страны — строительство и грюндерство разного рода — не может не сопровождаться общим оживлением промышленности», поскольку «всякое крупное расходование капитала (например, постройка железной дороги) создает усиленный спрос не только на элементы основного капитала (железо, машины, дерево и пр.), но и на предметы общественного потребления, так как

---

¹ Туган-Барановский М. Основы политической экономии. С. 733–734.

² О промышленно-торговом развитии Англии в середине XIX в. см. т. V, а о потере ею прежнего положения выше.

³ См. т. VI, ч. I, где идет речь о сравнительной отсталости экономического развития Франции.

⁴ Ср.: Туган-Барановский М. Основы политической экономии. С. 747–748.

рабочие, занятые на постройке, предъявляют усиленный спрос на предметы потребления, равно как и капиталисты, барыши которых во время промышленного подъема особенно велики». Нельзя, впрочем, не отметить, что и в германском, и в австрийском кризисах начала семидесятых годов видную роль играла спекуляция, — имевшая место и в разных кризисах во Франции¹, — и что, с другой стороны, в 1873 г., когда произошли германский и австрийский крахи, наблюдался и мировой кризис, задевший, между прочим, и саму Англию. Последнее обстоятельство важно, как указание на усиление той взаимозависимости, которая установилась в экономической жизни между отдельными странами.

Прежде, однако, чем остановиться на этом предмете, коснемся еще одной темы, связанной с историей капитализма. Рассматривая в своем месте следствия индустриальной революции в Англии в начале XIX в., мы не могли не отметить страшного развития среди ее рабочего класса так называемого пауперизма, или нищеты, картины которой были запечатлены еще в середине сороковых годов в знаменитой книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Известно, что ко второй половине XIX в. положение английских рабочих улучшилось², благодаря замечательному развитию в Англии промышленности и ее господству на всемирном рынке, хотя каждый раз промышленный кризис тотчас же отражался на повышении цифры пауперов³. Кроме преобладания английских товаров на всемирном рынке, создававшего для английских рабочих более выгодные условия продажи ими своего труда, тут действовало и другое обстоятельство. Когда в Англии фабрика не была еще исключительной формой национального труда, она, с одной стороны, не в состоянии была давать работу всем свободным рукам, а с другой, сравнительной дешевизной своих продуктов понижала заработки мелких производителей, что, в свою очередь, не могло не отражаться и на высоте заработка фабричных рабочих. В Англии окончательная победа фабричного производства над кустарным в области текстильной промышленности относится только к пятидесятым годам XIX в. Именно в это время пролетариат окончательно сделался в Англии господствующим классом населения, занятого физическим тру-

---

¹ Крахи спекулятивных предприятий вроде французской «панамы» (см. выше), — а таких был не один во Франции, — не производят, в общем, такого губительного действия, как кризисы, вытекающие из общих причин, хотя нередко и резко бросаются в глаза. Во Франции кроме краха «панамы» много заставило еще говорить о себе банкротство, в 1882 г., финансового общества *Union générale*, во главе которого стоял покровительствуемый папой консерватор Бонту (первообраз Саккара, главного героя в романе Золя «*L'argent*», — «Деньги» (*фр.*). — *Прим. ред.*) и другого подобного же предприятия под руководством оппортуниста Савари, бывшего депутатом.

² В 1842 г. официальная цифра пауперов определялась в 1 430 000, а к 1861 г. она понизилась до 890 000.

³ Иногда на 20 и более процентов.

дом, и с этого времени начинается рост заработной платы¹. Однако в общем, улучшение быта английских рабочих во второй половине XIX в. далеко не обозначает собой исчезновения в стране пауперизма. В конце столетия некто Чарльз Бутс (Booth) произвел очень подробное исследование тех условий, в каких жило рабочее население столицы богатейшей страны в мире². Около одной десятой лондонского населения он определял как группу, находившуюся в совершенной нищете, и в значительной своей части состоявшую из профессиональных нищих, воров и т. п. или же из людей, пробивающихся случайными заработками. Затем, более одной пятой населения Лондона он относил к категории не самой крайней бедности, но и эта группа была лишена сколько-нибудь прочных заработков, что ставило ее представителей нередко на край настоящей нищеты. В общей сумме пауперизм в лондонском населении мог быть тогда определен целой его третью. Кроме того, Бутс обнаружил — уже для всей Англии с Уэльсом, — что среди пауперов, получающих общественное пособие, находилась, без малого, третья часть всех стариков страны, которые уже перешли за 65 лет. Конечно, пауперизм присущ не одной Англии, да и вообще не одним только капиталистическим странам: стоит только вспомнить, например, Сицилию с ее сельским пролетариатом³. Но о пауперизме здесь зашла речь в связи именно с развитием капитализма, давшим, как известно, Марксу повод, на основании наблюдений над Англией, говорить об общем обнищании населения в капиталистическом обществе⁴. Английские отношения времен индустриальной революции и острых промышленных кризисов второй четверти XIX в. представляли достаточно данных для такого пессимистического вывода, но в Германии быстрое развитие промышленности не сопровождалось такими последствиями, благодаря тому, что оно сразу же дало работу нуждавшемуся в ней населению. Одним

¹ См. в следующей главе.

² *Booth Ch. Life and labour of the people of London* (1892) и его же *The aged poor in England and Wales*. Автор этих работ — не Вильям Бутс, который был основателем известной «армии спасения» («Salvation army»), направлявшей свою деятельность тоже особенно на низшие классы населения. Последнему принадлежит «In darkest England and the way out» (1890), где тоже изображается бедственное положение пауперов и предлагается целый план помощи беднейшему населению. Эта книга имела колоссальный успех и была переведена на разные языки, между прочим и русский («В трущобах Англии», 1891; с предисловием Р. И. Сементковского). О деятельности этого Booth'a, и об «армии спасения» существует целая литература в виде работ Sihramm'a (1883), Kolde (1885), Pestalozzi (1886), Railton'a (1886) и др., а по-русски проф. М. М. Янжула (статья «В трущобах Англии» в «Северном вестнике» за 1891 г.) и др. Новейший труд — *The Salvation army and poor law problem* (1909).

³ Отсылаю к хотя и не новой (1876), но до сих пор не устаревшей книге Соннино, названной выше.

⁴ «Накопление богатства на одном полюсе, — писал Маркс в I томе «Капитала» (1867), — есть в то же время накопление нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания и нравственного падения на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, производящего свой собственный продукт в виде капитала».

из фактов, указывающих на это, является то обстоятельство, что как раз в период приобретения Германией колоний эмиграция из нее очень сильно сократилась сравнительно с предыдущим временем. Нельзя лишь отрицать того, что быстрое накопление капиталов, в конце концов, все-таки совершается на счет рабочей массы, на долю которой остается вообще лишь небольшая часть вырабатываемого ею продукта.

Если для начала XIX в. страной, на истории которой можно тогда изучать эволюцию современного капитализма, является Англия, то для конца того же столетия значение своего рода классического примера капиталистической эволюции должно быть признано за Германией. Это не значит, чтобы данный процесс не совершался более или менее заметно и в других странах, но нигде, — в Европе по крайней мере¹, — с такой быстротой и даже полнотой не происходило превращение аграрного столь еще недавно государства в индустриальное. В начале XIX в. Англия переживала ту ступень экономического развития, которую суждено было потом переживать и другим нациям, в том числе и Германии, в данном отношении особенно и ушедшей вперед к концу XIX в. Можно даже сказать, что в этом процессе одни нации толкают другие на становящийся общим для всех путь капиталистической эволюции, и что усиливающееся, благодаря паровому транспорту, экономическое взаимодействие всех частей света создает сложную систему мировых хозяйственных отношений, все более и более втягивающую в свой круговорот отдельные страны, а также, что само это созидающееся мировое хозяйство все сильнее проникается тенденциями капитализма. Одним из признаков и вместе факторов этого последнего процесса является замечаемый в настоящее время в громадных размерах постоянный отлив капиталов из более экономически развитых в менее экономически развитые страны. В Европе первенство в этом отношении принадлежит Англии, сделавшейся банкиром для других наций еще в начале XIX в. Уже в первые годы последнего десятилетия прошлого века общая сумма английского капитала, помещенного за границей, определялась в 25 млрд рублей с ежегодным увеличением этой колоссальной цифры на два процента (на 500 млн рублей). Франция равным образом имеет помещенными за границей около 15 млрд рублей и ежегодно увеличивает эту сумму даже еще на 3,75% (более чем на 550 млн рублей). Германия тоже дала помещение своим капиталам в других странах на 12,5 млрд и т. п. Известно также, что маленькая Бельгия постоянно оплодотворяет своими капиталами индустрии отсталых стран. Из более богатых стран в более бедные капиталы устремляются ввиду того, что в них, этих менее экономически развитых странах, прибыль стоит на более высоком уровне. Это — явление, не требующее, чтобы стать понятным, длинных объясне-

---

¹ Вне Европы достойны особого внимания Соединенные Штаты Северной Америки и Япония.

ний: суть дела в том, что капиталисты предпочитают помещать свои «сбережения» там, где за пользование последними дороже платят, а это именно они и находят в странах с отсталой культурой. В этих государствах капиталистические предприятия конкурируют не столько между собой, сколько с мелкой, некапиталистической промышленностью, которая ими мало-помалу вытесняется и на счет которой, таким образом, и происходит рост новых капиталистических предприятий. Найдено, что в странах, где капиталистическое производство только еще начинает насаждаться, расширение рынка для произведений крупной индустрии совершается гораздо легче, нежели в странах с давно упрочившимся капитализмом. Наконец, и рабочая плата в более культурных странах выше, в менее культурных — ниже, что выгоднее для предпринимательских барышей. В свою очередь, борьба за существование, происходящая между отдельными нациями, заставляет более отсталые из них стремиться к тому, чтобы не отставать от своих более счастливых соседей посредством развития собственной промышленности и торговли, равно как увеличения военных сил, для чего обыкновенно местных средств не хватает и потому приходится занимать. Таким образом, капитал все более и более делается международным и тем самым все более и более содействует насаждению капиталистических предприятий в более отсталых странах и во всем мире¹.

Установлению большей взаимозависимости отдельных стран в экономическом отношении очень много способствовало развитие международной торговли, обязанное усовершенствованным способам перевозки товаров. Успехи парового транспорта повлекли за собой целый ряд хозяйственных перемен в отдельных странах. В своем месте, например, было отмечено, что в Англии второй половины XIX в. сельское хозяйство стало испытывать тяжелый кризис, главная же причина этого факта заключалась в том, что на английском рынке появился в больших количествах хлеб, производившийся в экстенсивных хозяйствах России и Америки². Прибавим, что отмеченный факт экономической истории Англии не стоит особняком,

---

¹ Для примера того, как прилив денег из-за границы оживляет промышленность страны, см. о влиянии получения Германией французской контрибуции на германскую промышленность. В книге проф. А. А. Исаева «Мировое хозяйство» (1910), вышедшей в свет перед самой верстой этого листа II ч. VI т., высказывается мысль, что без войны 1870—1871 гг. «Германия была бы, несомненно, беднее: без войны... она не имела бы средств, дабы за короткое время поднять многие отрасли производства на тот высокий уровень техники и хозяйства, которые делают их образцовыми для других народов», с. 29. В примечании к этому месту автор прибавляет: «я расхожусь по этому вопросу с мнением, довольно распространенным во французской литературе, будто главным условием промышленного развития Германии послужило основание таможенного союза, а не результаты войны 1870 г. Бесспорно, таможенный союз был важным условием для хозяйственного развития страны; однако, за 30 лет, от таможенного объединения до 1870 г., Германия сделала в области промышленности и торговли гораздо меньшие успехи, чем в одно десятилетие, которое следовало за войной», с. 484.

² Соединенных Штатов и Аргентины.

потому что не одна она — и под тем же влиянием — переживала сельскохозяйственный кризис. Чем далее развивается международное общение в хозяйственной жизни отдельных стран, тем чаще обнаруживаются в них известные общие явления¹.

Когда мы говорим об экономическом развитии Германии, мы должны иметь в виду не только то, что Германия стала догонять Англию, но и то, что она обогнала Францию. Из этих двух соседних стран материка первая еще до середины XIX в., несомненно, стояла выше второй в промышленном отношении. Мы уже отмечали в своем месте, что перед войной 1870 г. население обеих стран было почти одинаковым, но что потом в приросте своего населения Германия стала быстро обгонять Францию. Известно вообще, что население во Франции остается почти неподвижным, тогда как в Германии оно увеличилось в полтора раза. С другой стороны, вследствие дороговизны во Франции каменного угля эта страна не могла сколько-нибудь успешно конкурировать с Германией в массовом производстве, как не могла раньше конкурировать и с Англией. Наконец, в Алжире и вообще в своих африканских владениях Франция имела обширные области, которые доставляли ей пищевые продукты, причем по отношению к пшеничному, свекло-сахарному и т. п. производствам внутри самой страны для ограждения их от иностранной конкуренции в восьмидесятых годах были введены высокие пошлины. Эти три обстоятельства, т. е. стационарность населения, дороговизна каменного угля и достаточное количество собственных пищевых продуктов и произвели то, что Франция, если так можно выразиться, как бы осталась в стороне от общего экономического движения эпохи². В некоторых отношениях во Франции при Третьей республике прямо даже обнаруживается не прогресс, а регресс. Например, за двадца-

---

¹ Ср. последнюю главу настоящего тома. По затронутому вопросу см. только что вышедшую книгу проф. Исаева, названную выше. В ней автором рассматриваются главные формы экономических отношений между народами и значение мирового хозяйства для общественной жизни отдельных стран.

² Немецкий экономический историк Г. Зивекинг (Sieveking) в небольшой, переведенной и на русский язык книжке «Внешняя торговая политика» (1908) говорит о торговой политике Англии как «расширяющегося промышленного государства» (с. 91), а о торговой политике Франции как «политике недвижимого хозяйничества старой культуры» (с. 106). «Замкнутое хозяйство, — читаем мы у него, — автаркия, нигде не является более возможным, чем во Франции», с. 110. «Франции, — говорит он еще, — удалось сделать образование цен на сельскохозяйственные продукты более или менее независимым от мировых цен», с. 11. «Как раз, — указывает он, кроме того, — девяностые годы отмечены для многих конкурентов Франции, особенно для Германии, крупным подъемом промышленности и торговли, который, прежде всего, покоился на машинном производстве массовых товаров. Франция не принимала соответствующего участия в этом подъеме», с. 11. По определению Зивекинга, Англия и Франция, две страны со старым, развитым хозяйством, «заняли весьма различную позицию в вопросах культурного прогресса и развития»: именно «Франция старалась при помощи возможно большей хозяйственной изоляции сохранить свое своеобразие, Англия же стремилась к увеличению своего значения путем установления теснейшей связи с мировым хозяйством», с. 112.

тилетний период, предшествовавший войне 1870—1871 гг., общая цифра французской внешней торговли (как ввозной, так и вывозной) более чем утроилась, поднявшись с 2,5 млрд до 8 млрд франков, тогда как за первую четверть века после войны эта цифра увеличилась едва на 26%, именно с почти 7,25 млрд до без малого 10 млрд. Другими словами, в среднем для пятидесятых и шестидесятых годов ежегодный прирост внешней торговли выражается, по крайней мере, 10% сравнительно с исходной цифрой, а в последние три десятилетия, может быть, только одним процентом. Между тем в других странах, и особенно в Германии, внешняя торговля делала очень крупные успехи. В 1880 г. германский ввоз и вывоз, вместе взятые, составляли цифру в 4,8 млрд марок, а в 1899 г. соответственная сумма ввоза и вывоза была уже в 10 млрд с лишком, что равносильно более чем удвоению торговых оборотов, т. е. ежегодному увеличению исходной цифры на 5%. В своей внешней торговле Франция давно отстала от Германии и, например, в 1905 г. ввозила, считая на германские марки, на 4,8 млрд и вывозила на 5 млрд, тогда как соответственные цифры в Германии для 1906 г.¹ таковы: 8,7 и 6,8 млрд.

И в этот период, нужно еще заметить, временами происходило и прямое падение торговли, как это наблюдается, например, в начале девяностых годов, когда цифра 1881 г. (10 720 млн франков) понизилась в 1892 г. (до 9 687 млн франков) и потом еще более понижалась в 1893 и 1894 гг. (до 9 227 млн и до 8 919 млн), пока с 1895 г. снова не начался подъем². Во Франции даже прямо составилось мнение, что «французы не торговая нация в собственном смысле», как это, например, и заявил один специалист в своей работе о причинах недостаточного развития французской торговли³. Нельзя не отметить, что регресс обнаруживался во Франции и в области сельского хозяйства. Например, за тридцать лет от 1862 по 1892 г. площадь обрабатываемой земли уменьшилась на 800 млн гектаров — цифра, чуть не половина которой (около 350 млн) приходится на одно десятилетие между 1882 и 1892 гг. За те же периоды времени (1862—1882 и 1882—1892 гг.)

---

¹ Кстати, английские цифры за 1906 г. — 12,4 и 9,4 млрд, так что первенство все-таки остается за Англией, в которой общая цифра достигала в начале XX в. почти 22 млрд марок, тогда как в Германии она была в 15,5 млрд, во Франции же не составляла полных 10 млрд. Интересно, что цифрами маленьких Бельгии и Голландии для 1906 г. являются 9,5 и 7,7 млрд. Расчеты эти сделаны по «приложению» в названной выше книге Зивекинга, который составил его на основании «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» за 1907 г.

² Из общих историков третьей республики особенно следит за цифрами французской торговли Инсаров в своей книге «Современная Франция» (1900), в которой см. особенно гл. XX.

³ G. Aubert (négoçant, commissionnaire, conseiller du commerce intérieur). A quoi tient l'infériorité du commerce français? (1900). См. цитату у Инсарова на с. 377. Этот же французский писатель говорит, что в полном соответствии с национальным характером французские фабриканты неохотно вводят новые машины, вообще не желают изменять рутине и обыкновенно стремятся с небольшими затратами наживать сто на сто.

площадь, занятая виноградниками, уменьшилась с 2 380 809 гектаров начала до 2 196 799, потом до 1 800 489, т. е., в общем, более, чем на 580 тыс. гектаров¹. Сама доходность обрабатываемых земель стала расцениваться дешевле: в 1882 г. гектар культурной земли первого качества стоил около 3,4 тыс. франков, в 1892 г. — только около 2,8 тыс. Указанные цифры получают особенно интересное освещение при сопоставлении с другими, свидетельствующими об уменьшении во Франции, этой стране мелкого землевладения, именно мелких и средних хозяйств, первых (менее 10 гектаров) за десятилетие между 1882 и 1892 гг. на 17,5 тыс. при общей цифре, превышающей 2,6 млн, вторых (от 10 до 40 гектаров) на 16 тыс. при общей цифре, превышающей 700 тыс., причем поверхность, обрабатываемая мелкой культурой (больше 11 млн гектаров) уменьшилась на 125,5 тыс. гектаров, а площадь средней культуры (больше 14 млн гектаров) — на 530 млн гектаров, тогда как крупная культура увеличила занимавшееся ею пространство (более 22 млн га) почти на 200 тыс. гектаров, хотя число крупных хозяйств за это время и уменьшилось. Следовательно, отмеченное выше уменьшение обрабатываемой площади земли приходилось преимущественно на мелкую и среднюю культуру. Уменьшилось за десятилетие 1882—1892 гг. и число земледельцев-собственников — почти на 140 тыс. (с 3 525 342 до 3 387 245), что было, впрочем, продолжением процесса, происходившего и раньше: за предшествовавшие два десятка лет исчезло их около 275 тыс., что за все тридцать лет между 1862 и 1892 гг. составляет около 410—415 тыс.² В министерство Мелина в палате депутатов аграрные отношения Франции были даже предметом очень горячих прений ввиду тяжелого экономического положения части сельского населения, а несколько раньше Академия нравственных наук поручила одному из своих сочленов, Бодрильяру³, изучить положение сельского населения в некоторых местностях во Франции. Результат исследования этого ученого был очень малоутешительным, так как было обнаружено явление, считавшееся дотоле неизвестным во французской деревне, т. е. сельский пауперизм с быстрым возрастанием цифры нуждавшихся в общественном призрении.

Таковы некоторые данные, характеризующие экономическую историю Франции за последнюю треть XIX в., столь непохожую на то, что наблюдается, например, в Германии. Между тем, как мы уже видели, та же самая Франция была банкиром других, более отсталых стран, ссужавшим

¹ Здесь, впрочем, была специальная причина — появление гибельной для виноградников филлоксеры. Для 1904 г. указываются две цифры: 1 725 000 и даже 1 641 000, обе меньше цифры 1892 г.

² См. в книге Инсарова, с. 422—423.

³ Бодрильяр известен, как автор многих теоретических («Histoire du luxe», 1888—1890) работ по политической экономии, а также как редактор «Journal des économistes» («Экономический журнал». — *Прим. ред.*).

их своими капиталами и успешно в этом отношении конкурировавшим с Англией¹.

¹ Весьма обильный материал по экономической истории Франции после 1870 г. собран в объемистом томе E. Levasseur'a «Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième république» (1907). Для вопросов, затронутых нами в тексте, важны главы I — об успехах и колебаниях французской промышленности, IV — о средствах сообщения и торговле, V — об индустриальном населении и X — о народном богатстве (la fortune) французов, не считая главы IX — о заработной плате и стоимости (le coût) жизни, имеющей больше отношения к следующей главе настоящего тома. (Остальные главы тоже посвящены преимущественно истории рабочих). Конечно, Левассёр заносит в свою летопись факты и прогрессивного, и регрессивного значения, тогда как нашей целью было указать только на те, которые показывают нам, что в известных отношениях французская экономическая жизнь отставала от германской, но и у автора имеется ряд таких выводов, каковы, например, вывод об ослаблении роста французской торговли в последней трети века сравнительно с предыдущим периодом. Именно, по его вычислениям, увеличение французской торговли в 1851—1869 гг. определяется в среднем 12% в год, тогда как с 1869 по 1905 г. это увеличение было лишь процента в полтора (Levasseur, с. 257 и след., и 922; ср. у нас выше). Равным образом, сравнение французской торговли с торговлей других стран приводит Левассёра к такому заключению: «Durant la période 1851—1869 la France avait été un des pays dont le commerce extérieur, mesuré en tant p. 100 avait le plus progressé. Dans la période 1869—1904, elle est classée dans un rang inférieur, le progrès n'étant que 42 p. 100, tandis que pour l'Angleterre il est de 89 p. 100, pour les États-Unis de 252, pour la Belgique de 208, pour l'Italie de 101 etc.» Впрочем, Левассёр просит принять в расчет, что во Франции и прирост населения был более медленным, ибо «il existe nécessairement un rapport entre le commerce d'un pays et le nombre de ses habitants», с. 267. Это — один из аргументов, особенно часто повторяющихся у автора. «La plupart des états, grands ou petits, ont donc eu depuis 1869 un développement commercial relativement plus ample que la France... La lenteur de l'accroissement de la population française est, avons-nous répété à plusieurs reprises, une cause d'infériorité relative de la France dans la balance des forces économiques du monde», с. 926. К сожалению, Левассёр лишь слегка затрагивает сельское хозяйство (с. 29 и след.), отмечая, однако, что «l'agriculture a été, en somme, beaucoup moins favorisée sous la troisième république», и тут же прибавляя: «mais les difficultés contre lesquelles elle a eu à lutter ne sont pas spéciales à la France; la plupart des pays agricoles de l'Europe les ont éprouvées», с. 33. (Местами Левассёр отмечает, что известные неблагоприятные явления одновременно происходили не в одной Франции; см., например, с. 259. Автор вообще, видимо, желает смягчить неблагоприятные для французского национального самолюбия выводы.) Для характеристики роста германской промышленности от 1870 по 1903 г. в сравнении с французской приведем еще некоторые цифры, которые мы находим у того же Левассёра на с. 167—168. В 1870 г. добывалось и потреблялось каменного угля в Германии 34 млн тонн, в 1903 г. — уже 162,4 млн, что составляет 377%, тогда как для Франции соответственные цифры будут 13,3 млн и 34,9 млн и 162%. То же самое и по отношению к железному производству: германские цифры — 1,4 млн тонн, 10 млн и увеличение на 614%; французские цифры — 1,2 млн, 2,8 млн и увеличение на 133%. В свекло-сахарном производстве увеличение в Германии — 18,2%, во Франции — 7,3%, в хлопчатобумажном 180% и 35,5% и т. д.). В XII томе «Histoire Générale» Лависса и Рамбо есть статья «La France économique de 1870 à nos jours», написанная J. Viallat'e'om (с. 760—788). Автор указывает на то, как скоро Франция поправилась от поражения 1870—1871 гг. и какие успехи сделала в экономической жизни при третьей республике. Общий тон статьи оптимистический, но отмечены и неблагоприятные для Франции явления. «Elle se laissa distancer successivement par l'Allemagne et les États-Unis,... qui étaient restés jusqu'alors en arrière d'elle»; с. 761 и 769. Ср. также места, касающиеся «очень трудного периода», какой наступил для сельского хозяйства в 1880 г. (с. 765), «опасной конкуренции», какую французская промышленность вынуждена испытывать со стороны других стран (с. 769) или сравнительно с предыдущим периодом, и слабого развития внешней торговли (с. 779). Нельзя, кстати, не отметить указания на то, что с 1870 г. в фискаль-

При некоторой общей тенденции новейшего экономического развития хозяйственная жизнь отдельных стран складывалась, конечно, в последнем анализе под влиянием чисто местных условий самых разнообразных категорий, каковые иногда совсем не поддаются учету¹. Своеобразные особенности, представляемые хозяйственной жизнью Франции, могут служить некоторой иллюстрацией этого общего положения. С другой стороны, эти местные условия находятся в постоянном взаимодействии с некоторыми общими причинами мирового характера, усиливая или, наоборот, ослабляя их действие в отдельных странах, с одной стороны, а с другой сами усиливаясь или ослабляясь под влиянием общих причин. В числе тех общих явлений, о которых здесь идет речь, весьма видное место в истории Западной Европы за рассматриваемый период принадлежит тому, что можно назвать сельскохозяйственным кризисом.

Нам уже приходилось попутно отмечать отдельные проявления этого кризиса в тех или других странах². Основная его причина заключалась

ном режиме Франции не было произведено ни одной коренной реформы (с. 784), хотя рост бюджета принял тревожные размеры («une proportion véritablement inquiétante», с. 785) и, в конце концов, состояние финансов не может быть названо вполне благополучным («cet état de notre situation financière est d'autant plus à regretter» и т. д., с. 786). Пессимистическая нота звучит и в следующих словах автора: «Seuls le réveil de notre industrie et le développement de nos forces productives pourront rendre à la France le rang qu'elle a perdu dans ces vingt dernières années, et lui permettre d'acquiescer les ressources nécessaires pour faire face aux lourdes charges que lui réserve l'avenir» (с. 787). Интересная глава об экономической жизни Франции при Третьей республике имеется и в указывавшейся уже книге К. Vogel'я «Die dritte Französische Republik bis 1895». Эта глава, занимающая 61 с. (490–550), включает в себе множество цифровых данных. В новой книге проф. Исаева «Мировое хозяйство» (1910), в которой тоже отмечается медленность движения вперед экономической жизни Франции (с. 31 и след.), решительно отвергается объяснение этого явления слабым приростом населения, и главной причиной застоя признается бюрократизм, с. 33–34. Тем не менее Франция богатеет, помещая свои свободные капиталы за границей.

¹ Особенно много затруднений для составления общих характеристик представляют собой факты сельскохозяйственной эволюции в разных странах. Из статистики распределения земельных предприятий в Германии, Франции и Великобритании в 1882(5) и 1895 г. М. И. Туган-Барановский в своих «Основах политической экономики» (1909) делает такой вывод: «Эти данные, — говорит он, — показывают, что не существует законов развития сельскохозяйственного предприятия, обязательных для всех стран, подобно законам развития промышленности... В общем, аграрные отношения и аграрное развитие не укладываются ни в какой единый тип и в высшей степени индивидуальны и своеобразны... Невозможность подчинить какой бы то ни было общей схеме аграрное развитие различных стран признаётся в настоящее время всеми серьезными экономистами», с. 307. Привожу это мнение, как совпадающее с моим собственным, являющимся в результате оказавшихся неудачными попыток найти для настоящей главы какую-либо обобщающую схему аграрных отношений в главных странах Западной Европы в конце XIX в.

² Предыдущий лист был уже отпечатан, а настоящей набран, когда мне сделался известен только что вышедший в свет посмертный труд А. В. Зотова «Очерки земледелия и земледелия в современной Англии» (1909), рассматривающий «непосредственные причины депрессии» цен на сельскохозяйственные продукты (введение), «падение поземельной ренты и положение землевладельческого класса в Англии» (часть I) и «сельскохозяйственный кризис

в конкуренции, какую продуктам западноевропейского сельского хозяйства стали делать продукты экстенсивного сельского хозяйства Восточной Европы и заокеанских стран¹. Индустриальные страны Запада давно уже нуждались для прокормления своего населения в привозном хлебе, благодаря же быстрому развитию парового транспорта, эта потребность стала легко удовлетворяться доставкой на европейские рынки хлеба, производимого странами, которым их многоземелье позволяет снабжать в изобилии продуктами питания и сырьем для обрабатывающей промышленности нуждающиеся и в том и в другом нации.

Одним из следствий сельскохозяйственного кризиса было развитие аграрного протекционизма. Первообраз его в первой половине XIX в. составляли знаменитые хлебные законы в Англии, установленные в 1815 г.² и отмененные после долгой и упорной борьбы в 1846 г. после торжества в Англии учения о свободной торговле. Сущность этих законов известна. Это было усиленное покровительство национальному хозяйству наложением на привозный хлеб высоких пошлин и даже запрещением ввоза, пока местный хлеб не достигал известной, тоже весьма высокой цены, что, собственно, говоря, и было характерной особенностью английского аграрного протекционизма первой половины XIX в. Во второй половине этого столетия в Англии уже было совершенно немыслимо устранить иностранный ввоз хлеба, так как в противном случае пришлось бы обречь страну на настоящий голод, а потому английские аграрии, вместо того, чтобы добиваться восстановления хлебных законов, стали стремиться к замене зернового хозяйства скотоводством, что тоже не было в Англии явлением без исторических прецедентов. С другой стороны, Англия имеет много коло-

---

последней четверти XIX в. и возрождение земледелия» (часть II). В этой книге масса цифровых данных. Интересны, например, таблички средних цен пшеницы по пятилетиям между 1871 и 1905 г. с параллельными указаниями процентов падения цен (на 49% за 35 лет), отношений по таким же периодам между внутренним производством и ввозом, причем указывается, что с середины семидесятых годов ввоз даже стал превышать внутреннее производство и притом сразу в полтора раза, а к 1900—1904 гг. даже превышал в четыре раза и т. п. Имеет интерес и указание на то, что если в 1870—1874 гг. Англия ввозила почти половину (48% и 52%) как из европейских с ближайшими к Европе стран, так и из стран заокеанских, то в начале XX в. ввоз из последних превышал ввоз из первых в $5\frac{1}{2}$ раз (15,7% и 84,3%). Особенно важно, что в книге даются наиболее свежие цифры, т. е., как мы сейчас только видели, из первых лет XX в. Автор отмечает, что в 1896—1903 гг. «депрессия продолжалась, но уже в более слабой степени» и что «повсюду замечались признаки несомненного улучшения в положении сельского хозяйства», сравнительно с периодом 1893—1895 гг., когда «хронический кризис, тяготевший над земледелием в Англии в течение всей последней четверти XIX в., достиг наибольшего напряжения», с. 26. Прибавлю, что к исследованию приложена интересная картограмма падения ренты: в некоторых графствах и округах среднее понижение ренты выражается 50—55%, в других — 45—50%, в третьих — около 40% и т. д.

¹ Касперов В. Международные хлебный рынок (1887); Федоров М. Обзор международной хлебной торговли.

² Прецеденты были, конечно, и раньше.

ний, способных снабжать свою метрополию потребным количеством хлеба. Раньше, в эпоху господства меркантилистических идей, была тенденция устранять колониальный хлеб с английского рынка, теперь же стала распространяться и укрепляться мысль о необходимости, путем обложения иностранного привозного хлеба пошлинами, создать для хлеба, привозимого из колоний, более выгодные условия сбыта. Известен план Чемберлена превратить Великобританию с ее колониями в одно таможенное целое, эта существенная подробность английского империализма. По этому плану Англия должна была бы облагать пошлинами иностранные хлеб и сырье в пользу расширения ввоза того и другого из колоний, которые, в свою очередь, должны были бы делать то же самое по отношению к фабрикатам иностранного, не английского происхождения, что связывало английский аграрный протекционизм с индустриальным. Как мы уже знаем, вопрос о протекционизме сделался в Англии одним из предметов борьбы политических партий.

Это явление опять не новое. Борьба за отмену хлебных законов была борьбой между торийской аристократией, отстаивавшей эти законы, и вигистской буржуазией, стремившейся к их отмене. Политические партии, как известно, в то же время являются и партиями социально-экономическими; между тем вопросы протекционизма и свободной торговли имеют не только общенациональное, но и узкоклассовое значение. Ввозные пошлины, устанавливаемые для покровительства национальному производству, выгодные в последнем анализе местным производителям, наоборот, оказываются невыгодными для местных потребителей. В современном обществе существует антагонизм хозяйственных интересов, который не может быть ничем устранен, видное же место в этом явлении принадлежит противоположности аграрных и индустриальных интересов. Особенно важную роль играл этот антагонизм в Германии, которая в последней трети XIX в. превратилась из государства аграрного в индустриальное, — особенно же ввиду неодинаковости экономического развития, например, восточных частей Пруссии с преобладанием в них аграрного строя и западных, в которых господство — на стороне индустриального строя. Сами «зигзаги»¹ имперской политики имеют свой источник в том, что ей приходилось лавировать между аграриями и индустриалами, причем, быть может, симпатии носителей власти были больше на стороне дворянства, а не буржуазии, тогда как материальный интерес государства, известным образом понимаемый, должен был склонять эту же власть к большему покровительству торгово-промышленному классу².

¹ См. вообще в обеих главах (VII и XV), посвященных истории Германии.

² В Пруссии (а через нее и вообще в Германии) остается еще много следов старого порядка, и в этом отношении тамошняя правительственная политика очень напоминает времена абсолютизма, когда королевская власть, с одной стороны, в силу, так сказать, исторической

Превращению Германии из аграрного в индустриальное государство пришлось совершаться как раз в такое время, когда и в ней должен был, в силу указанной выше мировой причины, происходить сельскохозяйственный кризис¹. До образования империи в Германии в интересах представителей сельского хозяйства было добиваться фритредерской политики, в интересах промышленников — стоять за протекционизм². В общем, политика таможенного союза в пятидесятых и шестидесятых годах была фритредерской, потому что, во-первых, под влиянием примера, поданного Англией, эти два десятилетия вообще отличаются почти везде ослаблением протекционизма, а во-вторых, потому, что это было в руках Пруссии одним из орудий в ее политической борьбе с Австрией. В первые годы империи направление германской торговой политики оставалось прежним, и, например, еще в 1873 г. аграриям удалось настоять на том, чтобы пошлина на железо, уже вдвое уменьшенная тарифом 1870 г., была совсем отменена. Мы знаем, однако, что в конце семидесятых годов в Германии совершился общий поворот к протекционизму, одним из самых энергичных защитников которого сделался Бисмарк. Правда, вводя высокие ввозные пошлины, он имел в виду и создание для империи собственных финансов, вместо матрикулярных взносов отдельных государств, но кроме того, он действовал и в угоду прусским аграриям к востоку от Эльбы («Ostelbier»), совершенно изменившим свое прежнее отношение к основному вопросу торговой политики государства. Раньше, до начала превращения Германии в индустриальное государство, сельское хозяйство северо-востока Германии жило главным образом экспортом хлеба³, но вскоре, после ее политического объединения, из страны, вывозящей хлеб, она превратилась в страну, уже ввозящую хлеб, вследствие чего усилилась ее торговля не только с ближайшей соседкой, Россией, но и с такими отдаленными странами, как Соединенные Штаты и Аргентина. Под влиянием этой перемены ост-эльбские аграрии сделались из фритредеров, какими были прежде,

симпатии приносила «среднее сословие» в жертву дворянству, а в интересах государственной казны поступалось сельскохозяйственными интересами в пользу интересов торгово-промышленных, что подчеркивается в главе моей книги «Западноевропейская абсолютная монархия».

¹ «Центральной проблемой новейшей экономической истории Германии является борьба промышленного капитализма (или шире индустриализма) с сельскохозяйственным капитализмом, — с крупным производством в земледелии. Борьба эта решительно склоняется в пользу промышленного капитализма, нашедшего себе союзника в аграрной конкуренции Америки». Булгаков С. Капитализм и земледелие (1900), т. II, с. 81. См. вообще вторую половину IV главы этой книги, посвященную «эпохе аграрного кризиса в Германии», с. 80—148. По тому же вопросу аграрного кризиса в Германии см.: *Blondel G. Études sur les populations rurales de l'Allemagne et la crise agraire* (1897); *Соболев М. Мобилизация земельной собственности и новое течение аграрной политики в Германии* (1898).

² Аналогичные отношения наблюдались в Соединенных Штатах и в России.

³ Даже обезземеление крестьян путем расширения площади помещичьего хозяйства на счет крестьянского происходило здесь в XIX в. под влиянием большей выгодности для местного дворянства вести самому хозяйство, чем получать оброки с крестьян.

самыми решительными протекционистами. В их пользу в восьмидесятых годах (в 1885 и в 1887 гг.) хлебные пошлины, введенные в 1878 г., были даже повышаемы до 3 и 5 марок на сто килограммов. Только в канцлерство Каприви, заключившего в 1891—1894 гг. целый ряд торговых договоров с другими государствами, был несколько ослаблен аграрный протекционизм, что и было причиной оппозиции, какую вообще политика этого имперского канцлера «без клочка собственной земли» вызывала со стороны консерваторов. После его падения, однако, имперская политика снова сделалась более протекционистской. Нельзя не прибавить, что германский протекционизм последнего времени, — как и вообще новейший западно-европейский протекционизм, — имеет преимущественно аграрный характер, что, именно, и объясняется его происхождением, как следствия общего кризиса, переживавшегося сельским хозяйством. Но в Германии тем не менее этот аграрный протекционизм шел рука об руку с протекционизмом индустриальным. О последнем у нас будет еще речь впереди, здесь же мы обратим внимание лишь на одну черту в современной жизни Германии, которая уже была нами отмечена выше: это — вступление в союз с аграриями значительной части промышленной буржуазии, обнаруживавшей готовность пожертвовать более для нее выгодной дешевизной хлеба ради общей поддержки консервативной политики. Укажем еще, что свои протекционистские домогательства германские аграрии старались прикрыть интересами всей нации, что, конечно, не одно и то же¹. В сущности, как и всегда в подобных случаях, повышение доходности помещичьих земель происходило за счет карманов рабочего населения.

По следам германского аграрного протекционизма пошла, равным образом, и торговая политика третьей республики. Вторая империя во Франции держалась, как известно, фритредерской политики, одним из главных противников которой был тогда Тьер. Сделавшись президентом республики, он под угрозой выхода в отставку добился введения пошлин на сырье, против которого были французские промышленники². Это нововведение, однако, тогда не удержалось, хотя сельские хозяева потом и оказывали ему поддержку, ибо для них оно было выгодно. Это были

---

¹ «Германское крупное землевладение сумело (как и в Англии до реформы) выставить свои интересы не только как интересы сельского хозяйства, но и как интересы всей нации. Оно требует и получает более высокие хлебные пошлины ради охраны «национального труда». Это утверждение очень рискованно. Если на востоке (Германии) крупное землевладение часто способно к конкуренции, только благодаря пользованию дешевыми, не-немецкими рабочими силами, если ежегодно более 300 000 славянских рабочих переходят немецкую границу, то очевидно, что интересы крупных землевладельцев как раз противоположны интересам национального труда». *Зивекинг Г.* Внешняя торговая политика, с. 133.

² «Il n'y eut pas que les industriels protectionistes qui protestèrent», так что «protectionnistes, ils se rebellèrent contre les deux chefs du protectionisme» (т. е. самого Тьера и министра финансов Pouyer-Quertier). *Levasseur E.* Questions etc. С. 226.

годы, когда между представителями промышленности и земледелия еще не было только впоследствии образовавшегося согласия¹. Семидесятые годы прошли в борьбе двух направлений, но перевес все более и более переходил на сторону протекционистов. В 1878 г. во Франции была очень плохая жатва: хлеба родилось мало, а то, что родилось, было плохого качества; за этим неурожайным годом последовал без перерыва и другой, пожалуй, еще худший. Это вызвало усиленный привоз во Францию хлеба из Америки, продававшегося по такой низкой цене, что французские производители с великим трудом сбывали свои запасы. Вопрос о ввозе хлеба сделался предметом продолжительных и горячих прений в палатах. Между тем, несмотря на хорошие урожаи восьмидесятых годов, американский хлеб продолжал ввозиться во Францию в огромных количествах: в 1879 г. его было ввезено 30 млн гектолитров, в 1882–1887 гг. — средним числом по 20 млн. Цена на хлеб страшно упала за эти годы: в 1880 г. за квинтал (quintal) платили 30 франков, в 1885 г. за ту же меру — только 20–21. Тогда парламент, долго противившийся пошлинам на хлеб, как мере недемократичной, вотировал в 1885 г. законы, в силу которых вводились пошлины в 3 франка с квинтала привозного хлеба (или в 6 франков с квинтала муки), а также пошлины с убойного скота и с мяса. В 1887 г. хлебная пошлина была увеличена до 5 франков, хотя рыночная цена хлеба во Франции несколько поднялась, новое же понижение цены после 1891 г. имело результатом еще раз повышение пошлины в 1894 г. — до 7 франков с квинтала. Тогда же, в начале последнего десятилетия XIX в., произошло во Франции объединение аграрных и индустриальных протекционистов, из которых первые обещали теперь поддерживать ввозные пошлины на фабрикаты, вторые — на пищевые продукты и на сырье. Агитация протекционистов привела к покровительственному тарифу 1892 г., в котором, однако, пошлина на пшеницу была понижена с 7 франков на 5. (Но зато были повышены пошлины почти на все другие пищевые продукты.) Аграрии были не вполне довольны этим тарифом и добились в 1894 г. восстановления семифранковой пошлины, а впоследствии увеличения пошлины на вино (до 1892 г. совсем не существовавшей), на мясо и т. п. «Кто, — спрашивает известный французский экономист Левассёр, — кто переплачивает и кто получает барыши от хлебных пошлин? Переплачивают, — отвечает он, — все едоки хлеба, пропорционально потреблению каждой семьи, и, следовательно, бремя лежит гораздо больше на бюджете рабочего, чем на бюджете зажиточных классов», выгоду же получают «не безземельные земледельческие рабочие и не мелкие собственники, едва пропитывающиеся собственным хлебом», а «средние и еще больше крупные сельские хозяева (cultivateurs), которые в данном случае имеют даром (bénéficient) премию

¹ «Les manufactures voulaient des droits pour eux et n'en voulaient pas contre eux. Ils ne faisaient pas alors cause commune avec les agriculteurs». *Levasseur E. Questions etc.* C. 233.

франков в 45 с гектара, засеваемого хлебом»¹. Или еще, например, в 1895 г. было высчитано, что на каждом килограмме хлеба население переплачивало 7 сантимов и на каждом килограмме говядины — 35 сантимов к выгоде одних 138 тыс. хозяйств свыше 40 гектаров и лишь части 711 тыс. хозяйств от 10 до 40 гектаров. Тот же экономист не находит ничего удивительного в том, что хлебные пошлины устанавливались земельной аристократией в Англии до парламентской реформы, крупными землевладельцами во Франции в эпоху Реставрации, как в наши дни германским рейхстагом под влиянием аграриев, «но, — прибавляет он, — во Французской республике нужно, чтобы у радикалов были очень сильные политические мотивы, дабы с их стороны не было сделано нападения на экономический режим столь, по-видимому, несогласный с демократизмом»².

В чисто аграрной стране сельское население преобладает над городским: индустриальное развитие совершается параллельно с увеличением городского населения. Первой страной, где произошла урбанизация значительной части населения, была, как известно, Англия, в которой в 1800 г. городское население составляло едва 21,3% всего населения, а в 1891 г. — уже 61,73%³. В Германии, пережившей во второй половине XIX в. эпоху экономического прогресса, мы, равным образом, замечаем быстрое увеличение — как относительное, так и абсолютное — городского населения, что, например, показывает следующая таблица:

Год	Городское население		Сельское население	
1871	14 790 798	36,1%	26 919 352	63,9%
1880	18 720 530	41,4%	26 513 531	58,6%
1890	23 243 229	44,7%	26 185 241	55,3%

¹ *Levasseur E. Questions etc. С. 255.*

² *Ibid. С. 256.* Конечно, тема аграрного протекционизма не может считаться сколько-нибудь исчерпанной предыдущими страницами, но того, что на них приведено, совершенно достаточно для такого общего очерка, какой представляет собой настоящая глава, составляющая притом лишь часть общего труда, каким является VI том. Поэтому мы не рассматриваем здесь аграрный протекционизм в других странах. Сделаем маленькое исключение только для монархии Габсбургов, две половины которой имеют, как мы видели в своем месте, совершенно различные экономические интересы, причем венгерское сельское хозяйство наносит ущерб австрийскому, а австрийская промышленность препятствует развитию венгерской (см. выше). В 1878 г. Австро-Венгрия ввела у себя строго протекционный тариф, утративший силу по отношению к Германии только после торгового договора 1891 г. Из обеих половин империи аграрные интересы более развиты в Венгрии, но вот это читаем мы в издании «*La Hongrie contentinopontaine*», о котором было сказано выше: «*L'agriculture hongroise il'a tiré aucun profit de la communauté douanière, car le blé à coté, à Vienne et à Budapest, a les mêmes prix qu'à Chicago, New-York, Liverpool et Londres. Ce régime a été imposé au pays par l'aristocratie hongroise, par les fabricants et le militarisme autrichiens et par la dynastie. Jusqu'ici toute la politique économique de ce pays s'est faite contre l'intérêt de travailleurs, contre celui du développement social et intellectuel*», с. 34—35.

³ Городское население в поселениях свыше 10 тыс. жителей, а если считать и поселения свыше 2 тыс., то получится 72%.

Остановимся несколько на этих цифрах. За два десятилетия, взятые здесь в расчет, общее население Германии увеличилось на 8 млн с несколькими сотнями тысяч душ, но за тот же период число сельских жителей уменьшилось в ней на три четверти миллиона, так что все эти 8 млн с несколькими сотнями тысяч, так сказать, были поглощены городами. В общей сумме населения городские жители едва только несколько превышали в 1871 г. одну треть, тогда как в 1890 г. стали уже приближаться к половине; наоборот, сельские жители, в 1871 г. составлявшие почти две трети населения, в 1890 г. едва стали превышать только половину. Наконец, если мы примем в расчет, что все городское население Германии в 1871 г. не составляло полных 15 млн, а в 1890 г. уже превышало 22 млн, то увидим, что населенность городов возросла, собственно, более чем в полтора раза, на целый миллион. В 1890 г. общая цифра населения Германии доходила почти до 50 млн, а в начале XIX столетия перевалила уже за 60 млн¹. Особенно вместе с тем в Германии замечается рост населенности больших городов, так что, например, в 1895 г. насчитывалось уже 28 городов, имевших каждый более 100 тыс. жителей, а через десять лет их было уже 41, т. е. цифра 1895 г. увеличилась почти в полтора раза. Сравнивая и в этом отношении Францию с Германией, мы находим, что во Франции рост городского населения не совершался с такой быстротой, как в Германии².

Параллельное явление в истории населения главных западноевропейских стран представляло собой уменьшение числа лиц, занятых в сельском хозяйстве, с числом лиц, работающих в промышленных заведениях и в торговле.

Если, таким образом, в передовых странах Западной Европы происходил очень быстрый, в общем, процесс возрастания городского населения на счет сельского и увеличение численности промышленных рабочих на счет сельскохозяйственных, то, с другой стороны, совершался и процесс концентрации рабочих в крупной индустрии. Это общее положение находит целый ряд иллюстраций в цифровых данных, не всегда, впрочем, могущих быть признанными достаточно точными. Но довольствуясь даже приблизительными вычислениями, мы не можем, например, не придать значения указанию Левассёра на то, что во Франции в 1851 г. в крупной и средней промышленности приходилось 15,5 предпринимателей на 100 рабочих, а в 1881 г. уже только 9,4. Или еще тот же ученый отмечает, что в 1840—1845 гг. насчитывалось 3200 заведений, в каждом из которых было от 50 до 500 рабочих,

¹ Цифра 1905 г. — 60 605 183.

² Ср. интересные цифровые сопоставления у К. Vogel'я. «Die dritte französische Republik», с. 284. С 1871 г. население Парижа увеличилось к 1895 г. на 590 тыс., Берлина — на 763. Автор справедливо замечает, что в росте городского населения Германия отстает лишь от немногих стран: «So steht der ausserordentliche Aufschwung der Städte in Deutschland nur dem ältern in Grossbritannien und dem riesigen neuesten in den Vereinigten Staaten Nordamerikas, Kanada und Australien nach».

и 133 таких, где работало больше 500 рабочих, а в 1896 г. первых было зарегистрировано на четыре тысячи больше, вторых больше на триста слишком. Более точные показания дали во Франции переписи 1896 и 1901 гг. За эти пять лет общее число промышленных заведений повысилось с 592 628 до 616 164, и увеличение относительно больше коснулось более крупных заведений: число последних со ста рабочими и выше увеличилось на 600, с пятьюстами и выше — на 169¹. Знакомясь с подобными цифрами из экономической статистики Франции, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что, по общему признанию, Франция далеко не является типичной страной концентрации производства, между прочим потому, что в ней процветают многие такие отрасли промышленности, которые не допускают массового производства и могут продолжать свое существование только в виде маленьких мастерских. Чтобы иметь перед глазами примеры более быстрой и значительной концентрации, нужно опять обратиться к экономической истории Германии. В этом отношении некоторые факты уже приводились нами выше, и повторять здесь сказанного мы не будем. В 1861 г. таких промышленных предприятий, в которых работало больше пятидесяти человек, в Германии не насчитывалось полных четырех тысяч; к 1875 г. их число почти удвоилось (7 800), в 1882 г. было без малого десять тысяч (около 9 900), в 1895 г. уже вдвое больше (18 955). Еще показательные цифры 1882 и 1895 г., касающиеся рабочих, занятых в более крупных предприятиях: с 1 600 000 количество их поднялось до 3 млн при общем возрастании рабочего класса приблизительно с 7 до 19 млн. В 1882 г. число особенно крупных предприятий с тысячей и более рабочих в каждом было 127, а в 1895 г. — уже 255. По данным указанных переписей 1882 и 1895 гг. тоже наблюдалось еще более быстрое возрастание крупных предприятий сравнительно с более мелкими, что можно видеть из следующей таблицы, в которой мелкими заведениями считаются такие, где не более пяти рабочих, средними — *minimum* с шестью и *maximum* с пятьюдесятью рабочими, а крупными — все остальные, цифры же рабочих округлены:

Год	Мелкие	Средние	Крупные
1882 г.	4 335 000	1 391 000	1 613 000
1895 г.	4 770 000	2 454 000	3 044 000

В то время, как число мелких заведений увеличилось (округляя цифры) лишь на 10 %, число средних возросло на 75%, а крупных на 90%, так что процент возрастания крупных заведений оказался в девять раз большим в сравнении с тем же процентом в отношении к предприятиям мелким.

¹ *Levasseur E. Questions etc. С. 279.* По поводу переписей 1896 и 1901 гг. автор говорит: «с'est la première fois qu'on peut mesurer avec quelque precision le mouvement de concentration industrielle; on est étonné de l'importance de celui qui s'est produit dans un si court laps de temps».

В разных странах, в разных местностях одной страны (между прочим, в городах или в деревнях), в разных отраслях промышленности вытеснение мелкого производства крупным шло далеко неодинаково, но в общем итоге фабрика побеждала как и ремесло, так и кустарные промыслы. Ремесло убивается не только фабриками, но и магазинами, в которых городское население покупает совсем готовыми вещи, в менее населенных местностях обыкновенно заказываемые ремесленникам, одним из следствий чего было, например, наблюдаемое в Германии переселение ремесленников из городов в деревни. Кроме того, магазины готовых вещей стали превращать самостоятельных ремесленников в кустарей, т. е. в наемных домашних рабочих, изготавливающих продукты для предпринимателей. В последнее время историки-экономисты все более и более убеждаются, что кустарная работа на капиталиста была, так сказать, переходной формой от самостоятельного ремесла к современной крупной промышленности, — формой, при посредстве которой капитал только и мог постепенно завладеть производством¹. Подобно ремеслу, и эта форма не может считаться совершенно отжившей свое время даже в самих капиталистических странах. Мало того, она в известных категориях капиталистического производства, благодаря самим же условиям этого производства, начала даже развиваться, как это можно сказать, например, о системе, получившей в Англии название «выжимания пота» («sweating system»), т. е. раздачи материала для работы на дом на крайне тяжелых условиях для работника, который в таких случаях и получает меньше, и работает дольше, чем фабричный рабочий, не говоря уже о том, что тут не может быть речи о стачках, нет места для фабричной инспекции и т. п. В Англии известны случаи переходов самих фабрикантов в некоторых производствах к «sweating system» с целью не знать более ни расходов, ни хлопот, связанных с выполнением всех предписаний фабрично-санитарного законодательства. Ремесло и кустарничество приходили в упадок, главным образом, в тех производствах, где ручному труду оказывалось совершенно невозможным выдерживать конкуренцию с машинным. Например, известно, что в Англии начала XIX в. прядильная машина, гораздо более повышающая производительность труда, чем механический ткацкий станок, вообще быстрее вытеснила ручное пряденье, нежели это можно сказать о производстве тканей. Наоборот, в более близкое к нам время паровой ткацкий станок все-таки вытесняет ручное тканье, тогда как изготовление на магазинную продажу платья, играющее большую роль в современной промышленности, благоприятствует, наоборот, развитию домашней системы. В Германии число лиц, занятых кустарным ткачеством, упало между 1882 и 1895 гг. с 285 000 до 197 000, т. е. уменьшилось на 88 000, или на 30%, тогда как в производст-

---

¹ См. обобщающую работу Кулишера, названную в т. IV.

ве готового платья за тот же период времени число рабочих в домашней промышленности возросло с 132 до 160 тыс., что составляет увеличение на 22%. По обработке дерева с 1882 по 1895 г. цифра рабочих, занятых дома, даже чуть не удвоилась, выросши из 19 до 37 тыс.¹ Уже этих немногих данных достаточно для общей характеристики упадка мелкого производства или его подчинения победоносному шествию капитализма.

Так как основная тенденция капиталистической эволюции заключается в концентрации капиталов или, иначе говоря, в увеличении размеров производства, то во второй половине XIX в. и получили такое вообще развитие акционерные компании с их большими капиталами, складывающимися из массы мелких паев. Мы имели уже случай говорить о развитии акционерного дела в Германии с середины XIX в. В начале XX в. общее число акционерных компаний превышало там уже пять тысяч, их капитал подходил уже к четырнадцати миллиардам². Но акционерная компания была формой концентрации капитала, которая существовала задолго еще до периода времени, рассматриваемого в настоящем томе. Нам предстоит теперь познакомиться с дальнейшим развитием компанейского принципа. Жизненным нервом капиталистической промышленности всегда была конкуренция, заставлявшая отдельных предпринимателей ради нанесения вреда своим соперникам, по возможности, понижать цены своих продуктов, что, конечно, не могло не ослаблять все вообще предприятия данной категории. В предпоследнем десятилетии XIX в. целые отрасли обрабатывающей промышленности переживали довольно тяжелый кризис, выразившийся в очень большом падении цен на многие категории ее продуктов. Выходом из этого положения явились соглашения и даже союзы предпринимателей, ставившие своей целью заменять взаимную борьбу совместной защитой общих интересов в различных отраслях промышленности. Чем в меньшем количестве предприятий сосредоточивалось производство какого-либо продукта и чем более отдельные предприятия той или другой категории велись акционерными компаниями, тем легче им было приходиться к соглашению между собой. Стачки торговцев в целях искусственного подъема цен посредством установления своего рода монопольной продажи — явление очень старое, но те союзы, о которых сейчас идет речь, представляют собой уже явление вполне новое. Речь, именно, идет о так называемых «синдикатах», или «картелях», под которыми разумеются длительные союзы предпринимателей для установления, с общего согла-

---

¹ Цифры, приводимые в «Основах политической экономии» Туган-Барановского на основании книги Rauchberg'a «Die Berufs- and Gewerbezahlung im Deutschen Reiche» (1901). После переписей 1882 и 1895 г. в Германии была произведена еще перепись в 1907 г., о которой см., между прочим, статью Ник. Суханова «Из итогов последней профессиональной переписи в Германии» («Русское богатство» за 1909 г., август).

² Цифра 1906 г.

сия, правил, для всех одинаково обязательных, относительно производства и сбыта продуктов соответственных отраслей промышленности. Оставаясь самостоятельными, т. е. не сливаясь воедино, отдельные предприятия, вступившие в союз, тем не менее подчиняются известным ограничениям и уже не пользуются прежней свободой. Эти ограничения могут касаться разных сторон дела, но общая их тенденция — устранять конкуренцию, с каковой целью синдикаты разграничивают между союзными предприятиями районы сбыта товаров, определяют размеры производства для поднятия цен и даже прямо устанавливают цены покупок и продаж, а иногда и распределяют между собой все заказы, причем соглашения могут обнимать или отдельные пункты, или все стороны дела. В Соединенных Штатах, под названием «трестов», возникли даже такие предпринимательские союзы, в которых отдельные предприятия вполне утрачивают свою индивидуальность, т. е. превращаются в части одного колоссального предприятия. Картели-синдикаты и тресты являются дальнейшей ступенью капиталистической концентрации, новым моментом в процессе замены мелких предприятий крупными. Какие размеры может принимать это объединение, лучше всего показывает столь еще непродолжительная история североамериканских трестов, которые в самом конце XIX в. владели промышленным капиталом в 8 млрд долларов, а в первые годы настоящего столетия — уже 20 млрд. Указывают на то, что семь наиболее крупных трестов, так сказать, поглотили в себя более полутора тысяч предприятий, бывших раньше самостоятельными, всего же, таким образом, было объединено уже в начале XX в. более 8,5 предприятий. Отдельные тресты владеют иногда колоссальными капиталами и даже распоряжаются чуть не всем национальным производством в отдельных отраслях промышленности. Например, стальной трест с капиталом в 1 млн 200 тыс. долларов стал производить 70% всей стали в Соединенных Штатах, нефтяной трест — более 80% всей нефти, сахарный — 90% всего сахара и т. п., а антрацитный и борный завладели даже всем производством. Старой Европе неизвестна эта форма, сильно двинувшая вперед промышленность Соединенных Штатов к немалому опасению европейских наций, но в последние годы прошлого и в первые годы нынешнего века и в Европе получили развитие картели. Особенно они привились в Германии, где их число в первые годы XX столетия достигло 450, из которых 50 имели даже международное значение. Картели возникли и в России: стоит только вспомнить о знаменитой «сахарной нормировке», ведущей начало от 1887 г. Как крупное экономическое явление, хозяйственные союзы предпринимателей возбудили немало споров и вызвали целый ряд исследований, так что о них создалась целая литература, между прочим, и на русском языке¹. В ней достаточно

¹ Kleinwächter. Kartelle (1883); и его же статья в сборнике «Промышленность», изд. Водозова); Liefmann. Die Untemehmerverbände (1897), Schutz Zoll und Kartelle (1903), Kartelle und

выяснены экономические условия, создавшие синдикаты¹, но на важный вопрос о значении синдикатов для всей народно-хозяйственной жизни сколько-нибудь определенный и решительный ответ пока считается невозможным. Это — явление совершенно новое. Одни с ним соединяли надежды, другие — опасения. Некоторые готовы были видеть в синдикатах и трестах самое верное средство против промышленных кризисов, считая, что в основе подобных соглашений лежит совершенно правильная вообще мысль о необходимости планомерного регулирования производства путем согласования предложения со спросом. С другой стороны, многие боятся, что союзы предпринимателей будут только вести к монопольному установлению цен, невыгодному для потребителей, и лишь ухудшат условия найма для рабочих и т. п. Как-никак, все признают за новой формой концентрации капитала значение хотя и нарождающегося только, но очень крупного фактора дальнейшей экономической эволюции. Синдикаты и тресты — грядущая сила, с которой уже и теперь приходится считаться не только потребителям и рабочим, но и самим правительствам в их двойной роли общественной власти и в то же время покупателей и заказчиков разных предметов в государственном хозяйстве (в армии, флоте, железнодорожном деле и т. п.).

Рост капитализма, как известно, находится в теснейшей связи с прогрессом техники, который сам зависит от успехов прикладных наук, т. е. от изобретений и усовершенствований, с одной стороны, и от распространения технического образования — с другой. В обоих отношениях в истории последней трети XIX в. обнаруживается сильное движение вперед, особенно в Германии, которая на поприще индустриальной техники в некоторых производствах даже стала опережать Англию, эту родину машин, где столько переполоха наделало в конце XIX в. клеймо «Made in Germany».

В истории технического прогресса, вообще характеризующего XIX в., трем последним десятилетиям этого века принадлежит весьма важное место². Именно, в последней трети прошлого столетия продолжались как усиление эксплуатации прежних изобретений по части машинного производства, путей сообщения и способов сношений между людьми, военного

Trusts (1905); *Steinmann-Bucher*. Ausbau des Kartellwesens (1902); *Tschiersky*. Kartell und Trust (1903); *Harmening*. Die nothwendige Entwicklung der Industrie zum Trust (1904); *Rousier*. Les Syndicats industriels de producteurs (1901) и мн. др., между прочим, на англ. языке. По-русски об этом предмете писали проф. Пихно (1885), акад. Янжул (1895), А. Гуреев (1898–1899), М. Курчинский (1899), И. Гольдштейн (1907 и 1908) и др. В своих «Основах политической экономии» проф. Туган-Барановский посвящает им отдельную главу. Ср.: *Исаев А.* Мировое хозяйство, с. 308–324; *Озеров*. Итоги экономического развития XIX в., с. 20 и след.

¹ См. статьи о синдикатах в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза—Ефрона под словами: «Картели» (т. XIV, с. 610–616) и «Синдикаты» (т. XXX, с. 8–22) и в Большой энциклопедии (т. XVII, с. 398–399).

² См.: *Энгельмейер П.* Технический итог XIX в. (1898).

дела и т. п., так и изобретательство, направленное на усовершенствование в приемах техники, уже бывших в употреблении раньше, и на прокладывание совершенно новых путей. За тридцать лет, протекших от Франко-германской войны до конца столетия, страшно возросло общее количество паровых двигателей: вычисляют, что каждые десять лет количество лошадиных сил, представляемых паровыми машинами, удваивалось¹. Быстро возрастало также и общее протяжение железных дорог как во всем свете, так и в Европе. В 1907 г. в нашей части света длина железнодорожных линий исчислялась почти в 321 тыс. километров, тогда как в 1900 г. она была равна 283,5 тыс., а в 1870 г. только приблизительно 105 тыс.² В общем, эксплуатация силы пара значительно возросла к концу XIX в., но в этот же период с паром стало конкурировать, как рабочая и двигательная сила, электричество, в области применения которого после Франко-германской войны было сделано особенно много новых изобретений. В последние десятилетия прошлого века создалась даже особая отрасль электротехнической индустрии³. До семидесятых годов этот вид промышленности удовлетворял почти исключительно потребности телеграфного дела, но потом электротехника получила блестящее развитие, когда стали входить в употребление телефоны (1877), электрические лампочки, электрические трамваи, машины, работающие электрическим током, и т. п. В 1895 г. в од-

¹ «В 1888 г., — говорит проф. Озеров, — человечество располагало 50 млн лошадиных сил. Если считать каждую силу равной 12 человеческим силам, то у человечества было в 1888 г. 600 млн рабов. В конце века, вероятно, это число удвоилось: я потому говорю «удвоилось», что еще... в 1880 г. в распоряжении человечества было 34 млн лошадиных сил, а в семидесятых годах — 18 млн, в шестидесятых — 9, в пятидесятых — 4, в сороковых 2 млн. По этим данным видно, что количество паровых рабов удваивается каждое десятилетие». Итоги экономического развития XIX века, с. 15. В 1801 г. всего было 80 тыс. лошадиных сил в Англии, в конце XIX в. их было в этой стране 15 млн, с. 18.

² Заимствуем из статьи К. Wiedenfeld'a «Eisenbahnen (Statistik)» из III т. (с. 901) 3-го издания «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» (1909) цифры увеличения протяжения железных дорог в Европе. За тридцать лет между 1840 и 1870 гг. было построено железных дорог 101 989 километров, а за тридцать лет между 1870 и 1900 гг. — 180 411 километров, т. е. чуть не вдвое более. Для отдельных, более важных стран Западной Европы получаются такие цифры длины железных дорог в километрах:

Страны	1870 г.	1900 г.
Германия	19 575	51 391
Австро-Венгрия	9 589	36 883
Великобритания с Ирландией	24 999	35 186
Франция	17 931	42 827
Италия	6 134	15 787

Еще более быстрый рост замечается в Америке, где в 1870 г. было 93 139 километров, а в 1900 г. — 402 171, т. е. более нежели в четыре раза. В русской литературе ср. работу проф. П. И. Георгиевского «Исторический очерк развития путей сообщения в XIX в.» (1893); *Lots W. Verkehrsentwicklung in Deutschland, 1800—1900* (1900).

³ Ср. статью А. Wirminghaus'a «Elektricitätsindustrie» в III т. нового (3-го) изд. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» с указаниями на специальную литературу.

ной Германии число лиц, занятых в «Elektrizitätsindustrie», превышало 26 тыс., а через десять лет их насчитывали уже 82,5 тыс., а в 1907 г. почти 107 тыс. В 1898 г. годовое производство этой индустрии в Германии оценивалось в 228,7 млн марок¹. Большое развитие получила еще химическая промышленность, благодаря успехам прикладной химии, создающей новые продукты или усовершенствования в добывании бывших уже и раньше в употреблении веществ². К числу новых производств нужно отнести еще и такие, как велосипедное, автомобильное и т. п. Что особенно заслуживает внимания в этом прогрессе техники, это известная, так сказать, планомерность изобретений и открытий, делающая роль случайности все менее значительной. Развитие прикладных наук и организация технического образования оказали в данном отношении особое влияние. В истории новейших изобретений первое место принадлежало Северо-Американским Соединенным Штатам, а в них гениальному Эдисону. В середине XIX в. в этом государстве уже бралось ежегодно около тысячи патентов на изобретения, а в 1900 г. даже около 26,5 тыс., причем одному Эдисону приписывают более восьмисот изобретений. Понятно, что многие технические усовершенствования стали требовать больших затрат и при оборудовании отдельных предприятий, и при ведении самого производства, а это тоже немало содействовало возрастанию крупной индустрии. Одновременно со всем этим должен был возрастать и персонал специально обученных техников разных наименований, механиков, электриков, химиков и проч. и проч., должны были возникать при заводах и фабриках особые лаборатории, одной из задач которых сделалось производство новых опытов в целях дальнейших изобретений и открытий. Многие из этих изобретений и открытий служили и интересам чистой науки, но и она в своем движении вперед создавала немало нового, что, в свою очередь, отражалось на техническом прогрессе. Никогда раньше чистая наука и техника не находились в столь тесном взаимодействии, как в конце XIX в. В последнее время много заставляли говорить о себе открытие рентгеновских лучей и радия, изобретение беспроводного телеграфа и т. п.

Потребность промышленности в специально обученных техниках вызвала к жизни целую систему профессионального образования с высшими техническими школами во главе. Рядом со старыми университетами, в которых еще в Средние века преподавались теология, право и медицина, а также «свободные искусства», развившиеся в гуманитарные науки и в ес-

---

¹ Любопытно, что во Франции эта отрасль промышленности не получила особенно большого развития.

² Во второй половине XIX в. важное значение получили производство динамита, бездымного пороха, ценных красок из дегтя, разных продуктов из нефти, всевозможных пищевых продуктов в виде консервов и т. п., равно как усовершенствованные способы винокурения, пиво- и сахароварения и т. п. Хронологию этих и других «изобретений и открытий» можно найти под этими словами в Большой энциклопедии (ред. С. Н. Южакова).

тествознание Нового времени, стали основываться в эпоху промышленного развития, в последнее же время — быстро развиваться новые высшие школы прикладных наук, своего рода технические университеты, раз в них сосредоточивалось изучение разных специальностей (политехникумы)¹.

Все это индустриальное развитие главнейших стран Западной Европы находило сильную поддержку со стороны государства. Раньше нами уже не раз отмечалось, что в середине XIX в. получила довольно значительное распространение и некоторое, иногда немалое, влияние на экономическую политику отдельных государств идея свободной торговли, главной представительницей которой была Англия². Принятая ею система свободной торговли и процветание английской промышленности ставились в причинную связь, что принималось и за фактическое подтверждение чисто теоретических выводов в пользу свободы торговли. Но в рассматриваемую нами теперь эпоху совершился быстрый поворот в пользу покровительственной системы, которая и стала решительно господствовать в торговой политике почти всех государств. Впрочем, сама Англия осталась верна системе свободной торговли, хотя, как мы имели уже случай видеть, и в ней за последнее время XIX в. происходило значительное движение в пользу протекционизма.

В шестидесятых годах чуть не общим мнением было, что учение о свободной торговле заключает в себе непререкаемую научную истину и даже представляет собой не что иное, как центральный пункт самой науки о народном хозяйстве³, хотя со времен немецкого экономиста Фридриха Листа⁴ не было недостатка в экономистах, которые стояли на другой точке

---

¹ Важным моментом в истории высшего технического образования были съезды, в 1877—1880 гг., его представителей в странах немецкого языка, т. е. в Германии, в Австрии и в Швейцарии, потому что на этих съездах были выработаны общие начала организации высших технических школ и ведения в них преподавания. Тогда же (1879) произошло слияние в одно высшее училище берлинских горной и промышленной академий, что сильно повлияло на позднейший тип политехникума, т. е. высшего училища с несколькими специальными отделениями по образцу университетских факультетов. В конце XIX в. в названных странах насчитывалось уже 17 политехникумов, из которых 9 было в Германии с 15 тысячами учащихся, не считая других высших специальных школ и так называемых (в Германии) техникумов с сокращенным курсом. Вместе со средними и низшими техническими школами политехникумы весьма сильно содействовали промышленному процветанию Германии. *Zöller*. Die Universitäten und technischen Hochschulen (1891); *Riedler*. Ziele der technischen Hochschulen (1896); *Idem*. Unsere Hochschulen und die Anforderung des XX Jahrhunderts (1897); *Scheffler*. Die technischen Hochschulen und Bergakademien (1893); *Holzappel*. Die technischen Schulen und Hochschulen (1897). Целям индустриального преуспевания и интересам торговли стали также служить особо для этого приспособленные музеи. *Янжул И.* Торгово-промышленные музеи (1897).

² Ср.: *Янжул И.* Английская свободная торговля, т. II (1882).

³ К этому мы еще вернемся и будем об этом говорить подробнее в конце этой главы.

⁴ О Листе и его «Национальной системе политической экономии», вышедшей в свет еще в 1841 г., см. в т. V. Именно, он оценивал значение свободной торговли в зависимости от степени экономического развития страны и, считая, например, для Англии свободную торговлю

зрения. Благоприятная свободной торговле тенденция этой эпохи нашла, между прочим, выражение во Франкфуртском мирном договоре между Германией и Францией в 1871 г. По статье 11 этого акта оба государства обеспечивали одно за другим, без обозначения срока, положение наиболее благоприятствуемой нации, на что Бисмарк охотно согласился, будучи в то время еще сторонником свободной торговли. Инициатива этого условия шла с французской стороны, хотя у тьеровского министра Пуйе-Кертье, бывшего большим протекционистом, была при этом задняя мысль о пересмотре, в более или менее близком будущем, существовавших тогда у Франции торговых трактатов с другими государствами. Мы уже видели¹, что выступление Тьера, когда он был президентом республики, не сопровождалось прочным успехом, но с течением времени протекционистское течение во Франции, как, впрочем, и в других странах, взяло верх.

В этой же главе, несколько выше, уже шла речь об аграрном протекционизме последних десятилетий XIX в. и было, кстати, отмечено, что новейший западноевропейский протекционизм получил преимущественно аграрный характер², объяснена и причина этого явления, заключавшаяся в кризисе сельского хозяйства под влиянием усиления хлебного ввоза из Америки и России. В сущности, этот новейший протекционизм распространился и на обрабатывающую промышленность, которая тоже переживала тяжелые времена. Содействовали успехам протекционизма еще и другие причины. После франко-германской войны внутренняя политика приняла в Европе вообще более националистический характер, и отдельные правительства стали не только усиливать свои вооружения, но и принимать меры, направленные против иностранной промышленности. Как и в деле вооружений, и здесь меры, принимавшиеся одной страной, тотчас же находили подражание в других. Ссылки на иностранные образцы даже сделались любимыми аргументами защитников покровительственной системы в публицистике и в парламентах: раз все остальные нации вооружаются одна против другой таможенными тарифами, зачем-де и нам не делать того же самого? Если фритредеры в доказательство правильности своих идей привыкли ссылаться на пример Англии, то протекционисты на-

---

полезной, требовал для Германии разумного протекционизма, который содействовал бы насаждению в ней самостоятельной обрабатывающей промышленности. Он готов был видеть в свободной торговле идеал международных экономических отношений (ср. точку зрения Кобдена, т. V), но доказывал, что для остальных в экономическом отношении стран покровительственные пошлины являются единственным средством выйти из положения простых поставщиц сырья для государств с более развитой индустрией.

¹ См в т. VI, ч. I указ. на соч. В. Franke по истории новейшего французского протекционизма.

² Наоборот, в России и в Соединенных Штатах, которым нечего бояться ввоза иностранного хлеба, протекционизм получил, главным образом, индустриальный характер. Ср. во «Внешней торговой политике» Зинкекина главу, посвященную Соединенным Штатам и России (с. 112–121).

чали указывать на пример Соединенных Штатов Северной Америки, экономическое процветание которых приписывали их покровительственной торговой политике. В Европе протекционистский тон стала задавать Германия. Излагая внутреннюю историю последней, мы довольно подробно остановились на переходе главного руководителя ее политики, Бисмарка, на протекционистскую точку зрения¹, чему содействовали также его политические и финансовые соображения, — политические в том отношении, что в борьбе с социализмом он стал искать поддержки со стороны консерваторов, бывших протекционистами, финансовые же — поскольку из ввозных пошлин можно было создать независимые имперские финансы. Главным аргументом Бисмарка была, конечно, необходимость поддержки национального производства. Кроме аграриев, покровительственных пошлин в Германии требовали и промышленники. Перепроизводство продуктов после войны 1870—1871 гг. окончилось для германской промышленности кризисом, заставившим германских индустриалов, объединенных в сильный союз («Zentralverband deutscher Industrieller»), добиваться введения покровительственных пошлин. «Этому движению, — замечает один немецкий, но не германский историк², — благоприятствовало возросшее со времени войны национальное самосознание немцев, которому иностранная конкуренция казалась каким-то почти недопустимым притязанием». Вступление Германской империи на путь усиленного протекционизма относится, как известно, к концу семидесятых годов, а в восьмидесятых по той же дороге пошли и другие государства, как то: Италия, Австро-Венгрия, Россия и отчасти даже Бельгия. Франция тоже стала развивать протекционистскую политику, главным деятелем которой был известный Мелин, подготовивший строго протекционистский тариф 1892 г.³ В нем аграрный протекционизм, о котором у нас уже шла речь, сочетался с индустриальным. О характере данного тарифа можно судить по тому, что если в 1889 г. французские таможи дали в казну 144 млн, то по тарифу 1892 г. от них, при таком же ввозе, можно было бы ожидать уже 259 млн, если же в действительности доход от таможен в 1893 г. не превысил 212—213 млн, то вследствие сокращения, благодаря новому тарифу, ввоза очень многих товаров. Общее усиление протекционизма в континентальных странах заразило и часть английского общества, главным выразителем мнений которой сделался Чемберлен, и, кроме того, вызвало к жизни

¹ См. выше. Об экономической политике Бисмарка (и вообще Германской империи) существует целая литература, именно труды Бирмера, Пошингера, Бродница, Цейтлина, Шмоллера, Рёриха, Циммермана, Губера, по-русски М. Бернацкого, И. Озерова, М. Фридмана и пр., названные выше.

² Зивекинг Г. Внешняя торговая политика, с. 123. Автор состоит профессором в Цюрихе.

³ Историю этого тарифа дает E. Levasseur на с. 245—254 своих «Questions». «Мелиновская таможенная политика 90-тых годов, — говорит Зивекинг, — нашла для себя опору как раз в шовинизме французов», с. 129.

идею «справедливой торговли» (fair trade), рекомендующую Англии ввести у себя покровительственные пошлины, которые, однако, можно было бы понижать в пользу государств, согласных на понижение пошлин с английских товаров.

Прибавим, что кроме экономического значения новейший протекционизм играл и большую политическую роль как один из ингредиентов страшного национализма, получившего вообще большое развитие во всех консервативных и реакционных партиях европейских государств. В качестве ярых протекционистов стали выступать не только материально заинтересованные классы, но и все те общественные элементы, для которых существуют наименования шовинистов, джингоистов, «патриотов» (в кавычках) или «патриотов своего отечества», равно как «истинных» (vrais, echte) французов, немцев, англичан, русских и т. п., только и думающих о борьбе с внешними и внутренними инородцами¹. И в официальных международных отношениях торговая политика очень часто в руках правительств была орудием для нанесения вреда государствам, с которыми у данного правительства возникали дурные политические отношения. Подобных примеров история последних десятилетий XIX в. представляет очень мало, если мы рассмотрим историю всех таможенных войн за это время. Некоторые отдельные случаи уже были нами попутно отмечены в разных местах этого тома. Вспомним, например, времена ухудшений в русско-германских отношениях, когда Бисмарком объявлялась война и русским денежным бумагам. Нам пришлось также упомянуть и о тарифной войне между Францией и Италией. Эта война, бывшая очень продолжительной (1888—1899 гг.) и притом особенно тяжелой для Италии, сопровождалась и для Франции крайне невыгодным для нее сокращением вывоза в Италию: в 1887 г., перед началом тарифной войны, этот вывоз доходил до 326 млн франков, а через десять лет, перед заключением торгового договора 1899 г., указанная цифра сократилась более чем вдвое (160 млн в 1897 г.). Кроме протекционистских соображений с обеих сторон в повышении тарифов немалую роль сыграла тунисская история. Конечно, однако, далеко не всегда таможенные войны вызывались при таком содействии политических причин.

С другой стороны, политические сближения приводили, в свою очередь, и к взаимным уступкам экономического характера. В этом смысле немалый интерес представляет собой история австро-германских отношений. Создавая таможенный союз и Германскую империю, Пруссия стремилась к нанесению вреда Австрии не только в политическом, но и в экономическом отношении. Пруссия всячески препятствовала сближению Австрии с таможенным союзом, к чему, напротив, последняя стремилась.

---

¹ Антисемитизм, «polakozerstwo», национальные распри в Австрии и т. п. Ср. выше, гл. XIX.

Когда, однако, в самом этом государстве (главным образом, в Богемии) развилась промышленность, то для ее поддержки против германской конкуренции потребовалось введение покровительственных пошлин. Между тем венгерские аграрии желали сохранить бывший прежде свободным ввоз сельскохозяйственных продуктов в Германию, что, разумеется, вовсе не входило в число желаний сельских хозяев в этой стране. В 1877 г. попытка заключения торгового договора между Германией и Австро-Венгрией окончилась неудачей, и в следующем же году в монархии Габсбургов был введен новый тариф с высокими покровительственными пошлинами. Вслед затем, однако, взаимные отношения гогенцоллернской и габсбургской империи изменились, прежнее соперничество уступило место союзу, и это мало-помалу подготовило заключение между обоими государствами более тесного договора 1891 г. Франко-русский союз тоже не остался без экономических последствий для обеих стран, что и выразилось, между прочим, в заключении русско-французского договора 1893 г.

Нужно, однако, оговориться, что заключение между отдельными государствами торговых договоров вовсе еще не свидетельствует об особой политической близости между ними, вроде, например, такой, какая существует в Тройственном или Франко-русском союзах. Развитие торговых сношений между отдельными странами все более и более, и в эпоху господства протекционизма, вызывало необходимость заключения международных договоров, в которых договаривающиеся стороны обязываются взаимно не повышать таможенных пошлин. Очень нередко договор, заключенный между двумя странами, как известно, регулирует торговые отношения и других стран, именно если принятые в нем тарифные ставки распространяются на все страны, по отношению к которым той или другой договаривающейся стороной обещано наибольшее благоприятствование, подобное тому, какое мы находим во Франкфуртском трактате 1871 г.¹

После этого трактата, как известно, везде возобладали принципы более или менее строгого протекционизма, бывшего вообще против торговых договоров, т. е. за автономные таможенные тарифы. Австро-германский договор 1881 г. уже не заключал в себе никаких тарифных уступок. С первых годов последнего десятилетия XIX в. в этой сфере отношений стал, однако, обнаруживаться поворот в сторону взаимных уступок при заключении торговых договоров, начало чему и было положено рядом трактатов, которые в канцлерство Каприви были заключены между Германией и другими странами. В частности, в 1891 г. Германия и Австро-Венгрия признали одна за другой права наиболее благоприятствуемой державы, вслед за чем подобные же договоры были заключены и с некоторыми дру-

---

¹ См. выше. В трактате 1871 г. оно устанавливается бессрочно, в большинстве же случаев договоры о наибольшем благоприятствовании заключаются на определенное количество лет.

гими государствами¹. Вообще после этого основным принципом торговых трактатов сделалось признание равенства договаривающихся держав и равноправия иностранцев с подданными того или другого государства в занятии промышленностью и торговлей².

Если теперь мы перейдем от вопросов народного хозяйства к вопросам государственного хозяйства, то и на его истории можем проследить некоторые общие черты экономической истории последних десятилетий XIX в.

Известный немецкий экономист Ад. Вагнер в своей «Grundlegend der politischen Ökonomie», вышедшей в свет в 1876 г., различил, как известно, в современном народном хозяйстве три несходные системы, из которых одну обозначил, как частнохозяйственную, другую — как общественно-хозяйственную, а третью назвал благотворительной («каритативной»). Во второй из этих систем он, далее, различил две категории хозяйств — добровольную и принудительную, отнеся к этой последней категории главным образом хозяйство государственное, ставящее своей целью служение общему интересу. Ошибка прежних экономистов, по мнению Ад. Вагнера, заключалась в том, что они изучали только одну из этих трех систем, именно только первую. Начало такому пониманию предмета науки было положено еще Ад. Смитом, который вместе со всей затем классической школой видел в государстве лишь организацию для охраны личной и имущественной неприкосновенности населения. Школа Ад. Смита ожидала, что экономические функции государства с течением времени будут только сокращаться, но Вагнер поставил своей задачей доказать обратное, т. е. что закон эволюции народного хозяйства заключается в естественном и неизбежном развитии системы общественно-принудительного хозяйства на счет системы хозяйств частных. Вагнер совершенно верно подметил и ясно сформулировал одно из явлений современной экономической эволюции. Государственное хозяйство растет и ширится, и нередко государство или, как у нас принято выражаться, казна выступает сама в роли крупного предпринимателя: сто́ит хотя бы вспомнить одно железнодорожное хозяйство, являющееся в настоящее время одним из наиболее сложных предприятий. Концентрация капиталов (или, в данном случае, доходов) совершается и в государственном хозяйстве³. Финансовая история последних десятилетий XIX в. характеризуется возрастанием налогового бремени, лежащего на населении,

¹ Трактат с Испанией не был ратифицирован испанским парламентом, что повлекло за собой между Германией и Испанией таможенную войну, длившуюся с 1894 до 1896 г., и трактат между ними был заключен только в 1899 г.

² Ср. статью Oncken'a во 2-м изд. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» и соответственные отделы в «Международном праве» покойного проф. Мартенса (4-е изд., 1900 г., т. II) или в соч. Фр. Листа «Международное право в систематическом изложении» (2-е рус. изд., 1909 г., стр. 275 и след.), где можно найти указания и на литературу предмета.

³ То, что изображается А. В. Пешехоновым в его работе «Экономическая политика самодержавия» (2-е изд. 1906 г.), появившейся под другим названием, быть может, более верным,

возрастанием государственных расходов, возрастанием, наконец, и задолженности отдельных государств¹. Правда, в этой финансовой истории можно отметить некоторые положительные стороны сравнительно с прежними временами (стремление к более равномерному распределению, лучшие отчетность и контроль, большую прочность финансов даже после неудачных войн и т. п.), но главная причина роста государственных бюджетов заключается в современном милитаризме², особенно с тех пор, как народное (= национальное) хозяйство стало переходить в мировое и на историческую сцену выступили задачи мировой политики. Обычным явлением сделалось, что обыкновенных доходов на сухопутные и морские вооружения не хватает, и государства прибегают к займам, хотя, разумеется, государственная задолженность имела и другой источник в удовлетворении таких потребностей, как сооружение новых путей сообщения, выкуп в казну частных железных дорог и т. п. Избыток капиталов в таких странах, как Англия, Франция, Бельгия, Германия, Северо-Американские Соединенные Штаты, ведет к понижению процента с капитала, что только облегчает делание долгов, хотя, с другой стороны, частое прибегание к займам мелких государств содействовало повышению процента именно при заключении займов маленькими странами (откуда сравнительно более высокая биржевая цена денежных бумаг этих государств). Отметим еще тот общий факт, что возрастает равным образом и коммунальная задолженность, благодаря тому, что и городское хозяйство делается более обширным и более сложным, особенно там, где развивается так называемый «муниципальный социализм».

в «Русском богатстве», имело и имеет место и в конституционных странах; вся разница лишь в размерах явления.

¹ В последнем (3-м) изд. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» (т. IV, с. 226—261) есть интересная статья О. Schwarz'a «Die Finanzen der Gegenwart», содержащая в себе очень подробное, с массой цифровых данных, изображение роста доходов, расходов и государственных долгов после 1870 г. Первая, меньшая (с. 226—232), часть статьи заключает «краткую характеристику финансового развития великих держав», взятых в отдельности, вторая, большая — «сравнительное обозрение великих держав и вообще более значительных государств». В 1870 г. (перед войной), задолженность Европы была равна 59 млрд марок, в 1906 г. достигала уже почти 122 млрд. За эти 35—36 лет не только возросли долги некоторых государств (Франции с 11 млрд почти до 25, Германии с 3,2 до 16 с лишком и т. п.), но и образовались значительные долги у таких государств, которые их в середине XIX в. не имели, с. 233. Интересна таблица на с. 238—239, где сравниваются цифры расходов по управлению главнейших государств в 1875 г. (большой частью, иногда в 1873 или 1874, а для Германии в 1881—1882 гг.), с одной стороны, и 1907—1908, 1908 и 1908—1909 гг. — с другой. В Англии цифра с 1379,3 тыс., увеличилась до 2398,2, во Франции с 1902,9 до 2634,6, в Австро-Венгрии с 791,8 до 1846,7, в Италии с 864,7 до 1117, в Германии с 1403,5 до 3966,5 (цифры в тысячах марок). На одну душу населения из этих расходов падало в Англии около 41 и 54 марок, во Франции — 52 и 67, в Австро-Венгрии — 22 и 37, в Италии — 31 и 33 (малое увеличение), в Германии — 31 и почти 63 (увеличение вдвое). Важно и указание на то, что в последнем десятилетии военный бюджет рос быстрее гражданского, с. 242. См. также: *Zahn. Finanzen der Grossmächte.*

² Ср. таблицу на с. 235 только что названной статьи.

В заключение остановимся еще на истории экономических идей последней трети XIX в.

Параллельно с экономической эволюцией совершается эволюция и экономических идей, то забегающая вперед от первой, то, наоборот, от нее отстающая. В развитии каждой науки происходит свой логический процесс, и добытые истины делаются основами для получения дальнейших истин. Так дело обстоит, однако, лишь в математике, науке чисто умозрительной, не нуждающейся в опыте и наблюдении и не подвергающейся никаким влияниям со стороны окружающей ее действительности. Лишь до некоторой степени известную чисто идейную филиацию¹ мы находим и в истории экономических учений, но эта наука не может сторониться наблюдений над все вперед и вперед движущейся жизнью и игнорировать результаты исторического опыта, как своего объекта, что должно постоянно производить ломку в учениях политической экономии. В начале рассматриваемого нами периода, в 1876 г., праздновалось столетие со дня выхода в свет «Богатства народов» Адама Смита, труда, с которого начинается развитие новейшей экономической литературы, и в это время уже вошла во всеобщее сознание та истина, что создавший эпоху в истории человеческой мысли труд Смита заключает в себе многие положения, истинные не для всех времен и мест, как могли это думать раньше, а только для эпохи самого своего творца, для тех реальных отношений, которые тогда существовали в Англии. Когда в Германии, — главным образом уже после 1830 г., — более самостоятельно стали изучать теории английской классической школы политической экономии, некоторые ее положения оказались в противоречии с фактическими отношениями немецкой действительности, что и послужило началом для основания особой исторической школы национальной экономии в Германии. С другой стороны, и многие предсказания или ожидания, вытекавшие из наиболее популярных положений политической экономии, созданной трудами Адама Смита, Мальтуса и Рикардо, тоже далеко не оправдывались на деле, и, таким образом, с этой стороны могла идти критика господствующей экономической теории, начало чему было положено еще в исходе второго десятилетия XIX в. известным сочинением Сисмонди. Первоначально этот французский ученый стоял всецело на точке зрения английской классической школы, но когда сам побывал в Англии, — и как раз во время страшного промышленного застоя и вызванного им поразительной нищеты рабочих, — он усомнился в правильности учения, по которому в действительности все должно было выходить совсем иначе и даже наоборот. Но особенно противоречия между оптимистической теорией и практикой, приводившей к пессимистическим заключениям, вскрывались представителями зародив-

¹ От лат. *filialis* («сыновний») — развитие и расчленение чего-либо в преемственной связи. — Прим. ред.

шегося около того же времени социализма, которые поэтому даже игнорировали экономическую науку своего времени, как фальшивое знание. Только около 1840 г. социалисты стали серьезнее относиться к политической экономии, и из их среды даже вышел такой крупный экономист второй половины XIX в., как Маркс. Сами экономисты, с другой стороны, начали в той или другой мере испытывать на себе влияние социализма, в смысле изменения некоторых своих точек зрения на основании именно социалистической критики, пример чему еще в середине XIX в. был подан автором «Оснований политической экономии», Джоном Стюартом Миллем.

Социалисты вскрыли еще и нечто другое в политической экономии первой половины XIX в. Общественные науки отличаются от математики не только тем, что должны основываться на данных действительности и постоянно новыми данными проверять свои прежние положения, но и тем, что и сами принимаемые этими науками за истину положения часто выражают собой не действительное, а только желательное. Для утверждения, что дважды два — четыре, не требуется никаких предварительных наблюдений и последующих проверок, но если бы эта же самая арифметическая формула задевала чьи-либо интересы, то, как неприятная, она могла бы сделаться предметом возражений и даже стала бы прямо отвергаться, как ложная. Политическая экономия, пожалуй, даже больше, чем какая-либо другая наука, подвержена этой опасности, и если экономические материалисты говорят, будто всякая идеология есть не что иное, как выражение классовых интересов, то самое сильное основание, дающее им повод это утверждать, есть, несомненно, классовый характер, какой, в сущности, приняла так называемая манчестерская школа политической экономии. Известно, что сам Мальтус создал свою знаменитую теорию народонаселения, дабы ссылкой на естественный закон, «его же не преидеши», защитить от радикально-демократических нападков тот социальный строй, которому он симпатизировал. Известно также, что теорией Мальтуса пользовались и другие для возражения социальным реформаторам, доказывавшим, что общественные бедствия происходят от неправильного экономического строя. На такой именно точке зрения стоял, например, главный французский политэконом первой трети XIX в., Жан-Батист Сэй. В манчестерской школе классовые интересы, можно сказать, выступали уже обнаженными, ничем не прикрытыми. Она и впоследствии продолжала быть наукообразной идеологией промышленной буржуазии, находившей, что для нее выгоднее всего предоставить экономическую жизнь общества естественному течению вещей без всякого вмешательства со стороны государства. Если Милль поколебался в правильности такой точки зрения и стал различать между законами производства, как законами природы, и законами распределения, как зависящими от людской воли, то другие экономисты даже второй половины XIX в., особенно во Франции,

продолжали стоять на старой, манчестерской точке зрения, по примеру знаменитого своими «Экономическими гармониями» (1849) Бастиа. Можно даже сказать, что манчестерство вообще было в ходу в шестидесятых годах. Уже сен-симонисты порицали принципы современных им экономистов, позднейшие же французские социалисты прямо отмечали, как буржуазный, характер официальной политической экономии, и только Прудон старался определить взаимные отношения политической экономии и социализма, как двух параллельных учений, из которых первое выясняет хорошие стороны современного хозяйственного строя, второе же дурные, — так как и в каждой экономической категории, в отдельности взятой, он различал хорошие и дурные стороны. Но в таком взгляде Прудон стоял одиноко, и с его формулой совсем не мог согласиться Маркс, сам ставший на ту точку зрения, что экономисты являются научными выразителями интересов буржуазии, социалисты же — теоретиками пролетариата.

После той критики, которой подверглась старая политическая экономия и, особенно, манчестерское ее вырождение со стороны исторической школы и со стороны социалистов, ей уже трудно было отстаивать свои прежние позиции, тем более что и практическая жизнь внушала идеи, коренным образом расходившиеся с манчестерскими догматами. Бастиа был последним заметным представителем чистого манчестерства на Западе, и наибольшая его популярность не пережила шестидесятых годов. Но в эти годы, — что доказывается и популярностью Бастиа, — все еще у манчестерства было немало приверженцев в общественных и правительственных сферах. Оживление политического либерализма, отмечающее собой историю шестидесятых годов, сопровождалось, вместе с тем, и оживлением экономического либерализма, поскольку оба они стремились к ограничению правительственной власти, к устранению государственного вмешательства в разных сферах частной деятельности человека и его индивидуальной свободы¹. Как мы уже не раз повторяли, блестящее экономическое развитие Англии, где только что проявились результаты незадолго перед тем введенной свободы торговли, принималось за лучшее и самое наглядное доказательство в пользу невмешательства. Одно то, что Франция, бывшая всегда оплотом протекционизма, заключила с Англией в 1860 г. торговый трактат во фритредерском духе, было великим торжеством для «либеральной» экономической теории. Вообще пример Англии в эти годы сильно импонировал правительствам других стран. Сам Наполеон III, заключивший с ней только что упомянутый торговый договор, находился под влиянием либеральной доктрины, и настоящим руководителем тогда экономической политики Франции сделался Мишель Шевалье, стоявший на точке зрения свободы торговли, как Шарль Дюнуайе проповедовал свободу про-

---

¹ Об исторической связи обоих либерализмов см. т. IV.

мышленности. В Сардинии, превратившейся в эти годы в Итальянское королевство, равным образом экономическая политика направлялась графом Кавуром, разделявшим идеи манчестерской школы и следовавшим примеру Англии в духе фритредерства. Образовавшаяся в начале шестидесятых годов в Пруссии партия прогрессистов в числе своих требований тоже выставила пересмотр промышленного законодательства в духе экономического либерализма. На ту же точку зрения стала и сформировавшаяся к концу шестидесятых годов национал-либеральная партия. Конечно, подобные же проявления манчестерских стремлений относятся не к одним шестидесятым годам, а встречаются в большом изобилии и в последующие десятилетия, но им, этим стремлениям, уже не было такого простора, как в шестидесятих годах, потому что еще большую силу получили потом противоположные воззрения, исходившие или из национально-государственных соображений, как, например, у Бисмарка, или из требований социальной справедливости. Сами сторонники либерализма стали колебаться в своих взглядах. Характерно, например, заявление, которое мы находим в изданной в 1881 г. программе национал-либеральной партии. Именно, в ней выражено твердое убеждение партии («halten wir an der Ueberzeugung fest»), что «противоположные мнения относительно охранительных пошлин и свободы торговли не должны служить основой образования политической партии. Различие, поясняется далее, местных интересов, смотря по преобладанию торговли и мореплавания, земледелия или промышленности, настоятельно требует, чтобы внутри нашей партии дано было место несходным взглядам относительно пошлин». И программа к этому прибавляла еще следующие слова: «отказ от этой свободы (мнений) сделал бы совершенно невозможной национал-либеральную партию, которая распространялась бы на всю Германию». Это очень интересное заявление, которое проливает свет на вопрос, почему даже среди прежних принципиальных защитников промышленной свободы стало возникать мнение, пошедшее вразрез с чистым манчестерством и фритредерством. Во всяком случае, после шестидесятых годов старая «либеральная» экономическая теория уже заметно склонилась к упадку, утратив и былую свою уверенность, и господство над умами. Она продолжала еще иметь представителей и на университетских кафедрах, особенно во Франции¹, и в научной литературе, и в публицистике, и в программах политиче-

¹ См. в «Questions» Levasseur'a стр. 366 и след. Он перебирает здесь отдельных французских политико-экономов (как из профессоров, так и «en dehors du corps enseignant»), парламентских деятелей, политические журналы и специальные издания («Le Journal des economists», «L'Économiste français», «Le Monde économique») и ученые общества, которые держатся «доктрины либеральной школы». «Le libéralisme, — говорит он, — например, est la doctrine dominante aujourd'hui dans la section d'économie politique de l'Académie des sciences morales et politiques», с. 368. Левассёр защищает своих сотоварищей от разных делаемых им упреков, но весьма характерны сами эти упреки французской либеральной школе: «on a reproché à l'école

ских партий, но везде и всегда имела вид чего-то запоздалого, какого-то пережитка, анахронизма. Политико-экономическая мысль вообще в три последние десятилетия XIX в. работала в новых направлениях, отмечая делавшиеся раньше теоретические и практические ошибки, учитывая результаты совершившихся в экономической жизни изменений и принятых законодательствами разных стран мер и вместе с тем отрешаясь от той классовой точки зрения, которая служила основанием для отождествления всякого либерализма с буржуазно-промышленными вождельствами.

Сами англичане, первые провозвестники экономического либерализма, не удержались на старой точке зрения невмешательства государства. Дайси, автор превосходного труда о влиянии общественного мнения на законодательство в Англии XIX в.¹, прямо противопоставляет в истории Англии после второй парламентской реформы период, по его терминологии, «коллективизма»² периоду бентамизма, полагая границей между ними 1870 г. и характеризуя перемену в экономических взглядах образованных классов общества, как переход от учения о «laissez passer, laissez faire» к учению о государственном вмешательстве. Еще более решительных сторонников государственное вмешательство нашло в Германии, где, как известно, возникло даже целое направление, названное «катедер-социализмом» и требовавшее, чтобы государство регулировало своим законодательством разные стороны экономической жизни и в особенности условия быта и труда рабочего класса. С этой точки зрения государство должно было перестать играть роль простого зрителя свободной игры индивидуальных интересов, вмешивающегося в их борьбу лишь тогда, когда совершается посягательство на индивидуальную свободу или происходит нарушение уголовных законов и общественного мира³. Как это новое направление общественной мысли отразилось на возникновении новейшего социального законодательства, мы уже видели на примере хотя бы Германии и будем еще об этом говорить в следующей главе.

В своем месте у нас уже упоминалось о возникновении в Германии только что названного катедер-социализма. Это слово было пущено в ход

---

libérale d'être une doctrine bourgeoise;... d'être optimiste, parce qu'elle croit que l'essor libre des activités individuelles procure en général à la société un résultat économique plus avantageux que ne feraient les canalisations factices;... enfin d'être égoïste et dure, voire même cruelle, parce que, lorsqu'elle analyse des faits et qu'elle en induit des lois, elle n'affiche pas la prétention de supprimer les misères de l'humanité», с. 370. Для истории политической экономии во Франции см.: *Béchaux. École économique française* (1902).

¹ Dacey A. The relations between law and public opinions in England during the XIX century (1905).

² Конечно, в данном случае коллективизм не идентичен с коллективизмом как обозначением одного из видов социализма или синонимом социализма вообще. Ср. подстрочное примечание в следующей главе о термине «коллективизм».

³ Ср. противоположение новейшего «патернализма» прежнему «laissez faire» у L. Lowell'я в «The government of England», т. II, с. 520 и след.

одним сторонником теории невмешательства, Оппенгеймом, автором полемических статей, изданных им потом в виде отдельной книжки, заглавие которой гласило «Der Katheder-sozialismus» (1872) и на которую немедленно же отвечал один из представителей нового направления в экономической науке, Адольф Вагнер. В начавшейся, таким образом, полемике приняли участие и другие экономисты, большей частью занимавшие университетские кафедры своего предмета (откуда и сама кличка катедер-социалистов), сблизившиеся по этому случаю между собой и даже основавшие особое научно-политическое общество под названием «Verein für Socialpolitik». Всех профессоров, присоединившихся к «Союзу для социальной политики», сразу же оказалось двадцать пять, но к ним примкнуло еще около ста тридцати представителей разных других профессий, так что в первом же съезде «ферейна», состоявшемся в Эйзенахе в 1872 г., участвовало более полутора членов. Политические воззрения и симпатии членов этого союза оказались весьма различными, начиная очень консервативными и кончая достаточно прогрессивными, но в «Союз» не вошел ни один социалист. Главной объединяющей идеей «Союза для социальной политики» была идея государственного вмешательства в хозяйственную жизнь нации. Во взгляде на государство катедер-социалисты заняли позицию, среднюю между национал-либералами и социалистами, а основной ошибкой прежней политической экономии считали то, что все ее интересы сосредоточены на росте производства, и что, наоборот, вопрос о более справедливом распределении ею оставлялся в стороне. Желая сохранить индустриальную свободу вместе с существующим экономическим строем, они только настаивали на необходимости участия государства в регулировании таких отношений, как условия фабричного труда, жилищные условия рабочих и т. п., равно как разного рода предприятий банковых, страховых и т. д. Исследования в области социальных вопросов по инициативе, на счет и под руководством государства тоже входили в практическую программу катедер-социалистов, а вместе с этим и государственные же меры в целях распространения в рабочем классе научных и прикладных знаний и развития добрых нравов. Сторонники этого направления называли его еще «этическим», так как вносили в экономическую теорию моральный элемент, или «историко-этическим», поскольку все направление было продолжением прежней исторической школы, осложненным все тем же моральным элементом. В «Союзе для социальной политики» именно для социальной политики вырабатывались разного рода предположения о необходимейших преобразованиях, и в этом смысле можно признать, что он не остался без известной доли влияния на социальное законодательство Германской империи, хотя более значительное влияние было оказано на возникновение этого законодательства давлением со стороны социал-демократии, да и на практике социальная политика позднейшего времени

оказалась более решительной, нежели это входило в первоначальные планы «Союза».

Развитие в Германии и экономической науки в последней трети XIX в. совершалось под сильным влиянием идеи катедер-социалистов. Немецкая политико-экономическая литература выдвинула в это время целый ряд видных имен. Особенно важную роль сыграл в научном движении этой эпохи Шмоллер¹, создавший целую школу верных его идеям учеников. По своим взглядам из всех представителей экономической науки в Германии он наименее других мог бы быть обвинен в сочувствии социализму: его политическое мирозерцание вполне могло удовлетворяться традициями прусской государственности, и в этом отношении с ним вполне сходилась Шёнберг², подозрительно, например, относившийся к рабочим союзам. Более свободное течение в этом общем направлении представляли собой уже упоминавшийся выше Адольф Вагнер³ и Шэффле⁴. Хотя первый из них тоже был консерваторм, как член прусского ландтага, и одно время дружил с Штёккером и даже очень близко стоял к Бисмарку, однако, его политико-экономические взгляды настолько приближались к социализму, что пребывание его в «Союзе для социальной политики» сделалось фактически невозможным. Что касается Шэффле, то он даже написал такую книжку, «Die Quintessenz des Socialismus»⁵ (1875), которая оказала довольно большое содействие распространению социалистических идей. Наиболее прогрессивным был среди социал-политиков

¹ Густ. Шмоллер был профессором в Галле, в Страсбурге (с 1872 г.) и в Берлине (с 1882 г.) и членом прусской палаты господ (с 1899 г.), и вся его сила, как ученого, заключалась в его историко-экономических исследованиях. С 1878 г. он начал издавать серию «Staats- und sozialwissenschaftliche Forschungen», состоящую, главным образом, из работ его учеников. В 1908 г. Шмоллер праздновал пятидесятилетний юбилей своей профессуры, что было ознаменовано изданием составленного его учениками и почитателями труда под заглавием «Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im XIX Jahrhundert». Из теоретических трудов Шмоллера отметим, как наиболее важные: «Über einige Grundfragen des Rechts- und der Volkswirtschaft» (1879), «Die Gerechtigkeit in der Volkswirtschaft» (1880) и «Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre» (1900–1904).

² Г. Шёнберг, между прочим, написал «Die deutsche Freihandelschule und die Partei der Eisenacher Versammlung vom Oktober 1872» (1873), «Die Sozialpolitik des Deutschen Reichs» (1886), кроме ряда теоретических и исторических работ по политической экономии.

³ А. Вагнер с 1870 г. занимал кафедру политической экономии в Берлинском университете. Главный его труд — «Grundlegung der politischen Ökonomie» (1876). В 1872 г. он издал «Über die soziale Frage». Членом прусской палаты депутатов он был в 1882–1885 гг.

⁴ А. Шэффле в шестидесятых годах был профессором в Тюбингене и членом вюртембергской палаты депутатов, потом с 1868 г. занимал кафедру в Вене и в 1871 г. несколько месяцев был министром торговли в кабинете Гогенварта. После этого он занялся социологией, результатом чего был его известный труд «Bau und Leben des sozialen Körpers» (1875–1878). Его первоначальная симпатия к социализму со временем ослабела. В 1885 г. он написал «Die Aussichtslosigkeit der Sozialdemokratie». О нем, как о социологе, ср. ниже, в гл. XXV.

⁵ «Самое важное в социализме» (нем.). — *Прим. ред.*

Луио Брентано¹, так как на нем довольно сильно сказался более свободный дух Англии, бывшей ему хорошо известною. Знаток английского тред-юнионизма², он не полагался исключительно, в деле улучшения быта рабочих, на одну государственную помощь, но стоял и за широкое развитие профессиональных союзов. Кроме того, Брентано не соглашался с теми социал-политиками, которые рекомендовали поддерживать старые, более консервативные формы мелкого производства, и указывал на необходимость крупного производства, но в свое миросозерцание, вместе с тем вносил неоправдываемую естественным ходом вещей долю оптимизма в духе несколько утопичного «социального мира»³.

За последние годы XIX в. новое направление стало пускать корни и во Франции, где в 1886 г. возник орган, в котором стали писать экономисты более молодой генерации⁴, проповедовавшие необходимость законодательного вмешательства в экономическую жизнь («l'interventionnisme») и, вместе с тем, доказывавшие, с точки зрения эволюционизма, относительность законов политической экономии. Один из упреков, какие новая школа делает традиционной экономической ортодоксии французских ученых, заключается в ее оптимистическом характере, в том, что она верит в благодетельность естественного хода вещей без человеческого вмешательства. Лозунгу «laissez passer, laissez faire» они решительно противопоставили свой «интервенционизм» и притом в двух его приложениях, именно, с одной стороны — к улучшению быта рабочих, с другой — к защите интересов производителей. В первом отношении они явились горячими защитниками социального законодательства⁵, во втором — сторонниками протекционизма, нашедшего во Франции и некоторых чисто теоретических защитников⁶. Надежда, какую экономисты нового направления (а с ними и некоторые юристы) стали возлагать на государство в деле улучшения социально-экономических отношений, дала даже повод обвинять их в чрезмерном преклонении перед государством, или в «этатизме» (étatisme),

¹ Lujo (Ludwig) Brentano в семидесятих годах был профессором в Бреславле, и к этому времени относится его полемика с фритредерами («Über Einigungsämter, line Polemik mit Dr. Alex. Meyer» и «Die wissenschaftliche Leistung des Herrn L. Bamberger»). Ему тоже принадлежит ряд теоретических работ (между прочим, «Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung», 1876) и сочинений о современной Англии, куда он неоднократно ездил. Ср. след. примеч.

² Его работа «Die Arbeitergilden der Gegenwart» (1871—1872).

³ О социальном мире писал, между прочим, Шульце-Геверниц, сочинение которого на эту тему было названо в числе пособий в XXII гл. IV тома.

⁴ Это — «Revue d'économie politique», а главные деятели нового направления суть Bourguin, Jay, Paul Pic, Cauwès и др. К их числу нужно отнести и Жида (Gide), автора «Принципов политической экономии» (1883), известных русским читателям в переводе.

⁵ Например, в «La protection légale des travailleurs» par R. Jay (1904).

⁶ Проф. Ковес (Cauwès. Cours d'économie politique), Жюль Думерг, ред. «Réforme conomique», Тери (Théry), ред. «Économiste européen», и др.

как с недавнего времени стали называть во Франции направление, слишком расширяющее функции государства¹. От этатизма, говорят некоторые критики нового направления, недалеко и до социализма².

Что касается теоретической разработки основных проблем политической экономии, то из отдельных писателей наибольшее влияние на эту разработку в последней трети XIX в. оказал Карл Маркс, о «Капитале» которого, вышедшем в свет в 1867 г., у нас уже шла речь в другом месте³.

Как экономист-теоретик, Маркс среди специалистов политической экономии в Германии возбуждал, главным образом, только оппозицию против своих положений, — не то, что в России, где его теория ценности и капитала повлияла положительным образом на очень многих известных экономистов, сочетавших, впрочем, эту теорию с воззрениями социальных политиков. С формальной стороны немецкие оппоненты Маркса признавали в нем редкий научный дар, но возражали против существа его теории, которую один из его критиков (Бём-Баверк) прямо называл карточным домиком⁴. Теория ценности Маркса, с точки зрения которой прибыль предпринимателя должна считаться не чем иным, как неоплаченным трудом рабочих, приобрела большую популярность среди последних, но именно это и сделало ее подозрительной в глазах буржуазии. На теорию ценности и в социалистическом лагере, и среди противников социализма стали смотреть, как на фундамент, на котором покоится весь социализм: поддерживать эту теорию сделалось равносильным защите и даже теоретическому обоснованию социализма, опровергать ее — равносильным его разрушению. И то, и другое вносило в споры, вызванные теорией Маркса, большую страстность, благодаря как раз тому, что от решения в ту или другую сторону чисто отвлеченного вопроса теории ожидали громадных практических результатов в смысле оправдания или опровержения всего социализма. Только так называемая австрийская школа, очень сильно напоми-

¹ *Levasseur E.* Questions. С. 377 и след.

² Во Франции существует целая литература по вопросу о пределах деятельности государства. Сочинение *Laboulaye* «L'état et ses limites» (1863) было переведено по-русски (1868), равно как и историческое исследование *Henri Michel'*я «L'idée de l'état» (1896; рус. пер. 1903 г.). Кроме того, см.: *Leroy-Beaulieu P.* L'état moderne et ses fonctions (1890); *Bourguin M.* Le système socialiste et l'évolution économique (1904). Бурген, собственно, и является в глазах критиков типичным представителем «этатизма». Критикуя коллективизм, как утопию, он вместе с социалистами видит сущность экономической эволюции в развитии капитализма, промышленной концентрации, ассоциации и государственного вмешательства и возлагает все свои надежды на мутуализм и на законодательную и административную защиту рабочего класса.

³ См. т. VI, ч. I, там же указана и литература об учении Маркса. Второй и третий тома «Капитала» вышли в свет в 1885 и 1894 гг. (изданы Энгельсом), а в 1904 г. в обработке Каутского по рукописям Маркса вышла как бы в виде 4-го и 5-го томов «Капитала» книга «Theorien über den Mehrwerth».

⁴ *Boehm-Bawerk.* Geschichte und Kritik des Kapital und Kapitalzinstheorien (1884) и более поздняя (1896) его статья «Zum Abschluss des Marxschen Systems».

нающая школу германскую¹, попыталась внести в спор о ценности несколько больше чистой теоретичности, отрешившись в известной мере от посторонних соображений о практической выгоды или невыгодности принятия теории Маркса.

---

¹ Карл Менгер, профессор политической экономии в Венском университете, известен как противник господствовавшей в немецких университетах исторической школы («*Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der politischen Ökonomie insbesondere*», 1883, и «*Die Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie*», 1884). Сторонник старого, абстрактного, или дедуктивного метода, он упустил из виду новейшие формулировки общих законов экономической эволюции. См. о нем в ст. «Об историзме в политической экономии» в моих «Старых и новых этюдах об экономическом материализме» (1896). (Карла Менгера не следует смешивать с Антоном Менгером, венским профессором-юристом, известным работами в области социального вопроса.)

XXIII. Рабочее движение и социализм в конце XIX в.¹

¹ Предыдущее в истории рабочего движения и социализма с шестидесятых годов XIX в. рассказано в главах: XXXI пятого тома, и II, V, VIII шестого тома, не считая отдельных мест еще и в некоторых главах последнего. Кроме сделанных там указаний, называем еще следующие сочинения по рабочему быту и социализму вообще: *Brisson P.* Histoire du travail et des travailleurs (1906); *Lavollée R.* Les classes ouvrières en Europe; *Геркнер Г.* Рабочий труд в Западной Европе (1899); *Sombart W.* Der Proletariat (1906); Noth des vierten Standes von einem Arzt (1894). Положение рабочего класса в главнейших государствах Европы, Северо-Американских Соединенных Штатах и Австралии. Сборник статей (1906); *Пелутье Ф., Пелутье М.* Жизнь рабочих во Франции (1901); *Поллиа.* Рабочий класс во Франции («Наблюдатель» за 1883 г., май, июнь, июль и август); *Levasseur E.* Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième république (1907); *Milhaud A.* La classe ouvrière en France au XIX siècle; *Блеклов С.* Новое исследование о быте рабочих во Франции («Сборник правоуказания», II); *Chevallier E.* Les salaires au XIX siècle (1887). В «Очерках современной Франции» Н. Е. Кудрина обращаем внимание на «письма» V–IX, в которых идет речь о положении крестьян и рабочих; *Ностич Г.* Рабочий класс в Англии в XIX столетии (1902); *Кларк А.* Фабричная жизнь в Англии (1904); *Giffen K.* The progress of the working classes in the last half century (1884); *Вебб С.* Положение труда в Англии за последние 60 лет (1899); *Он же.* Социализм в Англии (1907); *Браун А.* Положение рабочего класса в Германии (1906). Жизнь современного фабричного рабочего (в Германии). Под ред. и с предисловием Павла Гёре (1908); *Гёре П.* Три месяца на фабрике (1906); *Vandervelde E.* Enquête sur les associations professionnelles d'artisans et d'ouvriers en Belgique (1892); *Vanderwielde Э.* Положение рабочего класса в Бельгии (1906). «Социальное движение в современной Франции». Сборник статей Э. Герта, Г. Лагарделя, Э. Луже, Ж. Сореля и Г. Эрве с предисловием Л. Козловского (1908); *Зомбарт В.* Социализм и социальное движение (в 1906 г. вышло в свет два перевода с 5-го нем. изд., значительно разросшегося сравнительно с первым 1897 г.; есть еще более новое изд. 1908 г., переведенное с 6-го нем.); *Villey.* Le socialisme contemporain; d'*Eichthal E.* Socialisme, communisme et collectivisme (1901; изд. 2-е); *Noël O.* Le socialisme et la question sociale (1902); *Pareto V.* Les systèmes socialistes (1902); *Bourdeau.* L'évolution du socialisme (1901); *Bourguin M.* Le système socialiste et l'évolution économique (1904; есть рус. пер. 1906); *Тузан-Барановский М.* Современный социализм в своем историческом развитии (1906). Задачи социалистической культуры. Сборник статей, выпущенных и отдельными брошюрами (1907); *Русанов Н.С.* Социалисты Запада и России (1908); *Mazowiecki (Kulczycki).* Nowy kierunek w socjalizmie europejskim; *Грагэм В.* Социализм новый и старый (1906; 2-е изд. 1908 г.); *Bernstein E.* Zur Geschichte und Theorie des Sozialismus (1901); *Wyzeva Th.* Le mouvement socialiste: Les hommes et les idées (коллекция интервью из газеты «Фигаро»); *Mermeix.* La France socialiste. Очень полные обзоры социалистических партий представляют собой статьи о них В.В. Водовозова в XXI и дополнительно II томах Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, снабженные богатыми библиографическими указаниями. Программы разных социалистических партий можно найти в следующих книгах: *Энзор Р.* Современный социализм. Обоснование его в речах и сочинениях его виднейших представителей и в программах партий; приложение к рус. пер. «Всемирной истории» Лависса и Рамбо, где помещены эрфуртская программа, программа бельгийской рабочей партии 1893 г. и некоторые более поздние (уже из XX в.); сборник Е. Смирнова «Государственный строй и политические партии Европы и Америки» содержит в себе статьи о социалистических партиях; в V томе труда Блюха «Будущая война» есть несколько страниц (35–51) о «движении против войны после 1870 г.» (общества мира и конгрессы) и большой отдел о социалистической и анархистской пропаганде против милитаризма (с. 905–1028). Отметим далее несколько работ об отношении социализма к национальностям: *Bauer O.* Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie (1907; есть русск. пер. 1909 г.); *Герцц Фр.* Социализм и национальный вопрос (в сборнике «Задачи социалистической культуры» и отдельно, 1907); *Житловский Х.* Социализм и национальный вопрос (два издания);

Производительные ассоциации, профессиональные союзы и политические партии в истории рабочего движения в XIX в. — Профессиональное движение в разных странах. — Английский тред-юнионизм в конце XIX в. — Германские

Ратнер М. Национальный вопрос в свете социалистического мировоззрения (в «Русском богатстве» за 1908 г.); Дебаты по национальному вопросу на брюннском партийтаге. Пер. под ред. и со вступит. статьей М. Ратнера (1907). Особую категорию относящихся к этой главе работ представляют те, которые посвящены рабочему движению как вообще, так и в отдельных странах, каковы: *Магайи Э.* Профессиональные рабочие союзы (1895); *Кулемон В.* Профессиональное движение (1901); *Лориа А.* Рабочее движение (1905); *Святловский В.* Положение вопроса о рабочих организациях в иностранных государствах; *Holyocke.* The cooperation movement today (1891); *Вебб С., Вебб Б.* История рабочего движения в Англии (1898); *Они же.* Теория и практика английского тред-юнионизма (1900); *Они же.* Кооперативное движение в Англии (1905); *Рузье П. де.* Профессиональные рабочие союзы в Англии (1898); *Золотов А.* Соглашения и третейский суд между предпринимателями и рабочими в английской крупной промышленности (1902); *Кувшинская Е.* Борьба рабочих за 8-часовой рабочий день в Англии (1907); *Lowell L.* The government of England (1908), vol. II, chapt. 33: «The labour party»; *Bertrand L.* Histoire de la démocratie et du socialisme en Belgique; préface par E. Vandervelde (1906); *Бертран Л.* История кооперации в Бельгии (1906); *Vandervelde E., Destrée J.* Le socialisme en Belgique (1890; есть рус. перев.); *Дешен Л.* Рабочие синдикаты в Бельгии (1906); *Водовозов Н.В.* Рабочее движение в Бельгии (в «Экономических этюдах», 1897); *Huber-Valleroux.* Les associations coopératives en France et à l'étranger (1884); *Louis P.* Hist. du mouvement syndical en France. 1789—1906 (1907; есть рус. и нем. перев.); *Weil G.* Histoire du mouvement social en France de 1852 à 1902 (есть рус. пер.); *Козловский Л.* Очерки синдикализма во Франции (1907); *Критская Н., Лебедев Н.* История синдикального движения во Франции, 1789—1907 (1908); *Талеви Д.* Очерки по истории рабочего движения во Франции; *Lagardelle.* Evolution des syndicats ouvriers en France (1901); *Drioux.* Les coalitions d'ouvriers et de patrons de 1789 à nos jours (1883); *Smith.* Les coalitions et les grèves (1886); *Jourdain.* La législation française sur les coalitions, son évolution au XIX siècle (1898); *Vaillé.* La coalition ouvrière et les grèves. Etude historique (1901); *Seilhac L. de.* Les grèves (1903); *Ватсон Э.* Стачки рабочих во Франции и в Англии (в «Очерках и этюдах по общественным вопросам», 1892); *Н. Ж.* Стачки во Франции в 1874—1889 гг. («Русская мысль» за 1892 г., сентябрь); *Карышев Н.* Стачки во Франции («Юридический вестник» за 1887 г., ноябрь); *Pelloutier.* Histoire des bourses du travail (1902; есть рус. пер.); *Seilhac De.* Les congrès ouvriers en France; *Блюм Л.* Конгрессы французских рабочих и социалистов в 1876—1900 гг. (1906); *Озеров.* Общества потребителей (1895); *Gide Ch.* Les coopératives de consommation (1904); Профессиональные союзы во Франции. Сборник статей (1908); *Krüger.* Die Erwerbs- und Wirtschaftsgenossenschaften (1892); *Ziedler.* Gesch. des deutschen Genossenschaftswesen der Neuzeit (1893); *Bernstein E.* Die Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, (есть рус. пер.); *Прокопович С.* Рабочее движение в Германии (2-е изд. 1908 г.); *Шмеле И.* Социал-демократические профессиональные союзы в Германии (1904); *Мюллер А.* Рабочие секретариаты и государственное страхование рабочих в Германии (1907); *Deutsch J.* Geschichte der österreichischen Gewerkschaftsbewegung. Die sozialistischen Gewerkschaften von ihren Anfängen bis zur Gegenwart (1908); *Helms E.* Die sozialdemokratische und gewerkschaftliche Bewegung in Dänemark; *Erdmann.* Die christlichen Arbeiter in Deutschland (1908); *Langhard J.* Die anarchistische Bewegung in der Schweiz (1909; 2-е изд.); *Томошиц В.* Формы аграрного движения (1906); *Анциферов А.* Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции. Изд. 2-е. Для истории законодательства о рабочих см.: *Туган-Барановский М.* Законодательная охрана труда; *В-ов В.* Фабричное законодательство во Франции // Мир Божий. 1893, март); *Жетъен А.* Социальное законодательство Франции и Бельгии (1900); *Гамбаров Ю.* Рабочее законодательство Вальдека-Руссо // Русское богатство. 1901, апрель, май); *Nerom P. van.* Les lois ouvrières et sociales en Belgique (1897); *Pic P.* Traité élémentaire de législation industrielle. Les lois ouvrières (1908); *Louis P.* L'ouvrier devant l'état (1904; есть рус. пер.); *Combe L.* De la législation internationale du travail (1897); *Tabacovici G.* То же заглавие (1896).

рабочие фереины в ту же эпоху. — Синдикаты, биржи труда и федерация синдикатов во Франции. — Германская социал-демократия и эрфуртская программа. — Возникновение ревизионизма. — Успехи марксизма вне Германии. — Революционный синдикализм во Франции. — Интернационализм в социализме конца XIX в. — Проявления анархизма в последние десятилетия XIX в. — Законодательство о рабочих в разных странах

В истории рабочего движения на Западе в XIX столетии нужно различать троякого рода организации, а именно: во-первых, производительные ассоциации, во-вторых, профессиональные союзы и, в-третьих, рабочие политические партии. Нет надобности долго останавливаться на разъяснении, в чем заключается разница между этими тремя формами организаций, существующих в рабочем классе. В производительных товариществах мы имеем дело с соединениями известного количества рабочих, образующих своего рода самоуправляющиеся хозяйственные группы, что-либо производящие или сообща пользующиеся средствами производства, или же, по крайней мере, сообща нанимающиеся исполнять какие-либо хозяйственные работы. Другими словами, это то, чему дается у нас название артелей или что во Франции обозначается термином «ассоциация» в более тесном смысле слова. От этой формы следует отличать другую — профессиональные союзы, т. е. такие соединения рабочих, которые ставят себе целью защищать их интересы, как людей, вынужденных продавать свой труд, другими словами, делать условия найма в работу более для себя выгодными путем коллективного давления на предпринимателей. Только такие рабочие союзы представляют интерес для истории социального движения, потому что, кроме них, могут быть еще и разные союзы с целями взаимопомощи или совместного удовлетворения культурных нужд, но не имеющие прямого отношения к борьбе труда с капиталом, которая составляет самую суть социального вопроса. Наконец, совершенно особую категорию организаций представляют собой рабочие партии, ставящие себе политические цели и потому участвующие уже не в той экономической борьбе рабочих с предпринимателями, ради которой образуются профессиональные союзы, а прямо в борьбе политической, будет ли она вестись революционными средствами, или путем парламентских выборов и голосований.

Сравнивая относительное значение этих трех категорий рабочих организаций в истории социального движения в конце XIX в., мы должны признать, что наименее важную роль в этом движении играли производительные ассоциации. Было, однако, время, когда именно на них возлагались особые надежды и от их развития ожидали осуществления социалистического идеала. Идея промышленных ассоциаций принадлежала, как известно, Фурье, и в свое время были даже сделаны попытки их осуществления. Луи Блан в своей «Организации труда» проповедовал необходи-

мость основания, при помощи государства, «социальных мастерских», которым даже пророчил самое заманчивое будущее: именно, по его мнению, они должны были вытеснить, путем конкуренции, все частные предприятия и тем самым осуществить социализм. Эта идея, как мы знаем, отразилась и на социальном мирозерцании родоначальника рабочей партии в Германии, Лассалю, который в своей программе требовал государственной помощи для производительных ассоциаций, устраиваемых рабочими. В опытах устройства трудовых товариществ с целью производства тех или других продуктов не было недостатка, особенно во Франции в середине XIX в., но большая часть этих ассоциаций здесь погибала, а из тех, которые продолжали существовать и даже начинали процветать, вырабатывались самые обыкновенные капиталистические предприятия — с наемными рабочими, в противоречие с самой сущностью трудовой артели. Во всей Франции таких ассоциаций в начале XX столетия насчитывалось едва около двух с половиной сотен, да и то в их числе оказывалось немало таких ассоциаций, которые не занимались производством чего-либо на сбыт, а только нанимались на определенные работы, вроде производства каменных работ и т. п.

В Германии и в Англии таких производительных товариществ было еще меньше. От каких бы причин — внешних или внутренних — ни погибала большая часть производительных предприятий на артельных началах, раз между ними оказывались такие, которые преуспевали, они неминуемо втягивались в водоворот капиталистической эволюции. Происходило не то, на что в свое время рассчитывал Луи Блан, а нечто совершенно противоположное. Луи Блан полагал, что конкуренция «социальных мастерских» с течением времени убьет все частные предприятия, которые прямо не в состоянии будут выдержать соперничества с ними, но на деле выходило так, что для успеха в конкуренции с капиталистическими предприятиями рабочие производительные товарищества сами должны были перенимать у них все то, что обеспечивает большую дешевизну производства и большой сбыт на рынке. Только при таких условиях иные ассоциации и преуспевали. «С волками жить — по-волчьи выть» — эта элементарная истина о естественном ходе вещей оправдалась на истории производительных ассоциаций на Западе, и вот почему эта форма рабочих организаций утратила свою былую популярность, хотя, конечно, рабочие будут всегда стремиться к созданию таких ассоциаций, из которых им только нужно будет изгонять дух капиталистической наживы. Менее опасности в этом отношении существует для товариществ, занимающихся не производством тех или других продуктов на сбыт, а отдачей в наем своей рабочей силы, и можно даже сказать, что эта форма все более и более развивается. Но она уже составляет, так сказать, переход к форме профессионального союза, поскольку в последней стал вырабатываться коллективный договор.

Если в общем производительные ассоциации не получили и не могли получить большого развития, а потому и не играли сколько-нибудь значительной роли в рабочем движении, то, наоборот, профессиональные союзы очень часто давали знать о своем существовании тем, против кого они возникали.

Классической страной профессиональных союзов, или тред-юнионов в XIX в. была Англия, где они и стали ранее возникать, и получили большее распространение, и играли потому более значительную роль, нежели в других странах Европы. В разных местах как этого, так и предыдущего тома «Истории Западной Европы» нам уже приходилось говорить об английском тред-юнионизме, который пережил несколько различных периодов¹. В шестидесятых и семидесятых годах установилась некоторая связь между английскими тред-юнионами и Интернационалом, но она не могла быть особенно прочной по самому характеру тогдашнего тред-юнионизма, более оппортунистического и мирного, чем это соответствовало радикализму и боевому характеру «Международного общества рабочих». Немало способствовало возвращению английских рабочих союзов к мирному настроению, установившемуся в них с неудачей чартизма, а потому и разлучению их с основными идеями Интернационала — законодательство 1871–1875 гг. о тред-юнионах, вполне легализовавшее их существова-

---

¹ В недавнее время М. И. Туган-Барановский в своих «Основах политической экономии» (1909) предложил разделить историю английского тред-юнионизма на четыре периода, ставя в упрек С. и Б. Веббам, что они в своем превосходном исследовании тред-юнионов «не проводят ясного и определенного разграничения этих периодов», с. 598. По схеме М. И. Туган-Барановского (с. 577 и след.), в первые десятилетия XIX в. «рабочие боролись не только с капиталистами, но и с новыми формами промышленности, с самим капиталистическим способом производства, как таковым». Затем наступил революционный период тридцатых годов, когда рабочие находились под влиянием чартизма и оунизма и одно время думали, что «конечной целью профессиональных организаций должно было быть создание такого порядка, при котором данная организация могла бы руководить хозяйственными предприятиями соответствующего рода, иначе говоря, стать собственником средств производства», т. е., прибавим мы, перейти в производительную ассоциацию. Третьим периодом английского рабочего движения названный автор считает время от начала пятидесятых годов приблизительно до середины восьмидесятых, когда, развиваясь, тред-юнионы «не захватывали широких масс рабочих и были делом исключительно высших слоев рабочего населения, представителей так называемого искусного труда (skilled labour)», причем «в союзах получили особое развитие операции взаимопомощи», и сами они «утратили свою прежнюю революционную энергию, стали менее склонны к наступательным действиям против капиталистического класса», совсем освободившись от «прежних увлечений социализмом Оуэна» и заменив последний «совершенно иным отношением к капиталистическому обществу», именно, «усвоив в большей или меньшей степени идеалы буржуазного либерализма». Четвертый период в схеме М. И. Туган-Барановского, это тот, о котором, главным образом, и идет речь в настоящей главе. Эта периодизация, в общем, верная, не отмечает, однако, того момента, когда существовала очень тесная связь между английским тред-юнионизмом и Интернационалом. Отметим, между прочим, влияние, оказанное Интернационалом на образование в континентальных странах профессиональных союзов по английскому образцу. Нужно, впрочем, оговориться, что связь английского тред-юнионизма с Интернационалом не была особенно прочной.

ние. Долго особенностью английского тред-юнионизма было то, что союзное движение охватывало только своего рода рабочую аристократию, квалифицированных, т. е. обученных, искусных рабочих (skilled labourers), имевших определенную специальность и постоянный заработок, тогда как чернорабочие, живущие более или менее случайной работой (unskilled labourers), оставались обыкновенно неорганизованными. В привилегированной рабочей среде стали даже развиваться свое особое классовое самосознание и утверждаться воззрения либеральной буржуазии о полной свободе рабочего договора и невмешательстве государства в отношения между предпринимателями и рабочими. Фабричное законодательство признавалось союзами лишь в смысле охраны детей, подростков и женщин, но они определенно высказывались против того, чтобы закон регулировал продолжительность труда совершеннолетних мужчин. Очень часто вожди тред-юнионов ограничивали задачу союзов самопомощью в случаях болезни, безработицы, смерти, но и тогда, когда дело шло о лучших условиях труда, большинство находило, что для рабочих гораздо выгоднее социальный мир, а не классовая борьба, тем более, что современный экономический строй принимался при этом за окончательный. Такой характер профессиональное движение получило в Англии в начале второй половины XIX в., благодаря замечательному развитию в эти годы ее промышленности и торговли, дававшему рабочим небывалые прежде заработки. Это была для Англии эпоха своего рода монопольного обладания мировым рынком, но к восьмидесятым годам положение изменилось ввиду развития капиталистического производства в других странах и начала конкуренции с Англией со стороны Германии и Соединенных Штатов. Перемена, происшедшая в других странах, не могла не отразиться на положении английских рабочих и по отношению к мировому рынку и тем самым не обострить классовую борьбу. Вследствие этого стала меняться и идеология рабочего класса в Англии, и более благодушный оптимизм либерального манчестерства стал уступать место влиянию социалистической мысли. Раньше лишь немногие лица протестовали против исключительности и оппортунизма старых тред-юнионов, теперь протестанты сделали инициаторами и организаторами нового союзного движения, «нью-тред-юнионизма», начавшего с 1889 г. вербовать сторонников среди неквалифицированных рабочих и на первых же порах принявшего более боевой облик. В этом новейшем тред-юнионизме самопомощь отошла на задний план, на первый же план, мало-помалу, выдвинулась идея государственной или муниципальной помощи, рядом с чем создавалась и почва, более благоприятная для социалистической пропаганды.

В главе, посвященной истории Англии между 1880 и 1900 гг., мы уже говорили о том движении среди английских рабочих, начало которому было положено громадной стачкой 1889 г., устроенной чернорабочими на

доках. До этой стачки не в одних рабочих кругах Англии господствовало убеждение, что все значение рабочих союзов зиждется на тех денежных суммах, которые находятся в их распоряжении и которые, конечно, всегда составляются только из регулярных взносов, какие могут быть аккуратно выплачиваемы лишь более обеспеченной категорией квалифицированных рабочих. Успешность борьбы, в какую вступили против своих хозяев доковые рабочие, показала, что дело не в деньгах, а в единении, и вот вслед за этим в стране начали образовываться союзы чернорабочих, которые отказались от операций взаимопомощи, игравшей видную роль в старых тред-юнионах, а если и собирали тоже деньги, то лишь для поддержки стачек. Одним из наиболее популярных лозунгов союзов чернорабочих сделалось установление законодательным порядком восьмичасового рабочего дня, как это было принято на конгрессе 1890 г. Несколько позже к этому требованию присоединилось другое — установление государственной пенсии для всех рабочих, достигших 60-летнего возраста. Впрочем, и старые тред-юнионы, за которыми все-таки осталась главная роль в рабочем движении Англии, начали также подпадать под некоторое влияние социализма.

Английские тред-юнионы второй половины XIX в. вообще соединяли в себе две функции рабочих организаций — борьбу с предпринимателями за лучшие условия труда и различные операции взаимопомощи, причем иногда последние занимали совершенно самостоятельное положение в специальных обществах взаимопомощи, или так называемых «дружеских сообществах» (*friendly societies*). Тред-юнионы обнаружили сильную тенденцию к развитию у себя, особенно, взаимного страхования своих членов на случай всяких бедствий, потому, между прочим, что из страховых взносов образуются очень значительные суммы, которые, когда в том является надобность, могут играть роль стачечного фонда, а также и фонда для помощи безработным, лишаящимся заработка или поневоле, или в силу тактического приема — оставлять по одиночке несговорчивых хозяев. Что касается борьбы за лучшие условия труда, то в этой области английские тред-юнионы изобрели новую форму — коллективный договор, заменяющий собой единичные договоры отдельных рабочих с предпринимателями. Кроме того, английские же тред-юнионы выработали, во избежание стачек, особого устройства третейские суды из сведущих лиц от обеих сторон, задача которых состоит, главным образом, в авторитетном разъяснении условий договоров и всяких вообще соглашений, существующих между предпринимателями и рабочими.

В 1874 г. на конгрессе тред-юнионов, собравшемся в Шеффилде, было представлено уже около миллиона организованных рабочих, за последнее же время число их возросло вдвое. Это — далеко еще не весь рабочий класс Англии, это — лишь какая-нибудь четвертая часть совершеннолетних рабочих мужского пола, но зато своими усилиями эта передовая часть рабо-

чего класса уже сумела оказать влияние и на положение остальной, неорганизованной массы. Несомненно, с другой стороны, что через тред-юнионы в народные массы Англии все более и более проникают социалистические идеи. Нельзя при этом не отметить того, что за последнее время в Англии стало складываться со стороны правящих классов неблагоприятное отношение к профессиональным союзам. Конечно, во главе враждебного движения стали предприниматели, начавшие находить, что рабочие установили свою тиранию над хозяевами, которая-де может отразиться губительно на всем национальном производстве, ослабив его в конкуренции с другими странами. Суды в Англии поддались этому настроению правящих классов и начали понемногу своими толкованиями ограничивать то, что раньше признавалось вполне законным в деятельности тред-юнионов. Так как рассматривать жалобы предпринимателей на действия союзов в уголовном порядке более не приходилось, то предприниматели принялись вчинять гражданские иски о возмещении убытков, а судьи — подвергать ответственности союзы за действия, которые никоим образом не подлежали бы судебной репрессии, если бы совершались отдельными лицами¹.

В середине семидесятых годов XIX в., когда только что вполне легализованные профессиональные союзы насчитывали в Англии миллион членов, на континенте эта форма рабочих организаций, большей частью, едва только зарождалась. Особенно это нужно отметить по отношению к Германии, далеко в то время опережавшей Англию своею политической, т. е. партийной организацией рабочих, какой в Англии тогда еще совсем не было. Подобно тому, как и в истории целых стран то политическая интеграция предваряет экономическую, то, наоборот, эта последняя — первую², так и в истории рабочего движения то политическая организация предшествует экономической, то наблюдается обратное отношение. В начале последней трети XIX в. Англия уже имела свои тред-юнионы, задачей которых было оказывать воздействие на взаимные экономические отношения двух классов населения, — хотя по временам тред-юнионы вмешивались и в политику³, — но при этом английские рабочие не имели еще своей собственной политической партии в парламенте, какая, напротив, была у германских рабочих, почти не знавших тогда профессиональной органи-

¹ В. Зомбарт нашел в одной статье Кэр-Гарди данные, указывающие на то, что до 1905 г. тред-юнионы были принуждены уплатить уже 5 миллионов марок (считая на германские деньги) вознаграждения предпринимателям. Сам Зомбарт ставит вопрос: «Не находится ли в связи с этой судебной практикой то явление, что английское движение в пользу профессиональных союзов пришло в застой за последние годы?» Социализм и социальное движение, с. 302 (по указывавшемуся изд.).

² Ср. соображения и иллюстрации на этот счет в моей книге «Монархии Древнего Востока», с. 39 и след. (по 2-му изд.).

³ Например, при проведении второй реформы парламентских выборов, о чем см. т. VI, ч. I.

зации. Одна из причин этого, помимо более позднего расцвета индустриализма в Германии, заключалась в том, что германское имперское законодательство далеко и в настоящее время не дает такой широкой свободы рабочим союзам, какую последние приобрели в Англии¹, главная же причина была далеко не в этом. Она заключалась в характере той социалистической идеологии, которая стала объединять германских рабочих в шестидесятых годах XIX в. Это была эпоха наибольшего влияния Лассалья, сторонника производительных ассоциаций с государственной помощью и решительного противника политики самопомощи, главным проповедником которой был прогрессист Шульце-Делич, доказывавший рабочим, что они, держа себя подальше от государственного вмешательства, должны помогать себе разными потребительными, ссудосберегательными и производительными товариществами. Именно Лассаль опровергал основную мысль Шульце-Делича ссылкой на так называемый «железный закон» заработной платы, делающий-де невозможным какое бы то ни было повышение вознаграждения за труд при современной организации промышленности. Правда, с течением времени лассалеанская политическая экономия уступила место марксистской², отвергающей правильность учения о «железном законе» и вследствие этого уже не могущей обратиться против профессионального движения лассалевского аргумента, но, с другой стороны, не следует забывать, что центральной идеей марксизма было завоевание пролетариатом политической власти и что потому главным его проявлением в практической жизни должно было быть образование политической партии³. Если марксизм и обращал внимание на профессиональное движение, когда оно стало проявляться и в Германии, то лишь постольку, поскольку главари социал-демократии не могли не понимать,

¹ Особенно тормозил профессиональное движение закон о социалистах.

² «По-видимому, — говорит В. Зомбарт, — Лассаль не имел ясного представления о положении вещей в Англии. И, на самом деле, английские профессиональные союзы проникли в немецкую науку, только благодаря Brentano, и в жизнь — благодаря почину Гирша в 1870-х гг. Таким образом, неудивительно, что Лассаль в своем «Открытом ответе» хотя и упоминает потребительные союзы и рабочие организации и другие подобные организации, но ни одним словом не касается профессиональных союзов». Социализм и социальное движение (по изд. А. С. Суворина 1908 г.), с. 191–192. Ф. Меринг в «Истории германской социал-демократии» не соглашается с этим объяснением. IV, 368 (по изд. Гранат и К°).

³ «Маркс впервые высказался о профессиональных рабочих союзах в своем полемическом сочинении против Прудона. Хотя в 1847 г. к ним одинаково отрицательно относились и буржуазные экономисты, и утопические социалисты, однако Маркс усматривал в них необходимый продукт капиталистического общества. Но того своеобразного и самостоятельного значения, которое они имеют для классовой борьбы пролетариата, Маркс тогда еще не видел». Меринг Ф. История германской социал-демократии, IV, 368 (по указ. изд.). По мнению Меринга, «самый простой инстинкт самосохранения предписывал (германскому) пролетариату поставить в своей классовой борьбе политическую организацию выше профессиональной; поступи он, — прибавляет Меринг, — наоборот, ему понадобилось бы несравненно больше времени, чтобы стать могущественной силой в национальной жизни». IV, 370.

что оно создает очень благоприятную среду для успеха социалистической пропаганды, хотя при этом и говорилось, что профессиональные союзы должны быть в партийном смысле вполне нейтральными. Позднее, когда были изданы в Германии законы о всякого рода страховании рабочих, то и это, до известной степени, сделалось препятствием для образования рабочих союзов в целях взаимопомощи, раз государство взяло на себя то, что в Англии исполнялось тред-юнионами. Во всяком случае, впрочем, действие этих причин могло быть только временным, отсрочивающим, и в самом конце XIX в. профессиональное движение в Германии ознаменовалось необычайно быстрыми успехами. Еще после 1890 г. общее число всех рабочих, объединенных профессиональными союзами, едва равнялось 300 тыс., а теперь, к концу первого десятилетия XX в., оно уже подходит к 2 млн. Добрые три четверти последней цифры¹ образуют достояние социал-демократии, и лишь меньшинство рабочих союзов разделяет воззрения католических и протестантских руководителей, которые принялись за организацию союзов в последнем десятилетии прошлого века. Внепартийных «ферейнов» в Германии очень мало, но и социал-демократические, в сущности, независимы от собственно партийной организации. Во всяком случае, профессиональные союзы сделались в Германии ареной, на которой происходит борьба между буржуазией и социал-демократией из-за господства среди организованных рабочих той или другой идеологии.

«Главной причиной громадных успехов профессионального движения в Германии» в последние годы XIX в. историк германской социал-демократии, Меринг, считает «расцвет в промышленности, наступивший около середины девяностых годов и продолжавшийся до самого конца их». Впервые сочувствие профессиональным союзам было обнаружено социал-демократами на партийном съезде в Галле в 1890 г., но в 1893 г. на съезде в Кёльне уже было высказано сомнение в том, может ли выйти что-либо важное из этого движения — ввиду бессилия, на которое обрекает союзы идущая вперед концентрация капиталов, с одной стороны, и ввиду существования государственного страхования рабочих, с другой. Но именно быстрый рост союзов рассеял сомнения пессимистов, и «неизмеримая ценность союзов стала усматриваться преимущественно в том, что они укрепляют силу рабочего класса, который, благодаря им, не выдан голо-

---

¹ 1 400 000 слишком из 1 800 000 в 1908 г. По вычислению Меринга, в первые годы XX в. «в профессиональных союзах было организовано только 14,42% промышленных рабочих». История германской социал-демократии, IV, 372. Некоторые фактические данные о материальном положении германских профессиональных союзов даются там же, на с. 372—374. Вообще см. весь § 2 («Десятилетие профессиональных союзов») в гл. XI шестой книги труда Меринга, из которого можно познакомиться и со взглядом германской социал-демократии на этот предмет. Между прочим, названный автор находит, что «позднее развитие германских профессиональных союзов имеет и свою хорошую сторону, так как оно заградило ложные пути, на которые сбились английские тред-юнионы», IV, 372.

вой возрастающему могуществу сконцентрированного капитала», и что «профессиональное движение пробуждает в рабочем классе ряд способностей и сил, которые не могут быть в одинаковой мере пробуждены его политическим движением, но которые должны быть пробуждены, чтобы обеспечить победу пролетариата»¹. Особенное влияние на образование положительного отношения германских социал-демократов к профессиональному движению произвела работа Парвуса «Die Gewerkschaften und die Sozialdemokratie», вышедшая в свет в 1896 г.: в ней, между прочим, проводится та мысль, что самая важная работа, которую совершили германские рабочие после отмены закона о социалистах, заключается в образовании профессиональных союзов, и что для классовой борьбы пролетариата в политическом развитии последнего времени не произошло ничего, что хотя бы отдаленным образом могло идти в сравнение с этой работой.

К концу XIX в. большое значение приобрело профессиональное движение и во Франции. Французские рабочие союзы, или синдикаты, заставили о себе много говорить только в самое последнее время и особенно ввиду того, что на них здесь более, чем где-либо в других местах, возлагается упование в перестройке современных экономических отношений. Приводя данное Сиднеем Веббом определение английского тред-юниона, как «постоянной ассоциации наемных рабочих, стремящейся к защите и улучшению своего наемного договора», новейший историк синдикального движения во Франции, Поль Луи, заявляет, что это определение не соответствует современному фазису французского синдикализма с его более широкими стремлениями, направленными на разрушение капиталистического строя². Определение Вебба он считает правильным лишь по отношению к тенденциям первоначальных профессиональных союзов во Франции, «становясь же на историческую точку зрения», следует, говорит он, дать новое определение, которое будет таково: «синдикат есть ассоциация рабочих одного ремесла или одной отрасли промышленности, которая сначала заботится об улучшении быта рабочих в рамках существующего строя, а в дальнейшем своем развитии стремится к разрушению этих рамок, подготавливая материальные и моральные элементы для будущей новой организации». Развитие синдикатов этот автор ставит в зависимость от процесса концентрации пролетариата, в свою очередь, зависящего от концентрации капитала, и различает в истории синдикатов периоды обществ взаимопомощи (*mutualité*), потом обществ сопротивления (*résistance*)³ и синдикальных камер (*chambres syndicales*), «борющихся за улуч-

¹ Слова Фр. Меринга, IV, 374.

² Луи П. История синдикального движения во Франции (1907). С. 6.

³ «Общества взаимопомощи старались предохранить своих членов от превратностей судьбы; корпоративные союзы посвящают себя уже борьбе с патронатом». Луи П. История синдикального движения во Франции. С. 11. Levasseur, дающий в своих «Questions ouvrières»

шение общих условий труда, путем ли прямого договора с предпринимателем или давления на законодательную машину»¹. В сущности, эта последовательность возникновения трех форм далеко не исключает возможности одновременного преследования синдикатами разных целей, но самое главное, что характеризует современный фазис синдикатов, это — возникновение различных видов соединения отдельных синдикатов, явление для Франции новое, но уже раньше бывшее известным в Англии², но как раз во Франции получившее теперь особое развитие. «В течение долгого времени, — говорит Поль Луи, — каждый из местных союзов оставался замкнутой единицей, и так как он не вступал в сношения ни с другими союзами той же местности, ни с союзами других местностей, представляющих то же производство, то сфера его деятельности была ограничена», современная же эпоха характеризуется «более сплоченной и методической организацией рабочих сил»³. Именно союзы одного ремесла или одной отрасли промышленности стали соединяться в федерации (*fédérations*), а рабочие союзы одного и того же города, к какой бы профессии они ни принадлежали, объединяться биржами труда (*bourses du travail*), все же федерации и биржи труда вместе с их первоначальными ячейками охватила собой генеральная конфедерация труда (*confédérations générale du travail*), эта, как ее называет Поль Луи, «единая армия всего борющегося пролетариата». На новой своей ступени, прибавляет он, синдикальное движение «громко провозглашает несостоятельность капиталистической системы, необходимость коммунистического общественного строя и почти неизбежность революции»⁴.

Вот в немногих словах сущность новейшего синдикального движения во Франции, которое в сравнении не только с английским, но даже и с германским профессиональным движением представляет собой явление более позднее⁵. После разгрома коммуны французским рабочим приходилось начинать все почти совершенно заново, притом при самых неблагоприятных обстоятельствах. Особенно в семидесятых годах правительство вело упорную борьбу против образования рабочих союзов, стоя на точке зрения одного судебного приговора над каким-то союзом, провозгласившего тот принцип, что терпимость по отношению к недозволенной ассоциации

(с. 643 и след.) историю стачек во Франции, переходя к обзору синдикального движения, говорит следующее: «les grèves ont-elles engendré de syndicats on les syndicats ont-ils produits des grèves? L'un et l'autre. Les syndicats ouvriers sont les points d'appui de la résistance des ouvriers», с. 714.

¹ Луи П. История синдикального движения во Франции. С. 12.

² Некоторые подробности об объединении английских тред-юнионов еще в шестидесятых годах прошлого века см. у нас в V томе.

³ Луи П. История синдикального движения во Франции. С. 13.

⁴ Там же. С. 15–16.

⁵ Там же. С. 25.

еще не обозначает разрешения на ее существование. С 1876 г., когда было сделано первое предложение об узаконении рабочих союзов, до издания закона 1884 г., разрешившего синдикаты, в деле устройства этих организаций царил административный произвол, крайне тормозивший профессиональное движение, которому, впрочем, и впоследствии власти ставили разные препоны, в особенности опасаясь возникновения такого союза союзов, который распространил бы свое действие на всю Францию. Суды, в свою очередь, карали очень часто за малейшие отступления от параграфов закона 1884 г. Тем не менее именно с середины восьмидесятых годов стало усиливаться образование синдикатов. Другие общественные силы в это же время начали стремиться к привлечению синдикатов на свою сторону. Французская социалистическая партия гэдистского направления сделала попытку стать во главе синдикатов, основав с этой целью в 1886 г. «Национальную федерацию синдикатов», но этой партии не удалось ими овладеть, потому что, в конце концов, синдикаты не желали быть простыми орудиями одной из политических партий. С другой стороны, и буржуазия, и католическое духовенство стремились организовать свои рабочие синдикаты, которые, в отличие от «красных», впоследствии стали называться «желтыми»¹. К сожалению, точных цифр, иллюстрирующих рост рабочего синдикализма во Франции, не имеется². В 1884 г. Министерство торговли насчитывало во Франции только 68 синдикатов, но их было, конечно, больше, так как многие существовали без официальной легализации, но в 1889 г. число их возросло до 821, в 1899 г. — до 2685, в 1905 г. — до 4665, причем в 1893 г. насчитывалось около 400 тыс. членов этих союзов, а в 1905 г. без малого 800 тыс.

В середине же восьмидесятых годов возникло и то движение, которое привело к распространенным теперь во Франции биржам труда. Первая такая биржа возникла в Париже в 1886 г., а в начале XX в. в разных местностях Франции их насчитывалось уже 135, причем к ним примыкало значительное количество союзов с 350—370 тыс. рабочих, что составляло прибли-

---

¹ О них в 1906 г. появились работы Japy («Les idées jaunes») и Biétry («Le socialisme et les jaunes»). Название это возникло случайно. В одном месте были выбиты стекла в помещении консервативного синдиката, и пока разбитые стекла не были еще вставлены, их некоторое время заменяли листы желтой бумаги. Прибавим, что Бьетри сам принадлежал к «желтым» и даже основал периодический орган «Le Jaune». См.: *Levasseur*. С. 725 и след.

² «Мы не обладаем достаточно полным материалом для общей статистики всей армии синдикованных рабочих. Сами союзы в этом отношении до сих пор еще ничего не сделали, а к официальным данным приходится относиться с некоторой осторожностью, так как секретари профессиональных союзов или вовсе отказываются давать какие бы то ни было сведения Дирекции труда или эти сведения отличаются не всегда одинаковой точностью». Луи П. История синдикального движения во Франции. С. 113—114. «Les ouvriers syndiqués, — говорит Levasseur, — se sont tenus plusieurs années en défiance, croyant voir des pièges policiers dans les mesures d'ordre de la loi... L'institution s'est beaucoup développée depuis la loi (1884): de 1890 à 1906 leur nombre a presque quintuplé, et le nombre de leurs membres a sextuple». *Questions ouvrières*, с. 715.

зительно половину (немного только меньше) всех синдицированных рабочих. Задачей этих бирж сделалось посредничать между спросом и предложением труда и содействовать рабочим в приискании более выгодных условий найма, а также оказывать им содействие и в других смыслах. Например, биржи труда стали выдавать пособия рабочим на необходимые переезды, устраивать общеобразовательные лекции, профессиональные курсы, библиотеки, промышленные музеи и т. п. (все это ввиду слабого развития взаимопомощи во французских синдикатах). Муниципалитеты, со своей стороны, начали приходить на помощь этим своеобразным учреждениям.

Биржам труда во Франции, как и синдикатам, тоже пришлось претерпеть разные невзгоды. В Париже уже в 1889 г. биржа труда была в конфликте с муниципалитетом, давшим ей субсидию, но и пожелавшим регламентировать ее деятельность. В 1893 г. парижская биржа была даже закрыта правительством за то, что из 270 объединенных в ней синдикатов было только 150 легализованных по закону 1884 г., а остальные отказались подчиниться требованию правительства на счет соблюдения этого закона. Вновь была открыта прежняя биржа только через полтора года (в конце 1895 г.), но уже с новым уставом, который впоследствии подвергался изменениям то в более либеральном направлении (в 1900 г.), то, наоборот, в смысле усиления правительственного надзора и опеки (в 1905 г.). Разные стеснения, которые испытывала не одна парижская биржа труда, заставляли как столичные, так и провинциальные синдикаты объединяться и вне официальных рамок.

В том же 1886 г., когда возникла парижская биржа труда, собрался в Лионе первый национальный конгресс синдикатов, за которым последовали конгрессы 1887 г. (в Монлюсоне), 1888 г. (в Бордо), в 1893 г. (в Марселе) с постепенно увеличивавшимся числом представленных организаций. Монлюсонский конгресс решил основать национальную федерацию, но уже на следующем конгрессе произошло разногласие между коллективистами и приверженцами генеральной стачки, идея которой восторжествовала на конгрессах 1888 и 1893 гг. Последний принял резолюцию, которой принималась идея всеобщей стачки, как единственного орудия освобождения рабочего класса и предлагалось всем синдикальным учреждениям «распространять эту идею в трудящихся массах, изучить и подготовить условия для ее осуществления и представить международному конгрессу 1893 г. полный проект такой стачки». Дальнейшего развития «Национальная федерация синдикатов», однако, не получила, так как с ней вступила в соперничество и скоро ее победила, совершенно ее устранив, «Федерация бирж», что уже вполне обнаружилось на нантском конгрессе, состоявшемся в 1894 г.

Биржи со своим чисто практическим характером оказались более жизненным элементом для общей организации, нежели отдельные синдикаты:

федерация последних потому и не могла иметь столько непосредственного дела по удовлетворению насущных потребностей пролетариата, находившего, притом, слишком много политики в деятельности «Национальной федерации синдикатов». Что касается национальной организации бирж труда, то она возникла на конгрессе их представителей в Сент-Этьене, собравшемся в 1892 г. На этом конгрессе очень резко отнеслись к стремлению гэдистов подчинить интересы рабочей борьбы с хозяевами интересам борьбы политической, которую вела эта партия, и сделать из синдикальной организации какой-то второстепенный придаток гэдизма. В нантском конгрессе 1894 г. приняли участие обе федерации — и синдикатов, и бирж, причем между ними произошла страстная борьба из-за вопроса о всеобщей забастовке, отвергавшейся гэдистами. «Национальная федерация синдикатов» потерпела поражение и распалась, а в следующем году руководители бирж труда создали на лиможском конгрессе, вместо нее, новую организацию, получившую название «Генеральной конфедерации труда», в состав которой впоследствии вошла и сама «Федерация бирж» (1902). Эта новая организация занималась на конгрессах в Туре (в 1896 г.), в Тулузе (в 1897 г.), в Ренне (в 1898 г.), в Париже (в 1900 г.), в Лионе (в 1901 г.) и в Монпелье (в 1902 г.) выработкой своих статуты и определением своих отношений к «Федерации бирж (труда)». Таким образом, на рубеже XIX и XX вв. создалась во Франции организация, охватившая и объединившая все профессиональное движение в стране за исключением «желтых», католических и т. п. союзов. Эта организация заняла совершенно независимое положение по отношению к социалистической политической партии, тем более что в недрах синдикального объединения стала развиваться и вместе с этим получать широкое распространение доктрина так называемого революционного синдикализма. Но речь об этом у нас будет после.

Мы не будем останавливаться на профессиональном движении в других странах, где оно также получило большое развитие за последние десятилетия XIX в. и вместе с тем все более и более приобретало социалистический характер¹.

---

¹ Самые общие данные можно найти у Зомбарта, в его книге «Социализм и социальное движение», на с. 317 (для Бельгии), с. 319—320 (для Дании, которая, «может быть, и есть та страна, где наибольший процент рабочих — 30% — организованы в профессиональные союзы»), с. 321 (для Голландии), с. 326—327 (для Италии, где особенно много участвует в союзах сельскохозяйственных рабочих), с. 327 (для Норвегии), с. 329 (для Австро-Венгрии), с. 331 (для Швеции) и с. 333 (для Швейцарии). Равным образом, мы не останавливаемся здесь на сельскохозяйственных кооперациях ввиду, во-первых, их сравнительно слабого развития, во-вторых, большого при всем том разнообразия форм в отдельных странах и, наконец, обилия чисто технических подробностей. Можно только отметить, что кооперативное движение в сельском быту стало значительно усиливаться к концу XIX в. благодаря, между прочим, новым законам, облегчавшим устройство кооперации или придающим им большую прочность, каковы, например, французский закон 1884 г. (о котором см. выше), германский закон 1889 г. о товариществах и т. п. Литература предмета, однако, обширна: *Мендель-Штейнфельс*. Сель-

Переходим теперь к рабочим политическим партиям, или, что равносильно, к социалистическим партиям, действовавшим в конце XIX в. в разных странах. В главах, посвященных истории отдельных стран, уже шла речь и об этих партиях¹, причем постоянно приходилось отмечать, какое сильное влияние оказывала на образование этих партий германская социал-демократия и своей идеологией, и своей организацией, и своей, наконец, тактикой.

Из социалистических партий отдельных стран, которые только существовали в 1900 г., самой старой и самой сильной внутри страны и вместе с тем наиболее влиятельной в истории социалистического движения вообще была именно германская социал-демократия, что и заставило нас подробнее всего говорить в настоящем томе только о ней и даже посвятить ей особую главу², в которой изложение было доведено до эпохи действия в Германии исключительного закона о социалистах. Мы уже знаем, что в эти годы германское правительство для борьбы с социализмом, кроме репрессий, прибегло и к социальному законодательству, но что ни репрессии, ни законы в пользу рабочих не могли остановить сильного возрастания на выборах в рейхстаг количества голосов, подававшихся за социал-демократических кандидатов. В год прекращения действия репрессивного закона, т. е. в 1890 г. этих голосов было уже без малого полтора миллиона, на следующих выборах (1893) еще на три с половиной сотни тысяч больше, а еще через пять лет превысило 2 млн³. «При издании закона о социалистах, — говорит историк германской социал-демократии, — партия располагала 437 158 избирательными голосами и 42 политическими газетами, а профессиональные организации имели 50 000 членов и 14 печатных ор-

скохозяйственные товарищества (сборн. «Сельское хозяйство и земледелие», изд. Водовозовой, 1896); *Крживицкий Л.* Земледельческие кооперации в Западной Европе («Мир Божий», 1900. В частности, для Франции соч. Rocquigny (1897), Coulet (1898), Kudelka (1898) и др., для Германии Ertl und Licht (1899), Mendel (1886) и др., для Англии Gobson (1895), Long (1899) и др., для Италии Marzotto (1898) и др.

¹ См. часть первая, гл. VIII (Германия).

² Гл. VIII.

³ Небольшая таблица лучше всего может изобразить рост германской социал-демократии за последние тридцать лет.

Годы	1871—1874	1877	1878	1881	1884	1887	1890	1893	1898
Число голосов на выборах (в тыс.)	113 351	493	437	311	549	763	1427	1786	2107
Соответствующий процент	2,96,7	9,1	7,5	6,1	9,7	10,1	19,7	23,2	27
Число депутатов	210	13	9	13	24	11	35	44	56

Подробности в работе Neutapp-Hofer'a «Die Entwicklung der Sozialdemokratie bei den Wahlen» (1898; изд. 2-е). Любопытно, что в Австрии на выборах 1897 г. в пятой курии (всеобщего избирательного права) за социал-демократов было подано, как и в Германии в 1898 г., более 27%.

ганов; при истечении срока того же закона 1 427 298 избирательных голо-сов и 60 политических газет, а профессиональные организации имели 200 тыс. членов и 41 орган»¹.

Закон о социалистах перестал действовать, как только что было упомянуто, в последний год предпоследнего десятилетия XIX в. В самом же начале нового периода истории германской социал-демократии среди ее вождей произошли некоторые трения, которые, по словам историка партии, сами по себе не представляли особого значения, но были раздуты в очень важное дело благодаря в значительной степени шуму буржуазной печати². Поводом было желание многих рабочих организаций ознаменовать первый майский праздник труда, установленный на Парижском конгрессе 1889 г., всеобщей забастовкой, чего, однако, в Париже не было установлено. Парламентская фракция социал-демократической партии почти единогласно постановила отсоветовать такую форму празднования 1 мая, но против этого поднялся, как выразился Энгельс, «литературный и студенческий бунт», т. е. оппозиция со стороны более молодых членов партии из писательской и академической среды³. Против «молодых» со стороны «старых» выступил главным образом Бебель, за которым и пошел, в данном случае, рабочий класс. Эпизод этот действительно не имел особенного значения, но зато очень характерен как показатель того влияния, какого достигли вожди социал-демократической партии в народных массах. Первым делом партии было теперь создать новую организацию и выработать новую программу ввиду изменившегося политического положения. В середине октября 1890 г. в Галле состоялся делегатский съезд партии, на который были присланы приветствия от родственных партий в Австрии, Швейцарии, Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Швеции и Польше. Съезд отверг мысль о возвращении к союзной организации, какая была у партии до 1878 г., и были созданы только ежегодные съезды партии, или «партейтаги», и выбираемое съездом правление партии (Parteivorstand из 12 человек, из коих пятеро должны были вести дела, а семеро — их контролировать), а кроме того, официальный орган «Vorwärts». Наконец, для поддержки связей между правлением партии и местными партийными группами были учреждены особые доверенные люди (Vertrauensmänner). Через год, тоже в октябре (от 14 по 20), новый партийный съезд в Эрфурте пересмотрел готскую программу, после издания которой прошло более пятнадцати лет, но и на этом съезде дело тоже не обошлось

¹ Меринг Ф. История германской социал-демократии, IV, 347 (по изд. Гранат и К°). На той же странице см. у него, во что обошлась для партии репрессия. Например, было запрещено 1300 периодических и непериодических изданий и 332 организации того или другого рода, а сумма судебных кар, соединенных с лишением свободы, составила около 1000 лет, распределявшихся между 1600 лиц, и т. п.

² Там же. VI, 349.

³ Пауль Эрнст, Кампфмейер, Ганс Мюллер, Бруно Вилле и др.

без некоторых партийных раздоров, не заслуживающих, впрочем, того, чтобы на них здесь сколько-нибудь останавливаться. Что касается до проекта партийной программы, получившей название «эрфуртской», то он был составлен одним из новых идеологов партии, Карлом Каутским¹.

Эрфуртская программа исходила из того положения, что «экономическое развитие гражданского общества² приводит естественно и необходимо к гибели мелкого производства, основой которого является право частной собственности работника на его средства производства»: работник пролетаризируется, а средства производства монополизуются в руках относительно небольшого числа капиталистов и крупных землевладельцев. Рядом с последним процессом совершается вытеснение мелкого производства колоссальным крупным, притом машинным с «исполинским ростом производительности человеческого труда», опять-таки монополизируемым капиталистами и крупными землевладельцами. «Для пролетариата и для исчезающих средних слоев — для мелкого мещанства и крестьянства — это равносильно увеличению необеспеченности существования, бедствий, угнетения, порабощения, унижения, эксплуатации (Ausbeutung)». Далее указывалось на увеличение как количества пролетариев и безработных, так и противоположности эксплуататоров и эксплуатируемых и на обострение классовой борьбы буржуазии и пролетариата, причем присущие капиталистическому строю кризисы только расширяют пропасть между имущими и неимущими. Это служит лишь доказательством того, «что производительные силы теперешнего общества переросли самих себя (über den Kopf gewachsen sind) и что частная собственность на средства производства сделалась несовместимой с их целесообразным использованием (Anwendung) и полным их развитием». Эта собственность, бывшая раньше средством обеспечения за трудящимся продукта его труда, сделалась средством экспроприации одних в пользу других, без собственного труда пользующихся плодами чужих трудов. Отсюда программа делала тот вывод, что только превращение капиталистической частной собственности на средства производства в собственность общественную и превращение производства товаров в социалистическое (sozialistische, für und durch die Gesellschaft betriebene) может привести к превращению «крупного производства и постоянно возрастающей доходности (Ertragsfähigkeit) общественной работы для доселе эксплуатировавшихся классов из источника бедствий и угнетения в источник наивысшего благополучия и всестороннего гармонического совершенствования». Такому превращению в программе приписывается значение «освобождения не только пролетариата, но и всего человеческого рода», которое, прибавляет программа, «может быть только делом рабочего класса» ввиду того, что все остальные классы,

¹ О Каутском как теоретике социал-демократии см. ниже, в этой же главе.

² Bürgerliche Gesellschaft имеет двойкий смысл и гражданского, и буржуазного общества.

при всех своих разногласиях, одинаково держатся за современный строй. Затем шло указание на политический характер борьбы рабочего класса против капиталистической эксплуатации: и для экономической борьбы, и для экономической организации рабочим нужны политические права, и они не добьются перехода средств производства в обладание общества (der Gesamtheit) без обладания политическими правами. Этим определялась задача социал-демократической партии — вносить сознательность и единство в борьбу, указывать ей ее естественно-необходимую цель. «Интересы рабочего класса во всех странах с капиталистическим способом производства одинаковы», и положение рабочих каждой страны все более и более зависит от положения их в других странах с развитием мировых экономических отношений, откуда — общность задачи освобождения рабочих во всех странах. Программа напоминала также, что это не есть борьба за новые классовые привилегии и преимущества, а борьба ради уничтожения классового господства и самих классов, ради достижения всеобщего равенства прав и обязанностей без различия также пола и расы (происхождения). Исходя из этих принципов, программа перечисляла по пунктам требования социал-демократической партии, повторяя соответственные пункты готской программы с некоторыми новыми прибавлениями. Так, в параграфе о всеобщем избирательном праве прибавлены слова: «без различия пола»¹ и выставлены требования «пропорциональной системы выборов», «перераспределения избирательных округов после каждой народной переписи», «двухгодичных легислатур», «вознаграждения выбранным», «отмены всякого ограничения политических прав». Равным образом, параграф о прямом народном законодательстве дополнен был требованиями выбора властей народом и их ответственности, с ежегодным вотированием налогов. В следующих статьях обращают на себя внимание, в качестве новых требований, «разрешение всех международных споров третейскими судами» (auf schiedsgerichtlichem Wege), «отмена всех законов, которые ограничивают женщину сравнительно с мужчинами в публично-правовом и частно-правовом отношениях», «уничтожение всяких платежей из общественных средств на церковные и религиозные требы», «светский характер (Weltlichkeit) школы», вспомоществование ученикам и ученицам народных школ, оказывающих способность к продолжению дальнейшего образования, «вознаграждение невинно обвиненных, заключенных и приговоренных к наказанию и отмена смертной казни», «безвозмездность врачебной помощи, с включением помощи при родах и лекарств, и безвозмездность погребений» и т. п. Из этого видно, что эрфуртская программа гораздо богаче содержанием, нежели готская, во всех общих

¹ Весьма большое влияние на распространение социалистических идей (между прочим, и в буржуазии) оказывала книга Бебеля «Женщина и социализм», которая имела колоссальный успех и была переведена на разные языки (в том числе и на русский).

требованиях, и то же самое приходится сказать, равным образом, о разработке специальных требований, касающихся рабочего класса. Здесь на первом плане стоит национальное и международное законодательство об охране рабочих, в смысле установления нормального рабочего дня не свыше восьми часов, запрещения работы для детей моложе 14 лет, запрещения ночной работы, «за исключением таких отраслей промышленности, которые по самой природе своей, по техническим причинам или соображениям общественного благополучия требуют работы ночью», установления непрерывного 36-часового отдыха каждую неделю для каждого рабочего, запрещения Trucksystem¹. Далее, в числе требований для охраны рабочих были выставлены программой «надзор за всеми промышленными заведениями, исследование и регулирование условий труда в городе и деревне» особыми учреждениями — общегосударственными и местными (Reichsarbeitsamt und Bezirksarbeitsämter) и рабочими палатами, промышленная гигиена, «правовое уравнивание сельскохозяйственных рабочих и лиц, находящихся в услужении (Dienstboten) с промышленными рабочими», «упрочение права коалиции» и «взятие государством на себя всего страхования рабочих с участием рабочих в заведовании (Verwaltung) этим делом»².

В первые годы социал-демократической партии многие ее приверженцы ожидали скорую победу социализма, т. е. близкое торжество социальной революции. Многие разделяли эту веру и в конце XIX в. Например, Энгельс еще в начале девяностых годов пророчил переворот к 1898 г., т. е. к пятидесятилетию юбилею Мартовской революции, а когда этого не случилось, отсрочил исполнение своего предсказания еще на десяток лет³. В 1899 г. в одной из своих парламентских речей и Бебель готов был уверять, что разве только немногие из присутствовавших в зале рейхстага не доживут до переворота, не будут свидетелями «великого Kladderadatsch'a». Эта вера делала партию непримиримой, не позволяла ей идти ни на какие компромиссы, заставляла ее скептически относиться и к социальным реформам или же поддерживать их разве только в качестве агитационного средства. Бывало иногда так, что сами рабочие отказывались от участия в профессиональном движении: едва ли, думали многие из них, от рабочих союзов мог бы быть какой-либо толк, раз час победоносной пролетарской революции уже близок, близко время, когда начнется диктатура рабочего класса, имеющая превратить современное капиталистическое государство

¹ Оплата труда товарами вместо денег (англ.). — *Прим. ред.*

² Эрфуртская программа существует и в русском переводе, но я пользовался немецким подлинником. По отзыву о ней далеко не социалистического новейшего историка немецких политических партий Grotewold'a, «unter seiner Herrschaft hat sich die sozialdemokratische Partei zur stärksten Deutschlands entwickelt», с. 303. Ср.: *Каутский К.* Эрфуртская программа (1905); *Он же.* Экономическое развитие и общественный строй. Комментарий к положениям эрфуртского съезда (1905).

³ Ф. Энгельс скончался в 1895 г. — *Прим. ред.*

в социалистическое общество будущего. Закон против социалистов, действовавший в течение всех восьмидесятых годов, только поддерживал революционное настроение партии, но в эти же годы превращение Германии в индустриальное государство, что подняло заработки пролетариата, влияло на настроение рабочих в обратном смысле¹. Правда, эрфуртская программа стояла на прежней, непримиримой точке зрения, но уже на съезде, выработавшем эту программу, депутат Фолльмар² рекомендовал «новую тактику» примирительного характера. Эрфуртский партийтаг строго осудил его идеи, но на последующих съездах, нет да нет, и другие делегаты начинали отстаивать подобную же точку зрения, вплоть до защиты (Шиппелем) того положения, что социал-демократии нечего противиться лучшему вооружению германской армии, дабы, например, Россия в один прекрасный день не перестреляла немецких солдат.

В самом конце XIX в. среди германских марксистов начался по вопросам этого рода раскол. В 1899 г. вышла книга социал-демократа Эдуарда Бернштейна³ под заглавием «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»⁴, тотчас же вызвавшая несколько возражений и, между прочим, со стороны Каутского⁵, бывшего одним из ближайших сотрудников Берн-

¹ В 1892 г. Hans Müller в своей работе «Der Klassenkampf in der deutschen Sozialdemokratie» уже указывал на то, что до законов против социалистов партия была чисто пролетарской и революционной, но потом в нее стали вербовать мелкую буржуазию, которая сама начала пополнять ряды партии: это и внесло в партию новый, более мирный дух.

² Георг фон Фолльмар, член рейхстага, в 1891 и 1892 г. издал брошюры «Über die nächsten Aufgaben der deutschen Sozialdemokratie» и «Über Staatssozialismus», где доказывал необходимость оставить непримиримую позицию и заняться законодательством в пользу рабочих. «До социалистического государства мы не доживем, а до восьмичасового дня, пожалуй, и доживем», — говорил он.

³ Эдуард Бернштейн примкнул к социал-демократии еще в начале семидесятых годов, а в восьмидесятых был редактором цюрихского «Социал-демократа», отличаясь в это время большим радикализмом. Обвиненный в Германии в оскорблении величества, он не мог жить на родине, а из Цюриха в 1888 г. его выслали (ср. выше). В девяностых годах Бернштейн проживал в Лондоне, где в его убеждениях и произошла резкая перемена, отразившаяся на названной в тексте работе. В 1901 г. в брошюре «Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich» он отверг саму мысль о возможности научного социализма. В том же году давность, покрывшая его политическое преступление, позволила ему поселиться в Берлине, где он стал ревностно сотрудничать в «Sozialistische Monatshefte» (раньше назывались «Der sozialistische Akademiker»), сделавшихся главным органом основанного им ревизионистского направления германской социал-демократии. Из его соч. переведены по-русски: «Общественное движение в Англии XVII в.» (1899), «Очерки из истории и теории социализма» (1902) и «Предпосылки социализма» (4 перевода).

⁴ Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie.

⁵ Карл Каутский является одним из главных теоретиков германской социал-демократии и, в частности, наиболее видным представителем экономического материализма в истории. Начав свою литературную деятельность еще в середине восьмидесятых годов, он особенно сделался известен в конце восьмидесятых и начале девяностых годов после выхода в свет его работ об «Утопии» Мора (1888), о классовых интересах во Франции в 1789 г. (1889), об экономическом учении Маркса, об эрфуртской программе (1892) и др. Немало его известности содействовало и издание им периодического органа для научной разработки марксизма («Die

штейна, теперь в своей книге «Бернштейн и социал-демократическая программа»¹, резко на него напавшего. Сенсация, вызванная критикой марксизма со стороны одного из прежних его теоретиков, и объясняется именно тем, что критиком его выступил такой видный представитель социал-демократии, каким всегда считался Бернштейн. Ортодоксальные марксисты напали на своего товарища, решившегося на такой шаг, особенно потому, что его «Предпосылки социализма» должны были, по их мнению, доставить удовольствие, как выразился Каутский, только «буржуазии, либералам и анархистам». Критика Бернштейна коснулась и теоретических положений, и практической программы марксизма. В первой автор усматривал «остатки утопизма», которые объяснял тем, что сам Маркс недостаточно разграничивал чистую и прикладную стороны своего учения. По мнению Бернштейна, в последнем слились два разных течения, исходящие одно — из сектантско-утопического и мирно-эволюционного стремления к эманципации рабочего класса путем экономической организации, другое — из конспиративной, демагогической и террористической эманципации путем политической экспроприации: хотя Маркс и отверг оба направления, но его учение все-таки является компромиссом между ними, т. е. в нем есть дуализм, есть противоречия. В частности, Бернштейн подверг критике и теорию экономического материализма², и применение гегельянско-диалектического метода, причем обратил внимание на зависимость исторического процесса от многих факторов, а не одной только экономики. Последователей Маркса Бернштейн обвинил вместе с тем в теоретическом догматизме, против которого сам выдвинул требование критического пересмотра чисто научной стороны марксистского социализма.

Не эта, однако, отвлеченно-теоретическая часть критики Бернштейна вызвала всю бурю в социал-демократическом лагере; в возникшей по поводу его книги полемике эта сторона даже вообще мало была задета. Сам Каутский, притом, должен был согласиться, что экономический материализм, как «высшая ступень социалстической теории, с которой стоит и падает марксизм», в общем, еще недостаточно разработан, но если здесь оказалось возможным сделать кое-какие уступки, то в области практических выводов и программных требований марксизма оппоненты Бернштейна проявили величайшую неуступчивость. Дело в том, что Бернштейн усомнился в правильности взгляда, по которому пропасть между богатыми и бедными все более и более увеличивается, и стал доказывать, что, наобо-

---

Neue Zeit»). В 1894 г. под ред. Каутского начала выходить «Geschichte des Sozialismus in Einzeldarstellungen», в которой сам он написал отдел о предшественниках новейшего социализма. Как представитель ортодоксального марксизма, Каутский выступал и на всех съездах социал-демократии. Главнейшие книги, брошюры и статьи («Очерки и этюды», 1901 и «Сборник статей», 1905 и др.) Каутского существуют в русских переводах.

¹ Kautsky K. Bernstein und das sozialdemokratische Programm (1899).

² Ср. ниже, в гл. XXV.

рот, экономическое неравенство постепенно, хотя и с большой медленностью, сглаживается. Отсюда он делал вывод не в пользу веры в «Zusammenbruch» капиталистического строя, а в пользу отдельных социальных реформ, в особенности тех, которые увеличивают плату за труд, т. е. он указывал на такую практическую деятельность, которая лишь более или менее медленным путем постепенных реформ превратит капиталистический строй в социалистический. Так как, однако, эти реформы могут быть производимы представителями разных классов общества, то, по мнению Бернштейна, освобождение рабочего класса не должно считаться «делом только рабочего класса»: с его точки зрения это — дело лишь «преимущественно рабочего класса». Раз классовая основа социал-демократии всеми этими соображениями в критике Бернштейна подрывалась, он не только допускал сотрудничество классов, но становился на национальную точку зрения: политическая жизнь превращает пролетария в гражданина, в члена нации, который не может равнодушно относиться к судьбам отечества. В частности, Бернштейн нашел нужным защищать колониальную систему и стал советовать членам своей партии прекратить прежнее непримиримое отношение к военным предложениям имперского правительства.

Старые вожди германской социал-демократии с Бебелем и Либкнехтом во главе, подобно Каутскому, отнеслись к бернштейнианству, — которое в первых годах XX в. стало еще называться «ревизионизмом», — крайне отрицательно, на сторону же нового направления стали, например, Фольмар, Шиппель и др. Кроме того, и в каждом из двух лагерей образовались новые подразделения, именно, еще более «правое» течение в бернштейнианстве (Шиппель) и еще более «левое» в ортодоксальном направлении, надевшееся на скорое наступление и победу революции с народным восстанием, борьбой на баррикадах и т. п. (Парвус, Клара Цеткин, Роза Люксембург). Тем не менее партия сохранила свое единство благодаря тому, что на ее съезде в Ганновере в 1899 г. была принята достаточно неопределенная резолюция, под которой могли подписаться и ортодоксы, и бернштейнианцы¹, хотя внутри единой партии все-таки не прекращался начатый Бернштейном раскол. «Партейтаги» начала XX в. продолжали большинством голосов отвергать ревизионизм, однако, эволюция социал-демократии от революционизма к реформизму все-таки давала о себе знать².

¹ Отметим еще, что до самого конца XIX в. прусские социал-демократы считали невозможным принимать участие в выборах в прусский ландтаг, но на штутгартском съезде 1898 г. вопрос был решен в пользу участия в выборах и в представительную палату Пруссии.

² Одним из частных вопросов, затронутых критикой Бернштейна, было отношение социал-демократии к аграрной проблеме. В семидесятых годах Либкнехт, настаивавший в работе «Zur Grund- und Bodenfrage», что нужно избегать всего, что вооружило бы крестьян против социализма (как это было во Франции в 1848 г.), пророчил, что «паровой плуг совершит такую же революцию в земледелии, какую паровой ткацкий станок и прядильная машина совершили в индустрии», т. е. уничтожит мелкое производство. (Маркс тоже в шестидесятых

Ввиду сильного распространения, какие марксистские идеи получили к концу XIX в. в других странах, возникновение в германской социал-демократии критического направления Бернштейна приобрело значение и для иностранных социалистов. Между прочим, во Франции спор между непримиримым и умеренным течениями из области чисто академического обсуждения вопроса перешел и на почву практической полемики, когда вступление социалиста Мильерана в министерство Вальдека-Руссо поставило на очередь вопрос, может ли социалист участвовать в буржуазном правительстве. Из французских социалистов на точке зрения строгой марксистской ортодоксии продолжал стоять Гэд, тогда как Жорес доказывал необходимость более гибкой политики, находя, что упорство гэдистов только обрекает французский социализм на политическое бессилие.

Распространение марксизма вне Германии в конце XIX в. представляет собой факт, вообще заслуживающий внимания. В некоторых случаях все социалисты той или другой страны принимали всю идеологию, программу и тактику германской социал-демократии, — иногда, впрочем, с кое-какими изменениями, — в других же случаях марксизм делался одним из наиболее видных социалистических течений, если и другие продолжали существовать. В Италии, как известно, социал-демократия появилась поздно, не ранее девяностых годов, но зато развилась необычайно быстро. Незадолго перед этим, в конце восьмидесятых годов, возникла австрийская социал-демократическая партия, через десять лет после того принявшая федеративный характер в зависимости от существования в Австрии разных национальностей¹. Марксизм оказал большое влияние и на программу бельгийской рабочей

годах предсказывал быстрый ход концентрации земельной собственности.) На самом деле пророчество не оправдалось. «Третья четверть XIX в., — говорит Э. Давид, — была временем не упадка, а экономического и социального подъема немецкого крестьянства... Как показали результаты переписи 1895 г. (в Германии), крупные владельцы утратили долю земельной площади, а мелкие приобрели». Социализм и сельское хозяйство (1906), с. 17 и 18, а также 28 и след. В своих взглядах на вопрос о пролетаризации крестьянской массы некоторые социал-демократы колебались только в середине девяностых годов, когда, например, Фоллмар на франкфуртском съезде указал, между прочим, на то, что надежды на паровую плуг совсем не оправдались. Энгельс и др. защищали старую точку зрения, и бреславльский съезд 1895 г. отверг предложение некоторых насчет охраны крестьянской собственности, исходя из учения о совершенной тождественности индустриальной и аграрной эволюции, которое потом (1899) пытался отстоять и Каутский в своем «Аграрном вопросе». Бернштейн на основании аграрной статистики Германии, Голландии, Бельгии, Франции и Англии, равно как восточной части великой заатлантической республики, выставил тот тезис, что мелкое и среднее сельскохозяйственное производство повсеместно разрастается, а крупное и гигантское сокращаются. То же подтвердил Фр. Отто Герц (Herz) в сочинении «Аграрные вопросы в отношении к социализму». Ср. книгу Э. Давида, названную выше в этом примечании.

¹ На первом социал-демократическом съезде в Австрии, имевшем место в Гайнфельде в 1888 г., была сделана попытка не обращать никакого внимания на национальные различия, но это оказалось на практике невозможным, и на съездах конца XIX в. (Венском 1897 г. и Брюннском 1899 г.) был принят устав, признавший автономию национальных партий с установлением между ними федеративной связи, образующей единую социал-демократию Австрии.

партии в середине последнего десятилетия XIX в. И в Англии около 1880 г. образовалась особая «Социально-демократическая федерация», усвоившая марксистское учение, но не вытеснившая других течений при всем своем влиянии на отдельные проявления рабочего движения. Во Франции, как известно, тоже образовалось несколько социалистических направлений, из которых лишь одно усвоило целиком марксистские принципы, именно направление, начало которому около 1880 г. было положено Гэдом и Лафаргом и за которым утвердилось название коллективизма¹. В самом же начале существования французского марксизма в нем произошел уже упоминавшийся нами в другом месте «поссибилистский» раскол², напоминающий собой более поздний ревизионизм в Германии, о котором только что шла речь. Отметим еще сильное распространение марксизма и в России в последнем десятилетии XIX в., в исходе которого (1898 г.) возникла и партийная его организация, вступившая в борьбу с другим, социально-революционным течением.

Конечно, в разных странах образовались разные оттенки социал-демократии, но, взятая в общем, она, как и германская, к началу нового столетия стала обнаруживать тенденцию к мирному реформизму³. С другой стороны, марксизму далеко не везде удалось вытеснить другие социалистические направления, равно как не удалось окончательно победить и анархизм, с которым социал-демократия вела особенно упорную борьбу на социалистических конгрессах девяностых годов, о чем еще будет сказано ниже. Мало того, в последнее время народилось одно совсем новое направление, получившее название революционного синдикализма и особенно сильное распространение во Франции.

¹ Термин «коллективизм» впервые встречается, кажется, в вышедшей в свет в 1842 г. «*Théorie nouvelle sociale et économique*» Пеккёра (Pecqueur) и первоначально обозначал тот оттенок социализма, в котором точно и определенно указывались средства производства, прежде других подлежащие переходу из частных рук в руки государства для общественного пользования этими средствами (леса, рудники, пути сообщения и т. п.). Впоследствии термин «коллективизм» стал мало чем отличаться от термина «социализм» и даже сделался как бы его синонимом, в ближайшее же к нам время начал заменять собой название марксизма. Ср.: *Borde. Le collectivisme au congrès de Marseille* (1880); *Guesde J. Le collectivisme et la révolution; Naquet. Socialisme, collectivisme et socialisme libéral* (1890); *D'Fichtal. Socialisme, communisme et collectivisme* (1892). В «*Socialisme intégral*» Малона дается целая классификация отдельных видов коллективизма, лишь один из которых представляет собой марксизм.

² Французским социалистам объединиться вообще оказывается делом трудным. В самом конце XIX в. между главными направлениями произошло было объединение, но в 1900 г. опять совершилось распадение: гэдисты стали называться «*parti socialiste de France*», жоресисты (с бланкистами и аллеманистами) — «*parti socialiste français*». Дальнейших перипетий французского социализма не касаемся. См. в приложении к рус. пер. «Истории социального движения во Франции» Ж. Вейля (1906) статью Борисовича под заглавием «Объединение французских социалистов».

³ «Социалистическое движение, проявляющееся в существовании социал-демократии, носящей во всех странах один и тот же характер, стало постепенно терять действительно революционные черты и превратилось постепенно в мирное политическое культурное течение». *Кульчицкий Л. Современный анархизм* (1907). С. 258.

О возникновении во Франции синдикального движения уже было сказано выше. Развитие рабочих союзов сопровождалось здесь таким увеличением числа стачек, что в этом отношении к концу века Франция заняла первое место среди всех промышленных стран Старого и Нового Света¹. Это, конечно, не представляло ничего нового в истории борьбы капитала с трудом, новым же было то, что на синдикаты и их федерацию стала возлагаться задача самого разрушения существующего социального строя, а вместе с тем и приготовления материальных и моральных элементов социалистического общества. Одним из наиболее видных основателей нового направления сделался Гюбер Лагарделль, бывший раньше гэдистом, потом отказавшийся от чистого марксизма². Сущность революционного социализма заключается в отказе от парламентской деятельности, как ни к чему не ведущей, все же свои упования он возложил на синдикальное движение, которое должно воспитывать рабочий класс и подготавливать его к всеобщей забастовке и к захвату политической власти в целях общей экспроприации капитализма. Проповедь этого нового учения, — в теоретической части которого была сделана попытка сочетания марксизма с прудонизмом, — нашла сочувствие во Франции не только среди бланкистов или аллеманистов (т. е., в сущности, социально-революционных элементов), но и среди гэдистов с жоресистами, да и сам Жорес отнесся к синдикализму сочувственно (тогда как Гэд его осудил). Впрочем, история революционного синдикализма принадлежит уже XX в.³

Распространение германского марксизма в других странах и большое внимание, какое обратил на себя вне Франции революционный синдикализм, указывают на то, что социалистическое движение продолжало развиваться в направлении интернациональности, о чем свидетельствует и возобновление в конце XIX в. международных социалистических съездов.

После распада Интернационала разные попытки, делавшиеся для возобновления международных социалистических съездов, оканчивались безуспешно, и только 14 июля 1889 г., в сотую годовщину взятия Бастилии,

¹ Стачное движение в конце XIX в. было действительно наиболее сильно во Франции. В семидесятых годах оно, впрочем, еще было слабо и стачки здесь происходили реже, нежели в Англии и в Бельгии, но с 1879 г. число их стало расти (*Levasseur. Questions ouvrières. С. 643—644*), и к началу XX в. Франция в этом отношении опередила другие промышленные страны. «La France, — говорит Levasseur, — a maintenant le privilège peu enviable d'occuper le premier rang dans la statistique internationale des grèves, quoiqu' elle ait moins d'ouvriers ou de groupements d'ouvriers que l'Angleterre, l'Allemagne et les Etats-Unis», с. 740.

² Его органом сделался «Le mouvement socialiste»; его «Революционный синдикализм» (1906) имеется в русском переводе.

³ Он имеет свою литературу, да и о нем уже литература существует. Кроме указанной выше работы Лагарделля назовем: *Сорель Ж. Размышления о насилии* (1907); *Козловский Л. Очерки синдикализма во Франции* (1907); *Лабриола А. Реформизм и синдикализм* (1907); *Сталинский Е. Новое течение в социализме.* (1907); *Стрельский П. Новая секта в рядах социалистов.*

удалось в Париже собрать первый большой «международный социалистический рабочий конгресс», в котором приняло участие 467 делегатов из 20 отдельных государств¹. Решив и на будущее время созывать такие съезды, парижский конгресс, кроме того, постановил, чтобы 1 мая везде устраивался рабочий праздник в виде демонстрации в пользу восьмичасового рабочего дня. Нам уже приходилось отмечать в разных местах, что в отдельных странах с 1890 г. и стали устраиваться такие социалистические манифестации. Из-за них происходили кое-где острые столкновения рабочих с полицией, что заставило второй международный конгресс социалистических рабочих организаций, происходивший в Брюсселе, предложить внести в эту агитацию за восьмичасовой рабочий день большую осторожность и умеренность. Третьему конгрессу, бывшему в 1893 г. в Цюрихе, пришлось определить свое отношение к анархистам, которым не было дано места среди собравшихся делегатов. Дело дошло до насильственного удаления из залы совещаний наиболее упорных анархистов, не пожелавших подчиниться постановлению, и это, нужно прибавить, произошло и еще раз на Лондонском конгрессе 1898 г. Принятая в Цюрихе формула распространяла право участия в международных социалистических съездах лишь на те партии и общества, которые стоят за необходимость, с одной стороны, организации рабочих, с другой — пользования рабочими их политическими правами для участия в парламентской деятельности². Кроме того, конгресс отверг предложения о всемирной стачке и об отказе от исполнения воинской повинности. Два следующих года, 1894 и 1895, прошли без конгрессов, и четвертый съезд состоялся лишь в 1896 г., как было уже сказано, в Лондоне. В промежутке между третьим и четвертым конгрессами французский национальный съезд в Нанте³ и германский во Франкфурте-на-Майне⁴, оба в 1894 г., рассматривали аграрный вопрос, который был пред-

¹ Одновременно с этим французские поппублисты созвали другой такой же конгресс, но он потерпел полное fiasco.

² Против этого постановления протестовал вождь голландских социалистов Ньювенгойс (см. выше), называвший парламентскую деятельность только комедией. Анархисты обвиняли германский социализм в том, что он принял государственно-социалистическое направление, продолжая традиции Луи Блана и якобинизма и даже католицизма. Кропоткин прямо указывал на то, что социализм сделался движением универсальным, управлять которым столь же безумно и преступно, как безумно и преступно стремление папства управлять миром.

³ Конгрессу в Нанте предшествовал съезд в Марселе (в 1892 г.), и на обоих гэдистами была принята «аграрная программа» с такими пунктами, как организация крестьянских товариществ, покупка общинами с помощью от казны сельскохозяйственных машин, посреднические суды между землевладельцами и фермерами, вознаграждение последних за мелиорации и пр.

⁴ Аграрный вопрос для германской социал-демократии был вообще камнем преткновения (ср. выше). И на Франкфуртском съезде 1894 г., и на Бреславльском в 1895 г. этот вопрос был предметом больших споров. Бебель, Либкнехт, Фольмар и др. стояли на той точке зрения, что социал-демократия есть партия не одних индустриальных рабочих, но и крестьян, к которым поэтому она и должна прийти на помощь организацией мелкого кредита, но большинство (с Каутским, Зингером и др.) не согласилось с предложенной аграрной реформой.

метом обсуждения и на лондонском конгрессе, не принявшем никакого определенного постановления. Для пятого конгресса, состоявшегося тоже после значительного перерыва, местом, как и для первого, был выбран Париж, временем, как и в 1889 г., год новой всемирной выставки, последний в XIX столетии 1900 г. На этот раз анархисты уже не добивались того, чтобы их приняли на съезд. В работах конгресса 1900 г. участвовало уже около 700 делегатов, представлявших собой без малого тридцать стран. Самым острым вопросом на этом конгрессе был спор по поводу Мильерана между жоресистами и гэдистами о том, может ли социалист участвовать в буржуазном министерстве. Большинство конгресса в данном случае склонилось на сторону Каутского, предложившего смотреть на это не как на принципиальный, а как на чисто тактический вопрос. На этом же конгрессе тогдашняя английская политика в Южной Африке и поведение европейских держав по отношению к Китаю¹ дали повод осудить колониальную политику, империализм и милитаризм. Важным постановлением Парижского конгресса 1900 г. было учреждение постоянного международного социалистического комитета, местом пребывания которого был выбран Брюссель, и на который были возложены посредничество в сношениях между социалистическими организациями отдельных стран, собирание для них разных сведений и справок, издание необходимейших и важнейших материалов, устройство новых съездов и т. п. При этом было постановлено, чтобы состав этого комитета был постоянный, и чтобы была учреждена должность при нем постоянного же секретаря².

Анархизм, о возникновении и проявлениях которого в последней трети XIX в. уже шла речь в других местах настоящего тома³, за этот период приобрел видного теоретика в лице русского эмигранта Кропоткина⁴, ко-

---

См. книгу Эд. Давида «Социализм и сельское хозяйство» (1906), в которой особенно важно «введение» (стр. 1—38), где рассматривается, между прочим, крестьянский вопрос с точки зрения социал-демократии с 1870 г. См.: *Konshedt B.* Аграрный вопрос и социал-демократия; *Kautsky K.* Die Agrarfrage (1899); *Hertz Fr.O.* Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum Sozialismus (1899).

¹ См. ниже, в гл. XXIV.

² Протоколы конгрессов издаются. Кроме того, см.: *Hamon A.* Le socialisme et le congrès de Londres (1897); Международные социалистические конгрессы (1906).

³ Со времени устранения Бакунина от политической деятельности и после его смерти первый съезд анархистов был в 1876 г. (по одному известно, в Лозанне, по другому, в Берне), потом в 1878 г. состоялся съезд во Фрейбурге, в 1879 г. — в Шо-де-фоне, в 1880 г. — еще где-то в Швейцарии, в 1881 г. два — в Париже (предварительный и в Лондоне) и в 1882 г. — в Женеве, после чего наступил десятилетний перерыв, потом были съезды в Каполага (1891), Чикаго (1893) и Париже (1900), не всегда удачные. *Кульчицкий Л.* С. 184 (гл. XII: «Развитие анархического движения»); *Цокколи.* С. 340 и след. Об исключении анархистов из социалистических съездов см. выше, и Цокколи, с. 361 и след. За последние годы анархисты предпочитали частные съезды общим конгрессам, с. 365.

⁴ Петр Александрович Кропоткин из княжеского рода, ведущего свое происхождение от удельных князей смоленских, бежал из России за границу в 1876 г. и в 1877 г. стал издавать

торый стал доказывать историческую неизбежность анархии как одной из ступеней, — ступени притом ближайшей, — в социальной эволюции. В последней трети XIX в. анархисты по временам особенно заставляли о себе говорить по поводу своего участия в народных волнениях, целого ряда динамитных покушений и совершенных политических убийств¹, равно как своей пропаганды путем печати. Все это заставляло правительства отдельных стран принимать специальные меры против анархизма². Социалисты и, в частности, социал-демократы находились с анархистами в постоянной вражде, особенно обострившейся в последнем десятилетии XIX в. в эпоху цюрихского и лондонского международных конгрессов, хотя и раньше, в восьмидесятых еще годах, были резкие проявления этой борьбы³.

Нам остается только в заключение этой главы остановиться на социальном законодательстве в пользу рабочих за рассматриваемый в настоящем томе период. Всем хорошо известно, что начало фабричному законодательству было положено в Англии еще в тридцатых годах, и что в Новейшее время пример другим странам в этом отношении был подан Германией в эпоху социальной политики. С полной несомненностью можно сказать, что в обоих случаях, т. е. и в Англии в тридцатых годах, и в Германии в восьмидесятых, государство брало на себя охрану интересов труда под влияни-

---

в Женеве «Le Revolte» («Восстание» (*фр.*) — *Прим. ред.*), сделавшийся главным органом анархизма. В 1881 г. за рекомендацию пропаганды действием он был выслан из Швейцарии, а в 1883 г. приговорен в Лионе к пятилетнему заключению в тюрьме; помилованный в 1886 г., он уехал в Лондон, где и поселился навсегда. Некоторые его сочинения (с его именем или анонимно) были изданы и в России. Изложение взглядов Кропоткина есть у Элизбаха (с. 169 по рус. загранич. изд. 1903 г.), Кульчицкого (Современный анархизм, с. 92–122), Цокколи (с. 161 и след.) и др. Л. Кульчицкий совершенно справедливо отводит Кропоткину «очень видное место в истории анархизма», как его «выдающемуся теоретику», в мировоззрении которого «анархическая мысль достигла своих вершин», с. 121. Говоря о других новейших анархистах, он, наоборот, отмечает, большей частью, их малую значительность в истории анархизма: например, в ней Элиле Реклю «не занимает выдающегося места, не обогатил ее новыми идеями», с. 122; буквально то же сказано о Граве, с. 126; «Мост не принадлежит к выдающимся теоретикам современного анархизма», с. 139. О том, что Кропоткин называет «научной позицией анархизма», см. у Цокколи на указанных выше страницах и у него же (с. 159–161) перечень сочинений как самого Кропоткина, так и о нем.

¹ В числе их, кроме указывавшихся в разных местах тома, нужно еще отнести убийство итальянским анархистом Луккени в 1898 г., австрийской императрицы Елизаветы, бывшей очень недюжинной личностью, о которой см. англ. соч. de Burgh'a (есть нем. пер.) и норвеж. Tschudi (есть нем. пер., запрещенный в Австрии).

² Законы, которыми наказываются хранение с преступными целями и употребление взрывчатых веществ, были изданы в 1883 г. в Англии, в 1884 г. в Германии, в 1885 г. в Австрии, в 1886 г. в Бельгии, в 1893 г. во Франции, в 1894 г. в Швейцарии, в Испании и в Италии. Кроме того, в некоторых странах были изданы специальные законы против анархистской пропаганды, анархистских организаций и иных проявлений анархизма, именно, в 1886 г. в Дании, в 1893 и 1894 гг. во Франции и др. Убийство в 1901 г. анархистом президента Северо-Американских Соединенных Штатов послужило поводом для издания специального закона и в этой стране.

³ В 1887 г. один социал-демократ был убит в Швейцарии анархистом.

ем рабочего движения, несмотря на большее или меньшее сопротивление со стороны тех, в интересах которых было, напротив, всячески охранять принцип невмешательства.

Настоящей эпохой повсеместного развития рабочего законодательства были два последние десятилетия XIX в. В самой Англии конец семидесятых годов (1878) был ознаменован изданием общего «акта о фабриках и мастерских», в котором были слиты воедино, улучшены и дополнены все прежние фабричные законы (числом 16), а после этого было издано столько новых законов, что в начале XX столетия понадобилась новая их кодификация в виде «акта о фабриках и мастерских 17 августа 1901 г.». О германском рабочем законодательстве у нас говорилось уже в другом месте, равно как и о том, что Третья республика во Франции взялась за дело законодательного ограждения труда сравнительно поздно, хотя за последнее время и стала усиленно наверстывать упущенное. Одним из важных моментов в истории рабочего законодательства является учреждение фабричных инспекторов. Пример в этом отношении был, как известно, подан Англией еще в тридцатых годах, а в 1891 г. надзору этих инспекторов была подчинена домашняя работа на заказчиков-предпринимателей, занимавшихся «выжиманием» из рабочих «пота»¹. В Пруссии, ранее других континентальных государств выступившей на путь фабричного законодательства, специальная инспекция была учреждена только лет через двадцать после английской, да и то сначала лишь факультативно — «там, где это окажется нужным» (1853). Франция завела у себя фабричную инспекцию еще позже, только в 1874 г., а Австрия и того еще позже — в 1883 г. Если первые зачатки фабричного законодательства в некоторых второстепенных странах относятся еще к семидесятым годам (в Дании, в Испании, в Швейцарии), то другие приступили к этому делу лишь в восьмидесятых и даже в девяностых: Швеция в 1881 г., Италия в 1886 г., Голландия и Бельгия, две эти наиболее промышленные страны, только в 1889 г., Португалия к 1891 г., Норвегия в 1892 г.² К этой же эпохе относятся первые попытки международного соглашения по охране рабочих. Первая мысль об этом была высказана в 1880 г. швейцарским союзным советом, но тогда из этого ничего не вышло. Только через десять лет после того по инициативе Вильгельма II, — о чем тоже уже шла речь выше, — в Берлине была созвана международная конференция официальных делегатов, присланных различными правительствами. Она дала несколько общих постановлений, однако, без большого практического значения³. Наконец, и в 1900 г. собирався

¹ «Sweating system», о чем см. выше.

² Россия в 1882 г. (закон о работе малолетних и введение фабричной инспекции).

³ Вот как определяет значение этой конференции французский экономист E. Levasseur: «Международное соглашение относительно общей регламентации не состоялось, но эти вопросы, стоявшие уже на очереди, после этого стали больше обсуждаться (ont eu plus de

в Париже конгресс по международной законодательной охране рабочих, создавший для разработки этого вопроса особую ассоциацию с постоянным комитетом¹.

---

retentissement); они изучались съездами, по поводу их образовались ассоциации, новые законы были приняты в большей части государств». *Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième république* (1907), с. 437.

¹ Главнейшие данные, касающиеся самого содержания законов по охране труда, можно найти в курсах политической экономии (например, у Туган-Барановского, на с. 599–612 с указаниями, на с. 612, на специальную литературу), в первой части книги А. Н. Быкова «Фабричное законодательство и развитие его в России» (1909) и т. п. Так как одной из особенно часто упоминаемых задач рабочего движения является установление восьмичасового рабочего дня, сделавшегося особенно популярным в рабочих массах в конце XIX в. (ср. выше), то указываем, что о нем существует значительная литература: работы Вебба и Кокса, Дж. Ре, Каутского, Кричевского, Мижужева и др.

XXIV. Мировая политика в конце XIX в.¹

Тройственный и франко-русский союзы и англо-германское соперничество в конце XIX в. — Царство вооруженного мира в Европе. — Ближневосточный вопрос в конце XIX в. — Новое положение, занятое Германией на Ближнем Востоке. — Возникновение мировых вопросов в области политики. — Раздел Африки между европейскими нациями. — Англо-французские и англо-русские отношения в Азии. — Китайский вопрос конца XIX в. — Начало борьбы за Великий океан. — Выступление Северо-Американских Соединенных Штатов на поприще мировой политики. — Испанско-американская война. — Установление постоянных мировых сношений

¹ Кроме сочинений, названных выше, можно еще указать целый ряд книг. В конце 1908 г. вышел в свет последний том роскошно иллюстрированной «Welt-geschichte» разных авторов под редакцией von Pflugk-Harttung'a. Последние два отдела этого тома охватывают историю последних тридцати лет XIX в. Один из них (V) озаглавлен «Entstehung eines Weltstaatensystems» и написан F. Brandenburg'ом (с. 399—595), другой (VI) посвящен «Europäische Expansion in Vergangenheit und Gegenwart» и принадлежит перу K. Lamprecht'a (с. 599—625). Внутренней истории западноевропейских государств отведено в первом из названных отделов сравнительно очень мало места, главное же внимание посвящено мировой политике: *Marcks E.* Die imperialistische Idee der Gegenwart.; *Hintze O.* Imperialismus und Weltpolitik; *Reinsch P.* World politics (1904); *Seillière E.* Philosophie de l'impérialisme (1903—1907); *Kretzer E.* Imperialismus und Romantik. Kritische Studie über E. Seillieres «Philosophie des Imperialismus» (1909); *Vosberg-Rekow.* Nation und Welt. Betrachtungen über Grundlagen und Aussichten der deutschen Weltpolitik (1907); *Lair M.* L'impérialisme allemand; *Liebknecht W.* Weltpolitik, Chinawirren und Transwaalkrieg (1900). В только что вышедшем в свет труде E. Lémonon'a «L'Europe et la politique britannique» (1909) очень много о колониальной политике, империализме. Некоторое отношение к теме главы имеет и книга P. Rohrbach'a «Deutschland unter den Weltvölkern» (1903; 2-е изд. 1908 г.), в которой речь идет не об одной Германии и рассматриваются взаимные отношения мировых держав как в Европе, так и вне ее; *Ditzel H.* Weltwirtschaft und Volkswirtschaft (1900); *Rindermann K.* Deutschlands wirtschaftliche Weltstellung (1909); *Гулишамбаров С.* Всемирная торговля в XIX в. (1898). По вопросу о разделе Африки см.: *Scott Keltie I.* The partition of Africa (1893); *Darcy.* La conquête de l'Afrique; *Ortroy T. von.* Conventions internationales concernant l'Afrique (1894); *Caix de Saint-Aymour R. de.* Le partage de l'Afrique (глава в истории Лависса и Рамбо см. выше); *Deville V.* Partage de l'Afrique (1898); *Lorin H.* L'Afrique à l'entrée du XX siècle; *Марпенс.* Африканская конференция в Берлине («Вестник Европы» за 1885 г.); *Hanotoux G.* Le partage de l'Afrique. Fachoda; *Herstlet.* The map of Africa by treaties. Для Азии: *Wirth A.* Geschichte Asiens und Osteuropas (1905; во второй, меньшей части этого труда, с. 457—653, рассматривается эпоха «Европæерхerrschaft» в Азии); *Rouire.* La rivalité anglo-russe au XIX siècle en Asie; *Cordier H.* Histoire des relations de la Chine avec les puissances occidentales. 1860—1902 (1901—1902). Для Америки: *Hesse-Wartegg E. v.* Amerika, als neuste Weltmacht der Industrie (1909); *Viallate A.* L'industrie américaine (1908); *Goolidge A.C.* Die Vereinigten Staaten als Weltmacht (1908; пер. с англ.); *Benoist Gh.* L'Espagne, Cuba et les États Unis. Статья о том же предмете Olivarta'a в «Rev. gen. du droit international publique» (1897). Для международного общения: *Казанский.* Всеобщие административные союзы государств (1897); *Weithase.* Geschichte des Weltpostvereins (1895); *Schröter.* Der Weltpostverein. Geschichte seiner Gründung und Entwicklung in 25 Jahren (1900); *L'union postale universelle.* Sa fondation et son développement (изд. Бернского бюро 1900 г.).

В изложении международных отношений последней трети XIX в., которым посвящены XII и XIII главы настоящего тома «Истории Западной Европы в Новое время», мы остановились на том моменте, когда континентальные державы Европы составили два больших союза: Тройственный, образовавшийся еще в начале восьмидесятых годов из Германии, Австро-Венгрии и Италии, и франко-русский, создавшийся в противовес ему в начале следующего десятилетия. Эта международная комбинация перешла и в XX в., сделавшись, таким образом, довольно прочной основой внешней политики пяти названных государств. Что касается Англии, то она стояла вне обоих союзов, в положении «блестящей изолированности», как одно время об этом любили выражаться. Правда, в 1890 г. произошло некоторое сближение между Англией и Германией, когда первая даже уступила второй остров Гельголанд, — сближение, сильно подвинувшее вперед уже ранее существовавший вопрос о франко-русском союзе, но мало-помалу между Германией и Англией обнаружился такой антагонизм экономических и политических интересов, что их сближение 1890 г. оказалось чисто временным, и английская политика стала проявлять тяготение к новой, англо-франко-русской комбинации, к той самой, какая уже устанавливалась в конце двадцатых годов XIX в., во времена битвы при Наварине. Сначала Англия сблизилась с Францией (в 1904 г.), потом с Россией (1907), но это уже относится к истории XX столетия, находящейся вне рамок настоящего тома.

Со стороны Вильгельма II в начале девяностых годов делалось все, что только было можно, для привлечения Англии на сторону Тройственного союза, бывшего вновь подтвержденного в 1891 г. С этой целью он довольно регулярно ездил в Англию на более или менее продолжительное время навещать свою престарелую бабушку и пользовался всякими поводами произносить речи, в которых подчеркивал расовое родство английского и немецкого народов и высказывался в смысле необходимости солидарного выступления обеих наций в международной политике. Со стороны Англии в эти годы тоже обнаруживалось стремление ближе держаться Германии ввиду соперничества с Францией и Россией по африканским и азиатским делам. Однако уже тогда начинала проявляться и противоположность англо-германских интересов. Когда Англия заключила один договор с государством Конго, который казался одинаково противоречащим интересам и Германии, и Франции, обе эти державы, принадлежавшие к двум различным политическим лагерям, заявили протест, возымевши действие в смысле изменения некоторых условий договора. Конечно, в Англии этим не могли быть довольны, как не были довольны и происшедшим в начале царствования в России императора Николая II улучшением русско-германских отношений. Совсем уже испортил отношение к себе в Англии Вильгельм II, когда послал свою знаменитую телеграмму

трансваальскому президенту Крюгеру по поводу отражения английского «разбойничьего нападения» Джемсона на одну из бургских республик Южной Африки. Но более всего влияния на ухудшение англо-германских отношений оказали страхи, которые возникли по поводу успехов германской промышленности, начавшей очень успешно конкурировать с английской. Теперь самой опасной соперницей для Англии в мировой торговле и политике стала казаться Германия, и потому старые счеты с Францией и Россией отошли в Англии на задний план, чем и была подготовлена новейшая англо-франко-русская комбинация.

Условия обоих союзов, образовавшихся на континенте Европы, остались неизвестными для лиц, не посвященных в дипломатические тайны соответственных государств. Оба союза одинаково заявляли, что цель их — охрана всеобщего мира, и действительно, результатом обоих союзов было то, что могло бы быть и следствием общего соглашения, но попытка общего соглашения насчет уменьшения вооружений не привела ни к чему, и государства по-прежнему продолжали усиливать свои вооружения и на суше, и на море. Впрочем, страх войны между европейскими державами сделался столь влиятельным фактором международной политики, что правительства стали все реже и реже прибегать к запугиванию друг друга возможностью войны, предпочитая вступать между собой в компромиссы. Уже с окончания франко-германской войны наступило это царство вооруженного мира между великими державами Европы. Так как за все это время военная техника делала постоянные успехи, — что заставляло европейские государства находиться как бы в хроническом состоянии перевооружений в зависимости от разных новых изобретений в военном деле, дабы не отставать от соседей, — то и это являлось своего рода гарантией мира. В иных случаях, когда прежде, того и гляди, вспыхнула бы война, правительства теперь отказывались от того, чтобы меряться силами, предпочитая поступать так или иначе в зависимости от подсчета своих и враждебных сил, в смысле возможной помощи от союзников, делающейся все более и более проблематической, состояния собственных финансов и большей или меньшей военной подготовленности, которая благодаря все новым изобретениям всегда оказывается оставляющей еще очень многого желать. Современное состояние промышленности также требовало мира в интересах самих же капиталистических предпринимателей, все более и более делавшихся влиятельными в политическом отношении, хотя бы, с другой стороны, они отнюдь не являлись противниками милитаризма, поскольку последний поддерживал специальную промышленность, или поскольку они, например, не отрицали военной политики по отношению к другим частям света. Господствующие общественные классы не могли не понять той истины, что европейская война нанесла бы страшнейший вред всем экономическим интересам Европы при тех тесных отношениях,

какие установились между отдельными ее странами, благодаря не знающему отечества капитализму, благодаря иностранным денежным бумагам, котирующимся на европейских биржах, деятельному торговому обмену, развитию железнодорожных, паровозных, телеграфных сношений и т. п. Если бы Европу посетили бедствия войны, в выигрыше от этого была бы только Америка, и это также заставляло господствующие классы и правительства задумываться над вопросами войны и мира и над вопросами общеевропейских интересов. Ко всему сказанному нужно прибавить и возрастающее, как-никак, влияние и идеологических факторов мира, благодаря все сильнее и сильнее проникающему в сознание интеллигенции и рабочих классов отвращению к войне¹.

Одним из международных вопросов, в котором считали себя заинтересованными все великие державы и по которому находили нужным действовать солидарно, был в XIX в. восточный вопрос, или, как стали его называть в настоящее время, вопрос Ближнего Востока, в отличие от другого, дальневосточного вопроса, о котором речь в настоящей главе идет ниже. Последним созданием «европейского концерта» в ближневосточном вопросе был Берлинский трактат 1878 г., рассмотренный нами в своем месте. После него задачей «концерта» великих держав должна была сделаться охрана постановлений этого трактата, ограждение создавшегося status quo от каких бы то ни было нарушений, но так как постановления Берлинского конгресса противоречили жизненным потребностям христианских народов, оставшихся под властью турецкого султана, то нарушения трактата оказывались неизбежными. Тогда наступала очередь для новых проявлений «европейского концерта», в большинстве случаев стремившегося не допускать ликвидации наследства «больного человека», так как эта ликвидация заключала в себе угрозу европейскому миру.

Первым нарушением Берлинского трактата было упоминавшееся нами присоединение к Болгарскому княжеству автономной Восточной Румелии, вызвавшее протест со стороны России. Уже этот случай показал, что полного согласия со стороны великих держав в ближневосточном вопросе не было. Англия одобрила переворот, Германия и Италия отнеслись к нему снисходительно, но Австро-Венгрия и Франция заявили о необходимости сохранения в силе Берлинского трактата. Никто, однако, не пошевелил пальцем, чтобы помешать воссоединению двух частей Болгарии, а когда низложенного военным заговором сторонников России князя Александра Баттенбергского, признанного султаном в качестве генерал-губернатора Восточной Румелии, заменил принц Фердинанд Саксен-Кобургский, то непризнание его в течение довольно долгого времени великими державами ни малейшим образом не помешало ему сделаться

---

¹ См. в книге Блюха места, указанные выше.

фактическим государем Болгарии (1887 г.). Общее действие держав, подписавших Берлинский трактат, оказалось невозможным. Больше единомышленники проявили они, чтобы блокадой, при помощи своих флотов, берегов Греции удержать это государство от войны в защиту эллинизма против усиления Болгарии, но и тут Франция воздержалась от участия в этом давлении на Грецию.

Косвенная поддержка, оказывавшаяся Австро-Венгрией и Германией враждебному по отношению к России направлению болгарской политики, была одной из причин того, что Россия стала склоняться к сближению с Францией, и болгарская неурядица окончилась лишь тогда, когда князь Фердинанд смирился перед Россией (1896 г.).

Другим вопросом Ближнего Востока, по поводу которого также обнаружилось расстройство «европейского концерта», был вопрос армянский. В 1893—1894 г. произошли восстания армян в некоторых местностях азиатских владений Турции, подавленные, однако, со страшной жестокостью. Англия, Франция и Россия сделали Порте напоминание о необходимости осуществления реформ, обещанных ею на Берлинском конгрессе, но провозглашение Портой реформ сделалось сигналом для ужасающего избиения армян, в котором дело не обошлось без участия самих же турецких властей. Это было повторением болгарских ужасов: в начале 1896 г. насчитывали более 37 тыс. убитых христиан, чуть не 300 тыс. пущенных по миру и т. п. В отместку на это и для того, чтобы обратить на себя внимание Европы, армяне в Константинополе совершили вооруженное нападение на банк, на что султан ответил организацией резни армян на улицах своей столицы (в августе 1896 г.). Во время армянских избиений Англия предложила совершить европейское вмешательство в дела Турции, но на этот раз идея вмешательства встретила несочувствие со стороны России, одному из дипломатов которой приписывали такие слова: «нам совсем нежелательно, чтобы для нас из Армении устроили новую Болгарию». Франция поддержала русскую точку зрения, к чему присоединились и Германия с Австро-Венгрией — во избежание политических осложнений. Султан был спасен от принудительных действий со стороны «европейского концерта», и это обстоятельство подняло русское влияние в Константинополе, тем более, что и Болгария около этого времени восстановила свои прежние хорошие отношения к России. Нужно, однако, прибавить, что очень скоро, как мы еще увидим, самой влиятельной державой в Константинополе сделалась Германия.

Одновременно с армянскими событиями произошли осложнения и на острове Крите (или, как он называется на Востоке, Кандии), где положение христиан также сделалось опасным. В данном случае великие державы довольно солидарно настояли на осуществлении реформ, даже образовав для наблюдения за их проведением особую комиссию из своих представи-

телей, которая должна была пребывать в городе Кане (1896 г.). За своих критских соплеменников вздумали, однако, заступиться греки Эллинского королевства, начавшего поэтому готовиться к войне. Когда Греция показала, что она не желает повиноваться предостережениям «европейского концерта», великие державы сосредоточили в критских водах международную эскадру, но и это не помогло. Греческая эскадра, во главе которой находился королевич Георгий, направилась к берегам острова, а затем произошла и высадка на берег греческого отряда под начальством полковника Вассоса, провозгласившего присоединение Крита к Греческому королевству. Тогда наступили решительные действия со стороны «европейского концерта»: остров был подвергнут международной блокаде, и местности, занятые на берегах инсургентами, стали обстреливаться из дальноточных орудий европейских военных судов, что принудило греческую эскадру отплыть из критских вод.

Делая попытку присоединения Крита, Греция хорошо знала, что она начинала войну с Турцией: она рассчитывала на содействие Англии, отказавшейся в это время от своей прежней туркофильской политики, равно как на то, что в войне примут участие Румыния, Сербия и Болгария, а в Македонии произойдет восстание. Все эти надежды, однако, обманули греков, так как Англия не пошла против согласного заступничества континентальных держав за Турцию, а Балканские страны были удержаны от войны с Турцией очень энергичными представлениями России и Австро-Венгрии. Греции пришлось поэтому одной вести войну, которая получила для нее крайне неблагоприятное течение. Фессалия чрезвычайно быстро была занята турками, но в это время русский государь послал султану телеграмму о приостановке дальнейшего движения и заключении перемирия (в мае 1897 г.), после чего великие державы, по просьбе Греции, вступили с Турцией в переговоры об условиях мира. Эти переговоры были очень продолжительны, причем греческие интересы особенно отстаивались Англией, тогда как Германия, наоборот, проявила особую заботливость о Турции. Греция должна была уступить часть своей территории, очень важную в стратегическом отношении, и уплатить контрибуцию приблизительно в 40 млн рублей, считая на русские деньги, и Германия настояла при этом, чтобы Фессалия оставалась занятой турками, пока не будет заключен заем для уплаты Грецией этой контрибуции. Германия также особенно настаивала еще и на том, чтобы в Афинах была учреждена международная комиссия для наблюдения за получением и употреблением доходов, обеспечивавших уплату Грецией ее нового и прежних долгов: в данном случае, из Берлина хлопотали о немецких держателях греческих бумажных ценностей. Мало того, в начале 1898 г. Германия и Австро-Венгрия как бы вышли из состава «европейского концерта», так что дальнейшее регулирование греческого и критского вопроса осталось на руках прочих четырех

великих держав. Англия, Франция и Россия гарантировали Греции заем и потребовали наискорейшего очищения Фессалии от турецких войск. Те же три державы и Италия добились у султана объявления автономии Крита с назначением греческого королевича Георгия на пост генерал-губернатора этого острова.

Критский вопрос был улажен, но это только еще более содействовало обострению отношений в Македонии и Армении, где опять начались волнения и зверские усмирения со стороны турок. Общественное мнение в разных странах Европы требовало, чтобы великие державы вмешались в пользу македонцев и армян, но принятое державами направление было для этого крайне неблагоприятно. Сохранение status quo на Балканском полуострове и в Малой Азии сделалось целью усилий со стороны всех правительств, в особенности же со стороны России и Австрии, которые в 1897 г. положили начало соглашению о разделении сфер влияний обеих держав на Балканском полуострове.

Германия недаром оказала услугу Турции при заключении мира с Грецией в 1897 г. Германской дипломатии удалось внушить султану мысль, что лучшим другом Оттоманской империи является германский император, и это Вильгельм II старался потом всячески оправдать. Германское влияние в Константинополе стало брать решительный перевес над русским, что открыло перед Германией широкие политические перспективы в духе мировой политики.

В 1898 г., осенью, Вильгельм II с императрицей совершил обставленное с необычайной пышностью путешествие в Иерусалим. По дороге в Палестину он заезжал в Константинополь, где ему был оказан султаном Абдул-Гамидом самый торжественный прием, еще более закрепивший узы только что сложившейся политической дружбы между Германской и Оттоманской империями. В Иерусалиме, в день празднования Реформации, 31 октября, германский император принял участие в освящении евангелической церкви во имя Спасителя и воспользовался этим торжеством, на которое было приглашено немало германских и иностранных протестантов, чтобы произнести речь об историческом значении события. Дабы показать, что германский император является императором не только протестантов, но и католиков, Вильгельм II отдал германскому католическому «ферейну» в Иерусалиме уступленное ему из дружбы Абдул-Гамидом место «Успения Святой Девы» (Dormitio Mariae), которое раньше христиане ни за какие деньги не могли приобрести от турок. При этом, в противовес традиционному французскому протекторату над католиками в Святой земле, поддерживавшемуся и папством, Вильгельм II заявлял, что все германские подданные в Палестине находятся под охраной империи и что, благодаря этому, евангелики пользуются совершенным равноправием с греческой и римской церквями. Порта поспешила в согласии с этими за-

явлениями официально дать знать Ватикану, что протекторат над германскими католиками в Османской империи отныне будет принадлежать самой Германии. Вильгельм II старался расположить в свою пользу и мусульманское население, подвластное Турции. В Дамаске в честь Вильгельма II был устроен банкет, на котором он произнес речь, назвав себя всегдашним неизменным другом 300 млн мусульман, которые признают своим халифом султана Абдул-Гамида. Немалое впечатление на мусульман произвело и то, что Вильгельм II возложил в Дамаске венок на гробницу султана Саладина, современника третьего крестового похода. Этой своей поездке германский император вообще старался придать высокое политическое значение, и сам въезд его в Берлин по возвращении из путешествия был обставлен особой торжественностью.

Установлением турецко-германской дружбы в 1898 г. завершилось уже ранее начавшееся проникновение германского влияния во дворец Абдул-Гамида. Еще в 1883 г. султан пригласил прусского генерала фон-дер-Гольца стать во главе Константинопольской военной школы и вместе с этим реформировать турецкую армию по германскому образцу. Одновременно с этим начался и прилив в Турцию германских капиталов. В 1888 г. Германский банк в Берлине получил на 99 лет концессию на железную дорогу в Малой Азии до Ангоры, а техническую сторону дела взяло на себя Немецкое общество для постройки малоазиатских дорог, когда же железнодорожный путь дошел до Ангоры (1892 г.), названный банк получил право дальнейшего продолжения железнодорожной линии — в направлении к Багдаду, довести путь до которого концессия была дана в 1902 г. особому германско-французскому обществу. Вопрос о постройке железной дороги в сторону Персидского залива долгое время тормозился под влиянием преимущественно английской дипломатии, но когда Вильгельм II посетил султана, дело получило вполне благоприятный для германских интересов оборот. Багдадская железная дорога, имеющая связать Босфор с Персидским заливом, открывает для германской торговли и колонизации, равно как и для политического влияния Германской империи доступ в Азию, где раньше у немцев не было почти никаких интересов. Германское движение в Малую Азию и дальше к нижнему течению Тигра и Евфрата относится к той мировой политике, в которую Германия вступила в восьмидесятых годах.

Рассматривая колониальные предприятия европейских наций с восьмидесятых годов XIX в.¹, мы уже познакомились с тем, как широко распространяли эти нации свою власть над вне-европейскими территориями. Выше уже отмечалось, что это развитие колониальной политики не могло не отразиться на международных отношениях в самой Европе, так как чи-

---

¹ Выше в гл. XIV.

сто европейские вопросы, к числу которых относится ближневосточный, перестали уже играть прежнюю роль ввиду возникновения новых, мировых вопросов, касающихся других частей света, в связи с теми политическими стремлениями, которые получили в конце XIX в. название «империализма». Прежняя система пяти-шести великих держав, как мы видели в другом месте, заменилась другой — системой мировых держав, в которой нет места ни для Австро-Венгрии, ни для Италии, но в которой получили, на рубеже XIX и XX вв., место Соединенные Штаты Северной Америки и в которой стала стремиться играть роль и совсем новая политическая величина — Япония. В самом конце XIX в. два исторических события обращают на себя особое внимание в качестве крупных явлений всемирно-политического значения, именно раздел Африки между отдельными европейскими нациями и новая роль, какую начал играть в международных отношениях европейских и азиатских наций Великий океан.

Какие части Африки какими европейскими нациями были заняты с восьмидесятых годов XIX в., это мы видели в главе, посвященной колониальной политике. Хотя берега африканского материка давно уже стали покрываться стоянками португальцев, а позднее французов, голландцев и англичан, но в глубь материка европейцы не шли, и сам он на известном расстоянии от берегов оставался мало известным: если туда и отправлялись путешественники из цивилизованных наций, то это были либо ученые исследователи неведомых стран, либо миссионеры, шедшие проповедовать Евангелие. С восьмидесятых годов, как сказано, Африка сделалась главной ареной колониальных завоеваний, ибо из всех материков это был единственный, который еще не имел владельцев за исключением диких или полудиких племен, которых европейские нации никогда и нигде не считали за настоящих владельцев. В самое короткое время в Африке все было расхвачено, и если бы колониальные нации захотели и дальше расширять здесь свои владения, то им пришлось бы это делать на счет друг друга. Сам захват тех или иных территорий не мог не затрагивать взаимных интересов европейских наций, а это неминуемо должно было или приводить к войнам, или вызывать необходимость в соглашениях. Европейские державы предпочитали идти по этому второму пути.

Уже в первой половине восьмидесятых годов вопрос о дележе некоторых частей Африки вызвал необходимость созыва международной конференции, которая была собрана в Берлине осенью 1884 г. и окончила свои занятия в начале 1885 г. Заключительный акт этой конференции был подписан представителями Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Дании, Испании, Северо-Американских Соединенных Штатов¹, Франции, Англии, Италии, Нидерландов, Португалии, России, Швеции с Норвегией и Тур-

---

¹ С их стороны, однако, ратификации не последовало.

ции. Эта конференция была обязана своим созывом инициативе Бисмарка, который, очевидно, желал, с одной стороны, дать вес Германии в вопросах мировой политики, а с другой — по-видимому, был не прочь в данном случае действовать заодно с Францией, так как первое обращение с предложением сообща регулировать африканские отношения было сделано Бисмарком именно по адресу французского правительства. Только заручившись согласием последнего, Бисмарк заявил протест против одного договора, заключенного незадолго перед тем между Англией и Португалией относительно некоторых территорий. Берлинская конференция признала существование независимого государства Конго и установила свободу торговли во всем бассейне реки этого имени, а также правовые нормы относительно приобретения на берегах Африки территориального верховенства¹.

После этого африканские дела были особенно часто предметом соглашений между отдельными государствами, как были вместе с тем и поводами к столкновениям. Одна Германия по разграничению сфер интересов в Африке заключала договоры с Англией 1 ноября 1886 г.², 1 июля 1890 г., 15 ноября 1893 г.³, с Португалией 30 декабря 1886 г., с Францией 15 марта 1894 г. и 23 июля 1897 г.⁴ Едва только основалось независимое государство Конго, позднее сделавшееся достоянием Бельгии, как через несколько времени и ему пришлось улаживать свои пограничные отношения путем целого ряда договоров с Португалией, с Англией и с Францией (24 марта, 12 мая и 14 августа 1894 г.), причем в одном случае в дело вмешалась и Германия, чтобы потребовать уничтожения невыгодной для нее статьи англо-конгского договора. Вообще между англичанами и немцами в Африке возникали постоянные распри, пока трактат 1 июля 1890 г. не дал более точного разграничения сфер их интересов. В данном случае Германия сделала Англии довольно значительные уступки, которые нашли такое объяс-

---

¹ В международном праве этим и другими соглашениями было создано понятие «Hinterland'ов», или задних земель колоний (или же «сфер интересов»), т. е. территорий, в которых тому или другому государству «принадлежит не государственная власть, а ближайшим образом лишь исключительное право на завладение, равно как право, еще до осуществления этого завладения, не допускать действий посторонних государственных властей». *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении (1909), с. 99. Автор главы о разделе Африки в XII томе «Истории» Лависса и Рамбо (R. de Caix de Saint-Aymour) говорит: «L'acte de Berlin est resté presque sur tous les points une solennelle, mais vaine manifestation de bonne volonté diplomatique... L'acte de Berlin édictait diverses procédures pour l'occupation des territoires africains, ou pour l'arbitrage en cas de disputes, mais en ces diverses matières il est presque toujours resté lettre morte», с. 848–849.

² В 1886 г. был еще англо-германский договор (9 апреля) относительно Великого океана.

³ И в самом начале XX в. (23 февраля 1901 г.) был еще англо-германский договор по делам Африки.

⁴ Об этих договорах уже есть специальная литература: *Van Ortrøy.* Conventions internationales définissant les limites actuelles des possessions, protectorate et sphères d'influence en Afrique (1898); *Zorn.* Deutsche Kolonialgesetzgebung (1901).

нение в одной официозной газете: «Наши отношения к Англии составляют одну из самых значительных гарантий поддержания в Европе мира, а потому правительство не может подкреплять колониальные предприятия, которые, не давая никакой выгоды для Германии, направлены против интересов Англии». На жалобы участников немецкой колонизации, считавших себя обиженными соглашением, правительство уже официально возражало, указывая на то, что оно руководилось общеполитическими соображениями, которые заставляют его поддерживать хорошие отношения с Англией. С той же целью германское правительство старалось заглушить недовольство крайних шовинистов, подчеркивая выше всякой меры значение уступки Англией в пользу Германии острова Гельгоlanda. Когда, однако, Конго уступил Англии полосу земли в 25 километров ширины вдоль границы германских владений, в Берлине этому, как уже было упомянуто, воспротивились, и Англия отказалась от этой статьи своего договора с Конго. Между тем для Англии указанная полоса земли имела существенно важное значение, так как именно в этом месте, т. е. там, где идет граница между государством Конго и восточноафриканской территорией, принадлежащей Германии, образуется перерыв между африканскими владениями Англии к северу и к югу от экватора. Мы уже знаем, что у знаменитого «капского Наполеона» Сесилия Родса был план соединить железной дорогой Египет с Капландом, и, собственно, вот тут англичанам особенно пригодилась бы полоса земли, отрезанная от государства Конго. Раз, однако, Германия вынудила отмену касавшегося этой территории соглашения между Англией и Конго для осуществления грандиозной идеи Родса, последний сам поехал в Берлин, чтобы выхлопотать у Вильгельма II позволение провести часть английского великого трансафриканского пути по германской территории. Несмотря на очень радушный прием, Родс своей цели не достиг, получив разрешение на проведение через германскую Восточную Африку только телеграфа. Что же касается железной дороги, то Германия оставила ее постройку — в будущем — за собой (1899).

При дележе африканских территорий обеим великим державам, о которых только что шла речь, т. е. Англии и Германии, приходилось считаться одной с другою и потому идти иногда на взаимные уступки. Для такой политики у Англии не было, конечно, оснований по отношению к маленькой Португалии, владения которой с двух сторон граничат с английской Южной Африкой. Мечтой португальцев, которые еще в XVI в. стали утверждаться на берегах Африки к югу от экватора, было связать между собой Анголу на западном берегу Южной Африки с Мозамбиком на восточном. В Англии, однако, этого допустить никоим образом не могли, так как осуществление португальского плана сделало бы невозможным владычество Англии в Африке «от Капа до Каиро». В 1886 г. Португалия заключила два договора, один с Францией (13 мая), другой с Германией

(30 декабря), в силу которых, с согласия обеих этих держав, она могла занять промежуточную территорию между Анголой и Мозамбиком, но тут Португалии пришлось встретиться с аналогичным стремлением со стороны англичан. Происшедшее затем столкновение между англичанами и португальцами из-за водружения национальных флагов на одном незаянтом никем дотоле пункте сделалось в Англии предметом сильной газетной агитации против Португалии (1889), и лорд Солсбери потребовал у лиссабонского правительства отозвать должностное лицо, позволившее себе снять английский флаг, на что в Лиссабоне готовы были согласиться, но только под условием, чтобы и Англия отозвала своего агента, действия которого привели к конфликту. Тогда со стороны лорда Солсбери последовал ультиматум (12 января 1892 г.), которому Португалия была вынуждена подчиниться. В прессе обеих стран возникла резкая полемика, и если Солсбери поспешил не доводить столкновение до последней крайности, то только ввиду сильного народного возбуждения в Португалии, грозившего революцией и низложением царствующей в стране династии. Сначала Солсбери хотел заставить португальское правительство подписать договор о полном отказе от расширения южноафриканских владений, но потом ограничился установлением своего рода шестимесячного перемирия, в течение которого обе стороны обязывались ничего не предпринимать в спорной территории. Во время этой отсрочки Родс начал на свой страх завоевание спорной области, но прежде чем до Европы дошло известие о самом решительном его успехе, Португалия сочла себя вынужденной по договору 11 июня 1891 г. отказаться от всех своих притязаний. Англия согласилась только уступить Португалии небольшой клочок спорной области и обещала португальцам привилегию первенства, если бы вздумала продать свою новую колонию (чего, конечно, она вовсе и не предполагала сделать). Кроме того, португальцы обязались предоставить англичанам для коммерческих целей нового их владения свободное сообщение с портами Индийского океана¹. В том же 1891 г. Португалия уступила Мозамбик, оставив его под своим сюзеренитетом, акционерной компании, образовавшейся на французские капиталы, но на эту область уже в конце девяностых годов существовали свои виды у Англии и Германии. В это время поговаривали о тайном договоре между обеими этими державами с целью заставить Португалию, если ей будет нужно, заключить новый заем непременно в обоих этих государствах под обеспечение таможенных доходов Мозамбика. Ангола, как, говорят, тоже была при этом предметом какого-то англо-германского соглашения (1898 г.).

В тесной связи с этой политикой Англии в Южной Африке стояли и ее отношения к двум тамошним бурским республикам, с которыми англича-

---

¹ В 1875 г. на один из этих португальских портов (в бухте Делагоа) Англия заявляла свое притязание, но тогда дело было решено не в ее пользу (третейским судом Макмагона).

не в 1899 г. начали войну, окончившуюся для буров в 1902 г. потерей независимости. Время бурской войны, как мы знаем, озаглавлено во внутренней истории Англии колоссальным развитием шовинистического империализма, но сочувствие общественного мнения на континенте было не на стороне Англии. Англо-германские отношения отчасти сказались и на возникновении этой войны. Дело в том, что еще в 1884 г. приезжавший в Берлин президент Трансваальской республики Крюгер просил Вильгельма I взять буров под покровительство Германской империи, на что Бисмарк советовал тогда императору не давать своего согласия¹. Англичане были очень встревожены перспективой соединения немцев с бурами, что могло бы совершиться через ту же территорию, которая лежала между португальскими Анголой и Мозамбиком и вместе с тем между двумя колониальными владениями Германии. Еще раньше, нежели Родс основал Родезию, англичане уже начали свое движение к северу от Кап-ланда, чтобы разобщить германские владения и бурские республики. В других местах мы уже упоминали о поздравительной телеграмме Вильгельма II Крюгеру по поводу отражения джемсоновского набега. Англичане были страшно раздражены этой телеграммой, в которой говорилось о «независимости страны», тогда как в Англии стояли на той точке зрения, что Трансвааль находится под сюзеренитетом Великобритании. Империалистическая «Morning Post»² писала, что «настоящим ответом на эту телеграмму должно было бы быть соединение всех английских морских сил в Ла-Манше» и что «английская нация никогда не забудет этой депеши, но будет всегда о ней думать, определяя свою внешнюю политику». Во Франции, наоборот, газеты, стоявшие близко к правительственным сферам, оправдывали шаг, сделанный германским императором. Начиная в 1899 г. войну с Англией, правительства бурских республик отчасти возлагали свои надежды на прямую или косвенную поддержку со стороны России и Франции как враждебных Англии держав, в особенности же со стороны Германии, ручательством в чем были в их глазах кроме телеграммы Вильгельма II Крюгеру еще и некоторые заявления статс-секретаря по иностранным делам фон Маршалля в германском рейхстаге об интересе, какой империя имеет в сохранении бурской независимости. Известно, что во время войны престарелый Крюгер отправился в Европу, дабы лично просить у великих держав о посредничестве, но Вильгельм II отказался даже принять Крюгера, не желая задеть Англию. Миссия Крюгера кончилась полной неудачей.

¹ Крюгер имел аудиенцию у Вильгельма I и был приглашен им на освящение нового здания рейхстага, причем сидел за столом против императора. Во время аудиенции он сказал Вильгельму I: «Когда ребенку худо, он ищет помощи у своих родителей или опекунов. Ваше величество, когда нам опять будет плохо, тогда помогите нам тоже». *Egelhaaf G.* 341–342.

² «Утренняя почта» (англ.). — *Прим. ред.*

Кроме Англии и Германии участие в разделе Африки приняли еще Италия и Франция. Мы видели, что в своем африканском предприятии Италия потерпела неудачу. Сначала ее взоры были обращены на Тунис, но когда последний был занят Францией (1881 г.), итальянцы направили свои силы на приобретение, в двух местах, части восточноафриканского побережья между экватором и 18° северной широты, где и пришли в неблагоприятное для них самих столкновение с Абиссинией. Появление итальянцев на берегах Африки произошло не без участия Англии. Вспомним, что последняя в 1882 г. утвердилась в Египте и что вслед за этим ей пришлось иметь дело с грозным восстанием махдистов. Теперь Англия была заинтересована в том, чтобы не допустить махдистов до берега Красного моря, откуда они могли бы получать оружие и провиант, а потому и была не прочь, чтобы здесь заняла позицию какая-либо европейская держава, которая сама не могла быть для Англии опасна, — лишь бы этого не сделала Франция, пользовавшаяся расположением абиссинского негуса. На берегу Красного моря, в так называемой теперь Эритрее, итальянцы явились в качестве союзников и сотрудников англичан, но когда эти союзники стали расширять свои владения в сторону Нила (в направлении Хартума), Англия тотчас же остановила дальнейшее движение Италии, принудив ее подписать весной 1891 г. два протокола, в силу которых далее 35° восточной долготы от гринвичского меридиана итальянцы идти в западном направлении не имели права. Правда, к востоку от указанной линии по договору 1891 г. они могли захватывать все, что им нравилось, до Сомалийского берега, за исключением того, чем владели здесь сами англичане и по соседству с ними французы¹, но тут-то итальянцы и понесли поражение от абиссинцев. После этого события Англия, со своей стороны, поспешила вступить в переговоры с негусом Менеликом, дабы уладить свои пограничные отношения в целях безопасности Нила и своего владения на Сомалийском берегу.

Гораздо счастливее в своих африканских предприятиях была Франция. Нам уже не раз приходилось по разным случаям упоминать о присоединении, в 1881 г., Туниса, равным образом, в своем месте было отмечено, что Франция завладела большей частью Западной Африки до независимого государства Конго, — причем в одном месте территория, принадлежащая Франции, заходит за экватор, в южное полушарие, — и сверх того Мадагаскаром. Благодаря всем этим завоеваниям, Франция тоже сделалась мировой державой (*puissance mondiale*), внешняя политика которой стала направляться не одними европейскими интересами. В Африке это приводило и Францию в соприкосновение с другими державами. К югу от Алжира и Туниса она не имела никаких соперников, но на берегах Гвиней-

---

¹ По южному берегу Аденоского залива; французам здесь принадлежит Обок (см. выше).

ского залива ей пришлось вступать в договорные соглашения с Германией, с Португалией и с Англией относительно разграничения, а иногда и обмена территории. Положения Берлинской конференции 1885 г. упорядочивали международные отношения всех четырех государств в обеих Гвинеях, — в Верхней и в Нижней, — отношения, нужно сказать, в общем, довольно сложные, хотя и не имевшие особенно большой остроты. Но в одном смысле здесь Франция, несомненно, потеряла. На нижнем течении Нигера с семидесятых годов соперничали между собой английская и французская торговые компании, и сначала перевес был на стороне французов, так что за отступное в несколько миллионов они легко могли бы оставить монополию за собой, если бы англичане не получили поддержки из метрополии и сами, наоборот, не скупили французские конторы, что повлекло за собой переход в 1885 г. всего нижнего течения Нигера к Англии¹. Что касается французского Конго, то для легализации французских прав потребовались, кроме Берлинской международной конференции, еще сепаратные договоры с Германией, Португалией и независимым государством Конго (1887 г.), с которым, впрочем, у Франции возникли в начале девяностых годов недоразумения. Между прочим, Франция вместе с Германией протестовала против договора 1894 г. между независимым Конго и Англией, по которому последняя уступала первому левый берег Нила до Фашоды, что отрезало французские владения от сношений с Египтом. Как раз в этих краях впоследствии разыгрался уже упоминавшийся нами фашодский инцидент, чуть было не приведший к войне между обоими государствами. Франция, как мы знаем, здесь должна была уступить. Конечно, это был далеко не единственный пункт в Африке, где происходило столкновение английских и французских интересов, требовавшее переговоров и соглашений. Присоединение острова Мадагаскара к колониальной империи французов не обошлось без некоторого вмешательства в это дело европейских держав. В самом начале «недоразумений», впоследствии приведших к аннексии, т. е. еще в 1882 г. на Мадагаскаре чувствовалось неприяженное по отношению к Франции английское влияние, и тамошнее население посылало в Лондон (а кроме того, в Берлин и в Нью-Йорк) просить поддержки против французов. В 1890 г. Англия признала трактат о протекторате, заключенный Францией с Мадагаскаром в 1885 г., взамен чего Францией было признано за Англией обладание островом Занзибар, от которого в пользу Англии по своему договору с нею в том же 1890 г. отказалась и Германия, владеющая африканским берегом против названного острова. Окончательное присоединение Мадагаскара в 1897 г. потребовало со стороны Франции новых договоров с Англией и с другими державами, отменивших все прежние по отношению к ним

---

¹ В силу постановления Берлинской конференции 1885 г. о «Hinterland'ax», о чем выше.

обязательства мадагаскарского правительства. В 1887 г. Франция вступила еще в соглашение с Англией по поводу своего обокского владения, где была произведена небольшая мена территориями.

Чтобы покончить с разделом Африки, скажем еще несколько слов о Марокко, из-за которого произошло уже в начале XX в. серьезное столкновение между Францией и Германией, чуть было, как тогда опасались, не поведшее к войне. Еще в 1880 г. в Мадриде собиралась международная конференция для регулирования отношений между европейцами и Марокко, так как и здесь стало проявляться соперничество интересов Испании, Англии, Германии и Франции, хотя вообще в этом столь близком к Европе углу Африки европейское влияние ощущалось пока очень мало, и, например, в Фесе, столице названного султаната, в 1890 г. едва насчитывалась какая-нибудь дюжина европейцев. В Мадридском договоре 1880 г. участвовали Германия, Австрия, Бельгия, Дания, Франция, Англия, Италия, Испания, Голландия, Португалия, Швеция с Норвегией и Северо-Американские Соединенные Штаты, в общем, целая дюжина государств, с которыми мароккский султан и заключил договор, позволявший их подданным приобретать недвижимую собственность в его владениях и создававший в пользу иностранцев разные торговые льготы на началах, однако, коммерческого равноправия всех государств, подписавших трактат. В Париже между тем стали подумывать об установлении в Марокко, граничащем с Алжиром, французского протектората и потому были очень недовольны договором, заключенным в 1887 г. между Англией, Италией, Австрией и Испанией для поддержания status quo на Средиземном море. Чтобы иметь на своей стороне Германию, Франция была не прочь «уступить» ей какую-либо угольную станцию на мароккском берегу, но особенно было важно то, что уже в первые годы XX столетия Франция вошла в соглашения с Италией (1902 г.) и Англией (1904 г.), которыми выговорила себе у них свободу действий в Марокко, признав таковую же за Италией по отношению к Триполи, принадлежавшему турецкому султану, и предложив Англии право распоряжаться в Египте, тоже вассальном владении Турции. Известно, что против намерения Франции прибрать Марокко к своим рукам заявила протест Германия, и Вильгельм II даже сделал демонстративный визит мароккскому султану в Танжере (1905), заявив при этом, что в Марокко ни одна страна не должна иметь преобладающего влияния, хотя, в дальнейшем, дело все-таки приняло такой оборот, что Франции пришлось-таки предпринять в Марокко военную экспедицию.

Задачей этой главы не может быть сколько-нибудь полный, хотя бы только самый сжатый обзор всех отношений между европейскими державами из-за внеевропейских стран. Несколько подробнее (конечно, относительно) мы остановились на разделе Африки, как на одном из важнейших и характернейших явлений мировой политики за полтора десятка лет

в самом конце XIX в. На том же основании мы остановимся несколько более на тех — также новых — политических отношениях, какие к концу XIX в. создались на берегах и островах Великого океана, тем более что о них еще совсем не было речи в главе о колониальных предприятиях европейцев в исходе прошлого столетия. Все наиболее важное и существенное об остальном было уже там изложено, и если мы теперь вернемся еще раз к нам уже известному, то лишь к англо-французским и англо-русским отношениям, возникшим в этой части света в связи с английскими интересами в Индии: особое значение этого предмета заключается в том, что обнаружившееся в начале XX в. соперничество в мировой политике между Германией и Англией заставило последнюю сблизиться с Францией и Россией, считавшимися ею раньше самыми опасными соперницами ее в Азии.

На юго-востоке Азии не могло не произойти встречи взаимно неприязненных интересов Франции и Англии после того, как французы стали твердой ногой в Индокитае, подчинив себе Тонкин и Аннам, и даже обнаружили намерение установить свой протекторат над Сиамом с превращением Бирмы в государство-буфер между своими и английскими владениями. Некоторые пункты Бирмы в это время уже находились в обладании Англии, что, естественно, заставляло само бирманское правительство искать покровительства у Франции, с которой в 1885 г. оно поспешило заключить договор, но Англия не допустила до установления здесь французского влияния и в следующем же году начала войну, результатом которой было присоединение всей Бирмы к английским владениям. Подобно тому, как бирманцы искали защиты у Франции против Англии, сиамцы против самой Франции искали покровительства у Англии, надежда на каковое позволила сиамскому королю начать вызывающую по отношению к Франции политику, поставившую французов в необходимость совершить против Сиам свою военную демонстрацию 1893 г. Это государство после 1886 г. и стало играть роль государства-буфера между владениями двух великих держав в Юго-Восточной Азии, хотя в смысле политического влияния на Сиам главная роль выпала на долю Англии, как это особенно обнаружилось во время посещения сиамским королем, в 1897 г., Европы. Так дело продолжалось до 1904 г., когда общее англо-французское соглашение не привело к разделению сферы влияния между обоими государствами в восточной и в западной частях Сиам.

В общем, Англия гораздо менее опасалась за Индию со стороны французов, утвердившихся в Индокитае, нежели по отношению к русским успехам в Средней Азии, которые приблизили Россию к Индии. В северо-западном направлении от Индии роль государства-буфера между владениями обеих держав должен был играть Афганистан, и притом он должен был оставаться в сфере исключительно английского влияния. В 1885 г. из-

за Афганистана даже чуть было, как тогда думали, не вспыхнула между Англией и Россией война (как позднее между Англией и Францией из-за Фашоды). Когда в 1884 г. Россия овладела соседним с Афганистаном Мервом, русское и английское правительства пришли к соглашению, в силу которого граница между среднеазиатскими владениями России и Афганистаном должна была быть проведена смешанной англо-русской комиссией. Английское вмешательство в русско-афганские отношения было вызвано тем, что между русскими и афганцами возник спор из-за одного важного стратегического пункта по дороге к Герату, в оазисе Пенде (или Пендждех), в котором находится, между прочим, долина реки Кушки. Еще не успели замешкавшиеся русские уполномоченные приехать на то место, где комиссия должна была работать, как афганцы захватили мост через реку Кушку на глазах англичан и даже, как говорили, с их согласия. Ответом на это с русской стороны было нападение (в марте 1885 г.) на афганцев отряда генерала Комарова, который и разбил их наголову на берегу Кушки. Этот инцидент внес большое обострение в англо-русские отношения, — заговорили даже о возможности войны между Россией и Англией, — но дело окончилось миром, причем Россия удержала за собой спорный пункт, со своей стороны согласившись (1886) на присоединение к Афганистану клочка земли, считавшегося бухарским, к югу от Аму-Дарьи (хотя окончательное проведение русско-афганской границы затянулось на целый десяток лет). В этих краях англо-русские отношения осложнились еще вопросом о Памире, «крыше мира», где сходились границы России (с 1891 г.), Китая, английских владений и Афганистана. Произведенное здесь в 1895 г. разграничение оставило большую (северную) часть этой горной страны во владении России, но меньшая (южная) была присуждена Афганистану в виде целой полосы между непосредственными владениями России и Англии. Оба государства взаимно обязались уважать нейтральность этого «буфера» между своими владениями и даже не допускать туда научных экспедиций.

Другим местом на юге Азии, где встретились русские и английские интересы, была Персия, к границам которой Англия приблизилась в своих индийских владениях с подчинением ее власти Белуджистана. Равным образом, поездка в 1873 г. персидского шаха в Европу была тоже моментом, когда решался вопрос, какая из двух держав получит перевес в Персии. Соперничество между Россией и Англией в этой стране со всеми его перипетиями окончилось соглашением 1907 г., определившим сферы исключительного влияния — России на севере, Англии на юге, с установлением равноправия обеих держав во всей средней части Персии.

Переходим теперь к международным отношениям на берегах Великого океана, поскольку в этих отношениях были замешаны европейские державы.

В числе азиатских государств, на которые у европейских держав стали возникать свои виды, был и Китай. Здесь не место рассматривать историю самых ранних отношений между Китаем и европейскими государствами; достаточно вспомнить, что еще с сороковых годов XIX в. открывается эпоха агрессивных действий со стороны этих держав в Китае, начиная с «опийной войны», которую вела с ним Англия из-за запрещения китайским правительством ввоза в Китай опиума и которая окончилась для Англии в 1842 г. очень выгодным миром (получение контрибуции с Китая, приобретение острова Гонконга против Кантона, открытие пяти китайских портов для торговли и т. п.). В 1858 г. между Англией и Китаем опять началась война, а в следующем году в ней на стороне Англии приняли участие и французы. Осенью 1860 г. союзное войско даже вступило в столицу империи, Пекин, после чего китайцы должны были смириться и признать все условия победителей. Этим было установлено преобладание в Китае Англии и Франции, и обе они потом помогли пекинскому правительству усмирить одно опасное внутреннее движение. Затем наступила эпоха продолжительного мира между Китаем и европейскими державами, прерванная лишь на короткое время Китайско-французской войной середины восьмидесятых годов, — эпоха расширения коммерческих и дипломатических сношений Небесной империи с Европой и Северной Америкой. Европейские державы очень хорошо видели полную военную неподготовленность Китая и делались все требовательнее в своих с ним сношениях, китайцы же обнаруживали все большую и большую уступчивость. Между тем под боком у Китая выросла новая Япония, начавшая с конца шестидесятых годов XIX в. быстро усваивать европейскую культуру и в очень короткое время опередившая страшно отсталый Китай. Последний очень хорошо почувствовал это в войне, вспыхнувшей между ним и Японией в 1894 г. и окончившейся в следующем же году полным его поражением. По Симоносекскому миру 1895 г. Китай должен был уступить Японии юго-восточную часть Маньчжурии в виде полосы, прилегающей к корейской границе, с Ляодунским полуостровом, а также острова Формозу и Пескадорские, причем Япония выговорила широкие льготы для своей торговли, равно как большую контрибуцию, до уплаты которой должна была занимать гавань Вэйхайвэй при входе в Печилийский пролив (напротив отходившего к Японии Порт-Артура, на южной оконечности Ляодунского полуострова).

Симоносекский мир, показавший, до какой степени Китай ослабел и какой, наоборот, силой сделалась еще столь недавно ничтожная Япония, был сигналом для европейского вмешательства в дела Дальнего Востока и для приступа к своего рода «разделу Китая». Подобно тому, как в 1878 г. «Европа» не дала России на Берлинском конгрессе воспользоваться плодами победы над Турцией, урезав главнейшие условия Сан-Стефанского

мира, не дали и Японии получить все, что ей причиталось по Симоносекскому договору. Протест против него был заявлен Россией, которая не хотела согласиться на то, чтобы какая бы то ни было часть соседней с ее сибирскими владениями провинции Китая отошла к Японии. Русский протест поддержали Франция и Германия, вследствие чего Японии пришлось отказаться от территориального приобретения на азиатском материке. Китайцы не могли, разумеется, не отблагодарить помогшие им державы. Россия получила концессию на проложение через Маньчжурию великого сибирского пути, что ставило на будущее время эту обширную провинцию под исключительное русское влияние. Одновременно Китаю была дана концессия и Германии на проведение железных дорог и на горное дело в Шантунской области между Желтым морем и Печилийским заливом, а Франции — подобные же концессии в Южном Китае. Вместе с этим, наконец, состоялся русско-японский договор об обоюдном протекторате над Кореей, находившейся раньше в вассальной зависимости от Китая. Этим начался своеобразный раздел Китая, скоро приведший к приобретению европейскими державами и важных в торговом или военном отношениях пунктов в самом Китае.

За европейскими промышленниками потянулись в Китай и миссионеры, которые своими не всегда тактичными поступками стали сильно раздражать китайцев, вообще бывших крайне недовольными хозяйничаньем у них европейцев. Протекторат над католическими миссионерами на Востоке издавна принадлежал Франции и всегда был одним из ее орудий в иностранной ее политике вне Европы. В 1882 г. Франция согласилась на то, чтобы итальянские францисканцы, действовавшие в Квантунской области, уступили часть своей территории немецким миссионерам, очень быстро достигшим здесь такого положения, что их начальник получил звание апостолического викария. В 1897 г. двое немецких миссионеров были убиты китайцами, и это немедленно повлекло за собою появление в бухте Кьяочоу германской эскадры под начальством адмирала Дидерихса, десант которой и занял этот порт без каких бы то ни было затруднений, а менее нежели через два месяца (5 января 1898 г.) особым договором Китай отдал Германии «в аренду» на 99 лет Кьяочоу с его бухтой, островками и береговой территорией по радиусу в 50 километров вокруг названного порта. Чтобы обеспечить за Германией это новое владение и показать, что «германский орел не выпускает из своих когтей того, во что он вонзил», Вильгельм II отправил к берегам Китая большую эскадру, поставив во главе ее своего брата, принца Генриха. Прощаясь с братом в Киле, император произнес весьма воинственную речь на ту тему, что морская сила Германии и ее имперская сила одно и то же, что одна от другой неотделима и что он посылает своего брата всюду, где захотят вредить Германии, «с броненосным кулаком» (*mit gepanzter Faust*). Не менее интересна была и ответная речь прин-

ца Генриха, которому Вильгельм II предложил еще «сорвать лавры для украшения своего юного чела»: «Меня, — сказал принц между прочим, — не прельщают слава и лавры; меня привлекает только задача возвестить на чужбине евангелие священной особы вашего величества как тем, которые хотят ему внимать, так и тем, которые не хотят».

Значение вмешательства в китайские дела было так объяснено рейхстагу статс-секретарем по внешним делам Бюловом в речи 6 декабря 1897 г.: «Мы вовсе не ощущаем потребности совать свои пальцы в каждый горшок. Тем не менее мы держимся того мнения, что вовсе не нужно исключать Германию из соперничества других наций в странах с богатым будущим. Прошли те времена, когда немец оставлял в распоряжение одних своих соседей землю, других — море, а себе самому резервировал только небо, где восседает на троне (thront) чистая доктрина. Мы полагаем, что одна из наших наиболее предпочтительных задач есть, именно, спешествовать в Восточной Азии интересам нашего мореплавания, нашей торговли, нашей промышленности... Мы с большой охотой готовы принимать в расчет интересы других великих держав в Восточной Азии, никого не хотим оставлять в тени, но и сами, однако, требуем себе места на солнышке».

Едва только был оформлен захват Германией части китайской территории, как и другие державы потребовали себе подобных же компенсаций. Раньше всего сильное впечатление на общественное мнение было произведено известием о том, что в Порт-Артур, только что возвращенный Японией Китаю, пришла на зимнюю стоянку русская эскадра; более всего этим событием были недовольны в Японии и в Англии. Последняя поспешила тогда заключить с Китаем особый договор, которым обеспечивалось, что Китай не уступит ни одной области какой-либо другой иностранной державе в бассейне Янцзы, главной реки Небесной империи. Кроме того, во главе китайских таможен должен был стоять англичанин, и Англия приобретала право свободного плавания по всем внутренним водным сообщениям Китая. Англичане были очень довольны таким успехом своей дипломатии, но весьма скоро наступило разочарование, когда сделалось известным, что Китай в то же самое время уступил России на 25 лет в аренду, с правом возобновления контракта, Порт-Артур и Талиенван, которые вместе с тем было разрешено соединить ветками с великой сибирской железной дорогой. В Англии это произвело переполох, послышалось бряцание оружием, но дело уладилось мирным путем, потому что, в конце концов, и Англия получила в виде компенсации Вэйхайвэй на тех же условиях, на каких России были отданы два вышеназванных пункта. Франция не захотела отстать от трех великих держав, получивших важные концессии на китайской территории, и тоже взяла у Китая в аренду угольную станцию Кванчужан с гарантией, что пограничные с Тонкином южные области не будут отданы никакой другой державе. Даже Италия и та стала добывать-

ся аренды в Китае, но потерпела неудачу, так как ее никто не поддержал из других великих держав, в самом же Китае уже начиналось враждебное по отношению к европейцам движение, да и в Италии к тому же несколько поохладел пыл к политике приключений.

Европейские державы не только делили между собой Китай, но и оспаривали одна у другой влияние при дворе богдыхана. В 1898 г. английское влияние взяло сначала верх над русским (главным сторонником которого был столь хорошо тогда известный в Европе всем читателям газет Лихунчан), но очень скоро вследствие дворцового переворота возобладало влияние России. Одновременно с этим, однако, в Китае там и сям, как в столице, так и в провинциях, начались народные волнения против европейцев, в особенности против миссионеров, в которых население видело иностранных агентов, работающих во вред неприкосновенности и независимости Китая. Вместе с миссионерами подвергались нападениям и христиане из китайцев, которых в 1900 г. было перебито около 30 тыс. человек на 300 собственно европейцев. Это народное неудовольствие приняло в Пекине такой характер, что для безопасности своих посольств в столице Китая европейские державы осенью того же 1898 г. отправили туда свои военные отряды, а через год с небольшим потребовали у китайского правительства защиты миссии в стране от постоянных нападений на них со стороны населения. Между тем, видя, что народ начинает везде вооружаться против европейцев, китайское правительство стало негласным образом оказывать этому движению поощрение и помощь, и само движение, кроме того, объединилось, благодаря тайному патриотическому обществу «Большой кулак», сделавшемуся известным в Европе большей частью под английским названием «боксеры». Летом 1900 г. китайские инсургенты вступили в Пекин и сообщая с войсками самого богдыхана подвергли европейские посольства осаде, разрушив вместе с тем железную дорогу, соединявшую Пекин с Тяньцзином. Теперь и правительство Китая объявило, что ведет войну с иностранцами, забравшимися в страну. Все, что было поблизости на европейских военных судах, — небольшой отряд в две тысячи человек, — было двинуто на Пекин под начальством английского адмирала Сеймура на выручку посольств, но китайцы преградили путь этой экспедиции, хотя ей и удалось взять штурмом форты приморской крепости Таку. Это было началом настоящей войны: близ Тянь-Цзина китайская армия окружила находившиеся здесь отряды европейцев, а на Амуре подвергся нападению русский город Благовещенск. В Европе долгое время ничего не знали о судьбе посольств, осажденных китайцами в Пекине, и только временами приходили не подтвердившиеся впоследствии известия о том, будто посольства были взяты и все европейцы перебиты. На самом деле, убитыми оказались лишь германский посол барон Кеттлер и драгоман японского посольства. На выручку посольств пришлось,

в конце концов, послать более значительные военные силы, во главе которых, по мысли Вильгельма II и с согласия всех участвовавших в предприятии держав, был поставлен германский фельдмаршал граф Вальдерзее.

Это была война соединенной Европы против китайцев, не хотевших дальше терпеть европейского хозяйничанья в своей стране. Само назначение во главе союзного войска одного общего начальника должно было показать китайцам, что в данном случае они имеют дело с единой, внутренне сплоченной Европой, — хотя последнее не вполне соответствовало фактической истине. Более всего хлопотал о придании союзному действию именно такого характера Вильгельм II, по своему обычаю особенно шумно выступавший в этом деле с заявлениями, объяснявшими весь смысл начавшейся борьбы. Еще когда только впервые на Дальнем Востоке обнаружила себя японская сила, Вильгельм II готов был видеть в возникновении новой нехристианской великой державы угрозу христианству и европейской культуре с ее духовными благами. Многим и теперь еще памятна написанная по наброску Вильгельма II немецким художником Кнакфусом картина, на которой ангел с огненным мечом показывает нескольким женским фигурам, символизирующим разные европейские нации, надвигающуюся на европейский ландшафт грозовую тучу с изображением Будды и на всепожирающий пожар, идущий за этой тучей; известна и подпись под этим символическим изображением: «Народы Европы, берегите свои священнейшие сокровища!» Это было одно из проявлений тех толков, какие тогда ходили о так называемой «желтой опасности», т. е. опасности для Европы со стороны желтой расы. Посылка войска в Китай на выручку посольств дала повод Вильгельму II произнести речь, получившую название «гуннской» вследствие одобрительной ссылки в ней на гуннский способ ведения войны. «Пардону не давать! Пленных не брать!» — таковы были приказания Вильгельма II отправлявшимся в Китай солдатам: «Как за тысячу лет тому назад гунны со своим королем Этцелем прославили свое имя, и еще теперь в преданиях о них дает знать о себе их мощь, так пусть и германское имя чрез ваши подвиги получит в Китае такое значение, чтобы и через тысячу лет ни один китаец не дерзнул хотя бы только бросить косой взгляд на немца».

Прежде, однако, чем Вальдерзее успел приехать на место своего командования, уже находившиеся там европейские войска сделали свое дело. Ранее других явились военные подкрепления из Японии, которая, в данном случае, всецело присоединилась к Европе.

Благодаря японской помощи состоялось взятие Пекина союзниками, и посольства были освобождены от осады, между тем как в Китай вступило сухопутное русское войско, занявшее Маньчжурию. Вальдерзее оставалось только довершить усмирение Китая, после чего в свои права вступила дипломатия. Известно, что Россия заняла тогда совершенно особое поло-

жение и по собственному почину вывела в начале 1901 г. свои отряды из Печелийской провинции, где находится Пекин, но за то выговорила для себя у китайского правительства протекторат над Маньчжурией. Другие державы вынудили у России отказ от соглашения относительно Маньчжурии. Англия и Германия даже заключили между собой и поспешили опубликовать трактат, которым взаимно обязывались поддерживать сообразно целостности Китая. Наконец, осенью 1901 г. был подписан уполномоченными держав и Китая мирный договор, по которому правительство богдыхана обязывалось послать в Берлин китайского принца с извинениями по случаю убийства германского посла, наказать всех виновников совершившихся событий, вознаградить державы за военные издержки, не ввозить в течение двух лет в Китай оружия и боевых припасов, срыть форты, защищающие доступ к Пекину от моря, допустить занятие на этом пути некоторых пунктов иностранными войсками, пересмотреть торговые трактаты с европейцами и т. п.

Китайские события 1894—1901 гг. совершенно изменили положение дел на Дальнем Востоке. Во-первых, здесь появилась новая политическая сила в лице Японии, которую великие державы приняли как равную в свой союз против Китая. Во-вторых, европейские державы, пользуясь слабостью, обнаруженной Китаем в войне с Японией, вынудили у китайцев территориальные уступки в форме отдачи в аренду важных в торговом и стратегическом отношении пунктов. В-третьих, по поводу китайских событий возникали новые комбинации между европейскими державами, самой замечательной из которых был общеевропейский союз против Китая. Особое значение все эти события получили ввиду того, что в них нельзя было не видеть начала борьбы за обладание Великим океаном с его, несомненно, громадным будущим в дальнейшем ходе всемирной истории. Главной ее сценой в древности были страны, окружающие Средиземное море, а в Средние века, кроме него, известную роль стали играть еще Немецкое и Балтийское моря. Затем наступил четырехвековой период, в течение которого развивалось значение Атлантического океана, и вот на рубеже XIX и XX вв. выдвинулось вперед значение, как всемирного торгового пути, и Великого океана. К этому океану стали стремиться великие державы, интересы которых начали сталкиваться здесь между собой — и на многочисленных его островах, и у берегов дряхлого Китая. Вмешательство европейских держав в китайско-японские отношения 1895 г. открывает новую эпоху всемирной истории, эпоху тихоокеанскую, уже успевшую записать на своих скрижалях событие такой мировой важности, как Русско-японская война 1904—1905 гг. Не нужно при этом забывать, что кроме азиатского берега у Тихого океана есть еще другой берег, американский, и что часть этого берега принадлежит тоже великой державе, Соединенным Штатам, которые не могли оставаться равнодушными зрителями того, что

совершалось на берегах и островах Тихого океана. В войсках, умиривших в 1900—1901 гг. Китай, рядом с европейцами кроме японцев были и американцы. Как раз в самом конце XIX в. великая заатлантическая республика вышла из своей прежней американской замкнутости и тоже выступила на путь мировой политики, как конкурентка главных наций европейских. Это ее появление на мировой сцене международных отношений было событием не меньшей важности, нежели и появление Японии: во всех своих предприятиях в Восточном полушарии европейским нациям пока что приходится теперь считаться не только между собой, но и с двумя великими державами Тихого океана — с Японией и с Северо-Американскими Соединенными Штатами при перспективе иметь в будущем дело еще и с пробуждающимся к новой жизни Китаем.

До конца XIX в. Соединенные Штаты не принимали никакого участия в мировой политике. Самое большее, к чему они стремились в течение всего XIX в., это было сделать из Америки исключительно сферу своего влияния и потому не допускать европейцев до основания в ней новых колоний: Америка должна была быть для американцев. Вместе с этим Соединенные Штаты были еще не прочь создать из всех независимых американских государств общий союз под своей гегемонией с уничтожением между ними таможен, введением в них общей монеты, улучшением сношений, учреждением всеамериканского третейского суда, а также с явной тенденцией отгородиться высокими таможенными пошлинами от европейской конкуренции. В 1889 г. в Вашингтоне был даже созван первый панамериканский конгресс, на котором, однако, выяснилось, что романские государства Америки не очень сочувственно отнеслись бы к подобному объединению. Из двух политических партий Северо-Американских Соединенных Штатов, республиканской и демократической, первая, желавшая усиления союзной власти и покровительства промышленности, мало-помалу начала проникаться империалистическими стремлениями в европейском вкусе, вторая, отстаивавшая автономию штатов и интересы сельского хозяйства, напротив, сделалась противницей каких бы то ни было внешних выступлений, а потому высказалась и против панамериканизма, опасаясь, что уничтожение таможен между американскими государствами облегчит южноамериканским хлебу и сырью конкуренцию с продуктами сельского хозяйства в Соединенных Штатах. Развитие североамериканской торговли с Восточной Азией, Европой и Африкой сделало для великой республики необходимой более деятельную внешнюю политику вне Америки. Уже при основании в Африке независимого государства Конго Соединенные Штаты приняли участие в переговорах и соглашениях европейских государств по этому поводу. Приобретение немцами, англичанами и французами, в восьмидесятых годах XIX в., массы океанских островов сильно затрагивало интересы американских коммерсантов, а на группе островов

Самоа дело дошло до прямого столкновения германских, английских и американских интересов, потребовавшее даже созыва конференции трех держав, каковая и состоялась в Берлине в 1889 г. По ее постановлению эти острова были объявлены независимыми и нейтральными, но под высшим надзором всех трех государств. Следующим шагом было установление американского протектората над Гавайскими островами, и только замена на президентском кресле республиканца Гаррисона демократом Кливлендом помешала прямой аннексии этих островов.

Как раз, однако, при этом самом президенте произошли события, результатом которых была война между Штатами и Испанией, приведшая к переходу испанских колоний под власть Штатов. В другом месте уже упоминалось о восстании против своей метрополии острова Кубы, находившегося в очень тесных экономических отношениях с Союзом¹. Жители острова обратились за помощью к американцам, что было благоприятно встречено не только в республиканской партии, но и в конгрессе, и только президент, считавший необходимым сохранение полного нейтралитета, ограничился одним дипломатическим заступничеством. Испанцы крайне обиделись, однако, вмешательству в их дела, и в стране произошло несколько враждебных по отношению к Америке демонстраций, заставивших самого Кливленда заявить конгрессу, что упрямство Испании может принудить североамериканцев исполнить свой высший долг. Это заявление только подлило масла в огонь. Между тем против Испании восстали и Филиппинские острова, а тут в 1897 г. на президентском посту в Северной Америке Кливленда сменил империалистически настроенный Маккинли. Испания пошла было на уступки, но возмущившиеся против нее колонисты ни о чем не хотели слышать, кроме полной независимости. В начале 1898 г. в порте кубинской столицы Гаваны кем-то был взорван американский военный корабль «Мэн», и в этом общественное мнение в Штатах обвинило испанцев. Данный инцидент для американских империалистов был желанным поводом к войне, принявшей для Испании как в Вест-Индии, так и в Восточной Азии несчастный оборот. Испанский флот и там, и здесь был совершенно уничтожен, кубинская армия сдалась на капитуляцию, и американцы готовились уже начать военные действия у берегов самой Испании, когда благодаря посредничеству Франции воюющие державы заключили между собой в Париже мир, по которому Испания лишилась всех своих колоний в Вест-Индии и в Восточной Азии. Куба была по этому договору признана независимой с предоставлением, впрочем, Соединенным Штатам права вмешательства в управление островом до окончательного его замирения. Филиппинские острова и Пуэрто-Рико сделались собственностью Штатов за вознаграждение в 20 млн долларов².

¹ Имеются в виду Северо-Американские Соединенные Штаты. — *Прим. ред.*

² Тогда же Испания продала Германии Каролинские и Марианские острова.

После Парижского мира Штаты присоединили к своим владениям и Гавайи, а в следующем году и острова Самоа были поделены между Германией и Соединенными Штатами, причем Англия была вознаграждена Соломоновыми островами.

Все эти успехи Соединенных Штатов только усилили империалистические аппетиты республиканской партии, вследствие чего началось усиление военного могущества Союза. Северная Америка, таким образом, совершила свое вступление в число мировых держав с их империализмом и милитаризмом. Обладание Филиппинскими островами привело Соединенные Штаты в непосредственное соприкосновение с тем Дальним Востоком, где в конце XIX и в начале XX в. произошли столь крупные политические события, и мы уже видели, что Штаты приняли участие в общем действии европейских держав против Китая, ближайшими соседями которого сделались по своим Филиппинам, став в то же время очень близкими соседями и Японии. Для Испании эта война окончилась потерей последних остатков когда-то грандиозной колониальной империи, ей принадлежавшей.

Говоря о мировом хозяйстве и мировой политике, нельзя не упомянуть вообще о том универсальном интернационализме, который характеризует конец XIX в. и наше время и мог бы послужить особой темой для целой главы. К числу явлений этой категории следует отнести всемирный почтовый союз, ведущий свое начало с международного почтового конгресса в Берне в 1874 г. В этом съезде участвовало через своих делегатов двадцать два государства. Сначала это был союз почти исключительно европейский (да и то Франция примкнула к нему не сразу), так как из внеевропейских стран в нем приняли участие лишь Северо-Американские Соединенные Штаты, но с 1876 г. к нему стали присоединяться государства и других частей света, равно как и колонии европейских наций. В 1874 г. территория всемирного почтового союза определялась в 40 млн кв. километров с 350 млн жителей, в конце же XIX в. (1897) эта территория исчислялась уже в 103 млн кв. километров с 1020 млн жителей, и тогда же было заявлено на конгрессе в Вашингтоне о предстоящем присоединении к союзу и новых стран, между прочим Китая. Образование этого союза повлекло за собой сильный рост почтовых отправок: в 1873 г. их число не доходило до 4,5 млрд, а в 1896 г. достигало уже 20 млрд¹.

---

¹ Та же потребность облегчения сношений вызвала появление так называемых «всемирных языков» вроде пресловутого волапюка или более счастливого его соперника эсперанто, более практичной *lingua catolica* Липтея (*Eine Gemeinsprache der Kulturvölker*) и т. п., о чем см. статью проф. Булича в XIII полутоме Энциклопедического словаря Брокгауза—Ефрона.

XXV. Общий взгляд на умственные течения конца XIX в.¹

Умственный переворот середины XIX в. и задача настоящей главы. — Вытеснение научным духом метафизического мышления. — Временный успех некоторых представителей метафизики в последней трети XIX в. — Мода на пессимизм. — Философский критицизм и стремление к научности в философии. — Представители материализма после 1870 г. — Позитивизм в последней трети XIX в. — Вопрос о влиянии его на практическую деятельность. — Реализм в литературе. — Отношение новейшей философии к вопросам религии и этики. — Проявления реакции против научного духа. — Представители цельного философского мировосприятия в последние десятилетия XIX в. — Развитие социологии и экономический материализм

В пятом томе «Истории Западной Европы» последняя глава была посвящена умственному перевороту середины XIX в. с разделением этой обширной темы на две, а именно по отношению к научному прогрессу, отразившемуся на успехах техники в широком смысле, и особенно по отношению к общему движению вперед в области общего мировосприятия. Собственно говоря, эта вторая тема и составляет главное содержание указанной главы, как будет составлять и содержание всего следующего дальше.

Одним из важнейших проявлений умственного переворота середины XIX в. следует признать вытеснение научными точками зрения и приема-

---

¹ Настоящая глава должна составлять непосредственное продолжение главным образом последней (XXXII) главы V тома «Истории Западной Европы», посвященной общей характеристике «умственного переворота середины XIX в.». Кроме книг, указанных там, см. еще: *Höffding H.* Histoire de la philosophie moderne (1906). Во втором томе этого капитального труда изложение доведено до 1880 г., причем из мыслителей, о коих у нас идет речь в настоящей главе, рассматриваются Шопенгауер, Спенсер, Гартман и Дюринг. Продолжением этого тома служит: *Höffding H.* Современные философы (1907), где среди других рассматриваются Вундт, Фулье, Авенариус, Пойо, Ницше, Эйкен и Джемс. (Цитируем ниже первый труд «H. Höffding», второй — «Г. Гёффдинг»); *Ziegler Th.* Die geistigen und sozialen Strömungen des XIX Jahrhundert (1899; рус. сокращ. пер. в «Мире Божьем» за 1900 г., отдельный пер.: *Циглер Т.* Умственные и общественные течения XIX в., 1901); *Rey A.* La philosophie moderne (1903); *Кюлье О.* Современная философия в Германии. Характеристика ее главных направлений (1903; подлинник составляет один из выпусков изд. «Aus Natur und Leben»); *Введенский А.* Современное состояние философии в Германии и Франции (1894); *Лесевич В.* Письма о научной философии (1878); *Он же.* Что такое научная философия (1891); *Bourdeau J.* Les maîtres de la pensée contemporaine (4-е изд. 1900); *Челпанов Г.* О современных философских направлениях (1902; изд. «на правах рукописи», но многое вошло в его «Введение в философию»). В общих исторических обзорах очень редко и очень мало говорится о философии. См., например, с. 628—629 в XII томе «Истории» Лависса и Рамбо, на которых сказано все, что найдено было нужным, о французской философии между 1870 и 1900 гг. В томе «Ullsteins Weltgeschichte», посвященном XIX веку, есть глава «Wandlungen der Weltanschauungen», едва на шести страницах (впрочем, очень больших, 367—372) рассматривающая этот предмет.

ми мысли прежних мистических, метафизических и романтических идей не только в общем мирозерцании, но и в понимании общественных задач и способов их решения. Реакция против прежнего «идеалистического» направления во имя «реализма» ударялась иногда в середине XIX в. в противоположную крайность довольно грубого материализма, как тоже, несомненно, чисто метафизического учения, которое достигло наибольшего своего развития в пятидесятых годах («Круговорот жизни» Молешотта в 1852 г., «Сила и материя» Бюхнера в 1855 г.), а наибольшего распространения — в следующем десятилетии. В это время материализм был своего рода мировоззрением эпохи, пока его история, написанная Ланге и вышедшая в свет в 1866 г., не установила на него правильную точку зрения. В общественном отношении материализм пятидесятых-шестидесятых годов играл ту же роль, какая в тридцатых и сороковых принадлежала «левому», радикальному гегельянству. Правда, в это время уже существовал позитивизм Конта («Курс положительной философии» 1830—1842 гг.), но он оставался неизвестным, и только с шестидесятых годов началась пропаганда этого учения¹, провозглашавшего необходимость философии, основанной исключительно на положительном научном знании, и, равным образом, чисто научной теории общества, социологии. В 1867 г. вышло в свет второе издание контовского «Курса» и стал издаваться специально позитивистический журнал Литтре и Вырубова («Philosophie positive»). Настоящее широкое влияние позитивизма относится уже к семидесятым годам, когда, между прочим, он стал пользоваться большой популярностью и в России. С конца же пятидесятых до начала семидесятых годов появился и ряд замечательных книг, внесших новые реалистические струи в общее мирозерцание эпохи семидесятых годов, каковы: «История цивилизации в Англии» Бокля (1858—1859), «Происхождение видов» и «Происхождение человека» Дарвина (1859 и 1871 гг.), «Основные начала» Спенсера (1862), за которыми последовали и другие его сочинения, «Душа человека и животных» Вундта (1863), «Об уме и познании» (*De Intelligence*) Тэна (1870) и др. Реакция против метафизических построений в духе систем Фихте, Шеллинга и Гегеля выразилась и в том «возвращении к Канту», к его критической философии, одним из первых проявлений которого была «История материализма» Ланге, проповедовавшая отказ от проникновения в сокровенную, недоступную нашему знанию сущность вещей: в этой проповеди были родственные черты с тем, что говорилось на этот счет и в «Курсе» Конта, и в «Основных началах» Спенсера. Немалую услугу неокантианскому движению оказал еще в середине пятидесятых годов великий немецкий натуралист Гельмгольц, объявивший, что результаты физиологии органов чувств вполне согласуются с основной точкой зрения

---

¹ Кинга Литтре о Конте 1863 г. и книга о нем Милля 1866 г.

«Критики чистого разума». На эту точку зрения стали в шестидесятых годах очень многие натуралисты, и ее же в 1872 г. сформулировал известный немецкий ученый Дю-Буа-Реймон в речи «О границах знания природы», где он заявил, что естествознание должно раз и навсегда отказаться от решения метафизических вопросов о сущности вещей. Таковы были наиболее важные проявления нового реалистического мирозерцания, которое уже успело оказать свое влияние и на некоторых политических деятелей рассматриваемой в настоящем томе эпохи. Не без следа остался общий реалистический тон новых умственных течений, равным образом, на произведениях изящной литературы и искусства.

Вопрос, который мы теперь после всего сказанного должны себе поставить, заключается в том, какую судьбу испытали на себе, в общем, те умственные течения, которые с таким блеском и с такой силой проявились в истории философии и науки в середине XIX в. Другими словами, отнюдь не претендуя на то, чтобы дать в последующем обзоре главу из истории философии и науки в последней трети XIX в., я предполагаю ответить лишь на вопросы: продолжалось ли между 1870 и 1900 гг. начавшееся раньше вытеснение научным духом метафизического устремления в потусторонний мир «ноуменов», или, наоборот, верх взяла метафизика над наукой? Продолжалось ли «возвращение к Канту», или, наоборот, оживали, скорее традиции времен Фихте, Шеллинга и Гегеля? Продолжало ли, далее, по-прежнему естествознание доминировать своими основными точками зрения и методами над всей областью научного знания, или, наоборот, опять чистая спекуляция начала овладевать всем полем человеческого знания, как во времена Гегеля? Совсем ли, затем, был побит метафизический материализм Бюхнера и др., или и в рассматриваемую эпоху он еще имел и видных представителей, и многочисленных сторонников? Наконец, какова была судьба основной идеи позитивизма после того, как в конце шестидесятых годов взгляды Конта, до того времени очень мало распространенные в обществе, обратили на себя всеобщее внимание и сделались предметом научно-философской обработки.

В дальнейшем изложении поэтому читатель не вправе искать ни истории разрешения главнейших гносеологических, онтологических и этических проблем в философской литературе последней трети XIX в.¹, ни исто-

---

¹ В конце XIX и начале XX в. обзором проблем философии занялись авторы целого ряда «Введений в философию» (Паульсен, Вундт, Кюльпе, Иерузалем, Струве, Челпанов, Ивановский и др.), что очень характерно для эпохи их появления, именно что стали появляться «введения», а не «системы». Отмечу, что за философской литературой по некоторым вопросам мне приходилось следить по временам более или менее систематично, и для настоящей главы пришлось использовать кое-что из читанного еще при работе над «Основными вопросами философии истории» (1883), над популярными «Беседами о выработке мирозерцания» (1896) и над «Мыслями об основах нравственности» (1895). В первом издании последней книжки имеется даже обзор новейшей литературы по этике, выпущенный, однако, при перепечатке

рии отдельных учений, взятых каждое в его целом: для всего этого потребовалась бы не одна глава (здесь даже только часть главы), а целая книга, для написания которой понадобилось бы и гораздо большее количество материала, нежели тот, которым я располагал¹. То есть моей задачей вовсе не было написать историю философских теорий, как не было, например, моим намерением и излагать историю политической экономии, когда приходилось говорить о тех или других экономистах и отдельных книгах по названной науке. Нельзя забывать, что философское движение происходило одновременно в целом ряде стран, причем в каждой разбивалось на несколько направлений, — обстоятельство, крайне затрудняющее сколько-нибудь полную характеристику движения, какую бы общую тенденцию сам историк ни усматривал в этом разнообразии². Не меньшую трудность представляла бы собой задача и сколько-нибудь исчерпывающих характеристик отдельных философов, особенно тех, у которых силен элемент творческой мысли, в каждом отдельном случае могущий быть совершенно понятным лишь под условием ознакомления со всем внутренним миром философа³. Наконец, я совершенно устранию и рассмотрение той связи, какую некоторые обозреватели стараются установить между отвлеченными философе-

---

книжки ввиду того, что я намеревался тогда переработать этот обзор (дополнив его) в большую статью.

¹ A. Rey говорит, что свою книгу «La philosophie modern» он мог бы назвать «un exposé sommaire de la forme sous laquelle les grands problèmes de la philosophie se posent à l'heure actuelle», если бы это заглавие не было так длинно.

² Проф. Алексей Введенский характеризует состояние германской философии в конце XIX в. двумя чертами: во-первых, чрезвычайным дроблением философских школ, доходившим до утраты взаимного интереса и понимания, а во-вторых, невыясненностью или шаткостью отношения философии к точным наукам. Современное состояние философии, с. 1 и след. Тем не менее он полагает, что почвой для соглашения разных школ и для ограждения самостоятельности философии от точных наук послужит философия волонтаризма или пантелизма, с. 6. О. Кюльпе подводит новейшие философские направления в Германии под категории позитивизма, материализма, натурализма и идеализма, противопоставляя последний первым трем, которые «хотят быть чистой философией действительности» и «совершенно уклоняются от метафизики», причем позитивизм он все-таки ставит выше двух других неидеалистических направлений. Современная философия в Германии, с. 21 и 26–29. Главное место в современном философском движении О. Кюльпе отводит позитивизму и идеализму, которые, по его мнению, «прекрасно уживаются вместе, если оставить в стороне антиметафизическую тенденцию позитивизма. Оба, — прибавляет он, — являются и стремятся быть научной философией, которая относится отрицательно к произвольной спекуляции, покоящейся исключительно на свободном и чистом мышлении», с. 129. Классификации главных направлений, даваемые в обзорах современной философии, далеко между собой не совпадают, равно как не совпадают и взгляды их авторов на то, что же в философском движении конца XIX в. является главным.

³ О влиянии (или отражении) личности философа на его творчестве см. в моих «Основных вопросах философии истории», кн. II, гл. II по 1-му и 2-му изд. и гл. VII по 3-му изд. (с. 305 и след. по 1-му изд.), где, между прочим, это положение иллюстрируется на примерах Шопенгауэра и Гартмана, о чем ср. ниже. Дюринг, например, даже прямо высказывал мысль, что философия не простая теория, а выражение чисто личной мысли.

мами и реальными явлениями общественной жизни¹: здесь пока возможны только догадки или совершенно произвольные объяснения².

Итак, первый наш вопрос заключается в том, продолжалось ли вытеснение научным мышлением метафизических построений или, наоборот, метафизика снова взяла перевес над наукой. В общем, на этот вопрос можно ответить в том смысле, что метафизика не только оказалась не в состоянии вытеснить науку из занятой ею в современном мирозерцании позиции, но и сама все более и более утрачивала собственные свои позиции. По мере усиления отрицательного или скептического отношения к метафизике само ее содержание стало расчленяться между отдельными философскими дисциплинами, т. е. логикой (с гносеологией), психологией, этикой, которые все более и более проникаются духом научного знания, и между разными точными науками, поскольку последние касаются основных вопросов бытия³. С другой стороны, сами философы, не отказывающиеся от постановки и решения метафизических проблем, считают нужным совершать эту работу в наибольшей согласии с общим духом, частными выводами и научными приемами положительного знания⁴. Образовалось даже целое направление так называемой эмпирической метафизики, которое ставит себе задачей быть продолжением науки за границами опытного знания, но с характерными чертами, присущими последнему. В этом направлении можно усматривать возвращение к традициям спекулятивной философии, когда в ней царил идеализм, т. е. своего рода реакцию против агностического равнодушия или позитивистического презрения

¹ «Все больше и больше выясняется, — говорит Гёффдинг, — насколько всякое философское течение является одновременно и работой мысли, и знамением времени. Философия есть как разработка проблем, так и некоторый симптом, и в наше время она резко выдвигается в этой двойкой своей форме... Обе эти стороны философии (их можно называть субъективной и объективной ее сторонами) выступают у современных философов с большей резкостью, чем у философов прошлых времен». Современные философы (1907), с. 8. Ср. следующее его замечание: «Мысли Пюйо и Ницше имеют в большей мере значение, как симптомы того, что происходит в глубине души тех, кто сильнее всего захвачен жизнью в наши дни, чем как активный вклад в разработку проблем», с. 130.

² Я мог бы привести несколько подробных «объяснений», но удовольствуюсь ссылкой на следующие два места. «Близился конец бисмарковской эры, но теперь только философия облекла ее содержание в форму понятий: великий человек воли научил ее признавать главенство воли не только в индивидууме, но и в мире, как таковом». Циглер Т. С. 513—514. «Когда германский народ, в лице Бисмарка, человека сильной воли, был побужден им к деятельности и подвигам и достиг победы и единения, наступила очередь волюнтаризма», с. 324.

³ «Бросая общий взгляд на философию двух последних десятилетий XIX в.», Hoffding указывает, во-первых, на то, что на философское движение во Франции и Англии оказывала особое влияние немецкая мысль (преимущественно Кант и Гегель), а во-вторых, на все большее и большее разделение труда в этой области, в виде разработки специальных вопросов логики, психологии и этики вне непосредственной связи с общими проблемами философии, с. 513—514.

⁴ Ср. слова О. Кюльпе о стремлении современной философии быть научной, приведенные выше.

к метафизическим проблемам¹, но главное это то, что в данном случае не метафизика хочет диктовать истину науке, а наука призывается на помощь метафизике. Можно быть разного мнения о «научности» этой новейшей метафизики и о том, что получится в результате всех ее исканий², но в этом нельзя не видеть важного симптома, определяющего в значительной мере общий характер философствования в исходе XIX в. Даже такой типичный представитель метафизического мышления, каким является Гартман³, думал придать научный вес своей «Философии бессознательного» заявлением в самом же заголовке книги, что это — спекулятивные выводы из эмпирических данных естествознания. Немалое значение в этом внедрении научного духа в чистое умозрение новейшего времени принадлежит тому обстоятельству, что за решение философских проблем нередко брались люди с основательной естественно-исторической подготовкой⁴.

Против всего сказанного можно сделать то возражение, что за рассматриваемый период времени тем не менее появился целый ряд философов, которые, несомненно, должны быть отнесены к числу представителей метафизики, и что в самом обществе некоторые из них (или даже более ранние)

¹ Новейший идеализм О. Кюльпе характеризует как «попытку возобновить старые стремления спекулятивной философии при помощи лучших средств, а именно при помощи самих специальных наук... Этот идеализм, — говорит он, — отличается от прежних прообразов того же направления не столько своей тенденцией, сколько своим методом»: именно «переступая через границы, установленные опытом, он вооружается той критической осторожностью и тем хладнокровием, которые свойственны позитивизму, и тем уважением к естествознанию, которым отличаются материализм и натурализм». По мнению Кюльпе, «в философии новый идеализм, уже обученный позитивизмом, призван, отдавая должное старым задачам философии, открыть новую эпоху идей и систем». Современная философия в Германии, с. 29–30. Ср. также с. 78 и след., где у Кюльпе идет речь о различии (главным образом методологическом) между старым идеализмом и современной эмпирической метафизикой. В виду меньшей, — сравнительно с наукой, — «достоверности предвосхищений, решений и синтезов» метафизики он и «более скромно оценивает» ее значение, находя, с другой стороны, неправильным «впадать и в тупое равнодушие к непознанному или в гордое позитивистическое самоотречение от разрешения мировых загадок», с. 80.

² Ср. критические замечания проф. Н. Н. Ланге (в предисловии к рус. пер. «Современной философии в Германии» О. Кюльпе, стр. X и след.) об «эмпирической метафизике, т. е. философии, которая, основываясь на результатах положительных наук, стремится гипотетически расширить их за пределы, доступные ныне опыту, связать их таким образом между собой в цельное мировоззрение и на этом мировоззрении основать нравственные идеалы человека». Критик находит, что «эта новая метафизика ничуть не более научна, чем старая», и что она страдает «недостоверностью своих выводов и неясностью в определении своей задачи». Наоборот, другой русский профессор философии (Г. М. Челпанов в книге «О современных философских направлениях», 1902) держится на этот счет положительного взгляда. Он называет эту метафизику «индуктивной».

³ «Гартман, без сомнения, принадлежит к числу самых энергичных и явных поборников реализма (трансцендентального) в борьбе с антиметафизическими тенденциями современных естествоиспытателей и философов». О. Кюльпе. Современная философия в Германии, с. 107.

⁴ От естествознания перешли к философии Вундт и Мах, от медицины — Джемс. Из естествоиспытателей, занимавшихся философией, следует назвать физиков Максвелла, Эрнста Маха и Герца, химика Оствальда. Обзор их учений см. у Гёффдинга, с. 100 и след.

пользовались большой популярностью. Конечно, это так, но поскольку, с одной стороны, метафизические запросы присущи самой человеческой природе¹, а с другой — поскольку популярность того или другого философа часто создается лишь оригинальностью, новизной и смелостью его мысли и чисто литературными достоинствами его произведений и нередко бывает делом простой моды², метафизическое творчество едва ли когда-либо прекратится и едва ли когда-либо не будет больше повальных, но скоропреходящих увлечений вроде тех, какими были ознаменованы и некоторые моменты последней трети XIX в. Человеческая душа есть нечто столь сложное, что в ней всегда найдутся такие струны, которые будут звучать в унисон с авторами книг, — будут ли то поэты, романисты, публицисты или философы, — особенно проникнутых определенными и резко выраженными настроениями.

С этой точки зрения очень характерна в истории рассматриваемого периода общественная мода на пессимистическую философию, отличающая семидесятые годы. О причинах увлечения пессимизмом в эти годы рассуждали разно³, но вполне удовлетворительных объяснений я не знаю, если только не прибегать к гипотезе своего рода психической заразы (с проявлением в ней «законов подражания»), тем более что далеко еще не доказано, чтобы все многочисленные читатели и почитатели Шопенгауера и Гартмана на самом деле были проникнуты пессимистическим настроением, — скорее

¹ Ср. развитие этой мысли в кн.: *Fouillée A. L'avenir de la metaphysique* (1889), в первой главе коей говорится о «*pérennité de la métaphysique*».

² Говоря об успехе «Мировых загадок» Геккеля в публике, О. Кюльпе замечает, что «в этом случае сыграла роль та безрассудная толпа, которая сегодня в слепом энтузиазме почитает Геккеля, между тем как она, быть может, еще вчера предавалась культу Ницше, а третьего дня клялась в верности Шопенгауеру». Современная философия в Германии, с. 61. Ср. у него еще место, где успех, каким пользовались Шопенгауер, Ницше и Геккель, объясняется литературными достоинствами этих философов, с. 18 и 19. По поводу моды на Ницше у нас будет еще речь идти впереди.

³ «Пессимистическое настроение, — говорит Виндельбанд, — господствовавшее в Германии в первые десятилетия второй половины XIX в., легко объясняется политическими и социальными условиями, а потому считается обыкновенно вполне понятным, что шопенгауеровское учение было воспринято с такой жадностью, чему способствовали, впрочем, еще и блестящие качества этого писателя. Приходится, — продолжает он, — удивляться и задумываться над тем, что это настроение пережило 1870 год и как раз в последующее десятилетие нашло себе исход в той безбрежной, популярно-философской болтовне, которая на некоторое время вполне завладела общей литературой. Историко-культурное исследование, конечно, должно отметить здесь истощения и пресыщения; в историко-философском же смысле это движение остается связанным, главным образом, с блестящим и ослепляющим появлением «Философии бессознательного», II, 380. Ср. замечания о пессимизме у Т. Циглера, который выводит его из настроения, господствовавшего в пятидесятых годах (с. 311 и след.), и соображения Н. Lichtenberger (*L'Allemagne moderne*. С. 302 и след.) о причинах распространения пессимизма во второй половине XIX в. Из общей литературы о пессимизме укажем: *Каро Е. Пессимизм в XIX в.; Паульсен. Основания и причины пессимизма; Сёлли Дж. Пессимизм. История и критика* (1893).

в этом позволительно сомневаться¹. Во всяком случае, характерно то, что одной из приманок в философии пессимизма была постановка ею совсем нового вопроса уже не о сущности мира, занимавшая главным образом прежних метафизиков, а о ценности бытия². С точки зрения объективной науки этот вопрос, конечно, неразрешим³, но что он на время взволновал большие круги общества, есть факт, мимо которого пройти, не отметив его, нельзя. С этой же точки зрения следует здесь остановиться, хотя бы в самых общих чертах, на обоих главных представителях бывшего в семидесятых годах модным пессимизма, т. е. на Шопенгауере и Гартмане. Первого из них в это время давно уже не было в живых, но тем знаменательнее его посмертная слава и его влияние из-за гроба⁴.

Философская деятельность Шопенгауера относится еще к первой половине XIX в., когда он не имел никакого успеха: главный его труд «Мир, как воля и представление», вышедший в свет в 1819 г., едва был отмечен, да и то не сразу, тремя рецензентами, а читающая публика и совсем не обратила на него внимания; не меньшую неудачу претерпели и его университетские лекции со стороны студентов. Шопенгауер издал названный труд и начал преподавательскую деятельность в эпоху всеобщего увлечения Гегелем, которого, кстати, заметим, Шопенгауер страшно не любил⁵.

---

¹ Рисую настроение современной французской буржуазии, Н. Е. Кудрин говорит, между прочим, о том, как средний буржуа при зрелище нищеты и бедствий припоминает читанное или слышанное о Шопенгауере и о блаженстве небытия. «Этот современный пессимизм, — продолжает он, — сущий клад для современного мещанства. Все скверное, с этой точки зрения, совершается по железным законам естества, и никто ни в чем не виноват. Значит, будем влачить в этой юдоли плача наше бремя жизни, — каждый на свой манер, каждый при разных условиях, один развалясь в коляске, другой шлепая в опорках по грязи, но твердо памятуя, что все это когда-нибудь кончится». Очерки современной Франции, с. 376.

² О пессимизме см. книгу Vaihinger'a «Hartmann, Dühring und Lange» (1876), многочисленные ссылки на которую имеются в моих «Основных вопросах философии истории» (кн. II, гл. II и V по изд. 1-му и 2-му, глава VII и X по 3-му изд.). Любопытно, что автору названной книги приходилось доказывать законность отделения учения vom Werth der Welt от учения vom Wesen der Welt. Höffding называет радикальный пессимизм Шопенгауера «явлением большой важности в истории цивилизации», так как он «обнажил антиномии и дурные стороны природы и цивилизации», вследствие чего «проблема установления ценностей вступила в новую силу», с. 243.

³ «Мир, — писали мы в другом месте, — сам по себе ни дурен, ни хорош: оптимист находит в нем ту гармонию, которую сам в него внес; пессимист поступает не иначе, отыскивая везде обратную сторону медали. Обоим абсолютным направлениям можно приписывать субъективно-этическое значение, но в теоретическо-объективном им нужно отказать». Основные вопросы философии истории, I, 318 (по изд. 1-му). Ср. там же, с. 441 и след., написанные под свежим впечатлением спора между оптимизмом и пессимизмом в немецкой философии семидесятых годов, причем имелись в виду главным образом Дюринг и Гартман, как резко расходившиеся по вопросу о ценности бытия.

⁴ Совсем прошел незамеченным у нас еще один философ пессимизма, Mainländer, автор «Philosophie der Erlösung», о которой есть интересная работа S. Smolikowskiego «Filozofja wyzwolenia».

⁵ Для Шопенгауера все, что было сделано в философии после Канта, есть «Afterphilosophie»: Фихте, Шеллинг и Гегель — три софиста, особенно последний, этот «geist-und geschmackloser

Свой неуспех мрачный философ объяснял простой стачкой завидовавших его гениальности цеховых ученых, профессоров философии. Несмотря на то что книга совсем не расходилась и часть экземпляров была даже продана на макулатуру, Шопенгауер издал и в тридцатых годах несколько сочинений, которые постигла та же самая судьба: это были годы увлечения левыми гегельянцами. Известностью Шопенгауер сделался только в эпоху реакции пятидесятых годов, после крушения левого гегельянства и революционных стремлений 1848 г., к которым философ также относился с большой злобой, и теперь он уже мог говорить, что вечерняя заря его жизни делается утренней зарей его славы: действительно, слава Шопенгауэра достигла апогея только после его смерти в 1860 г. В семидесятых годах (1873—1874) вышло в свет и имело большой успех первое собрание его сочинений, и скоро возникла целая шопенгауеровская литература¹: его стали переводить, изучать, начали писать о нем и о его философии целые книги. Весьма естественно, что некоторые его идеи не могли не оказать своего влияния на дальнейшее развитие философии (на успехи неокантианства, на Ланге, автора «Истории материализма», позднее на Ницше и т. п.), но нас здесь интересует не эта сторона дела, а та популярность, какой философия Шопенгауера пользовалась одно время в обществе.

Дело именно в том, что Шопенгауер был философским теоретиком пессимизма, — пессимизма не негодования, вызываемого несовершенством общественной действительности, а пессимизма метафизического, сводившегося к объявлению самого бытия злом и как бы переносившего в европейскую философию основные идеи буддизма². Логически проповедь Шопенгауера должна была бы приводить к самоубийству³, раз жизнь есть страдание, которое прекращается только смертью, но сам философ находил, что такой вывод был бы ошибочным, поскольку, убивая себя, истребляют не саму сущность зла, заключенную в мировой воле, а лишь одно из ее индивидуальных явлений. К идее самоубийства, но только не индивидуального, а коллективного, которым должен завершиться космический и исторический процесс, и пришел в конце концов другой философ пессимизма, Эдуард Гартман, тоже пользовавшийся большой популярностью в начале рассматриваемого исторического периода.

Книга Гартмана «Философия бессознательного» вышла в свет за год до начала Франко-германской войны (1869), сразу обратив на себя внимание в обществе, потребовав несколько изданий и сделав имя своего автора од-

---

Scharlatan, Unsinnsschmierer und Kopfverderber», философия которого — «ткань из *contradictiones in adjecto*», «арлекинада», «психическое рвотное».

¹ См. в «Истории новой философии» Ибервега-Гейнце.

² «Как Гегель скопировал с себя свой абсолютный дух, так и Шопенгауер свое личное настроение вынес из себя, чтобы превратить его в выражение абсолютной ценности мира». Основные вопросы философии истории, I, 311 (по 1-му изд.).

³ Самоубийством и кончил жизнь Майнлендер. Ср. выше.

ной из литературных знаменитостей семидесятых годов¹. В своей метафизике Гартман был последователем и продолжателем Шопенгауера. В «Мире как воле и представлении» Шопенгауер признал сущность бытия и основу всего существующего в метафизической «воле», объявив «представление» (т. е. интеллектуальный элемент) лишь производным и зависимым продуктом воли, а Гартман объединил эти два понятия в некотором едином начале, которое назвал «бессознательным», в пользу чего даже привел целый ряд аргументов эмпирического происхождения, именно, из области естествознания². Из этого «бессознательного», как единой сущности мира, Гартман вывел, — совершенно так же, как это делали более ранние метафизики, — весь мировой процесс, объяснив по-своему его начало, изобразив и общее его направление, а также показав, какой будет его конец. Весь этот процесс он фантастически выводил из того, что один из элементов «бессознательного», воля, совершенно случайно и вполне без всякого смысла, захотела хотеть, с чего и началось бытие, само по себе не имеющее поэтому никакого смысла, т. е., собственно, и не должствующее быть, откуда-де и вытекают бедствие и страдание всего существующего. В силу такого взгляда на происхождение мира и такой оценки существования Гартман ставил всему космическому и историческому процессу одну только цель, могущую считаться разумной, — небытие. Другой элемент «бессознательного», представление, или идея, создает в целях упразднения существования постепенно условия, при которых появляются существа, одаренные сознанием, могущим освободиться от господства слепой воли. Это освобождение совершается в человечестве, в котором концентрируется мировое сознание, вместе с тем постепенно прогрессирующее в понимании как цели, так и средств. Сначала люди воображали, что блаженство для каждой личности возможно здесь, на земле, но это была только «первая ступень иллюзии», за которой последовала вторая ступень, состоявшая в вере в личное же блаженство, но уже лишь за гробом; утратив и эту веру, человечество отказалось от идеи личного блаженства, поставив целью своих стремлений коллективное блаженство опять на земле, но это только третья ступень иллюзии: когда человечество постигнет иллюзорность и последнего своего идеала, наиболее сознательная часть человечества, в которой будет сосредоточено наибольшее количество мировой воли, совершит коллективное самоубийство, вместе с чем прекратит существование и всего мира³.

¹ В течение двадцати лет вышло десять изданий главного сочинения Гартмана, а в 1870—1875 гг. — почти шестьдесят работ, посвященных вопросу. О Гартмане тоже существует обширная литература, о которой см. у Ибервега-Гейнце. Из новейших трудов о нем отметим: *Drews A. E. von Hartmanns philosophisches System im Grundriss* (1902).

² Hoffding верно замечает, что Гартман соединял с реалистическим первым планом романтический и мистический фон, с. 558.

³ Об историко-философском построении Гартмана см. в «Основных вопросах философии истории», I, 313 и след. (по 1-му изд.). «Как в «хитрости» гегелевского всемирного духа рису-

Время увлечения философией Гартмана было, в общем, весьма непродолжительно¹, и вообще пессимизм столь же быстро вышел из моды, как и вошел в моду, а в конце XIX столетия господствовало уже противоположное настроение, объяснить которое можно тоже лишь путем более или менее остроумных догадок. Модный философ конца века Ницше объявил пессимизм не столько заблуждением, сколько болезнью.

Шопенгауер и Гартман были на Западе последними крупными метафизиками старого типа, оказывавшими влияние на широкие общественные круги. Другие философы, стремившиеся познать сущность мира, никогда не достигали такого положения, а между тем метафизические попытки не прекращались и в течение всего последующего времени, и притом с большим или меньшим наклоном к религии, как это мы видим, например, в деятельности Эйкена².

Несмотря на временные увлечения теми или другими философами резко метафизического типа, направлением, прочно господствовавшим в конце XIX в., было все-таки так называемое «возвращение к Канту»³, результатом которого явилось неокантианство. Под этим термином отнюдь не

ется сам Гегель, так «бессознательное» Гартмана есть как бы его собственное олицетворение: Гартман узнал его секрет «подстрекать людей к подвигам, совершить которые они, в большинстве случаев, были бы неспособны, если бы прозревали истинные цели «бессознательного»... Та «демоническая ирония», которой он наделяет свое «бессознательное», может быть всецело отнесена к Гартману». Основные вопросы философии истории, I, 315 (по 1-му изд.).

¹ По указанию Т. Циглера, «с 1877 г. к метафизике Гартмана не относились серьезно» и «на нее уже не обращали внимания», с. 321. Причина — в усилении поворота к Канту, какой автор видит и в том, что в философии Шопенгауера стали больше интересоваться ее кантианской, а не пессимистической стороной, с. 321.

² Rud. Eucken, начавший писать еще в семидесятых годах, занимался историко-философскими вопросами, потом перешел к решению проблем чисто философских и окончательно сосредоточил свои занятия на религии. Особенность его мирозерцания та, что он в бытие различает материальную, психическую и духовную области, из которых две первые служат основами для натурализма и идеализма, сводящих все либо к механике, либо к логике. Ни та, ни другая система не удовлетворяет Эйкена, и он сделал основным своим понятием самостоятельную сверхприродную жизнь духа (*Geistesleben*), находящуюся в глубочайшем противоречии с природной действительностью. На почве этого конфликта и возникает религиозное стремление. *Der Kampf um einen geistigen Lebensgehalt. Neue Grundlegung einer Weltanschauung. Der Wahrheitsgehalt der Religion* (1901). В России с семидесятых годов главным представителем метафизической реакции против позитивизма был, как известно, Владимир Соловьев, магистерская диссертация которого «Кризис западной философии против позитивистов» (1874) вызвала в нашей литературе большую полемику (*Кавелин К.* Априорная философия или положительная наука?; *Лесевич В.* Как иногда пишутся диссертации, и др.). Сама метафизика Соловьева имела религиозный характер, что позволило, например, одному из его поклонников (Э. Л. Радлову в статье о нем в Энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона) сказать, что, в сущности, для Соловьева философия была *ancilla theologiae* («служанка богословия» (*лат.*). — *Прим. ред.*).

³ На поворот к Канту оказали влияние появившиеся в 1860 г. блестящее изложение критической философии, сделанное Куно Фишером, книга *Liebmann'a* «Kant und die Epigonen», «История материализма» Ланге и т. п. В Германии образовалась даже своего рода «кантианская филология, столь же точная и мелочная, как гётевская филология» (*Lichtenberger H.* 298); с 1896 г. стал издаваться периодический орган (*Kantstudien*), посвященный Канту, а в 1900 г.

следует разуместь наличности какого-либо цельного учения¹: под общее название неокантианцев обыкновенно подводят всех философов, считающих себя последователями Канта, но это одно только и дает им право быть зачисленными в данную категорию. Отрицая вслед за Кантом метафизику, стремясь вместе с тем к соглашению своих идей с выводами положительной науки, а потому находясь в большей или меньшей близости к позитивизму, неокантианцы почти во всем остальном заняли довольно-таки несходные позиции, тем более что сама двойственность критик «чистого» и «практического разума» должна была дать начало очень различным направлениям. Самое существенное в неокантианстве, при всем разногласии в некоторых даже очень важных пунктах, это — признание недоступности «вещи самой в себе» для человеческого познания и, следовательно, ограничивание познания одними лишь «явлениями», или феноменами. В этом и заключается сущность «критицизма» не в смысле метода, а в смысле согласия с основным положением критической философии Канта.

Нашему познанию доступен только мир явлений, это есть, равным образом, и основной тезис позитивизма, в более широком смысле не одного только учения Огюста Конта, а потому неокантианский критицизм, философски более глубокий, и позитивизм, с гносеологической точки зрения более догматический и, следовательно, более поверхностный, представляют собой направления, находящиеся в некотором родстве между собой: между обоими направлениями возможны своего рода переходные ступени². В последнем десятилетии XIX в. выдвинулся вперед целый ряд философов, поставивших своей задачей борьбу с метафизикой с точки зрения гносеологического критицизма. Таковы особенно Риль, Лаас³, Авенариус. Целью стремлений Риля,

---

Берлинская академия наук предприняла критическое издание его сочинений. В России на неокантианской точке зрения особенно стоит петербургский проф. Александр И. Введенский.

¹ Höfding справедливо подчеркивает, что неокантианство не есть определенная школа, а лишь стремление подвергать гносеологической критике понятия, которыми мы пользуемся, с. 575.

² «Вследствие глубокой оппозиции по отношению к романтической философии многие из тех, которые изучали Канта, бросились в объятия позитивизма», — замечает Höfding, с. 575. Критическую философию и позитивизм он называет «deux tendances qui se combattent... dans toute la philosophie de l'époque moderne», с. 576 («двумя соперничающими философскими тенденциями современной эпохи» (*фр.*). — *Пер. ред.*). В России особенно В. В. Лесевич сближал позитивизм с критицизмом. В этом отношении особенно заслуживает внимания его «Опыт критического исследования основанчал позитивной философии» (1877), где он упрекал последователей Конта в том, что они застыли на своего рода догматизме, и указывал на новейшую научно-критическую философию (или на критический реализм) как на направление, только и могущее возвести позитивизм на высшую ступень развития. Ср. названные выше сочинения Лесевича. О родственности позитивизма и неокантианства см. еще в книге В. Кёнига о Вундте (рус. пер., изд. в 1902 г.), с. 7 и след. Ср.: Zimmermann. Kant und Comte in ihrem Verhältniss zur Metaphysik (1885).

³ С идеями Риля и Лааса русскую публику особенно знакомил В. В. Лесевич (Письма о научной философии), который, как было сказано в предыдущем примечании, считал необ-

автора «Философского критицизма и его значения для положительной науки» (1876 г. и след.), — большого труда, часть которого была в конце восьмидесятых годов переведена на русский¹, — было создать научную философию, в смысле цельного мирозерцания, которое основывалось бы на данных и выводах положительной науки. Борьба с метафизикой проходит через всю деятельность Рилья, для которого теоретическая философия, в более тесном смысле слова, является только критикой познания, т. е. особой наукой со специальной задачей не только исследования возможности и границ, источников и форм познания, но и опровержения всяких метафизических измышлений. Практическая философия, по убеждению Рилья, должна ограничиваться областью наших идеалов, т. е. творчеством того, что должно быть, без каких бы то ни было исследований, касающихся того, что есть, а потому действовать не аргументами, но вызывая в людях веру в нечто лучшее, долженствующее быть осуществленным деятельностью человека. Эрнст Лаас, бывший профессором философии в Страсбурге, в своем «Идеализме и позитивизме» (1879—1884) единственным основанием познания признавал опыт, защищая в этом отношении взгляды Протагора, Юма и Милля, т. е., в сущности, точку зрения позитивистическую против идеализма.

Наиболее замечательным философом этой группы был цюрихский профессор Рихард Авенариус, обозначивший свою философию как «эмпириокритицизм»². Новым в этом направлении была попытка создать общую

ходимым обосновать позитивизм на критицизме, а впоследствии старался привить в России интерес к философии Авенариуса, о чем см. ниже.

¹ Риль А. Теория науки и метафизика с точки зрения философского критицизма (1888). Кроме книги «Der philosophische Kritizismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft» Риль написал еще брошюру «Über wissenschaftliche und unwissenschaftliche Philosophie» (1883), переведенную по-русски в приложении к «Теории науки».

² Об Авенариусе и его эмпириокритицизме уже существует большая литература. Одним из первых его пропагандировал Fr. Karstanjen, («Fr. Avenarius biomechanische Grundlegung der neuen allgemeinen Erkenntnisstheorie»), известный русским читателям и по переводам («Введение в критику чистого опыта» в пер. Б. Б. Лесевича, 1898 и «Рих. Авенариус и его общая теория познания» в пер. Шиманского, 1902). Работа I. Petzold'a «Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung» (1903), имеющая характер и самостоятельного исследования вопроса, тоже существует, в рус. пер. (1909). В России особо горячим сторонником Авенариуса выступил исследователь вопросов научной философии (см. названия его соч. выше) покойный В. В. Лесевич, который написал об Авенариусе статью «Философское наследие XIX в.» (в «Русском богатстве» за 1896 г.). Кроме того, по-русски об Авенариусе писали М. М. Филиппов («Научное обозрение» за 1898 г.), Г. И. Челпанов (киевские «Университетские известия» за тот же год), проф. Кудрявцев (в «Трудах Киевской. Духовной Академии» за 1903 г.), И. И. Лапшин (в первом дополнительном томе Энциклопедического словаря Брокгауза—Ефрона, 1905 г.) и др. Только что, наконец, вышла в свет русская книга Д. Викторова «Эмпириокритицизм, или Философия чистого опыта» (1909), о которой уже были даны в печати благоприятные отзывы. См. также: Эрдман Э. Прологомены к общей теории понятий на эмпириокритическом основании (1903). Интересно, что эмпириокритицизм Авенариуса за последнее время стремятся использовать в интересах экономического материализма (ср. ниже). Для определения генезиса эмпириокритицизма важной признаётся статья Вундта «Über den naiven und kritischen

теорию опыта без каких бы то ни было гносеологических предпосылок, будут ли они иметь своим предметом мыслящий субъект или же объект мышления. Исходным пунктом своей эмпириокритической философии Авенариус взял чистый опыт (*reine Erfahrung*) в том именно его виде, в каком его непосредственно познают люди вообще, т. е. и философы, и профаны, среди же философов мыслители разных направлений, начиная материалистами и кончая идеалистами. Свои идеи Авенариус развил главным образом в трех трудах¹: «Философия, как мышление о мире, согласно принципу о наименьшей мере сил» (1874), «Критика чистого опыта» (1888—1890) и «Человеческое понятие о мире» (1891). В первом из этих произведений Авенариус выдвинул вперед ту идею, что философия должна рассматриваться, как научное стремление мыслить совокупность данных опыта с возможно меньшей затратой силы (*der Prinzip des kleinsten Kraftmasses*), откуда задача философии — достигнуть чистого опыта посредством элиминации из познания всего, что сам данный нам опыт в себе не заключает. Во втором труде он признал прямо возможным установить, как общее правило, то, что мы постоянно приближаемся к чистому опыту по мере того, как все более и более эманципируемся от всех понятий, которые не заключаются в самих данных опыта. В третьем, наконец, своем труде Авенариус указал, где, по его мнению, находится источник осложнения чистого опыта: это — анимизм и вообще понимание внешних явлений по аналогии с самими собой. Чистым опытом он признавал поэтому воспроизведение данного в опыте без каких бы то ни было субъективных примесей, но и сам он оговаривался, что к чистому опыту можно только приближаться, вполне же его никогда нельзя достигнуть². «Невозможно трудная терминология эмпириокритицизма», — как аттестует ее, например, Виндельбанд³, эти причудливые неологизмы Авенариуса, на которые жалуются и другие авторы, были одной из помех для более быстрого распространения этой новой теории.

Realismus» (в «*Phil. Studien*» 1896—1897 гг.), но, например, Гёфдинг находит мнение Вундта, что Авенариус — материалист, несправедливым, с. 258.

¹ Имеются первое и третье в рус. пер. М. М. Филиппова.

² Последователь Авенариуса Иозеф Петцольд во «Введении в философию чистого опыта» говорит о своем учителе, что уже с юношеских лет он был проникнут убеждением, которое может быть описано следующим образом: «Чтобы достичь правильных воззрений на мир, мы должны рассматривать вещи и процессы возможно более без предубеждений, поддаваться всецело их воздействию на нас, не отнимая от них ничего и ничего к ним не прибавляя, приспособить наше мышление возможно более совершенно к окружающей нас среде, возможно тщательнее принаравливать наши мысли к фактам, отказаться от всякой метафизики, значение которой, в лучшем случае, не выше же значения поэтического вымысла, или, по крайней мере, не давать ей влиять на научное исследование, давать, следовательно, слово одному только опыту, опыту без всяких примесей, не поддающихся опытному доказательству, — чистому опыту», I, 322 по рус. пер. Г. А. Котляра (изд. 1909 г.).

³ В. Виндельбанд. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. 2-е изд. под ред. проф. А. И. Введенского, т. II, с. 366.

Нечего говорить, что неокантианское движение, столь сильное после крушения идеализма первой половины XIX в., гораздо больше благоприятствует влиянию на философию со стороны положительной науки вообще и, в частности, естествознания¹, нежели со стороны тех элементов духовной культуры, в которых на первом плане не исследование, а творчество, — каковы религия, поэзия, искусство. Конечно, к одному естествознанию не может сводиться все, чем положительное знание в состоянии обогащать философию: в этом смысле против натуралистической исключительности не только возможна, но и необходима реакция; хотя в том влиянии, какое естествознание оказывает на мышление, нельзя не видеть гарантии того, что философия стоит на верном пути и не сойдет с этой дороги, дабы снова блуждать, как во времена гегельянства, в туманах метафизики. Соединенными усилиями философов, натуралистов и представителей наук гуманитарных и социальных все более и более разрабатывается понятие научного метода в исследовании вопросов о том, что есть, как оно есть, и в росте литературы по так называемой логике наук нельзя не видеть одного из признаков времени, характеризующих последнюю треть XIX в.²

¹ «Решающим моментом в философском движении XIX в. является, без сомнения, такой вопрос: какое значение может иметь для общего воззрения на мир и на жизнь естественно-научное понимание явлений? Влияние, приобретенное этой специальной наукой на философию и общую духовную жизнь, хотя сперва было в XIX в. несколько задержано и отнесено на задний план, но зато впоследствии оно проявилось с тем большей силой». В. Виндельбанд, с. 346. «Конец XIX в., — оговаривается тот же ученый, — пережил относительно быстрое падение мировоззрения, определяемого исключительно понятиями и гипотезами, заимствованными у естествознания; термин «натурфилософия» опять в чести, а в теориях «энергетики» подготавливается с этой стороны новая форма философского понимания природы», с. 357 (со ссылкой на книгу W. Ostwald'a *Vorlesungen über Naturphilosophie*, 1903). «Прежние системы философии, — говорит последователь Авенариуса Петцольд, — терпели полное крушение, стоило только поколебать их основной принцип, их онтологическую или теоретико-познавательную точку зрения. Современная философия старается создать себе более прочную основу. В значительной своей части она есть естествознание и его основа. Если она своей критикой познания разбирает фактический материал, представляющий труды наук специальных, то она при этом только продолжает далее собственную их работу... Она хочет избежать всякого произвола мышления, всякой метафизической спекуляции, которая, по ее мнению, может иметь ведь только ценность выдумки, игры фантазии и слишком скоро сбивает с толку и заводит в бесплодную пустыню». *Петцольд И.* Введение в философию чистого опыта, т. I, с. 15. Автор имеет в виду, в особенности, эмпириокритицизм, о котором и говорит в пропущенных и отмеченных многоточием строках. О последнем он заявляет, что «это именно та философия, которая лучше всякой другой соответствует и может помочь нашей эпохе, эпохе естествознания», с. 12. Дело в том, что, покоясь на фактах, добытых наукой, она хочет открывать и новые факты: «она не хочет только следовать путем научных специальных исследований, а хочет... сама оказать влияние на этот путь», с. 15.

² По логике наук долгое время единственным трудом оставалась «Система логики» Милля. Она вышла в свет в 1843 г., и после нее первым трудом подобного рода была книга G. C. Lewis'a (*A treatise on the methods of observation and reasoning in politics*, 1852), а затем A. Bain'a (*Logic inductive and deductive*, 1871, из которой были по-русски переведены и изданы «Юридическим вестником» в 1882 г. главы VII и VIII под заглавием «Логика общественных

Какова бы ни была роль новейшего естествознания в истории философского мышления нашей эпохи, можно утверждать, что представители естественных наук, сколько-нибудь знакомые с философией, согласны с тем, что материализм представляет собой такое же метафизическое учение, как и спиритуализм. Но если материализм может считаться уже преодоленным в философии и науке, то в широких кругах интеллигенции он продолжал и продолжает иметь еще весьма многочисленных адептов¹. Следует также отметить, что материалистическое мировоззрение значительно распространялось в последние десятилетия среди рабочих, усвоивших социалистические стремления, в особенности между сторонниками социал-демократии, хотя бы в форме экономического материализма, который, конечно, не то же самое, что материализм метафизический, но все-таки довольно к нему близок².

На то, что материализм, по крайней мере, в Германии, продолжал пользоваться сочувствием в известной части читающей публики, указывает, — кроме, например, появления в 1898 г., за год до смерти Бюхнера, девятнадцатого издания его «Силы и материи», — успех, каким пользовались и некоторые другие писатели родственного Бюхнеру направления. Впрочем, представители материалистического мировоззрения, начиная с самого же Бюхнера³,

---

наук»). Новейшие труды: *Sigwart. Logic* (1874); *Wundt W. Logic* (1880 и новые издания). Тому, как Вундт смотрит на логику общественных наук, посвящено несколько страниц в моем «Введении в изучение социологии» (с. 210—216 по 2-му изд.). Более подробные указания на сочинения по методологии общественных наук сделаны в только что указанной книге.

¹ Материализм, преодоленный в науке, «живет еще в качестве мировоззрения как раз в таких слоях общества, которые охотно украдкой пользуются «результатами науки», предлагаемыми им услужливой рукой. Такой материализм, пригодный для полубразованности, нашел себе характерное выражение в сочинениях Геккеля и в его так называемом монизме». *Виндельбанд В. II*, 358. С этим замечанием вполне сходится Н. Lichtenberger в своей интересной «L'Allemagne moderne» (1908), где говорится, что в Германии материализм «compte aujourd'hui ses adhérents par millions», с. 287. Правда, оговаривается он, «le matérialisme a incontestablement perdu beaucoup de son crédit parmi l'élite intellectuelle», но зато «l'immense succès des ouvrages de Haeckel, répandus à milliers d'exemplaires, démontre clairement qu'il a gardé toute son action sur une fraction très importante du public cultivé», с. 288 (ср. еще раз ссылку на Геккеля, на с. 295). Lichtenberger полагает, что «le matérialisme a bénéficié du prestige immense dont jouit aujourd'hui la science positive», с. 289, и что вместе с тем он «est apparu à beaucoup comme la forme la plus radicale de l'anticléricalisme», с. 292. Ср. у него (с. 295) замечание о том, что, собственно, интеллигенция немецкая настроена по отношению к материализму более строго, нежели французская.

² Höfding указывает на то, что материализм в Германии, противопоставив свой догматизм догматизму церковному, заставил думать о проблемах, бывших в пренебрежении после разложения романтической философии, — и признаёт за заслугу материалистического движения то, что оно было одушевлено идеалистической любовью к человечеству и к прогрессу, с. 523. Неустранным признаёт материализм и Т. Циглер, с. 297, указывая, между прочим, на сильное распространение его среди рабочих.

³ Бюхнер с 1889 г. стал исповедовать панпсихизм в форме гилозоизма. *Лаппин И.* Законы мышления и формы познания. С. 121. Höfding полагает, что на этой последней стадии Бюхнер соединял в своем воззрении противоречивые точки зрения духа и материи, как феноменальных форм одной и той же субстанции, и материи, как последней основы всего сущего, с. 527—528.

в рассматриваемый период большей частью покидали старую позицию и становились, хотя и не очень выдерживая последовательность, на точку зрения монизма, объявляющего дух и материю лишь разными проявлениями одной и той же мировой сущности¹ или, — как определяют эту новую позицию ее критики, — гилозоизма, т. е. воззрения, оживотворяющего материю (откуда и само название «гилозоизм»). Эта новая позиция настолько видоизменила старую точку зрения, что наиболее популярного в конце XIX в. ее представителя, известного германского натуралиста Эрнста Геккеля², отдельные писатели называют то материалистом³, то гилозоистом⁴, то монистом⁵, то пантеистом⁶ или панпсихистом⁷, хотя иногда и оговариваются

¹ О стремлении к монизму, примиряющему в высшем синтезе дух и материю, как два проявления одной и той же сокровенной сущности, главным образом, на оснований заявлений в этом смысле, делавшихся в семидесятых годах, см. несколько отметок в моих «Основных вопросах философии истории». Особенно на этот счет есть одно эффектное место в книге Тэна «De l'intelligence», I, 365 и след. (по изд. 1870 г.). В «популярно-философском этюде» В. Кандинского «Современный монизм» (1882) собрано еще несколько указаний на эту тенденцию в философии конца XIX в. Итальянский философ Роберто Ардиги, о котором см. у Гёфдингга на с. 42—57, смотрит на психические и физиологические явления, как на выражения одной и той же психофизической реальности (realità psicofisica), которую он называет еще «Indistinto»: это — состояние недифференцированности, предшествующее и лежащее в основе двух дифференцировавшихся явлений — «явлений мира психики и мира материи», с. 52 и 205.

² Из всех германских зоологов первым, высказавшимся за теорию Дарвина, был Эрнст Геккель. Еще в шестидесятых годах он издал два крупных общих труда, из которых один выходил за пределы специальных занятий автора и представлял собой попытку построения цельного мирозерцания на основании эволюционной идеи. Именно, в «Generelle Morphologie der Organismen» (1866) Геккель дал общую систему органического мира, в другом, «Natürliche Schöpfungsgeschichte der Organismen» (1868), — целую картину мироздания. В 1899 г. он издал наделавшую много шума книгу «Мировые загадки» (Die Weltratsel) с подзаголовком «Общедоступные очерки (Studien) монистической философии». Эта книга, как и «Естественная история миротворения», имеется и на русском языке. Для характеристики учения Геккеля еще очень интересен взгляд на душу как на сочетание многих индивидуальных душ, т. е. душ отдельных клеток, из которых состоит организм. См. его переведенную и по-русски (1880) работу «Клеточные души и душевные клетки». Об этом ср. в моих «Основных вопросах философии истории», т. II, с. 109—110 (по 1-му изд.) или вообще в кн. III, гл. 3-я в 1-м и 2-м изд. и гл. 13-я в 3-м изд.

³ Когда говорят о распространенности в Германии материализма, то ссылаются особенно на популярность философии Геккеля.

⁴ О гилозоизме Геккеля см. у А. Введенского, с. 83 и 88.

⁵ На той точке зрения, что Геккель не материалист, а монист, как сам он себя определял, стоит Höfding, с. 530. Датский философ находит только, что Геккель не снял противоположности материализма и спиритуализма, так как у него есть «aussi bien des propositions d'aspect spiritualiste que des propositions d'aspect matérialiste» («предположения, тождественные как с духовной, так и с материалистической точек зрения» (фр.). — Пер. ред.).

⁶ Т. Циглер отмечает, что Геккель «действительно оставил распространенное материалистическое мирозерцание и выработал свое собственное пантеистическое воззрение на природу», но прибавляет, что «при этом в его теории все-таки вкрались не вполне ясные и неразобранные остатки материалистического характера», с. 294.

⁷ «Новейшие эволюционисты Геккель, Вундт, Фулье и Гюйо принимают панпсихизм». Лаппин И. С. 121 и 292.

о невыдержанности его точки зрения (в смысле наклона в сторону материализма). Во всяком случае, как бы ни называть направление Геккеля, оно уже не было тем упрощенным материализмом, с каким мы имеем дело у Бюхнера, и то же самое приходится, пожалуй, сказать по поводу материализма Штрауса¹, о взглядах которого речь еще впереди.

Здесь мы остановимся вкратце еще на одном вопросе, тесно связанном с материализмом. Именно я имею в виду возрождение в биологии конца XIX в. так называемого витализма, т. е. учения о «жизненной силе» как особом начале, долженствующем объяснять явления жизни. Витализм, — или неовитализм, как его стали тоже называть, — вооружился против сведения жизни к чисто механическим, физико-химическим процессам, объясняющим явления неорганической природы. Первым, кто высказался отрицательно по отношению к господствовавшему в биологии взгляду, был профессор физиологической химии Бунге в общем труде, посвященном этой науке и вышедшем в свет в 1887 г.² Изложенная им здесь критика механицизма произвела впечатление и снискала неовитализму некоторое количество приверженцев среди естествоиспытателей, но большинство не пошло за неовиталистами, признав в новом учении возвращение к метафизике с ее мнимым познанием сущности вещей³.

Одной из особенностей новейшего материализма нужно признать его гуманитарно-идеалистический характер в культурном отношении и либерально-прогрессивный в отношении политическом. Единственным крупным исключением из общего правила является мирозерцание Давида Штрауса, которое он обнародовал в книге «Старая и новая вера», вышедшей в свет в самый разгар «культуркампа»⁴, в начале семидесятых годов. Имя автора, общий характер его книги, и сенсация, какую она в свое время произвела в обществе, заставляют нас остановиться на этом предмете несколько подробнее.

Давид Штраус, автор «Жизни Иисуса», по поводу которой началось, в середине тридцатых годов, разделение гегельянства на «правое» и «левое», человек, лишившийся из-за нее кафедры в Тюбингенском университете и не могший потом занять кафедру в Цюрихе, в политическом отношении отличался консерватизмом, что и обнаружилось в его деятельности,

¹ Проф. Введенский причисляет Штрауса к гилозоистам, с. 82.

² Lehrbuch der physiologischen Chemie (1887). Очерк «Vitalismus und Mechanismus».

³ Под «витализмом» Höffding рекомендует разуметь объяснение жизненных явлений гипотезой особой жизненной силы, а отнюдь не общее указание на то, что в явлениях жизни есть много такого, что не может еще быть объяснено из физических и химических причин, с. 614—615. Например, Спенсера мы не назовем виталистом, хотя и он заявлял о невозможности сведения на физико-химические процессы явлений физиологических и психических (о чем см. ниже).

⁴ Сама книга начинается с указания на воинственный характер движения, происходившего тогда в католической церкви.

как члена франкфуртского парламента в 1848 г., когда ему, по требованию недовольных избирателей, даже пришлось сложить с себя депутатские полномочия. В 1870 г. Штраус проявил к тому же еще крайний национализм с настоящим, вдобавок, культом Бисмарка в своих письмах к Ренану, отвечавшему ему грустными жалобами на торжество грубой силы над цивилизацией¹. Вскоре после окончания Франко-германской войны Штраусом была издана книга под заглавием «Старая и новая вера» (1872) с подзаголовком, указывавшим на то, что это была целая исповедь (Ein Bekenntniss). Появление ее вызвало настоящую сенсацию в публике: ее сильно читали и быстро раскупали одно издание за другим². Политический консерватизм и националистическая исключительность Штрауса сказались в книге в полной силе³. С гордостью заявляя, что он бюргер, Штраус тем не менее отстаивал необходимость дворянства и майоратов, нападал на идею гражданского равноправия, на всеобщую подачу голосов, на социализм, заявляя, например, что «история всегда останется аристократкой», доказывал, что единственно возможная форма правления для цивилизованных наций есть монархия, защищал смертную казнь, возражал сторонникам вечного мира и, в общем, признавал себя сторонником политики Бисмарка.

С проповедью таких идей книга соединяла тем не менее убежденную защиту полной духовной свободы личности, свободу совести, свободу мысли, свободу слова, да и сам автор с большой смелостью высказывал свои радикальные идеи в областях философии и религии.

Бывший левый гегельянец тридцатых годов, Штраус в «Старой и новой вере» уже открыто стоял на точке зрения материализма середины XIX в.⁴, осложненного дарвинизмом. Защита этого мирозерцания наполняет собой всю третью главу книги («Как понимаем мы мир?»): это и есть «новая вера», которую Штраус противопоставлял «старой вере», христианству. «Христиане ли мы еще?» — так называется первая глава книги, заключающая в себе, безусловно, отрицательный ответ автора за себя и за тех, которые разделяли его идеи. И другой вопрос: «Имеем ли мы еще религию?», поставленный для разрешения в следующей главе, получил у него также отрицательный ответ: Штраус заявлял здесь, что не признаёт

---

¹ После того, как Ренан в 1863 г. издал свою «Жизнь Иисуса», Штраус тоже переиздал свое знаменитое сочинение, сильно его переработав для самой широкой публики (Das Leben Jesu für das deutsche Volk bearbeitet, 1864).

² Недавно вышел в свет и запоздалый перевод ее на русский язык.

³ Все политическое мирозерцание Штрауса изложено, главным образом, на с. 258 и след. его «Старой и новой веры» (по 4-му изд. 1873 г.).

⁴ Он сам говорит следующее: «Wenn man hierin den claren crassen Materialismus ausgesprochen findet, so will ich. zunächsts gar nichts dagegen sagen», с. 212 по указанному изданию. Впрочем, и Штраус высказывается за монизм, находя, что обе противоположные точки зрения, т. е. материализм и идеализм («oder wie man die dem erstern entgegenstehende Ansicht sonst nennen mag»), будучи развиваемы вполне последовательно, одна в другую переходят.

никакой догматической религии и что если что-либо им и удержано из религиозной сферы, то, во всяком случае, это стоит очень далеко от обычных религиозных верований. Такова была теоретическая философия Штрауса, практические выводы из которой, указанные выше, были им изложены в последней главе, носящей название «Как устраиваем мы нашу жизнь?»¹.

На этом мы и покончим относительно проявления материализма в последней трети XIX в.² Теперь у нас на очереди (по поставленной выше программе) — позитивизм³.

Известно, что настоящее влияние на умственную жизнь цивилизованных наций родоначальник позитивизма, взятого в более узком смысле слова, Огюст Конт, начал оказывать только с конца шестидесятых и начала семидесятых годов⁴. Последнее из названных десятилетий, но уже в меньшей степени следующее за ним, было временем наибольшего влияния основных идей, содержащихся в «Курсе положительной философии», хотя критическое изучение взглядов Конта не прекращалось и позднее. Нельзя, наконец, не прибавить, что к началу текущего столетия интерес к Конту значительно ослабел⁵. Это не значит, однако, что позитивизм, понимаемый в более широком смысле научной философии⁶, утратил кредит: в контовском позитивизме нужно отличать то, что было, так сказать, личным мнением самого Конта, от того, в чем он был только выразителем общего научного стремления, нередко предвосхищавшим идеи, к которым

---

¹ Критиком своей книги Штраус отвечал брошюрой «Nachwort als Vorwort» (1873), которая потом перепечатывалась в следующих изданиях книги. В числе критиков был и только что начинавший тогда Ницше.

² Одним из последних произведений в материалистическом духе является имевшая у нас столь большой успех (благодаря, впрочем, своему марксистскому характеру) книга Бельтова, о которой см. ниже.

³ Подробные указания на сочинения о позитивизме можно найти в моем «Введении в изучение социологии» (см. с. 424–425 по 2-му изд.). Более важно отметить здесь, кроме книги В. В. Лесевича, названной выше, следующие труды: *Fouillée A. Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde* (1896); *Gruber H. Der Positivismus von Tode Aug. Comtes bis auf unsere Zeit* (1891); *Brütt M. Der Positivismus* (1889). Есть, кроме того, специальные работы о самом Конте, вышедшие в свет в Новейшее время (между прочим, русские В. И. Герье, А. С. Лаппо-Данилевского и др.), тоже указанные во «Введении в изучение социологии».

⁴ Одним из первых, познакомивших немецкую публику с Ог. Контом, был Twesten, сделавший это во вступительной части своей книги «Die religiösen, politischen und socialen Ideen der asiatischen Kulturvölker» (1872). Ранее его, кажется, можно указать только: *Springer B. A. Comte und seine Philosophie* («Deutsches Museum» за 1867 г.).

⁵ Одно из доказательств этого нельзя не видеть в следующем: говоря в своей книге «Очерки по теории статистики» (1909) о разделении наук (по Риккерту) на номотетические и идиографические, А. А. Чупров даже не упомянул, что, в сущности, родоначальником этого деления был Конт, употреблявший только другую терминологию: несколько раньше это было бы у нас совсем немислимо.

⁶ А. Rey рекомендует заменить слово «positivism» неологизмом «scientism», так как первый термин или обозначает только доктрину Конта, или употребляется еще в разных других смыслах. La philosophie moderne, с. 6.

другие приходили позднее¹. Вне Франции раньше всего Конт был оценен англичанами, с их складом ума, наиболее родственным общему духу положительной философии. Большое количество поклонников было у Конта, кроме того, еще и в России, во всяком случае, гораздо большее, нежели в немецких странах, но из того, что на немецком мышлении слабо сказалось влияние Конта, вовсе еще не следует, чтобы позитивизм, в более широком смысле слова и притом чисто местного происхождения, не существовал и в Германии², где подготовкой к нему нередко могло быть неокантианство. Позитивистами имели право объявить себя отдельные лица, которые раньше знакомства с Контом или даже с главными положениями англо-французского реализма уже приходили к позитивистическим взглядам³.

¹ Иозеф Петцольд, автор небольшой книги под заглавием «Das Weltproblem von positivivistischem Standpunkte aus» (1906), существующей уже в двух русских переводах, говоря об «исторической необходимости современного позитивизма», отмечает, что оно, это «нынешнее, новое, строго-позитивистическое понимание мира», «вполне естественно выросло из потребностей нашего естественно-научного века, относящегося враждебно к бесплодным метафизическим стремлениям». Доказательство этого Петцольд видит в том, что «в своих важнейших составных частях такое миропонимание найдено тремя человеками, работавшими независимо друг от друга: это — Шуппе, Мах и Авенариус. «Психологически и исторически, — прибавляет он, — нынешний позитивизм примыкает к неокантианско-естественно-научной фазе современного мышления», с. 3 (по пер. М. А. Лихарева, изд. 1909 г.). Главное здесь — в преодолении представления о субстанции; нужно, однако, принципиально признать его ошибочность, но и проникнуться во всем своем теоретическом мышлении этим убеждением, с. 151. Отвергая «идеализм, опирающийся на Канта», Петцольд находит столь же несостоятельным и то, что он называет «позитивистическим идеализмом» Конта и Милля, «не ведающим никаких априорных условий опыта», с. 138. «Позитивизм, — по его мнению, — впервые достигается путем окончательного устранения представления о субстанции», а поскольку Конт этого не сделал, его, говорит автор, «правильнее было бы считать идеалистом, чем позитивистом», с. 121.

² См. у Hoffding'a указание на то, что новейшее научное направление немецкой философии не есть «продолжение франко-английского позитивизма»; автор указывает на самостоятельное происхождение этого направления под влиянием успехов естествознания, с. 515 и след. Ср. замечание о Дюринге, как «самом значительном представителе позитивизма в Германии», «продолжающем дело Людвиг Фейербаха», с. 576. Одну из заслуг эмпириокритицизма новейший представитель его, Иозеф Петцольд, видит в «преодолении им представления субстанции», а «так как, — говорит он, — вместе с представлением субстанции падает и всякая метафизика, то философия чистого опыта есть вместе с тем позитивизм, и всего лучше будет, пожалуй, назвать ее релятивистическим позитивизмом». Введение в философию чистого опыта (1909), т. I, с. 9—10.

³ Итальянский философ Ардиго указывал, что он пришел к своим позитивистическим выводам независимо от французского и английского позитивизма, с которым он познакомился лишь впоследствии. Гёффдинг, с. 47. Прибавим, что, называя себя позитивистом, Ардиго самым существенным в позитивизме считал не его окончательный вывод, а то, что берется им за исходную точку, опыт. «Позитивист не торопится дать окончательный вывод; он не хочет создать себе идею, которую можно было бы выставить партийным лозунгом, но идет шаг за шагом вперед, в том направлении, где ему представляется истина», с. 48. Marchesini в «La crisis del positivismo» (1898) рассматривает с этой точки зрения взаимоотношение между философией Ардиго, своего учителя, и позитивизмом.

В известном смысле, но в довольно все-таки ограниченном, мы можем даже говорить о проявлениях влияния более широко понимаемого позитивизма и на практическую общественную деятельность. Конечно, этот вопрос с гораздо большим трудом поддается исследованию сравнительно с вопросом о влиянии позитивизма в области теоретического мышления, но кое-что и об этом предмете все-таки может быть сказано. Отчасти нам уже пришлось коснуться этого, когда шла речь об умственном настроении французских республиканцев одного поколения с Гамбеттой, но, конечно, подобных указаний слишком мало для каких бы то ни было выводов. В таком же положении мы находимся, например, и по отношению к польскому позитивизму, заслуживающему быть отмеченным в истории польской общественной мысли после восстания 1863 г.¹ Преимущественно в русской Польше проповедь позитивизма, предшествовавшая социалистической пропаганде, получила резко выраженный характер реакции против какой бы то ни было мечтательности, не исключая прежде всего политического фантазерства. В молодой польской прессе середины шестидесятых годов проповедь позитивизма приняла, таким образом, чисто практическое направление и была, в сущности, тем же самым, что представляла собой и проповедь органического труда; теоретическая, т. е. настоящая сторона позитивизма стала больше обращать на себя внимание только около 1870 г.² Когда во второй половине семидесятых годов началась новая Восточная война, во время которой многие поляки стали разбирать вопрос о возможности наступления некоторых благоприятных для Польши обстоятельств, против этих мечтаний восстали, как известно, галицийские консерваторы-«станьчики», но восстали также и варшавские прогрессисты-позитивисты. Некоторое время польский позитивизм сближался с социализмом³, но в конце семидесятых годов между обоими направлениями произошел разрыв⁴. Укажем, наконец, и на то, что в России семидесятых

¹ Погодин А.Л. Главные течения польской политической мысли, гл. II.

² Об одном из вождей нового направления, А. Свентоховском, в названной выше книге проф. Погодина читаем: «Он и его товарищи по школе относились с осуждением к восстанию 1863 г. и, естественным образом, подчинились новым, позитивным идеям, которые носились в воздухе; начиналось знакомство с Дарвином и Контом; система Бокля захватывала умы молодежи, и особенно живо испытывалась многими потребность впустить свежего воздуха в затхлую атмосферу клерикализма и шляхетских традиций», с. 118.

³ Как это было и среди русских (П.Л. Лавров и др.).

⁴ «В сущности, — говорит проф. Погодин, — позитивизм (речь идет именно о польском позитивизме) как политическое мировоззрение не отличался большой определенностью: он доказывал необходимость индуктивного метода в мышлении и, вместе с тем, отречение от дедуктивных истин, навязанных традицией; он убеждал, что только взаимодействие единицы и общества может быть продуктивно в своих последствиях, но в какую сторону должно направить взаимодействие, каковы конечные цели «работы у основ», что общего с будущим Польши имеет какой-нибудь Поланецкий, разбогатевший с помощью «органического труда», — на эти вопросы позитивизм не давал ответа. Напротив, временно он совсем вычеркивал их из своей памятной книжки, потому что все отзывавшееся мечтаниями было ему противно».

годов (вообще в эпоху «Отечественных записок») позитивизм сделался одним из идейных ингредиентов мирозерцания представителей наиболее прогрессивного направления тогдашней общественной мысли. Указывая на все эти факты, мы обязаны тут же, однако, отметить, что чисто общественное влияние позитивизма не могло быть прочным и продолжительным по причине отсутствия в нем того, что можно было бы назвать деонтологическим элементом¹. «Курс положительной философии» Конта был теорией того, что есть, как оно есть, учение же свое о том, что должно быть, Конт, как известно, изложил в более поздней «Системе положительной политики», которая была написана уже в мистико-теократическом направлении, вызывавшем к себе со стороны научно настроенных людей лишь отрицательное отношение. Другими словами, в том позитивизме, который оказывал влияние на передовые общественные круги, была представлена, выражаясь терминами Н. Е. Михайловского, «правда-истина», разлученная, однако, с «правдой-справедливостью», и этот дефект, конечно, не мог не сказаться на общественной роли позитивизма. Само несходство социальных стремлений позитивистов семидесятых годов во Франции, в Польше и в России указывает на то, что одна трезвость мысли только и была общим их признаком в эту эпоху.

Изящная литература тоже испытала на себе известное и, пожалуй, даже большее, чем в рассмотренном сейчас отношении, влияние позитивизма. Между ним и тем, что в литературе получило название реализма, или натурализма², существует такое же внутреннее родство, какое в свое время было между идеалистической философией и романтизмом³: позитивизм явился, как реакция против идеализма, натурализм — как реакция

К этому проф. Погодин прибавляет даже, что «неминуемым последствием его (позитивизма) пропаганды был упадок широкой общественной мысли, который знаменует период до конца восьмидесятых годов». Главные течения, с. 139—140.

¹ Один из писателей, наиболее содействовавших распространению в России идей позитивизма в широком смысле слова, П. Л. Лавров, окончивший незадолго до своей смерти большой труд «Задачи понимания истории» (вышел в свет в 1898 г. с псевдонимом С. С. Арнольди), высказал, в качестве яркого представителя социализма, ту мысль, что при всем своем громадном теоретическом значении основные особенности позитивизма «не представляли удобной почвы для борьбы общественных партий». Причину этого Лавров усматривал в том, что позитивизм подпал «влиянию современного идейного индифферентизма», отказавшись от усвоения «какого бы то ни было присущего этому мирозерцанию нравственного учения» (с. 354—355). Это обстоятельство умаляло в глазах Лаврова историческую роль позитивизма «в попытках решить современные задачи мысли». Этот-то именно недостаток и стремилась вообще восполнить так называемая «русская субъективная школа социологии» с самим Лавровым во главе, — направление, связывавшее, но не смешивавшее вопросы существования с вопросами долженствования. См. мое «Введение в изучение социологии», гл. XIV.

² О нем имеется целая литература: *Camille, Albert. Petit traité de littérature naturaliste; Desprez. L'évolution naturaliste; Sovageot D. Le réalisme et le naturalisme; Lindau P. Die naturalistische Schule in Frankreich; Nordau M. Zola und der Naturalismus* и т. п.

³ Некоторые историки философии (например, Гёффдинг) даже саму философию первой половины XIX в. называют «романтической».

против романтизма. Родоначальник позитивизма, при своей жизни оставшийся малозамеченным, стал оказывать влияние много спустя после своей смерти, но о сравнительно небольшой известности в свое время и об огромной популярности впоследствии можно говорить и по отношению к родоначальникам нового литературного направления — Анри Бейлю (Стендалю) и Бальзаку, писателям первой половины XIX в., вошедшим в моду одновременно с более молодыми Флобером и обоими Гонкурами с их романами, написанными в строго реалистическом духе. Основной особенностью новой школы было устранение из романа всякого идеализма и субъективизма, т. е. преклонение перед фактической действительностью с ее детерминизмом, принимавшим иногда фаталистическую окраску. В семидесятых годах это направление нашло своего теоретика и как бы законодателя в знаменитом романисте эпохи, Эмиле Золя.

Как теоретик литературы и, в частности, романа, Золя требовал от художника подчинения тем же правилам, какие существуют для науки. Романист, как Золя понимал дело, должен воспроизводить явления жизни, строго придерживаясь действительности. Противник романтизма и сентиментальной идеализации, какую он находил, например, в романах Жорж Санд, отстаивая реализм в искусстве, он, вместе с тем, высказывался против всякого эмоционального субъективизма, как бы разделяя совет Спинозы «не радоваться и не плакать, а только понимать». Романист, как и ученый, по теории Золя, должен отличаться полным объективизмом, совершенным бесстрашием, прятать свои чувства, не выдавать своего волнения, не восторгаться добродетелью, не негодовать о пороке, а лишь излагать свои наблюдения над жизнью. Золя говорил не только о натурализме в искусстве, но даже об «экспериментальном романе»¹. В этом сказалось его увлечение экспериментальным методом естествознания (в частности, Клодом Бернаром). В начале семидесятых годов Золя предпринял свою знаменитую серию из двух десятков романов, составляющую «естественную историю» одного семейства (Ругон-Маккаров), к которой он применил вычитанные из книг по физиологии и патологии сведения о наследственной передаче физических и психических свойств. Первый из этих романов («*La fortune des Rougon*») вышел в свет вскоре после Франко-германской войны (1871), последний («*Le docteur Pascal*»)² — более чем через двадцать лет (1893). В этом грандиозном литературном предприятии романист ставил себе прямо, если не научную, то наукообразную задачу разрешения вопросов о среде, наследственности и личном темпераменте и даже составлял генеалогические таблицы своих героев. Он считал себя прямым

¹ См. сборники его статей под заглавием: «*Le roman experimental*» (1880), «*Les romanciers naturalists*» и «*Le naturalisme au théâtre*» (1881).

² «Карьера Ругонов», «Доктор Паскаль» (фр.). — Прим. ред.

исследователем «человеческих документов»¹ и старался быть документальным до совершенной протокольности своих описаний всего, без малейших исключений, обихода человеческой жизни со всякой житейской грязью включительно, за что и подвергался обвинениям в порнографическом цинизме и в безнравственности. (В этой стороне его творчества иные даже видели одно из необходимейших проявлений натурализма.)

В общем, литературная теория Золя («золаизм», как ее называли) имела позитивистический характер. Золя относился весьма отрицательно ко всем поэтическим и философским абсурдам прежних мирозозерцаний. Он преклонялся только перед наукой с ее экспериментальным методом и документальностью, ценил лишь трезвый ум, бесстрастную работу мысли и видел высшее проявление интеллектуальной деятельности в том, что называл «писанной мыслью». Созерцатель по самой своей натуре, Золя относился отрицательно и к политике, считая, что ею могут увлекаться лишь бездарные люди или, в лучшем случае, посредственности. Он даже пророчил, что в будущем величие будет признаваться не за теми, которые мечтают об исправлении человечества, а за теми, которые изображают его жизнь, какова она есть, без всяких прикрас и умолчаний. В этом он готов был усматривать великую задачу своего времени.

Таково было господствующее настроение Золя, по крайней мере, в эпоху создания серии «Ругон-Маккары». Позднее, в девяностых годах, романист колебался в этом своем «позитивизме». Он начал находить, что натурализм, пожалуй, стал закрывать от людей более широкие перспективы, и в своих последних романах проявил намерение из строгого объективиста (каким на деле никогда не был) сделаться учителем жизни. Еще более замечательным фактом было известное его вмешательство, в 1898 г., в политическую злобу дня по поводу дела Дрейфуса. Это различное настроение Золя, узко позитивистическое в семидесятых годах и более смягченное в девяностых, может тоже служить иллюстрацией для того общего положения о деонтологическом пробеле в позитивизме, которое было высказано выше. Вообще разлучение «правды-истины» от «правды-справедливости» не могло быть длительным, и рано или поздно должна была наступить реакция против исключительно интеллектуалистического объективизма позитивистической философии².

¹ Ср. сборник «Documents littéraires» (1881).

² В своей книге «La philosophie modern» (1908) Abel Bey старается провести демаркационную линию между «la philosophie qui finit et la philosophie qui commence» (с. 20 и след.). «Маркой» прежней философии была «la séparation absolue de la pensée scientifique et du monde moral» (философией), и как раз против этой тенденции происходит реакция, но самое новое в философии, по автору, это — сближение считавшихся прежде противоположными «проблемы познания и проблемы деятельности». «Il semble, — говорит Bey, — qu'aujourd'hui le problème de la science et le problème de l'action ne tendent plus qu'à en faire qu'un, et à être résolu, sinon par la même solution, du moins par la même method», с. 27. «Сильнее, чем прежде, подчеркивается

В литературной критике еще раньше Золя аналогичные его взглядам идеи высказывал Тэн. Он тоже был позитивистом интеллектуалистического типа, разделявшим реалистические принципы Конта и Милля. В нашем человеческом мире и Тэн, — так сам же он и говорил о себе, — признавал лишь одно достойным разумного существа, это — отдаваться с энтузиазмом исследованию истины. По его представлению, литературная, равно как и художественная критика должна была быть прежде всего научной: дело не в том, чтобы передавать свои субъективные впечатления от произведений поэзии и искусства, а в том, чтобы понимать психологию авторов и объяснять их произведения влияниями расы, среды и исторического момента. В частности, Тэн находил, что и роман, и критика должны заниматься исследованием человека. Поэтому от критика он требовал такого же хладнокровного отношения к своим объектам, какое, например, проявляет ботаник, например, к своему гербарию, ибо история и критика в деле изучения литературы и искусства — только продолжение работы естествоиспытателя над явлениями природы. Допуская, впрочем, рядом с научной критикой эстетическую и моральную, Тэн и для них искал научный критерий. Мы видели, однако, что со своим принципом строго научного объективизма Тэн, как ему казалось, подошел и к изучению Французской революции, но что это совсем ему не удалось.

Если на критицизм и на позитивизм смотреть как на прочнее всего с философской и научной точек зрения обоснованные направления современной познающей мысли, то особый интерес может представлять отношение только этих направлений, — а не каких-либо других, тоже существующих в наше время, — к вопросам долженствования как в жизни индивидуальной, так и в жизни социальной. Но прежде скажем несколько об отношении новейшей философии к религии.

Философия, взятая в целом всей своей истории от Фалеса до наших дней, представляет собой великое поле исканий между двумя другими же такими полями исканий, называемыми религией и наукой. На двух противоположных краях поля философии есть своего рода промежуточные области, где философское мышление соприкасается и даже сливается или с религиозной верой, или с научным знанием: нередко сама религия получает философский характер, или философия — религиозную окраску; не-

---

теперь необходимость наблюдения, анализа, критики, объективной связи, но в то же время настойчивее, чем прежде, выдвигается субъективный выбор точек зрения и исходных точек и заключительных мыслей». Г. Гёфдинг. *Современные философы*, с. 8. Именно эту же сторону дела имеет в виду и И. Петцольд, когда говорит о современной философии: «подобно тому, как она желает чувствовать живой пульс не только научной, но и всей действительной жизни, так она видит свою важнейшую задачу в формировании этой жизни, в содействии дальнейшему развитию человечества во всех сторонах его жизни и даже в том, чтобы самому этому развитию поставить определенную цель». *Введение в философию чистого опыта* (1909), т. I, с. 15.

редко и наука проникается философским духом, или философия стремится быть научной. Конечно, в современной философии преобладает тяготение не в сторону религии, а в сторону науки, ибо свои проблемы философия понимает, ставит и стремится разрешить, как проблемы знания, а не как постулаты веры. Этим определяется и доминирующее отношение новейшей философии к религии. Конечно, и в недавнем прошлом, и в настоящее время мы найдем различные понимания взаимных отношений между философией и религией, начиная требованием сделать из философии лишь прислужницу теологии, как это заявил папа Лев XIII в своей энциклике 1879 г. «*Aeterni patris*»¹ или как это понимали и некоторые светские философы, и кончая разными комбинациями между знанием и верой в более независимой философии религии², но для критико-позитивных направлений философия религии естественно и необходимо превращается в психологию религии и в историю религий, дающие материал для общего понимания эволюции религии и ее роли в интеллектуальной, моральной и социальной жизни человечества. О религиозной проблеме вообще и в частности о христианстве за рассматриваемый период времени было написано очень много, — все и перечислить здесь было бы трудно, не то чтобы передать главнейшие только взгляды, что, впрочем, и не входит в нашу задачу, — но в этой массе книг и идей есть некоторые наиболее характерные для отношения новейшей философии к религии, о которых мы здесь и упомянем.

Под значительным влиянием неокантианства создалось в протестантской теологии так называемое ричлианское направление, получившее свое название по имени своего родоначальника, боннского и гёттингенского профессора Ричля³, который решительно отказывался от метафизи-

---

¹ Энциклика не осталась без влияния на философскую литературу католицизма. Напримеч, в 1897 г. вышел в свет третий том «Истории идеализма» пражского профессора Вильмана, в котором «вся германская философия, вся умственная работа других народов, поскольку они не соответствуют католической догматике, представлены не то зlostным, не то безумным заблуждением». Циглер Т. С. 347; Eucken R. Thomas von Aquino und Kant, ein Kampf zweier Welten (1901).

² Интересные данные и соображения относительно новейших направлений философии религии в Германии см. у проф. А. Введенского, который находит в этой области три комбинации: возвышение религии на счет философии, или, наоборот, возвышение второй на счет первой, или же равновесие между обеими, с. 141 и след. Ср. *Boutrou*. Science et religion dans la philosophie contemporaine.

³ Ричль (умер в 1889 г.) исходил из кантианского убеждения о невозможности и несостоятельности всякой метафизики, откуда делал вывод о необходимости принципиального отвержения всех христианских постулатов или догматов соответствующей категории, другими словами, от всякого влияния метафизики на богословие, основа которого исключительно в вере. Об этом направлении было много написано отдельных работ, между прочим, по вопросу об отношении к философии Канта (*Stähelin L.* Kant, Lotze und Ritchl, 1888), по-русски: *Керенский В.* Школа ричлианского богословия в лютеранстве (1903). Из многочисленных трудов Ричля следует отметить «*Theologie und Metaphysik*» (1881; второе изд. 1887).

ческой догматики, поскольку «вещь в себе» недоступна для знания. К рич-лианскому направлению причисляют и самого видного протестантского богослова эпохи, Адольфа Гарнака¹, главным образом, прославившегося своими историческими трудами, но вызвавшего своим относительным свободомыслием в консервативных кругах репутацию разрушителя христианства. И Ричль, и Гарнак принадлежат к числу верующих в божественную истинность христианства, хотя их вера и не может быть названа ортодоксальной², но рядом с этим направлением шла, конечно, и разработка истории религии вообще, а в частности христианства и с чисто «натуралистической точки зрения». Как на наиболее яркого представителя этого последнего направления, которое можно назвать реалистическим в широком смысле слова, следует указать на профессора истории религии в Collège de France Альбера Ревилля³, автора целого ряда трудов, из которых наиболее

¹ Адольф Гарнак, заслуживший имя «Моммзена современной теологии» своими исследованиями в области церковной истории, занял в конце XIX в. в Германии положение вождя прогрессивного протестантизма. Начав работать еще в семидесятых годах, он предпринял систематизацию своих взглядов в середине восьмидесятых годов, когда появился первый том его знаменитой «Истории догматов» (1885). Вскоре после этого (1889 г.) он сделался профессором Берлинского университета, несмотря на самую резкую оппозицию со стороны ортодоксального «верховного церковного совета»: в данном случае поддержку ему оказывал Бисмарк, которому это даже ставилось в немалую вину. Некоторые мнения, высказанные Гарнаком в девяностых годах, создали ему в консервативных кругах прямо репутацию разрушителя веры и христианства (мнения о недостаточности и безусловной необязательности апостольского символа с предложением об устранении его из богослужения и т. п.). В зимний семестр 1899—1900 г. он прочитал в Берлинском университете ряд лекций на тему «Сущность христианства», которые и издал потом отдельной книгой. (Русский пер. их появился в издаваемой Брокгаузом—Ефроном «Истории европейской культуры», т. IV.) После нее консерваторы еще громче стали говорить о Гарнаке, как о разрушителе христианства. («Сущность христианства вообще вызвала большую полемику, обзор которой имеется в «Harnack's Wesen des Christentums und die religiösen Strömungen der Gegenwart» E. Rolff's'a, 1902.) Между тем сам он в брошюре «Задачи богословских факультетов» (1901) решительно возражал против мнения, приравнивающего изучение христианского богословия к изучению других религий. (Автор статьи о Гарнаке в IV т. «Православной богословской энциклопедии» даже хвалит его за то, что этим «он сумел подчинить чисто научные стремления религиозным упованиям, при взаимном их согласовании», хотя и считает «прискорбным и верным», что основной пункт религиозного мирозерцания Гарнака «заключается в отвержении церковной догматики», ст. 116.)

² Отклонения от ортодоксальности в католической церкви получили название модернизма, который был осужден папской энцикликой «Pascendi», 16 сентября 1907 г. *Kübel I. Geschichte des katholischen Modernismus* (1909).

³ В 1881 г. Ревиль выступил в свет «Прологомены к истории религии», за которыми последовал ряд сочинений о разных религиях, начиная с религий нецивилизованных народов (1883), а в 1897 г. появился его большой труд «Иисус Назарянин», существующий и в русском переводе (под ред. проф. Ф. Ф. Зелинского, 1909). Не имея ни малейшей претензии соперничать с Ренаном в литературном отношении, Ревиль находит, что «Жизнь Иисуса» Ренана «могла бы быть переработана с большей строгостью в отношении метода и с большей твердостью в критической оценке источников» (рус. пер., т. I, с. XXII). Ученый историк полагает, что «заразительная горячка отрицательного отношения к религии, по-видимому, достигла уже своего максимума», и что «по многим признакам... готовится новый период мистицизма».

известна его книга «Иисус Назарянин», третья после сочинений Штрауса и Ренана попытка в этом роде.

Среди трудов, посвященных вообще религии, особенно в конце XIX в. обратила на себя внимание книга безвременно скончавшегося (1888 г.) французского философа Жана-Мари Гюйо¹ «L'irreligion de l'avenir»², о котором здесь уместно сказать несколько больше.

Гюйо противопоставил свою книгу об «иррелигии» будущего новейшим трудам о религии будущего, исходя из того, что их авторы смешивали религию в собственном смысле то с метафизикой, то с моралью, то с обеими вместе взятыми, откуда выводили необходимость постоянного существования (pérennité) религии. Специфическими особенностями всякой религии Гюйо признал 1) мифическое, ненаучное объяснение естественных явлений или исторических фактов, 2) систему догматов, т. е. верований в некоторые абсолютные истины, недоступные ни научному доказательству, ни философскому оправданию, и 3) культ, или систему более или менее неизменных обрядов, которым приписывается чудодейственная сила. Религия будущего, по мнению Гюйо, столь же невозможна, как алхимия будущего или астрология будущего, а потому он и считал позволительным говорить лишь о «нерелигиозности» или «безрелигиозности» (irreligion ou a-religion) будущего, которую, впрочем, просил отнюдь не понимать в смысле антирелигиозности, так как безрелигиозность будущего сохранит из религиозного чувства то, что в нем есть наиболее чистого, а именно, с одной стороны, удивление перед космосом с бесконечностью его сил, а с другой — искание идеала и притом не только индивидуального, но и социального³ и даже космического, превышающего наличную действительность. Гюйо находил даже, что «l'absence de religion positive et dogmatique»⁴ есть та форма, к которой стремятся все отдельные религии, ибо все они (кроме католицизма и турецкого магометанства) все более и более отрешаются от своих противонаучных утверждений и от подчинения индивидуальной совести преданию. Дальнейшие шаги в развитии религии всегда делались в направлении большей умственной независимости, менее буквального и менее узкого догматизма, более свободного умозрения.

Не одобряя первой, он высказывает опасение, как бы мистицизм и на сей раз не сделался «поглощающим и смертоносным», т. е. не стал «повиноваться только своим фантазиям и грезам» и «притуплять нравственную энергию и убивать чувство истины» (с. XXIII—XXIV).

¹ Гюйо много работал по психологии, этике и эстетике, внося в свои работы социологическую точку зрения (ср., например, название его труда «L'art au point de vue sociologique», имеющегося и в рус. пер. и примеч. в конце настоящей главы). К Гюйо придется еще возвращаться дальше, но полной характеристики его философии дать не приходится по причине, указанной у нас выше.

² «Иррелигия (не-религия или безрелигиозность) будущего» (фр.). — Прим. ред. Есть в двух рус. перев.

³ О связи религии с социальной жизнью, по Гюйо, см. ниже.

⁴ «Отсутствие религии есть положительная догма» (фр.). — Пер. ред.

Другими словами, Гюйо видел в «отсутствии религии», собственно, не что иное, как «религиозную аномию, религиозный индивидуализм». С последней точки зрения он возражал авторам «религии будущего» и в том еще смысле, что в большинстве случаев они пророчили унификацию религии, т. е. приведение всех верований к единству, которому он противопоставлял свою религиозную аномию, или «будущую множественность верований»: общность и единство даже неосуществимы в метафизике и морали, ибо элемент неразрешимости и непознаваемости всегда будет приводить к разнообразию мнений¹. Одна из основных черт отношения Гюйо к существующим религиям заключалась еще в том, что он осуждал антирелигиозный фанатизм, находя его столь же опасным, как и религиозный². От всей книги Гюйо веет духом величайшей терпимости и уважения ко всякой искренности.

В сущности, Гюйо во всем своем философствовании исходил из понятия жизни, из которого исходил и другой философский писатель, особенно повсеместно прославившийся в конце XIX в., Фридрих Ницше, выступивший с резко антихристианской проповедью, но уже не в догматике, а в этике.

Конечно, в настоящей главе нашей задачей не может быть подробное обозрение всех и даже только наиболее важных систем морали, возникших в последние десятилетия XIX в. Достаточно будет, если мы дадим самую общую характеристику того, что делалось в литературе, посвященной вопросу о происхождении и сущности нравственности, и отметим некоторые наиболее новые точки зрения³.

В настоящее время можно считать научно общепринятым (иногда даже со стороны мыслителей, стоящих на религиозной точке зрения), что

---

¹ В этом отношении Гюйо как раз стоял на точке зрения, диаметрально противоположной стремлению Конта, вооружившегося против умственной анархии и победоносно спрашивавшего: разве существует свобода совести в математике или химии?

² Интересно у Guyau (с. XXIII и др.) противопоставление двух веков — XVIII и XIX — в их отношении к религии: в XVIII в. априорные философы вообразили, что раз доказана нелепость какого-либо верования, дело с ним и покончено, в XIX же столетии атака против религии велась, главным образом, историками, «qui ont un respect absolu pour le fait et sont portés à l'ériger en loi»; философы XVIII в. ненавидели религии и стремились их уничтожить, историки XIX в. их изучают и желают вместе с тем, чтобы этот предмет изучения всегда оставался, и судят о будущем по настоящему. Философ конца XIX в. сошелся с писательницей его начала, г-жей Сталь, в характеристике двух веков. Ср. т. IV.

³ Одним из наиболее систематических изложений разных этических теорий является книга Фулье «Изложение и критика современных систем морали» (1883; пер. 1886 г. неудовлетворителен; лучше 1899 г.), где рассматривается мораль эволюционизма и дарвинизма, «независимая мораль» (Vacherot), неокантианская, пессимистическая, спиритуалистическая, эстетическая, мистическая и теологическая. Из одного этого перечисления можно видеть, как разнообразны современные системы морали, которые автор подводит, впрочем, под две основные категории «физики нравов» и «метафизики нравов». Интересный обзор кантианских течений в новейшей этике сделан Карлом Форлендером в книге «Кант и Маркс» (рус. пер. 1909).

признание нравственного долга вовсе не покоится на теологической вере. Можно верить в Бога и в бессмертие души, но в то же время не признавать нравственности: вера в Бога и в бессмертие есть лишь признание их существования, а не обязательности чего-то, хотя бы оно нигде не существовало, от существования же нельзя заключать к обязательности, ибо это понятия разных категорий¹. В сущности, это рассуждение может быть распространено и на метафизические системы морали, в которых долженствование всегда выводилось из того или другого понимания истинно сущего. Раз основная тенденция новейшей философии характеризуется своей антиметафизичностью, задачей этики становится рассмотрение долженствования без всяких метафизических предпосылок, чем и характеризуются новейшие искания в теоретическом понимании этики². Понятно, что на этой почве должно было возникнуть множество объяснений весьма противоречивых, борьба между которыми, по всей вероятности, и не скоро еще прекратится, потому что это — одна из наиболее трудных проблем философии.

Этика, отрешившаяся от всяких соображений о потустороннем, конечно, должна была развиваться, главным образом, на основе эвдемонизма или, вернее говоря, того его преобразования, которое известно под названием утилитаризма. Это последнее учение, наиболее обстоятельно изложенное в последний раз Дж.-Ст. Миллем в его известной книге (1861 г.), пользовалось громадной популярностью в начале того периода времени, который рассматривается в настоящей главе, но мало-помалу утилитаристическая точка зрения уступила место эволюционистической Герберта Спенсера. Уже Конт ввел в обиход позитивистической этики понятие альтруизма, в качестве фактора поведения, противоположного эгоизму, и этим эволюционизму была поставлена задача объяснить генезис

¹ В русской литературе эту мысль защищал, например, кроме неокантианца проф. А. Введенского (О видах веры в ее отношениях к знанию, 1894, с. 50—76), что весьма естественно, и такой религиозный мыслитель, как Вл. Соловьев. Вот как в свое время я передавал его взгляд на это в своих «Мыслях об основах нравственности» (1895): «Признавая существование теснейшей связи этики по ее существу с религией, а по способу познания с теоретической философией, автор (т. е. Соловьев) отрицает, однако, одностороннюю зависимость этики как от положительной религии, так и от умозрительной философии, потому что нравственная область имеет собственное содержание и самостоятельное значение. Нравственные нормы не только не зависят от положительных религий, но даже, в известном смысле сами их обуславливают; с другой стороны, он возражает и против того взгляда, по которому этика подчиняется теоретической философии вообще, в особенности же той ее части, которая рассматривает права и границы наших познавательных способностей», с. 172—173. Конечно, другие писатели религиозного направления с такой точкой зрения не соглашались: например, А. Мальцев в «Нравственной философии утилитаризма» (1879).

² О некоторых исканиях того, как обосновать долженствование, не прибегая к метафизике, мне пришлось говорить в своих «Мыслях об основах нравственности» (1895), как, например, на с. 83 и след., (о «Moralphilosophie gemeinverständlich dargestellt» Гижницкаго), с. 93 и след. (Salter W. Die Religion der Moral, 1885), и 132 и след., (где подробно изложена статья «Von Ursprung sittlicher Erkenntnis»).

альтруизма. Если утилитаристы полагали возможным выводить альтруизм из эгоизма же, не выступая из пределов индивидуального сознания, то Спенсер перевел этот вопрос с индивидуально-психологической почвы на почву эволюции коллективной (видовой и социальной) жизни, показав, что моральные стимулы, не могущие, в сущности, быть выведенными из стремления к личному благополучию, т. е. из эгоизма, наоборот, вполне выводимы из условий и требований коллективной жизни. Эта теория должна была привести к признанию за моральными принципами (или инстинктами) врожденности и интуитивного характера в силу действия фактора биологической наследственности, что, в свою очередь, сообщает моральным требованиям видимость априорности, но лишь по отношению к индивидуальной, отнюдь не видовой и социальной жизни¹. К эволюционистической точке зрения примкнули в объяснении генезиса нравственного чувства и многие другие мыслители последней трети XIX в.² На эволюционную же точку зрения стал и Гюйо в своем «Очерке морали без долга и санкции»³, в котором, однако, выводил мораль не из дарвиновского естественного подбора и не из спенсеровского приспособления к жизненным отношениям, не из внешних влияний среды вообще, а из внутренних стремлений человеческой психики. Один писатель определил цель воспитания необходимостью внедрить в человеке «предрассудок добра» (*la préjugé du bien*), и Гюйо поставил себе задачу исследовать, чем была бы и куда могла бы идти мораль, в которой не было бы ни малейшего места для какого-либо предрассудка или предвзятого мнения. «Если, — по его словам, — большинство философов, — даже утилитаристы, эволюционисты и позитивисты, — не могло вполне решить эту задачу, то по той причине, что все они желали сделать свою рациональную мораль более или менее адекватной обыкновенной морали в смысле и объема (*étendue*), и почти такой же императивности требований». «Когда, — развивал он свою мысль, — наука ниспровергла догматы разных религий, она вовсе не

¹ Воздерживаюсь здесь от более обстоятельного изложения взглядов Спенсера, хотя бы даже в таком объеме, как это было мной сделано в «Основных вопросах философии истории», т. II, с. 326 и след. по первому изданию.

² В русской литературе обращает на себя внимание статья П.Л. Лаврова «Современные учения о нравственности и ее истории», сначала появившаяся анонимно в «Отечественных записках» за 1870 г., потом (1904 г.) изданная отдельно под псевдонимом С. Арнольди.

³ «*Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction*» (1885). В более раннем своем труде «*La morale anglaise contemporaine*» (1879), имеющемся и в русском переводе, Гюйо критиковал утилитаризм и эволюционизм, сводящие в последнем анализе основы морали к чисто эгоистической потребности, в самосохранении. Гюйо не считал возможным с этим согласиться, как, впрочем, и с тем воззрением, по которому эти основы заключаются в симпатии, или альтруизме: для него все дело — в стремлении к деятельности, к саморазвитию и саморасширению, могущем принимать и альтруистический или социальный характер, т. е. в способности человека подчиняться жизненным мотивам с более широким содержанием, нежели забота только о себе.

претендовала ни заменить их все, ни тотчас ж доставить религиозному чувству определенный предмет, определенную пищу: положение науки по отношению к морали совершенно такое же, как и по отношению к религии»¹. Нет никаких оснований думать, что научная этика, основанная исключительно на том, что мы знаем, должна совпадать с обыденной моралью (*la morale ordinaire*), состоящей, большей частью, из вещей, которые чувствуются или относительно которых существуют предрассудки (*qu'on sent ou on préjuge*). Гюйо решительнейшим образом отвергал кантовский категорический императив, вследствие чего и исключал из своего рассмотрения моральную санкцию в собственном смысле, т. е. отличную от социальных санкций.

Исходным пунктом всего этического построения Гюйо было понятие возможно более интенсивной и экстенсивной жизни (*la vie la plus intensive et la plus extensive possible*). В жизни царит борьба за существование, и мечтой моралистов являлось всегда как можно более ее сократить, откуда и вытекал призыв к высшему закону, стоящему над самой жизнью, сверхестественному. Гюйо, разумеется, отказывался от этого со всеми другими представителями позитивистической этики, чтобы упорядочивать жизнь самой же жизнью, но саму жизнь он понимал в наиболее широком смысле деятельности человеческого существа, притом имеющего само по себе общественный характер. Всестороннее развитие жизни, общение с другими и развитие в себе способности к этому общению, вот в чем вся этика, долг же есть не что иное, как выражение силы или избытка жизни, требующего себе применения в самопожертвовании и великодушии без всякого принуждения или внешней необходимости.

Совершенно особую позицию в вопросах этики занял экономический материализм, видящий во всякой «идеологии», а следовательно, и в этике простую «надстройку» и притом чисто классовую «надстройку» над экономическим «базисом» общества². Общая тенденция экономического материализма — «выводить сознание из бытия» и все объяснять классовыми интересами: отсюда для последовательных сторонников этого учения вытекает логическая необходимость отрицать возможность какой бы то ни было общечеловеческой деонтологии. Впрочем, среди самих марксистов за последнее время стало обнаруживаться стремление внести в этику социализма деонтологическую основу — в противоречии, конечно, с самой сущностью экономического материализма, обосновывающего социализм не на принципах общечеловеческой этики, а на классовом сознании пролетариата³.

¹ *Esquisse etc.*, с. 4 (по изд. 1890 г., сделанному Фулье, который вообще высоко ценил Гюйо. См.: *Fouillée A. La morale, l'art et la religion d'après Guyau*).

² См. мои «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (1896). Аналогичная точка зрения и у А. Менгера («Новое учение о нравственности»).

³ Особенно в этом отношении заслуживает внимания недавно (1909 г.) вышедшая и в русском переводе книга К. Форлендера «Кант и Маркс», с подзаголовком «Очерки этического социализма». Цель автора: соединить воедино экономический материализм и кантовскую

Говоря об этических исканиях и вообще об умственных течениях последней трети XIX в., совершенно было бы недопустимо совсем обойти молчанием столько нашумевшего Ницше. По причине, уже не раз указывавшейся выше, здесь не может быть дана сколько-нибудь полная и всесторонняя характеристика этого оригинального писателя, около имени которого даже создавалась целая литература, тем более что Ницше необычайно личен, индивидуален¹. Но как раз не это его качество заставляет нас остановиться в главе, посвященной общим течениям эпохи, а именно его необычайная популярность в конце XIX в., в которой, я сказал бы, было как раз много увлечения модной новинкой².

этику, ибо, по его мнению, «вне этики, т. е. вне преследования самостоятельно и сознательно анти-эгоистических целей нет социализма и не может быть речи о социализме», с. 32. Для не-марксистов, в том числе одинаково и для не-социалистов, и для социалистов, это, конечно, не новость. См., например, книжку Th. Ziegler'a «Die soziale Frage eine sittliche Frage» (1890), имеющуюся и во французском переводе. Особенно же ссылаюсь на русских «субъективных социологов» (П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского и др.).

¹ «Ницше — мыслитель с наиболее сильно выраженной индивидуальностью. Из глубины собственных душевных переживаний он почерпнул слова о том, что каждая философия была всегда «исповедью своего создателя и как бы невольными мемуарами» и что в философии не может быть ничего безличного». *Риль А. Фр.* Ницше, как художник и мыслитель (1898), с. 15. Ср. с. 74 и след., где Риль объясняет, почему Ницше не был и никогда не мог быть научным философом (коротко говоря, поскольку наука требует безличности), а также с. 103, где указывается на возможность объяснения морали Ницше только его личностью.

² Ср. о философских модах вообще то, что оказано выше. О «модности» Ницше, особенно среди литераторов и художников А. Риль. Фр. Ницше, как художник и мыслитель (1898), с. 14. «Возрастающее влияние Ницше, — говорит Риль еще, — в особенности на молодежь, объясняется, главным образом, обаянием его речи, которая делает этого необычайного писателя птицеловом, завлекающим неопытные души в свои сети», с. 27. Был ли и мог ли быть Ницше настоящим властителем дум? Нет. «Никто, — говорит Риль, — не изберет в путеводители того, кто всегда становился иным, всегда был чужд себе». Ницше мешало стать духовным вождем не отсутствие «системы», а отсутствие «твердого обоснования мыслей», с. 145. Совершенно верно замечает цитируемый автор, что «духовный вождь своего времени должен понимать свое время», Ницше же рассматривал в своих позднейших произведениях социальный вопрос, как «создание глупости и вырождения инстинктов», с. 147. Я вполне согласен и с таким приговором Риль: «При своей крайне восприимчивой натуре, Ницше поддавался, хотя бы поверхностно, влиянию всех течений, всякого настроения, охватывавшего общество; все они находили отзвук в его бурной душе», с. 138. Говоря о «том громадном влиянии, какое в последнее десятилетие оказал поэт Фр. Ницше», и Виндельбанд объясняет его «чарующей красотой языка, которая все еще обольщает и опьяняет даже там, где содержание переходит в загадочные намеки; тем полным предчувствиям символизмом, который... допускает сумерочное утопание в неопределенном; афористической формой изложения, никогда не требующей от читателя связанного логического мышления», наконец, «непосредственным впечатлением, производимым самой личностью поэта»... «вполне своеобразной, которая переживает вместе со своим временем все господствующие в нем стремления и болеет тем же неразрешимым противоречием, как и само это время». II, 383—384. Значительное влияние Ницше на немецкую мысль отмечает и Lichtenberger, но и он говорит: «L'observateur étranger a pourtant le sentiment très net que Nietzsche ne saurait passer pour l'interprète typique des aspirations qui dominent aujourd'hui en Allemagne. Il est une exception brillante, un 'cas' extraordinaire... (L'Allemagne) lui rend poliment le tribut d'hommage qu'on doit à une illustration nationale, mais elle cherche ailleurs ses inspirateurs et ses guides», с. 314 и 315. О влиянии Ницше преимущественно на молодежь см. у Т. Циглера

Ницше¹ был афористическим, если можно так выразиться, а не систематическим философом, притом скорее художником, нежели мыслителем, очень часто, наконец, менявшим свои позиции. Начав философствовать под сильным влиянием метафизики Шопенгауера, он впоследствии порвал со всякой метафизикой, не сделавшись, однако, позитивистом, так как вся его философия, оставаясь неуловимой и совершенно не поддаваясь, хоть сколько-нибудь, кристаллизации, действовала больше на чувство, на настроение, нежели на мысль, на знание. Собственный его идеал отличался большей неясностью, но в основе его лежал крайний индивидуализм, напоминающий Макса Штирнера, индивидуализм совершенно анархистический, но и сам анархизм Ницше был своеобразным вследствие своего аристократизма и пренебрежительного отношения к демократическому равенству с его социальными стремлениями. Подобно Гюйо, Ницше был проповедником культа жизни, свободного проявления ее инстинктов, ее расширения и распространения, развития и мощи, но ему чуждо было то самоотвержение, которое Гюйо выставил, как идеал: ницшеанский «сверхчеловек» менее всего подходил под нравственный идеал Гюйо. Ради удовлетворения требованиям инстинктов жизни Ницше прославлял то, что сам называл силой лжи, разумея под нею стремление к выдуманному нами же самими, но зато гармонирующему с запросами нашей души: нужно жить инстинктами, аффектами, внушениями воли, игрой воображения, а не разумом, их ограничивающим и разрушающим, как это делалось с самого же начала культуры, которая, по мнению Ницше, превратила человека в существо болезненное, само себя отвергающее; философ звал человечество выйти из этого состояния, давая волю всем своим страстям в стремлении к идеалу «сверхчеловека».

В этом и заключался «аморализм» Ницше². Как бы несогласны между собой ни были, в самых основных пунктах своих теорий, все новейшие философы, разрешавшие этическую проблему, они всегда более или менее сходились между собой в одном — именно в понимании положительных требований этического идеала, какими являются альтруизм, подчинение общественным целям и т. п., но Ницше как раз усомнился во внутренней ценности общепринятых нравственных понятий, объявив их не только условными, но, вместе с тем, и ложными, даже вредными. «Переоценка всех ценностей», критика всех понятий о добре и зле, о правде и лжи была

с. 492 и след. О самом Ницше в этой книге говорится главным образом как об индивидуалисте: «В эпоху социализма и дарвинизма все было проникнуто учением о среде и наследственности,... явился Ницше и воспел гимн единичной личности», с. 495. Другая причина притягательности Ницше та, что «материализм и позитивизм сделали наше мышление плоским», и это вызвало реакцию, с. 497.

¹ О Ницше соч. Förster-Nietzsche (его сестры; есть пер. в приложении к рус. изд. его сочинений), Richl'я (есть рус. пер.), Ziegler'a, Lichtenberger'a (по-фр.; есть русский пер.) и др.

² Fouillée A. Nietzsche et l'imoralisme (1902).

той новой и оригинальной в этической литературе точкой зрения, которая особенно поразила воображение современников¹. В сущности, это было ниспровержением всей традиционной нравственности, критерии которой Ницше считал неприменимыми к тому, что одно имеет внутреннюю ценность, т. е. ко всему, что поднимает жизнедеятельность, полноту, широту и красоту жизни. Во всем остальном Ницше видел один аскетизм: под это понятие он подводил все, что только напоминало этику долга и общепринятую мораль. Поскольку этика в своих положительных требованиях совпадает с общим духом христианства, она провозглашалась у Ницше, как «мораль рабов», сам же он проповедовал «мораль господ» с их «волей к власти»². Все христианство он подводил под категорию восстаний рабов в морали, к числу каковых относил также буддизм и учение Сократа. В своих последних произведениях, к числу коих принадлежит и его «Antichrist», Ницше не стеснялся говорить крайние резкости об этом историческом явлении³. Конечно, в общей, так сказать, экономии развития теоретической этики едва ли пройдут бесследными идеи Ницше, представляющие собой переоценку нравственных ценностей человечества, но несомненно, что не в направлении слишком индивидуалистичного аморализма Ницше с его аристократизмом и исключительно эстетической окраской будет совершаться дальнейшее развитие этики.

В то время, как свободная философская и научная мысль шла своей дорогой, разбиваясь на самые разнообразные направления, среди известных кругов общества, время от времени, усиливалась реакция против научного духа с призывами к истине единоспасающей церкви. Одним из эпизодических проявлений этой реакции был поход против позитивизма и науки со стороны некоторых популярных писателей Франции, находивших в этом отношении немалое сочувствие в консервативной буржуазии⁴.

¹ «Новизну своей задачи... Ницше вполне сознавал. Никто до него не рассматривал еще ценности нравственности, никто не посягал на критику нравственных принципов». А. Риль. Фр. Ницше, как художник и мыслитель, с. 92. Но он хотел стать разрушителем нравственности лишь потому, что считал себя призванным к созданию новой нравственности, с. 93. Риль правильно исходит из того, что на саму нравственность Ницше смотрел лишь с точки зрения Шопенгауэра, теория которого о происхождении морали из жалости или сострадания и нашла в нем резкого отрицателя, с. 93 и след.

² А. Риль находит, что итоги морали Ницше подведены в следующих фразах его «Антихриста»: «В чем добро? Во всем, что возвышает чувство силы и власти и желание этой власти в человеке. — В чем зло? Во всем, что исходит из слабости. — В чем счастье? В чувстве того, что власть растет, что препятствие преодолевается. Не довольства нужно искать, а больше власти: не мира, а войны, не добродетели, а дельности», с. 130.

³ Эти произведения писались уже во время душевного заболевания Ницше, когда он, между прочим, страшно злоупотреблял хлоралгидратом.

⁴ Ср.: *Debidour A. L'église catholique et l'état sous la troisième république* (1909), II, 8–9, 133 и след. Очень много черточек разбросано в книге Н. Е. Кудрина «Очерки современной Франции» (см., например, письмо 14 под заглавием «Современное чертобесие»); *Paulhan F. Le nouveau mysticisme* (1891).

В свое время владели подобного рода тенденции в сильно на шумевшем и у нас романе Бурже «Le disciple»¹, где было изображено отрицательное, в моральном отношении, влияние позитивных идей в духе Тэна и Литтрэ на одного молодого человека, кончающего самоубийством, но это было только начало проповеди знаменитого романиста о необходимости возвращения к вере, прямо к католицизму — в его позднейших произведениях «Космополис» и «За океаном». На католическую же точку зрения стал и известный литературный критик Мельхиор де Вогиюэ, автор, между прочим, книги о русском романе. Одно из выступлений третьей парижской знаменитости, Брюнетьера, с очень ярким заявлением в католическом духе даже произвело особенно сильную сенсацию, и о нем много говорили и писали, притом не в одной только Франции. Этот эпизод заслуживает быть отмеченным несколько подробнее.

Популярный литературный критик и влиятельный профессор Высшей нормальной школы Фердинанд Брюнетьер когда-то был человеком свободомыслящим, но потом перешел на сторону политической и религиозной реакции, в духе которой стал действовать на самый широкий круг читателей в качестве редактора столь распространенного журнала, как «Revue des Deux Mondes»². В 1894 г. он съездил в Рим, где выхлопотал аудиенцию у Льва XIII, о которой потом и поведал миру в своем журнале, напечатав в нем статью «Une visite au Vatican», написанную в самом католическом духе с вылазками против свободной мысли и против науки, совершенно, по его мнению, обанкротившейся. Эта статья вызвала большое волнение и ряд возражений, среди которых наибольшей силой отличалась статья знаменитого химика Вертелло под заглавием «Наука и мораль»³. Ответ великого ученого произвел сильное впечатление в обществе, и через несколько дней целый ряд ученых и политических деятелей чествовал Вертелло грандиозным банкетом, где в похвалу маститому защитнику науки и цивилизации было произнесено несколько речей⁴. Брюнетьер не остался в долгу и перепечатал свою статью отдельной брошюрой («La science et la religion»⁵) с примечаниями и дополнениями. В этой статье Брюнетьер приветствовал совершающийся, по его мнению, общий поворот от неверия к истинной католической религии и объяснил этот поворот банкротством

¹ «Последователь» (фр.). — Прим. ред.

² Любопытно, что на с. 642—648 XII тома Lavis et Rambaud, где идет речь о Брюнетьере, не сказано ни единого слова о его направлении. («Revue des Deux Mondes» — «Обозрение двух миров» или «Обозрение Старого и Нового света» (фр.) — двухнедельный французский журнал либерального направления. — Прим. ред.)

³ В «Revue de Paris» от 1 февраля 1895 г.

⁴ В числе говоривших на банкете был Роипсаргэ, сам впоследствии написавший книгу «La valeur de la science».

⁵ «Наука и религия» (фр.). — Прим. ред.

науки¹. Выступление Брюнетьера в духе клерикальной реакции сделало его имя очень популярным в духовенстве, а впоследствии, в эпоху дела Дрейфуса, когда на защиту «еврея» поднялись «интеллигенты», «*les intellectuels*», Брюнетьер высмеивал всех этих химиков, палеографов и латинистов, осмелившихся усомниться в правильности судебного приговора над изменником². В своем усердии он объявил, что теперь он даже поколебался относительно невиновности Каласа³. Особая ревность Брюнетьера к католицизму снижала ему, в конце концов, и большое расположение в Ватикане⁴.

Делая этот обзор умственных течений на Западе в конце XIX в., мы не можем не коснуться еще двух вопросов. Философия всегда стремилась быть цельным, всеобъемлющим знанием, но далеко не все философы выполняли эту универсальную задачу, и поэтому те, которые ее выполняли, заслуживают особого упоминания как творцы всеобъемлющих систем. Позитивизм, в лице Конта, поставил перед философией как раз эту задачу, и нам нужно теперь бросить взгляд на ее выполнение в последней трети XIX в. Во-вторых, тот же самый позитивизм поставил задачу создания научной теории общества, социологии, и этот наш очерк умственных течений конца XIX в., в котором заходила речь об отношении философии к человеческому знанию, к религии, к нравственности и т. п., был бы не полон, если бы в нем ничего не было сказано о социологической проблеме в истории философского мышления рассмотренной эпохи.

По первому из только что указанных пунктов должны быть названы Герберт Спенсер в Англии, Дюринг и Вундт в Германии и Фуллье во Франции, хотя, разумеется, в рассматриваемом отношении они далеко не могут

¹ «Le temps n'est pas très éloigné de nous où l'incrédulité savante passait communément pour marque ou pour preuve de supériorité d'intelligence et de force d'esprit». *Brunetière F.* La science et la religion (1895), с. 10. «Que s'est-il donc passé depuis lors? quel sourd travail s'est accompli dans les profondeurs de la pensée contemporaine? et, à ce propos, parlerons-nous à notre tour de la 'banqueroute de la science'» 4, с. 13. Далее идет перечень не исполненных наукой обещаний: если это не были «des banqueroutes totales», то все-таки «des faillites partielles», с. 36. Брюнетьер видит в этом причину некоторой революции или эволюции: «revolution se produit, et, déjà, nous commençons d'en discerner quelques-unes des effets. Deux mots suffisent à les résumer: la science a perdu son prestige, et la religion a reconquis une partie du sien», с. 40–41. Между прочим, автор восхваляет папу Льва XIII за его энциклику и, в частности, за энциклику 1879 г. о христианской философии (о которой см. выше), с. 45 и след. Брюнетьер считает религию необходимой для обоснования морали (с. 62); притом раз приходится «выбирать из разных форм христианства ту, которую можно было бы лучше всего использовать для возрождения нравственности», выбор должен остановиться на католицизме, с. 70–71: «le catholicisme est un gouvernement»; «il est aussi une 'doctrine' et une tradition», с. 73 и 75; кроме того, он есть и целая социология, что особенно важно в переживаемую минуту, с. 77.

² *Brunetière F.* Après le procès (1898).

³ Известный процесс времен Вольтера. См. т. III.

⁴ В Institut de France не один Брюнетьер отличается таким католическим направлением. Рядом с ним можно назвать и М. де Воюэ, А. Леруа-Больё, Тюрю-Данжена, Вандаля и др., которые в эпоху отделения церкви от государства получили насмешливую кличку «зеленых кардиналов» (по зеленому цвету академического мундира).

быть поставлены на одну доску. Менее всего, конечно, можно было бы оспаривать право Спенсера на то, чтобы считаться всеобъемлющим философом: в данном отношении его имя справедливо ставится рядом с именем Конта. С «Курсом положительной философии» последнего и с «Системой синтетической философии» первого иногда прямо сопоставляют и стремление к созданию цельной картины мира в «философии действительности» Дюринга¹. То же самое говорят нередко и о Вундте. Например, большой его поклонник Кюльпе, готовый назвать Вундта «современным Аристотелем или Лейбницем» по многосторонности его знаний, находит, что с ним можно сравнивать только Конта и Спенсера по той связи, в какой философия Вундта находится со специальными науками². Менее других в сравнении с Контом и Спенсером может идти Фуллье, поскольку его занятия не распространялись на естественные науки, но зато, с другой стороны, в своих сочинениях он рассматривал вопросы и психологии, и теории познания, и социологии, и этики, что дает и ему право быть зачисленным в группу философов, имеющих свою цельную картину мира. Что сближает между собой всех четырех философов, т. е. Спенсера, Дюринга, Вундта и Фуллье, это — их стремление обосновывать свои заключения на научных данных. Впрочем, и в последнем отношении они далеко неодинаково смотрят на дело. Самым резким отрицателем метафизики из этих четырех мыслителей является Дюринг³, для которого и спенсеровское «непознаваемое», лежащее за пределами опытного знания, должно казаться совершенной ненужностью в философии. Наоборот, Вундт уже стоит по другую сторону Спенсера⁴, поскольку считает возможным гипотетически продолжить философию в область спенсеровского «Непознаваемого» для восполнения этим продолжением того, что не может быть дано научным знанием⁵. Еще далее от Спенсера и, следовательно, на противоположном

¹ См., например: *Höfding*. С. 584; он прямо в этом отношении сравнивает Дюринга с Контом и Спенсером.

² *Кюльпе О.* Современная философия в Германии. С. 108, 120.

³ *Höfding* называет его самым значительным представителем позитивизма в Германии, с. 576.

⁴ Следует оговориться, что Спенсера многие не считают позитивистом. Например, покойный Лесевич говорил, что Спенсера причисляют к позитивистам «только по недоразумению» и что даже «просто смешно принимать мистико-метафизическое построение Спенсера за позитивное». В его «Основных началах» Лесевич усматривал «повторение послекантовских натурфилософских парений» и находил вполне уместным называть Спенсера английским Гегелем. Это — отзыв русского позитивиста, но и защитник мысли о возможности метафизики проф. Челпанов, являющийся последователем Вундта, тоже признаёт, что «называть Спенсера позитивистом просто мы не имеем никакого права» (именно, в системе Спенсера он видит «наклон позитивизма в сторону метафизики»).

⁵ Нужно, кстати, заметить, что отношение к Вундту современников изменилось с выходом в свет его «Системы философии» (1889). Его работы «О задаче философии в настоящее время» (1874) и «О влиянии философии на опытные науки» (1876), равно как вся его деятельность, были поняты так, что одни с удовольствием видели в нем «опытного философа», другие

от Дюринга конце ряда находится Фуллье, которого тем не менее иногда причисляют к позитивистам¹, хотя также обозначают и как полупозитивиста². Нельзя, наконец, и не признавать за четырьмя названными философами ни одинакового значения в смысле вкладов, сделанных каждым в общую сокровищницу знания и понимания, ни одинакового, равным образом, влияния как на других философов, так и на образованных людей своего времени вообще. Более крупными силами, во всяком случае, нужно считать Спенсера и Вундта, причем первый из них, в общем, оказывал на свое время более сильное влияние, нежели второй, особенно если принимать в расчет влияние каждого из них вне его родины³. О Дюринге и Фуллье, с другой стороны, приходится сказать, что их влияние, — одного вне Германии, другого вне Франции, — было менее значительно, нежели влияние Вундта за пределами его отечества. Если только эти соображения верны, то из факта особенной популярности Спенсера в конце XIX в., — притом более прочной, нежели популярность Шопенгауера, Гартмана или Ницше, — нельзя не сделать некоторого вывода о своего рода среднем философском настроении эпохи.

же относились к нему холодно и отрицательно, но потом первые стали упрекать Вундта в том, что он остановился на полпути и даже вступил на реакционный путь, а прежние его недруги обрадовались обращению «преследуемого умозрительную метафизику Савла в Павла, который — неудовлетворенный опытом — обратился к царству идей». Кёниг Э. В. Вундт (1902), с. 12–13. Эта перемена взгляда была вызвана заявлением Вундта в «Системе философии», что центральным пунктом его философии является метафизика.

¹ Гёффдинг, 71 и след., но с оговорками.

² Козлов А. Полупозитивисты. А. Фуллье (в «Вопросах философии и психологии» за 1894 г.). По мнению самого Fouillée, существенный недостаток позитивизма заключается в том, что он игнорирует «истинный субъект, чувствующее и мыслящее существо» и, следовательно, не поднимается «до настоящей философской точки зрения», требующей «рассмотрения отношения объектов к мыслящему субъекту и собственной жизни этого мыслящего субъекта», т. е. что в позитивизме нет ни «теории познания, неотделимой от теории бытия», ни психологии. *Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde* (1896), с. 8. Это, конечно, верно по отношению к самому Конту. Ср. в приложении к названному труду статью Фуллье (с. 345–375) под заглавием «Histoire et appréciation du positivisme» (разбор трех работ на академическую премию).

³ О Спенсере, как «научном явлении европейского или, вернее, всемирного значения» см. на первых же страницах книги о нем Отто Гауппа (1898). «Он, — говорит этот автор, — как многие сказали бы, есть философ нашего времени, т. е. тот человек, который дал наиболее ясное и полное выражение современному научному сознанию. Это мнение разделяется на его родине представителями самых различных направлений научной мысли», с. 1. См. там же, на с. 2–3 указания на всеветную славу Спенсера. Исключение составляет только Германия, для которой Спенсер едва существовал до начала восьмидесятых годов, и «вряд ли, — прибавляет Гаупп, — будет большой ошибкой сказать, что и теперь Спенсер для многих немецких ученых и философов не больше, как имя», с. 3. Гаупп объясняет это, с одной стороны, недоверием представителей отдельных отраслей положительного знания в Германии к общим философским системам, с другой — старым расположением немецких философов к «неосновательному и поверхностному» английскому эмпиризму. Если даже философы в Германии и занимались Спенсером, то как философом «непознаваемого», а не философом эволюционной теории, в которой вся его сила, все его значение, с. 4–5.

Дальше о каждом из четырех философов будет сказано отдельно, без малейшего, однако, притязания на то, чтобы дать полные характеристики их мирозерцаний.

План своей синтетической философии Спенсер¹ составил еще в 1858 г., а в 1860 г. издал подробный ее проспект, а также и первый выпуск ее «Основных начал», оконченных в 1863 г. В этом труде Спенсер, как известно, провел резкую грань между областью доступного нашему познанию и тем, что он обозначил, как «Непознаваемое». Наше знание относительно, и едва мы делаем попытку мыслить что-либо без отношения к чему-либо другому, мы тотчас же впадаем в совершенно неразрешимые противоречия. Раз, следовательно, все абсолютное не может быть заключено в какие-либо конечные определения нашей мысли, мы должны признать его за «непознаваемое», могущее быть только предметом религиозной веры, в качестве бесконечной, но непостижимой силы, которая составляет основу всего мирового процесса со всеми его материальными и духовными явлениями. Наука не может не признавать существования этого «непознаваемого», но если оно остается непонятным нашему разуму, то наше чувство (вера) заставляет нас именно признавать его существование. В явлениях нашего опыта, как внутреннего, так и внешнего, Спенсер усматривал лишь отображения «Непознаваемого», причем считал себя вправе из изучения эволюции как материальных, так и духовных явлений делать заключение о существовании некоторого параллелизма между явлениями и свойствами самого «непознаваемого»². Эту свою точку зрения он называл преобразованным реализмом.

Другие эту сторону философии Спенсера чаще обозначают термином «агностицизм», под которым понимают целое направление, родственное позитивизму. Едва ли, однако, было бы правильно только к этому агностицизму сводить все значение философии Спенсера, — как это иногда делали в Германии³ и что давало повод заподозривать Спенсера в возвращении к мистико-метафизическим стремлениям. Собственно говоря, все эти рассуждения Спенсера не оказывают ни малейшего влияния на его теорию познаваемого в ее целом и на отдельные его построения в областях наук о неорганической природе, биологии, психологии, социологии и этики, в основе каковых построений у него лежали данные опытного знания. Непостижимое у него так и остается непостижимым, а о том, что постижимо, притом взятом в целом, и должна была говорить его синтети-

---

¹ Литература о нем указана у Ибервега-Гейнце.

² Гёфдинг в 1876 г. частным письмом обратил внимание Спенсера на противоречия во взглядах на соотношение физического и психического в его системе, и во втором издании «Основ биологии» (1898) Спенсер заявил о невозможности свести явления жизни и сознания на физико-химические процессы. Höfding. С. 489—490 и 614.

³ По словам О. Гауппа, приведенным выше.

ческая философия, построенная на научном фундаменте из научного материала, при помощи научного же метода и объединенная одним принципом, каковым у Спенсера является принцип развития, эволюции. Поэтому основная черта системы Спенсера не в его агностицизме, дающем право толковать себя и в смысле канто-контковского отказа от метафизики, и, наоборот, в смысле мистико-метафизического стремления, — а в реалистическом эволюционизме.

Историческое значение Спенсера заключается в том, что он первый понял все великое значение эволюционной точки зрения. «Когда, — писал о Спенсере американец Юманс еще в самый разгар его деятельности, — когда теория о том, что существующий порядок вещей был создан сразу и во всей своей полноте, оказалась несостоятельной, явилось воззрение, по которому считалось безразличным, как возник этот порядок... Спенсер же, напротив того, полагал, что вопрос о происхождении вещей имеет определяющее значение и что мы никогда не можем понять, что они такое, если не знаем, как они стали тем, чем они есть... Заслуга Спенсера, — прибавляет Юманс, — не в том, что он первый применил этот метод¹ к особым предметам, но он был первый, применявший его, как всеобщий метод, первый, который усмотрел, что этот метод доставляет новое воззрение на человеческую природу, новую науку о духе, новую науку об обществе и что все они — члены одной связной и цельной философской системы. Наконец, он был первый, который, исходя из этой новой точки зрения, или, другими словами, на основе принципа эволюции создал обширную философскую систему»². В предисловии к последнему тому своей «Системы» Спенсер говорит, что он «сам изумляется смелости своего предприятия и еще более его выполнению», но еще более приходится другим изумляться и грандиозности замысла, и неуклонности в деле его исполнения, и силе мысли, проявленной философом в этом колоссальном труде всей его жизни, рядом с поразительным энциклопедизмом его эрудиции. Не подлежит никакому сомнению, что «Система синтетической философии», как единое целое, отличающееся высшей степенью внутреннего единства и цельности, превзошла «Курс положительной философии» Конта, не представляющий такого единства и такой цельности. Один и тот же закон развития, как процесса интеграции, сопровождаемой дифференциацией, применяется Спенсером к неорганической и органической природе и к тому, что он назвал «над-органическим развитием», т. е. к культурно-социальной жизни человека.

До «Основных начал», вышедших в свет, как было отмечено, еще в начале шестидесятых годов, Спенсер уже писал по социологии («Социальная статика», 1851), издал большой труд по психологии («Основания пси-

¹ Эволюционно-генетический.

² Приведено у Гауппа.

хологии», 1855) и набросал первый очерк своей общей теории эволюции («Прогресс, его закон и причина», 1857), и Дарвин, в предисловии к «Происхождению видов», уже называл его в числе своих предшественников. После обнародования проспекта своей «Системы синтетической философии»¹ Спенсер работал над ее выполнением тридцать пять лет, в течение которых им были изданы общие труды по биологии, по социологии и по этике, а именно: «Основания биологии» (1867), «Изучение социологии» (1873), «Описательная социология», отдельные части «Оснований социологии», законченных только в 1896 г., и наконец «Основания этики» (между 1879 и 1891 гг.)².

Евгений Дюринг³, о котором уже по одному поводу пришлось упомянуть в настоящем томе, начал писать еще в шестидесятых годах («Ценность жизни», 1865), с конца которых стали появляться одна за другой его «критические истории» философии, политической экономии и социализма, общих принципов механики и другие его сочинения по разным областям знания, что указывает на энциклопедичность его эрудиции⁴. В середине семидесятых годов вышел в свет его «Курс философии как строго научного мировоззрения» (1875). Своей системе Дюринг дал название «философии действительности», исходя из того положения, что, вопреки критицизму, вся действительность может быть принята нашим разумом⁵. Исходным пунктом его философствования было «возвращение к Канту»,

¹ Этот проспект целиком воспроизведен в книге О. Гауппа, с. 69–73.

² Спенсер умер в 1903 г.

³ Козлов А. Философия действительности (1878). О Дюринге есть еще труды Druskowitz'a (1888), Döll'я (1892) и др.

⁴ Вот перечень его трудов: «Kritische Geschichte der Philosophie» (1889), «Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus» (1892; 3-е изд.), «Kritische Geschichte der allgemeinen Prinzipien der Mechanik» (1887; 3-е изд.). Им были написаны еще и другие работы по философии («Natürliche Dialektik», 1865; «Logik und Wissenschaftstheorie», 1878), по политической экономии («Kapital und Arbeit», 1865; «Kritische Grundlegung der Volkswirtschaftslehre», 1866; «Die Verkleinerer Careys und die Krisis der Nationalökonomie», 1867; «Kursus der National- und Sozialökonomie»), по истории литературы («Die Grösse der modernen Literatur», 1892), даже по физике, химии и математике (в сотрудничестве с сыном), кроме публицистических произведений и автобиографии («Sache, Leben und Feinde», 1882). Социально-экономические взгляды Дюринга были приняты представителями манчестерства враждебно, но также вызвали опровержение и со стороны социал-демократов. Особенно известны печатавшиеся в 1877–1878 гг. статьи Engels'a «Herrn Eug. Dührings Umwälzung der Wissenschaft», изданные потом отдельно и часто обозначаемые сокращенно «Anti-Dühring». (Из этой книги три главы в 1882 г. были напечатаны особой брошюрой под заглавием «Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft»; имеется и по-русски).

⁵ Коротко Виндельбанд так формулирует мысль Дюринга: «Истинное познание усваивает действительность совершенно такой, какой она есть, как она непосредственно представляется человеческому опыту; вздорная мечта — искать за нею еще чего-то другого», с. 378. Н finding лучшим философским трудом Дюринга считает ставшую библиографической редкостью «Естественную диалектику», полагая, что если Дюринг ее не переиздавал, то по причине изменения своих взглядов в сторону позитивизма, с. 576.

причем с течением времени его мышление принимало все более позитивистический характер. В конце концов, Дюринг даже стал в самое резкое отношение к основному тезису критицизма, по которому наше знание обусловлено не только природой вещей, но и нашей собственной природой: в этом взгляде он стал усматривать просто-напросто лицемерное приспособление результатов работы мысли к желанию сохранить допустимость потустороннего мира. По его гносеологии, понимать действительность нужно, не привнося в нее ничего, что не извлекалось бы из нее самой. Что касается той черты, ради которой мы здесь говорим о Дюринге наравне со Спенсером и Вундтом, то она заключается в настойчивом проведении той мысли, что философия должна быть полной картиной об основных формах, или общих чертах, «схемах» реального бытия. Сравнивая Дюринга со Спенсером в данном отношении, нельзя не отметить, что схематизм первого гораздо абстрактнее, нежели эволюционизм второго, потому что Дюринг и не ставил своей задачей переработку конкретного содержания отдельных наук, как это сделал английский мыслитель.

Переходим к Вундту¹. Этот философ, которого следует признать наиболее влиятельным мыслителем Германии в последней трети XIX в., получил, как известно, медицинское образование и начал свою профессорскую карьеру с приват-доцентуры по физиологии². Занятия этой наукой привели Вундта к изучению и психологических вопросов, от которых он перешел потом и к общим вопросам философии. В истории новейшей психологии Вундт занял даже совершенно особое положение, как родоначальник в ней экспериментального метода³. Другая особенность психологии Вундта, это — отвержение им субстанциальности души: душа у него не вещь, не субстанция, которую можно было бы мыслить по аналогии с материальным атомом, — к чему обнаруживали всегда склонность спиритуали-

---

¹ Общему обзору его философии посвящена книга König'a «Wilhelm Wundt, seine Philosophie und Psychologie» (1901), имеющаяся в рус. пер. (1902 г., в изд. «Образования»), на который и сделаны ссылки в этой главе.

² У Вундта есть свой учебник физиологии человека, вышедший в свет в 1865 г. и выдержавший потом несколько изданий.

³ За «Лекциями о душе человека и животных» (1863), уже отмеченными в V томе, последовала в 1874 г. «Физиологическая психология», а в 1896 г. был издан «Очерк психологии». Основная точка зрения Вундта — независимость психологии не только от метафизики, но и от физиологии, хотя он вместе с тем прославился как раз введением в некоторые отделы психологии экспериментально-физиологического метода вплоть до устройства в Лейпцигском университете психологической лаборатории, бывшей первым подобного рода учреждением во всей Европе (см. о ней статьи Г. И. Челпанова в «Русской мысли» за 1889, Я. Н. Колубовского в «Русском богатстве» за 1890 г. и т. п.). «Характерным изменением в общих научных условиях XIX в. является постоянно прогрессирующее отделение психологии от философии, которое в настоящее время может рассматриваться, как завершившееся в принципе». В. Виндельбанд, 348. В подкрепление этого он ссылается на изданную им еще в 1876 г. работу «Über den gegenwärtigen Stand der psychologischen Forschung».

сты¹, — но только деятельность, активность, откуда Вундт и противопоставляет свое понятие души как актуальное понятию субстанциальному. Такая «психология без души», казавшаяся ревнителям ортодоксальных традиций опасным материализмом², несомненно, представляет собой один из наиболее позитивистических элементов философии Вундта³. Наконец, понятие психологии Вундт распространял не только в сторону зоологии («Thierseele», «душа животных»), но и в сторону социологии и истории под несомненным влиянием созданной в начале шестидесятых годов Лацарусом и Штейнталем «психологии народов» («Völkerpsychologie»⁴). Появление капитальных трудов Вундта по логике⁵ и этике⁶, а затем и общей «Системы философии» (в 1889 г.) еще более прославили Вундта как первоклассного философа. Энциклопедичность его эрудиции вполне соответствует задаче, ставимой им философией.

Вундт разделяет точку зрения Канта, признавая, что нашему познанию недоступно что-либо, кроме наших же собственных субъективных состояний. На высшей ступени познания, по его представлению, наше мышление уже переходит за границы всякого опыта, создавая, однако, лишь идеи, обреченные на то, чтобы всегда оставаться гипотезами, или же имеющие характер ни для чего не нужных фикций. Раз нельзя ничего знать, что не дано в реальном опыте, философия должна быть только некоторым комплексом научных выводов, приведенных между собой в общую согласованность с возможным устранением из них всякой противоречивости⁷. Если Вундт и говорит о метафизике, то лишь как о совокупности гипотез, без которых не может обойтись ни одна специальная наука, и в этом смысле метафизика, соединяющая воедино разные гипотетиче-

¹ Вундт поэтому даже называет спиритуализм замаскированным материализмом.

² Вспомним, что русский перевод (Е. Кемница) «Vorlesungen über die Menschen- und Thierseele» был предметом судебного процесса, отчет о коем явился в приложении к книге, когда ее разрешено было выпустить; применение слова «душа» к животным тоже производило немалый соблазн.

³ В данном отношении Вундт более позитивистичен, чем Спенсер с его гипотезой основного психического атома. Вполне на актуалистической точке зрения стоял и Тэн в «De l'intelligence» (1870).

⁴ Об этой научной попытке мне уже не раз приходилось высказываться. См., главным образом, «Основные вопросы философии истории», кн. III, гл. 2, по первым двум изданиям (гл. 12 по 3-му изд.) и «Введение в изучение социологии», в гл. VII. В первом издании «Лекций о душе человека и животных» этому элементу отведено значительное место, но, переиздавая в 1892 г. свою книгу, Вундт его выпустил, чтобы дать ему самостоятельную обработку в многотомной «Völkerpsychologie», начавшей выходить в 1897 г.

⁵ «Логика» Вундта вышла в свет в 1880—1883 гг. О ней по отношению к методологии общественных наук мне уже пришлось говорить во «Введении в изучение социологии» (гл. X).

⁶ «Этика» появилась в 1886 г. и вскоре вышла в русском (очень неважном) переводе.

⁷ «С низин опыта, — говорит о Вундте Гёффдинг, — он стремится к вершинам мышления; этих вершин достигала, как она думала, романтика, но, по мнению Вундта, воодушевленного критическим направлением Канта, они являются лишь высшим пунктом кругозора, которым (пунктом) мы пользуемся для ориентировки». Современные философы, с. 11.

ские элементы знания, получает у него значение не фундамента философии, а ее увенчания, будучи продолжением или восполнением опытного познания¹. С другой стороны, Вундт настаивает на необходимости, чтобы философия удовлетворяла требованиям не только ума, но и чувства. Согласование интеллектуальных интересов и этических потребностей есть, по Вундту, тоже задача философии².

Остановимся еще на Альфреде Фуллье, как мыслителе, который во Франции является одним из плодотворнейших философских писателей последнего времени³. Фуллье можно назвать в истории французской философии продолжателем дела Тэна, закончившего первую, философскую половину своей литературной деятельности блестящей книгой «*De l'intelligence*» (1870), во второй же половине занимавшегося главным образом историей революции. «Если бы, — говорить Гёффдинг, — мы хотели назвать исследователя, про которого можно было бы сказать, что он в области философии продолжает дело Тэна, то мы должны были бы прежде всего указать на Альфреда Фуллье»⁴.

В своем труде «*Будущее метафизики, основанной на опыте*» (1889) Фуллье особенно подчеркивал гипотетичность всякой метафизики, указывая на то, что метафизика является результатом потребности в высшем обобщении и что основанием для нее служат аналогии, притом не только психологическая, но и социологическая. В метафизике, по мнению Фуллье, человек не может идти дальше гипотетических схем и не в состоянии представить себе последний синтез с такой же положительностью, как вообще представляет себе связь между явлениями, дающуюся человеку в более точном знании. Разные метафизические системы находятся между со-

¹ «К позитивизму Вундт приближается в понимании того значения, какое он придает опыту, как масштабу, критерию», там же, с. 31. «Вундт, — говорит автор книги о нем, Э. Кёниг, — стремится преобразовать позитивизм изнутри; он соглашается вполне с его требованиями и только восстает против взгляда, по которому обработка опытных фактов заканчивается в области специальных наук. Эмпирическим специальным исследованием начинается всякое научное познание, но оно им еще не заканчивается; наоборот, внимательное исследование проблем специальных наук показывает необходимость философского дополнения, так как при этом возникают вопросы, которые не могут быть разрешены на почве специальных наук и при помощи средств, какими они располагают». Кёниг Э. В. Вундт, с. 11.

² Рассмотрение этики Вундта завело бы нас слишком далеко, и я ограничусь лишь указанием на то, что здесь Вундт наиболее является метафизиком по постановке цели жизни вне ее самой. Не касаемся и его отношения к религии, о чем см. у Кёнига, с. 174 и след.

³ Alfred Fouillée начал писать еще в конце шестидесятых годов. Кроме трудов историко-философского характера (ср., между прочим, указанное выше, на с. соч. о системах морали) и «Истории философии», существующей и в рус. пер.), отметим: *La liberté et le déterminisme* (1872; есть рус. пер.); *La science sociale contemporaine* (1880; есть рус. пер.); *L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience* (1889); *L'évolutionisme des idées-forces* (1890); *La psychologie des idées-forces* (1893); *Le mouvement idéaliste et la réaction contre la science positive* (1896); *Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde* (1896) и др.

⁴ Гёффдинг Г. С. 81.

бой в состоянии борьбы за существование, и в ней преуспевает, так сказать, та, которая может рассматриваться, как наиболее приспособленная к общей научной атмосфере данного времени: по мере того, как научное знание все дальше и дальше будет идти вперед, все более и более будут суживаться сами возможности возникновения новых метафизических систем. Задача философии заключается в том, чтобы в пределах, доступных человеческому опыту, находить возможно большую связь между познаваемыми явлениями, дополняя, однако, вместе с тем опыт на основании принципа существующей в мире явлений непрерывности¹. Настроенный вполне реалистически, Фуллье в то же время далек от отрицания идеализма, стремясь примирить противоположные направления². Например, в своей книге «La science sociale contemporaine»³ (1880) он выясняет верные стороны учения об обществе (или государстве) как своего рода организме и как об общественном договоре: одно — реальность, другое — идеал, претворяющийся в реальность⁴. Дело в том, что и «идея» может сделаться «силой», т. е. фактором жизненного творчества. Свое учение о «идеях-силах»⁵ Фуллье развил в самом большом своем труде «Психология идей-сил» (1893). Можно даже сказать, что для Фуллье сама психология прежде всего есть изучение

¹ В названной книге Fouillée отмечает современные метафизические искания, имеющие притом характер не погони за идеалом в духе Ланге, а настоящего добывания реальности. *L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience* (1889), с. VIII. Показательное значение для Фуллье имеет то обстоятельство, что обоснования для универсального синтеза ищут в опыте, с. X. Прямой и притязательный вопрос прежней философии о том, что такое вселенная, Фуллье заменяет вопросом косвенным и более скромным: «Comment l'univers est-il senti, pensé, voulu par la conscience humaine? quelle est, parmi toutes les conceptions de l'ensemble des choses, celle qui s'accorde le mieux avec elle-même, avec les lois constitutives de la pensée et de l'action, enfin avec la totalité de notre expérience actuelle?» (с. 7). Становясь на точку зрения непреходимости метафизики, Фуллье возражает против позитивистического устранения метафизических проблем: «Le plus positif des positivistes a beau professer une complète suspension de jugement, soyez sûrs qu'il a sur le compte de l'univers sa pensée de derrière la tête», с. 13, а также ср. с. 274 и след. В отдельной интересной главе (с. 187 и след.) автор ставит вопрос: «Всегда ли будут нужны для морали метафизические гипотезы?» Общее заключение Фуллье состоит в следующем: «С одной стороны, мораль будет делаться все более и более позитивной и даже в такой степени, какая и не снится теперешним социологам и физиологам», но с другой — она будет давать и больше простора «этому роду искусства, рациональной поэзии, который называют метафизикой», с. 198.

² Одна из особенностей философствования Фуллье заключается вообще в том, что он сам называет «методом примирения» (*méthode de conciliation*), т. е. объединения противоположных точек зрения в высшем синтезе. См. об этом в «*L'avenir de la métaphysique*», с. 115 и след., со слов: «La métaphysique ne peut pas n'être par essence une conciliation, puisqu'elle est un essai de synthèse universelle». Ср. § под заглавием «*Différence entre la méthode de conciliation, la méthode hégélienne et la méthode éclectique*» с. 129 и след., где автор особенно отграничивает свой «концилиационный метод» от эклектического.

³ «Современная наука об обществе» (*фр.*). — *Прим. ред.*

⁴ Фуллье в этом смысле создает понятие «договорного организма», «*organisme contractuel*», о чем ср. в моем «Введении в социологию» (гл. IV).

⁵ В этом понятии тоже нельзя не видеть результата применения «*méthode de conciliation*».

воли, той самой воли, которой Тэн намеревался посвятить свой труд, оставшийся, к сожалению, не написанным¹.

Стремясь к цельному мирозерцанию, Фуллье самым определенным образом стал на точку зрения эволюции и того, что можно назвать непрерывностью бытия, отрицавшейся прежними французскими мыслителями, — в их числе и Контом, который в своей классификации наук решительно признавал существование своего рода пропастей, отделяющих одна от другой различные области природы, поскольку каждая новая в иерархическом ряду абстрактная наука имела в глазах Конта своим предметом особую, к другим несводимую категорию явлений. В этом отношении Фуллье (а раньше его и Тэн) стоит в своем понимании Мира на той же точке зрения непрерывности, какая наблюдается и у Спенсера, и у Дюринга, и у Вундта². В смысле признания непрерывности видными представителями философии конца XIX в. мышление в этом отношении вернулось к традициям великих идеалистических систем начала XIX в.

Таковы главные явления философского движения за последние десятилетия XIX в., насколько вообще умственные течения могут быть предметом изложения и характеристики в таком общеисторическом труде, каким является настоящий том³. Это была эпоха постоянного и весьма интенсивного взаимодействия, какого раньше никогда не было, между философией

---

¹ Отметим здесь, кстати, волюнтаристический характер новейшей психологии и даже метафизики, впервые проявившийся в философии Шопенгауэра и отличающий собой, равным образом, воззрения Вундта, для которого весь мир представляется, как совокупность волей, или волевых единиц.

² Защитником «прерывности» во французской философии был Шарль Ренувье, о чем см. у Гёффдинга, с. 89 и след. Гёффдинг, говоривший о Ренувье еще при его жизни, выражает сожаление о том, что об этом философе не писали, но после смерти последнего (1903 г.) вышла в свет о нем книга Ph. Bridel'a (*Charles Renouvier et sa philosophie*, 1905). Другим противником принципа непрерывности является Бутру, автор «*De la contingence des lois de la nature*» (1875) и «*De l'idée de la loi naturelle dans la science et la philosophie contemporaines*» (1895).

³ Повторяю, что я не гнался за полнотой ни в смысле включения в обзор, по возможности, всех течений, ни тем более в смысле рассмотрения или простого упоминания наибольшего числа писателей, равно как, наконец, подробных и всесторонних характеристик отдельных мыслителей, о которых идет речь. Конечно, в главе найдены будут большие пробелы, но я заранее оговариваюсь, что некоторые из них допущены мной совершенно сознательно. Например, мне не раз приходило в голову, что меня будут упрекать за пропуск такого популярного (в значении и общедоступности, и известности) писателя, как Ренан, которому, например, и Гёффдинг дает место среди своих «современных философов» (с. 75—80), но при всем психологическом интересе, какой представляет собой личность Ренана, его философский дилетантизм был слишком поверхностным, а скептицизм, к которому он пришел, слишком неглубоким. В 1848 г., когда ему было только 25 лет, он оптимистически верил в науку и в демократию, что и выразил в написанной тогда книге «*L'avenir de la science*», обнародованной много позднее, но дальнейшие события в истории его родины сделали его пессимистом и скептиком. Между прочим, в эпоху коммуны он написал (но издал только через пять лет) «*Dialogues et fragments philosophiques*», где прямо говорил о несовместимости науки и демократии. Его идеи здесь получили чисто аристократический и при всем его свободомыслии клерикальный оттенок: у него священниками будущего в качестве пастырей душ толпы должны

и специальными науками и, вместе с этим, особенно деятельной разработки, в духе научного реализма и философского эволюционизма, общественных наук вообще и, в частности, время быстрого развития социологии, общему обзору которого и посвящены последние страницы этой главы¹.

В последней главе V тома «Истории Западной Европы» было отмечено то, что к началу последней трети XIX в. падение идеалистической метафизики и успехи естествознания не могли не отразиться на общественных науках, особенно на изучении и теоретическом понимании государства и права. Политическая экономия еще раньше освободилась от того, что Конт называл метафизическим методом, подчиняющим наблюдение воображению, благодаря чему из всех общественных наук политическая экономия уже давно имела позитивный, реалистический характер, в то время, как общие теории права и государства оставались еще под властью «метафизики». При занятии ими, в большинстве случаев, не умели строго разграничивать категории существования и долженствования, не умели, далее, применять к пониманию данных в действительности государственных и правовых явлений те же точки зрения и привычки мысли, которые давным-давно утвердились в исследованиях натуралистов и даже экономистов, и не умели, наконец, не связывать понятия о должном с какими-либо традиционными или вновь изобретенными представлениями мистического, метафизического или романтического характера. Важным моментом в истории освобождения общественных наук от «подчинения наблюдения воображению» было возникновение положительной науки об обществе, социологии, как чистой (не прикладной) науки, исследующей законы общественного бытия и развития во всем многообразии и сложности составляющих общественную жизнь явлений. Она указывала, чем должна была быть «социальная физика», вместо прежней социальной метафизики. Уже сам Конт пытался построить новую науку на принципе закономерной эволюции, играющем столь важную роль вообще в мирозерцании XIX в., а великое открытие Дарвина, оказавшее большее или меньшее влияние на все науки нашего времени, дало лучшую опору для эволюционизма в социологии, сделавшегося основной особенностью и работ Спенсера в изучении разных явлений общественной жизни. Другой капитальной чертой истинного социологического направления сделалась его историчность, или «историзм», т. е. пользование, при теоретическом изучении таких явлений общественной жизни, как государство, право, народное хозяйство, и историческим материалом, и исторической

быть ученые. В своем «Examen de conscience philosophique» (в «Feuilles detaches», 1888) Ренан особенно рекомендовал избегать того, чтобы «être dupe» («быть обманутым» (фр.). — *Пер. ред.*).

¹ В первоначальный замысел, касающийся настоящей главы, входило дать и общий очерк успехов исторической науки, что было даже обещано в пятом томе, но тема эта оказалась слишком обширной, чтобы найти здесь место.

точкой зрения (совпадающей с эволюционной), и историческим методом. Правда, исторические школы в юриспруденции и в политической экономике возникли еще в начале и в исходе первой половины XIX в., но в них историзм был соединен или с романтизмом и консерватизмом, свойственными исторической школе права¹, или с консерватизмом и отсутствием широкого обобщающего взгляда, что позволительно сказать об историческом направлении в политической экономике. Более свободный, более трезвый, более философский историзм социологии должен был давать, конечно, и более ценные и плодотворные результаты. Очень важное значение имело для дальнейшего развития положительного понимания общественных явлений в их эволюции также внесение в их историко-социологическое изучение сравнительно-исторического метода, будущую роль которого провидел еще сам основатель социологии, Огюст Конт. Это общее стремление к идеалу научности не могло не отразиться и на мирозерцании социальных реформаторов. Социализм Маркса и Энгельса уже прямо противопоставлял себя прежнему социализму, как научный — утопическому, ибо и он основывал себя на идее закономерного исторического развития, совершенно устраняющей точку зрения не только консерваторов и романтиков, но и таких людей, какими были рационалисты XVIII в. или утописты XIX в., мечтавшие о внезапном переустройстве общественных отношений под одним влиянием счастливой идеи в уме отдельного человека.

Таковы были, в общих чертах, те руководящие идеи в области социологического понимания, которые уже широко проложили себе путь в сознание людей, научно занимающихся или даже просто только интересующихся жизнью человеческого общества вообще, в частности ее политической, юридической, экономической и культурной сторонами. Конечно, не было и в последней трети XIX в. недостатка в более или менее запоздалых проявлениях прежних точек зрения и приемов мысли, как бывали, с другой стороны, и попытки сознательного возвращения вспять, но все это составляло временные, преходящие явления, не оставлявшие заметных следов на общем движении социальной мысли.

К концу XIX в. социологическая литература достигла на разных языках громадных размеров, а в некоторых странах возникли специальные периодические органы для социологии в виде журналов и ежегодников, стали образовываться социологические общества и собираться международные съезды социологов, и новая наука начала делаться предметом академического преподавания². В самой социологии за это время успели обозна-

¹ В учении об исконном народном правосознании, о народном духе и т. п. и в приверженности к существующему, о чем также см. в т. IV.

² Обо всем этом см. последнюю главу моего «Введения в изучение социологии». Так как эта книга вышла первым изданием в 1897 г., то состояние социологии в конце XIX в. могло

читься отдельные направления. Два из них сходились в том, что строили социологию непосредственно на биологии, с тем различием, что одно исходило из уподобления общества индивидуальному организму («органицизм» Спенсера, Лилиенфельда, Шэффле и др.), другое — из отождествления законов, управляющих жизнью общества, с законами видовой жизни организмов («дарвинистическое» направление). Одной из заслуг русских социологов семидесятых годов (Лаврова, Михайловского и Южакова) было то, что, сами стоя на точке зрения зависимости социальных явлений от биологических и, в частности, будучи дарвинистами, они подвергли основательной критике все биологические аналогии «органицистов» и «дарвинистов» (в узком смысле), выдвинув на первый план психологическое объяснение социальных фактов. Позже начавшие свою деятельность американские социологи, во многом близко подошли к той же самой точке зрения. Что социология должна основываться непосредственно не на биологии, а на психологии, это еще много раньше было высказано и Миллем, и самим Спенсером, поэтому и критиковавшими иерархию наук Конта, который поставил социологию непосредственно за биологией, но, конечно, индивидуальная психология не могла служить базисом для социологии. Еще в шестидесятых годах в немецкой науке была высказана мысль о необходимости коллективной психологии, которая изучала бы человека, взятого не особняком, но сначала эта мысль получила (в «*Völkerpsychologie*» Лацаруса и Штейнтала¹) одностороннее направление, так как предметом изучения были сделаны не психическое взаимодействие, происходящее в обществе, как совокупность процессов особой категории, а только его результаты, да и результаты-то лишь в области духовной культуры (с доминирующим интересом к языку), но не в сферах государственной, правовой и хозяйственной жизни обществ. Новейшие социологи поставили вопрос о психизме социальной жизни в смысле, именно совокупности всех видов психических взаимодействий, совершающихся в жизни общества. Органицисты и дарвинисты были слишком склонны рассматривать исторический процесс как чисто органическую, спонтанейшую, безличную эволюцию, подобную процессу развития любого организма или биологического вида, чем устранялось из социологии или затушевывалось в ней понятие действенности, преднамеренности и планомерности². К концу XIX в. в социологии все более и более начала брать перевес психологическая точка зрения, встретив-

---

найти в ней довольно полное отражение, и все, что изложено дальше, в сущности, основано целиком на данных, имеющихся в этой книге. К ее тексту был приложен обширный указатель социологической литературы, пополненный новыми названиями во втором издании «Введения», сделанном в 1907 г.

¹ Об отношении Вундта к социологии см. в специальном параграфе IX главы «Введения в изучение социологии».

² В этом нельзя не видеть освобождения позитивизма от натурализма, с которым была склонность его смешивать.

шая, однако, в последнее десятилетие XIX в. сильную конкуренцию в экономическом материализме, ставшем, как и оба биологические направления социологии, на точку зрения стихийности социальной эволюции и ее чисто материальной основы.

Вся социологическая литература семидесятых годов примыкала, в большей или меньшей степени, к инициативе Огюста Конта, усвоив теоретические основы позитивизма, но отринув позднейшие построения Конта в области практической политики. Общий характер всей социологической литературы был прогрессивный, но без яркой политической окраски в том или другом направлении. Научный объективизм даже сделался лозунгом социологии, которая, прежде всего, должна изучать то, что есть, как оно есть (или что было, как оно было). На самом деле, однако, отдельные теории общества всегда более или менее заключали в себе субъективные элементы желательного или должного. Сам Спенсер, особенно настаивавший на необходимости устранять всякий субъективизм, отнюдь не был от него свободен. Казалось бы, приравнивание им общества к организму должно было бы привести его к антииндивидуалистическому выводу, но на самом деле Спенсер как раз защищал индивидуальную свободу от всякого вмешательства и принуждения со стороны общественной власти (его сочинение «The man versus the state»), вследствие чего в социализме он видел лишь «грядущее рабство». В своем индивидуализме английский социолог был даже близок к анархизму, полагая, что в идеальном обществе решительно все, не исключая почты и телеграфа, должно быть в руках свободных компаний без какого бы то ни было участия во всем этом принудительной власти государства, хотя, с другой стороны, он вообще стоял на точке зрения современного экономического строя, и потому его индивидуализм был лишь логическим выводом из политического либерализма и экономического манчестерства. Отношения других социологов к социализму были весьма разнообразны вплоть до придания самой социологии чисто социалистической окраски¹, что особенно ярко выразилось в трудах Лаврова (преимущественно, изданных за границей). Нужно, однако, заметить, что каким бы влияниям ни подвергалась социология со стороны социализма и сколько бы отдельными социологами ни воспринималось раз-

¹ Ср. в гл. XIV «Введения в изучение социологии» параграф под заглавием «Социология и главные общественные направления XIX века», где указывается на то, что в ближайшее к нам время одни хотели бы, чтобы предвзятая мысль социологии заключалась в теоретической оппозиции социализму, тогда как другие, наоборот, думали сделать из социологии теоретическое обоснование социализма. «Социология будет социалистической, или ее вовсе не будет», заявил, например, Энрико Ферри. В библиографическом указателе «Введения» можно найти названия работ, прямо или косвенно относящихся к теме. Последними публикациями являются книги: *Bourdeau J. Socialistes et sociologues* (1905); *Fouillé A. Le socialisme et la sociologie réformiste* (1909). Ср. также в соч. Fouillé «Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde» (1896) кн. II, гл. II («Sociologie, socialisme et positivisme»).

ных элементов специально из учения Маркса, они были очень далеки от его экономического материализма. Последователи этой теории приняли участие в разработке вопросов социологии, как мы увидим дальше, только в самом конце XIX в., совершенно порвав с традициями позитивизма и всей вообще социологической литературы, чтобы вести свою линию исключительно от Маркса, философского же обоснования для своего учения искать или в гегельянской диалектике, или в критицизме Канта, или даже в метафизическом материализме¹. Последним важным событием в истории социологической мысли последней трети XIX в. и было энергичное выступление сторонников экономического материализма, успеху которых много содействовала его связь с приобретавшим все большую популярность практическим марксизмом.

Главным социологическим писателем в Англии был Герберт Спенсер, первый труд которого в этой области вышел в свет еще в 1851 г.², после чего из-под его пера в течение целой четверти века не выходило ни одного труда по социологии, пока в 1873 г. не появилась его книжка «Изучение социологии»³ и в том же году не началось издание отдельными частями «Оснований социологии», продолжавшееся около двадцати лет. В семидесятых же годах писал по социологии Бэдджот⁴, все остальные вроде Кидда⁵ позже. К тому же десятилетию относится и начало немецкой социологической литературы в лице таких писателей, как П. Лилиенфельд и Шэффле, за которыми в восьмидесятых годах последовал Гумплович, в девяностых — Зиммель⁶. Кроме того, семидесятые годы были, равным образом, временем выступления русских социологов П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова, М. М. Ковалевского, Е. В. де Роберти, писавшего, впрочем, больше по-французски⁷.

Во Франции интерес к социологии возродился только в восьмидесятых годах, когда стали появляться труды Фуллье, Эспинаса и Тарда, за которыми в девяностых годах последовали работы Дюркгейма, Изуле

¹ Последнее особенно у Плеханова в его книге, появившейся с псевдонимом Бельтова и под заглавием «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895). Ср. ее разбор в гл. XII моих «Старых и новых этюдов об экономическом материализме» (1896). За самое последнее время последователи экономического материализма ухватились и за эмпири-критицизм.

² «Social statics» («Социальная статика» (англ.). — Прим. ред.). В дальнейших примечаниях даются только названия первых работ; подробные перечисления в указателе «Введения в изучение социологии».

³ «The study of sociology»; есть рус. пер.

⁴ Bagehot. Physics and politics (1873); есть рус. пер.

⁵ Kidd B. Social evolution (1895); есть рус. пер.

⁶ Lilienfeld P. Gedanken über Sozialwissenschaft der Zukunft (1873 и след.); Schaffle. Bau und Leben des sozialen Körpers (1875 и след.); Gumplovicz. Grundriss der Sociologie (1885); Simmel. Über soziale Differencirung (1890). Первый том соч. Лилиенфельда под инициалами П. Л. был издан и по-русски; соч. Гумпловича и Зиммеля переведены.

⁷ См. перечень их социологических сочинений во «Введении в изучение социологии».

и Вормса¹. В восьмидесятых же годах стал писать бельгийский социолог де Грееф². Одновременно с Францией и Бельгией началось развитие социологической литературы в Северо-Американских Соединенных Штатах, где первым крупным социологом в восьмидесятых годах был Лестер Уорд, а в следующем десятилетии особенно выдвинулся Гиддингс³.

О происхождении экономического материализма у нас говорилось уже в других местах настоящего труда⁴. Достоин внимания, что эта теория, как чисто социологическое учение, призванное объяснить историю человечества из одного принципа, заставила о себе говорить довольно поздно, когда у него явился целый ряд последователей, занявшихся его пропагандой и применением к пониманию отдельных периодов истории. Собирая и изучая литературу по теории истории для своих «Основных вопросов философии истории», вышедших в свет в 1883 г., я в массе книг и статей, с которыми приходилось знакомиться, не встретил ни одной, посвященной обоснованию той точки зрения, что в основе всего исторического процесса лежит процесс экономический. И позднее, когда в 1887 г. «Основные вопросы философии истории» переиздавались вторично, тоже еще не было литературы по экономическому материализму, да и многочисленные критики «Основных вопросов» не преминули бы указать на пробел, если бы таковой был. В первом издании очень обстоятельного «*Lehrbuch der historischen Methode*» Э. Бернгейма, появившемся в 1889 г., совсем даже ничего не

¹ Fouillée A. La science sociale contemporaine (1880); Espinas. Les sociétés animales (1882); Tarde G. Les lois de l'imitation (1890); Durkheim. De la division du travail social (1893); Izoulet. La cité moderne (1894); Worms R. Organisme et société (1896). Соч. Фуллье, Эпинаса, Тарда и Вормса существуют в русских переводах. Guyau тоже должен быть причислен к социологическим писателям, ибо и на искусство, и на религию и т. д. смотрел с социологической точки зрения. Например, он указывал на то, что определения религии брались большей частью из разных областей, т. е. метафизики, морали и т. п. и почти никогда из области социальной. По его мнению, основа религии — в «общественной связи (lien de société) человека и высших сил (puissances supérieures), более или менее ему подобных», т. е. в той «sociabilité», которая является одним из основных признаков человека. «La religion, — говорит Пюйо, — est un sociomorphisme universel... une explication sociologique universelle à forme mythique» («Религия — это всемирный социоморфизм, социологическое объяснение бытия в форме мифа» (фр.). — Пер. ред.). Guyau M. L'irreligion de l'avenir (1887), с. I и III. Поэтому он и назвал свое сочинение «étude sociologique». «La dernière partie de l'irreligion de l'avenir est une vraie synthèse sociologique du monde» («Последняя часть «Иррелигии будущего» содержит синтетическую истину мировой социологии» (фр.). — Пер. ред.); Fouillee. Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde, 313. Сам Фуллье в только что названной книге, вышедшей в свет в 1896 г., становится на эту же точку зрения.

² Первое сочинение de Greeff'a Introduction à la sociologie (1886).

³ Первым трудом Lester Ward'a была его «Dynamic Sociology» (1883), за которой последовал ряд других его работ, а Giddings написал «Principles of sociology» (1896). Книга Гиддингса переведена по-русски, как и некоторые более поздние работы Уорда, но попытка издания перевода «Динамической социологии» в свое время встретила цензурные затруднения.

⁴ Подробнее об этом я писал в «Старых и новых этюдах об экономическом материализме» (1896), где см. главы V («Происхождение и сущность экономического материализма») и VI («Историологические взгляды Маркса и Энгельса»).

было сказано об отношении историзма к экономизму вообще, и только во втором издании, вышедшем в свет через пять лет (в 1894 г.), было посвящено несколько страниц экономическому материализму, о котором едва даже упоминается в одном английском труде 1893 г., где о нем должна была бы идти речь¹. Кто следил за русской социологической литературой семидесятых и восьмидесятых годов, очень чутко относившейся к разным возникавшим на Западе теориям общества и истории, может, конечно, засвидетельствовать, что об экономическом материализме в это время совсем почти не было слышно: говорили и писали тогда о Конте, о Спенсере, о дарвинистах и т. п., как говорили и писали, конечно, и о Марксе, но только не как об основателе экономического материализма. Последний сделался у нас известным и популярным лишь в девяностых годах², и произошло это, разумеется, потому, что и на Западе, т. е. преимущественно в Германии, соответственная литература стала развиваться только около 1890 г. Главными представителями нового социологического учения выступили теоретики и историки германской социал-демократии, как то: Каутский, Мering и др.³ Вообще в это время экономический материализм появился на исторической сцене, как официальное историологическое учение социал-демократии. В сущности, оно вовсе не обосновывает собой ни теории ценности Маркса, ни практических требований партии, потому что можно признавать верность упомянутой теории ценности, не разделяя экономического материализма, без которой точно так же может обойтись и все остальное в марксизме⁴, на деле же вышло так, что вопрос об экономическом материализме стал в большинстве случаев обсуждаться в связи с пра-

---

¹ Bonar J. Philosophy and political economy in some of their historical relations (1893).

² Тогда у нас сразу появилось несколько горячих последователей экономического материализма, из которых некоторые отреклись впоследствии от этого своего увлечения.

³ Kautzky в своей книге «Karl Marx' ökonomische Lehren» совсем не дал сколько-нибудь обстоятельного изложения экономического материализма, очевидно, не так-то уже считая его нужным для обоснования марксизма. В одной из ранних своих статей (1885) «Die Entstehung des Christenthums» он уже проводил мысль, что христианство было создано материальными факторами, но особенно точка зрения экономического материализма стала проводиться в работах Каутского, начиная с его книги о «Томасе Море и его Утопии» (1890). Во время полемики с Бернштейном Каутский должен был, однако, кое с чем согласиться относительно дефектов марксистской исторической теории. Франц Мering, историк германской социал-демократии, в 1891 г. выпустил в свет книгу «Die Lessing-Legende», в приложении к которой поместил статью «Über den historischen Materialismus» (с. 429–500). Около того же времени экономический материализм стал пропагандироваться и в рабочей массе отдельными брошюрами «Берлинской рабочей библиотеки», издававшейся с 1890 г. социал-демократом Максом Шинделем (*Krause. Die Arbeiterbewegung im Lichte der materialistischen Geschichtsauffassung* и его же *Die Entwicklung der Geschichtsauffassung bis auf Karl Marx* и т. п.). Тогда же, равным образом, появилась и первая критическая работа, в которой рассматривается экономический материализм (*Barth P. Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann*, 1890). Об этой литературе см. в «Старых и новых этюдах» главу VII («Разбор аргументации немецких сторонников экономического материализма»).

⁴ Доказательства в «Старых и новых этюдах».

вотой или неправотой социал-демократии, как это случилось, — о чем уже шла речь, — и с теорией ценности Маркса: защитники экономического материализма объявили его существенной принадлежностью пролетарской идеологии, полагая, что это — доказательство его истинности. Между тем начавшаяся около 1890 г. разработка теории мало-помалу привела самих же ее сторонников к таким взглядам, которые подрывают саму суть экономического материализма. Например, мы это наблюдаем в двух книжках Вейсенгрюна «Законы развития человечества» и «Разные способы понимания истории»¹, изданных в 1888 и 1890 гг. Этот автор нашел нужным восполнить пробел в историологической теории Маркса и указал в историческом процессе, кроме экономического фактора, еще самостоятельный фактор психический². С другой стороны, далеко не все социалисты стали на точку зрения экономического материализма. В начале девяностых годов по этому вопросу произошла полемика между Лафаргом как защитником строгого марксизма, и Жоресом, выступившим в качестве критика теории с точки зрения ее односторонности³. Наконец, вопрос об экономическом материализме был поднят и Бернштейном в его «Предпосылках социализма»⁴. В общем, если перед 1890 г. об экономическом материализме едва упоминали, то к началу XX в. о нем уже существовала обширная литература⁵. Для теоретического понимания общественности и истории она не пройдет бесследно, как поправка к прежнему историческому идеологизму, но с самого же начала экономический материализм обнаружил свою крайнюю односторонность.

---

¹ *Weisengrün P.* Die Entwicklungsgesetze (1888) и *Verschiedene Geschichtsauffassungen* (1890).

² В русской литературе такую же поправку в теорию внес П. Ф. Николаев. См. обо всем предыдущем в «Старых и новых этюдах» главу VII («Изменения, вносимые в экономический материализм некоторыми его последователями»).

³ *James J.* L'idéalisme dans l'histoire и *Lafargue P.* L'idéalisme et le matérialisme dans la conception de l'histoire. Обе статьи, между прочим, были изданы и вместе. В свое время «Новое слово» (1896) познакомило со статьей Жореса, о которой см. также «Старые и новые этюды», с. 301.

⁴ «Старые и новые этюды» вышли в свет еще до появления книги Бернштейна, общие соображения которого вполне, большей частью, сходятся с нашей критикой. Один из русских пер. книги Бернштейна даже вышел под заглавием «Исторический материализм» (1901).

⁵ Перечень главнейших книг, брошюр и статей можно найти в обоих изданиях моего «Введения в изучение социологии», равно как в моей статье об экономическом материализме в XL томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона. Нельзя не отметить, что экономический материализм сделался весьма популярным и в Италии, где в этом направлении вышло довольно много работ (Asturado, Chiapelli, Ferrari, Ferri, Labriola, Loria и др.), названия которых имеются во «Введении в изучение социологии».

Приложение

Поправки, дополнения, примечания¹

- 1–2, прим. Для истории международных отношений конца XIX в. представляет интерес по своему содержанию только что вышедшая книга E. Lémonon'a, «L'Europe et la politique britannique», охватывающая период времени от 1882 до 1909 г. Из 13 глав концу XIX в. посвящены первые пять. *Lenz M.* Die Grossmächte. Ein Rückblick auf unser Jahrhundert (1900); *Pierre-Bamus.* Die historische Entwicklung der Friedensidee und des Anti-militarismus (1908; в коллекции «Kultur und Fortschritt»); *Мартенс Ф.* Гаагская конференция мира («Вестник Европы», 1900); *Гр. Комаровский Л.* Успехи идеи мира (1898); *Он же.* Гаагская мирная конференция (1902); *Nippold O.* Die zweite Haager Friedenskonferenz; *Brown Scott J.* The Hague Peace conference of 1899 and 1907 (1909); *Choublier M.* La question d'Orient depuis le traité de Berlin (1897).
- 13, 19 св. Вместо Шиебеля, нужно Шнебеле.
18. В III т. книги Hanotaux «Histoire de la France contemporaine» (с. 95–96) приводятся на основании одного неизданного документа, слова, сказанные в декабре 1874 г. гр. Шуваловым французскому министру внутренних дел герцогу Деказу, в которых автор видит «les premiers lineaments d'une alliance franco-russe» («первые очертания франко-русского союза» (*фр.*). — *Пер. ред.*).
- 24–25, прим. Для истории колониальной политики с начала восьмидесятых годов см. указанную выше (в дополнении к с. 1–2) книгу Lémonon'a; *Darcy J.* Cent années de rivalité coloniale (два тома о соперничестве Англии и Франции); *Martens F.* La conférence du Congo à Berlin et la politique coloniale des états modernes; *Hanotaux G.* Le partage de l'Afrique (1909); *Chiesi G.* La colonizzazione europea nell'est Africa. В XII гл. «Ullsteins Weltgeschichte» herausgegeben von prof. von Pflugk-Hartung есть интересные карты «der grossen Kulturkreise der Menschheit».
29. *Bonn M.J.* Die Eingeborenen-Politik im britischen Südafrika (1908).
- 34–36. *Dutt K.* The economic history of India in the Victorian age (1906); *Pirou E.* L'Inde contemporaine et le mouvement national; *Milner A.* L'Angleterre en Égypte (перев. с англ. Mazuc'a); *Freycinet G. de.* La question d'Égypte.
- 39, прим. *Hyds W.J.* Die erste Annexion Transvaals (1907).
42. *Doerkes-Boppard.* Verfassungsgeschichte der australischen Kolonien und des «Commonwealth of Australia»; *Schachner B.* Australien in Politik, Wirtschaft, Kultur (1909); *Уокер.* Развитие австралийской демократии (1901); *Мижусев П.* Передовая демократия современного мира. Английская колония «Новая Зеландия»; *Он же.* Счастливая Австралия.
- 44, прим. 1. *Levasseur E.* La France et ses colonies (1890–1893); *Gaffarel P.* La politique coloniale en France de 1789 à 1830 (1908); *Fallex M., Mairey A.* La France et les colonies; *Deschamps I.* Histoire de la question coloniale en France (1891); *Coquet L.* Politique commerciale et coloniale franco-allemande (1907); *Vast H.* La plus grande France. Bilan de la France coloniale (1909); *Hubert L.* L'éveil d'un monde. L'oeuvre de la France en Afrique occidentale (1908); *P. H. X* (= d'Estournelles de Constant). La politique française en Tunisie; *Famon.* La Tunisie avant et pendant l'occupation

¹ Жирным шрифтом указаны страницы, обыкновенным — места на указанных страницах: строки сверху (св.) или снизу (сн.) и № примечаний (прим.). (Номера страниц даются согласно оригинальному изданию 1909 г. — *Прим. ред.*)

- française (с предисловием J. Ferry). О французских колониях см. также гл. XX книги К. Vogel'я «Die dritte französische Republik» (1895), с. 658—695.
- 44, прим. 1. К указанным книгам нужно еще прибавить вышедшую в 1909 г. книгу G. Hanotaux «Le Partage de l'Afrique. Fachoda», составившуюся из ряда статей автора, который называет ее «une contribution émanant d'un acteur et d'un témoin» и даже «документом» (ce livre est un document). Кроме того, она является дополнением к другой книге Ганото, посвященной тоже африканским делам («L'affaire de Madagascar»).
- 45, 2 св. Вместо Айнамом, следует Аннамом.
- 47, 19 сн. Вместо Омдумант, следует Омдурман.
- 46—47. См. таблицу 49 в «Atlas de géographie historique» Schrader'a (Progrès des découvertes au XIX siècle), где есть, карта Африки в 1894 г. с указаниями на главные экспедиции в XIX в.
- 48, 6 сн. Tonnebar ошибочно, вместо правильного Tonnelat; *Chérudame A.* La colonisation et les colonies allemandes.
- 52, 6 св. Вместо Ангри-Псквену, следует Ангри-Пеквену.
- 58, прим. *Parisi Gr.* Storia degli Italiani nell'Argentina (1907).
- 61—63, прим. *Zeitlin L.* Fürst Bismarcks sozial-, wirtschafts- und steuerpolitische Anschauungen (1902).
- 62, прим. Wilhelm II wie er geschildert wird und wie er ist. Von einem Diplomaten.
- 89, 1 сн. В гл. XXIV, а не XXV.
- 97, 1 сн. В гл. XXV, а не XXIV.
101. *Pender J.* Fürst Bismarck nach seiner Entlassung (1897—1898).
- 103, 17 сн. Есть русский перевод: *Науман Ф.* Демократия и императорская власть (1907).
- 103, прим. *Goehre.* Schule, Kirche und Arbeiter (1906).
- 115, прим. 1. *Hachenburg M.* Das bürgerliche Gesetzbuch für das Deutsche Reich (1900).
- 121, прим. 2. В 1909 г. Henryk Sienkiewicz издал в Париже большой том под заглавием «Prusse et Pologne. Enquête internationale organisée». В нем рассматриваются прусские меры, направленные против польского землевладения.
- 125, прим. 5. *Ломброзо Ч.* Антисемитизм и современная наука (1909).
- 127—130. Под влиянием антисемитизма среди евреев возникло движение, известное под названием сионизма («друзей Сиона»), националистической проповеди о необходимости «автоэманципации» (*Pinsker L.* Auto-emanzipation. 1882), возвращения в Палестину и даже основания в ней собственного еврейского государства (*Herzl Th.* Der Judenstaat, 1896; есть рус. пер.). Литература указана в ст. «Сионизм» в Энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона.
- 137, прим. 2. Французские публицисты, склонные везде усматривать руку масонов, в них самих видят, в свою очередь, орудие враждебных Франции сил. На первом плане здесь имеются в виду евреи (например, *Copin-Albancelli.* Le pouvoir occulte contre la France и его же *La conjuration juive contre la chrétienté*), но недавно *Мах Доумис* стал настаивать, что масонство — орудие Англии. Эту мысль он изложил в брошюре «La Franc-Maçonnerie est-elle juive ou anglaise?» и в книге «Le secret de la Franc-Maçonnerie», вышедшей в начале 1910 г. четвертым изданием. В этой последней см. особенно главу VI («L'action maçonnique en France et la politique de l'Angleterre durant la troisième république», с. 249—347), где даже дело Дрейфуса объясняется английской интригой: Англия-де нужно было «troubler la France et la mettre en lutte avec l'Allemagne, car l'arrivée de Marchand à Fachoda allait rouvrir la question d'Égypte». Книга Думика — образец националистической публицистики во Франции. В том же духе написаны книги *Paul'я Nourisson'a* «Le Club des jacobins sous la troisième

république. Études sur la Franc-Maçonnerie contemporaine» и «Les jacobins au pouvoir. Nouvelles études sur la Franc-Maçonnerie contemporaine», с. IX; ср. с. 293 и след., где эта мысль доказывается: по представлению автора, это была махинация, рассчитанная чуть не на европейскую войну, от которой выиграла бы одна Англия, с. 306.

- 167, 185, 196. Буланжизм, «панاما» и дело Дрейфуса сильно отвлекали внимание французов от других политических вопросов, что отмечает, например, Hanotaux в своей книге «Le partage de l'Afrique, Fachoda» (1909). «Quel poids à soulever que celui des affaires de Tunisie, d'Inde-Chine, de Madagascar, du Congo, de la Nigéria, de la Côte d'Ivoire, de l'Egypte, des Nouvelles Hébrides, de la Guyane, tandis que l'opinion publique ne se passionnait que pour l'aventure boulangiste et l'affaire du Panama», с. 72. «En France, les esprits, passionnés pour l'affaire Dreyfus étaient ailleurs. C'est à peine si Popinion devinait les soucis du gouvernement au sujet de l'Afrique», с. 121.
- 175, прим. *M-gr Baunard*. Vie du cardinal Lavigerie.
- 178, прим. 1. *Guesde J. B., Lafargue*. Le programme du parti ouvrier, son histoire, ses considérants, ses articles (1883).
- 204, прим. Duca di Gualtieri. L'evoluzione democratica delle istituzioni inglesi (1899).
- 205, прим. 2. *Sibert M*. Étude sur le premier ministre en Angleterre (1909).
- 205–206. *Kellner L*. Die englische Literatur im Zeitalter der Königin Viktoria (1909).
- 216–217. История внешней политики Англии с министерства Гладстона в начале восьмидесятых годов изложена в книге Е. Lémonop'a, названной выше.
- 237, прим. 2. «Что касается, — говорит один из русских молодых государствоведов, — понятий, которые господствуют среди английского общества, то можно сказать, что оно уже пережило всякие понятия о самодержавном парламенте и самодержавных представителях. Народное самосознание признаёт лишь самодержавие народа. Избиратели отдельных округов смотрят на избранных ими членов парламента, как на своих собственных представителей. С другой стороны, сами члены английского парламента точно так же смотрят на себя, как на представителей отдельных избирательных собраний, или округов». Таким образом, можно сказать, что современная политическая и парламентская жизнь Англии уже не признаёт прежних «представителей всего народа»; она признаёт лишь представителей отдельных избирательных округов. И представитель каждого округа избирается под условием проводить политическую программу, одобренную большинством избирателей». *Тихтачев Е*. От представительства к народовластию (1907), с. 125. Автор в этом справедливо видит результат вступления в жизнь мелкобуржуазной и рабочей демократии, с. 79 и след. Отсюда все чаще раздающиеся требования замены палаты лордов народным голосованием. О том, что в Англии нет референдума, недавно высказывал сожаление сам Чемберлен.
- 242, прим. *Гирке О*. Рудольф Гнейст (1900); «Englische Verfassungsgeschichte» Гнейста (1882) имеется в рус. пер. под ред. С. А. Венгерова (История государственных учреждений Англии, 1885). О Гнейсте у нас писали М. М. Ковалевский (Английская конституция и ее источник, 1880) и А. Назимов (Теория конституционализма и самоуправления Р. Гнейста, 1881).
- 250, 1 св. Сочинения Гайндмана: The historical basis of the socialism in England (1883); The social reconstruction of England; Economics of socialism (1896); Summary of the principles of socialism (в сотрудничестве с Morris'ом).
- 254, 1 св. *Тарле Е*. Лорд Арчибалд Розберри и современное состояние либеральной партии в Англии (в «Мире Божьем» за 1903 г.).
- 257, прим. 1. В XXIV, а не XXV.

276. Брошюра Brachet «Al misogallo signor Crispi» (1882).
- 283, прим. *Comte le Roquigny*. Le proléariat rural en Italie. Liges et grèves des paysans (1904).
- 285, 12 сн. *d'Amaro G.* L'ordinanza d'urgenza (1907).
- 287, прим. 4. *Ferri E.* Die revolutionäre Methode (во введении статья «Die Entwicklung der Theorien im modernen Sozialismus Italiens»); *Michels*. Il proletariato e la borghesia nel movimento socialista italiano (1908).
- 291, прим. Уже после того, как были написаны обе главы этого тома (XI и XIX) об Австро-Венгрии, я познакомился с книгой Е. Beneš'a «Le problème autrichien et la question tchèque» с подзаголовком: «Étude sur les luttes politiques des nationalités slaves en Autriche» (1908), конец которой (начиная со с. 233) посвящен времени после 1867 г.; *Popovici A.C.* Die Vereinigten Staaten Gross-Österreichs. Politische Studien zur Lösung der nationalen Fragen und staatsrechtlichen Krisen in Österreich-Ungarn (1906); *Водовозов В.* Политические партии Австрии («Русское богатство», 1898).
- 292, 7–9 сн. *Mailáth*. La Hongrie rurale, sociale et politique. Еще более обстоятельные сведения о социальных отношениях в Венгрии даются в вышедшей позднее (1909) книге *Gabriel Louis-Joray* «La question sociale et le socialisme en Hongrie», первые две главы которой (с. 13–94) посвящены изображению положения сельского и городского пролетариата.
- 295, 16 св. *В.Д.* Три года правления гр. Таафе («Вестник Европы» за 1882 г.).
- 303, 17 сн. *Toužimski*. Windischgrätzovo koaliční ministerstvo. Historicko-politický rozhled (в журнале «Osveta» за 1895 г.).
- 305 и след. *Toužimski*. Ministerstvo Badeniovo (в журнале «Osvěta» за 1895 г.).
- 305–307 и 317–318. «Чтобы иметь возможность судить о соотношении сил в рейхсрате при всеобщем избирательном праве», Р. Шпрингер делает следующие соображения: «В 1890 г. немцы насчитывали 8,46 млн человек, чехи — 5,47, поляки — 3,72, русины — 3,1, словенцы — 1,18, сербохорваты — 0,64, итальянцы — 0,67 и румыны — 0,21. Союз всех славян против немцев насчитывал бы 14,1 млн против 9,3 млн немцев, итальянцев и румын... Но немцы и итальянцы уплачивают вместе более половины налогов; их экономическое и политическое положение компенсирует большую численную величину славян. К тому же 3,1 млн русинов, которых никогда не притесняли немцы, а всегда поляки, являются безусловными союзниками немцев. Таким образом, за панславизм стоят 11 млн, против него 12,4 млн... Отсюда следует, что даже при невыгодном для немцев всеобщем, равном и прямом избирательном праве панславистское большинство было бы невозможно, а скорее образовалось бы большинство из немцев, итальянцев, румынов и русинов под естественной гегемонией немцев». Национальная проблема (1909), с. 264.
- 308, 6–7 сн. *Пекарь И.* Чехи — апостолы варварства (1901).
- 314, 8 сн. В 1909 г. вышла в свет книжка (VIII + 96 с.) *Fournier A.* Wie wir zu Bosnien kamen, где начало вопроса об аннексии Боснии и Герцеговины отнесено еще к 1856 г., когда об этом был составлен мемуар Радецким. В статье Dopsch'a, в венской «Die Zeit» (от 18 мая 1909 г.) рассказывается о подобном плане еще 1688 года.
- 325, прим. 2. *В.Д.* Чехи и чешское движение («Русская мысль» за 1880); *Bourlier J.* Les téléques et la Bohême contemporaine (1897).
- 330, прим. 4. А. Погодин. Главные течения польской политической мысли в 1863–1907 годах, первая половина главы VII (Автономия Галиции и автономия Царства Польского).

- 332—333, прим. 4. О теории органического труда см. еще: *Погодин А.* Главные течения польской политической мысли в 1863—1907 г., с. 72 и след., 104 и след.
- 333, 5—7 сн. О «станьчиках» см. также в книге проф. А. Л. Погодина «Главные течения польской политической мысли», с. 91 и след. Между прочим, автор берет их под свою защиту: «Галицкие поляки, — говорит он, — только что укрепили добрые отношения с правительством в лице императора Франца-Иосифа; автономные учреждения были введены в Галиции совсем недавно, и целый ряд важнейших уступок национальным требованиям, вроде введения польского языка в судопроизводстве и преподавании, быть основан не на законах, а на правительственных распоряжениях. Один опрометчивый шаг мог привести к пропасти, в которую рухнули бы все завоевания», с. 96.
- 325, *Adamek K.* Jindy a nyní. Uvahu o vídeňských punktacích (1890); *Idem.* Původ vídeňských úmluv o navrácení se Němcův do sněmu království českého; *Idem.* Obrana českého školství (1883).
- 335, прим. 3. М. П. Драгоманову принадлежит ряд статей о Галиции: «Русские в Галиции» и «Литературное движение в Галиции» («Вестник Европы» за 1873 г.), «Литературно-общественное движение в Галиции» (в «Деле» за 1882 г.) и др. Предпринято издание его сочинений.
- 336, *Schwechler K.* Die oesterreichische Sozialdemokratie (1908).
- 339—341, прим. *Lucius Lector.* Le conclave (1894); *Hoensbroech Gr. von.* Moderner Staat und Kirche (1909).
- 341, прим. 1. *Скарятин.* Римская церковь и Церковная область при папе Пие IX (1875).
- 342, 19 св. *Keller E.* Le syllabus de Pie IX et de Pie X et les principes de 1789 (1909).
- 343, прим. 1. *Friedrich J.* Geschichte des vatikanischen Konzils (1877); *Grandérath T.* Histoire du concile du Vatican (1908; в иезуит. духе).
- 357, 11 сн. *Martin W.* La situation du catholicisme à Genève, 1815—1907 (1909).
- 364, 2 св. *Mun A. de.* Ma vocation sociale. Souvenirs de la fondation de l'oeuvre des cercles catholiques d'ouvriers, 1871—1875 (1909).
- 366, 18 сн. *Turmann M.* Le développement du catholicisme social. Depuis l'Encyclique «Rerum novarum» (1909; второе изд.).
- 376, 2—4 сн. Во втором издании книги проф. Пискорского есть большие дополнения, касающиеся Новейшей истории Испании и Португалии.
- 381, прим. 3. *Orban O.* Le droit constitutionnel de la Belgique (1906—1909); *Фланден Э.* Политические учреждения: Англия и Бельгия (1906).
- 395, прим. 1. Нидерландская конституция в том виде, в каком она существует после пересмотра 1886—87 гг., у Гессена и Нольде, т. I, с. 278—319. Ср.: *Hartog.* Das Staatsrecht des Königreichs Niederlande (1886; в коллекции Marquardsen'a).
- 416, прим. *Müller F.* Eine rein demokratische Republik. Der Kanton Zürich (1908). — *Schöllenger J.* Das schweizerische öffentliche Recht (1909).
- 424, прим. 5. *Büscher G.* Ein Wort an die Sozialisten und solche die es werden wollen (1909; резкая критика марксизма со стороны швейцарского радикального социал-политика).
- 426—427, прим. *Gauderlier E.* L'évolution économique du XIX siècle (1903); *Шульце-Геверниц.* Крупное производство (1897); *Шенберг Г.* Положение труда в промышленности (1896); *Кеннингэм В.* Современная цивилизация в некоторых ее экономических проявлениях (1899); *Vandervelde E.* Le collectivisme et l'évolution industrielle; *Blondel.* Essor économique du peuple allemand; Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im XIX Jahrh. Gustav Schmoller zur siebenzigsten Wilderkehr seines Geburtstages (1908); *Gruber Chr.* Deutsches Wirtschaftsleben auf geographischer Grundlage geschildert. Mit 4 Karten (1902; входит в состав

- коллекции «Aus Natur und Geistesleben»); *Croner*. Geschichte der agrarischen Bewegung in Deutschland; *Вильямс*. Торжество германской промышленности (1897); *Блондель Ж.* Торгово-промышленный подъем Германии (1900 г.; есть и др. перевод 1899 г.); *Boehme K.* Dreissig Jahre deutscher Schutzpolitik (1909); *Билимович А.* Германское землеустроительное законодательство. Т. I. Раздел общинных земель (1908); *Парвус*. Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис (1898); *Шлосс*. Формы заработной платы (1900); *Hobson*. The problem of the unemployed (1896); *Bowley*. Changes in average wages in the United Kingdom between 1860 and 1891 (в 48 т. «Journal of the Royal Statistical Society»); *Brouilhet, Julliet et de Sainte-Kroix*. Études sur les populations rurales de l'Allemagne (1898); *Kuczynski*. Die Entwicklung der gewerblichen Löhne seit der Begründung des Deutschen Reichs (1909); *Leroy-Beaulieu P.* Essai sur la répartition des richesses et la tendance à une moindre inégalité des conditions (1897); *Levasseur E.* Salariat et salaires (1900); *Bry G.* Histoire industrielle et économique de l'Angleterre depuis les origines jusqu'à nos jours (1900). В только что вышедшей книге Е. Лémonon'a «L'Europe et la politique britannique» целая глава VII (с. 241–268) посвящена экономическому соперничеству между Англией и Германией.
- 432, прим. 3. *Aftalion A.* Essai d'une théorie des crises générales et périodiques (1909).
- 440–442, *Булакаев С.* Капитализм и земледелие (1900), т. II, с. 182 и след. (об аграрном кризисе во Франции).
- 445, прим. 1. *Brinkmann Fr.* Die Grundlagen der englischen Landwirtschaft und die Entwicklung ihrer Produktion seit dem Auftreten der internationalen Konkurrenz (1909).
- 475, прим. 1. *Bambaud J.* Histoire des idées économiques (1902); *Chide Ch., Rist Ch.* Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours.
- 476, прим. 4. О катедер-социалистах см. последнюю (VII) главу в книге проф. А. Н. Миклашевского «История политической экономии», с. 559 и след. Автор указывает на зависимость немецких «социал-политиков» от английских идей и отношений, хотя бы и не исключительную (с. 560–561).
- 480, прим. 5. *Lifschitz*. Zur Kritik der Boem-Bawerkschen Werttheorie (1908).
- 482–484, прим. J. Stammhammer, составитель «Bibliographie des Sozialismus und Kommunismus», в 1909 г. издал III том (Nachträge und Ergänzungen bis Ende des J. 1908). Le socialisme à l'étranger (1909; сборник статей разных авторов с предисловием А. Leroy-Beaulieu и с послесловием J. Bourdeau); *Villiers B.* The socialist movement in England (1908); *Morris W., Bax E.B.* Socialism, its growth and outcome (1909); *Deutsch J.* Geschichte der oesterreichischen Gewerkschaftsbewegung. Die sozialistische Gewerkschaften von ihren Anfängen bis zur Gegenwart (1908); *Helms E.* Die sozialdemokratische und gewerkschaftliche Bewegung in Dänemark; *Müller H.* Der Klassenkampf in der deutschen Sozialdemokratie (1892); *Berghoff-Ising*. Die sozialistische Arbeiterbewegung in der Schweiz (1895); *Louis-Joray Gr.* La question sociale et le socialisme en Hongrie (1909); *Warschauer O.* Zur Entwicklungsgeschichte des Sozialismus (1909); *Мужеев П.* Английские рабочие союзы, как союзы взаимопомощи; Профсоюзные союзы во Франции (Сборник статей Гриффюэля, Дельзала, Лагарделя, Латапи и Пуже).
- 484, 20 св. *Seilhac L. de*. Syndicate ouvriers, fédérations, bourses de travail; *Renard G.* Syndicate, trade-unions et corporations (1909).
- 484, 1–9 св. *Frankenstein K.* Der Arbeiterschutz, seine Theorie und Politik (1896); *Borghi R. van der*. Grundzüge der Sozialpolitik (1904); *Zacher G.* Die Arbeiterversicherung im Auslande (1898–1909; пять томов с текстами соответствующих законов); *Boilley P.* La législation Internationale du travail; *Zwiedinek-Süden-*

- horst O. von. Arbeiterschutz und Arbeiterversicherung (1905); *Schmoller*. Zur Sozial- und Gewerbepolitik der Gegenwart; *Bornhak C.* Die deutsche Sozialgesetzgebung systematisch dargestellte (1900); *Ferrette H.* Manuel de législation industrielle avec le texte des lois ouvrières (1909); *Baragiana G.* La legislazione del lavoro in Italia (1909).
500. *Bebel A.* Die Sozialdemokratie im deutschen Reichstage.
- 501–502. Основные вопросы программы и тактики на съездах германской социал-демократии. В. I. Программа партии. Речи и дебаты на съездах в Галле в 1890 г. и в Эрфурте в 1891 г. под ред. В. Волгина (1907).
- 507, 3 сн. *Каутский К.* К критике теории и практики марксизма. Анти-Бернштейн (1905); *Он же*. Торговая политика и рабочий класс (1906; брош.); *Он же*. Обнищание и крушение. Новая фаза ревизионизма (1908).
- 512, 2–3 сн. *Сталинский Е.* Эволюция французского синдикализма («Русское богатство», 1909); *Prezzolini G.* La teoria sindacalista (1909).
- 519, 7–9 сн. *Озеров И.* Гроза из Америки. Итоги экономического развития XIX в., с. 42 и след. Свой вывод он формулирует так: «XIX век принес нам супрематию Англии... В сумерках исхода XIX в. меркнет промышленная слава Англии; она передает свой трон Америке», с. 76.
- 520, 11–13 сн. О сближении Англии с Францией и Россией в начале XX в. см. гл. IX и X книги *E. Lémonon's* «L'Europe et la politique britannique» (1910).
546. *Borart E. L.* The economic history of the United States (1908); *Озеров Л.* Америка идет на Европу (1903).
- 549–550, прим. *Гиляров А.* Предсмертные мысли XIX в. во Франции. Очерк миропонимания современной Франции по ее крупнейшим литературным произведениям (1901).
- 564, 2–5 сн. *Лесевич В. В.* Эмпириокритицизм, как единственная научная точка зрения (1909).
- 564–565. *Ильин Вл.* Материализм и эмпириокритицизм (1909).
- 568, 12–13 и 18 сн. *Paulsen.* Philosophia militans. Gegen Klerikalismus und Naturalismus (1901).
- 569, прим. 2. *Adikes.* Kant contra Haeckel (1901).
- 586, 1 сн. Автор названной статьи — Franz Brentano.
- 591, 11 св. Об отношении Ницше к Максy Штирнеру см. книгу, указанную в первой части.
- 591, прим. 4. *Файгингер.* Ницше, как философ (1903).
- 599–600. *Wiese L. v.* Zur Grundlegung der Gesellschaftslehre. Eine kritische Untersuchung von Herbert Spencers System der synthetischen Philosophie (1906).
- 609, 5 св. Новейшие социалисты, в отличие от утопистов, не занимаются предсказаниями относительно будущих форм социального строя, и из социал-демократов лишь один Бебель в своей книге «Женщина и социализм» (1884) отступил от этого общего правила. Тем не менее и в конце XIX в. появлялись и имели успех, но успех больше чисто литературный, некоторые утопические картины будущего, каковы особенно книги Bellamy «Looking backward, 2000–1887» (выдержала массу изданий в Америке и Англии и переводов на разные языки; рус. пер. под заглавием «Грядущий век» 1891), Hetzka «Das Freiland» (*Кирхенгейм А.* Вечная утопия. С приложением статьи «Страна свободы Т. Герцка» из книги Ф. Клейнвехтера «Государственные романы», 1902) и *Morris W.* News from Nowher (рус. пер.: «Вести ниоткуда. Утопия»; ср.: *Аничков Е. В.* Вильям Моррис и его утопический роман; в сборнике «Литературное дело», 1902; о Моррисе см. еще статью в книге Н. Е. Кудрина «Социалисты Запада и России»). Из возражений на социалистические утопии осо-

бенно известны «Социал-демократические картины будущего» Евгения Рихтера. Ср. еще: *Гобсон А.* Джон Рескин, как социальный реформатор (1899); *Янжул И.* В поисках лучшего будущего (1908; изд. 2-е).

611, 18 св. *Спенсер Г.* Грядущее рабство (1884).

615, прим. 3. *Вейзенгерю П.* Конец марксизма (1901).

Содержание

Вместо предисловия ко второй части VI тома	5
Конец XIX века	13
XIII. Международные комбинации после Берлинского конгресса	15
XIV. Колониальные предприятия европейских держав в конце XIX в.	36
XV. Германия времен «социальной политики»	69
XVI. Франция после победы республиканской партии	129
XVII. Эпоха завершения демократического переустройства Англии и борьбы за ирландский гомруль	192
XVIII. Внутренняя политика Италии в конце XIX в.	243
XIX. Обострение борьбы национальностей в Австро-Венгрии за два последних десятилетия XIX в.	268
XX. Папство и католицизм в последней трети XIX в.	309
XXI. Второстепенные государства Западной Европы в последней трети XIX в.	337
Общие обзоры	385
XXII. Экономическая эволюция Западной Европы в последние десятилетия XIX в.	387
XXIII. Рабочее движение и социализм в конце XIX в.	434
XXIV. Мировая политика в конце XIX в.	465
XXV. Общий взгляд на умственные течения конца XIX в.	492
Приложение	548